

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

В. Н. Орлов (главный редактор)

*И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров, В. М. Жирмунский,
Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-Заде,
И. Г. Ямпольский (зам. главного редактора)*

Большая серия
Второе издание

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

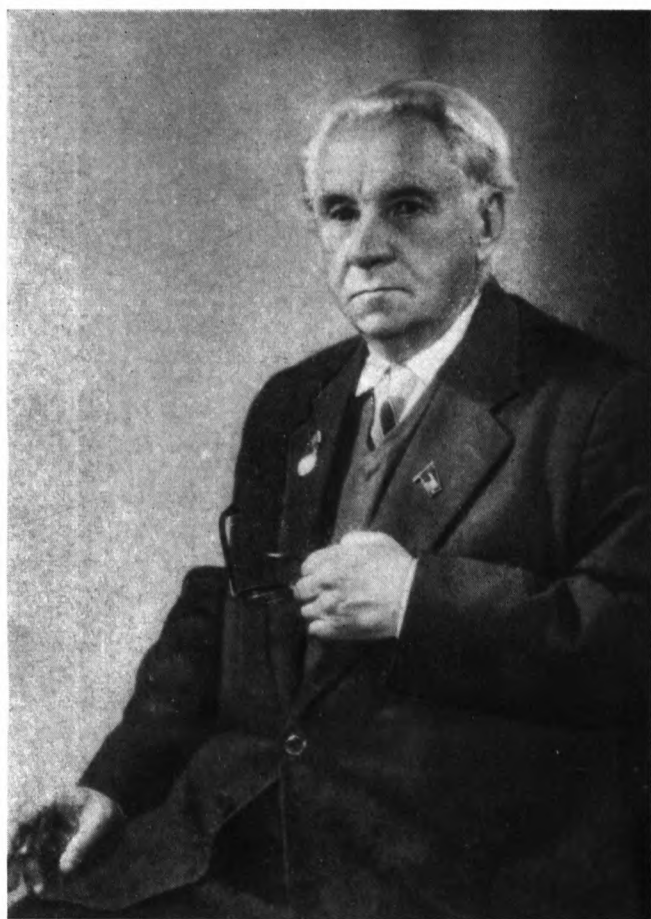
МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

*Вступительная статья,
составление и примечания
С. А. Крыжановского*

Редакция переводов Н. Н. Ушакова

Виртуозная техника и мелодичность стиха, разнообразие жанров, широкий тематический диапазон и философская окраска лирики отличают творчество прославленного мастера украинской советской поэзии Максима Рыльского (1895—1964). В книгу избранных произведений поэта вошло все самое значительное из его обширного стихотворного наследия. Многие стихотворения Рыльского, включенные в это издание, на русском языке звучат впервые.

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ

Свыше полувека отделяет первую книгу стихов Рыльского «На белых островах» (1910) от последней — «Зимние записи» (1964). За это время произошло множество событий. Под влиянием социалистической революции менялся облик страны и народа, менялись отношения людей, течение и ритм жизни. Огромные изменения произошли в самом человеке, в его идеологии, психике, в его эстетических запросах и художественных интересах.

Литературная деятельность Рыльского началась еще до Октября, но поэт с полным основанием может быть назван певцом Советской Украины, всей Страны Советов, так как эпоха социалистической революции определила его лицо, а он в какой-то мере своим поэтическим и научным творчеством определял свою эпоху.

На творческом пути Рыльского встретилось немало сложных, а подчас и драматических обстоятельств. Вместе с тем это был путь поразительного духовного обновления и расцвета. Певец «лесных идиллий», каким Рыльский выступил на заре своего творчества, со временем превратился в поэта-трибуна, в выразителя идей социалистического гуманизма. Художественное наследие Максима Рыльского — это лирическая повесть о человеке, который пришел к коммунизму, упорно преодолевая все социальные, национальные, литературно-эстетические предрассудки и заблуждения старого мира и стремясь к новой правде и новой красоте. Этой новой правдой и красотой была правда и красота рабочего класса, взрывающего старый мир нужды и угнетения, завоевывающего и строящего новый мир труда, равенства, братства, свободы.

Максим Фаддеевич Рыльский родился 19 марта 1895 года в семье известного украинского ученого-этнографа Фаддея Розеславовича Рыльского в Киеве.¹ Его детские и юношеские годы прошли в селе Романовке Киевской губернии и в самом Киеве. Сын либерального помещика и простой крестьянки, он унаследовал те жизненные традиции и взгляды, которые были характерны для мелкопоместной дворянской среды того времени, и наряду с ними — представления и обычаи крестьянства, с которым он был связан не только по линии кровного родства, но и обстоятельствами жизни. Крестьянские дети были первыми учителями Рыльского в практической жизни, в мире труда и природы. Впечатления детства, сложившегося счастливо, настраивали на идиллический лад, но от будущего поэта все же не укрылись картины бедности и бесправия трудящегося люда. «Нищету тогдашнего села и его темноту, — пишет Рыльский в автобиографии, — я видел, я знал, я понимал. . . Однако это как-то проходило мимо меня, и только много позже воспоминания обо всех этих вещах помогли формированию моего мировоззрения и принятию всем сердцем, не только умом, Великой Октябрьской революции».

И действительно, Рыльский, ученик одной из киевских гимназий, затем студент историко-филологического факультета Киевского университета, человек, далекий от революционных кругов, испытывавший на себе влияния декадентского искусства, по-своему пришел к мысли о справедливости Великой Октябрьской социалистической революции; пришел, конечно, не сразу — в результате напряженных размышлений над сложными перипетиями революции и гражданской войны на Украине. В этой связи весьма выразителен, например, тот факт, что именно братья Рыльские после революции превратили свой дом в Романовке в школу, и сами же стали в ней учить крестьянских детей, то есть влились в ряды трудовой интеллигенции.

С 1919 до 1929 года Рыльский учительствует, сначала в селах Киевской области, а затем и в самом Киеве. И если в своем творчестве он некоторое время стоял на аполитичных, расплывчатых позициях абстрактного гуманизма, то ни в коем случае нельзя истолковывать их как проявление враждебности к новому строю и новому мировоззрению тех, «кто был ничем, а стал всем». Однако эти позиции в условиях коренной ломки всего жизненного уклада, всех чувств, привычек, представлений скоро должны были обнаружить свою не-

---

¹ Подробные данные о детстве и юности поэта см. в «Автобиографии», с. 32—45 наст. издания.

состоятельность. Для Рыльского, как и для многих других представителей демократической интеллигенции Украины, началась трудная пора идейного перевоспитания и перевооружения, период вживания в новую, революционную действительность. Как протекал этот процесс, лучше всего проследить по стихам; ведь Рыльский, как и Маяковский, мог бы сказать: «Я поэт. Этим и интересен».

Поэтическое творчество Рыльского дооктябрьского периода собрано в книгах «На белых островах» (1910), «Под осенними звездами» (1918)¹ и в отдельно изданной поэме-идиллии «На опушке» (1918). Первая книга, книга пятнадцатилетнего автора, носит на себе явные следы ученичества и подражаний; главными здесь были влияния украинского модернизма, русского символизма и акмеизма. Все же, сквозь напластования чужих влияний, уже тогда был виден талантливый поэт с исключительным чувством ритма, мелодии, с еще неясными гуманистическими порывами, с присущим романтикам разочарованием в жизни, мотивами мировой скорби, желанием оставить эту грешную землю и улететь туда, в неземные выси, на «белые острова». Здесь еще было много книжных влияний и своеобразного, по удачному выражению А. И. Белецкого, «возрастного романтизма». Иногда несвойственную ему позу «разочарованного странника» чувствует и юный поэт, говоря: «Почему я должен грустить, я молод, и я жить желаю».

Внимательно вчитываясь в эти стихи, можно увидеть в них зачатки будущего Рыльского — поэта мысли и чувства. В нем уже тогда, пусть неотчетливо, говорило критическое отношение к несовершенствам социального строя. Среди той части украинской интеллигенции, к которой принадлежал Рыльский, были крепки традиции народолюбия, уважения к простому народу, к его труду, песне и музыке. Вот почему в книге «На белых островах» среди стихов о природе и выдуманной любви звучат ноты сочувствия тяжелой доле крестьян. Так, в «Песне», посвященной композитору Н. В. Лысенко, поэт восклицает:

Посмотри: жнецы склонились,
Притомились,
На работе этой тяжелой
Не ленились.
Пой для них! Ведь песня эта
Горе снимет. . .

---

¹ Украинские названия всех упоминаемых здесь сборников М. Рыльского приведены во вступительной заметке к примечаниям, с. 623—624.

Именно потому, что Рыльский был талантливым поэтом, в его первой, полудетской книге все же различимы приметы почерка будущего певца природы («Журавлиная песня»), будущего мастера медитативной, философской лирики («Путь»), будущего автора гражданских стихов («Братья, в струны золотые. . .», «Борец»).

Между первой и второй книгой «Под осенними звездами» — восемь лет. За эти годы поэт вырос, разнообразнее стали мотивы, усовершенствовалась техника. Рыльский выступает недюжинным мастером лирической миниатюры, умеющим пластично и красочно передать увиденное, лаконично выразить мысль, настроение. Особенно полюбили ему классическая октава и такие строгие формы лирики, как сонет и рондо. В творческом почерке Рыльского уже чувствуется известная самостоятельность, хотя он еще не освободился от влияния различных литературных школ, а среди источников его вдохновения книга занимает главное место.

В лучших своих стихах поэт стремится к ясности, четкости и прозрачности стиля. В его зарисовках преобладают романтические видения дальних стран или природы родной страны. Его лирика создает образ человека, отрешенного от грандиозных событий современности, склонного к эпикуреизму, к безмятежному созерцанию красот природы:

Цветы, и небо голубое,
И взгляд твой, ясный и родной. . .
Всё видел я перед собою,
Но позабыл — в стране какой.

(«Уж помидоры покраснели. . .»)

Или даже такое крайнее выражение философии покоя и отчужденности от людей и мира:

Стакан прозрачнее кристалла,
И красное пьянит вино. . .
Шуршать листва не перестала:
«Всему забвенью суждено. . .»

(«Красное вино»)

Надо иметь в виду, что в эти годы поэт, не имевший устойчивых контактов с читателями, вынужден был писать «для себя». С самого начала первой мировой войны украинская печать в России была запрещена. Рыльскому удалось кое-что напечатать в 1911—1914 годах в журналах «Украинская хата», «Литературно-научный вестник», «Сияние» («Українська хата», «Літературно-науковий віс-

ник», «Сяйво»), потом — три года безмолвия, и только после Февральской революции 1917 года его стихи начали появляться в журнале «Путь» («Шлях»), в возобновленном «Литературно-научном вестнике». Вот почему впоследствии под стихами этих лет возникла довольно неопределенная дата, ничего не говорящая об эволюции поэта: 1911—1918, то есть от первой до второй книги. Однако эволюция безусловно совершалась под влиянием войны и естественного расширения круга впечатлений.

В сборнике «Под осенними звездами» было 150 стихотворений, очень разнородных по темам, мотивам, настроениям, и потому Рыльский, переиздавая позже, уже в советское время, эту книгу (1918 год на Украине был годом немецкой оккупации), произвел основательную чистку, оставив в ней только половину стихотворений и предварив ее предисловием, в котором писал: «Конечно, мировоззрение «Осенних звезд» (название откровенно заимствовано у Гамсуна) отличается от моего нынешнего ощущения окружающих явлений».¹

Каким же мироощущением пронизаны весьма живописные и певучие стихи книги «Под осенними звездами»? У поэта всегда было чувство вечно изменяющейся жизни, но отношение к этой жизни близко к эпикурейскому: наслаждение природой, охотой, любовью, искусством:

Когда убьют всё лучшее заботы
Житейские, и не найти следов
Прошедшего, и больше нет охоты
Идти ни из-под крова, ни под кров,

Тогда, искусство, мой оплот — одно ты:
В живой красе новооткрытых слов,
В звучанье музыки, земные ноты
Преображающей в небесный зов,

И в малой, взор ласкающей картине,
Безмерно большей, чем бескрайний свет!
Тебе, искусство, и твоей святыне
Благоговеиный шлю поклон-привет.

(«Когда убьют всё лучшее заботы...»)

Но вот грянула революция. К ее приходу поэт, как уже говорилось, не был подготовлен. Его состояние, видимо, походило на

---

¹ М. Рильський, Під осінніми зорями, Київ, 1926, с. 5.

растерянность перед событиями, следствием чего явилось желание до поры до времени остаться в стороне от общественной борьбы, замкнуться в мире искусства и природы. Не случайно в полемических строках поэмы «На опушке», написанной между февралем и октябрём 1917 года, говорится:

Пускай себе премудрый фарисей
Его зовет — «поэтом без идей». ¹

Что же оставляет себе поэт в мире, уже стоящем на пороге Октября? Какие ценности, какую исходную позицию для творчества?

Софокл и Гамсун, Эдгар По и Гете,
Толстой глубокий и Гюго литой,
Петраркины точеные сонеты
И Достоевский, грешный и святой,
И книги все, земные все поэты
Сродни ему, душе его живой. . .

Однако значение этих литературных деклараций не сводится к стремлению отгородиться от живой современности. Говоря об опытах молодого Рыльского, следует указать на одну примечательную особенность их, которая сохранилась и на последующих этапах литературного пути поэта и которая в значительной мере определила его облик как художника. Уже в ранних стихах Рыльского обращает на себя внимание обилие литературных отражений, реминисценций шедевров мирового искусства. Его творческое вдохновение загоралось от общения с литературными памятниками прошлого. Сошлемся хотя бы на эти стихи:

За окнами на улице дремотной
Поет шарманка на старинный лад, —
А Джемма улыбается и смотрит
На то, как Санин продает оршад.

Улыбки. Шепот. Ощущенье счастья,
Любовь, которая уже близка.
И солнца луч, как светлый соучастник,
Касается цветов и потолка.

(«Джемма»)

Героев повести Тургенева «Вешние воды» Рыльский как бы заново воскрешает в своем стихотворении, но дает им новое, ли-

---

¹ Перевод стихов из этой поэмы — автора статьи. — *Ред.*

рическое бытие, то есть переводит ситуацию этого произведения в свой духовный мир. Надо ли доказывать, что термины «подражание», «заимствование» здесь неуместны? Перед читателем не мертвое и не сухое «отражение», а интенсивное лирическое переживание уже созданных художественных ценностей, переживание, которое из материалов этих ценностей — сюжетов, образов, мотивов, картин — создает нечто новое.

Понятно, что для писателя с такими художественными устремлениями непосредственное отражение современной действительности представлялось задачей чрезвычайно сложной и трудной. Тем более велика заслуга поэта, что он в результате напряженной работы сумел развить в себе способность находить замечательные материалы и краски для своей поэзии в гуще новой жизни, рожденной Октябрем.

Следующая книга стихов «Синяя даль», вышедшая в 1922 году, свидетельствовала о том, как упорно держится старое в новом. Разрыв поэзии Рыльского с революционной действительностью и здесь был ощутимым. За окнами гремели выстрелы, шла гражданская война, лилась кровь. Рабочие и крестьяне, идя в бой с угнетателями, пели песни, сложенные поэтами революционного народа, а Рыльский все еще пребывал в камерном мире искусства. Уже его соратники по оружию — Тычина, Сосюра, Эллан — пели о красных звездах, о гигантском плуге, перепахивающем землю, об очистительном ветре революции, о том, как идет красная зима с лозунгом «вперед, за власть Советов», а Рыльский все еще уходил в романтическую «синюю даль» или обращался к далекой античности. В «Синей дали» наиболее отчетливо проявился так называемый «неоклассицизм» поэта.

В те времена политические страсти проникли во все сферы жизни, тогда все переводилось на язык политики. Даже цвет: синяя даль и красная зима¹ — это были два символа, противоположные и в эстетическом и в политическом отношении. Вот почему Рыльский со своим аполитизмом и «неоклассицизмом» легко мог быть причислен к враждебному лагерю. Подобная позиция в известной мере устраивала и украинских буржуазных националистов; недаром эти «парнасцы», вчерашние символисты и эстеты, а в первые послеоктябрьские годы «внутренние эмигранты» — хотели видеть Рыльского «своим». Но они ошиблись.

---

¹ «Красная зима» — название первой книги стихов В. Сосюры, вышедшей в 1921 г.

Литературная ситуация на Украине в 20-е годы была крайне сложной, напряженной и противоречивой. В 1922—1923 годах здесь появилось несколько литературных организаций, таких, как «Гарт» («Закал», пролетарские писатели), «Плуг» (крестьянские писатели), «Аспанфут» (ассоциация панфутуристов). Решительней проявили себя и «неоклассики». Воскрешение классических форм искусства и классических стилей, ориентация на западноевропейскую культуру, погружение в мир патриархальной старины — таково в немногих словах направление художественных исканий «неоклассиков». Уязвимость и ограниченность их литературной программы совершенно ясна, поскольку она уведила искусство от широких и прямых контактов с современностью, отвлекала его от злободневных политических проблем. Именно это и было причиной симпатий к «неоклассикам» буржуазно-националистической интеллигенции, а когда в 1925 году возникла ВАПЛИТЕ,¹ то они были поддержаны и группой М. Хвылевого, выступившего против национальной политики большевистской партии.

Однако подобные заявления и одобрения не дают оснований усматривать в творчестве «неоклассиков» какую-либо контрабанду враждебной социализму идеологии — обвинение, которое было им предъявлено вульгарно-социологической критикой 20—30-х годов. Между тем в деятельности «неоклассиков» следует различать и свои положительные стороны, в частности: решительную защиту классического наследия и активную полемику с левацкими установками ликвидаторов искусства — лефовцев и пролеткультовцев, призыв к овладению богатствами мировой художественной культуры.

Вот что говорил незадолго до смерти о «неоклассиках» сам Рыльский: «Надо прямо сказать, что довольно невыразительный термин «неоклассики» был приложен случайно и очень условно к небольшой группе поэтов и литературоведов, группировавшихся сначала вокруг журнала «Книгарь» (1918—1920), а позже — вокруг издательства «Слово». Хотя и пишется в наших справочных изданиях, будто украинские «неоклассики» провозгласили культ «чистого искусства», заявляю с полной ответственностью, что никто из участников группы нигде и никогда такого лозунга не поднимал. . . В теоретических постулатах «неоклассиков» было действительно много спорного, а то и неправильного, — но об этом можно бы говорить только тогда, когда читателям было бы известно наследие этой группы. Но апологетами «чистой красоты», «искусства для искусства» и тому подобных несуразностей «неоклассики» себя никак не считали и не провозгла-

---

¹ Вільна академія пролетарської літератури.

шали. Эстетической платформой, которая их объединяла, была любовь к слову, к строгой форме, к великому наследию мировой литературы. Украинский неоклассицизм был в значительной мере выражением борьбы против панфутуристов, деструкторов и других представителей того искусства, которое так бесосновательно декларировало себя как «левое». . .»¹

Что же касается Рыльского, то была в его гражданском и нравственном облике одна черта, резко отделявшая его и от лагеря внутренних эмигрантов, и от приспособленцев, — это предельная честность, желание быть «не бумажным — живым поэтом». Эта позиция Рыльского была характерна для многих поэтов, испытавших на себе влияние декадентской эстетики (Вера Инбер, Галактион Табидзе, Мухтар Ауэзов), которые, как и Рыльский, медленно, но верно шли к новым идейно-творческим позициям и только к началу 30-х годов твердо стали на почву социалистического реализма.

2

1923 год — год заметного перелома в настроениях и мотивах Рыльского, год, когда он последовательно начал строить мосты к народу, к будущему, к советской действительности. Об этом, в ответ на резкую критику «Синей дали», он сам оповестил в письме в редакцию киевской газеты: «Если вернемся к моим произведениям, то действительно странно читать в 1922—23-м о «рыбной ловле», о «покое» и т. п. Это не значит, что я все время революции только спокойно ловил рыбу, а лишь свидетельствует об одном свойстве моей психики: я могу откликаться лирическим стихом только на прошедшее, на то, что «отстоялось в душе» и может иметь прозрачную форму, свойственную моей манере, иначе писать не могу. В последнее время в моей лирике в отношении ее мотивов идет эволюция, и что она даст — увидит читатель. Во всяком случае современность заговорила. Кончаю просьбой не делать скороспелых обобщений и приговоров».²

Да, современность заговорила. В том же году была написана поэма «Сквозь бурю и снег», ряд лирических стихотворений, отразивших упорные поиски правды, счастья, добра, истины, движение вперед к новым мотивам, образам, темам. Это был долгий и сложный

---

¹ Максим Рыльский, Микола Зеров — поет і перекладач. — В кн.: Микола Зеров, Вибране, Київ, 1966, с. 6.

² «Більшовик», 1923, 25 сентября.

путь, с остановками, ошибками, зигзагами, занявший все 20-е годы. Борьба нового со старым в душе поэта была воистину драматичной.

С чего начался переход Рыльского к темам современности? С лирико-эпических поэм «Чумаки», «Сквозь бурю и снег», «Ганнуся». В поэме «Чумаки» ощущается дыхание новой жизни, воспеваются «содружных воль алмазный коллектив». Страстную отповедь получает в «Чумаках» левацкое пролеткультовско-лефовское отрицание культуры прошлого. Рыльский защищал два положения, ставшие ныне совершенно бесспорными: усвоение лучших культурных традиций прошлого и органическое сочетание мысли и эмоций как залог истинно прекрасного в поэзии, — грядущее связано с минувшим «нерасторжимыми вовек цепями»:

Их так же невозможно разорвать,
Как в теле вены иль узлы артерий.
Ужели Маркс гнушался бы пожать
Спартаку руку? Так в былое двери
Нам красота умеет раскрывать
И в будущее. . .

(«Чумаки»)

Еще более характерна поэма «Сквозь бурю и снег», отразившая социальные противоречия времени нэпа. Произведение это рассказывает о том, как поэт сквозь бурю и снег рвется к новой жизни, о том, что его тревожит и мучит, о том, какие разительные контрасты он видит вокруг. От «парнасских муз» и романтики «синей дали» Рыльский бросается в бурный поток жизни и воспроизводит в стихах увиденное и услышанное наяву. Вот современный город: безрукие и безногие нищие, голодающие и беспризорные; нищие молятся, калеки выставляют свои раны и увечья, девушки продают свое тело. В эти голоса униженных и оскорбленных вплетаются голоса сытых и довольных — «совбуров» (советских буржуев), мещан и обывателей. В таком же духе рисуется село. Там такие же кричащие контрасты: звериная дикость кулаков, темнота и забитость бедноты. В поэме, думается, есть и ноты самокритики. Когда Рыльский утверждает, что в селе «совсем аркадские пастушки», а потом противопоставляет этой пасторали голод, дикость, самосуд, невежество, как не вспомнить, что совсем недавно сам поэт рисовал жизнь села в виде современной идиллии («На опушке»).

Но можно ли найти руководящую нить в этом хаосе, гармонию в этой дисгармонии? Да, кажется, можно. У поэта еще нет понимания руководящей и направляющей силы в жизни советского

народа — Коммунистической партии, но есть вера в разум человека, в силу труда, а значит, в силу рабочего класса, преобразующего мир; именно здесь и появляется образное выражение, ставшее крылатым:

Звучит, как вещей зов в тумане,
Симфония мускулатур.

Картина возрождения, перспектива победы труда и света открывается и в деревне. Милые сердцу поэта головки сельских ребятишек склонились над книгой, изучают на родном языке Шевченко и Франко. Невидимые провода протянулись из города в село, под сельские стрехи. Значит, нет оснований для уныния. Поэма завершается словами умиротворения и надежды:

Здесь, на земле, уже хлеба цветут
И над полями юный ветер веет.¹

Поэма «Сквозь бурю и снег» свидетельствовала о выходе поэта «в мир, открытый настежь бешенству ветров» (Э. Багрицкий), а фактически это была дорога к просторам реализма, это были подходы к овладению социалистическим гуманизмом.

Бурное дыхание времени отразилось и в ритмической организации поэмы. Традиционное, строго размеренное движение стиховой речи в ней сочетается со свободными, динамическими ритмами, переходящими в верлибр. Разительную картину являет язык произведения. Оно доносит до читателя говор толпы, шум базара, голоса нищих, жаргонные реплики беспризорных; здесь переданы и споры об искусстве («Искусство есть надстройка! — Нет, пристройка! — Товарищи, — строенье! — Настроенье»).

О нарастании новых тенденций в творчестве Рыльского говорит и стихотворение «Пришла зима, и замело дороги...» (1924). Здесь выражена вера в осуществление мечты Шевченко: «и будут сын и мать, и свято жить будут люди на земле». Поручкой этому — молодежь, которая идет из села в город, чтобы овладеть высотами науки, распахать вселенские просторы:

И целину поднимет не напрасно
Микула новый — зацветет земля,
И, словно гибкий стан златопоясный,
Хлебами заволнуются поля.

---

¹ Строки из поэмы «Сквозь бурю и снег» переведены автором статьи. — *Ред.*

Весьма важным был вывод «о месте поэта в рабочем строю» в стихотворении «В эпоху, милую душе своей...» (1928), где Рыльский говорит о том, что поэт волен уйти в любую эпоху, милую его сердцу, — во времена Эллады, в библейские сказы,

Но принимать иль нет, что в нас растет,
Что возле нас цветет из года в год
И что трудами мы творим своими, —

Лишь тот, в чьих жилах жар давно остыл
И вместо крови мертвый ток чернил,
Тревожится вопросами такими.

В книгах «Звук и отзвук», «Где сходятся дороги», вышедших одновременно, в 1929 году, появляется образ моста как символ перехода в новый мир труда и искусства:

О, протянись, как мост, напев стиха простого,
К сердцам, где радостей и горестей юдоль.

(«Не нагляделся я на розовые почки...»)

С людьми и для людей — таков девиз поэта:

Одним трудом, одной заботой заняты,
Мы будем рыть руду, сооружать мосты,
Сады выращивать меж голыми песками...

(«Машина пронеслась, полосу дымовую...»)

В цикле «Жесткие слова», как и в некоторых стихах, посвященных буржуазному Западу («Докуривайте, господа, кончайте...»), поэт предстает в несвойственном ему прежде облике сатирика, действующего оружием иронии, сарказма, гневного обличительного смеха.

Наряду с философско-медитативными стихами, раздумьями о жизни, времени, о себе у Рыльского растет и прекрасная интимная лирика — любовная и пейзажная. Знаменательно, что углубление психологического анализа в стихах поэта сочетается с тяготением к простоте и открытости душевной исповеди. Если в одном из названных стихотворений автор его признает, что «утомился от экзотики, от хитро выдуманных слов», то, скажем, в таких стихотворениях, как «Ласточки летают — им летается...», «Полдень», «Перед весной», он стремится передать сложное сплетение различных чело-

веческих чувств, говорящих о радости труда и творчества, о единении с природой. В ряде зарисовок («Сено», «Буря», «Засуха») — перед нами Рыльский в роли блистательного живописца картин родной природы.

Переходя на новые рубежи творчества, Рыльский не перечеркнул те художественные устремления, которые владели им в молодости, тем более что в них всегда проступало страстное влечение к красоте и гармоничности человеческой жизни. Желание видеть мир прекрасным, устроенным, человечным и было тем мостом, по которому шел и пришел Рыльский к социалистическому искусству. Все 20-е годы заполнены этой внутренней работой мысли и стиха, этим медленным, но неуклонным стремлением выразить правду века.

3

Критики и литературоведы часто говорят о резком переломе, который произошел в творчестве Максима Рыльского в самом начале 30-х годов, особенно отчетливо сказавшемся после постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций». Однако не всегда учитывается, что этот перелом, поворот к темам и мотивам социалистического строительства был подготовлен идейно-творческой эволюцией поэта на всем протяжении 20-х годов. Искреннее и горячее желание быть активнейшим участником в деле социалистического преобразования жизни стало главным стимулом творческой работы Рыльского.

А жизнь действительно приобретала другое течение. Наши города превращались в бастионы культуры, строились новые фабрики, заводы, открывались новые институты, в стране шла индустриализация, коллективизация, сказывались первые результаты культурной революции. Вместе с тем не затухала и острая классовая борьба, а в области идеологии — борьба за души людей, за социалистическое перевоспитание старой интеллигенции и воспитание новой. В условиях первой пятилетки, когда советское общество напрягало все усилия для победы социализма, Коммунистическая партия уделяла все больше внимания художественной интеллигенции. Рыльский не остался в стороне от этого всенародного потока; он понимал, что это было бы губельно для его таланта. У него явилась потребность декларировать свое активное отношение к действительности.

Если в предыдущем сборнике «Где сходятся дороги» говорилось о чувстве радостного слияния поэта с коллективом:

... И это снова ты
Для нужд людских с людьми на новом месте
Возводишь поселенья и мосты
Прозрачные крепишь над пропастями!.. —
(«Полдень»)

то в новой книге «Знак Весов» (1932) те же мотивы приобретают более энергичное звучание, открывая новую сторону отношения поэта к жизни. В «Декларации обязанностей поэта и гражданина» осуждается нейтральность, стремление стать «над схваткой» или в стороне от нее.

В сонете «Да, знак Весов — эпохи новой знак...» образно выражена мысль о том, что во всемирно-историческом соревновании двух систем победа будет за рабочим классом и, значит, искусство должно быть оружием в борьбе за новое общество, основанное на идеях гуманизма:

Но клонится решающая чаша...
Мы твердо знаем, что победа — наша,
Как молния, клинок блеснул, подъят.

Примерно в то же время Микола Бажан писал в «Смерти Гамлета»: «И рифмы умеют стрелять, и вы взвесьте, в кого они метят и борются с кем», а Павло Тычина в стихотворении «Ленин» славил роль партии в борьбе с классовыми врагами.

Значительно меняется понимание Рыльским задач творчества. Если раньше поэт представлялся ему в образе судьи, который должен беспристрастно слушать «голоса и лжи и правды» и класть их «с отверстыми глазами на спокойные весы», то ныне Рыльский изображает роль поэта в общественной жизни в духе горьковского определения бытия как деяния и говорит:

Рабочий — а не вождь и жрец —
Поэта подлинного имя...
(«На солнце ясен в жар одет...»)

О том, какое большое значение имело для Рыльского постановление Коммунистической партии «О перестройке литературно-художественных организаций», свидетельствовала также его статья

«Бодрый ветер», написанная к первой годовщине исторического становления: «Это он, тот апрель прошлогодний, помог мне осенью издать сборник «Знак Весов», такой далекий от сборников предшествующих, и «по-хорошему», мне кажется, далекий... он стелет передо мной дорогу, где на верстовых столбах написано: дорога в солнечную страну Коммунистического общества».¹

Чем же отличался сборник «Знак Весов» от предыдущих сборников? Прежде всего своим боевым гражданским тоном, волевым и активным отношением к действительности, большей определенностью в суждениях об общественных проблемах и поступках людей. Раньше современная общественная жизнь редко попадала в поле зрения Рыльского. Те несколько стихотворений об Октябре, Ленине, Шевченко, которые ныне разысканы и опубликованы в посмертном сборнике «Искры огня великого», были написаны поэтом-учителем по просьбе учеников-пионеров для школьной стенгазеты и в книги стихов не входили. В «Знаке Весов» поэт зовет к участию в труде и строительстве, одним словом, здесь впервые выразилось то новое качество, которое является необходимой чертой социалистического реализма, — партийность, активное вторжение в жизнь.

В сборнике значительно обновляются темы и мотивы, появляются новые герои: строители, комбайнеры, трактористы. Знаменательно, что поэт противопоставляет их героям книжно-романтического толка:

А там, в степной дали, не всадник сказок лживых,
Нет! Будит заспанных и кличет нерадивых,
Весь в масле, в копоти, веселый тракторист.

(«Вдруг тучка набежит, и брызги дождевые...»)

В цикле «Портреты» Рыльский рисует дорогие его сердцу лица Гоголя, Шевченко, Франко. Этот портретный цикл естествен у поэта, для которого книга является таким же источником эмоций, как и повседневная действительность. Но наряду с ними появляются и портреты кузнеца, ударника и, наконец, портрет великого Ленина.

В книгах 30-х годов «Киев» (1935), «Лето» (1936), «Украина» (1938), «Сбор винограда» (1940) поэт расширяет круг своих наблюдений; источником эмоций все в большей степени становится жизнь, труд, быт рабочих, крестьян, интеллигенции. Природное жизнелюбие

---

¹ «Літературна газета», 1933, 27 апреля.

Рыльского находит опору в реальной действительности, — он пишет свои «Гимны труду и солнцу». Многие стихи пронизаны пафосом покорения природы; все чаще возникает прообраз будущего, «где музыка сольется с сияньем домен», радуется сегодняшнее — Днепрострой, зеленые нивы колхозов, новостройки, ритм фабрик и заводов, где уже «из возможного к чудесному переброшены мосты» («К цели»). С увлечением рисуется облик преображенной родины («Отчизна моя», «Четыре стихотворения», «В косьбу», «Журавли»).

Нельзя, однако, умолчать и о тех издержках роста, которыми сопровождалась творческая эволюция Рыльского и которые в то время были свойственны не ему одному. К безраздельной увлеченности проблемами социального строительства у него подчас при­мешивалось неоправданное стремление ограничить жизнь советского человека только интересами сугубо общественными или производственными. И — как результат этого — тенденция к нравственному аскетизму, к отказу от многих земных радостей. Пересматривая прежние эстетические позиции и нормы, поэт слишком ограничивает значение индивидуальных ценностей духовного мира личности, иногда силится заглушить самую мысль о гармонии и красоте. В нем борются два чувства, красноречиво выраженные в стихотворении «Другая жизнь другого ищет слова...»:

Другая жизнь другого ищет слова,
Но как найти и в песне воплотить?
Вновь колыбельная звенеть готова, —
Марш победит, хоть трудно победить.

И Блок, и Григ, и грезы молодые,
И ласковое колыханье вод...
...На улицу Заливчего Андрия
Тебя гвоздильный требует завод!

Подобный утилитаризм, продиктованный, разумеется, самыми лучшими побуждениями и свойственный иным писателям того времени, неправомерно сужал задачу социалистического искусства, призванного отражать жизнь во всем многообразии ее проявлений. То обстоятельство, что новая действительность постигалась подчас только умозрительно, в сборнике «Знак Весов» увеличило количество дидактических, риторических стихотворений. В последующих сборниках их становится меньше.

Если же взять творчество Рыльского 30-х годов в целом, то перед нами встает мир новой красоты. Здесь — картина нового социа-

листического Киева, видение широководного Днепра-труженика, движущего турбины электростанций; здесь — домны и поля социалистической Украины. Поэт-гуманист славит героев революции, гражданской войны, коммунистов, открывших его родине «золотые ворота» в будущее; славит новых людей, радующих глаз своим творческим отношением к труду:

Любуюсь я людьми, жму крепко руку им,
Внимаю их словам, ловлю в глазах сиянье,
И небо кажется мне куполом большим
Многоколонного, торжественного зданья.

(«Люди»)

Рыльский помолодел. «Как просияло улыбками лицо его музы, когда пали преграды между ним и современностью, когда его природная жизнерадостность получила у него самого все права свободного выражения. Рыльский начал 30-х годов, конечно, моложе Рыльского начала 20-х годов». ¹

Бросается в глаза чрезвычайная интенсивность творческой работы поэта. Выше мы назвали пять сборников стихотворений, вышедших в 1932—1940 годах. К ним надо прибавить большую «повесть в стихах» «Марина», над которой Рыльский трудился шесть лет (1927—1932). В 1927 году был завершен его перевод «Пана Тадеуша» А. Мицкевича. К тому времени он уже был автором «Пира», «Царевны», «На опушке», широко известных в 20-х годах поэм «Чумаки», «Сквозь бурю и снег», «Ганнуся», «Сашко», но «повесть в стихах» была самой значительной вехой в работе Рыльского над эпосом.

К большому эпическому полотну поэт приступил внутренне подготовленным. В поэме незримо присутствуют три великих учителя Рыльского — Пушкин, Шевченко, Мицкевич, и четвертый — народное творчество, украинская «дума» и песня.

«Марина» — поэма о прошлом. События в ней происходят в годы крепостного права, в начале XIX века, ее истинные герои: крепостные люди — Марина, панский кучер Марко Небаба, дед Наум, конюх Максим; талантливые певцы и музыканты — кудрявый Гриць, скрипач Гаврила и другие; ее псевдогерои — паны Людвиг и Генрих Пшемьсловские, Марьян Медынский, помещик Замитальский, граф Ловягин, застольный поэт Тибурций и другие. Обесеченная Марина становится мстительницей. Тень гайдамаков и гроз-

---

¹ Предисловие А. И. Белецкого к кн.: Максим Рыльский, Стихотворения и поэмы, М., 1945, с. 14.

ного Кармелюка витает над поэмой; классовая борьба, а не идиллическая тишь и благодать определяет отношения персонажей. Образ крепостной женщины Марины у Рыльского явно перекликается с образами Катерины и Марины у Шевченко, с образами русских крестьянок в поэмах «Мороз, Красный нос» и «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова.

Надо отметить еще одну важную черту, приобретенную поэтом в ходе его идейно-творческого развития, — социалистическое понимание национального своеобразия и национального характера. Метко сказал о Рыльском А. И. Белецкий: «Чем глубже входит поэт в современную действительность, тем более вырастает он и как поэт украинский: его советский патриотизм поднимает в нем чувство национальности»,¹ иначе говоря — чувство национального достоинства.

Осознание роли народа как творца истории, осознание исторической миссии рабочего класса и его партии в борьбе за новую жизнь, желание поставить свое слово на службу их целям свидетельствовали об окончательном утверждении поэта на партийных позициях, позициях социалистического реализма:

Кому чертог ты строишь новый?
Народ — твой друг. Так с ним иди,
И мастерством свой стяг багровый,
Как позолотой, обведи.

(«Трилогия дождя»)

4

Великую Отечественную войну Максим Рыльский встретил как подлинный патриот и все свои силы, знания и талант отдал завоеванию победы над фашизмом.

За годы войны написано пять книг стихов, в том числе «За родную землю» (1941), «Светлое оружие» (1942), «Великий час» (1943), «Неопалимая купина» (1944), поэмы «Слово о Матери-родине» (1941), «Жажда» (1942) и «Путешествие в молодость» (1941—1944), сборник публицистических статей «Народ бессмертен» (1942); события и переживания военных лет определили тематику и общую тональность первых послевоенных сборников — «Верность» (1946) и «Чаша дружбы» (1946).

---

¹ Предисловие к кн.: Максим Рыльский, Стихотворения и поэмы, с. 30.

Поэзия Рыльского военных лет приобретает новую примету. Лирик-живописец «по складу души, по самой строчечной сути», он в эти тяжелые годы становится пламенным трибуном. Проникнутые любовью к родной земле, оккупированной и выжженной фашистами, его стихи преисполнены ненавистью к захватчикам, гневными призывами к борьбе, к мести и отплате. Твердая вера в неминуемую победу над силами фашизма сочетается в них с чувством презрения и гнева к продажным холоумам гитлеровцев — украинским буржуазным националистам. Именно об этом говорится в стихотворении «Я — сын Страны Советов»:

Я — сын моей страны. Вы слышите, иуды
С печатью Каина на зачумленном лбу?
Нет, кровью матери я торговать не буду,
С судьбою Родины я слил свою судьбу.

Поэт-патриот посвящает стихи Москве, пишет послание другу поэту Янке Купале, выражая уверенность, что «вовек не сдастся Ленинград, Воскреснет Минск, и Киев встанет».

Весьма популярным среди прогрессивных украинцев-эмигрантов в Америке становится его «Письмо украинцам в Америке», на которое отозвался живший тогда в США старейший украинский пролетарский поэт М. Тарновский. Рыльский обращается с посланием к воинам на фронт («Бойцам Южного фронта») и, принимая участие в великой «переключке сердец», пишет стихи, призывающие к единению все славянские народы.

Большое место в его стихотворениях этих лет заняла тема совместной борьбы русских, украинцев, белорусов против иноземных захватчиков. Лучшие среди них — «Памятник Богдана» и «Переяславская Рада». Говоря о Богдане Хмельницком, поэт воздаёт должное его государственному уму и прозорливости:

Он знал, что путь у нас единый
Меж волчьих ям и что должна
Судьба Руси и Украины
Всегда, вовеки быть одна.

(«Памятник Богдана»)

Широчайшую известность приобрела небольшая поэма, написанная в начале войны, «Слово о Матери-родине». Она многократно перепечатывалась, передавалась по радио, поднимая дух советских воинов в трудные дни фашистского нашествия.

Столь же сильно и убедительно звучали и те стихи поэта, которые можно назвать интимной лирикой. Они полны грусти и гнева. Поэт любовно рисует очарование жизни мирных лет, все, что было отнято у него злым врагом, — его родной Киев и родную Романовку, небо над родиной, его мирный труд в садике в Ирпене, где теперь властвуют гестапо и украинские националисты. Воспоминаниями о прошлом и верой в будущее проникнуты такие стихи, как «Мое село», «Сон», «Письмо на Украину», «Ты, как доля моя, многотрудна...». Чувства и переживания поэта отличаются подлинным драматизмом. Здесь — отеческое сочувствие к страданиям родного народа на оккупированной фашизмом территории, скорбь о бесценных сокровищах культуры, разграбленных и уничтоженных современными вандалами.

В бессонную ночь разговаривает он с родной землей, спрашивает — что он должен делать, плакать ли, бороться?

А она мне сквозь ночь, сквозь муку:
«Ты не смеешь тужить обо мне!
Укрепи свое сердце и руку,
Слезный плач затаи в глубине...»

(«Ты, как доля моя...»)

Поэт твердо верит, что драма изгнания никогда не повторится. Снова любовью, дружбой, трудом озарится наша жизнь. Снова будут пролетать гуси над Днепром, снова счастье войдет в каждый дом, сыновья вернутся к матерям, к женам — мужья, к детям — отцы. И воздадут почести солдатам, партизанам; станут известными имена неизвестных патриотов:

Чтя память о тебе, твой охраняя прах,
Посеем жито мы на вспаханных полях,
Деревья светлые посадим вдоль ограды
И обовьем наш дом веселым виноградом!

(«Надпись»)

В 1942 году, в декабрьские дни, была написана поэма «Жажда», посвященная 25-й годовщине Советской Украины. Это страстное лиро-эпическое произведение звучит подлинно новаторски. Сквозной образ жажды расшифровывается как символ неутолимой любви к родной земле, как воплощение того, без чего не может жить человек, — хлеба, воды, воздуха. Оригинальна композиция этой поэмы-

оратории: в ней, после запева, идут партии голосов, повествующих о прошлом Украины и о современности. Автор обращается к приему аллегории, образам фантастических видений. Классические размеры чередуются со свободным стихом. Девушка — Украина — идет искать целебные травы, источники живой воды и встречается с юношей — Октябрем. Эта символическая встреча становится началом новой жизни украинского народа. Кончается поэма лирическим монологом, полным веры в близкую победу.

Тогда же была создана и большая поэма «Путешествие в молодость». Отдельные ее главы, вместе с другими книгами военных лет («Светлое оружие», «Великий час»), были отмечены Государственной премией в 1944 году.

В этом, одном из лучших своих произведений Рыльский накануне своего пятидесятилетия с предельной искренностью решил рассказать о себе, о своем детстве и юности. Поэма написана октавами, вступление — терцинами. В ней богатейшая россыпь великолепных картин старого быта, рисующих крестьянских детей, сверстников поэта, и самих крестьян, украинскую деревню и природу, а также дореволюционный Киев.

5

Конец войны почти совпал с пятидесятилетием поэта. Радостными строфами встречал он День Победы. И намечал новые планы:

К пятому десятку жизнь примчала,
Ни к чему б, казалось, пыл юнца. . .
Но как хочешь жизнь начать с начала,
И, признаться честно, — без конца!

В первое послевоенное десятилетие поэт, как и прежде, работал с неослабевающей энергией. За это время вышли его новые книги «Мосты» (1948), «Братство» (1950), «Наша сила» (1952), «Утро нашей родины» (1953), «Триста лет» (1954), «Сад над морем» (1955), исполненные мотивами борьбы за мир, братства народов, мотивами труда и социалистического строительства. Дважды (1946 и 1955) выходят трехтомники сочинений Рыльского. Осуществляется его давняя мечта о путешествиях: он много ездит и по родной стране, и за границу.

В его новых книгах много хороших патриотических стихов («Мосты», «Записная книжка», «Хлопчик», «Новые люди»). Лицо

поэта прежде всего определяли искренние лирические признания, в которых полностью высказалась душа поэта-патриота, гуманиста, принципиального коммуниста, то есть того Рыльского, которого мы ценим и любим:

Когда житейской неудачи
Тебя подхватит ветер злой,
Ты сердце, удержав от плача,
Наполни силой трудовой.

Пускай усталость и разлука
Не воют псами за дверьми.
«Я человек», — скажи сквозь муку,
Воспрянь сквозь горе: «Я с людьми».

(«Когда житейской неудачи...»)

Такие стихотворения, как «Яблонька-мать», «После дождя», «Не бойся грусти, что живет...», «Преемник», «Неугасимая заря», пронизаны пафосом служения народу и человечеству, отражают сложность чувств и помыслов современного советского интеллигента. Разные по теме, они наполнены жадой творчества, настроениями бодрости, жизнелюбия, проникнуты вниманием к росту человеческой личности. Не песни угасания, а целое «половодье чувств» слышится у поэта на исходе пятого десятка:

Ликуй же, сердце! Без остатка пей
Хмельной напиток радости своей,
Пылай со всеми жаждою одною —

И знай: неугасимая заря
Всё ярче пламенеет над землею,
Над всей моей Отчизною горя.

(«Неугасимая заря»)

В поисках пародности рождается новая портретная галерея Рыльского, где, кроме великих ученых, поэтов, артистов (стихи, посвященные Пушкину, Франко, Саксаганскому, Богомольцу), героями стихотворений выступают инженеры, зоотехники, колхозники-землепашцы, лесорубы. Здесь и люди, и способы их художественного воссоздания — другие, чем в стихотворениях начала 30-х годов. Некоторая иллюстративность стихов, навеянных путешествиями и встречами, искупается новизной жизненного материала.

В эти же годы наряду с лирическими циклами (кроме упоминавшихся, назовем «Ленинградские стихи», «Весенние воды», «Щедрость») написаны и две новые поэмы, разные по своим художественным качествам, по жанровым признакам. Здесь и высокая патетика в поэме «Слово о скорби и счастье» (1946—1947), и тонкий, своеобразный юмор в «Молодости» (1949—1950). Нечто подобное по звучанию уже было в довоенной поэме «Любовь» (1936—1940), но в «Молодости» уделено еще больше внимания различным полушутливым «отступлениям» и рассуждениям и сравнительно мало — эпическим событиям, движущим повествование.

Хорошо сказал о поэзии Рыльского в дружеском письме к поэту П. А. Павленко: «Ваши стихи я не читаю в русском переводе. Их юмор, их размышления, их пейзаж, их пафос — все то, чем так запоминается Ваша поэзия, давно есть общее, наше, следовательно, в какой-то доле и мое». ¹

6

То, что успел сделать Рыльский в последние годы своей жизни и работы, по-настоящему заслуживает названия нового этапа в творческом развитии поэта. Он как бы расправил крылья. Это отразилось не только в тематике или проблематике стихов, но прежде всего в усовершенствовании их качества, в обилии и оригинальности художественных идей.

За последние десять лет поэт совершил еще один творческий подвиг. Дело не только в количестве написанного, хотя за эти годы вышли книги «Розы и виноград» (1957), «Далекie небосклоны» (1959), которые в 1960 году были отмечены Ленинской премией; дальше — «Голосеевская осень» (1959), «Стая журавлей» (1960), «В тени жаворонка» (1961), «Зимние записи» (1964), и книга публицистических работ «Вечерние беседы» (1962), и сборники литературно-критических статей «Наше кровное дело» (1959), «Про человека, для человека» (1962), «Об искусстве» (1962), где полнее всего выражены эстетические взгляды Рыльского. Дело в исключительном творческом подъеме, который пережил поэт.

В эти годы расцвела и общественная, государственная, научная деятельность Рыльского. Начиная с 1946 года он постоянно избирается депутатом Верховного Совета СССР, а с 1958 года он — действительный член Академии наук СССР, и, можно сказать, не только

---

¹ «Правда Украины», 1945, 20 апреля.

по разряду «изящной словесности», как писатель, но и как выдающийся ученый-филолог.

В 1956 году Рыльский пишет статью «Красота», где напоминает о красоте как воспитательной и преобразующей силе. Почти одновременно появляется стихотворение, рисующее образы новых людей, безмерно преданных прекрасному, творящих его своими руками. Это девушка-колхозница, любовно обрабатывающая свой цветник, это машинист, после работы пестующий виноградник.

Дальше, как вывод, идут, ставшие крылатыми, строки о розе и винограде. Они выражают наше понимание эстетического наслаждения, счастья, приносимого красотой природы, труда, человека:

Мы любим музыку, что за́ сердце взяла,
И творчество в труде, что стало повсеместным.
У счастья нашего есть равных два крыла:
Цвет роз и виноград, прекрасное с полезным.

(«Розы и виноград»)

Рыльский утверждает, что в основе нашей эстетики лежит труд и человек труда. Отсюда гуманистический пафос поэта. Он ищет своего героя среди простых тружеников. В стихотворении «Виноградарь» это смуглотелый юноша с секатором в руке, «бог веселый винограда»; в другом — лесник, который в своих зеленых владениях заботливо растит культурные виды плодовых деревьев («Лесник»).

Из веры в людей, в их труд и разум вырастает у Рыльского общая поэтическая идея «счастья для всех», возможного и достижимого здесь, на земле, усилиями дружной советской семьи. Развивая мысль о нашем эстетическом идеале, поэт в ряде стихотворений резко осуждает формалистические выверты представителей «нового искусства», поднимает голос за культуру языка и роль родного слова в развитии социалистической культуры («Язык», «Родная речь», «Искусство поэзии»), в стихотворении «Диалог» вмешивается в дискуссию физиков и лириков.

...Рыльский видел и чувствовал, что его солнце клонится к закату. Потому и назвал он свою последнюю книгу «Зимние записи». В ее стихах находит своеобразное продолжение все лучшее из «неоклассического» прошлого поэта: богатство живописных красок, мягкость лирического рисунка, изящная чеканка стиха, философская емкость мысли, живой национальный колорит.

В посмертном сборнике «Искры огня великого» (1965) в разделе «Последние песни» помещен цикл «Тайна осенней листвы». Он яв-

ляется своеобразным поэтическим завещанием. Цикл написан верлибром. Каждое из шести стихотворений пронизано настроением немного печальным, но в конечном счете жизнеутверждающим: последние розы, сохраняющие следы весны и лета; тихий осенний дождик, напомнивший поэту детство, когда он бродил по лужам и представлял себя морским капитаном.

Центральным в цикле является стихотворение «Что я ненавижу, что люблю». Его предваряет прозаический комментарий, напоминающий, что на эту тему говорят в той или иной форме все писатели мира, все люди на свете. Поэт порицает ложь, зависть, себялюбие, измену, фарисейство и лицемерие, он любит дружеские речи, открытое сердце, внимание к людям, труд, что радует мир, рабочее рукопожатие, синие рассветы, шум леса и песню. «Мужество, верность, народ и народы — я люблю», — говорит он.

В стихотворениях «Луч», «Багряный вечер догорел...», «Пророк зари» утверждается неизбывность жизни и бессмертие искусства: «жизнь коротка, искусство — вечно!» Так писал Рыльский свое поэтическое завещание.

* * *

Мы знаем, что стиль является выражением характера, темперамента творца, и хотя с течением времени человек меняется, но в чем-то остается и неизменным. Есть ли нечто общее в стихотворениях, написанных Рыльским в 1907 году и через 57 лет — в 1964 году? Да, несомненно. Поэт на всем протяжении долгого литературного пути был верен своей необыкновенной способности делать источником вдохновения книгу, картину, мелодию — вообще эстетический факт, отраженный мир, «вторую природу». Но за этим скрывалось более глубокое свойство его художественного мирозерцания — понимание действительности как вековечного произведения человеческого разума, человеческого искусства в широком смысле слова. Отсюда присущий стихам Рыльского пафос воссоздания и пересоздания художественных, эстетических богатств минувших времен, стремление продлить им жизнь в современности, сделать достоянием сегодняшнего дня. С этим необыкновенно интенсивным переживанием эстетических явлений далекого и совсем недавнего прошлого, ничего общего не имеющим с книжным, рассудочным «воспроизведением», связана неизменная верность поэта классическим традициям.

В украинской поэзии советского времени, кажется, нет большего защитника и последователя этих традиций, чем Рыльский. Привер-

женец классического стиха, поэт сумел наполнить его новым содержанием, доказал его полную жизнеспособность в условиях социалистического общества, указал на неисчерпанные художественно-образительные ресурсы, заложенные в нем.

И все же Рыльский — поэт-новатор. Его новаторство особого рода — неприметное, но органически вырастающее из традиционного. Он унаследовал от своих великих учителей, которыми сам считал Пушкина, Шевченко и Мицкевича, широту взгляда на мир, их гражданственность, глубокую думу о судьбах народа и отечества и их непревзойденное чувство меры и гармонии. Не сразу, постепенно пришло к Рыльскому и чувство современности («того позабудет завтрашний день, кто сегодняшний день забудет»), и это тоже было выполнением заветов его великих учителей.

Рыльский был национален в своем юморе и жизнелюбии, в любви к родному языку, к песне, думе, истории; интернационален — в уважении к человеку любой нации, в широте души, открытой всем ветрам мира, в любви к новому, современному, к людям, событиям, странствиям.

Под пером этого властелина формы украинский язык достиг удивительной гибкости, грации, являя свои действительно неограниченные возможности выражения самых глубоких мыслей и чувств, самых сложных понятий. Мелодичность стихов Рыльского давно замечена композиторами, — на его слова написано множество песен, хоров, ораторий, кантат, оперетт и опер. Рыльский знал и любил музыку, сам импровизировал мелодии и был на протяжении многих лет главным «поставщиком» словесного материала (текстов песен, либретто) композиторам.

Для языкотворчества Рыльского характерно постоянное обновление поэтического словаря и фразеологии, умение перевести в поэтический регистр слова и выражения будничного, бытового употребления. Им создано много неологизмов, но так мастерски, что в общем контексте они воспринимаются как общеизвестные, давно употребляемые слова. Эти неологизмы встречаются как в оригинальных, так и в переводных произведениях, а переводческое мастерство поэта общеизвестно. Напомним, что поэтические переводы, в которых переводчик — не раб, а соперник оригинала, занимают половину всего его литературного наследия. Рыльский обогатил художественную культуру украинского народа переводами «Евгения Онегина» Пушкина, «Пана Тадеуша» Мицкевича, «Орлеанской девственницы» Вольтера, переводами стихов русских поэтов от Пушкина и Лермонтова до Светлова и Прокофьева, белорусских, грузинских, армянских,

латышских, литовских, узбекских, казахских, чувашских. К этому надо добавить переводы таких мастеров мировой поэзии, как Буало, Мольер, Ростан, Гете, Гейне, Гюго, Словацкий и других.

Смерть поэта 24 июля 1964 года, меньше чем за год до семидесятилетия, оборвала его песню на самой высокой ноте. Во всем величии встает перед нами поэт с ярко выраженным национальным обликом, вдохновенный певец дружбы народов. Максим Рыльский представляет собою новый тип писателя-патриота, воплотившего в себе лучшие черты человека и художника коммунистического общества; ему уготовано место классика советской литературы.

С. Крыжановский

АВТОБИОГРАФИЯ

Село Романовка на Киевщине (теперь Житомирской области), кудрявый лесок на чуть заметном взгорье, белые хаты и зеленые сады над речкой Унавой, — перехваченная плотиной река разливается в широкий, поросший камышом и кувшинками пруд... Босые дети с загорелыми ногами и пастушьими сумочками за плечами... Вечернее пенье девушек, нежным эхом плывущее вдаль, раздолбные песни парней... Страстные соловьиные ночи, лягушечий хор и таинственный голос выпи... Мир — словно таинственная, чуть приоткрытая книга...

Я начал с этих летних и весенних тонов, — ведь о чем же и вспоминать, как не о весне и лете, тому, кому осень налегла на плечи, а зима посеребрила волосы. Я начал о селе, потому что именно с ним связаны самые сладостные и самые мучительные воспоминания о моих детских годах. А между тем я, собственно, родился и первые месяцы прожил в городе, на одной из тихих зеленых улиц Киева — на Тарасовской, 19 марта 1895 года.

Максимом меня назвали в честь одного из героев нашего прошлого, Максима Зализняка. Имя это выбрал мне отец со своими друзьями. При этом вполголоса была пропета песня «Максим козак Зализняк». Правда, моей матери больше было по сердцу имя Владимир, Володя. Во время крестин она, говорят, упросила веселого и не очень трезвого батюшку именно так и наименовать меня, и он провозгласил было уже «раба божьего Владимира», но отец мой подошел к нему, шепнул что-то весьма убедительное, и священник поправился: «Максима».

Отец мой, Фаддей Рыльский, был из польской, или, вернее, ополяченной, помещицкой семьи, но в студенческие годы, вместе с небольшой группой товарищей, твердо решил служить тому народу,

который его вскормил и воспитал, — украинскому народу. Этот шаг дал повод панам на Украине писать на Фаддея Рыльского бесчисленные доносы; среди авторов этих доносов был и мой дед, красивый бонвиван Розеслав Рыльский, — и Фаддею Рыльскому угрожала высылка. Только помощь влиятельных людей и благословенная глупость царских чиновников спасли его. Обычно в доносах делался акцент, конечно, не на «измене» польскому народу, а на просветительно-демократической работе среди крестьян, на участии в тайных воскресных школах, где звучал запрещенный властями украинский язык, на поддержке отцом — уже как владельцем небольшого имения, той самой Романовки, о которой я упоминал в первых строках этого очерка, — сельской школы (кстати, подчеркивалось, что католик Рыльский печется о школе православной), на «чересчур добрых отношениях с крестьянами» (так и написано в одном из доносов) и так далее...

Статьи отца из области этнографии и политической экономии наглядно показывают, что по своим политическим убеждениям он принадлежал к левому крылу киевской украинской «громады». ¹ Еще яснее это можно было увидеть по его частным письмам, к сожалению безнадежно утраченным.

Моя мать, Мелания Федоровна, была романовской крестьянкой. Отец женился на ней вторым браком. Любопытно отметить, что в «добрососедских» доносах на отца подчеркивалось как доказательство «неблагонадежности» и то, что Рыльский, дворянин, женился на крестьянке. Моя мать, несомненно, была человеком природного ума. Обученная мужем читать и писать, она много читала в своей жизни и особенно любила Толстого, в частности «Анну Каренину».

Когда мне было всего несколько месяцев, семья наша — мать, отец, два старших брата-гимназиста и я — переехала с зимней киевской квартиры в Романовку. Там отец и устроил мои крестины. Съехалось много гостей из Киева, но и все село было приглашено в гости. — а так как наш небольшой домик не мог вместить весь этот народ, пиршество устроили в клуне. Привезли не монопольной, не казенной, а «вольной» водки из корчмы, в бочках, и угощение было, рассказывают, гомерическое. Что касается центрального героя этого события, то мой дядя по матери, Кузьма Чуприна, любил вспоминать, как я во время «тайнства» старался «дернуть попа за бороду».

---

¹ «Громадами» (обществами) назывались на Украине культурно-общественные организации, в основном буржуазно-либерального направления. Организовываться «громады» начали в 60-е годы прошлого столетия.

О своем раннем детстве я помню мало. Все как в тумане. Лишь отдельные светлые пятна. Такое, например. Прошел теплый летний дождь. Перед нашим домом, возле круглой цветочной клумбы, образовалась большая лужа. Я в одной рубашонке выскочил из дому — и прямо в лужу. Болтаю ногами, будто плаваю... А мама и нянька Федора выбежали, умоляют меня выйти — «ведь простудится ребенок». Или такое. Повозка, запряженная старой лошадейю «Попом» (по профессии прежнего хозяина). Отец собирается ехать в поле, берет меня с собой. Какое счастье! Сели вдвоем, мне дают кончик вожжей, как будто я правлю лошадейю. А впрочем, нехитрое дело править умным и опытным «Попом»! Ленивая лошадь-философ, она хорошо знает и дорогу и привычки своего хозяина. Если попадется навстречу человек, она непременно умерит ход и даже остановится: ведь, наверно, у хозяина найдется о чем побеседовать с добрым человеком. Иногда «Поп» по собственной инициативе сворачивает к небольшой пивной с зеленой беседкой, владелец которой, Максим Иванович, чудесный кузнец и слесарь, на почве неверности жены (об этом я узнал, конечно, значительно позднее) чересчур склонен к рюмочке, а вообще — человек пресимпатичный. Иногда «Поп» останавливается просто так... «Но!» — кричу я по возможности солидным голосом... «Но», — спокойно говорит отец. Кнута он не применяет. Конь трогается дальше, но знает, что под горою хозяин непременно станет свертывать папиросу, закуривать — следовательно, опять надо будет перейти на тихий ход. А придорожные ветлы тихо шумят, а хаты белеют, а полевая даль в мареве, и все люди кажутся счастливыми...

Правда, людские несчастья, как нечто совершенно случайное и, собственно, несущественное, нечто не вполне реальное и не до конца понятное, врывались порою и в мою жизнь. Вот так однажды утром отец, умываясь, рассказывал: «Этой ночью дядю Осипа тяжело избили... Приехал доктор, вынул у него две косточки из черепа...» Дядя Осип — самый старший из братьев матери, участник русско-турецкой кампании, здоровенный человечище... Позднее я узнал, что дядю Осипа, до безумия влюбленного в собственную жену — красивую и весьма легкомысленную женщину, избил один из ее любовников, возможно, с целью убить. По крайней мере такие строились догадки.

Но слова старших о таких делах легко пробегали по поверхности детской души, и мир казался, беря его вообще и забывая о детских невзгодах, вещь весьма любопытной и привлекательной.

Отец умер в 1902 году, и зиму после его смерти наша семья прожила в Киеве. Там я, семилетний мальчик, впервые сочинил

стишок, начинавшийся словами: «Иванушка-дурачок вспрыгнул коню на бочок...» Кстати сказать, письму и чтению первым учил меня отец, и — диковина у нас в те времена — на украинском языке. Первая книга, которую я прочитал, был «Робинзон» в пересказе Гринченка. Еще один стишок, написанный каракулями в ту зиму, я запомнил до последнего слова. Вот он:

ПРОШАК¹

Ішов прошак обідраний,
Од всіх людей обижений.
Шкода мені прошака,
Що у нього гірка доля така.
Але я проти бога не іду,
А за старця
Молюсь і ввечері, і вранці.²

(Как видно из последних строк, «убеждения» у меня по тому времени были довольно умеренные).

С зимы 1902—1903 года и до 1907 или 1908 года я жил почти все время в селе.

Отец мой, а за ним и старшие братья не водили компании с соседними помещиками. Исключение составляла только семья врача Юркевича, который оставил практику и «осел на земле», и два-три окрестных чудака, которые нет-нет да и заезжали к нам в гости. Вообще же я вращался среди своих одногодков — крестьянских ребят, с ними рос, с ними учился понимать жизнь. Вспоминаю сероглазого Андрия, внука большого приятеля отца, Олексы Романенка. Занятный, живой мальчуган с очень буйной фантазией, Андрий с годами стал человеком довольно унылым, промышлял — земли у него был небольшой клочок — сапожничеством и умер пьяный за бутылкой дрянного самогона... А какие у нас были хорошие мечты, как весело катались мы зимой на салазках, как искренне любили друг друга! И Василька помню, моего двоюродного брата, с длинными на удивление ресницами, — он тоже рано умер. И многих еще, и необычайно ранние проявления наивной, а все-таки любви — синюю Ганю, сестру Андрия, и первые поцелуи с нею; черноволосую Горпину, — я не только ее, но и всю ее родню — двух старших се-

---

¹ Прошак — нищий.

² Идет нищий ободранный, идет людьми обиженный. И жалко мне бедняка, доля его тяжела, горька. Но на бога роптать не стану, я за ничего молюсь непрестанно (Ред.).

стер, отца и братьев, игравших на сельских свадьбах на скрипке, трубе и барабане, — считал каким-то совершенно особенным, неповторимым в мире чудом, при одном воспоминании о котором начинало по-особенному биться сердце.

Но самое большое место в этих детских воспоминаниях занимает мой приятель Ясько Ольшевский, сын очень бедного сельского «шляхтича» — чиншевика.¹ Это мы с ним терпеливо зябли на морозе, ловя синичек и снегирей, это мы с ним пропадали целыми днями на пруду, ловили уклеек, пескарей, лещиков, окуньков, это мы с ним бросались, как гончие псы, на звук охотничьего выстрела, с ним ранней весной, проваливаясь по колена в мокрый снег, бегали слушать первых жаворонков. Ясько, старший меня летами, был пенстошим в выдумках. Своего рыжего песика Какваса он объявил первоклассным легавым пом, и, взяв этого Какваса на ремешок, мы с самодельными луками ходили на охоту и даже стреляли в куропаток, разумеется, без всякого для этих птиц ущерба. С ним ходили мы по вечерам, когда повзрослели, на село и, уверенные в своей неотразимости, распевали совсем «по-парубочьи»: «Ой, зацвіла черешенька у саду...» Я вел мелодию, Ясько вторил... С этим же Яськом в 1905 году, когда «флюиды» революции тронули человеческие сердца, когда в доме или в клуне у дяди Тодося, завязтого садовода и большого мудреца, собирались люди послушать заезжего агитатора и вообще творились таинственные и удивительные дела, когда ежевечерне на горизонте багровели зарева пожаров, мы провели своеобразную демонстрацию: прошли мимо волостного правления, распевая «Марсельезу». Никто, понятно, не обратил на нас внимания, но как мы сами гордились этим своим поступком!

И опять — бессмысленная смерть... Яська призвали в солдаты, и он умер от случайного выстрела из винтовки: товарищ «играл» заряженным оружием и угодил ему прямо в лоб...

Помню я и сумрачный 1904 год, и весенне-бурный 1905 год (помню, разумеется, сквозь призму детского мироощущения), помню деревенских и заезжих революционеров разных колеров (в этих колерах не только мы, малыши, но и большинство тогдашних людей — обывателей — мало разбирались: «революционер» — и все тут!); помню, что многие из либерально и даже радикально настроенных помещиков и помещичьих сынков своим поведением обнаружили тогда те черты, которые так тонко изобразил Коцюбинский в рассказе «Лошади не виноваты»: то есть революция хорошая вещь, пока не касается нас... Помню я и то, что уже тогда видел, в какой

---

¹ Чинш — поземельная арендная плата.

нищете и голоде живут тот же мой друг Ясько и его семья, тот же сероглазый, живой Андрий, его милая сестра Ганя; понимал, что тут что-то неладно; взволнован был необычайно, услышав, что один из моих приятелей — это было уже позднее — веселый и добродушный рыболлов Иван, с которым вместе мы удили на кузнечика серебряную плотву, поссорился с братом из-за земельного надела — и зарубил его топором; видел чуть не каждый праздник, как парни во хмелю кольями проламывают друг другу головы... Словом, и нищету тогдашнего села, и его темноту я видел, я знал, я понимал... Однако это как-то проходило мимо меня, и только много позже воспоминания обо всех этих вещах помогли формированию моего мировоззрения и принятию всем сердцем, не только умом, Великой Октябрьской революции. А тогда — тогда настоящее мое было: вешние фиалки, прорастающие из-под желтой и багряной прошлогодней листвы, напряженная жизнь птицы, рыбы, зверя, таинственное погружение в воду белого поплавка, посвист утиных крыльев, мечты о собственном ружье, песни над вечерней рекой, рассказы стариков об удивительной старине, восхитительные муки детской любви, дружба и ревность (Андрий, например, безусловно ревновал ко мне Яська), книги, которые я читал во множестве и без всякой системы, и собственные стихи, которых писал также много, писал и «рассказы», и «драмы», и даже какие-то «трактаты».

В гимназию меня определили прямо в третий класс. Готовили меня к этому домашние учителя: педантичный до смешного Вадим Павлович, делавший гимнастику «по Мюллеру» и в определенные дни отворявший дверь левой рукой «для гармоничного развития организма», впрочем, весьма умный человек и прекрасный педагог; Микола Трофимович, учивший меня с толком читать книгу и изрекавший семинарским баском изумительные парадоксы.

И вот гимназия...

Гимназия! В воспоминаниях принято бранить старую школу, изображать ее чем-то наподобие бурсы Помяловского или школы, описанной Свидницким в «Люборацких». Я не пойду по этому пути. Пушкин пронес в сердце через всю свою тревожную жизнь память о милых садах лицея, где он «безмятежно расцветал», Короленко самые теплые страницы «Истории моего современника» посвятил своему учителю словесности, — хочу и я, идя по этим хорошим следам, добрым словом помянуть свою школьную скамью.

Гимназия, куда меня после долгих семейных советов определили, была частная.

Тепло становится на сердце, когда вспоминаю я первую мою учительницу русского языка — Надежду Петровну Новоборскую.

Немного старомодная, типичная русская интеллигентка начала столетия, она, несомненно, привила многим из нас любовь к слову, к литературе. Здесь хочу я назвать своего школьного товарища, ныне известного литературоведа Михаила Павловича Алексева. Он, мне думается, не будет возражать, если я скажу, что так называемую нашими дедами «священную искру» любви к книге первую забросила в наши сердца именно Новоборская. Гениальную новеллу Мериме «Матео Фальконе», которую она прочитала нам, — понятно, сверх школьной программы, — я и поныне помню почти дословно.

Географию нам преподавал в младших классах Елисей Киприанович Трегубов, любитель, так сказать, «анекдотической» развлекательной географии. Однако многому и полезному научились мы у этого незаурядного человека.

Позднее я узнал, что Трегубов был деятельным участником киевской «громады», находился в хороших отношениях с Иваном Франком, вел с ним переписку.

Латинист Станислав Болеславович Трабша сыграл большую роль в формировании моих эстетических взглядов, привив глубокую, на всю жизнь, любовь к античному миру и искусству. Кажется, в седьмом или восьмом классе я читал у него на уроках доклады о религии древнего Рима и о мотиве Леноры в античной поэзии (по Ф. Ф. Зелинскому). Такие доклады в «классической» гимназии той поры были делом, не очень часто встречавшимся.

Глубокий след в моей душе оставил словесник наш, Дмитрий Николаевич Ревуцкий, брат прославленного композитора, автор в позднейшие времена ценной книги (на украинском языке) о выразительном чтении, а также монографии об украинских думах и песнях.

Ревуцкий читал нам много хороших стихов и прозы, устраивал чтения «в лицах», — так у нас был прочитан им самим и двумя моими товарищами «Скупой рыцарь» Пушкина. Но наибольшее впечатление производил Ревуцкий, когда собирал нас вокруг рояля и пел украинские и русские народные песни, былины и думы. Это каждый раз превращалось в настоящий праздник — не только для меня, воспринявшего от отца и братьев увлечение народной песней, но и для самых разных по своему характеру моих коллег. Ревуцкий преподавал у нас только один год — в пятом классе. . .

Во взглядах моих и гимназических моих товарищей была, говоря словами украинского поэта В. Самийленка, «престрашнейшая мешанина». Я, например, считал себя убежденным демократом и будущим революционером, а вместе с тем был большим поклонником не только Достоевского, но даже Мережковского. Однако уже тогда я глубоко, на всю жизнь полюбил Шевченка, Пушкина, Мицкевича —

трех моих самых дорогих учителей, а с любовью к народному творчеству я, кажется, и родился. Эта любовь углубилась под влиянием старших братьев — Ивана, очень одаренного музыкально, и Богдана, прекрасного исполнителя украинских песен. Сильнее же всего укрепила в моей душе эту любовь к музыке и песне жизнь в семье Н. В. Лысенка в первые годы учения в гимназии. Сам Лысенко, безупречный рыцарь украинской песни, прекрасный композитор и пианист, остался в моей памяти как очаровательнейший человек.

Позднее жил я на квартире у А. А. Русова, профессора статистики, этнографа и фольклориста, который, между прочим, вместе с Лысенком записывал думы и песни от прославленного кобзаря Остапа Вересая.

У Русова я видел единственный раз в жизни В. Г. Короленка. Короленко весьма картинно и взволнованно рассказывал о свежей тогда в памяти сорочинской трагедии — ужасной расправе статского советника Филонова с сорочинскими крестьянами Полтавской губернии. Гневное письмо Короленка к Филонову прогремело тогда по всей России, но пулю террориста, убившего Филонова, напрасно связывали с этим письмом: террорист не мог прочитать его (по времени), и автор «Слепого музыканта» все время подчеркивал это. Короленко удивил меня своей высокой простотой и скромностью...

К гимназическим временам относится мое увлечение театром и музыкой, оставшееся на всю жизнь. Я часто, иногда вместе с семьей Лысенка, бывал на симфонических и камерных концертах. В так называемом Купеческом собрании (теперь там находится Украинская государственная филармония) я слышал таких пианистов-композиторов, как Скрябин и Рахманинов. Скрябин как исполнитель не произвел на меня слишком большого впечатления, хотя некоторые, особенно ранние его вещи, с отчетливым влиянием Шопена, взволновали меня сильно. А Рахманинов — тот просто чаровал всех своим полновластным господством над инструментом, своим глубоким, певучим тоном, исключительной выразительностью игры... Держался он на эстраде со спокойным достоинством, без каких-либо внешних, «артистических» эффектов.

Бывал я в русском театре «Соловцов», где незабываемую память по себе оставил актер необычайной тонкости и разносторонности — Степан Кузнецов. Хорошо помню и Неделина в роли Фамусова. Но чаще посещал я украинский театр, с энтузиазмом встречая каждый выход Заньковецкой (тогда уже ослабевшей физически), Садовского, Саксаганского, Федора Левицкого, Марьяненка, Линицкой.

Что касается Саксаганского, то я и поныне считаю его одним из крупнейших артистов нашей эпохи. «Мария, солнце, Саксаганский» —

такая строка из одной моей потерянной поэмы вспоминается мне как формула человеческого счастья: любовь, жизнь, искусство.

Знакомство мое с чудесными театрами Москвы — Художественным и Малым — относится уже к более поздним, послеоктябрьским годам. Оно дало мне очень много.

В литературе я некоторое время увлекался французскими и русскими символистами, что, кажется, в значительной мере было данью моде. Впрочем, Александр Блок, трагическим усилием воли вырвавшийся из символистского круга, и до сих пор остается в списке моих любимых поэтов.

Увлечение символизмом, а позднее и «парнасцами», составляет в моей жизни давно пройденный этап, о котором я, кажется, могу теперь говорить уже вполне объективно, как о «безумстве юных лет». Думаю, однако, что ни Верлена, ни Эредиа не следует вычеркивать из памяти человечества.

Велика моя любовь к природе, рыбной ловле и охоте. Ежегодно приезжая на летние каникулы в Романовку, я целыми днями пропадал на тихой, пахучей, поросшей зеленью Унаве, где удил плотву, линей, окуней, шук, а там и карпов... Приедешь, бывало, весной, возьмешь лодку, выплывешь с братом — в погожее, росистое утро — на тихое зеркало весенней воды и самозабвенно ловишь на стрекоз серебристую плотву, красноперок... Когда нападешь на хорошую стайку красноперок, тогда белый гусиный поплавок поминутно плавно, наискосок погружается в воду, — подсекаешь, удилице изгибается дугой, прозрачная волосая леса даже звенит... И потом, когда вечером ложишься, сладко утомленный, спать, — перед закрытыми глазами все еще маячит белый поплавок, серебристо-синяя вода, гнется удилице, блестит на солнце тугая леска...

Лет пятнадцати я начал бродить с ружьем вдоль нашего пруда, по болотам, лугам, лесам и полям. Стрелок из меня всю жизнь был прескверный, но какие хорошие страницы вписала в мою жизнь охота! Ко мне частенько приезжали погостить мои школьные товарищи, и с каким же увлечением мы охотились! Безумно волновал серебряный свист утиной стаи, внезапный взлет вальдшнепа из желто-багряных кустов, заяц, выскочивший вдруг чуть не из-под самых наших ног и серым мячом покотившийся по полю...

Во время охотничьих и рыболовных странствий я очень подружился с двумя крестьянами — Денисом Каленюком, кумом и другом моих старших братьев, и Родионом Очкуром. Денис Каленюк был поистине прирожденный поэт (влюбленный, между прочим, в запахи, — целыми часами он мог недвижно сидеть в лодке и нюхать, как пахнут водяные травы), певун, чья песня так чудесно прорезала

утреннюю или вечернюю тишину Унавы, настоящий рыболов-артист, охотник, сельский донжуан и очень милый, великодушный и благородный человек. Малограмотный, он, однако, охотно читал и особенно любил приключенческие романы Жаколио, — даже одну яму в лесу, где весной буйно цвели фиалки, называл вместе с моими братьями «разбойничьей пещерой». Много занятного рассказывал он мне о повадках рыб, о нравах птиц, — наблюдательность у него была изумительная!

Родион Очкур, сельский сапожник, самоучка-скрипач, чудесный жнец, любитель рюмочки и веселого за нею разговора, он больше всего любил, однако, удочку и ружье, и именно на этом мы сблизились с ним. Несколько лет он пробыл в Сибири, переселившись туда как один из беднейших крестьян Романовки, но вернулся в свою убогую хату, сбежав, как сам говорил, от «мошкеры» — от мошек и комаров, которые и в самом деле являются настоящим бичом тамошних людей и скотины... Правда, по Романовке ходили толки, будто кто-то перехватил письмо Родиона Васильевича из Сибири к одной довольно привлекательной и очень легкомысленной романовской молодежи, в котором он в нежно-неуклюжих выражениях писал о своей любви к ней, — высказывалось предположение, будто именно тоска по этой молодежи и потянула беднягу обратно в свое село...

Интересный был человек Родион Васильевич, неутомимый сказчик и неисправимый фантаст. Как затейливо и задорно играл он на свадьбах на своей немудрящей скрипочке!

Собственно, эти два человека — Родион Очкур и Денис Каленюк — научили меня больше, чем кто-либо другой, любить необычайную талантливость нашего прекрасного народа.

Будучи в четвертом классе, я начал печатать свои стихи, а в 1910 году вышла в свет первая моя книжечка — «На белых островах». С этой поры я начал считать себя настоящим литератором...

Я писал раньше, что ни 1905 год, когда я, правда, был еще ребенком, ни годы реакции, ни постоянное пребывание среди сельской бедноты, ни книги, ни приятели не помогли мне выработать твердое социально-политическое мировоззрение. Еще более странно, что не сделали этого и мрачные годы империалистической войны, на которые выпадает мое студенчество и о которых, как вообще о позднейшей моей жизни, когда-нибудь я расскажу прозой, а в основном рассказал уже с доступной человеку искренностью книгами своих стихов. Я, правда, не только твердо осознал уже в те времена, но и остро, сердцем почувствовал социальную несправедливость тогдашнего строя, но не видел и не умел найти выход из такого положения.

А дальше — и занятия в Киевском университете (сначала на

медицинском, потом на историко-филологическом факультете), и февраль 1917 года, и обманчивое марево «бескровной революции», и неясные порывы, надежды и мечты, и великий, суровый Октябрь, и учительство в сельской, а потом в городской школе, и литературная работа со взлетами и падениями, и писательские споры... А над всем этим — умная и строгая школа жизни и голоса великих учителей — народа, партии, Ленина... Эта школа, эти голоса сделали меня тем, кем я являюсь теперь: литератором, который считает себя прежде всего слугой народа, человеком, который в дни великой священной борьбы с гитлеровскими зверями вступил в ряды Коммунистической партии, дав твердый обет — оправдать своей работой звание коммуниста.

С 1919 по 1929 год — не оставляя литературы — я учительствовал: сначала в разных селах, потом в Киеве. Учитель из меня получился не очень, так сказать, удачливый, но некоторые моменты моего учительства я вспоминаю с удовольствием, особенно чтение перед затихшей аудиторией произведений Шевченка, Квитки, Коцюбинского, Васильченка, Тычины. (Я преподавал украинский язык и литературу.) Некоторое время я читал лекции на рабочем факультете Киевского университета и в Украинском институте лингвистического образования (УИЛО), где моими предметами были украинская стилистика и практика перевода. (Институт этот просуществовал недолго.) Основным же делом своей жизни считаю литературу — поэзию, оригинальную и переводную, значение которой для укрепления дружбы между народами, для разработки и обогащения языка представляется мне очевидным.

В дни Великой Отечественной войны меня с женой и младшим сыном (старший был в армии) эвакуировали в Уфу, где я стал работать как научный сотрудник в Академии наук УССР, также находившейся тогда в Уфе. Вместе с Академией, действительным членом которой меня избрали, в 1943 году переехал в Москву, сочетая с литературным и — очень скромным — научным трудом участие в руководстве Союзом писателей Украины. В Уфе подружился я с башкирскими писателями — Сайфи Кудашем, Баязитом Бикбаем, в Москве углубил дружеские отношения с русскими и белорусскими писателями, среди которых хочется в первую очередь назвать Александра Фадеева, Николая Тихонова, Павла Антокольского, Константина Паустовского, Бориса Лавренева, Леонида Соболева, Леонида Леонова, Валентина Катаева, Михаила Светлова, а также ленинградцев Александра Прокофьева, Николая Брауна, Марию Комиссарову, белорусов Якуба Коласа, Янку Купалу, Михаса Лынькова, Петруса Бровку, Петра Глебку. Трагическая смерть Купалы больно отозва-

лась не только в моем сердце... По-братски встречались мы и с Симоном Чиковани, Самедом Вургуном, Наири Зарьяном, Гегамом Сарьяном. Никогда не забуду, как у меня в гостинице был великий артист Качалов, который всю ночь с особенным вдохновением читал нам и Пушкина, и Маяковского, и Блока, и Горького (из «На дне»).... Не без гордости признаюсь, что читал он, в русском переводе Бориса Турганова, и мое «Слово о Матери-родине», которое несколько раз исполнял также по радио. Качалов навсегда запомнился мне своей простотой и сердечностью. Это были минуты подлинно высокого вдохновения...

Навеки остались в памяти два больших антифашистских радиомитинга в Саратове, где речи транслировались для тайных радиостановок на оккупированной территории Украины, для наших героических партизан. Особенно незабываемое впечатление произвел на меня, да и не только на меня, выступавший на одном из этих митингов А. П. Довженко.

После победного завершения войны мы — писатели, научные работники, композиторы, художники, артисты — одни с поля боя, где доказали свою преданность Советской родине, другие из городов, куда были эвакуированы правительством и где работали в меру своих сил во имя победы, вернулись на Украину. Киев встретил нас пожарищами и руинами, но мы увидели вскоре, какие творческие силы, какой благородный патриотизм, какая жажда умной и красивой жизни таятся в сердце советского народа, который с таким же героизмом, с каким дрался против фашистского нашествия, взялся восстанавливать свои города и села, свое благосостояние, свою культуру. Результаты этого героического труда все мы наглядно видим.

Несколько раз после войны мне привелось побывать в странах народной демократии — в Польше, Чехословакии, Болгарии, — и это не только дало много незабываемых впечатлений, но и укрепило любовь к свободолюбивым зарубежным народам, к их литературе, к их искусству.

Из поездок в Польшу особенно мне запомнились посещения ее в 1956 году, когда я участвовал вместе с русскими, белорусскими, литовскими друзьями в мицкевичевской юбилейной сессии Польской Академии наук, а позже, осенью того же года, — в декаде украинской культуры, явившейся завершением традиционного месячника польско-советской дружбы. Сколько радостных, поистине братских встреч, сколько волнующих впечатлений! Выросшая на военном пепелище Варшава с ее глубоко своеобразной красотой, с целыми кварталами, реставрированными точно в том виде, в каком были они

еще в средние века, с ее кипучей молодой жизнью. . . Древний Краков с его величественно-сумрачным замком Вавелем, который так чудесно отразился в творчестве замечательного поэта и художника Станислава Выспянского, с кипучей промышленностью, возникшей только в условиях новой, демократической Польши. . . Желязова Воля — деревня, где родился великий Шопен и где мы слушали, сидя в поэтическом саду у открытых окон дома-музея, вдохновенную его музыку в исполнении одного из лучших польских пианистов. . . Соляные копи под Краковом, у входа в которые безвестный художник-рабочий трогательно-наивно изобразил Ленина, беседующего с польскими горшани-пастухами. . . Ленинский домик в селе Поронино, у подножия Татр, — домик, на фронтоне которого свободные граждане свободной Польши начертали: «Дело Ленина бессмертно». . . Трудолюбивые польские крестьяне и крестьянки. . . Пленительные песни и пляски братского народа. . . Высокие традиции Мицкевича и Словацкого, Шопена и Монюшко — и горячие споры о путях литературы и искусства.

Побывал я и в Австрии — в составе парламентской делегации Верховного Совета СССР — и убедился еще раз в том, во что верю всю жизнь: нет на свете дурных народов, невозможна вражда между народами. . .

Поездка во Францию — в Париж, в солнечный Прованс — составляет тему книги, над которой я ныне работаю. Посетить Францию я мечтал с самых юных лет, и должен сказать с радостью, что поездка эта меня не разочаровала. Страна великих традиций, страна героического народа, свободолюбивый дух которого не сломили и не могли сломить никакие вражеские силы и никакие «свои» предатели, страна — я не сомневаюсь в этом — огромного будущего! Низко кланяюсь величавым зданиям и мощным платанам Парижа, священным памятникам героев Сопротивления, труженикам провансальских виноградников и маслиновых садов, воспетому народом Авиньонскому мосту и шумной пристани Марселя, над которой реют шелковистые чайки, рабочим французских заводов и фабрик, передовым людям искусства и писателям Франции, среди них другу многонациональной советской литературы Луи Арагону и его милой супруге Эльзе Триоле. . .

Недавно побывал я вновь и в Болгарии, на торжествах, посвященных памяти исторических битв на Шипке, под Плевной и в других местах, — битв, которые увенчались освобождением болгарского народа от ига султанской Турции. Это были поистине дни дружбы и братства. Гостить в Болгарии и не полюбить ее сердечный, неутомимый, ярко талантливый народ — невозможно.

Много дала мне поездка в город старой и своеобразнейшей славянской культуры — Дубровник, куда мы, участники региональной конференции Юнеско, проехали на автомашине из столицы Югославии Белграда по крутой и извилистой дороге через дико-живописную Черногорию. Мне чудится, что я доселе слышу плеск очаровательнейшего из виденных мною морей — Адриатического. . .

Работая в Академии наук Украины директором Института искусствоведения, фольклора и этнографии, отдавая много времени литературной — поэтической, переводческой, а отчасти и публицистической и критической — работе, я каждое лето отправляюсь с друзьями путешествовать на автомобиле. Объехал большую часть Правобережной и Левобережной Украины, Крым, побывал в западноукраинских землях, в красочном Закарпатье. Путешествовал по РСФСР. Повидал Белоруссию, Литву, Латвию, Эстонию, Грузию, Армению, Азербайджан. . . Не было еще поездки, которая не отразилась бы в той или иной мере в моих стихотворных строках, а самое главное — которая не углубила бы мое безграничное уважение и любовь к трудовому советскому народу, к его животворному труду, к его неумирающей песне. Славен будь во веки веков великий, многонациональный советский народ, выстоявший, как лев, против всех гроз и ураганов, построивший на своей земле социализм и твердой поступью идущий к светлым берегам коммунизма!

После XX съезда Коммунистической партии Советского Союза и мудрых его решений чудотворно изменяется лицо советской деревни, советского народа. Я видел это во многих местах, видел и в родной своей Романовке. Радостный труд дает радостные плоды. Растет благосостояние народа, новым цветом цветет его культура.

Пишу эти строки весной, в дни, когда я видел уже первую ласточку, слышал курлыкание высоко летящих журавлей, томное кукованье кукушки и однообразно приятный голос удода в лесу, который не сегодня-завтра оденется (весна в этом году запоздала) свежей благоуханной зеленью. . . И снова манит меня даль, снова вспоминаются слова старой чумацкой песни:

А вже тому чумакові
Мандрівочка пахне. . .

«Мандрівочка пахне» — «дороженька пахнет». . . Как это трогательно и хорошо сказано!

1958

Я перечитал эти страницы, написанные в 1958 году, и мне показалось, что к ним мало что можно добавить. Очень уж это мудреная вещь — собственное жизнеописание! Того и гляди впадешь или в ложную скромность или в кокетливое самолюбование. К тому же все существенное, что было у меня в жизни, я в меру сил постарался отразить в своих стихах. Вряд ли что-нибудь достойное внимания читателей я смог бы еще сказать, например, о том, что мною описано в цикле «Рио-де-Жанейро», — о поездке летом 1958 года в Бразилию. Цикл этот помещен в моей книге «Далекie небосклоны». Название кажется мне удачным. Меня всегда влекли и влекут к себе далекие горизонты — и в прямом смысле слова, и в переносном... И вместе с тем я с каждым годом, с каждым днем все больше ощущаю кровную, неразрывную связь с родной землей, которая меня вскормила и воспитала. Любовь к дальним небосклонам сочетается с любовью к цветущим вишневым и яблоневым садам, ветлам и березам, дубам и кленам, шум которых был для меня первой колыбельной песней. И любовь эта неотделима от любви к людям, к их песне, к их прекрасному труду...

В нынешнем году вся Украина, весь Советский Союз, все передовое человечество отмечаю сотую годовщину со дня смерти Тараса Шевченка. Я счастлив, что вместе со своими товарищами — писателями, художниками, композиторами, артистами, научными работниками Советской Украины — принимаю посильное участие в торжествах, посвященных памяти нашего общего учителя. Для того чтобы открывать в литературе новые небосклоны, надо твердо и уверенно стоять на родной почве, надо взять на вооружение все созданное в веках гениями человечества, гением народа. И тогда прекрасное будущее мира откроется нашему взору во всем своем величии.

26 апреля 1961 г.

М. Рыльский

СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Чуть розовый вечер на землю слетит,
Я в рощу иду, одиноко, —
Взглянуть, как закат хоть на миг озарит
Мой край, что в тоске изнемог.

Прекрасную сказку нашепчет мне лес —
Ту сказку туманы сплели, —
Под звезды, в страну небывалых чудес
Мечтой устремлюсь от земли.

Взмахнув над землею лазурным крылом,
Забуду, что здесь перенес,
И вновь не останется в сердце моем
Ни мук, ни страданий, ни слез...

(1910)

2

Я хмурый день люблю, когда лучей сиянье
Чуть пробивается с туманной высоты
И тихое дарит свое очарованье.

Я частый дождь люблю, когда он шумно льется:
Едва он отшумит — и расцветут цветы,
И увлажненный лес, весь в каплях, рассмеется.

(1910)

8. ЖУРАВЛИНАЯ ПЕСНЯ

Мы стаюю летим в синеем просторе,
Над зеленью степей летим мы из-за моря,
И песню звонкую поем мы над полями,
Все солнца чистого пронизаны лучами.

Родимые поля уже в цветах душистых,
Сама весна летит за нами в даях чистых
И с поцелуем шлет приветы молодые
Вам, степи, для души давно родные! . .

(1910)

4. ПЕСНЯ

Н. В. Лысенко

Вейся, жаворонок, вейся
Над сторонкой,
Утешай людское горе
Песней звонкой.

В небе чистом и прозрачном
Солнце блещет,
Словно в море, в желтом жите
Волны плещут.

Посмотри: жнецы склонились,
Притомились,
На работе этой тяжкой
Не ленились.

Пой для них! Ведь песня эта
Горе снимет. . .
Вейся, жаворонок, вейся
Всё над ними! . .

(1910)

Ъ. ПУТЬ

Путь без краю лежит... Всё сгущается мгла...
Путь, камнями мощный, кремнистый.
Жизнь меня этим трудным путем повела, —
А дойду ль до конца его, честный
и чистый?

Может быть, ослабев, я на землю паду
И неправдой и ложью укроюсь,
Может быть, я победно до цели дойду
И от счастья слезами омоюсь?

Если я упаду и взмолюсь — помоги! —
Кто в пути мне придет на подмогу?
А начнут надо мной издеваться враги —
Кто ответит им властно и строго?

А быть может, я сам одиноко пойду,
Разуверюсь во всем, зарыдаю,
Или, может, друзей я в дороге найду
И свою в них надежду узнаю?!

(1910)

6

Братья, в струны золотые
Ударяйте,
Вновь надежды молодые
Разжигайте!

Коль ударим в струны снова —
Песня грянет.
Пусть лихое вражье слово
Нас не ранит!

Пусть над нами враг глумится —
Он не страшен,
Он замолкнет, покорится
Песне нашей!

Смело в струны золотые
Ударяйте,
Вновь надежды молодые
Разжигайте!

(1910)

7

В полях на гречу пали росы,
Умолк веселый звон пчелы,
Легло над полем стоголосым
Безмолвье золотистой мглы.

Дорога вьется меж полями. . .
Ты не придешь, не прилетишь, —
И только в сердце вечерами
Далекой песней прозвенишь.

Между 1911 и 1917

8

Как Одиссей, измученный блужданьем
По морю синему, я — жизнью утомлен —
Прилег в тени под осокодем старым,
Зарылся в листья и забыл про всё.

Обрывки дум — иль тени их — мелькают
В дремоте мирной. Чуть дрожит листва,
Упал на ствол веселый отблеск солнца,
И муравей вползает по нему.

И я засну под беззаботный шелест
В надежде, что, гоняясь за мячом,
Меня разбудит нежно Навсикая,
Дочь стройная феакского царя.

Между 1911 и 1917

9

Яблоки спелы, красные спелы!
 Мы идем с тобою тропкою в саду.
 Ты меня, голубка, проводи до поля, —
 Я уйду и, может, больше не приду.

Под лучами солнца и любовь созрела,
 Но отцвесть под осень суждено и ей.
 А теперь вот в сердце что-то встрепенулось,
 Словно крылья птички в золоте ветвей.

И поля желтеют, и синеет небо,
 Тянется на солнце паутины нить. . .
 Поцелуй в последний, обними в последний, —
 Тот расстаться может, кто умел любить.

Между 1911 и 1917

10

Уж просо скошено, и в поле тихо стало.
 Дни холодны, повиты синевою.
 Уж не вернуть того, что миновало:
 Оно прошло — и кажется мечтою!

А сколько, сколько было грез весною,
 Что золотистым пенились потоком
 И растеклись! И я один с тобою,
 Лазурь небес, раскрытая широко. . .

Между 1911 и 1917

11

Есть женское имя, как нежно оно,
 Печаль в нем, любовь и надежды какие,
 Весенним дыханьем напоено:

Мария.

Как запах фиалки осенней порой,
Как девичья песня сквозь сны снеговые,
Звездю сияет над темной землей
Мария.

И пусть я святое в себе погашу,
И пусть не увижу, сражаясь, зари я, —
Последнее слово, что я напишу:
Мария.

Между 1911 и 1917

12

Дождь на дворе, и ветер не смолкает, —
Пусть отдохнет двустволка на стене!
Кто под дождем бродить в полях желает?
Нет, лучше здесь, в домашней тишине.

Здесь огонек в печурке не пылает,
Чуть тлеет, но в сердечной глубине
Веселые картины пробуждает,
Напоминает о забытом дне.

Здесь фортепьяно, и еще теплее
Мне от него. Прикосновенья рук
Оно всё ждет, чтоб пробудился звук.

Здесь встретился я с музою моею
И, в руки лиру взяв и светлый лук,
Плыву, как тень, по морю снов за нею.

Между 1911 и 1918

13

Мы встречались с тобой только раз.
Ты прошла, ты исчезла из глаз,
И закрыли твой образ снега,
Замела, закружила пурга.

А быть может, снежинка и ты,
Принесенная к нам с высоты,
Чтоб сердца нам сковать навсегда,
А самой улететь без следа?

Помнишь тени домов на углу,
Уходивших в глубокую мглу?
Помнишь, как ты исчезла из глаз?
... Мы встречались с тобой только раз.

Между 1911 и 1918

14

Богдану Рыльскому

Пахнуло голосом прекрасным,
Как будто в дом внесли сирень,
Что расцвела в надежде ясной
На летний синеокий день.

Ночь, месяц, вербы шелестенье,
Объятья рук и счастье мук,
И в несказанном упоенье
Призывный соловьиный звук.

Над плесом тихо дремлют травы,
Кувшинки в отблеске лучей, —
И голос милый и лукавый
Полувлюбившихся детей.

Между 1911 и 1918

15. КРАСНОЕ ВИНО

Сверкает граб прозрачно-желтый
В сиянье ясно-золотом...
Приятель, счастья не нашел ты,
Но для чего тужить о нем!

Стакан прозрачнее кристалла,
И красное пьянит вино...
Шуршать листва не перестала:
«Всему забвенью суждено.

Что жизнью подлинной казалось —
Пустая тень, напрасный дым;
И то, что лишь во сне являлось,
До скуки стало нам родным.

Пускай же к озеру пехоя
Твоя судьба тебя влечет;
Всё, что осталось за тобою, —
Лишь след весла на лоне вод.

Проходят дни, проходит лето...
О чем тужить? Ведь всё равно
Стакан вином налит, и это —
Хмельное красное вино!»

Между 1911 и 1918

16

Когда убьют всё лучшее заботы
Житейские, и не найти следов
Прошедшего, и больше нет охоты
Идти ни из-под крова, ни под кров,

Тогда, искусство, мой оплот — одно ты:
В живой красе новооткрытых слов,
В звучанье музыки, земные ноты
Преображающей в небесный зов,

И в малой, взор ласкающей картине,
Безмерно большей, чем бескрайний свет!
Тебе, искусство, и твоей святыне
Благоговейный шлю поклон-привет.

Нетленно изначала и поныне
Лишь ты одно — между цветами цвет!

Между 1911 и 1918

Уж помидоры покраснели
И осень бродит по лугам.
О чем же плакать в самом деле?
Сердца не изменяют нам!

Цветы, и небо голубое,
И взгляд твой, ясный и родной...
Всё видел я перед собою,
Но позабыл — в стране какой.

Ну что же, осень догорает,
Но светлый миг — навеки наш:
Баштан как бы в парче сияет,
Безверхий — будто спит шалаш.

Фруктов на ветках много-много,
И не грусти, дитя мое, —
Не так уже страшна дорога
В небытие, в небытие.

Между 1911 и 1918

Беззвучно падал снег; туманно
Огни маячили в окне;
И дальний звон стоял так странно
В невозмутимой тишине.

Мы шли с тобою, мы молчали
В мерцанье мутно-голубом;
Снежинки реяли, играли
Над чистым, над спокойным лбом.

И люди в сумраке редели,
Мелькали, гасли, как во сне, —
И мы брели, не зная цели,
В вечерней снежной тишине.

Между 1911 и 1918

Ивану Рыльскому

Весною мы ездили в поле
На старой телеге вдвоем,
Хлеба подымались на воле,
Леса зеленели кругом.

Над светлой весенней водою
Росло щебетанье щеглов. . .
Мы счастливы были с тобою
И ехали молча, без слов.

На пашнях кипела работа,
Волы за волами брели, —
А к вечеру тени дремоты
Легли на просторах земли.

Мы вместе домой возвращались, —
Вставали туманы вдали, —
И сердцем усталым сливались
С живою душою земли.

Между 1911 и 1918

Поле чернеет. Проходят тучи,
В высоком небе идут чередою.
Первый подснежник, в долине цветущий. . .
О, как тепло нам, земля, с тобою!

Дали всё глубже. Речка синееет.
Речка синееет, вздыхает, смеется. . .
Кто это в душу надеждами веет?
Сколько их. . . — сердце вот-вот разорвется!

Между 1911 и 1918

Цветет сирень, сады белеют,
 Роня тихо лепестки,
 И надо мною снова веет
 Далекий взмах твоей руки.

А ветер теплый и кудрявый
 Сквозь дымку легкую звенит,
 И на земле колышет травы,
 И, затихая, вновь шумит.

Или подхватит с новой силой
 Напев протяжный журавлей,
 Как будто вновь заговорила
 Со мною сказка давних дней.

Между 1911 и 1918

Молюсь и верю. Набегая,
 Кружится ветер и поет,
 И голубей пугливых стая
 Прочерчивает небосвод.

И ты светла, и день лучистей,
 И сердце бьется, как в огне,
 И образ радостный и чистый
 Яснеет в синей глубине.

Клянусь тебе, мой мир привольный,
 Клянусь — и это не слова, —
 Что буду жить я, жизни полный,
 Пока душа во мне жива!

Идем! Ликуют воды звонко,
 И ветер веет и поет,
 И голуби легко и тонко
 Прочерчивают небосвод!

Между 1911 и 1918

Сияет лето у порога
 И дышит полымем на всё,
 И грома гордого тревогу
 Томленья знойное несет.

Умоется грозою лето
 И засмеется, как дитя,
 Весны ж цветенье полным цветом
 Увижу ль вновь — не знаю я.

Весенним сбыться ли надеждам?
 Или обманет лето их?
 В степи развеет ли безбрежной,
 Как пух на вербах золотых?

Между 1911 и 1918

В дремоте старый дом. Пылающее лето
 Вокруг, как озеро в лазурных берегах.
 Под стенкой у крыльца разлегся пес угрюмый
 И ухом отгоняет неотвязных мух.

А мухи всё жужжат, и вьются, и чернеют...
 И мнится, будто время не идет,
 Навеки замерло. И навсегда на землю
 Неслышно снизошел зеленый летний день.

И навсегда в дрожащей дымке неба
 Застынет ястреб, да в тени ветвей
 Кудахтать сонно будут куры. Вечность
 Пришла, простерла руку надо мной.

Между 1911 и 1918

Дождь отшумел. О, сколько света!
 Придешь ли ты? Иль прилетишь?
 Иль светлым веяньем привета,
 Как дождь внезапный, прошумишь?

Или оставишь в сердце тесном
 Всё то, что день погожий пел?
 Как дружен птиц полет чудесный!
 Дождь отшумел.

Между 1911 и 1918

Не Беатриче образ ясноокий
 И не вакханки темный пьяный взор
 Навек запали в душу мне глубоко
 И кличут вдаль, в сияющий простор.

Нет! Личико в простом платочке белом,
 И руки тонкие, и золото очей,
 И голос полудетский и несмелый
 Мелькнули тенью в юности моей.

...И трепет ночи — первой и последней,
 И слово то, что всех мудрее книг,
 В ночном саду под липою столетней
 Я первый раз услышал и постиг.

Между 1911 и 1918

Мне приснилось: я мельник, на мельнице я...
 К ночи там затихают колеса.
 Я не сплю. Только утка порой прозвенит
 Да летучая мышь закружится.

А на мельнице той что-то крысы грызут,
Под колесами падают капли. . .
Щука где-то всплеснулась, и вздрогнул камыш,
Успокоиться долго не может.

Где-то в поле далёко подвода гремит.
Кто, куда и зачем это едет?
Тихо падает звездочка, белой дугой
Оставляет свой след в темном небе.

И летит вся земля, как подвода в полях, —
К цели мчится в просторах безмерных, —
И летят города, и плотина летит,
И колеса, и утки, и люди.

Между 1911 и 1918

28

Ты помнишь ли? Мы ехали с охоты.
Телега тарахтела всё сильнее;
Туман осенний расстилал полотна,
Вдали мелькали проблески огней.

А серый дождь из бесконечной тучи
Шумел над нами, по плащам стекал,
Бил в наши лица холодом колючим
И в камышах то плакал, то шептал.

Но вот, услышав смех и говор милый,
Мы въехали в неспавшее село —
И счастье сразу душу осветило,
По жилкам и по косточкам прошло.

Между 1911 и 1918

29

Когда в груди моей тревога
То потухает, то горит;
Когда потеряна дорога,
А на устах любовь дрожит;

Когда душа моя трепещет,
Как белый парус на челне, —
Тогда не жду я песен вещей
И не идут они ко мне.

А в тихий час, когда покоя
Поток нахлынет, — счастлив я:
Тогда, тогда я вновь с тобою,
Я вновь с тобой, тетрадь моя!

Между 1911 и 1918

30. ДЖЕММА

Тургенев, «Вешние воды»

Июльский день. Гудят шмели и пчелы,
Вся в золоте — акация жужжит.
Уснула мать. Легчайшим ореолом
На белом лбу спокойствие лежит.

За окнами на улице дремотной
Поет шарманка на старинный лад, —
А Джемма улыбается и смотрит
На то, как Санин продает оршад.

Улыбки. Шепот. Ощущенье счастья,
Любовь, которая уже близка.
И солнца луч, как светлый соучастник,
Касается цветов и потолка.

Между 1911 и 1918

31

Моей Романовке

Белые щенята на соломе,
Солнце греет мордочки щенят;
Цапля в синем небе, а на доме
Тени веток бродят и дрожат.

Слышно — в комнатах звенит посуда,
Песенка доносится с полей. . .
И как будто гостя ждешь оттуда —
Из страны, которой нет милей.

Скатёрть мы расстелем под кустами,
Светлое откупорим вино, —
И, внимая шорохам над нами,
Вспомним всё, что было так давно. . .

Между 1911 и 1918

82

Люби природу не как символ,
С тобою схожий, —
Не для себя люби природу,
А для нее же.

Она для нас не только тема
Стиха, картины —
В ней необъятные высоты,
В ней и глубины.

Порыв ее души могучей
Всего сильнее.
Что, человек, твои порывы
В сравненье с нею?

Она как мать. Так будь же сыном,
А не эстетом.
Тогда ты станешь не бумажным —
Живым поэтом.

Между 1911 и 1918

83

Пером багряным вечность пишет
Бессмертные черновики,
И ветер ласково колышет
Румяной розы лепестки.

К нам красота идет и снова
Всё озарила на лету,
А мы — мы в грязь втоптать готовы
Земную эту красоту.

Между 1911 и 1918

34

Дождь приносит нам веселье —
Гость весенний, голубой. . .
Кто-то нам постель постелет
В светлой горнице с тобой?

Кто под капель рокотанье,
Милых капель за окном,
О любви напомнит давней
Глаз веселых огоньком?

Кто? Откуда? Как зовется?
Как смеется? И кому?
И не к сердцу ли прижмется
Горестному моему?

1919

35

Сладок свет. . .

Как сладок свет! В лучах сияют дали,
Блестит небес голубоватый цвет.
Поет душа, ей словно крылья дали:
Как сладок свет!

Весенней рощи легкий силуэт.
Твои глаза мне о цветах сказали,
О той траве, которой мир согрет,
И, кажется, теплее камни стали. . .
Как сладок свет!

То ангельские свечи разогнали
Мучительную тьму тяжелых лет
Или, прозрев, мы сами увидали,
Как сладок свет?

1919

86

Плещут у влажного берега легкие, светлые воды,
Будто Гомерово море шумит, набегая на склоны.
Наш Одиссей повествует о битвах, где гибли народы,
О неподвижных, без солнца, краях, о чащобах Цейлона.

Чудится злое дыхание пьяной тропической ночи,
Диких зверей голоса и запахи пастбищ звериных,
Шум океана, чьим эхом прозрачная речка бормочет, —
Мирная речка в зеленых, веселых и тихих долинах.

Может быть, где-то доныне живут лотофаги счастливо,
Может быть, в дебрях, как прежде, свирепые бродят
циклопы?
Может быть, звезды, что ярко сияют на глади залива, —
Зевсовы очи, глядящие в очи Европы?

1919

87

Стучат подо мною колеса,
Мы едем веселой гурьбой.
У берега клонятся лозы,
И аист плывет над рекой.

По ветру летите, надежды,
Как рой лепестков голубых! . .
Сосед мой расставил прилежно
Строй удочек хитрых своих.

Забыть бы ненужные слезы
И чайкою, птицею стать!
Стучат подо мною колеса,
Не надо мне счастья искать!

1919

88. РЫБАЦКОЕ ПОСЛАНИЕ

Брату Ивану

Еще с времен Гомера, Феокрита
Прикрасами поэзии повита
Была забава наша. А Назон?
Рыбалку тоже вспоминает он,
Хоть скуповато. Благостные воды,
В них отраженный светлый лик природы,
Береговая, вся в цветах, трава
И душ простых немудрые слова, —
Ну чем не пристань после бурь житейских,
Не мир полей цветущих Елисейских?

Чем жарче чувства в тайниках души,
Тем больше тянет отдохнуть в тиши.
Так и меня — чуть нос я с горя вешал —
То линь, а то старик Аксаков тешил.
Пускай смеются! Не один мудрец,
И даже царь, забыв про свой венец,
Под вечер иль пред солнечным восходом
Сидел с удой, кристально чистым водам
Всё отдавая, что тревожит ум, —
И горечь славы, и бессилье дум.

В тумане Темзы и над тихим Доном,
Над океаном, будто жизнь, бездонным,
На озере, где Пушкин отдыхал
И доброго Вергилия читал,
На стынущем от холода Амуре,
На берегах таинственной Миссури,
В краю галушек, крепких варенух
(Увы, мифическом!), — рыбацкий дух

Не угасим. Ужение пристало
Всем — от сапожника до генерала.

Синеет утро, и роса горит,
Волна с волной еще не говорит,
А мы сидим, следя за поплавками,
И только тишь да небеса над нами.

Вот за густой осокой поплавок
Лег — задрожал — поднялся — вновь прилег,
Рука, дрожа, удилище хватает,
И линь зеленый воду рассекает
И, только-только не порвав лесу,
Весь золотясь, трепещет на весу...
«Тихонько! Легче!» — шепчешь ты со страстью,
Как собственному, рад чужому счастью...
Конец борьбе. Дымки от папирос
Плывут, синея. Ветерок донес
К нам кряканье чирков меж тростниками...
И только тишь да небеса над нами.

На кольях над водой стоит шалаш.
Весь камышом пропах закуток наш,
В нем тень, покой и сумрак первозданный.
Дениса поджидая и Богдана,
Мы прилегли и, выпив по одной,
Нырнули в легкий сон, как в мир иной.
Не сон, а грезы, и не жизнь, а волны,
Не мысли — облачка, что ветром полны
И тают в излученье золотом,
Как чистый дым над жертвенным огнем.
Крепчает ветер, за волною мчится, —
Догонит ли?

А нам покойно спится
В пахучей колыбели над волной,
К тому ж мы пропустили по одной!

Трещит мороз, — с утра он круто взялся.
Я зря весь день за зайцами гонялся,
Зато в душе сверкающий снежок
На муки все, на все волненья лег.

Поужинав, у печки мы, без света,
Сидим, как Робинзон в пещере; лето
Мы вспоминаем и заводим спор,
Затеяв свой, рыбацкий, разговор.
А на стене не счесть на полках тесных
Поэтов именитых и безвестных:
С Гомером рядом дремлет здесь Бодлер,
Хоть нынче много ближе нам Гомер.
Но есть еще там полочка иная:
Не Малларме там красота больная,
Не милый Диккенс, тот, что жизнь любил,
Уютное гнездо себе там свил, —
Нет! Полку ту украсил книжкой дивной
Барон Черкасов, старый и наивный.
Там и Аксаков, там и Плетенев,
Там «сазанятник» гордый Сибилев
(Возможно, и не всем они известны,
Но рыбаками чтимы повсеместно).
Там блёсны, поплавки, набор крючков —
Дружки немые братьев-рыбаков.
Та полка средь других — как среди жита
Наш скромник василек, росой омытый, —
Кого гнетет людское зло, для тех
Она родник веселья и утех.

Вот так-то на досуге, без усилий,
Слагаю я стихи в старинном стиле;
А ты их, брат, хоть изредка читай
И, вспомнив то, что было, — помечтай.

*Лето 1920
Корнин — Костюковка*

О муза! Снова ты со мною!
А я уж думал — стороною
Берлогу обойдешь мою!
И снова стал я сребролуким,
И вдохновенным верю звукам,
Как ты слезе, что я пролью!

Невидима и невесома,
Ты — как раскат святого грома,
Как влага высохшей земле.
Тебе несу я, поверяю
И радость нежную без края,
И поздних сожалений плен.

Стоит, как ангел, надо мною,
Ласкает доброю рукою,
Готова слушать и прощать...
Моя родная, будь же рядом,
Не покидай, позволь хоть взглядом
Коснуться твоего плаща.

1920

40—42. СИННЯ ДАЛЬ

1

На свете есть певучий Лангедок,
Цветет Шампань во Франции веселой,
Где в солнце тонет каждый городок
И в пышных лозах утопают села.

Марсель, где опьяняет моря шум;
Париж, где вечно молод дух гамена;
Прованс, где жив Доде веселый ум,
Где на охоте встретишь Тартарена.

Есть остров, где Шекспир увидел свет,
Где Диккенс улыбался сквозь туманы, —
А там, в Сибири, стынет волчий след,
В Сахаре проплывают караваны.

О, мир, где песни девушек звучат
Под сладостной, под виноградной сенью!
Благословен да будет виноград,
Осенний плод весеннего цветенья!

Хотя б во сне увидеть снова
 Великолепие колонн,
 Прохладу мрамора сквозного,
 Очарование мадонн!

В одежде белой Дездемона
 Вверху на лестнице стоит —
 Из лепестков зари корона
 На голове ее горит.

Вода канала плещет ярко,
 Там отражен закат в огне,
 И голуби святого Марка
 Уснули в синей тишине.

Ты руки, лилия, простерла,
 Твои глаза любви полны.
 Плывет, плывет воитель черный
 В твой мир душевной белизны!

. . . . .

Хотя б во сне — увидеть дальних
 Краев счастливый небосклон
 И очи радостно-печальных
 Белоодежных Дездемон!

Домов ажурные фасады,
 И каждый камень — вечный след
 Былой любви, былой отрады,
 Ушедших лет, бессмертных лет.

Огни кафе под сенью зыбкой,
 Сны наяву, Рембо, Рабле,
 И кто-то странную улыбкой
 Зовет к неведомой земле.

Виденье легкое Версаля,
И алость губ, и рокот труб,
Пусть скрипки плачут, сердце жая, —
Их терпкий яд мне мил и люб.

Ты выпил самогона кварту
И возле бочки в луже спишь, —
А где-то голуби, мансарды,
Поэты, солнце и Париж!

1920

43. ГЕЙНЕ

С темно-красной розою в руке,
Арлекин на пьяном карнавале.
Лоб и щеки в белом порошке,
А в глазах — томление печали.

Ведь нелепо мучиться тоской,
Ведь нелепо розой любоваться!
Разве лишь сегодня род людской
Научился есть и целоваться?

Он хохочет, чтоб не зарыдать,
Он смешные принимает позы, —
Но не хочет никому отдать
Арлекин своей кровавой розы!

1920

44. ШЕКСПИР

Носил я браконьера лук тяжелый
В лесах привольных Англии веселой,
Бродил в обличьях разных много дней,
Толкаясь средь шутов и королей.

И, на пенек усевшись средь поляны,
Я властно вызывал их рой туманный,
Даруя четкость смутным их чертам, —
В мгновенном дал присущее векам.

Актер, мыслитель, фантазер, гуляка,
В обвалах слов я извлекал из мрака
Жестокость, ревность, муку, гнев, любовь,
Характеры, где стынут сталь и кровь.

1920

45

На улицах вода синее,
И в ней дробятся фонари.
Тот, кто надеяться не смеет, —
И тот спешит на свет зари.

Мальчишка, парходик склеив,
До вечера его пускал, —
А друг мой, Миша Алексеев,
Мне вслух Марлинского читал.

А улица блестит сырая,
Мы бродим всюду и везде,
Девчонок встречных задирая
И синей радуясь воде.

1921

46

Заиграла шарманка. Монета
Полетела во двор из окна.
На земле, многократно воспетой,
Ты одна, ты одна, ты одна!

Эти тучки лишают покоя,
Это небо за сердце берет. . .
О, блажен, кто в мгновенье такое
От такого бессилья умрет!

1921

Тристан коня седлает,
Он едет в дальний путь.
Ворон крикливых стаи
Когтят тревогой грудь.

Изъяна нет ли в луке,
Надежен ли шолом? . .
В слезах, Изольда руки
Ломают за окном.

И всё ж в лазурь, как птица,
Летит душа ее,
И сон ей новый снится,
И небо золотится —
И золотит копье.

1921

Наше брачное ложе душистые розы укрыли,
Светел Киприды над ним благожелательный лик.
В дар принесли мы богине смоквы медвяно-золотые
Черный как смоль виноград и молодых голубей.

Солнце опустится в море, дыхание роз воскурится,
Руки к рукам припадут, жадно сольются уста. . .
Дай же нам силы, богиня, на труд вековечно
прекрасный,
Дай в осиянную ночь мудрого сына зачать!

1921

Ржет кобылица, храпит жеребец, сотрясают
копыта
Брачную пажить. В грозу радуйся, роза земли!
Вячеслав Иванов

Гром отгремел, и покоя истомою сладкой
Веет от вишен в цвету, от раздобревшей земли.
Нежные девичьи перси отдай поцелуям,
Влажные губы свои в милом блаженстве раскрой!

Гром отгремел, соловей заливается, кони
Хрипло заржали во мгле. Счастьем наполнено всё, —
И по земле небожители ходят благие:
Пан со свирелью своей, с чашей в руках Дионис.

Зевсова дочь, ты всего в этот миг нам дороже!
Пусть был разрушен во прах из-за тебя Илион,
Пусть по-земному изменчива ты. Будет всё же
Благословенна любовь — эта корона корон.

1921

50

Звякнул повернутый ключ. Одиночество тихой рукою
Теплит лампаду мою и раскрывает тетрадь.
Тощий цветок у окна исполинским растет баобабом,
По затененной стене дивный проходит корабль.

Словно сквозь воду, мне слышатся крики
пришельцев-матросов,
Ветер прозрачный меня трогает влажным крылом,
Он паруса оживляет, расшитые шелком горячим,
Веет с далеких земель запахом редкостных трав.

(1922)

51

Сколько лет ни пройдет — будет, сидя над кручею,
Дева гребнем златым нас прельщать
И глазами зелеными, песней тягучею
Безнадежность и рай обещать.

Сколько лет ни пройдет — под осенними зорями
Умирать будет в счастье пловец,
И под песню ее доберемся до моря мы,
Чье названье — конец.

Древний высохнет Рейн, сгинуть лесу прибрежному,
Небо вешее вычернит дым,
Но прельщать будет братьев-поэтов по-прежнему
Дева чудная с гребнем златым.

(1922)

Мороз! Ты — как *душа парнасского певца*.
 Подобно ей, таишь в своих кристаллах
 И вздохи вод, и ропот трав усталых —
 Всё, от чего меняются сердца.

Кто угадает за покоем граней
 И непорочных голубых тонов
 Весенний гомон заливных лугов,
 Дни летних гроз и осени сгоранье?

Между 1918 и 1922

58. ДЕТСТВО

Я на стуле еду по Сахаре,
 Я из палки целюсь в пеликана,
 Я купаюсь в пенной Ниагаре,
 На доске плыву по океану.

Был вчера я лоцманом. Всею силой
 Волны шли темно-зеленой лавой,
 А сегодня я хозяин виллы,
 Где в саду разгуливают павы.

Завтра собираюсь я в пампасы,
 Где бизоны бродят табунами,
 И готовлю с вечера припасы:
 Козий сыр и мясо с сухарями.

А Яськó мне точит томагаук
 И ворчит, склонившись над винтовкой:
 «Говорят, бизон не для забавы,
 А пампасы — это ведь не Бровки».

Между 1918 и 1922

Бывает день: в тумане перекресток,
Сады, леса. Заплакано окно.
А всё душа играет, как подросток,
    Как свежее вино.

Коней впрягает цугом в колесницу,
Как бы Ахилл, звенит тугим бичом
И рассекает будней вереницу
    Сверкающим мечом.

И выезжает в степь. Ярятся кони,
И в небе молнии блеснул зигзаг, —
И войско видно вдруг из-под ладони,
    Как будто спелый мак.

28 июля 1922

Я молодой и чистый, —
Как вечность, молодой.
Иду я колосистой
Дорогой полевой.

Вон зеленеет ива,
А дальше от села
Во ржи на тучных нивах
Кричат перепела.

И на заре румяной
Из печек дым клубит,
Картошки запах пряный
Детишек веселит.

И тонкая девчушка
Махнула рукавом...
Лишь нет моей подружки
В селе и за селом!

Она за морем синим,
За лесом вековым,
Она сродни пустыням,
Сродни ветрам степным.

28 июля 1922

56

Осень ходит в блеске позолоты.
Предо мною — незнакомый край.
«Чужестранка молодая, кто ты?»
— «Отгадай».

«Чужестранка, дай воды напиться!»
— «Помни: в той воде — любовный яд».
Я ружье оставил у криницы,
Я коня завел в тенистый сад.

Я смотрю в глаза ей — и заботы,
Как листва, скользят на дно души.
Счастье ходит в блеске позолоты
И в истоме клонит камыши.

28 июля 1922

57

Покину аптеку, домашние беды,
Забуду пеленки детей
И на ловлю селедок поеду
В глубь студеных морей.

Как тучи, плывут они стадом серебристым,
Подвластны законам своим,
И буря, носясь с торжествующим свистом,
Там веет плащом снеговым, —
А здесь, в этом городе мгlistом,
Толкотня лишь и дым.

Под парусом белокрылатым
Взвившись птицы быстрей,
Я, может быть, стану пиратом
На просторах морей.

28 июля 1922

58. ПРОЧИТАВ ВОСПОМИНАНИЯ МИСТРАЛЯ

Привет молодым трубадурам,
Привет от горячего вздоха мистралья,
От свежего моря,
От лоз виноградных,
От белых и черных овец
И от ласковых девушек, с песнею в лад
Сбирающих виноград.

Речь, опаленная ветром и солнцем,
Речь, в которой и влага, и соль, и сушеная
рыба,

Высокие травы,
Маслин серебристость,
И черви, что шелк белопенный прядут,
И крепкие руки,
И девушки Арля, лазоревый шелк
Заплетшие в косы, —
Эти жаркие, жгучие осы, —
Речь знойного юга встает.

Низко гудят тамбурины, как пчелы,
И мчатся в кипенье и в блеск фарандолы
И прокурор, и пастух, и поэт, и рыбачки.
О, поцелуй под сенью
Склонившихся лоз виноградных
И добрых шелковиц, —
Дыханье любви, как ветер пахучий
Пахучих степей!

О, пастуший рассказ
Под небом полночным,
Где ходит Небесный Пастух,

Где светятся Три Короля
И Созвездие Пса золотится!

О, морей синева,
Где братья, мужья и отцы
Плывут и по звездам ведут корабли,
Жен, детей и невест вспоминая!

Южная страстная речь
Простирает к вам девичьи руки,
И сверкает очами,
И приветствует вас, трубадуры,
Вас, для дружбы рожденных, —
Семь фелибров сплоченных!

28 июля 1922

59

Когда срезают грозди винограда
Порою лучезарного тепла,
Он с нею встретился. Она из сада
На мулах ехала, как сад светла.

И он спросил: «Скажи, что делать надё,
Чтоб ты моей, навек моей была?»
Она ему: «Не гаснет пусть лампада
Перед Кипридой». Ветку занесла,

На мулов крикнула, их сон нарушив,
И правый мул забавно поднял уши,
И пыль взлетела — розоватый дым.

И он пошел, исполненный отрады,
И думал: «Хорошо быть молодым,
Когда срезают грозди винограда».

1922

Качнулась занавеска на окне,
 Мгновенно и пленительно алея,
 И ветерок в вечерней тишине,
 Листвой играя, убежал в аллею.

Там, за окном, — склоненный над столом
 Девический простой и чистый профиль,
 А с площади глядят на тихий дом
 Два старых друга: Фауст и Мефистофель.

Собор простлался тенью по земле,
 У стен коты мелькают торопливо,
 И круглоглазый филин в полумгле
 Им безнадежно шлет свои призывы.

Плащи в пыли, засечки на клинках,
 В мечтах давно уж нет бывшего блеска,
 Но всё глядят, с надеждою в глазах,
 Как в вышине алеет занавеска.

1922

Ветвистый дуб, угрюмый и суровый,
 Столетний дом укрыл шатром густым.
 Остановиться б, привязать гнедого
 И поклониться образам святым!

Рекою желтой и неторопливой
 Тропа течет, небес не отразив.
 Могучий дуб, хоть ты листвой шумливой
 Ответь на несказанный мой призыв!

Певунья ласточка под крышей где-то
 Гнездо свивает, в чаще зверь завыл...
 И сердцу снится, что тропой вот этой
 Айвенго в город на турнир спешил.

1922

Поэт! Ты будь своим судьёю:
 Когда тоска и ночь в груди,
 Возвысься над самим собою,
 И суд твори, не знай покоя,
 И не прощай, и осуди.

Придут свидетели, вставая
 Со дна испуганной души, —
 И ты ей скажешь: в мир без края
 Ступай, нигде не отдыхая,
 И, согрешивши, не гречи.

1922

Все умерли — а об одном скорблю я!

Не прогнусавил ничего дьячок,
 И поп с оплатой молча согласился,
 Не голосили бабы, детвора
 Над вырытой могилой.

В синем небе

Два коршуна висели недвижимо,
 И даль была пустынна. Вот и всё.

Он был иль нет? В последних белых астрах —
 Предчувствие сверкающих снегов.
 Я положил бы их у изголовья,
 Я плакал бы, когда б не показалось,
 Что я себя — себя же хороню.

1922

В горах, среди камней и ледников,
 Над девственным высокогорным краем
 Одну мы только хижину встречаем —
 Приют охотников, гнездо орлов.

Господень гнев, метелью подстрекаем,
Грохочет в безднах, грозен и суров, —
А мы сидим, и вот шашлык готов,
Мы пьем вино и в шахматы играем.

Когда-то, так нам рассказал поэт,
В жилье таком же отдыхал Манфред,
С Непобедимым вновь готовясь биться.

И мы — лишь день забрезжит молодой —
Пойдем со смертью в шахматы сразиться,
Ведомые гранитною тропой.

1922

65

«Пісні не народ складає, а морськї люди. В суботу грає море; на море випливають морськї люди, що половина чоловіка, а половина риби, випливають і співають усяких пісень, а чумаки стоять на березі та й учаться.

*Из этнографических записей.*¹

В субботу плещет море, и дельфины,
Купаясь в пене, выгибают спины,
И за туманом — чаек голоса,
И молятся безмолвно паруса.

Волы стоят, рога уперши в землю,
И не режут, волнам прибойя внемля,
И не идут домой. А чумаки
Сердцами вдаль уносятся, легки.

Тогда из моря выплывают люди:
С хвостами рыб, но с человечесьей грудью

---

¹ Песни не народом сложены, а морскими людьми. В субботу плещет море; из моря выплывают морские люди, наполовину человеческого подобия, а наполовину рыбьего, выплывают и поют разные песни, а чумаки стоят на берегу и учатся. *Из этнографических записей.*

В дальнейшем все редакторские переводы украинских эпитафий даются без оговорок: «с укр.».

И головой. И песни их звучат,
Как трубный клич, пронзающий закат.

В субботний час среди морской равнины
Она возникла, песня Украины,
И в море дальше — в субботний час —
Она зовет и увлекает нас.

1922 или 1923

66

Нет! Не казарма — день грядущий,
И не цементный коридор!
Недаром светит нам сквозь тучи
Огненноокий метеор —

И он земли коснется нашей,
И мир предстанет голубым
От золотых кремлевских башен
До нив, где спит железный Рим.

1923

67

Чуть светит дремлющая плошка
В холодной горнице ночной.
И ветер в синее окошко
Стучит студеною рукой.

Под прохудившейся рогожкой
Лицо старушечье видать.
То сына
Ожидает мать.

1923

Ты не дашь мне теперь заснуть,
 Мальчуган на фастовском вокзале!
 Устилайте, поэты, путь
 Снегом азалий, —
 Я не стану из кубка тянуть
 Настойку на идеале.
 Мне другое худая грудь
 И глаза сказали.

Как голодным огнем, меня жгли
 Эти черненькие глазенки.
 Поезда свистели вдали,
 Спекулянтки смеялись звонко.
 Он сказал мне: «Мы с мамой пришли...
 Маму жду...» Он стоял в сторонке.
 Тварьки серенькие ползли
 По лицу ребенка.

1923

69—72. П О П У Г А Й

Старый попугай сидел на шарманке
 и клювом вытягивал билетки —
 «счастье»...

1

Там, где алые голуби воруют
 Египетскую крупную пшеницу
 И высятся горы мешков и пакетов,

Я сижу с продавцом бананов,
 И море касается наших
 От солнца черных ног.

Каирский табак — наилучший,
 У женщин греховные взоры
 и стройные ноги,
 И вообще — весело жить!

Весело видеть в каждом движенье
 Сокрытую силу жизни,

Весело слышать шум людского
и божьего моря,
Расхваливать каирский табак,
И врать безбожно о своих удачах,
И слушать голос попугая,
Что, взгромоздясь на мое плечо,
Меня же дураком обзывает!

9

Как сизо-розовое пламя,
Взметнулись голуби кругом.
Сады в цвету — и мы сердцами,
Как будто в сказке, расцветем!

Иль из заката золотого
Приладим парус для челна,
Иль поцелуй той, чернобровой,
Нас опьянит сильнее вина,

Или обманем взором ясным,
Ну как оленя зверолов,
Того купца с тюрбаном красным,
Что сам нас обмануть готов?

8

Хамсина пыль всю даль затмила,
В тумане желтом берег Нила,
Феллахи спят, и снится им,
Как вьется над Сахарой милой
Слепящий нестерпимый дым.

Паши и жни, весь век работай,
Молись, чтоб землю Нил вспоил,
Но знай, чем кончатся заботы:
Нас всех проглотит черноротый
Неумолимый крокодил.

Разгулялся ветер синий
 По измученной пустыне,
 Словно вязнут в паутине,
 Тянутся верблюды в путь.
 Сохнет кровь, воды не стало,
 Плащ накинута как попало,
 Мало жить осталось, мало, —
 Не вздохнуть!

Простирают руки, плачут —
 Пальмы впереди маячат,
 Зебры молодые скачут,
 Берег влагой напоен. . .
 Счастье? Муки? Жизни чудо,
 Мерный, тихий шаг верблюда,
 Холмиков песчаных гряда,
 Жажды сон.

Между 1922 и 1924

В лесной глуши, где только след звериный,
 Где строй стволов недвижим и жесток,
 Вдруг неба виден проблеск — нежно-синий,
 Как милый взор. Вокруг — ветвей поток,

Гуденье сосен, будто вой эришней,
 Ворчанье злобной рыси, молоток
 Седого дятла. В этой мгле пустынной
 Так славно встретить тихий уголок,

Приют чудесный мира и покоя,
 Где лишь порой изменчивой толпою
 Струится тучек серебристый дым.

Так ты, искусство, и во мраке бурном
 Сияешь мыслям и сердцам людским, —
 В грозном море светочем лазурным.

1923 или 1924

74. ГАННУСЯ

1

Под небом гулким, словно под шатром,
Где ходит ветер, теплый и румяный,
Они возводят этот светлый дом,
Простые — незаметные — титаны.

Щеглы порхают. Воробьи в кустах
Чирикают задорно и бессвязно.
Ганнуся с малым узелком в руках!
Давно не улыбалась ты так ясно.

Кипит работа. Пилы горячи,
И каменщики, в фартуках, рядами,
Как бы в игре веселой, кирпичи
Передают проворными руками.

И в хаосе раскиданных столбов,
Меж досок, щебня и пахучей глины
Порыв могучий зазвучать готов,
Как будто клич весенний, лебединый.

Рубанок свой наладив, дед Мартын
Рассказ нехитрый тянет бесконечно.
И вдруг среди работников один
В глаза Ганнусе глянул так сердечно.

Высокий, стройный. Вьется чуб густой.
Лишь кинул взгляд — у бедной сердце пьяно.
Гармоника вздыхает под рукой,
А голос — ветер, теплый и румяный.

2

Вечерами не всё затихает:
Тени бродят, звучат голоса.
У Ганнуси распалась коса —
Знать, ее домовик расплетает.

Кто-то хочет шаги приглушить,
И Рябко сразу выставил уши.
«Цыть, Рябенький, цыть!»
Весна убаюкала души.

8

Притомилась Ганнуся, но всё же
Башмачок на траву не спадет...
...Натянув розоватые вожжи,
В небе утро встает.

Новый день, и порыв, и заботы,
Вырастает, смеется наш дом, —
И смешались любовь и работа
Под прозрачным и гулким шатром.

4

— Наш дом растет всё выше, выше,
И окна светом залиты, —
Из камня он до самой крыши
И звонкой, точно медь, мечты.

Ганнуся! Лестницей крутою
Взбежим и поглядим вокруг!
Челны над вольною водою,
И зеленеет пышный луг.

Плуги в полях, и коней ржанье,
И человечьи голоса, —
Как моря дальнего дыханье,
Вдруг жаркий ветер поднялся.

И дым валит стеною плотной,
И трубы высятся кругом, —
И белоснежные полотна
Для наших девушек мы ткем.

Ганнуся! Где ты? Братья! Сестры!
Дом этот — наш! Не твой, не мой!
И так понятно всё и просто —
Гармоники веселый строй.

1923—1924

Пришла зима, и замело дороги.
 Друг к дружке жмутся хаты в тишине.
 В амбары спрятан урожай убогий.
 Мороз узоры пишет на окне.

Несчастен тот, кто под пургою вьюжной
 Идет один, в молчанье, без пути:
 Лишь с дружной песней, лишь толпою дружной
 Пустыни мира можем мы пройти.

И в час, когда роняют пух свой белый
 Павлины снежные в глухой тиши,
 Я выхожу на дворик онемелый —
 И радость озаряет глубь души.

Ведь по дороге, с сумками, с мешками,
 Под крик веселый, песни и галдеж,
 В простор широкий неуклонно, прямо
 Идет, перекликаясь, молодежь.

Искали прежде истин Пифагоры,
 И для жрецов горел огонь наук, —
 Теперь, как новь, вселенские просторы
 Распахивает деревенский плуг.

И целину поднимет не напрасно
 Микула новый — зацветет земля,
 И, словно гибкий стан златопоясный,
 Хлебами заволнуются поля.

Идут, идут... А на пороге хаты
 Старуха мать взмахнула рукавом...
 И падает, пушистый и косматый,
 Обильный снег над дремлющим селом.

(1924)

Собирают светлый, золотистый мед
 Прозрачные и радостные пчелы.
 Взгляни, прохожий, и ступай вперед —
 На улицу, на площадь, в лес и доли.

Неси в свой улей разум, кровь и плоть.
 Таких, как ты, идут миллионы смелых,
 Чтоб землю напоследок расколоть
 На *да* и *нет*, на красных и на белых.

(1924)

Следы копыт укрыло снежной дымкой,
 Повисли ветви, ждут, оцепенев,
 И ветер, пролетая невидимкой,
 Колышет мертвые тела дерев.

И тени переходят под скрипенье
 Осин, одетых ледяной корой,
 И мнится жизнь — одной неясной тенью,
 И сразу — искр неудержимый рой.

Там поезд мчится с грохотом и свистом,
 Сверкая рдяно в далях снеговых. . .
 Кому ж поверить? Искрам золотистым
 Иль седине осин, осин глухих?

1924

Шумит, и шепчет, и тревожит
 Неровный дождь из-за угла,
 А в сердце — летний день погожий,
 Тропинкой девушка прошла.

И сенокоса перезвоны,
И золотистые коржи,
И свежий дух копны зеленой,
Полынь и кашка вдоль межи.

1924

79

Как внимательный охотник,
Зверобой неукротимый,
Поседелый следопыт
Приникает теплым ухом,
Чтобы дальний шум расслышать,
К лону матери-земли, —

Так и ты, поэт, упорно
Отголоски жизни слушай,
Ритмы новые лови,
И приливы, и отливы,
Хаос линий, дым исканий
В панцирь мысли затяни.

Как бестрепетную руку
Врач кладет на пульс ребенка
И в биенье слабых жил
Видит то, что нам незримо:
Поединок неизменный,
Смерти с жизнью грозный спор, —

Так и ты, поэт, упорно
Слушай зовы лжи и правды,
Темный грех и светлый смех,
И клади не как Фемида,
А с отверстыми глазами
На спокойные весы.

(1925)

80. ОХОТНИКИ

Еще есть люди: ветер и леса
Отражены у них в глазах жестоких,
Перекликаются в них голоса,
Умолкшие в годах седых, далеких.

Склоняясь буйно к гривам огненным
Коней, носящих пламенные тавра,
Несутся по сугробам снеговым,
Напоминая пьяного кентавра.

И копский пот — божественный настой —
Щекочет ноздри голодом и силой,
И сердце голое во мгле слепой
Темнее ночи, вьюжной и унылой.

Вот штуцер поднят, грозные зрачки
Медведицу на мушку ловят в стуже,
И мускулы обветренной руки
Сжимают мощно верное оружие.

Когда кулик в разливе синевы,
Как тень, плывет среди весенних веток,
Они глазами круглыми совы
Следят за ним, — и выстрел будет меток.

Уж пахнет осень прелою листвою
И первые снежинки пролетают, —
Охотники, подняв арапник свой,
Борзых собак в пустой простор спускают.

Всё дышит, бьется, голосит, идет.
Он любит птицу, рыбу любит, волка, —
И, всех любя, безжалостно берет
Холодную и верную двустволку.

(1925)

81. ДОЖДЬ

Благодатный, долгожданный,
Светом радуг осиянный,
Гость вечерний, золотой,
Падай — бодрый, звонкий, свежий —
Над засушливой, безбрежной,
Пропыленной стороной.

Ты вздохни горячей грудью,
Мать-земля! Тебя остудит
Щедрый дождь, и оживит —
И пшеничной и ячменной
Буйной порослью отменной
Ширь полей возвеселит.

(1925)

82

Трепещет осокóрь, гигантом белым
Вздымаясь ввысь, где птицы лишь одни, —
И хорошо прилечь в его тени,
К земле приникнув наболевшим телом.

Вокруг домá, пустым ларям сродни,
Слова людей с их опытом несмелым. . .
Дай, сердце, волю крыльям онемелым,
Расправь их, ими в высоте сверкни!

А сердце мне: ведь ты листок единый
На ветке всеземного исполина,
Ты лишь частица, линия одна!

Умей же слышать, как проходят соки
Сквозь этот ствол, могучий и высокий,
Познай, какая в *целом* глубина!

(1925)

Вы в затхлых буднях, чьи смешались даты,
 В пыли неправд и кривотолков злых
 Блестите, мысли, как зарниц ночных
 Глаза в предчувствии грозы крылатой.

Темнеет небо. Гулов громовых
 Всё ближе слышны тяжкие раскаты,
 И вдруг на грудь, где все желанья сжаты,
 На землю хлынет холод струй живых.

И радостно впивает пóрой каждой
 Тот дождь земля, измученная жаждой,
 К ней лилия в изнеможенье льнет.

Так вы, тревожные, людей зовете
 От будней, от погибели в болоте,
 К бескрайностям оснеженных высот.

(1925)

Запахла осень вялым табаком,
 И яблоками, и ночным туманом,
 Сверкают астры над песком румяным
 За широко распахнутым окном.

Кузнечик в травах, как зеленый гном,
 Смычком поводит. И зачем весна нам,
 Когда с годами выдержанней станем
 И мудрость нас украсит серебром.

Бери суму и дом родной покинь,
 И пей холодную немую синь
 На взлесье, где медово пахнут дыни.

Учись быть и правдивым, и простым
 И, проходя по листьям золотым,
 Забудь про башни темные гордыни.

(1925)

Докуривайте, господа, кончайте
Ликер и кофе. Мщенья грозный час
Уже настал. По лестнице грохочут
Железные шаги и сотрясают
Всю землю: никуда вам не укрыться
И гнева правого не избежать.

Ключи от житниц бросьте в океан,
В глухие, вспененные ветром волны,
Скупые рыцари, в последний раз
На золото взгляните в подземельях,
В последний раз уста своих любовниц
Накрашенных целуйте. Дверь трещит,
Гремит железо, голоса гудят,
И встало зарево в высоких окнах.

(1925)

По городу, Парисовы чертоги
Покинув, шла она в часы тревоги
И встретила у крепостных валов
Толпу троянцев — хмурых стариков.
«Вот женщина, что топит нас и губит!»
— «Ее напрасно сын Приама любит!»
— «Убить ее!»
— «И смерти мало ей!»

Тут глянула она из-под бровей
И дальше двинулась походкой плавной.
А те: «Хвала и слава богоравной!»

(1925)

Великою отмечен благостыней,
 Анхизов сын глядел богине вслед:
 А дымка легкая, чей нежный цвет
 Блеснул вдали, исчезла в небосини.

Не только лебеди, а целый свет
 Служили ей — отраде и святыне, —
 Хотя из пены родилась богиня,
 Но тверже не было ее и нет.

Эней не мог забыть ее ладони,
 Они его ласкали, а не жгли,
 А волны бушевали, словно кони,

Троянские качались корабли,
 И боги провожали их колонну, —
 Одни гневясь, другие благосклонно.

(1925)

88. ТРОЕ В ОДНОЙ ЛОДКЕ

(НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ)

Джером К. Джером

Привязан утлый челн к чернеющей коряге.
 Промокли сухари, и сахар слипся в ком,
 И, как осенний куст под бурей и дождем,
 Уныло сгорбились заядлые бродяги.

Но не беда, друзья! Глоток-другой из фляги
 Да парочка острот — и легче мы вздохнем,
 И пусть Монморанси завыл глухим баском,
 Нам высший разум дан, чтоб не терять отваги.

Не взяли в дальний путь с собой мы лишку впрок:
 Тючок провизии, питье да табачок,
 Да книжиц несколько, да нас — без фокса — трое...

А наше — всё вокруг: деревья, и вода,
И блеск, и всплески волн, и, словно глыбы льда,
Громады облаков над чашею сырою.

(1925)

89

По мосту над темною водою
Ты брела. Летел сырой снежок.
Веяло от легких верб весною,
Ветер дул в свой жалобный рожок.

Был в глазах, как две свечи горящих,
Жар нечеловеческой тоски,
А следы шагов, совсем ребячьих,
На снегу подтаявшем легки.

Спутанная прядка выбивалась,
Плакал белый твой платок во мгле, —
То снежинка таяла, казалось,
Таяла снежинка на земле.

(1925)

90

Когда, с зарею, бригантину
Волна качнет,
Красотку юную покинув,
Моряк уйдет.

Взовется парус, крикнет птица,
Мелькнет стремглав...
Тогда слезой осеребрится
Ее рукав.

Есть край иной, иные травы,
Есть мир иной.
Он с ними встретится — кудрявый
И молодой.

С иной прелестницей кручину
Развеет он,
Когда под вечер бригантину
Примчит муссон.

(1925)

91. КИТАЕВ

Он рукавом развеял тучи,
Поднявшись волнами вершин,
Китаев сладкий и певучий,
Благоуханный сельный крин.

Сквозь запах ладана тяжелый,
Сквозь мрак свечи и клобука,
Как взоры грешницы веселой,
Смеются годы и века.

Пусть, полный плача и обиды,
Несется колокольный зык,
Пусть у Евстафия Плакиды
Окаменел суровый лик,

Пусть богомольцы неустанны
У перепуганных икон,
Пусть предрекает Первозванный
Царей, князей, корону, трон, —

Уже с клюкою пилигрима
В другие села и сады
Направлен шаг неутомимый
Григория Сквороды.

(1925)

92

Я утомился от раскрашенных,
От хитро выдуманных слов, —
А верба серьгами украшена,
И посинел пруда покров.

Пускай я счастья не нашел того —
Его весна несет, стройна,
И держит свечку воска желтого
В руке узорчатой она.

Пусть оснежённой, рыхлой лапою
Зима на землю налегла, —
А свечка капает и капает
Над грустью белого села.

(1925)

93. ПАМЯТИ ДЯДЮШКИ МОЕГО КУЗЬМЫ ЧУПРИНЫ

Я помню: полкопны обмолотить, бывало,
В подшитых валенках, служивших уж немало,
Ты по зазимку шел, налипшему вдоль троп.
И ровным золотом стелился тяжкий сноп,
И желтый цеп мелькал, как молния кривая,
В тиши серебряной удары отбивая.
Минута отдыха, сигарки синий дым,
Звон снегирей. . . — Ушло, как не был и живым!
Твои рассказы знать уже не будут внуки!
И не дубовый цеп — железный цеп сторукий
Тяжелые снопы смолотит им в степи. . .
В снегу забвения, как снег забытый, спи!

1925

94. ФАЛЬСТАФ

Когда Уэльский принц взошел на отчий трон,
Он, как повелевал традиции закон,
Пред подданными речь держал умно и веско.
Как вдруг, простой народ расталкивая дерзко,
Приблизился толстяк. Его мясистый нос
На масленом лице цветком багровым рос,
Светились хитростью глаза его кабаньи.
Высоко шапочку поднявши в ликование,
Он крикнул: «Здравствуй, принц! Могуч ты и богат!
Отпразднуем! Я здесь, всегдашний друг и брат —
Фальстаф! Прими привет от девочек нестрогих

И крепких вин!» Но крик, смутивший в зале многих,
О голос Генриха разбился, как о щит.
Властитель отвечать бродяге не спешит
На этот хрипый зов, бесстыдный и убогий,
Лишь молвил: «Прочь, старик, ступай своей дорогой!
Тебя не знаю я! Такой когда-то мне
В далекой юности пригрелся во сне».

Так молодость моя, пятном расплывшись мутным,
Возникнет и кричит мне голосом беспутным:
«Я здесь, твой верный друг!» Но зов ее стучит
В мой повседневный труд, как в необорный щит,
И я на хрипый крик, безумный и убогий,
Ей отвечаю: «Прочь, ступай своей дорогой!
Тебя не знаю я! Такой когда-то мне
Приснилась ты давно в забытом, тяжком сне!»

1925

95. ТРУДЫ И ДНИ

Простерлась зелень всходов полевая.
Картинками старинных детских книг
Даль кажется. И я к земле приник,
Ее немолчным трепетам внимая.

Как верится, и снам не видно края!
Смех чей-то звонкий долетел на миг.
Трудов и дней пить кубок! Я постиг,
Что в этом радость высшая земная.

Пылают сосны. Вечер окропил
Росой серебряною стебли. Строгий
По небу город облачный поплыл.

И вот — в одну сбегаются дороги,
Единым взмахом рвутся сотни крыл,
И сотни хат в одном слились чертоге.

(1926)

96. ПОЛДЕНЬ

Мохнатый шмель пьет мед из красных шапок
Репейника. С какою полнотою
Гудит и стелется над светлой далью
Полуденной виолончели звук!

Передохни, и обопрись на заступ,
И слушай, и гляди, и не дивись.
Ведь это сам ты зеленью безбрежной
Широко разбежался по земле,
И это сам ты бурых пчел роями
В могучих ветках ясеня гудишь,
Ведь это ты разливы ржи пыльюю
Плодотворишь. И это снова ты
Для нужд людских с людьми на новом месте
Возводишь поселенья и мосты
Прозрачные крепишь над пропастями!

Спят заводи, спят лодки на воде,
Пчелиный рой висит пахучей гроздью,
И даже солнце налилось, как плод,
И кажется недвижимым. . .

Только ты

Не поддаешься полдню и покою, —
Уже пришла, склонилась над тобою
И ждет поэзия, твоя подруга.

(1926)

97

Зелень свежая качнулась,
Поплыла, шумя, листва.
Первым каплям улыбнулась
Истомленная трава.

Голуби летят в укрытье.
И под крышей — киньте взгляд! —
Словно бусинки на нити,
Их головок круглых ряд.

28 апреля 1926

Кружит ветер вешний
 Мельницы крыла,
 Разбудил черешню,
 Что белым-бела,

Спутал в книге даты,
 Разметал листы. . .
 Сердце! Изю льда ты?
 Из железа ты?

29 апреля 1926

Дождь теплый перестал — и увязают ноги
 В сыром, живом песке проселочной дороги,
 И ловят острый дух промчавшейся грозы
 И человек, и зверь, и поросли лозы,
 На влажном берегу разбросанной местами. . .
 Как башни, тополя вздымаются рядами,
 И ветви мокрые — приют для воронья. . .
 Останусь ли я бодр? И передам ли я
 Всё счастье этих дней — еще покуда юных —
 И эту песнь мою в чрезмерно тонких струнах?

Апрель 1926

Когда звенят черешни,
 Когда они в цвету, —
 Тогда узор нездешний
 Я из цветов плету.

И наяву иль снится —
 Всё видится одно:
 Как будто бы в кринице
 Лицо отражено.

Земля росой искрится,
И вся она в цветах,
Неведомые птицы
Поют в ее садах.

И мысли стали словом,
От песен светел взгляд,
Когда в цвету медовом
Черешенки горят.

Апрель 1926

101

Стучась в окошко, ветер завывает,
И трудно дышит пруд, свинцовым став.
Вновь замерзая, сердце отвыкает
От радостного колыханья трав.

И повесть возникает, и не тайно
Свои сплетает кружева она,
Глася о том, что молодость случайна
И старости упряма седина.

Холодный ветер, друг мой неизменный!
С деревьев отряхая зрелый плод,
Ты учишь нас любить и то, что тленно,
И что, как мир, вовеки не умрет.

Осень 1926
Романовка

102—103. АДОНИС И АФРОДИТА

1

Трубочист всех грязней на свете —
Он недаром слуга чистоты,
И недаром шлет строки эти
Тот, кого и не видела ты.

Неспроста за окном трамвая
Синий, в сини плывущий взгляд —
Неспроста я в строку включаю
Те слова, что уже не звучат.

То, что в ком-то, как медь, тускнеет,
Сон, что днем унесет суета, —
Для меня даже смерти сильнее,
Чем сладчайшие слаще уста.

8

Нет, без артистов и жонглеров
Затянет тиной наши дни! . .
Сверкая, свет реклам на город
Льет поэтичные огни:

Взблеснут — и гаснут на мгновенье. . .
Сплетенье улиц — в их огнях,
И оживают павших тени
На запыленных витражах.

Экран мельканием слепящим
В толпу марионеток шлет
Тех, что в пустыне путник спящий
В сны одинокие зовет.

Друзья чужими стали вроде,
Чужой меня родным назвал. . .
Погибнем мы на повороте,
Не одолевши перевал.

Все, кто, до боли стиснув зубы,
Идут и не бинтуют ран
Под несмолкающие трубы
И под жестокий барабан,

Те, для которых цифра восемь
Обводит мерно день за днем,
Падут в траву у светлых сосен
С непрояснившимся лицом.

Как горько, тяжело, как без меры
Прекрасно рухнуть у межи,
Где пронизали сумрак серый,
Звеня, грядущего ножи!

Любовь живет, как мир огромный. . .
И в многоликости живет
Цвет, Афродите посвященный;
Он в новом, вечно обновленный,
Всегда по-новому цветет.

8

О кавалеры улочек глухих,
Романтики соломенские в клешах!
Не та ли боль затаена и в них,
Любовь и гнев с огнем не тем же схожи?

Протремте же чванливые пенсне,
Вглядимся в мир причудливейшей лепки!
Жестока жизнь, но смерти не страшной,
И потому ее объятья цепки.

4

Число звериное исчислив
И точно взвесив на весах
Всё, что, пlying пылинкой в высях,
Теряется в глухих веках,

Наметив строго и сурово
Пути в сплетеньях голубых,
Ведешь к каким чертогам новым
Ты, что красу огня живого
Похитил у богов хмельных?

И где же, у каких развилин
Столкнутся, у каких крестов —
Такие три враждебных силы,
Как голод, ненависть, любовь?

Какими ветками повита,
Какою святостью свята,
Водою вечною омыта,
Для Адониса Афродита
Раскроет страстные уста?

12 декабря 1926

106

Как лес, как мачты радостных флотилий,
Взметнулись руки в темноте глухой.
Где сила та, что этой вечной силе
Прикажет: стой!

Бескровным жилам дайте ток багровый
И телу — пламень солнечных лучей!
Пусть будет синь, пусть будет гимн сосновый
И золотое кружево ветвей!

Вот первый день творенья! Разум первый
И первый возглас! Первый цвет и зверь!
Крепчайте в грозах и морозах, нервы!
Живущий, людям верь!

1926

107

Опять «Тадеуша» я развернул,
Бумагу разложил, окно завесил, —
И шляхта вновь шумит передо мною,
И снова в романтической позе Граф,
И рог охотничий звучит над бором,
Бросая в небо триумфальный клич.

И мастеру я удивляюсь вновь,
Что править мог уверенной рукою
Упрямым панством. В тишине слова
Опять звучат, подобно темной меди.

Но вот рука безвольно выпускает
Перо, — и женский стан в моих глазах
Уже встает, подобный ломкой льдинке. . .
И руки тонкие, как два крыла,
Приподымаются в порыве робком,
И в темных косах первая снежинка
Мне говорит про осень и печаль.

(1927)

108

Осенний холодок, над пажитью синяя,
Раскинул свой шатер широко над землей,
И тучные плоды, как вымя Амальтеи,
Набухли соками, и луг звенит травой.

О, сердце, радостью осенней налитое,
О, сила синих жил и мыслей щедрый всход!
По свету бы пройти, как солнце золотое,
С улыбкою сходя за медный небосвод.

Мне не прославиться высокими делами,
И в битвах, может быть, я кину меч и щит, —
Но верю, что земля вновь зацветет садами,
И новый плод зачнет, и новый плод родит!

(1927)

109

Ласточки летают — им летается,
А Ганнуся любит — ей пора. . .
Как волна зеленая, вздымается
По весне Батыева гора.

Гнутя клены нежными коленями,
В черной туче голубь промелькнет. . .
День-другой — и птицами весенними
Мы всплывем в лазурный небосвод.

Пусть же кружится Земля, вращается
Хоть вокруг лампочки, как встарь, быстра! ..
Ласточки летают — им летается,
А Ганнуся плачет — ей пора. . .

(1927)

110

«Больше перцу в слово, больше перцу!
Небо нынче твердое у нас!
Ни к чему Гораций да Проперций, —
Эра электричества сейчас!

Больше перцу в слово, больше перцу!
Больше пряностей — и так и сяк!»
... А поэт им скромно: «Больше сердца?»
... А они: «Ну, вот еще чудака!»

(1927)

111. ПЕРЕД ВЕСНОЙ

Слыхали? Жаворонки прилетели!
Еще повсюду бурые сугробы,
Еще по трактам голодают галки,
Еще не часто борозды блестят
Лилово-черной, слишком сочной краской
И нет еще весны в календаре,
Но кузнецу уже работы много:
Тот борону большую приволок,
Тот возле плуга хитро копошится,
И остряков, пожалуй, здесь не меньше,
Чем в клубе Английском.

Вот-вот трава
На выгоне опять зазеленеет!

Слыхали? —

Скажем, ехали в санях
Вы с ярмарки, где пахнет конским потом,
Раскрашенными ситцами, и дегтем,
И табаком, и радостью людскою,

Где каждый врет, торгуется, смеется,
Где под возами пьют магарычи, —
И вдруг заметили, что в талом небе
Рассыпались кругляшки бус цветные
И колокольчиков раздался звон?

Иль, скажем, шли вы полем на собранье
Шумливых членов кооператива,
И голову вдруг вскинули — шапочка
Чуть не слетела — и с улыбкой детской
Вдруг увидали первых певчих птиц?
Иль, скажем, вы рабфаковец упрямый,
Из города прибывший дня на три —
Проведать мать, с Матвеем колченогим
На современные поспорить темы
И в комсомоле навести порядок, —
И вот, когда со станции вы шли,
Комочек, чуть заметный меж снегов,
Зашевелился, будто бы оттаяв,
И так запел, что захотелось вдруг
Запеть и вам, как никогда не пели!

Иль, скажем, девушка вы молодая,
И ваши косы ветер теребит,
А вы не сёрдитесь, вы благодарны —
Ведь он приносит песню голубую,
Возносит сердце в нежные высоты
И превращает в песню целый мир! . .

На деле жаворонков нет еще,
А только так, припомнилось случайно,
Что вот и я, промачивая ноги,
Проваливаясь меж сугробов взбухших,
Готовых к смерти, — часто я спешил
Услышать вестников природы новой,
Нехитрых жаворонков! . . Сколько снилось,
Как верилось и как дышалось — вместе
С землею, зверем, с первой свежей почкой!
И не было неправды в юных снах.
Вот и теперь — зима лежит повсюду,
И те, кто знает только Реомюра
Да календарь, — принципиально мерзнут,

Ругают холод, вновь везут дрова, —
А я, хотя и посинел немножко,
Кричу, всему и всем наперекор:
«Слыхали? Жаворонки прилетели!»

21 февраля 1927

112

Хвосты в дорогу кóням подвязали,
Еще бы закурить да в руки кнут, —
Н-но, милые!

                                Не праздник, а слышали,
Как бубенцы залиvisto поют?

Дорогу развезло... Возок иль сани
Пригодней тут? А может, кто с умом,
И в челноке пустился б... Знать заране —
Сидел бы дома!.. Да зато кругом

Сверкают лужи, словно после ливней,
И мнится, что послал сегодня нас,
Чтоб весточку доставить Бондаривне,
Не пан Канёвский, нет! — казак Тарас.

9 марта 1927

113—115. Д Е Н Ъ

1

Дощатый тын, туман седой, лохматый,
Тоска галош, — всё лужи на пути...
А мне сегодня так хотелось брата
К весенним дням вести и довести!
Ну что ж. Идем. Махни рукой на воду:
Мы даже речку Лыбедь перейдем...
Ведь Моисей не выходил к народу
Ни разу с опечаленным лицом!

Базар и голуби. Сон сердца давний,
 Но незабвенный. Ветер в полусне
 Колышется. Он в вешней вышине
 Когда-то пел на радость Ярославне!
 И хочется мне солнцу рассказать,
 Что счастливы все — голуби и люди,
 Что день приходит, что весна опять,
 Что оживает мир, что радость будет!

Примчалась тучка, тучка улетела —
 То серый креп, то синь, то пестрота.
 Дивишься лишь: когда же ты успела
 Окрасить мир в различные цвета?
 Играя и меняясь беспрестанно,
 Вот притаилась ты, а смех — звончей, —
 И весело крыло аэроплана
 Сгоняет с места ясных голубей.

9 марта 1927

116. ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Весна за прялкою, скромна как Маргарита,
 Запела песенку, стан наклонив едва.
 Проста мелодия, знакомы всем слова,
 И по-старинному ее одежда сшита.

Он — рыцарь. На мече, в его оправу влита,
 Сверкает капелькой сапфира синева, —
 И белокурая склонилась голова,
 Цветною лентою напрасно перевита.

Смеркается. Еще не отзвонил звонарь,
 А уж насмешливый на площади фонарь
 Качнулся, детскую горь слезой дрожащей.

Монахи, сгорбившись, пройдут в ночную тьму,
 Проедут всадники. . . Не слышать никому
 Ни прялки девичьей, ни песенки грустящей!

14 марта 1927

117. САТИРИКУ

Стихом бичуя ложь, распутство и пороки,
Настраивая дух на новый лад высокий,
Зачем украдкою ты с верным фонарем
Подходишь созерцать веселый этот дом?
И, став на цыпочки и сжав уста прямые,
Зачем так пристально глядишь, Иеремия,
Как Лидия в кругу прельстительных подруг
И деньги и сердца пригоршней звонкой вдруг
Хватает, хохоча, блистая взором черным?
Обличье строгое закрой плащом просторным,
И — от греха беги, блюдя святой зарок!
Иначе — миг еще... и ступишь за порог.

Сентябрь 1927

118

К нам прилетает каждый день во двор
Упрямый дятел. Сядет на пенечке —
И стук да стук, почти до самой ночи.
А Васька наш, подкравшись словно вор,
К его хвосту ползет из-за дубочка, —
Да где там! Раз — он взмыл и полетел,
Взмахнув крылом над снегом синеватым...
Эх, Васька, Васька! Вот чего хотел!
Не каждый ведь рождается крылатым!

Сентябрь 1927

119

Когда, в свободный час, склоняясь над тетрадкой,
Сонеты стройные чеканишь ты украдкой,
И глаз не сводишь с них, и, как ребенок, рад, —
Пусть ни укор, ни смех тогда не долетят
В укромный угол твой, где ты застыл в экстазе.
Не для распущенных рифмуешь ты Аспазий
И не для тех юнцов, чья только «дважды два»
Вместить нехитрая способна голова.
Ведь всё же люди есть — а то б не жить на свете, —

И черный труд любить умеют люди эти,
И мыслить глубоко, и ревностно искать...
Пусть будет «дважды два» по их понятию пять,
Но с ними радостно, и стыдно перед ними,
Когда скрипят стихи созвучьями хромыми.

Октябрь 1927

120

Суровых слов, что леденят и жгут,
Перебираю связку, словно четки,
И никогда уж не воскреснут тут
Слащавые и приторные нотки.

Не надо слез, и смеха здесь не ждут —
Есть лишь удар, разящий и короткий,
Что обожжет, как беспощадный кнут,
И, как стрела, в груди застрянет кроткой.

Сорву со стен цветных картинок хлам,
Дешевую развею позолоту,
Чтоб вышел день, неумолим и прям,
Как каменщик выходит на работу,

Чтоб мерный жест моей руки скупой
Ломал столбы и рушил камня строй.

1927

121. ЛЕТО И ВЕСНА

За лето наша речка обмелела,
Лениво вдаль струится, как и все, —
Еще ленивее, чем все.

Там окунь
По-хищнически бросится — и рыбки
Рассыплются серебряной гурьбою,
Спасаясь от напасти; там нырок
(Нырнiкоза, по кличке ребяташек)
То белой грудью в воздухе блеснет,

То в воду ринется — лишь разойдутся
По ней круги; там чибисы чернеют,
Там кричат стаи уток в тростниках
По целым дням. Крапивка расцветает,
Дрожат над ней, в тиши горячей, сонной,
Лазеревые мотыльки. . . В траве
Кузнечик подрастет, и станет слышен
Далёко треск сухой. . . Всё неспешно
Идет и никого не удивляет,
Ничьих сердец не трогает. Весь мир
Законченным глядит — совсем поэма
Былых времен, — а хочется порою
Его спокойствие сломать, нарушить,
Развеять, по ветру в сердцах пустить!
Так иногда все отдал бы поэмы
За несколько неровных и горячих
Слов, полных радости, любви и гнева,
Немудрых слов, что посильнее мудрых!

Зато весной в какой тревоге всё!
Шумят, бушуют пенистые воды
Так, что подчас свое лицо плотина
От страха прячет. Гости — что ни день —
Перекликаются между собою!
Кто назовет их всех по именам?
Сам Родион запутаться способен
В их прозвищах!

Те утки, например,
Которые так крыльями шумят,
Блестя в лучах, — ведь их, пожалуй, Мурман
Ждет в эти дни, как дачников обычных,
Уже задаток давших; а когда б
Они у нас остаться захотели
Дня на два, на три — вот была бы радость,
Как будто за завесой голубою
Неведомая нам открылась жизнь! . .

А вон и гуси, — в прошлом им у нас
Жилось неплохо. Хоть порой, случалось,
Князь, из былины выйдя для охоты,
Иль запорожец, выскочив из думы,
Пугал их метко пущенной стрелой, —

Зато в таких водились камышах
Их выводки, что не проглянешь глазом,
А кóрма и статистик педантичный
Взять на учет не смог бы. . . А теперь
Они у нас побудут на ночевке,
Немного погорланят о минувшем —
И далее флотилией отважной
Плывут на север. . . Вон и наши утки,
Чирки и куликов певучих стая,
Но, в одеянии поры весенней,
Всё это изменило голоса,
Всё это новым кажется и странным. . .
Ходи, смотри, прислушивайся к шуму,
Затем что вскоре — будет день такой —
Река войдет опять в былое русло
И гости свой закончат перелет,
А остальные, разделясь на пары,
Начнут размеренную жизнь.

Броди,
Весенней благодатью упивайся!
Вбирай в себя и голоса и краски,
Перекликайся с Мурманом, пошли
Привет чужим лесам, болотам, рекам —
И знай, что осенью вновь прилетят
Бродяжки стаи, снова расколышут
Весь воздух звоном, щебетом и свистом —
И светлую развеселят лазурь!

1927

122

Я памятник себе воздвиг недолговечный —
Не из металла он, не из гранитных плит.
Мои творенья миг схоронит скоротечный,
Забвеньё запылит.

Ни сил пророческих не принесла мне доля,
Ни славы сладостной отведасть не дала,
И время прочь сметет меня, как листья с поля,
Как крохи со стола.

Забудут обо мне, и только ненароком,
Из хлама кто-нибудь извлекши ветхий том,
Напомнит правнукам о малом, о далеком
Житье-бытье моем.

Мол, жил, творил, в хулах порой не знал отказу;
А впрочем, чудачков нам видеть не впервой. . .
. . . А что, когда он всё ж прибавит: но ни разу
Не покривил душой!

(1928)

123

Не нагляделся я на розовые почки,
Источник юности убогим черпаком
До дна не вычерпал. . .
Горят вверху цепочки
Апрельских облачков, изогнутых мостом.

О, протянись, как мост, напев стиха простого,
К сердцам, где радостей и горестей юдоль.
Пусть солнцем утренним блеснет мой вечер снова,
Пусть людям принесет мое живое слово
И скорбь целящую, и благодатную боль!

(1928)

124

Целый день не стихала работа,
Веял ветер, и солнце пекло,
А к закату молчанье в ворота,
Словно гость долгожданный, вошло.

Унавожено смутное поле,
Вилы пахнут, и пахнет рука,
Ноги млеют и ноют от боли,
Голова, как железо, тяжка.

Летописцем, что в ночи глухие
Над столом обессилел давно,
Месяц сны переводит людские
На широких небес полотно.

(1928)

125

Машина пронеслась, полоску дымовую
Развевая за собой. А там, в дали сквозной,
Где стал навтыяжку деревьев строгий строй,
Трамваи дребезжат, со звоном звон рифмуя.

Наскучив красотой, на улицу земную
Сворачиваю вновь, свершаю путь с толпой,
И радостно мне знать, что людям я родной,
Что с ними в ряд — и крест и свой венец несу я.

Одним трудом, одной заботой заняты,
Мы будем рыть руду, сооружать мосты,
Сады выращивать меж голыми песками —

И легче будет нам покинуть дольний мир,
Когда о смерти весть передадут в эфир
Антенны, нашими построены руками.

(1928)

126

В эпоху, милую душе своей,
Любой поэт уходит, если надо.
Пред ним, как море, прошлого громада —
Что царств, богов, племен, веков, людей!

Библейских сказов мирра и елей,
Эллады зной и готики прохлада —
Всё может стать усладой для взгляда
Иль перелиться в музыку идей.

Но принимать иль нет, что в нас растет,
Что возле нас цветет из года в год
И что трудами мы творим своими, —

Лишь тот, в чьих жилах жар давно остыл
И вместо крови мертвый ток чернил,
Тревожится вопросами такими.

(1928)

127

Топочут овцы, кони ржут, ревет
Могучий бык протяжно и зловеще,
И черной тенью птицы реют веще,
И черных туч всё яростнее гнет.

Как ураган восторженно поет,
Как дым костров испуганно трепещет,
Как дождь сечет, как пьяный ветер хлещет,
Каким потоком хлынул небосвод!

Ликуй, земля! Из чаши пей небесной,
Прими лобзанье, как удар мечом,
Пади в объятья радости железной!

Уже светлеет за твоим плечом
Иная жизнь, — и голос соловьиный
Сквозь гром и грохот льется над равниной.

(1928)

128. ИЗ БУКВАРЯ

Взгляните: вот жильё рабочего простое.
Здесь украшений нет. Лишь ароматы хвои
Да над опилками прозрачная пыльца.
Здесь день-деньской поют рубанки без конца,
За стружкой стружка вслед мелькает и змеится...
И гость взыскательный пускай не изумится,
Девиз простой прочтя, знакомый всем окрест:
Кто трудится, тот ест.

(1928)

*Памяти мудрого кузнеца
Якова Франка*

Беседой занимать не пробуй кузнеца,
Когда оң молотом беседует с ковалом:
За искрой искорка сверкает блеском алым
Взамен крылатого и острого словца.

Как бы играючи, ведет с железом спор
Рука могучая, лишь вздулись жил извивы, —
И вдруг рождается перед тобой, на диво,
Из жаркого бруска подкова иль топор.

Но если строгий мех дыханье затаит
И отдыха придет веселая минутка —
За шуткой слыханной неслыханная шутка,
Как в сумрак искорка за искоркой, летит.

(1928)

Анемоном фиолетовым
Я люблюсь, как во сне. . .
Не удастся нынче это вам —
Опечалить сердце мне.

Надоели разговорами,
Вот запеть бы я не прочь. . .
Всколыхнулась над просторами
Синью шелковую ночь.

Сад весенний распускается,
Вся черемуха в цвету, —
Сам деструктор не решается
Тронуть эту красоту.

Тени длинные, неясные
Роща на землю кладет,
Парусами светло-красными
Зацветает небосвод.

(1928)

Не смыть всем аравийским ароматам
 Того, что прозвучало ранним утром,
 Что музыкою зацвело в душе. . .
 Холодный ветер, ударяйся в стекла,
 Стоните, тополя, рыдайте, вербы, —
 А я плыву лазурною рекою,
 И, словно парусами, надо мною
 Ключ лебединый крыльями звенит.

(1928)

182. НОВЫЙ ХЛЕБ

Пахучей пылью всё полно кругом,
 Осыпаны мукою бревна, доски,
 И голоса людей — как отголоски
 Воды, бормочущей под колесом.

Зерно несут спокойно, чередом,
 Мечтательно — и нет конца подноске.
 И шутке — хоть и с перцем, но не плоской —
 Все отвечают сдержанным смешком.

Да, новый хлеб! . . . Сегодня мы богаты,
 Поправились. . . А что, когда б, на грех,
 Дожди пошли? Полег бы хлеб несжатый.

Ну, обошлось. От хаты и до хаты
 Всесильный хлеб, желанный гость для всех,
 Струит свои живые ароматы.

(1928)

183. КУДА ГЛАЗА ГЛЯДЯТ

Еще малыш — с отцом по лесу, вдоль прогалин,
 Я шел тропинкою (куда глаза глядят).
 Казался ледяным простор небес на взгляд,
 И, как живые, в нем листочки трепетали.

Как дружно за руки друг друга мы держали,
Как бледный горизонт, чуть холодком объят,
Нам предвещал в пути часов счастливых ряд!
Какое кружево сплетали ветви в дáли!

И я не знал тогда, что над отцовским лбом,
Как черный коршун, смерть взмахнет своим
крылом
И, когти выпустив, прокаркает разлуку...

Зачем, зачем тогда не вышел я на бой?
Зачем не стиснул я ребяческой рукой
Горячую его, натруженную руку?

(1928)

134. СДВОЕННАЯ ЛИРИКА

Земля волнение укротила,
Затихло море. На камнях
Осела пена. И ветрила
Не мчались в сумрачных волнах.
И ты сказала: «Как чудесно
На свете жить! (Совсем Олесь!)»
А я в лазури поднебесной
Летел мечтою вечер весь
К Десне, что моет корни вязов,
Ребят несет под всплеск и шум,
И мудрым усыпляет разум,
И глупым людям дарит ум,
К тем ласточкам, что день осенний
Кроили крыльями в тиши,
К заведеревшему селенью,
К беседе, сладкой для души.
А море стыло. Не играли
В волнах дельфины. Взор лишь твой
Да волн темнеющие дали
Мне предвещали непокой.

23 февраля 1928

Кто храмы для богов, из мрамора чертоги
 Возводит богачам, в прикрасах изощрен,
 Иль безупречную гармонией колонн
 Пленить умеет вкус, взыскательный и строгий, —

А я под буками, где сходятся дороги,
 Взяв простоту себе в единственный закон,
 Лачужку вылепил, — и, словно долгий сон,
 Текут года мои, размеренно-убоги.

Но не скуплюсь ничуть я для гостей — и вот
 Всё то, что на земле возделанной растет,
 К весне посажено, до крохотной былинки.

И козы водятся, и слово я даю:
 Вкуснее сыра нет у нас во всем краю,
 А слова доброго не купишь ты на рынке!

26 февраля 1928

136. ПОЭТ

Напрасно музыка далекая струится,
 Довольно торжища, не надо больше вин.
 Он слышит — рядом с ним суровый властелин,
 И разговор немой в суровом зале мнится.

Еще мгновение — и выкрадут царицу.
 И встанут воины на вызов, как один,
 С орлиным клекотом, — и над золой руин
 И побежденные и кони станут биться.

Старейшин соберет Агамемнон в своей
 Палатке золотой. И головы вождей
 На головы богов разгневанных похожи,

И гнев их справедлив. Но кто подымет лук,
 Кому сразить того, кто на богатом ложе
 Из рук Елены пил, из розоперстых рук?

26 февраля 1928

137. КОНИ

Напившись из ручья прозрачнее стекла,
Они идут домой под оклики пастушьи,
И чуткие торчат у первогодков уши. . .
Минута -- и табун помчится как стрела.

А ночь спускается. Сиреневая мгла
Окутывает степь, голубит, нежит души,
И пятна облаков разбрызганною тушью
Покрыли горизонт, где даль еще светла.

Идут усталые, притихшею гурьбою.
Пора и ко дворам. И лишь молодняку
Не надо ни овса, ни стойла, ни покоя.

Досадует пастух — и любо старику:
«Малы еще, глупы! Всё б им скакать, брыкаясь! . . .»
А ветер гладит их, как мать детей лаская.

26 февраля 1928

138

Вдруг тучка набежит, и брызги дождевые
Прозрачной россыпью сирень осеребрят,
Вдруг солнце выглянет, и отсветы живые
На зелени листвы то гаснут, то горят.

Бушуй, раскидывай раскаты громовые,
Играй, младая жизнь, где был надгробий ряд.
Пусть мир откроется для нас как бы впервые,
Пускай всё темное рассеется стократ.

Глянь: наливаётся под солнцем и дождями
Земля, могучими взлелеяна трудами,
От города к селу и светел путь и чист, —

А там, в степной дали, не всадник сказок лживых,
Нет! Будит заспанных и кличет нерадивых,
Весь в масле, в копоти, веселый тракторист.

1931

Деревья шумят за окном,
Их кроны вонзаются в просинь.
Задремлешь, овеянный сном, —
И розовой кажется осень.

И годы далекие вновь
Встают у родного порога...
Возьми мое сердце и кровь,
Моей новой жизни дорога!

Не легкого жду я труда:
У юности легкая участь,
А зрелость приходит всегда,
Не легкими думами мучась.

Пусть годы летят всё быстрее —
Еще далеко до итога:
Со мною цель жизни моей —
Моей новой жизни дорога!

1931

Вода и воздух, молния и гром,
Кора земли, подземный пласт могучий —
Всё это в стройный превратится дом,
Что, словно меч, прорежет сумрак тучи.

Утесы шумно разлетятся в прах,
Коней покорней, запрягутся воды,
И, человек, ты у себя в ногах
Увидишь горделивую природу.

1931

Да, знак Весов — эпохи новой знак.
Какие вспышки озаряют дали!
Вы, чьи сердца и помыслы увяли,
Спасайтесь! Бурей полон Зодиак!

Не перебранка пьяных забияк —
Две силы в грозном поединке встали,
За драгоценные борясь скрижали,
И рядом *да* и *нет*, и мир — двояк.

Но клонится решающая чаша. . .
Мы твердо знаем, что победа — наша,
Как молния, блистает меч, подъят.

Бойцы, равняйтесь! Будьте наготове!
Развеет мглу во имя светлой нови
Глашатай правды — пролетариат.

(1932)

142

Мы стучим, мы звеним топорами, —
И не всякая бритва острей! —
И ложатся дубы перед нами
Всея тяжелой лавиной ветвей.

Отлетают от дерева щепки,
Мы берем за мел и шнурок,
Чтобы дуб, узловатый и крепкий,
Стать точеной колонною смог.

Дуб и мрамор нам служат от века,
И удары гремят, говоря:
Вся земля отдана человеку
Оттого, что он — та же земля.

(1932)

143

Любовь изранит и обманет,
Любовь умеет изнурить. . .
Не под ее знамена станет
Боец, чтоб землю обновить!

Да, ратоборец мой чернильный,
Поэт, иссохший от забот!
Лишь гнев, творящий и всесильный,
Зачнет с землею новый плод.

И лишь когда, пылая кровью,
Рассвет зардеет наконец —
Еще неведомой любовью
Зажгутся множества сердец.

(1932)

144

Голубым струистым дымом
Копны засланы вокруг.
Рядом с озером незримым
Травянистый веет дух.

Крик испуганный бекаса, —
А попробуй-ка найди!
Лег туман густою массой
Впереди и позади.

Дай лишь солнце, — краски, звуки
Оживут и здесь и там,
И земля протянет руки
К смуглым трудовым рукам.

(1932)

145

Волосинкой позолоченною
Пролетает образ твой:
Над дорогой, над обочиною
Взор сияет молодой.

Громче стук и смех залиvistее.
На пригорках стаял снег...
Песенки свои насвистывая,
Голый март берет разбег.

И с утра, морозцем скованного,
Ты с рабочими, в толпе,
Зова моего взволнованного
Не слышать уже тебе.

Помню ясно: ты — решительная —
Поднимала руку «за»:
Юность смелая, стремительная
Бушевала, как гроза.

Вот такую озабоченную
Повстречал я на пути...
Волосинкой позолоченною
В будущее пролети!

(1932)

146

Сердце! Тает снег! Дохнул
Влажный ветер на дорогах!
С неба светлый луч скользнул
И прильнул
Вдруг к веселому порогу.

Шум травы и зов любви
В голосах весенних ясных...
Сердце! Ты лучи лови
И живи
Для грядущих лет прекрасных!

(1932)

147. ПРОМЕТЕЙ

Прометей, титан мятежный!
Отлетел твой хищный коршун:
Не допил твоей он крови,
Плоти он не доклевал.

Ржавые распались путы,
В прах рассыпались утесы —
Распростерта пред тобою
Гор кавказских череда.

Ходит ветер, светит солнце,
Журавли летят на север.
Словно голос журавлиный,
Клич доносится людской.

Прометей, титан мятежный!
Черный коршун не вернется:
Ты прогнал его навеки
Гордым светочем своим.

(1932)

148. ИВАН ФРАНКО

Сын кузнеца Иван, поэт рыжеволосый,
Мудрец и каменщик, художник и рыбак, —
Нет, не польстился он на блеск, на внешний лак,
На Чайльд-Гарольда плащ и Лорелеи косы.

Громады книг прочтя, не книжные вопросы
Решал он, не искал в борьбе житейских благ:
Он гордо шел сквозь жизнь, насилья страстный
враг,
Любил простых людей, пускай их ноги босы.

Жизнь в одиночестве сурова, нелегка;
Кругом спуют враги так вкрадчиво, лукаво,
«Любители Руси» и жирного куска. . .

Но метко беркута он ранил и удава,
И до сих пор горит немеркнущая слава
Мирона малого, великого Франка.

(1932)

149. ЛЕНИН

С жестом простым и суровым,
С мудрою лаской во взоре,
Неувядаемо новым
Встал он в решающем споре.

Да, он титан, и рассеял,
Сбросил «титанов» с их тронов;
Только взглянул — и развеял
Прах омертвелых законов.

Да, он титан, и на крови
Бить, где столкнулись две силы,
Здание радостной нови
Воля его заложила.

Этот порыв непреклонный,
Сила вот эта — откуда?
Мозг его — это миллионы
Мыслей рабочего люда.

Нищим, безродным, голодным
Слово его — не затмится!
И маяком путеводным —
Взмах огненной десницы.

(1932)

150

Другая жизнь другого ищет слова,
Но как найти и в песне воплотить?
Вновь колыбельная звенеть готова, —
Марш победит, хоть трудно победить.

И Блок, и Григ, и грезы молодые,
И ласковое колыханье вод. . .
. . . На улицу Заливчего Андрия
Тебя гвоздильный требует завод.

(1932)

На солнце ясьень в жар одет.
И каплют ягоды с шелковиц...
Печать сломай, сними запрет,
Сожги старинный часословец!

На солнце мир блестит живой,
Пред ним — твои ничтожны тайны...
Хвала, хвала, тебе, забой!
Живите, радуйтесь, комбайны!

На солнце прежним дням конец,
И лесь истлела вместе с ними:
Рабочий — а не вождь и жрец —
Поэта подлинного имя...

Между 1930 и 1932

152. НА ПРИСТАНИ

Сонетoid

Подходит пароход. Зигзагами, кругами
Средь черных вод дрожит огней неверный свет.
Я снова думаю: приедешь или нет? —
И безнадежными толпу сверлю глазами.

Какой-то гармонист безрадостно ведет
Свои веселые и грустные мотивы.
Мешки с картофелем. Прожектор суетливый
Рукою белою Венеру достает.

А есть еще в толпе и древнее и злое:
На поле — тракторы, а взгляд скребет сохою...
Что ж! И таких люблю крестьян и горожан!

...Пришел!.. Командует, как бури повелитель,
Охрипший волк морской — деснянский капитан...
И снова нет тебя. Терпенье — наш учитель.

9 августа 1932
Остер

153. ЛАСТОЧКИ

Ласточки на проволоку сели. . .
Будущее — вот прообраз твой:
Окрыленный, светлый мир земной,
Гения полет к великой цели!

Трубам фабрик, чей смолистый дым
Поднимается по-братски к тучам,
Городам, полям, лесам дремучим
Стало электричество родным.

И стоят машины-великаны,
Как слоны, послушны малышам,
И звучат слова радиограмм,
Словно птицы, облетая страны.

Победит врагов звериный ряд
Человек, грядущего наследник,
Вся планета будет заповедник,
Где шумят ковыль и виноград.

Наша воля в жажде неумейной
Грань труда и праздника сотрет;
Для тебя, земной счастливый род,
Звезды вспыхнут и зажгутся домны,

Хлынет музыка без берегов
Над коврами яркого металла. . . —
Это мне и сыну щебетала
Ласточка с гудящих проводов.

*26 августа 1932
Остер*

154

Вот полночь августа, сигналы паровоза,
Шум поезда живой, кровь жаркая земли. . .
Да! Жить и знать любовь, и ненависть, и слезы,
Смеяться рваться вдаль, сжигая корабли!

Ведь остановка — смерть. Иди не отступая,
Свое усилие прибавь к миллионам рук,
Будь с теми, кто живет, одним огнем пылая,
И в радость перекуй ничтожность личных мук.

«Ты одинок! Ты горд!» Нет слов презренней
в мире!
За пышностью одежд их смысл убог и мал!
Подумай: темные пересекает шири
Зов к подвигам труда — тебе и нам сигнал!

Августовская ночь 1932
Киев

155. ПОСТРОЙКА

Не прихотью миллиардера,
Не на потеху томных дам,
Не сон, не призрак, не химера,
Не лупанарий и не храм, —

Нет! Воплощенье мускулистых,
К работе устремленных рук
В сплетеньях плавных, взлетах быстрых
Над мостовой явилось вдруг.

Вот почему, когда рубанки
Шуршали в стружке золотой,
Напев свободной «Варшавянки»
Летел над нашей головой.

Вот почему так вдохновенно
Звенели юных голоса,
Когда, освобождая стены,
Сошли последние леса.

Вот почему из подворотни
Мещане плакались вчера,
Что отошла бесповоротно
Их беззаботная пора.

...И сыплет золотом червонным
Луч солнца, рдея и горя,
И над торжественным фронтоном
Встает грядущего заря.

1932

156. БЕТХОВЕН

Д. Балацкому

Когда до слуха гения глухого
Не достигало уж людское слово,
Когда он знал лишь бунт стихий немых
И, страстью опьяняемый, из них
Слагал гармонии чредой чудесной, —
Смерть подошла. Великий и безвестный,
Прославленный, осмеянный, титан
И раб — он умирал. Сплошной туман
Окутал небо. Дали застилая,
Росла гроза. Жестоких мыслей стая
Навстречу ночи реяла над ним.
Вдруг, жаждой ненасытной томим,
Он поднялся — орел, еще могучий.
Он слышал, *слышал!* Ах, взлететь на кручи,
Изрыть всю землю, лишь бы радость дать
Сынам земли! — Он слышал, как опять
Ударил гром в небесное подножье!
Охваченный неповторимой дрожью, —
А смерть уже на лбу чертила знак, —
Он небу, гордый, показал кулак.
Бетховен! Этот взмах твоей ладони
Страшнее самой страшной из симфоний!

1932

Остер

157. СТРАНИЧКА МЕМУАРОВ

Помню день, когда я, гимназистом,
В Кожанку из Киева попал.
В воздухе, прозрачном и душистом,
Поезд прогудел и замолчал.

Я на мокром постоял перроне
И подводу нанял. Не спеша
Поплелись лоснящиеся кони,
Грязными колесами шурша.

Тучи грозовые где-то сзади,
То сливаясь, то редя, шли,
А деревья в утренней прохладе
Пахли щедрым запахом земли.

Был апрель, и зацветали груши,
Пряный запах шел со всех сторон.
Камни грома глуше всё и глуше
Падали за гулкий небосклон.

И нисколько странным не казалось,
Что с гуденьем, с грохотом громов
В ранней дымке утренней сливалось
Сладостное пенье соловьев.

А когда увидели село мы,
Лес кудрявый, синий водоем, —
Солнце, встав над крышей из соломы,
Замахнулось огненным копьем.

Улицы, собаки, птицы, люди —
Всё веселым показалось мне.
Думалось: конца вовек не будет
Светлой и веселой той весне.

Подле белой хатки в два окошка
(Есть такие милые дома)
Ждал меня, растерянный немножко,
Добродушный дядя мой Кузьма.

Что со мною? Дядины рассказы
Горько взволновали сердце мне, —
Цвет весенний омрачился сразу,
Кровь течет по голубой весне,

Соловьи погасли. Потемнело. . .
«С братом брат сцепился за надсл
И ударил топором. . .

Сгорело
Восемь хат, народ не доглядел. . .

Лукашевич-пан поймал у пруда
С удочками хлопцев, и сейчас
Под замком они сидят, покуда
Пан смягчится. . .»

И пошел рассказ.

Нет печальней повести, чем эта. . .
Счастье жизни чувствуешь, дожив
До весны народной, до расцвета
Новых сел и безраздельных нив!

Дядя мой! Сейчас весна просторней,
Ярче той, что в старину цвела!
Пусть тебе болезнь из пасти черной
Вырваться когда-то не дала,

Пусть тебя уже на свете нету, —
Но твои сыны в стране родной
В большевистское вступают лето,
Большевистской возвращены весной.

(1933)

Плывет. Куда ж нам плыть?

Пушкин

1

О, пристань тихая рабочего стола,
Где рифмы спят еще, и якоря под ними,
Где мысли мачтами возносятся прямыми,
Клубятся образы, как утренняя мгла!

Уже моя рука и парус напрягла,
А ум не ведает, путями плыть какими
При ветре крепнущем, что стал непобедимей
Ударов мощного орлиного крыла.

Еще, за крохами охотясь близ таверны,
Кружатся стаи птиц у масляной воды,
И кто-то — на молу, — слезы не прятая верной,

Смеется, — но уже мгновенные следы
Средь волн шумящих руль чертит неудержимо. . .
Прощайте, берега! Прощай, наш край родимый!

2

Мы долго плавали, мы видели чредой
Пыланье кактуса, банана плод узорный,
Лагун голубизну на фоне бури черной
И ночь графитную над океанской тьмой.

Встречали города, где катится порой
С откоса виноград, где на стене соборной
Гирлянды нежных нимф и фурий взор упорный,
Где музыку речь струится неземной.

Но всюду — в маревах маисовых плантаций,
В лазурных гаванях, на верфях громовых
И в зданьях — труд рабов, отученных смеяться,

Повсюду гнет, и кровь, и свист бичей тугих,
Красавиц суетность и детворы мученья. . .
Будь проклят этот рай! О, Рим в часы паденья!

И в беспокойный, стоязкий порт
 Нас, гневных, вскоре вал принес высокий.
 Смеется город, и теснятся в доке
 Рули к рулям и к борту — каждый борт.

Как сотни вен, артерий и аорт —
 Течение улиц. И людей потоки
 Под смелый марш равняют шаг широкий;
 И над садами гордый виден форт.

Оттуда льется медною трубою
 Клич: «Стойте все могучею стеною, —
 Пусть в труд и солнце превратится свет!»

Я узнаю тебя, тебя я знаю,
 Мой край родной, страна моя родная!
 Земля Советов! Слава и привет!

(1934)

161

Положи ты мне на сердце руку...
 Слышишь — бьется? Почему так бьется?
 Я сквозь труд и творческую муку
 Понял, для чего нам жизнь дается.

Молода ты, хороша, нарядна,
 Ты не скажешь, но тебе ведь странно:
 Как это идет с тобою рядом
 Человек, седеющий так рано?

В тех разливах голубых, осенних,
 Что багрянцем праздника богаты,
 Самое седое поколение
 Юно, как ребята-октябрюта.

Много раз говорено про это —
 Чудо на земле у нас свершилось!
 Глубже загляни в глаза поэта:
 Там весна — так ты в них отразилась!

(1934)

1

Отзвенела коса моя,
Сохнут в долах сенá.
Прохожу вновь лесами я —
Тишина, тишина. . .

Не дремали, работали,
Пот, как водится, лил. . .
Здравствуй, с ясной погодой,
Всё раздолье долин!

2

Вечер ясный, тихий-тихий
Лег на реки и поля,
И к ногам его гвоздики
Клонит светлая земля.

Наша смена докосила,
Нашу смену отдых ждет. . .
Где же твой платок красивый,
Как гвоздика? Где цветет?

3

Ты целый день копнила на лужок
Вином и медом пахнущее сено,
И зной без всякой жалости обжег
Открытое без умысла колено.

Устала ты. Поваяло дымком.
Окликнут скоро ужинать, родная.
Мы вместе. . . Кто-то плещется веслом.
«Люблю. . . А ты?» — «Не спрашивай, ведь
знаешь!»

Ой, земля, вся нарядная,
 В голубом — берега!
 Исполинскими пятнами
 Зеленеют луга.

Весь работой обласкан я —
 Сотни радостных кос...
 От платка ярко-красного
 Ветер песню принес.

(1934)

166. СКАЗКА

Для ребенка мир кончается
 За соседним частоколом, —
 Был в стихах Мицкевич прав:
 Грядка, матери рукав
 И цветы кружком веселым, —
 Дальше сказка начинается.

Был для дикаря простор
 Прежде отделен рекою,
 Тьмой вершин, лесов громадою...
 Он за них и не заглядывал,
 Даль казалась сказкой злою,
 Огражденной цепью гор.

Паруса подняв наивные,
 Мореплаватель под ними
 Сине море переплыл, —
 А вернувшись, расстелил
 Перед близкими своими,
 Словно коврик, сказку дивную.

Был не сразу мир открыт,
 Как страницы книги вещей,
 Человеческому мужеству...
 Ныне, со своим содружеством,
 Здесь, где лед во тьме зловещей, —
 Весь огонь и смелость — Шмидт!

Стратосфера подчиняется
Нашей общей воле властной,
Нашей мысли и рукам. . .
Где предела нет мирам,
Там, за горизонтом ясным,
Наша сказка начинается!

1934

167—169. ИЗ ЦИКЛА «ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА»

1

КИЕВ

На синих кручах над Днепром,
В плаще былой старинной славы,
Он сторожил сундук свой ржавый
С давно слежавшимся добром.

Прикрыв монашьям клобуком
Наживы, грабежи, погромы,
Он измывался над рабом
И красил кровью стен изломы.

Меж ветхих кровель из соломы,
Меж трудно поднятых полей
Вздымались храмы и хоромы
Глухим виденьем старых дней.

И вновь о праве палачей,
О святости удавчих правил,
О непреложности цепей
Герольд подкупный лгал и славил.

И поп за них молебны правил,
И неба мутное стекло
Докучный фимиам кудрявил,
И молча раб клонил чело.

Но всё росло, росло, росло,
Чтоб мощным стеблем стать в грядущем,

Зерно, что из глубин взошло,
На страх, на горе власть имущим,

На радость нивам, селам, пушам,
На процветанье городов.
И не лучом быстробегущим
Светил тот стебель в даль веков.

О нет! Сквозь ряд былых гробов,
Сквозь ад унылых желтых тюрем,
Сквозь муки, войны, кровь рабов,
Сквозь ночи с их лицом понурим,

Над кругом стен вставая хмурым,
Он рос, и там, где кровь текла,
Навстречу животворным бурям
Багрянцем роза расцвела.

От города и до села
Ростки росли всё непреклонней,
И к своему исходу шла
Ночь в хрипах яростных агоний.

Но долго, долго ржали кони,
Не умолкал доспехов гром,
И в этом лязге, в этом стоне
Склонялись всадники челом.

Когда ж горячим рукавом
День стер туманы вековые,
Погиб — и вновь родился Киев
На синих кручах над Днепром.

(1934)

2

Я И КИЕВ

Взлелеянный в тиши певучей
Садов и поседелых хат,
Как полюбил я улиц кручи,
Уступы каменных громад,

Где всё влечет тебя куда-то
Извечной тайною своей,
Где за оградами церквей,
Разинув клювики, галчата
Вовсю от счастья жить кричат,
Где, не сгораючи, горят
Каштанов розовые свечи,
Где ночи как влюбленных речи!

По-новому воспеть в стихах
Хотел я с силой неумной —
В вечерних трепетных огнях
Улыбки женской отблеск томный,
И искорки голубизны,
Что высекает зорь огниво,
И ночи праздник прихотливый —
Прибой немолкнувшей волны,
Базары в пестряди осенней,
Влюбленных слившиеся тени, —
Всё, что вокруг мы видим все,
Во всей представшей нам красе.

Что ж, был, признаться, молодым я,
А в эту пору, как ни мерь,
Звучали тон, и звук, и имя
Иначе, чем звучат теперь:
Ведь, зовом сердца увлеченный,
Легко, по молодости, я
В те дни за пенье соловья
Принять мог хриплый крик вороны;
Но всё ж, друзья, когда б весь свет
Таким же, как во цвете лет,
С такой же яркостью и силой •
Был виден нам вплоть до могилы!

Теперь до старости рукой
Подать... иль до ее порога...
И только тень любви порой
Перебегает мне дорогу.
Уже, казалось бы, пора
Стать черствым, если не трухлявым...

И всё ж подьёмлю с полным правом
Я тост за берега Днепра,
За тех людей, что силой дивной
Связали град мой неразрывно
С высоким словом «большевик» —
Он им прославлен и велик.

С тобою, молодость, шагаю!
Пусть сто чертей прут напролом, —
Как ты, всем сердцем презираю
Харона древнего паром!
Хочу я жить, творить, каррамба!
Трудиться, строить, создавать,
Обтесывать слова, вгонять
В упрямые теснины ямба;
А если кликнут на войну —
Ударить в звонкую струну,
Чтоб накрепко рука сжимала
Меч, выкованный из орала.

Со всеми я иду вперед
И гордо поднимаю знамя
За нашу власть, за наш народ,
За счастье, созданное нами,
За гулкий звон весенних рек,
За наши города и села,
За зеленеющие доли,
За цель, к которой человек
Всей силою души стремится,
За то, чтобы в улыбке лица,
Как зори майские, цвели,
За счастье всей родной земли!

Кто ж дал нам молодость и силу,
Мой город? Кто, резцом стальным
Веков ушедших слой постылый
Отбив, придал чертам твоим
Красу чудесную такую,
Где всё — и пламя, и порыв,
И зорь пылающих разлив,
Где дни сияют, торжествуя?

Ведь имя названо... Оно
Небес лазурных полотно
Нам раскрывает в полдень ясный, —
Светло, бездонно и прекрасно!

1934

. 8

ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА

Они — большевики.

...Среди проклятий

Пожар переползал из дома в дом,
И задохались площади кругом
В дыму, от огненных его объятий.

Кто не радел тогда о «нищем брате»,
Не призывал, знамена ввысь подъяв,
Под вспышки молний, в громовом раскате
Стать на защиту «вековечных» прав?

Кичась казацким чубом, дик, кровав,
Широкоштаный, пьяный друг традиций
Метлой железной выметал, поправ,
Всё «племя инородцев» из столицы,

И улетел потом быстрее птицы,
Набив народным золотом карман.
И появился вслед из-за границы
Другой спаситель — именитый пан, —

И он исчез, рассеясь как туман,
Теряя в бегстве по пути подковы.
Тут, с бандой налетая на крестьян
И флаг трехцветный поднимая снова,

Старался «потрясенные основы»
Восстановить свирепый генерал.
Он, на любые мерзости готовый,
Разбойничью резню благословлял

И кровью залил Ярославов вал,
Грудных младенцев попирал ногами
И выл кровавой пастью, как шакал,
У виселиц под черными столбами.

Пропали все. Лишь, закопчен боями,
Наш красный Арсенал стоял, суров:
Звезды рубиновой зажегши пламя,
Покрытый славою, к боям готов.

Чернел наш Киев пустотой домов,
Клонились тополя от непогоды. . .
Но на позор он не послал послов
В стан вражеский! Прошли страданий годы.

В сиянии труда, наук, свободы,
С несокрушимой твердостью руки
Подняли счастье своего народа
На плечи люди, мощны и крепки, —

И вот на берегу Днепра-реки
В грядущее, в просторы вековые
Открылись нам Ворота Золотые!
Кто это всё свершил?
— Большевики.

1934

170. ПЕРЕД СТАРИННЫМ ЗДАНИЕМ

Сколько гения, как много
Человеческой мечты
Тут потрачено, чтоб строго
Эти гордые черты,
Эти линии к порогу
Деспотического бога
Мир взнесли от суеты.

Сколько тут людской работы,
Сколько пота. . . Боль и страх
В этом блеске позолоты,
В этих легких куполах.

Как колонн крылаты взлеты!
Как работали илоты,
Нищий люд, в ярме заботы
Изнывая на лесах!

Дни церквей и черных келий,
Как миражи, отлетели,
Свет навек их позабыл.
Шум работы и веселья
Побережья огласил,
И дороги запестрели
Сквозь леса и мрак ущелий,
И растет иной Растрелли,
Где Растрелли старый был.

(1935)

171. ДОМ ГОРОДЕЦКОГО

О странном здании не ратуя,
На нем мы остановим взгляд:
Окаменели там пернатые,
Там когти и клыки висят,

Газели там, и с павианами
Меж ибисов — гиппопотам, —
Пустынными мы дышим странами
И джунгли вспоминаем там.

О стиле вовсе забываючи
В пылу охотничьем своем,
Убийца львов, губитель заячий,
Пан Городецкий вывел дом.

Он строил дом, как в детстве клеим мы
Избушку для своих забав, —
Его различными трофеями
Или подобьем их убрав.

О вкусах спорить не положено,
Но разве речь о вкусе тут —
Ведь эти окна и прихожая
Как символ той поры встают.

Хоть следопыта африканского
Не увенчает свежий лавр, —
Но памятник каприза панского
Занятней, чем ихтиозавр.

(1935)

172. ЛЮДИ

Я этим не хвалюсь, что мало я знаком
С чудесной техникой, с величьем индустрии,
Но солнце и гроза здесь, в Киеве моем,
Волнуют душу мне — чудесные, родные.

Любуюсь я людьми, жму крепко руку им,
Внимаю их словам, ловлю в глазах сиянье,
И небо кажется мне куполом большим
Многоколонного, торжественного зданья.

Еще есть уголки, где плесневеет тлен,
Усмешки злобные, предательские взгляды,
Еще потайный враг готовит ряд измен —
В счастливой гордости слепыми быть не надо.

Торжествовать — о нет! Работать — да! Нужна
Работа! Напрягать все мускулы, как струны!
Потоплен злой кумир, но хочет всплыть со дна...
А вольный Днепр шумит: «Не выдыбай, Перуне! ¹»

(1935)

173. НА БЕРЕГУ

Высокий взлет холмов, деревьев рост могучий,
И Днепр, атласные взметнувший рукава,
Дома и здания, обрывов желтых кручи,
И марево песков, и камни, и трава,

И эта даль, лесá в струистости бескрайней,
И склоны, где растет полынь и зверобой,

---

¹ Не выплывай, Перун! (старослав.). — *Ред.*

Орchestra медный рев, и звон, и шум трамвайный,
Работ и отдыха напевно-мерный строй,

И черно-сизый дым в низине над Подолом,
Покрасок запахи, асфальт в котлах, костры,
И пляж, где счета нет телам бронзово-голым,
И эта суетня весенней мошкары —

Весь этот кругозор с чертою огневою,
Переломляясь в блеск глазных несчетных призм,
Течет одним путем с Батуми и Москвою
В обширный океан, течет — в социализм.

Прозрачна синева, как будто вырезная,
И пурпур паруса окрасил, золотя. . .
Как дивно всё цветет, сверкает даль какая,
Певучий Киев мой, немых веков дитя!

Свет электричества в закутах тьму рассеет,
Рука рабочего поднимет звонкий щит,
Широководный Днепр уже не обмелеет,
И солнце прорастет сквозь киевский гранит.

(1935)

174—177. ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Над землей сентябрь и август
Шпаги длинные крестили,
Несмертельные две шпаги —
Желтый луч и серый дождь.

Над медвяною землею,
Над пустынным колким жнивьем,
Над баштанами, где зреют
Зеленеющие тыквы,
Над протяжным птичьим свистом
Несмертельный бой идет.

Сталь о сталь звенит неслышно,
То сверкнет, то снова гаснет,

Очи синие встречают
Серых длинные ресницы,
Только злобы нет в очах!
Сколько сил в любом движенье,
Кровь живет в ударе каждом,
На десницах обнаженных
Бьются мускулы, как струны,
Смех слетает с полных губ.

А земля — в красе медвяной,
А поля, мечтая, дремлют,
А в просторных огородах
Тыквы стелются на грядках,
И в протяжном птичьем свисте —
Крыл широких ровный взмах.

2

Как слово милой, в памяти моей
И молния зеленой гибкой вербы,
И тот холма зеленого зигзаг
За стеклами вагона. Пастушата
С ногами загорелыми, с мешками
Заплечными бежали нам навстречу,
Махали нам руками. И мохнатый
Щенок — веселый, шустрый их приятель —
На поезд лаял в радостном презренье,
А ветер голубые тени гнал
Над лугом, над девической фигуркой,
Такой изящной, стройной, как бьвают
Одни лишь незнакомки, — над леском,
Уже пронизанным лучом заката...
Писать об этом долго на бумаге,
И в памяти остался долгий след,
А всё — мгновенье только продолжалось.
Один из мальчуганов дольше всех
Махал руками нам; его друзья,
Щенок мохнатый — все к делам вернулись,
И только он один еще смотрел
Вслед поезду, что круто выгибался

По колее, загадочно блестящей,
Но что́ он думал, неизвестно нам.

И я припомнил прежних ребятишек,
Мимо которых весь их рабский век —
От детских лет, иссеченных кнутами,
До старости печальной — пробегали
Составы желтоглазых поездов,
Им оставляя только клочья дыма
Да робкие мечтанья о чужой,
Счастливой жизни, шумной, многоцветной, —
И думал радостно, что, может быть,
Вот этот загорелый пастушонок
Сам поведет когда-нибудь в просторы
Веселые большие поезда,
И сам проложит ровные дороги
Сквозь наши оснежённые поля,
Сам будет ветром, молнией, огнем
Пересекать зеленое раздолье.

8

Был ранний час, и пассажиры спали,
И сонный умывался пароход
И фыркал, словно конь. Едва вставали
Лучи зари над серой гладью вод.

На палубу я вышел. С удивленьем
Скамья сырая встретила меня.
Вился дымок над лугом в отдаленье,
Дыханье трав над берегом гоня.

Какой-то дед, потягиваясь, вышел,
Сел на скамейку — тоже на мокрену —
И закурил. Махорка духом вишни
Мне в сердце детства колыхнула тень.

Заговорили мы (над берегами
В бубенчики звонили кулики),
Дед вынул узловатыми руками
Какие-то потертые листки.

А, понимаю! Там, по всем равнинам,
Где стелются посевы и сады,
Летает мотылек, на вид невинный,
Несет он людям пригоршни беды.

Приносит он на крыльях год за годом
Пустыни призрак, желтый, как скелет...
Чтоб истребить разбойничью породу,
Простое средство изобрел сосед.

Старик прошел сквозь дебри издевательств,
Он их запомнил, как проклятый сон.
Над ним смеялись: «Вот изобретатель!
Кулибин! Самоучка! Эдисон!»

Теперь всё по-иному — глянуть любо!
Земля чудес не видела таких!
И на лице, морщинистом и грубом,
Цвели глаза моложе молодых.

А день всё рос... И чайки подымали
Протяжный крик над бурю водой,
И пассажиры сонные вставали,
И рыбий плеск взлетал над глубиной,

И профиль комсомолки рисовался
На синеве распахнутых небес,
И мачтами высокими вздымался,
Как будто сон прекрасный, Днепрогэс.

4

Над землей сентябрь и август
Подали друг другу руки:
В этой — солнце золотое,
В этой — месяц молодой.

Просвистели сонно кряквы
Над болотом утомленным;
В лозняке густом и низком,
Где прозрачный лег туман,
Гомонят перед ночлегом,

Легким облаком спускаясь,
Говорливые скворцы.

А земля — в красе медвяной,
А над северными льдами,
Над суровым океаном
В острой, птичьей высоте
Путь прокладывают новый
Храбрецы аэроавты,
Молодою сединою,
Как венком, покрытый Шмидт.

А земля — в красе медвяной,
А в пустынях азиатских,
Где склоняется без ветра
Звонким стеблем саксаул,
Наши братья, наши сестры
Добывают в недрах воду
И, пустыни орошая,
Сеют щедро золотое
Живоносное зерно.

Я стою, ружье сжимаю,
Ожидая перелета,
Я вдыхаю грудью жадной
Сырость легкую лугов, —
А душа уж набухает,
Как весною почка дуба,
И распустится, и скоро
Песней новой запоет.

Всё тебе, земля родная,
Всё тебе, моя Отчизна,
Где над полем обновленным
Ходит смуглый смелый труд!
Всё тебе несу с любовью,
Приношу на юг, на север —
Дело рук, работу мозга,
Блеск очей и сердца кровь!

(1935)

178. ЖЕНЁ

Тихий час передвечерний,
Как ты землю незаметно,
Как ты сердце наполняешь!
Как ты мглою одеваешь
Всё, что было многоцветно, —
Краски всей земли безмерной!

Снежные синеют глыбы,
Низко пролетают птицы,
Тишь во всех движениях сонных...
Тени в окнах освещенных —
Словно ходят вереницей
Фантастические рыбы.

Расскажу подруге верной
Сказку детства золотого,
Слово ей скажу простое...
Породнился я с тобою —
Так прильни же к сердцу снова,
Тихий час передвечерний!

Между 1928 и 1935

179. СЛАВА

Слава солнцу молодому
В животворной вышине!
Слава яростному грому,
Слава радостной весне!

Слава девушкам, чьи очи
Лучезарны навсегда,
Слава дню и слава ночи,
Слава доблести труда!

Слава разуму и воле,
Возносящим над землей
На пустынном, диком поле
Небывалых зданий строй.

Слава силе, неустанно
Создающей нам оплот
И в заоблачные страны
Направляющей полет!

Пусть сияют светлой славой
Между гор, среди долин
Все, кто в мае величаво
Выступают, как один!

1935

180—193. ТРИЛОГИЯ ДОЖДЯ

ГОЛОС СИНИЦЫ

Сквозь тьму докучную дождей,
Сквозь гомон тусклых площадей,
Сквозь окна, полные слезами,
Сквозь грусть, плывущую над нами, —
Синицы голос-голосок
Не замолкает, одиноко,
Сухими иглами он колет:
Пусть серый дым по небу пролит, —
*Земля обильней в дни дождей,
Сверкают камни площадей,
Сквозь окна, полные слезами,
Глаза сияют огоньками.*

1

ЛЮБОВЬ

1

О детстве по-разному можно...
К примеру, мы так повернем:
Дождь по полю бьет осторожно,
Водой напоен чернозем.

Зеленый простор серебрится,
А всходы у почвы красны,

Свистит где-то в роще синица,
Картофеля кучки видны,

За полем, спокойно и гордо,
Раскинулись в бронзе дубы,
В росинках собачья морда,
Последние пахнут грибы,

И сочно дроздов клокотанье,
И вальдшнеп упружит крыло,
И радости, и желанья,
И сердце, что расцвело.

2

Сквозь дождь прорвется луч упруго,
И в сердце он ударит вдруг.
Любовь — ведь это встреча друга,
Любовь — улыбка в час разлук,

Любовь — касания услада,
Неистовых объятий жар...
Любовь — ведь это чаша яда,
Где солнечный кипит пожар.

Взлетели к облаку качели,
Доску нажала ты ногой,
Две искры весело блестели,
И пел нам ветер голубой...

Лишь грач, лишь небо надо мною,
И всё дома, дома кругом,
И мы над пестрою толпою
Одни —

вдвоем —

одни —

вдвоем.

8

Дождь, по пруду заплывав,
Бьет за ворот, за рукав,
Свищет серый, свищет сивый.
Прячься, прячься, несчастливый!

Несчастливый? Это — я?
Дождь, шипящий как змея,
Плещется, шуршит, шипит,
На пруду волна бурлит.

Живо, лодочка моя!
Цель простую вижу я:
Берег, клуныя у дороги...
Юные спешите, ноги!

Дождь быстрее заплясал...
Несчастливый? Кто сказал?
В темной клуне тень примечу.
Руки юные — навстречу!

4

То встречались мы, то разлучались.
Мы блуждали в разных сторонах.
И различно судьбы развивались —
Как листки на разных деревьях.

Тот листок трепещет, еле дышит,
Этот — тает, словно звук струны...
Только ветер, что листки колышет,
Из одной несетя стороны.

5

Мы встретились в трамвае на площадке.
В твоих глазах таился темный сон...
Кричал советчик, радуясь догадке:
«Вперед пройдите! Ведь пустой вагон!»

Над мостовой дождя летели сети,
Катились капли быстро по стеклу.
Подняв глаза внимательные, дети
Смотрели ввысь, в растрепанную мглу.

Раскланялись мы — ты ль была мне близкой? —
Так просто, что мне сердце сжал мороз...
Твоей усталости поклон мой низкий
И белой пряди в сумраке волос!

Скользкий тротуар не просыхает,
 Фонари в туман глядят, качаясь.
 Огонек какой-то всё мигает,
 В лужицах вечерних отражаясь.

Под осенней влажной этой сенью,
 Меж огней, дрожащих на асфальте,
 Юному шепчу я поколенью:
 К берегу сияющему чальте!

Осень — грусть? . . Но с грустью сходство
 где тут?

Нет! Напор — она, она — отвага!
 В красном Октябре ведь в пору эту
 Сломлена годов ненастных шпага!

Осенью — сквозь ливень, сквозь туманы —
 Помню грозы, плившие над нами,
 Воздух юный, майский воздух пьяный,
 Сад вишневый, полный соловьями.

Было так: дождя забили зёрна,
 Забурлило тотчас же по стокам,
 Озарилось небо синим клоком,
 Гром ударил взрывом животворным.

По плечам твоим огнем плеснуло,
 И покрыло сумраком их снова,
 И ко мне ты горячо прильнула,
 И умолкло в поцелуе слово.

Осень и весна! Зима и лето!
 Мир! Земля! Ненастье! Грохот грома!
 Воедино слить бы мне всё это —
 И тебя, любовная истома!

Сын, скажу тебе я, что сказала
 Мне жена во мраке давней ночи,
 В дни, когда она еще не знала —
 Сына мне она подарит, дочь ли.

Так она сказала той порою:
«Слышишь? Бьется! Тут, под сердцем самым!»
Я коснулся тихою рукою —
И любовь повеяла меж нами.

Да! Любовь недаром прозвенела
В мгле ночей пылающей стрелою,
В глубине возлюбленного тела
Прорастая жизньию иною...

И когда иду домой с работы
В изморось, в осенний день унылый, —
Я теперь еще не знаю, кто ты,
Человечек маленький мой, милый.

Всё же эти ручки — для работы.
Эти ножки — им идти лишь прямо.
Голове — гореть в пылу заботы:
За народ борьбу вести упрямо.

II

БОРЬБА

I

Четырнадцатый черный год был зол.
Угрюмый дождь над хмурой нивой шел.
Жилища вокруг нерадостно чернели,
Средь них, в грязи, — солдатские шинели,

И вязли ноги, и была тяжка
Людей и землю гнущая рука.
Глаза мрачнели. Черными крылами
Кружился ворон черный над штыками.

Но шли. Болото. Падали. Окоп.
Стреляли. Кровь. Туманы. Черный поп.
И смертный хрип. Помещик. Царь. Болото.
И мерзко квакал голос «патриота».

Я помню, вернулся с позиций
 Филипп, рядовой солдат.
 Глаз вытек. Чему дивиться?
 Ослепших ведь целый ряд.

«Лучи», — твердили селяне,
 Учитель же — газ признал.
 Филиппа воспоминания
 Не радовали — он молчал.

Техника — дело большое,
 Еще важнее — война.
 Калека — чего он стоит,
 Всего единица одна!

Ведь каждому проповедано,
 От умника до глупца,
 Что надобно до победного
 Воевать конца!

Но как-то под вечер вещей,
 Под сонного ветра хрип
 Чудные сказывал вещи
 Солдат, рядовой Филипп.

Говорил: сквозь кровь и муки,
 И пушки, и грохот мин
 Протянули друг другу руки
 Рабочий и селянин.

Чтоб вместе, напором властным,
 Сломить угнетателей фронт,
 Чтоб взвиться знаменам красным
 Среди низин и высот.

К Керенскому пусть взывали
 И поп, и кулацкий брат, —
 Других уже люди знали,
 И знал их Филипп, солдат.

Максим Рубцов

Глазом одним, горячим,
Он видел: пылает клич.
Безмерность раскрыл незрячим
Самый зоркий из всех — Ильич!

8

День Октября мы справляли алый,
Холодный дождик бил остриями.
Дожей холодных еще не мало —
Мы знали — будет шуметь над нами.

Но на трибуне встал арсеналец.
Встал арсеналец — его все знаем...
«Дождик? Мы бури бы не побоялись!
День Октября нам пылает Маем!»

III

ТВОРЧЕСТВО

I

Дождь утихает.
С ветки намокшей —
Если рванет ее ветер холодный —
Падают капли,
А в небесах
Сквозь дым проступают озера лазури.
Озера лазури!
Озера лазури!
Я вас люблю,
Как девичьи взоры,
Как дружеское рукопожатье,
Как призыв к сраженью,
Как песню любви!
Вами любуюсь,
Думаю о созиданье:
О дикаре, что некогда создал
Небывалое дивное диво —
Сук заостренный, чтоб землю царапать,
Чтобы, землю засеяв, хлеб свой добыть;
О дикаре, что камешком острым

На стене нацарапал пещерной
Мамонта очерк или медведя,
На удивленье великое людям;
О том, кто задумал одежду из кожи;
О том, кто впервые обувь скроил;
О мудреце, смастерившем цеп;
О мастере, что любоваться выходит
На создание свое — так солнце с зарею
Мир озирает, им сотворенный;
О всех, чей мозг и рука
Пустили жить большие машины
И стройные зданья взнесли;
О тех, чьи симфонии, песни,
Трактаты, рисунки, формулы, цифры,
Поэмы, статуи, драмы, картины
Сквозь ночь и века нам сияют
Слепящим — нет! — животворящим сияньем!
Озера лазури! Вам — слава! Хвала вам!

2

Поэт! Прими же от собрата
Завет «святого ремесла»:
Уметь ты должен из квадрата,
Из круга или из числа,

Из меры мудрого отбора
Построить зданье, где фронтон —
Как слово «ввысь», где гневом взоры
И счастьем блещут из окон.

Кому чертог ты строишь новый?
Народ — твой друг. Так с ним иди,
И мастерством свой стяг багровый,
Как позолотой, обведи.

8

Он зло ругается, а пот течет по коже,
Он тербит пиджак, вконец расвирепев,
Но скрипки лишь визжат, ревет гобоев зев, —
И, руки опустив, он смолк в бессильной дрожи.

«Что им до Шуберта? Поймите же! Ну что же?
Тут заговор! Еще!» Он сдерживает гнев,
Но мутно пенится по-прежнему напев...
«Пиано, сто чертей! Три форте! Правый боже!»

Но вот из темных глыб, огниста и ясна,
Уже пробилась и встает она —
Триумфом поисков сверкающая мука...

Мгновенье — и всплеснут крылами над землей
И скрипка и гобой, в гармонии одной,
И вот пиджак его — камзол маэстро Глюка.

1935—1936

194. НЕСВОЕВРЕМЕННАЯ ЛИРИКА

Черт побери порыв души к полету
И лермонтовский голубой туман —
Они нарушили мою работу
И производственный сорвали план.

Да что я? Краб, ракушка или медуза,
Которой забавляется прибой?
Сквозь толщу книг прорвавшаяся муза
Опять нарушит распорядок мой?

Упали чайки, словно хлопья пены,
На воду (изумруд, и хризолит,
И прочее) — за облаком мгновенно
В веселый мир одна из них летит.

Рыбак молчит, латая невод вялый.
Табачный дым вдохнув разок один,
Он глухо говорит, что с ним, бывало,
Рыбачил здесь когда-то сам Куприн.

«...Вот был писатель! Нынешним не ровня!
Придет, бывало, с четвертью вина...»
(Вот рифмы сразу стали полнокровней!
Здесь техника высокая видна.)

Куприн. . . О Куприне мы, вероятно,
Еще поговорим. . . А воздух свеж,
И солнце смело разбросало пятна
По морю! Ветер, молодой помреж,

Спешит расставить облака и тучи,
Людей-статистов, чаек-примадонн. . .
Изменчив цвет любой волны летучей, —
Как назовет художник дивный тон,

Как назовет? . . Я чую глазом, носом
И образов и тем водоворот, —
Но слов бесспорных мы, увы, не носим
Там, где хранятся ручка и блокнот!

Кудлатый пес, носящий титул Лорда,
Валяется на влажном берегу,
Сияет счастьем ласковая морда, —
А я, как пес, резвиться не могу?

«Дай лапу, — я упрасиваю Лорда, —
Я — человек, пойми же наконец!
Смотри, аэроплан взлетает гордо,
И скромный человек — его творец.

Передо мною — пушкинский Евгений. . .
Он человеком выдуман, пойми!
Он плод его восторгов и сомнений,
А ты триумф собачий свой уйми!»

Конец. Я музе послужил не мало,
Лирический закрою *васисдас*.
Пословица годится для финала:
Работе — время, а потехе — час!

14 августа 1936

Одесса

Переводя «Евгения Онегина»

Мы в саду каштаны собирали с сыном,
 Проплывали тучки, тая в небе синем.
 Как играют тучки, любовался сын,
 И как зыблет ветер струны паутин.

И сказал я сыну: «Наша Украина
 Лишь в семье советской дивно расцвела!»
 Голубело небо, нитка-паутина,
 В воздухе белея, медленно плыла.

Желуди собирали с сыном мы, и сыну
 Завтрашнего дня я рисовал картину.
 И, алея, тучи плыли в вышине,
 И звенела осень песней о весне!

20 октября 1936
Киев

196. ОТЧИЗНА МОЯ

Отчизна моя — не дворец золотой
 Над кровлями хат захудалых,
 Не церковь, не трон, не война за войной
 На крыльях кровавых.

Отчизна моя — не пожар, не разбой,
 Где трупам, обуглясь, качаться,
 Отчизна — не вдовья полоска с межей, —
 Поля колосятся.

Отчизна моя — перестук молотка,
 И трактор, в просторах ведомый,
 Покорные скалы, и топь, и река,
 Комбайны и домны.

Отчизна моя — то Мичурина сад,
 Высокое Горького слово,
 Отчизна не знает призыва «назад!»
 С пути боевого.

Отчизна моя — это поле побед,
Заря на знаменах багровых,
Обилье плодов, виноградников цвет
В пустынях суровых.

Отчизна моя — свет грядущих веков,
На камне возрастающий колос,
Отчизна моя — это Ленина зов
И Партии голос!

Цветут Казахстан, Украина, Кавказ —
Народов семья молодая. . .
На вечную дружбу сплотила ты нас,
Отчизна родная!

1936

197. ДРУЖБА

Закончил сцену сумасшедший Лир,
Закончил сцену дивный Айра Олдридж —
И в кресло рухнул, обессилев вновь
От жизни, именуемой искусством, —
И неожиданно к нему вбегает
Поэт Тарас Григорьевич Шевченко,
Сжимает Олдриджа в своих объятьях
И жаркими слезами обливает,
Да, жаркими слезами! . .

Ни полслова

Понятного сказать они не могут
Один другому, — но без слов, однако,
Один другого понимает лучше,
Чем те, которые рукоплескали
Безумному от горя королю,
Раба-поэта славил, гоня
На барщину рабов — родню поэта. . .

. . .Еще картина: в мастерской убогой
Художнику позирует артист.
Тот песни родины своей поет,
Неволею рожденные, невзгодой
Повитые, согретые тоской,

Взлелеянные нищетою суровой, —
А тот припоминает чудный строй
Своих напевов, будто бы несхожих,
Но кровно близких им одним стремленьем,
Одною мукой.

И обоим вдруг
Издадека, за дымкою туманной,
Забрезжил день, когда для всех рабов —
Для чернокожих, белых, желтолицых —
Оковы рабства навсегда падут, —
И слезы блещут на глазах у них,
Прекрасные, как светлый сон свободы.

Шевченко! Олдридж! Этот день настал!
Нашлась рука — и темный склеп разбила,
Нашелся голос — и огромный мир
Услышал: «Черный! Белый! Желтолицый!
Сомкнитесь все под знаменем одним!»
И поднялись повсюду голоса,
И с голосом сливаются могучим,
И всем голодным и рабам простерта
Могучая рука Страны Советов.

1936

198. НАДПИСЬ НА УКРАИНСКОМ ДВУХТОМНИКЕ ПУШКИНА

Тебе, жена и друг мой милый,
Двухтомник Пушкина несу.
Немало мы в него вложили
Уменья своего, усилий;
Суди же — передать смогли ли
Его величье и красу?

Учитель наш, он нас, пожалуй,
Корить не станет за грешки:
Несмело, как и подобало,
Рука у каждого дрожала,
Когда касаться начинала
Творений пушкинской руки.

Ошибок много, и не скрыть их,
Но перевесит их любовь.
За правду образов, отлитых
Не в громе, суете и криках,
За звучность слов его великих
Подъемлю слово вновь и вновь!

Он наш! Мы за него горою!
Он наш, как солнце и вода!
Несет он в «племя молодое»
Стихов богатство золотое. . .
Враг не сотрет рукою злою
Его горячего следа!

30 марта 1937
Киев

199. ИЗ СТИХОВ О ПУШКИНЕ

Нет, весь я не умру. . .

Пушкин

Хмурая усмешка Николая,
И Дантес — и в профиль, и en face. . .¹
Друг бранит, и недруг зла желает,
И короче жизнь, за часом час.

На балу жеманница-мадонна
Мотыльком бездумным пропорхнет,
А кругом страна тоскует сонно,
А на сердце неизбывный гнет!

Что там счастье! Хоть бы тень покоя,
Тихий дом, песчаный косогор,
Где жандармы не стоят толпою,
Где придворный позабыт позор.

Томики в лазоревом сафьяне,
Память о лицейских временах,
Воркотня седой старушки няни, —
Неужели это всё лишь прах?

---

¹ В лицо (франц.). — *Ред.*

Только бледный прах — любовь, и дружба,
И томленье, и мечты, и сны?
Неужели всё — лишь сон ненужный
Никогда не виданной весны?

Нет! Рука, как прежде, не устала
Верное перо вести вперед,
И когда пора уйти настала,
Твердо знал он: весь он не умрет!

1937

200. НАРОДАМ СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛИ

Народы! Море урожая
Вмещают житницы едва.
Скажите, дружбу уважая,
Живые, гордые слова:

«Соединяйтесь повсеместно,
Вы, пролетарии всех стран!»
Да сгинет тот, кому так лестно
Раздоры сеять и обман,

Кто сеет ссору между наций,
Чтоб легче их держать в ярме,
Чтоб им мешать объединяться,
Чтобы открыть дорогу тьме.

Распахнутыми воротами
Рассвет встречайте, а не тьму, —
Ведь правда — наша, правда — с нами,
И с нами солнце потому!

Ведь украинские селяне
Шли к Разину; ведь, молода,
Над нами льет свое сиянье
Пятиконечная звезда.

Забыто разве, что когда-то
Нас общий недруг угнетал,
Что Чернышевскому, как брату,
Шевченко руку подавал?

Народы! Дружными рядами
Вперед, на старых дней тюрьму!
Ведь правда — наша, правда — с нами,
И с нами солнце потому!

1937
Ирпень

201

Тебе одной. . . Хоть это уж не раз,
Миллионы раз и пелось и писалось, —
Но много ли таких на свете фраз?
Тебе одной — всё, что в душе осталось.

Еще немало сохранилось в ней —
И шум травы, и лепестков дыханье,
И до сих пор отрадны для очей:
Лицо в окне, росинки на поляне.

Морозный ветер за моей спиной,
Седых волос касается усталость,
И грозный час встает передо мной. . .
Одной тебе — всё, что в душе осталось.

Тебе одной. . . Теплу руки твоей
И сердцу твоему я покоряюсь,
И говорит мне сердце: «Молодежь,
Живи, твори! . . .» И я ему вверяюсь.

14 марта 1938
Ирпень

202

К. Герасименко

Хоть ночь баюкала упорно,
Но крепкий сон не брал никак. . .
О, будь ты проклят, кофе черный,
Что жадный не допил Бальзак!

Бессонница была упряма,
Рос неотвязных слов прибой,
Как будто бы толкался в рамы
И в стекла — птиц горячий рой.

Встал. Закурил. Писал, марая,
И в реку выкинул сполна,
И плавно понесла, играя,
Листков флотилию — волна.

16 марта 1938
Ирпень

203

Нет воспоминаний горячее!
Горькой хвои чистый аромат,
Крылья птиц на солнце и за тучей,
Скрип возов, вдали — неясный город
Вечера багряного разлив. . .

Подмерзало, стыло, стекленело,
Эхо откликалось меж дерев,
Вырастали тени и надежды,
В корневищах дуба шевелилась
Прошлогодней осени листва.

Лишь один такой бывает вечер
В долгой жизни каждого из нас,
Только раз так замирает сердце
В сладостном предчувствии, что счастьем
Было бы вернее называть.

Голоса детей в лесу звучали,
Как звучат лишь в сумерках весной,
Тихий звон катился по опушке,
И ледок хрустящий, говорливый
Под твою ножкою трещал.

Мы зашли вдвоем в какой-то погреб.
Занавеска, фуксия, герань,
И тарань сухая на тарелке,

И стаканчик водки контрабандной ---
Всё осталось в памяти моей.

Грешницей себя ты называла,
Чужемужняя тогда жена. . .
Слышен был в словах твоих случайных,
В поцелуе крадено-коротком
Горькой хвои чистый аромат.

17 марта 1938
Ирпень

204

Дымом катится весна,
Ветер гонит, ветви клонит,
Капли солнца в снег уронит —
Зарокочет, как струна.

Свежий ветер пахнет хлебом,
Дымной влагою земли. . .
Синевой слились вдали
Ширь полей, река и небо.

Ты дорогу перешла,
Ведро полное качнула. . .
Не одна весна минула,
Не последняя пришла.

Март 1938
Ирпень

205. ГРИБОК

Мой сын, грибок на двух тончайших ножках,
Сегодня в первый раз уходит в школу.
Пенал, портфель, костюмчик голубой
Так необычны и неповторимы,
Как первый плач, как первый возглас: «Ма. . .»
В потоке темных, русых, белокурых
Он прошагал ко входу — и несмело
И с твердостью. И двери затворились,

И я остался в коридоре. Где-то
Звенел звонок. Я вынул папиросу,
Побаиваясь строгого швейцара
И чувствуя себя таким же крошкой,
Таким счастливым, как и мой грибок.
Учиться! Слушать дальний гул веков!
Расти и развиваться! Ясно видеть,
Всё зорче видеть юными глазами:
И землю нашу, лучшую из лучших,
Возделанную общими трудами,
И небеса, куда пилоты наши
Всё выше мчатся на стальных крылах!
Мой маленький! С тобою я и сам
Вновь сел бы на скамью, свою тетрадку
Раскрыл на парте, подтолкнул соседа
В бок или в спину (вечная забава,
Какой, наверно, дань в былом воздал
И сам Декарт, и Гете, и Гораций)
И слушал бы. . . Но поздно! Слишком поздно!
Тебе ж не поздно, милый мой глупыш!
Расти, живи — и знай, что нет нигде
Сильнее муки и сильнее счастья,
Чем в творчестве, — на всей планете нашей,
Прекраснейшей — клянусь — из всех планет!
Так думал я. А сверху, со стены,
Поглядывали на меня с улыбкой
Мичурин, Павлов, Маркс, и Менделеев,
И наш родной учитель, Ленин наш.

Сентябрь 1938

206. ЦИРК

Людей различных вереница —
И мальчик, и старик седой —
Рукоплескать и веселиться
Идут под купол цирковой.
Как в песнях Беранже рефрены —
Слова здесь бойки, всё кипит.
Вдыхая запахи арены,
И конь здесь ржет, и слон трубит.
Под самый свод людское тело

Взлетает дерзновенно-смело,
Рассчитан точно каждый взмах,
Лишь восклицает зритель: «Ах!»
Хвала артистам вертким, быстрым,
Веселой ловкости хвала!
Здесь юность наша золотистым,
Цветистым маревом прошла.

(1939)

207

Вьются вóроны встревоженно, —
Значит, вот уж и весна. . .
Сколько строк об этом сложено,
А не выпито до дна!

Первой мартовской синицею
Предвесенний сад звенит —
И тебя мне, смуглолицую,
Сердце вновь любить велит.

1 марта 1939
Ирпень

208—220. М О Р Е И С О Л О В Ь И

П. Тычине

I

Д Е Н Ъ П Я Т Н А Д Ц А Т Ъ Й

1

В зеленой бухте солнце и дремота.
Вдали дымится белый катерок.
За ним замкнулись водные ворота,
И ржавый ключ на дно спокойно лег.

И грудь тяжелодышащего моря,
Вздымаясь, опускается с трудом,
И мир прозрачен весь и так просторен,
Как для ребенка материнский дом.

Но облако стоит над горным склоном,
И тени от него простерлись ниц,
И розовые вьются стаи птиц,
Как снег, над морем тусклым и соленым.

•

Каплей в гулкую криницу
День скатился, отпылав. . .
Может, снова мне приснится
Белый вышитый рукав?

Молодость моя, быть может,
К изголовью припадет,
Руку жаркую приложит
К сердцу, чтоб растаял лед?

Может быть, я снова встречу
Всех, кого любил в былом,
Пиром праздник я отмечу
За сверкающим столом?

В русых косах — мята-рута. . .
Веря снам и соловью,
Я чужую свадьбу чью-то
Повстречаю, как свою. . .

И

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

В долинах персики цветут,
Но снова снег в горах;
Дельфиньи морды там и тут
На вспененных волнах.

И солнце льется, как поток,
Сквозь сумрак площадей,
И ручейки шумят у ног
Смеющихся людей,

И вновь мерещишься ты мне —
Сквозь небо и туман —

В любезной сердцу стороне,
Где киевский каштан.

Он почки, как уста, раскрыл —
И кровь его шумит. . .
А я письма не получил,
Тобою позабыт! . .

III

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

1

Я десять лет не видел Аю-Дага ¹
И снова встретил. В дымке облаков
Он пил из моря, — так века веков.
И та же самая валов отвага,

И та же древняя, как вечность, сага
Шумела здесь, у моря, среди песков,
Когда Мицкевич силою стихов
Глушил в себе печаль сердечных тягот.

И вот мне показалось, — шутки прочь! —
Что десять лет былых — одна лишь ночь,
Что с Аю-Дагом я не разлучался,
Что то был сон, — и каменный медведь,
Сумевший среди моря замереть,
Владимирскою горкой показался.

2

Моря в солнечных искрах
Ветру не потушить,
И зарниц его быстрых
В строфы не заключить.

---

¹ Аю-Даг — «Медведь-гора» близ Гурзуфа. Некоторое сходство с медведем, пьющим воду из моря, в ней действительно есть. Существует и соответствующая легенда.

Сказка. . . И золотая
Рыбка молвила так,
Чешуею сверкая:
«Чего хочешь, рыбак?»

8

Мне Крыма берега милы,
Как другом, восторгаюсь Крымом
И всё зову его любимым,
Не ждя за рифмы похвалы.

Пусть ясный день или туманный,
Пусть тучи по небу плывут,
Пусть мачту злые ветры рвут,
Пусть вечер — тихий и желанный, —

Он нам родной, он дорог нам
Могучим, красочным разливом,
И шумом улицы счастливым,
И чайкой, близкою к волнам.

И жаль, что средь необычайной
Красы, какой пленялись вы,
Певец Москвы, певец Литвы,
Тарас, ты не был, хоть случайно!

4

Невозмутимый сын украинской долины,
Тебе привет и честь несу я, «Взлет орлиный»!¹
Ты улыбаешься: дрожал средь облаков
Я на твоём краю, что вправду для орлов. . .
И даже слово *край* не к месту, хоть почтенно:
Я не был на краю, признаться откровенно. . .

И всё ж благодарю за сосны в вышине,
За села, в дружеском согретые огне,
За синеву лесов, за ветви черных буков,

---

¹ «Орлиный взлет» — крутая скала неподалеку от вершины Ай-Петри, откуда открывается один из лучших крымских видов.

За ветер, веющий волнами нежных звуков,
За синь подснежников, за блеск иглистых трав,
За кружевную даль, как вышитый рукав,
И . . . даже и за то, — друзья, прошу прощенья! —
Что гнулись у меня от страха там колени.

IV

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

1

Там, в саду, листва густая
И разумный соловей.
Как артист, свой голос зная,
Вот запел он, — огневая
Льется песня меж ветвей.

Притаился я в покое
И слежу за ним тайком:
Он поет. . . Но что такое?
А! Смотри! Уже их двое
Залились в кусте густом!

2

Стал легкомыслен я: пишу хорен
Про соловьев (от них схожу с ума),
Читать согласен Дориана Грея,
Не отказался б даже от Дюма,

Купил себе цветную тюбетейку
И только трость случайно не купил. . .
Знать, ты меня, лукавый соловейка,
В курортного гуляку превратил!

8

Звук флейты слышен на лужке:
Тиу, тиу, люлю.
Висячий мостик на реке,
Подобной хрустально.

По мостику она идет —
Я так ее люблю,
Она ж не любит. . . Я — не в счет! —
Тиу, тиу, люлю.

А мостик узок и высок,
И далеко земля. . .
И отзывается смычок:
Тили, тили, ляля!

v

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

1

Сквозь прогнившую листву подснежник
Тоненьким пробился стебельком.
От весны и трав чудесных, вешних,
С болью вспоминаешь о былом.

Ну, конечно, тяжело в разлуке
С жизнью, рвущейся вперед и ввысь.
Почки, погляди, на старом буке
До самозабвенья налились.

Снова он покроется листвою,
Лишь просторы лето обовьет, —
И над павшею листвою, весною,
Вновь подснежник синий расцветет.

2

. . . Мне вспомнилась (за прорезью окна
Пахучий темный сад, объятый мглою),
Мне вспомнилась из детства ночь одна:
Село, умывшееся после зноя,

И хаты призрачные под луной,
Росистое дыханье летней неги,
И там, за сказочною стороной,
Стук дальней затихающей телеги.

Куда-то вдаль печаль меня влекла,
И надо мною взрослые шутили, —
Но эта ночь сладчайшею была
Из всех ночей, что сердце полонили.

VI

ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ

Не зная устали, по штукатурке дома
Ползут глицинии. Округлый, как роса,
Играет светом день. Вдруг — тени полоса,
И море меркнет вновь, исполнено истомы.

Безмолвный кипарис, хороший мой знакомый,
На переменчивые смотрит небеса;
А тут, внизу, цветы, — янтарная оса
Их светлый дар несет к себе, в свои хоромы.

Прощайте! Я хочу, чтоб в лето вы вошли,
Как входят в гавани большие корабли:
К покою мудрому, к заслуженной дремоте.

А мне сегодня в путь — там ждет меня весна;
Весна скромна, но как зовет она!
Скорей к Днепру, к друзьям, к родной моей работе!

*Апрель 1939
Ялта*

221. ПИСЬМО ПО УТЕРЯННОМУ АДРЕСУ

Сутулый, в гимназической фуражке,
Рассеянный мечтатель и позер,
Терявшийся среди чужих, — замашки
Я эти сохранил и до сих пор, —

Таким в зеленом Корсуне, над Росью,
Я был, когда тебе сказал я «ты»
И в первый раз в твоих тяжелых косах
Почувствовал и росы и цветы;

Когда из пригоршни твоей пил воду —
Ты помнишь? — у криницы ледяной,
И голос иволги горячим медом
Плыл, опьяняя в тишине лесной;

Когда из погребушки-пистолета,
Приревновав меня, стрелялся друг;
Когда, волнуясь, мы читали Фета;
Когда под летним ливнем во весь дух

Мы бегали — и под душистым сеном
Украдкой целовались в час ночной,
И колыхалось над твоим коленом
Лишь платянице батистовой волной;

Когда я был такой наивный, дикий,
Каким хочу я быть — и не могу. . .
Там, среди клевера и повилики,
Быть может, счастлив был я на лугу.

А спицы бабушки! Она поди-ка
Чулочку связала чуть не миллион!
А спелая и сладкая клубника,
Глядевшая на нас со всех сторон!

На белый подоконник на рассвете
Ее ты клала мне. . . Я помню их,
Рассветы рдяно-золотые эти,
И всплески весел, верных и живых!

Всё это было: и река в купавах,
И яблоня, и песня, и окно,
И жадность рук, тревожных и лукавых,
Во тьме провинциального кино,

И влажных уст сердитое молчанье,
Когда, быть может, я и не был прав,
И без большой печали расставаньё —
Слезинки не упало на рукав. . .

Куда там — слезы! Синяя от века,
В лебяжьих облаках манила даль,
И верилось: на то лишь человеку,
Чтоб радость подчеркнуть, дана печаль.

Еще не знал я, что асфальт перрона,
И лестничка, и переход к окну
Родят когда-то столько слез соленых,
Или слезу — но жгучую — одну.

Я сыпал шутки и краснел при этом,
Махал фуражкой, шумен, бестолков,
Не знал еще положенных поэтам
К подобным случаям идущих слов, —

И был я даже рад, когда помалу
Мой поезд двинулся и взял разгон,
И чудеса дорога раскрывала,
Покачивая мчавшийся вагон.

А дальше — Фастов, где я нанял пару
За пять рублей, последних у меня,
И развалился в фаэтоне старом,
И клячи потащились семеня.

Звенели бубенцы, и балагула,
Качаясь, восседал на передке,
И роза увядавшая уснула
На синей куртке, в левом уголке.

Ты сорвала ее мне на прощанье
И приколола — миг неповторим!
Но красных лепестков очарованье
Казалось вечно только нам одним.

Что было дальше? .. Что всегда бывает!
Возницы нет уже давно в живых,
И кто-то вновь в дорогу провожает
Кого-то юного, — и взоров их

Случайная слеза не затуманит. . .
Без берегов и жизнь и счастье их,
И, может быть, надежда не обманет
Мне незнакомых этих молодых!

Не знаю, где ты, кто ты, что ты ныне,
Былое отлетело без следа. . .
Но верю я, как надлежит мужчине,
Что ты и хороша, и молода.

*Октябрь 1939
Львов*

222. ТРУДА И МИРА ДНИ НАСТАЛИ

Отцокали в походе кони,
Пыль улеглась на старый шлях,
Как дым веков. На тихом лоне
Земли, в долинах и полях,

Где однотонную струною
Звенела вечная печаль,
Сегодня радостью живою
Горит, зарею рдеет даль.

Стучит в седые камни Львова
Шаг молодецкий. Всюду взлет
Ширококрылых птиц багровых,
И мчатся молнии вперед.

И не вражду, а братство дали
Солдаты армии родной. . .
Труда и мира дни настали,
Земля цветет в красе иной!

1939

БАКИНСКИЕ ТЕРЦИНЫ

*Посвящается азербайджанским друзьям-
поэтам, которые по давней традиции и
по велению собственного сердца взяли
себе как излюбленные образы — перелет-
ных журавлей и вешние фиалки.*

Над древним Каспием в голубизне — взгляни —
Возносится гигант с простертою рукою, —
Из тех богатырей, что строят наши дни.

Он полон был всегда живого непокоя,
И только вверх всегда вела его тропа, —
Обязан Партии он славою такую.

Он солнце нес туда, где ночь была слепая,
Со словом дело слил он волею единой
В подобье строгого дорийского столпа.

Недаром с юных лет вступил он в полк орлиный:
Он знал, что слабый шаг преступным может стать,
Что может стать мечта великих дел причиной.

Он сплачивал людей в одну большую рать,
Своею смелостью готов был сдвинуть горы,
И волнам Каспия всегда о нем звучать.

Смотрю — внизу Баку раскинулись просторы,
Былой и новый век связались тут в одно, —
Так старость с юностью сплели Софокла хоры.

Огнепоклонники молились здесь давно,
И вот мы входим в храм, чье древнее строенье
Всё вышек нефтяных толпой окружено.

Как предков-мастеров нам дорого уменье!
Ты, пахарь, ты, рыбак, каменотес, певец,
Вы поняли бы все сегодня, без сомненья,

Что счастья своего сам человек — творец,
Что горы и моря склонились перед нами,
Что каждый среди нас — за лучший мир боец.

Мы все за Лениным, сильны его словами,
Вершинами идем, чуждаемся низин,
Вслед яснокрылому крылаты стали сами. . .

Друзья! Свои слова вам Украины сын
Несет как скромный дар, возвращенный Украиной.
Вот вам — фиалки цвет из киевских долин,

С лугов страны моей — вам голос журавлиный!

2

НИЗАМИ¹

На грани двух эпох в прошедшие века
Петрарка, строгий Дант — латыни круг прорвали.
Народной речи вдруг прихлынула река
В Италии, поя равнин зеленых дали.

Так мудрый Низами хотел златую сеть,
Что песни оплела, крылом порвать без страха,
Чтоб братьев окликать, по-братски людям петь, —
Но путь загородил приказ жестокий шаха.

Счастливые года настали наяву,
Свободным стал теперь азербайджанский гений. . .
Так лебедь, чуть весна расплещет синеву,
Скользит родной водой, не зная опасений.

1939

---

¹ Из вступления к поэме «Лейли и Меджнун» великого азербайджанского поэта Низами Ганджеви (1141—1203) видно, как стремился он писать на родном языке, но этому воспрепятствовала воля персидского шаха.

К. Паустовскому

1

ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА

Я вспоминаю вечера зимою,
Узор мороза на стекле окна,
Безмолвный сад, где снег и тишина,
И взрослых разговоры меж собою.

Рыбацкий опыт темною живою
Был для бесед, что длились допоздна.
И так мечталось: «О, когда б весна
Настала завтра — с утренней зарею!»

В беседы эти редко я — малыш —
Вставлял словцо про пруд и про камыш,
Про хитрую плотичку или щуку.

Давно уж братья померли мои
И кум Денис, надежный друг семьи,
Но им навек спасибо за науку!

2

ПЕРЕШЛА ДОРОГУ

Что сделаешь? В ходу еще немало
Рыбацких и охотничьих примет,
Еще проник не всюду знаний свет,
Где суеверье сети расставляло.

Вот и сейчас: косынка замелькала
На огороде, словно маков цвет.
Свернем с дороги — здесь идти не след,
Не повезло нам с самого начала!

Идет навстречу... К речке за водой...
Из-под косынки локон золотой
Игриво вьется... Ну, беда, ей-богу!

Другой дорогой надо бы идти!
Пустую торбу рыбаку нести,
Коль перешла красавица дорогу!

1939—1940
Ирпень — Киев

227—228. ИЗ ОХОТНИЧЬЕЙ СЮИТЫ

Вадиму Охременко

1

ТЕНЯМ ДАВНИШНИХ ДРУЗЕЙ

Искренние други лет ребячьих,
Милые, смешные чудачки!
От обид людских, недобрых мачех
Вы бежали на́ берег реки,

Там учились песням соловьиным,
Снились сны вам про разрыв-траву, —
И сгибались худенькие спины
От котомок нищих наяву.

2

ЗАВТРАК

Тарань сияет под лучами солнца,
С чумацкой споря! Хлеб — весь золотой,
Насыщенный степным горячим ветром
И на ломти разрезанный рукою
Охотника, гуляки, рыбака!
В траве лукаво притаилась фляжка —
Не угадаешь, чем она полна!
Немного огурцов — зеленых, твердых, —
И это всё.

Подобно белым павам,
Проходят в небе облака. Кузнечик
В полыни дребезжит. Девичья песня
Издадека, как близкая, слышна.

А даль темнеет. Добродушный гром
Спросонок заревел, — но здесь, над нами,
Лазурь еще светла.

Смотрите! Утки,
Блеснув, как нить жемчужная, спустились
Вдали на полевое озеро!

1939—1940

Киев — Коктебель

229. СВИСТНУЛ ОВЛУР ЗА РЕКОЮ

Князю не спится и спится. . .
Гаснет последний костер,
Крикнула вещая птица,
Ветер колышет шатер.

Накрепко спят половчане,
Ночь — будто омут без дна. . .
Встала виденьем печальным
У изголовья жена.

Нет, уж не ведать покою!
Жалит печаль, как змея!
Свистнул Овлур за рекою, —
Слышишь, отчизна моя?

Быстрые кони готовы. . .
Кличет властительный взор! . . .
Прерваны сны Кончаковы,
Буря ломает шатер.

20 мая 1940

Коктебель

230. МАСТЕРСТВО ПЕРЕВОДА

Н. Н. Ушакову

В безвестный лес идет стрелок порой.
Там есть ли дичь? Не дрогнет ли в овраге
Рука сегодня?

Вот взвились ватаги
Чирков, — и сердце участило бой.

Так книга кругозор являет свой,
И должен в строки те, что на бумаге,
Без промаха попасть ты, полн отваги,
И людям их отдать, как друг прямой.

Но не убить! Для всяких аналогий
Предел бывает: нужно, чтоб слова
Богатые не сделались убоги,

Чтоб мысль осталась в тех словах жива
И чтоб души поэтовой глубины
На нас родимым веяли с чужбины.

26 мая 1940
Коктебель

231. БУФЕТ

Приснился мне буфет старинный
И дом, где жил я в оны дни
И где сиял тот свет невинный,
Который детству лишь сродни.

Отчетливо припоминаю,
Нет, вижу я наверняка —
На нижней, левой дверце, с краю
Два полированных сучка.

Один как птенчик темнокрылый,
Вот-вот он выскочить грозил,
А всё держался: видно, силой
Его соседний заразил.

Соседний был похож на деда:
Усы, и нос, и борода.
Казалось мне, птенца-соседа
Он распекает иногда.

А из буфета — дух лимона,
Корицы, кофе, старины,
Как ветер Яффы и Цейлона,
Как воздух дальней стороны.

Всё это было. . . Хлеб с вареньем,
Ребячьи сны и самовар,
И кресло с кожаным сиденьем,
И порванный Густав Эмар.

И тополя в кипенье света
(Их Антонович¹ посадил),
И два нескладных пистолета,
Что друг Яськó мне смастерил.

И доброй матери угроза,
Совсем нестрашная, совсем! . .
Всё это было. . . Эта проза —
Она дороже всех поэм!

26 мая 1940
Коктебель

232. НАРОДАМ МИРА

Среди миров наш мир кружит,
На древний лад земля гудит,
И каждый атом и микрон
Единой воле подчинен,
Творящей море, поле, твердь,
Одну вершащей круговерть, —
И в этой буре мировой
Вступает жизнь со смертью в бой,
И вы, тревожные сыны
Плодоносящей глубины,
Живете веяньем весны,
И лета солнцем голубым,
И осени багрянцем злым,
И чистотою строгих зим,
И шелковым теплом травы,
С которою сроднились вы
При воплях муки родовой.
Он дорог вам, наш мир живой:

---

¹ Известный историк и археолог, проф. В. Б. Антонович, друг моего отца.

Ваш серп, ваш меч, ваш сев, ваш гнев,
И струнный перебор дерев,
Смех дочерей и сыновей,
Любовь, которой нет сильней,
Огонь домашнего тепла,
Произрастание ствола,
Зверь в роще, птица в небесах,
И рыба в реках и морях. . .
Но кто владеет всем добром,
Что вашим добыто трудом —
Своим трудом, своим горбом?
Да! Разве и они сыны
Прекраснозвездной глубины —
Те, кто в живую круговерть
Несет раздор и злую смерть,
Кто топчет ваш плодовый сад,
Кто в воду льет смертельный яд,
В дыханье вам отраву льет,
Кто сеет бурю, кривду жнет?

Кто землю щедрую рассек,
Богатства взял из гор, из рек,
Чтоб вам их не добыть вовек?
Кто мысль, и музыку, и стих
Змеей обвил и губит их?
Кто ваш благословенный пот —
Всё, что свободный труд дает, —
И кровь, и плоть, и огонь души
Разменивает на гроши,
Чтоб услаждал насытый взор
Кошмарной роскоши позор?
Кто, оторвав от матерей
Их свет и счастье — их детей, —
Их растлевают до конца,
Испепеляет их сердца?
Кто жизнь и тело продает
За грош, кто множит свой доход,
Церковным осенив крестом
Кровь, ложь и кражу с грабежом?
Кто мирные поля страны
Сжигает лавою войны
И брызжет мерзкою слюной

В твой, земледелец, лик простой,
Тебе в лицо, кузнец, плюет?
Кто поднимает род на род
И племена на племена?
Чей бог — торговля, храм — война?
И долго ли терпеть вам их —
Ту стаю сытых и глухих?
Доколь переплавлять вам плуг
В орудие войны и мук,
Чтоб тешить им гнездо гадюк?

О, если б все наречья знать,
Все страны мира облетать
И всем народам закричать:

«На свете правда лишь одна —
И только там живет она,
Где люди власть господ смели,
Где серп и молот в герб вошли,
Где с другом друг и с братом брат
Лелеют светлый виноград!»

*Май — июнь 1940
Коктебель*

233. ВЛАДИМИР КОРОЛЕНКО

Его я видел в жизни только раз —
Здесь, в Киеве, в профессорской квартире.
Мне памятен огонь честнейших в мире,
Снявших искрой золотою глаз.

И скромнен был и прост его рассказ,
Как статский зверь в чиновничьем мундире,
Из угожденья палачу в порфире,
Распяв детей полтавских, мир потряс.¹

Не повторить мне те слова простые,
Хоть в памяти всегда звучат они, —
В душе храню их, как цветы сухие.

---

¹ Речь идет о кровавой расправе над восставшими крестьянами села Сорочинцы, которую учинил в 1905 году статский советник Филюнов.

Ведь он сказал в томительные дни,
Плывя рекой сибирской не впервые:
«Но всё-таки... там, впереди — огни!..»

1940

234. ФЕДЬКОВИЧ ПОЕТ

Одетый в свитку, строен и спокоен,
Он встал. И гости тоже поднялись...
«Давно уже не чувано такої,
Лише, додам — лише тоді — колись...»¹

Пост — а там уж встали двое, трое,
И все поют, и песня рвется ввысь, —
Как будто люди грозною борьбою
Земную ось перевернуть взялись —

Чтоб был жолнер не цесарской опорой,
А стал опришком Довбуша, который
Свой поднял меч за счастье людей...

И люди вздрогнули в немом безмолвьес.
Так Кобзаря, что вырос в Приднепровье,
Встречает буковинский соловей.

1940

235

Осенней порой появляются птицы
И странно кричат, кружась над рекой,
И не знает стрелок: может, это лишь снится,
Что такое же видел он прошлой весной.

Осенней порой ежедневно — иное:
То стебель увял, то листик — желт...
Человек мудрее осенней порою
И мягче — травы примятый шелк.

---

¹ Давно уже не слыхано такой, добавлю только, лишь тогда, когда-то... — *Ред.*

Осенней порой в озерах зеркальных
Залегает рыба для спячки глухой. . .
Осень — это пора бесед прощальных,
Но всходит пшеница осенней порой!

1940

236. ПОХВАЛА ВООБРАЖЕНИЮ

Не видав, как джигу исполняют,
Думаю — кубарь напоминает;
Фарандолы — я добавлю сразу —
Даже вы не видели ни разу.

Но на то дано воображенье,
Чтоб слышать тамбурина пенье,
И на то я над собою пан,
Чтоб творить гитары и гитан.

Чтоб Севилья и Гренада тоже
С Кобеляками бывали схожи,
Чтоб цветы срывать нам тамариска,
Крепкий джин глотая в Сан-Франциско,

С гарпуном ходить за кашалотом,
Быть на «ты» с гидальго Дон-Кихотом,
Гнезда кайр отыскивать в скалах,
С д'Артаньяном биться на клинках.

(1941)

237. ПОХВАЛА РЕАЛЬНОСТИ

Земное всё, что нашу жизнь поит,
В чем вес и мера и объемность мира,
Коня, что повод сбросить норовит,
Кота-мурлыку, схожего с Багирой;¹

---

¹ Пантера в книге Р. Киплинга «Маугли».

Роскошное фламандцев полотно,
Литое тело, мускулы стальные,
И запах сена, льющийся в окно,
И в тонкой вазе розы огневые;

Объяты крепкие, и труд людей,
Что мир колеблет силой вдохновенья,
Созревший плод, свисающий с ветвей,
Разумных рук крылатые творенья;

Возделанные пышные поля,
И песню рек, и пушу вековую, —
Как это всё люблю безмерно я! . .
Но, люди, вас — всего сильнее люблю я!

(1941)

288. ЦВЕТЕТ АЗАЛИЯ

Цветут гортензии в Батуме. . .

Н. Ушаков

Цветет азания, мой добрый Ушаков,
У года на краю, в конце его дороги,
И я люблюсь ей, как взором недотроги,
Что, душу истомив, любви услышит зов.

Растенью помогать я был всегда готов,
Хоть много было с ним заботы и тревоги,
Теперь цветет она, окрепшая в итоге, —
Зимы живой этюд к поре весенних снов.

Так и в поэзии, и в жизни человека:
Сквозь пыль, и труд, и пот, сквозь все невзгоды
века
Мы достигаем, друг, вершин своей весны.

Сойдемся ж за своей традиционной чашей,
По-братски выпьем вновь за крепость дружбы
нашей,
За честь и чистоту счастливой седины!

1 января 1941

239. ЗОЛОТАЯ САБЛЯ

Павлу Тычине

Не помню, где — впервые на Кузнечной
Мы встретились, а может, и не там,
Но сразу разговор возник сердечный.

И, возвращаясь к прожитым летам,
К поступкам, лицам, к встречам жизни ранней, —
Я с прежним чувством отдаюсь мечтам

О той поре. И мы воспоминаний —
Я знаю — не сотрем о днях былых,
Весенних, полных дум и упований!

О, как переливался стройный стих
Под Вашею горячею рукою,
Звонкоголос, как май, хотя и тих!

В дорогу жизни взяли Вы с собою,
Павло Григорьевич, певучий дар,
Им почтены, как саблей золотою.

Впитав в себя души народной жар,
Что нас живит, как в сказке ключ целебный,
Вы шли вперед, властитель тайных чар.

Вот потому ни дебри Вам, ни гребни
Высоких гор не страшны. Не для Вас
Те блёстки слов, что так иным нужны.

Вы в Харькове (давно ли?) как-то раз
Про Кожемяку, помню, мне читали —
И тот огонь доселе не погас,

Который засветив, Вы твердо стали
На путь, что на вершины Вас ведет.
Пусть в снах иные грезят о привале,

О тихой пристани, но Вы — не тот:
Покой и легкий путь — Вам чуждо это.
Ведь сам народ наш в руки Вам дает

Оружие народного поэта.

*Январь 1941
Киев*

240. ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Весна с зимою на весах
Или, вернее, на качелях:
То серый снег в моих глазах,
То дождь сверкающий апреля.

Гляжу, еще больной, в окно:
Как весело народ смеется!
По жилам улиц, как вино,
Работа праздничная льется.

Под звон капелей золотых
Набухли почки жизнью новой.
Не надо разве рук моих
Садам весны — садам вишневым?

Моих не надо разве слов,
Гудящих силой огневою,
Среди бойцов и кузнецов,
Среди рабочих и героев?

Плывет по синей дали дней
Работы славное ветрило.
О, плодотворный блеск дождей!
О, мудрая людская сила!

Между январем и июнем 1941

241. СЛОВО О МАТЕРИ-РОДИНЕ

Благословен тот день и час,
Когда раскинулась коврами
Земля, которую Тарас
Босыми исходил ногами,
Земля, которую Тарас
Горючими омыл слезами.

Благословенна в болях ран
Ширь беспредельная, степная,
Та, что плывет как океан,
Херсона стены окаймляя,
Свой молодой девичий стан
К Днепру могучему склоняя.

Благословенна будь в веках,
Как солнце в глуби небосвода,
Как птичий голос в облаках,
Ты, песня, — скорбь и смех народа:
Отвагу будишь ты в сердцах,
Когда нависла непогода.

Благословенны вы, следы,
Не смытые волной тревожной,
Мечтателя Сковороды,
Бредущего с сумой дорожной
На поиски живой воды
Своей дорогой непреложной.

Благословен мечей стальных
Огонь — Отчизны честь и слава,
И топот конников лихих,
И моря пенная держава,
И «Энеиды» колкий стих,
И тихие сады Полтавы,

Как гром, звучащие в века
Шевченка строки огневые,
И молот мудрого Франка,
И струны Лысенка живые,

И лавр бессмертного венка
Над Заньковецкой над Марией!

И труд, и пот благословен,
И все плоды земного сада,
И кленов придорожных плен,
И строгий огонек лампы,
И вдоль седых кремлевских стен
Знамен багряная ограда.

Благословенна синь озер,
И Псел, и терпкий дух полынный.
Народа нашего не стер
И не сотрет наскок звериный, —
Благословенна меж сестер
Та, что зовется Украиной.

И вы, собратья и друзья!
Нас всех, под знаменем свободы,
В тот край ведет одна стезя,
Где ясны зори, тихи воды.
Благословен, врагов разя,
Ты, воин русского народа! . .

Кто глубину днепровских вод
Расплещет хитростью лукавой,
Кто клады, что сберег народ,
Расхитит силою неправой,
Кто сердца самый чистый плод
Отравит черною отравой?

Настанет день, настанет час,
И разольется вновь медами
Земля, которую Тарас
Своими освятил делами.
Земля, которую Тарас
Своими окрылил словами.

Ужель судьба погибнуть ей,
Потопленной в крови багровой,
Когда зовет и шум ветвей

На правый бой, на бой суровый,
Когда жива она в своей
Семье — великой, вольной, новой?

Как опадут ее цветы,
Замолкнут вещи напевы,
Когда с низин до высоты
Народ, что лев, рычит от гнева,
Лисицы брешут на щиты
И кличет див с вершины древа?

Кто посмеется над струной,
Где скрыта память о Бояне,
Кто запахи травы степной
Погасит в сумрачном тумане,
Кто гробовою пеленой
Оденет Киев наш и Канев?

Нет! Силы не сыскать такой,
Нет в мире силача такого,
Чтоб наступил на нас пятой,
Чтобы надел на нас оковы.
Ведь Партия ведет нас в бой,
Ее мы всюду слышим слово!

Рокочет Днепр, шумит Сула,
В Карпатах отзвук отдается,
И зов подольского села
К Путивлю древнему несется.
Иль совы заклюют орла?
Нет, правда кривде — не сдается!

Земля родная! Знаешь ты:
Близки завещанные сроки!
Встает народ, гудят мосты,
Кипят весенние потоки! . . .
Лисицы брешут на щиты,
Но солнце рдеет — на Востоке!

Ноябрь 1941

242. ПИСЬМО УКРАИНЦАМ В АМЕРИКЕ

Как радуга, что два материка
Сплотила исполинскою дугою,
Как сжатая в другой руке рука,
Два сердца, мыслью зажжены одною, —

Так слово к слову пусть несется вдаль,
Чтоб за морями брат услышал брата,
Чтоб неба океанского хрусталь
Увидел горе украинской хаты.

В огне, в борьбе клокочут наши дни,
И каждый звук зовет на подвиг бранный, —
Враги коварны, в бешенстве они,
Но им не растоптать наш стяг багряный.

За нашу волю, — братья, вас зовем! —
За нашу правду, — сестры, к вам взываем! —
Мы шли на бой и вновь на бой идем,
Мы бились, бьемся, биться продолжаем!

За ниву, где струился честный пот,
За все, трудом рожденные, заводы,
За наших песен солнечный восход,
За наши зори и за наши воды —

Идем на битву против злобной тьмы,
Что застит свет над сушей и морями,
И твердо верим: ночь рассеет мы,
И знаем: смерть отступит перед нами!

Москва-река и Волга в этот час
Могучий Днепр приветствуют как брата,
И поднимает голос свой Кавказ,
И гулко отзываются Карпаты.

Хоть вражьи крылья застилают высь
И тень от них на нашей милой ниве, —
Эй, через море, друг наш, отзовись
В одной надежде и в одном порыве!

Обрубит крылья хищнику мой край,
Мы разгромим врага на ратном поле!
Вставай, рабочий! Селянин, вставай!
За нашу славу и за нашу долю!

Когда народ наперекор врагам
Встает одним непобедимым станом —
Тогда народа не разбить громам,
Не захлестнуть вовеки океанам!

18 ноября 1941

248. ВЕЛИКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Слышишь — сквозь ночь и кровавое пламя
Голосу голос ответный звенит?
Слышишь — идет перекличка над нами,
Темных веков сотрясая гранит?

Слышишь — плывет над пучиной морскою
Байрона слово, как трубный призыв?
Пушкин с простертою гордо рукою
Встал над землею, сердца окрылив!

Видишь — он вновь на «Трибуне народов»,
Славный Мицкевич, борец и пророк!
Видишь — превыше всех каменных сводов
Вьется Шевченка терновый венок!

Слышишь — гремит всем подлунным языкам
Песнь огневая народных певцов:
«Тесно сплотитесь в боренье великом
Против коварных, кровавых врагов!»

Все племена, все народы земные —
В битву за солнце, за ветер полей!
Сила великая, встань, как стихия!
Черного зверя разбей и добей!

Враг одинок, и идти ему не с кем!
Граждане мира, боритесь за мир!
Да озарит ослепительным блеском
Землю свобода — сверкающий пир!

Между июнем и декабрем 1941

24. УКРАИНЕ

Украина родимая! Волны полей,
Города лучезарные, белые хаты!
Украина! Горячею грудью своей
Ты встречаешь сегодня врага-супостата.

Украина, живого труда сторона,
Зори ясные, тихие, синие воды!
Украина! Ты в славной борьбе не одна,
В ней с тобою под стягом багряным — народы!

Не одни ты видала разбойный погром,
Помнишь топот, и грохот, и хохот Батыев, —
Но из пепла, сияя лазурным венком,
Вырастал твой певучий, могучий твой Киев.

Видишь: русский с тобою, башкир и таджик,
Братья все и друзья — грозной рати лавина.
Свят союз наш, народ беспредельно велик,
Беспредельно силен в своей ярости львиной.

Мать родная моя! Вслед за черной грозой
День победы наступит, звеня и сверкая.
Славен будет вовеки священный твой бой,
Славен серп твой и меч твой, Отчизна родная!

Между июнем и декабрем 1941

245. МОСКВА

Сердце народов, разум земли,
Родина вольнолюбивых и смелых.
Вражье оружие ржавеет в пыли
Сел подмосковных, и прахом легли
Черные силы у стен этих белых.

Там мы, друзья, собираясь не раз
В дружной беседе, сердца свои грели,
Там обнимал Украину Кавказ,
Там наших песен гранился алмаз,
Там наши лучшие замыслы зрели.

Там правдолюбца Толстого следы,
Смех Грибоедова неугасимый,
Там Маяковского дни и труды
С Пушкиным встретились — вешней воды
Бурные волны с валами морскими.

Там негасимой свободы рубин
Миру сняет звездою пунцовой.
Дорог там каждый, кто вольности — сын,
Там, в средоточии гор и долин,
Грому подобно народное слово.

Пусть же звучат нашей клятвы слова,
Перелетая поляны и реки,
Все пусть услышат, что, вечно жива,
Не пошатнулась, не пала Москва
И не падет — наше сердце — вовеки!

Ноябрь — декабрь 1941

246. ЗАРЯ ВСТАЕТ!

Меркнут звезды, белою стеною
Новый грустный день вдали встает,
Снег седой заносит поле боя,
Черный ворон белый труп клюет.

Всё молчит. Глухая даль застыла,
От пожарищ вьется мертвый дым.
Над Днепром великая могила
Речь заводит с ветром снеговым.

Ходит ветер, посланец крылатый,
На кровавое зовет вино,
Припадает где-то к стенам хаты
И стучит в замерзшее окно.

День придет — залечит Канев раны,
Снова древний Киев расцветет.
Ходит ветер Ясною Поляной,
И заря горит, заря встает!

22 декабря 1941

247. Я — СЫН СТРАНЫ СОВЕТОВ

Я — сын моей страны. Вы слышите, иуды,
С печатью Каина на зачумленном лбу?
Нет, кровью матери я торговать не буду,
С судьбою Родины я слил свою судьбу.

Не только в дни торжеств, на камне пьедестала,
В гирляндах из цветов и в золоте лучей, —
Стократ милей теперь она для сердца стала,
Огнем разящая убийц и палачей.

В крови, в стенаниях, в рыданиях несказанных,
В порыве подвига, живого навсегда,
Блистательнее всех небес благоуханных
Сияет нам ее вседневная страда.

Нам черствый хлеб ее священнее святыни,
Снега зимы ее прекрасны, как весна,
И то, что муюю она повита ныне, —
Лишь знак, что оживет для радости она.

Я — сын моей страны, той, что своею кровью
Всем племенам земным несет свободы свет, —
И зацветут поля, заколосятся новью,
Советского бойца встречая в час побед.

Я — сын моей страны, той, что мечом и словом
Сметет противника со всех своих дорог;
Еще чело ее горит в венке терновом,
Но слава уж плетет лавровый ей венок.

Пожар свирепствует, вздымается всё выше,
Но встретит гибель враг среди вековых равнин. . .
О светлая заря, тебя я вижу, вижу!
Страны Советов сын — я нашей правды сын!

26 декабря 1941

248. ПОРТРЕТ ЛЕНИНА

Его портрет — в колхозной хате скромной,
Его портрет — в землянке у бойца, —
Портрет того, кто волею огромной
Соединил народные сердца.

Его портрет, который наши дети
Цветами любят нежно украшать, —
Портрет того, кто в глубине столетий,
Как солнце, землю будет озарять.

Когда кипит за вольность бой священный,
Мы пронесем сквозь дым и смертный прах
Его портрет: ведь он живет, нетленный,
На всей земле, во всех живых сердцах.

21 января 1942

249. МОЕ СЕЛО

Там где-то, в снежной тьме, село и домик мой,
Где жить учился я, щенок полуслепой,
Неловко, ощупью. Там ветер быстрокрылый
Летит над речкою, откуда пил я силы,
Поля раскинулись, что хлебом золотым
Вскормили малого. Там вился добрый дым
Из труб, маня теплом, и жадно речь родную
Я слушал, и постиг в ней красоту простую.

Там первых лет друзья, там кровная родня;
Там, может быть, еще остался след плетня,
Перед которым я светловолосой Ганне
Смешное, первое нашептывал признание.
Там близкие мои, — и нет от них вестей,
Но знаю: кровь и тьма залили ширь полей,
Затмили цвет садов, наполнили жилища
Моей Романовки, теперь пустой и нищей, —
Она ограблена, как весь родной мой край,
Печальна и нема, растерзана. . . О, знай —
За всё прекрасное, изведенное в жизни,
Я песнь и кровь свою готов отдать Отчизне!

*21 января 1942
Москва*

250. ВИДЕНИЕ

На пароходе «Крупская» с охоты
Домой мы возвращались. В темноте
Плескался Днепр сквозь сон свой стариковский,
И с берега луга благоухали,
И день погожий предвещал петух.

Когда ж ночь августа пришла к рассвету
И стукнула в окно его слепое, —
То берега и воду скрыл туман,
Густой, непроницаемый. Мы были
Под самым Киевом, но капитан
Велел остановиться, — за туманом
Мы не могли до пристани дойти,
Не севши на мель. Мы остановились.
Курильщики бессонные набили
Махоркой, бакуном и вергуном
Огромные сигарки-самокрутки
И вышли с приглушенным говорком
На палубу. Хоть выколи глаза —
Ни зги не видно! Слышно лишь одно:
Как плещут волны где-то там, за бортом, —
Всё охватила темнота и сырость.
А город наш так близко — перед нами, —
Мы только можем чувствовать его,

Как близость матери дитя больное
Всё чувствует, хотя ее и нет
Близ колыбели. Налегла на всё
Промозглая, пронзительная сырость.
Казалось нам, что и конца не будет
Стоянью этому у входа в город —
Томительному, жалкому такому. . .
И вдруг — лишь в сказке это описать! —
Прорвал насквозь туманную завесу
Отважный луч, и в небе синева,
Как чистый взгляд, внезапно прояснилась, —
И на горе крутой предстал пред нами
Наш Киев — переливами садов,
Сверкающими главами церквей,
Строениями в туманной, легкой дымке;
Он вдруг затрепетал, заговорил,
Весь золотой, серебряный, парчовый,
В торжественный одетый багрянец!

О Киев мой! Нет на земле туманов,
Какие б пред тобой не расступились,
Чтоб ты явил на удивленье миру
Свою красу, свой неустанный гений
И жизнь — бессмертную, как наш народ!

*23 января 1942
Москва*

251. ГОЛОСЕЕВСКИЙ ЛЕС

Во время героической обороны Киева
в 1941 году Голосеевский лес был ме-
стом большого сражения.

В короне Киева смарагдом темногранным
Переливался он, и дням благоуханным
В воспоминаниях не отцвести моих.
Бывало, вырвавшись из улиц городских,
Горластее галчат, спешим мы, гимназисты,
Халву с орехами погрызть в тени сквозистой,
А солнце золотит его дубов венцы,
И дразнят свистом нас насмешливо скворцы,
И облака плывут, белея парусами,

И, любопытствуя, склоняются над нами.
И не забуду я ни лодки, ни весла
И ни дороги той, что в гору нас вела
Извилистой рекой от милого трамвая.
Нередко и теперь я нежно вспоминаю
Те дни, когда с женой и другом молодым
(Романтик, он меня не называл «Максим»,
А «кабаллеро» лишь, да иногда «Массимо»)
Прогуливался я под ветвями шальными —
И я с романтиком в эпитете таком
Хотел им подражать, но вовремя потом
Удерживали мы порыв на полдороге:
Ведь взгляд у девушек такой лучисто-строгий,
Что и романтики (они ли не должны?)
Пред ним смиряются, как пред лучом весны
Разгульный снеговой. . . В игре пятнистой света,
Средь зелени дубов калечили мы Фета
И даже Надсона (мой славный побратим
Считал его тогда учителем своим,
Сам будучи поэт, а больше — композитор).
Как были ветерком горячим кудри взбиты,
Где время лишь поздней добилось, снегом пав,
Осуществления своих предвечных прав,
Посыпав волосы как будто перцем с солью!
Как радовались мы свободе и приволью,
Как по-ребячески катались мы с бугра,
Как сделалась тогда от зелени пестра
Моя в историю попавшая толстовка!
Как зяблик из листвы высовывал головку,
Чтоб посмотреть на нас, и серебристый свист
Вплетался тонкими струнами в шумный лист!
Какой был светлый день! И небеса какие!
Как в дымке розовой вдали маячил Киев
Лучистым маревом!

Я в памяти сберег

И день тот солнечный, когда в свой звонкий рог
Трубила по лесам весна свои сигналы
И племя пастухов коров еще не гнало
На талые холмы, где в грязной белизне
По впадинам канав лежал ноздристый снег, —
Но воды пенились, трава рвалась сквозь листья
Вверх, к солнцу, и дрозды звенели голосистой

Среди кустарника. Я и приятель мой,
Охотник и певец (он в школе трудовой
По нотам петь учил хор детский терпеливо,
И полюбился мне за то, что дар счастливый
Имел — поэзию и жизнь соединять),
Мы к выводу пришли, что нужно натаскать
Собак на вальдшнепов, без ружей. Лес открытый
Еще не зеленел. Охотник знаменитый,
Который был судьей на выставках собак, —
Подумайте! — к тому ж по вальдшнепам мастак
И мастер чай варить в лесу из разных зелий,
Вдруг согласился сам (то был конец недели,
А может, выходной) возглавить наш поход.
Пошли мы не спеша, и, выскочив вперед,
В самозабвенье псы бежали перед нами,
Подобно челнокам, ныряя меж кустами,
Вынюхивая след по ржавому листу.
А мы, забыв тревог житейских суету,
Впрямь по-аксаковски гуторили толково
О лете вальдшнепов, когда они, по слову
Судьи собачьего, одним календарем
Руководясь, летят не клином, не углом,
Не стаей, а вразброд, тайком, поодиночке
На клич серебряный весны, и в чаще ночью
Садятся отдохнуть. Пускай еще зима
Сердито сыплет снег, дорога их — пряма,
Когда в календаре день марта двадцать пятый
По стилю старому. Недаром этой датой
Отмечен их пролет, и вальдшнепы верны
Приметам радостным изменчивой весны.
Но вдруг под разговор остановилась Леди,
И Аста нюхает серьезно, без комедий,
И стойку делает, — и вальдшнеп взвился вверх,
Крылом коричневым блеснув, как фейерверк,
И вытянувши нос свой, длинный и красивый. . .
Ужели кто-нибудь найдется нас счастливей?
Вот в заповедный яр знаток наш наконец
Повел с собой собак, а я и друг-певец
Присели покурить и в юношеском пыле
В соревнование привычное вступили:
Толстого вспоминать — «Кзаки», а потом
«Войну и мир». . . Хотя и был я знатоком,

Мой друг не отставал. . . Когда же он «Ругаем»
И «чистым делом марш» блестнул, то уступая
Учителю, его победу я признал
И победителя в уста поцеловал.
Тот поцелуй в лесу под небом беспечальным
Не показался нам тогда сентиментальным.

А сколько было нас, счастливых киевлян,
Что, завершивши свой еженедельный план,
Толпой и парами, веселые как птицы,
В лес Голосеевский спешили, чтоб напиться
Дыханья свежего, душистого вина!
Но вот нагрянула, как в ночь мороз, война,
И полчища врагов нахлынули на Киев. . .
Лес Голосеевский, и ты встал в дни такие
Как честный, гордый муж — и сам в сраженье

пат,

Но злого недруга ты под себя подмял,
И не одно с тобой упало вражье тело.
Ты славно, друг мой, жил и умер в битве смело!
И прогремит в веках твой подвиг боевой!
Когда настанет день, великий день святой,
И мы вернемся вновь на нашу Украину —
Родимый дом чинить и след стирать звериный, —
Мы склонимся тогда пред пеплом и твоим,
И верю: в этот день побегом молодым
Ты встанешь в поросли дубовой и кленовой
И юной зеленью воскреснешь к жизни новой.

17 марта 1942
Уфа

252. ЧАША ДРУЖБЫ

До брони, слов'яни, до брони!¹

М. Старицкий

В сумеречной песне колыбельной
И в седом сказанье о походах,
О походах, подвигах бессмертных,
В соловьином свадебном напеве
Он не раз звенел, переливался —
Вековечный голубой Дунай.

¹ К битве, славяне, к битве! — *Ред.*

Смутной далью, плеском лебединым
И кровавой древности преданьем,
О раздорах грустною легендой
И о дружбе-побратимстве былью
Он шумел, младенческое сердце
Сладкой болью нежа и чаруя,
Всеславянский голубой Дунай.

Все мы им взлелеяны, славяне,
И в борьбе священной, грозовой,
Как один, подыдем чашу дружбы,
Как один, подыдем чашу клятвы,
Чашу братства, славы и свободы, —
Да погибнет, да исчезнет враг!

Не за кривду мы идем — за правду,
На высокий, честный ратный подвиг,
Чтоб над древней золотою Прагой,
Над кремлевской гордою твердыней,
Над мерцаньем Вавеля суровым,
Над лесной задумчивостью Минска,
Над вершиной Киева цветущей
Смелый ветер вольности шумел.

В час, когда клубилась вражья сила
Черной тучей над Москвою светлой, —
За нее в кипучей буйной битве
Все народы братского Союза,
Как один, стояли головою,
Отстояли стяг ее и честь.

Это ль, братья, не пример великий
Единенья, стойкости могучей,
Мужества лучистый образец?
Так подыдем выше чашу дружбы,
Так подыдем выше чашу клятвы, —
Да погибнет, да исчезнет враг!

Да шумят единым светлым шумом
Синий Днепр, серебряная Висла,
Вольной Волги славное раздолье,
Мир славянский — голубой Дунай!

2 апреля 1942

258. ТЫ, КАК ДОЛЯ МОЯ...

«Ты, как доля моя, многотрудна!
Что ты ночью шепчешь, земля?
Что не спишь, уныла, безлюдна,
Всё о чем-то безмолвно моля?»

Иль ветрами ясной погоды
Охладить мне твое чело?
Иль собрать для тебя все воды
И всех солнц унести тепло?

Иль все розы, все тихие зори
На кремнистое ложе сложить?
Иль в смятенье сыновнем и горе
У святого подножья тужить?»

А она мне сквозь ночь, сквозь муку:
«Ты не смеешь тужить обо мне!
Укрепи свое сердце и руку,
Слезный плач затаи в глубине,

Разрази ты врагов постылых,
Чтоб не шли они дальше в крови.
Знай: одна лишь ненависть в силах
Обратить мое сердце к любви.

Только гневом дышу я ныне,
Напоила желчью язык,
Чтобы снова в словах голубиных
Растворился мой грозный крик.

Пусть же будет твой каждый атом
Слит со страстью моей — в одну,
Чтоб ты снова увиделся с братом,
Чтобы снова обнял жену.

Всё, чем я жила, красовалась
На дорогах погожей поры,
Все стремленья, радость и жалость,
Песни все, все былые пиры

Заменяла я сталью и кровью,
Ризы светлые сбросив с плеч,
И не розы в моем изголовье,
А отмщенья карающий меч!»

*1 сентября 1942
Москва*

254. ОСЕНЬ

Осень, осень, осень. . . Шум осин. . .
Осень — перелетный голос птичий. . .
Я ее давно перевозносил
За веселый, радостный обычай,

За цветистый золотой узор,
За ее широкие щедроты —
И всегда в ее входил простор,
Как дитя в волшебные ворота.

Молодой, я был, конечно, прав,
Что не смерть она — отдохновенье,
Что в осеннем увяданье трав
И снежинок голубых круженье —

Лишь на травы вешние намеки,
Лишь предвестье вод весенних новых. . .
А теперь, в осенний жизни срок,
Среди грозных отблесков багровых,

В час, когда печальная жена
От работы и от скорби тает
И когда всё гуще седина
И румяный вечер отцветает, —

Понял я, что жизнь идет к концу,
Что она не будет вечно длиться
И что мне, седому, не к лицу
Нынче перед зеркалом бодриться.

В этот час письмо приходит в дом.
Сын. (Шалун. Экзамены. Фокстроты.)
С фронта! Мой родной! И об одном —
Биться, победить — о том заботы!

«Ой, не плачь же, мама, не грусти!» —
Слышу песню, сердцем просветленный. . .
Снег, но вербы начали цвести,
Горько, нежно пахнет пух зеленый.

1942

255. ЯНКА КУНАЛЕ
СКРОМНЫЕ НАДГРОВНЫЕ ЦВЕТЫ

Ты бойцом был, пламенным певцом
Своего душевного народа,
И ушел ты с горестным лицом
В ночь, когда шумела непогода.

Знаю, что назад дороги нет
Для тебя, мой Янка благородный,
И не встретил, уходя, поэт
Свет зари над нивою свободной.

Знаю всё и горестно скорблю,
Как и ты скорбел, сквозь гнев великий,
Что святую Беларусь твою
Залил кровью чужеземец дикий.

Да иное знаю: смастерил
Ты свирель ребенком, — я с тобою
Ту свирель в могилу положил,
Пусть калина вырастет весной.

Выйдет следом юноша другой
Вырезать свирельку из калины,
Позовет она, как та, на бой,
Заиграет песней соловьиной,

Вновь Оресса вольно потечет,
Вновь Олеся зацветет венками,
И Тараса Янка обоймет
Радостно, горячими руками.

1942

256. АЛЕКСАНДРУ ДОВЖЕНКО

ДРУЖЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ

(Из давней тетради)

Не раз, не два мы с Вами толковали
О днях, которых с нетерпеньем ждали,
Когда пахать поля родимый край
Начнет и тень от ненавистных стай
Как дым исчезнет и не возвратится.
Хоть в сердце будет боль еще тесниться,
Но солнце с вешним ветром из степей
Теплом своих живительных лучей
Без меры щедро снова в грудь польется,
И Мать-отчизна снова улыбнется,
И раны зарастут. . . Да, этот час,
Как радуга, сиял тогда для нас,
Когда Вы предвещали вдохновенно,
Что снова вспыхнут цветом непременно
В садах народных ветви над Днепром
И над водой раскинута шатром,
Благоуханьем воздух наполняя,
И заскользят по глади, уплывая,
Стремясь в серебряную даль, челны,
А мужество священных дней войны
В труде священном нам утроит силы,
Сердца наполнит нивы запах милый,
Строенья встанут из руин, а там,
Где лишь полынь росла, по тем местам
Цвет гречи хлынет молоком медовым.
Вы искренним тогда, сердечным словом
Сказали: заповедь у нас одна,
Она в народ любовь нести должна,
Туда, где вражья проповедь разбоя
Пытается отнять всё дорогое.
Ведь зоркий глаз и твердая рука

Соединились у большевика
С предвиденьем и ясным пониманьем
Всей сложности пути, а не блужданьем
В кромешной тьме, как повелось в веках.
Лишь силу чувств и творчества размах
Должны всего превыше ставить люди.
Теперь, когда святой огонь орудья
Несут на Запад и злодеев ждет
Народный гнев, что по земле идет, —
Вы, что вливали «Ночью перед боем»
Усталым — силу, мужество — героям,
Примите от меня мои слова.
Она жива, Довженко, и жива
Останется навеки — Украина!
Не одного она лишилась сына,
Недосчиталась многих дочерей,
Но что ни день всё ближе и шумней
Весна, которую у нас украли,
И станем мы, как мы в боях стояли —
И юный и седая голова —
По локти засучивши рукава,
Чтоб нам сражаться на полях работы
За голубые мирные высоты,
За пламень сердца, за тепло руки,
За всплески весел вдоль Днепра-реки,
За Киев наш, за Канев наш зеленый,
За океанов новых перезвоны,
За мудрость мужа, за любовь жены,
За братство, за ребяческие сны,
За шум Арагвы и за Волги воды,
За общий путь советского народа!

27 января 1943

257. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

*Ответ на анкету журнала «Україна»
о последнем дне перед войной*

Уже на грядке вспыхнула клубника —
Не зря ее высаживал я здесь, —
Пылали розы. (Это сон, поди-ка,
Соцветие немислимых чудес?)

Сняло небо в ласковой лазури,
В руках работа закипала вмиг,
И думал я, что это не на бурю,
А просто так — шальной вороний крик.

И с белой розой, кремовой и алой, —
А жаль срезать их было как-никак! —
Я зашагал к дощатому вокзалу,
Типичный дачный муж и здоровяк.

Закуривал я в толчее вагонной,
А это — знак спокойствия всегда;
Как мог я знать, что ливнями агоний
Нагрянет туч разбойная орда?

Так много шуток слышалось бодрящих,
Так женщины все были хороши,
Что проводник — суровости образчик —
И тот подчас смеялся от души.

На Ленинской, где дом шестьдесят восемь,
С троллейбуса спорхнув, как в двадцать лет,
В знакомом брадобрее безволосом
Открыл я сотню радостных примет:

Уже, видать, он чарку опрокинул
И под каштаном кейфовал, чудак,
Для анекдотцев находя причину
В любом движенье киевских зевак.

Я поздоровался и папиросу —
Незыблемых традиций старину —
Вручил степенно. Розу в светлых росах
Понюхал он с красноречивым: «Н-ну!»

И я ворвался с розами в кабину,
Где улыбался дружески лифтер,
Абрам Денисович. Поднялся. Крикнул сыну:
«Ну, завтра мы — на стадион!»

С тех пор
И вспомнить больно — как мы намечали
На завтра планы наши, я и он,

Как с трепетным волнением гадали,
Откроется ли новый стадион. . .

Жена чуть-чуть насмешливой казалась,
Но дивным розам воздала хвалу. . .
Минута каждая в сердца врезалась,
Открытые и свету, и теплу!

И мы уснули с сыном, как бывало
(А снился нам, должно быть, стадион! . .) —
И ты, отравя страшная, прервала
Явь золотую и счастливый сон!

15 марта 1943

258. НА СОБСТВЕННЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Всё весомей годы прожитые,
Этот день веселый — всё тусклей.
Первый тост за вас, друзья бывшие,
Молодости спутники моей!

Вот опять переживаю радость,
Вспоминая наш тесный круг! —
Это за отвагу и за младость
Тост провозглашает старый друг.

За работу, что сердца раскрыла,
За любовь на молодой земле
И за ту, что всех нас породила,
Выпестовала в родном тепле!

И второй мой тост — за тех, кто ныне
Там, где хлещет полымем война,
В мир несут великие святыни. . .
Братья! Кубок за бойцов — до дна!

Пусть пылает кровью, не плакатом,
Вера в силу нашего клинка!

Слава славным летчикам крылатым,
Слава воинам, бойцам, солдатам,
Умирающим, чтоб жить века!

Слава всем — на суше и на море,
В поле, у штурвала, за станком,
Слава тишине лабораторий,
Порождающей военный гром!

Вам, поэты, слава! Под грозою
Да пребудет муза вам верна.
Где б вы ни были — но вы со мною
Эту чашу пьете здесь до дна!

Третий тост провозглашаю, други,
Я за спутницу суровых лет. . .
За здоровье женщины, подруги,
За любовь, которой крепче нет!

К пятому десятку жизнь примчала,
Ни к чему б, казалось, пыл юнца. . .
Но как хочешь жизнь начать с начала,
И, признаться честно, — без конца!

19 марта 1943

259. ДРУЗЬЯМ ПО СОЮЗУ

Друзья мои! Прекрасен наш союз. . .

Пушкин

Щоб усі слов'яни стали
Добрими братами.¹

Шевченко

Кони ржали за степной Сулою —
И поныне ржанье их звучит.
В грозный час подъемлем над собою
Древней славы необорный щит.

---

¹ Чтобы стали все славяне братьями-друзьями. — *Ред.*

Трубы нам трубили в Новограде —
Разве смолкнул их бессмертный звук,
Чтобы мы покорно, страха ради,
Преломили Святославов лук?

Разве понапрасну в день желанный,
Слитые в единую семью,
Как десницу медного Богдана,
На восток простерли мы — свою?

Вместе, братья, знали мы недолю,
Вместе поражали вражью рать,
И теперь ни на волнах, ни в поле
Братских наших рук — не разорвать!

Сердце наше — и Москва родная,
И родной наш, славный Киев-град;
Если Минск — пустыня неживая,
Завтра вновь он расцветет как сад!

Поклянемся: в радости и в горе
Мы одним стремленьем сплочены,
И во вражьем не потонут море
Наши солнцекрылые челны!

*14 мая 1943
Москва*

260. ЛЕНИНГРАД

Николаю Тихонову

Запомнил я, как величавый,
Неповторяющийся сон, —
Каналы, арки, архитравы,
Великолепие колонн,

И бронзу Всадника живого
На грозно вздыбленном коне,
И Ваше дружеское слово
В уютной, синей тишине.

Вы Батюшкова нам читали
Полузабытые стихи,
И, выхваченные из дали,
Они казались не ветхи,

Цвела в них молодость такая,
Которой умереть нельзя. . .
И, в небе ленинградском тая,
Сияла звездная стезя.

И знали мы, что на граните,
У темной питерской воды,
Сплели, как золотые нити,
Шевченко с Пушкиным следы.

Но Ленинграда блеск и слава
Для сердца выросли вдвойне
В кольце проклятого удава,
В голодных пытках и в огне.

Чем враг кольцо сжимал теснее,
Тем крепче были вы в бою:
Бойцы — герои эпопеи,
Поэты — в воинском строю.

Пусть ветер ледящей ночи
Во мраке павших отпевал, —
Упрямо питерский рабочий
Свое оружие ковал.

Свершилось: прорвана блокада!
Перед истории лицом
Мы знаем — дети Ленинграда
Достойны Ленина во всем.

И над священной рекою,
Как море, ширится заря,
И песне Пушкина сestroю
Воскресла песня Кобзаря.

1943

261. ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ РАДА

Ты стоишь передо мною
В свете дня, во мраке ночи,
Украина, Украина
Вечно юная моя:
То кометы чередою
Над тобой плывут, пророча,
То на мирные долины
Льется песня соловья.

Сколько меда и полыни,
Сколько горя, сколько силы,
Сколько правды светлоликой,
Сколько кривды, сколько ран!
Оттого-то и поныне
Славим день мы солнцекрылый,
День, когда совет великий
Скликнул гордый наш Богдан!

Думу думали большую
Закаленные, седые
Побратимы славы бранной,
Запорожцы-казаки, —
Как спасти страну родную,
Как расторгнуть пути злые,
Чтоб не ведал гость незванный
Берегов Днепра-реки.

Чтоб не брал султан ясыра,
Чтобы недруги, как звери,
Не терзали ежечасно
Святославовых сынов, —
Ради вольности и мира
Братьев по судьбе и вере
Рада встретила согласно
И откликнулась на зов.

Вместе сеяли, пахали,
Вместе жали и косили, —
Как же вместе не идти нам
В самый радостный поход?

И знамена запылали,
И папахи к небу взмыли —
Дружным клеткотом орлиным
Встретил гетмана народ.

Начертал он булавою
Путь в восточную столицу,
Указуя направление
Поколеньям и векам, —
И с открытою душою
Брату брат простер десницу
На союз, на единенье,
На погибель всем врагам!

Переяслав, город-воин,
Город братства и союза,
Ты изведal горя-муки
От фашистской злой руки, —
Но могучею рукою
Мы твои разбили узы,
Развязали твои руки
Над волной Днепра-реки.

Наша правда — наша сила,
Наша дружба — наша воля,
Вместе возвели, как братья,
Мы свободы светлый храм.
Пусть же знает мрак бескрылый
Гром казацкого пистоля,
Братское рукопожатье
На погибель всем врагам!

*12 января 1944
Переделкино*

262. ЛЕНИН

В глазах детей, во взгляде их пытливом
Горит высокий свет его очей.
Бессмертен он в цветенье вешней нивы,
В красе заводов, в верности друзей.

Шахтер, что клад нам сказочно-богатый
Из педр земных выносит на-гора,
И песня, что из Киева в Карпаты
Летит, как чайка с берегов Днепра,

И волны хлопка, и моря пшеницы,
Среди пустынь возникшие сады, —
То всё его бессмертные страницы,
И мысли, и великие труды.

Когда твой брат, твой сын во имя жизни
Бьют недруга жестокого сплеча,
Борясь за счастье, за судьбу Отчизны, —
Ведет их в бой десница Ильича.

Мы победим, ведь право наше дело,
Из дымной тьмы лазурный хлынет свет,
Ведь имя *Ленин* в мире прогремело,
И клич народов слышится в ответ.

Январь 1944

263

Придя к ограбленному дому
Пришельцем скорбным и немым,
Страданью кланяюсь людскому
И всем могилам дорогим.

О Киев, цветоносный город!
Тобой живя, тобой дыша,
Я знал, что смертью смерть поборет
Твоя бессмертная душа!

Забудь же сон, мертвящий разум,
К грядущей повернись судьбе
И воссияй меж нив алмазом!
Убийцам — гибель, жизнь — тебе!

19 февраля 1944
Киев

264. НАДПИСЬ

Здесь, в домике моем, в зеленом Ирпене
Была полиция. По выгодной цене
Продавши родину, изменников орава
Творила над людьми звериную расправу.
В одну свою тюрьму, в застенки свой один
Свет целый заключить хотел их господин,
Его прислужники колючую ограду
Вкруг дома моего поставили и сада.
Нестертая строка на каменной стене
Об этих страшных днях напоминает мне:
«Такого-то числа здесь столько-то убито. . .»
В поспешной надписи — какая драма скрыта?
Кто он, неведомый? . . Не сам ли, в смертный час,
Последние слова он начертал для нас?
А может быть, не он, а друг его, товарищ? . .
Мне в сердце и ножом так больно не ударишь,
Как сломанным концом того карандаша! . .

. . . . .

Бегут предатели, волнуясь и спеша,
Гонимы нашими победными войсками,
Бегут изменники кровавыми путями
К той бездне, где их ждет заслуженный конец.
А тот, неведомый, товарищ наш, боец,
Бывалый фронтовик, а может, комсомолец
Из этих скромных мест, из киевских околиц,
В могиле здесь лежит. — Пахучий, золотой,
Цветок родных полей припал к могиле той. . .
Поклон тебе от нас, как другу и как сыну!
Тот вечно будет жить, кто пал за Украину.
Ту надпись глубоко мы в сердце сбережем,
Карая палачей железом и огнем!
На нашей улице сегодня праздник! Слышишь, —
Шумит листва, поет малиновка над крышей.
Что память о тебе, твой охраняя прах,
Посеем жито мы на вспаханных полях,
Деревья светлые посадим вдоль ограды
И обовьем наш дом веселым виноградом! . .

8 сентября 1944
Ирпень

1

ЖАВОРОНКИ

В тумане рос далекий Ленинград.
Мы все смотрели из окна вагона,
С невыразимой болью замечая
Следы войны, зловещей, как кошмар:
Везде воронки круглые с водою,
Невинно голубеющею там,
Где смерть еще недавно ликовала;
Повсюду кучи кирпича и камня
Там, где стояли стройные дома;
Одни лишь трубы заводские грустно
Среди пожарниц черных возвышались, —
Вот всё, что нам оставила рука
Насильника, злодея и убийцы.
А сколько здесь легло родных людей,
Прекрасных, смелых, честных, молодых,
В стенании предсмертном и в мученьях,
И сколько ран и сколько слез горячих
Ты, мать-земля прещедрая, узнала
И сколько крови приняла в себя!
Так думал я, так думали мы все.
Но кто-то вдруг открыл окно вагона —
И свежести отрадное дыханье
Нам остудило сумрачные лбы.
И вслед за этим дуновеньем свежим
Звонки и трели светлые влетели:
То жаворонки, устремясь в лазурь,
Трезвонили в безумном забытии, —
Нет, то сама весна играла, пела
Над пеплом и над тишиной руин,
Травкою застилаючи воронки,
Зеленые курчавила поля
Среди немых, обугленных столбов!
И мы тогда увидели людей —
Они взрыхляли заступами землю, —
И стройных женщин и подростков славных,
И услышали голоса ребячьи,

Что наших нам напомнили детей,
И все заулыбались мы тайком,
И кто-то как бы про себя заметил:
«Ишь пострелята! Славно как распелись!»

2

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Где Пушкин и Мицкевич в оны дни,
Одним плащом укрытые, стояли
В ту петербургскую сырую ночь
И меж собой вели ту речь, какой
Рука людей для нас не записала,
Где юный друг Жуковского, Брюллова,
Враг неустанный зла и тирании,
Художник крепостной, родной Тарас,
Не раз сидел в раздумии печальном, —
Он высится, как властелин веков,
На вздыбленном над бездною коне,
Простерший гордо руку над Невою,
Он, Медный всадник, царь могучий Петр,
Труд Фальконета, Пушкина виденье
И красота и слава Петербурга,
Который вырос в дивный Ленинград!

Когда же вражья буря налетела,
Ломая и уничтожая всё,
Что созидал народный труд и гений,
В работе и в сраженьях ленинградцы
И о тебе заботились в ту пору —
От вражьих глаз, от бомб и от снарядов
Они тебя хранили; сберегая,
Укрыли так, как мать лишь укрывает
Свое дитя от бед и от болезней,
От злого ветра, от недобрых глаз.
Ты, Медный всадник, что привык так грозно
Стоять застывшей бурею над миром,
Надолго ими был укрыт во мрак,
И только слышал ты, как над тобою
Две силы бьются в смертном поединке,
Как гром гремит и свищет дождь свищовый.

Но вновь погожие настали дни —
И вырос ты в спокойном их сиянье,
Как символ силы, гордой красоты.
Бессмертная позеленела бронза,
Но та же строгость линий, что и прежде,
Спокойствие всё то же и стремленье
Нас восхищают. А вокруг идет
Работа. Плотник саардамский взял
Топор свой в руки, чтоб начать работу
Восстановленья. . . Нет! То ленинградка
Возводит стены, тешет, носит камни,
Сама вставляет выбитые стекла,
Чтоб город Ленина над миром встал
В своем великолепии несказанном.
А дети Ленинграда, что на лицах
Еще хранят тень голода и страха,
Вокруг подножья Всадника резвятся,
Как воробьи. . . Бессмертен Ленинград!

8

КОНИ АНИЧКОВА МОСТА

Кто города не любит, где родился,
Где слово *мама* в первый раз сказал,
Где школьный перешел порог впервые,
Впервые слово произнес «люблю»!
Как не любить нам города, где в каждом
Кирпичике его для нас таятся
Частицы нашей жизни, бытия,
Работы, грусти, радости и песен!
И думается мне (хотел бы я,
Чтобы меня вы поняли как надо!):
Не каждый город жители так любят,
Как ленинградцы свой прекрасный, строгий,
Туманный и лучистый Ленинград!

Вчера я ехал на автомобиле,
И мой шофер, внезапно обернувшись,
Сказал с улыбкою неизъяснимой:
«А кони на Аничковом стоят
Всё там же, где стояли! Этой ночью

Поставили их снова на мосту. . .»
И по мосту проехали мы тихо,
На вздыбленных коней мы любовались,
А главное — на тех людей, что их
Заботливой рукой своей укрыли,
А сами здесь в бою стояли насмерть
И нынче вновь их вывели на свет, —
Чтоб триумфально ржали эти кони,
Как боевые кони победивших!

4

СМЕРТНЫЙ РУБЕЖ

За тем холмом они стояли. Если б
Им удалось на этот холм взойти,
Открылся б перед ними Ленинград
Как на ладони, гордый, величавый,
И по всему его великолепью
Ударили бы жадные орудья,
Попрали бы всю эту красоту —
И с топотом прошлись бы по руинам,
По крови стариков, детей и жен
Чужих коней жестокие копыта.
Но воины Полтавы, Ленинграда,
Москвы, Тбилиси, Еревана, Тулы
Стояли насмерть здесь, не уступая
Ни пяди больше кровожадной силе.

Вот их могилы! Головы склоните!
Быть может, школьник, юноша безусый,
Лежит здесь, — вижу надпись на могиле
Среди цветов: «Такому-то. . . от школы. . .»
А это вот — могила земляка
С такой родной фамилией на *енко*, —
Ее ни дождь не смоеет на табличке,
Ни вечность не сотрет ее в сердцах!
Наверно, был он ласковый, веселый,
Боец и запевала, хлебороб,
Пока не налетела злая буря, —
И он, от гнева потемнев лицом,
Без лишних клятв и громогласных слов

Винтовку взял и стал на оборону
Родного дома и страны родной!

Здесь каска ржавая поверх могилы —
Вот всё, что нам осталось на земле
От воина. Он, верно, был хорошим
Шахтером или слесарем в поселке,
И, прежде чем надеть вот эту каску,
С невестою пошел он попрощаться,
И волосы она ему с любовью
В печали ласковой перебирала,
И целовала милое лицо,
И орошала ясными слезами. . .
Потом всё писем дорогих ждала,
Угольниками склеенных нескладно,
И в час ночной, бессонницей измучась,
Читала их и раз, и два, и трижды. . .
А позже и письма не дождалась!

Лежат они. Трава растет над ними,
Цветы желтеют, и в кустах зеленых,
Из теплых стран вернувшись, соловей
Им славу вечную поет немолчно.

б

ПУЛКОВСКИЙ МЕРИДИАН

Здесь Пулковский пролег меридиан,
Обсерватория вот здесь стояла —
Спокойное гнездо науки мирной,
Где с звездами, как с близкими друзьями,
Ученый откровенно говорил.

Теперь здесь пусто. Будто ничего
И не было. Кирпич, трава да щебень.
Разбойников прогнали мы далёко
И в землю их, проклятых, закопали,
Чтоб снова нам смотреть на это небо, —
Но болью жгут руины нам сердца. . .
Я знаю: здесь поставят телескопы
Еще сильнее, чем были, и яснее

Миры откроют тайники свои
Ученым нашим, — всё же гнев и скорбь
Сжимают горло. . . —

Но выходит гордость

И говорит: меридианом этим
Мы будем мерить славу ленинградцев,
Защитников могучих Ленинграда.
Нет, не смогла его переступить
Нога врагов, что в злобе всё топтала!
И это место — памятник живой
Живым героям и героям мертвым,
Как храбрости бессмертный монумент!
Так пусть об этом вся земля узнает,
Пускай об этом людям и народам,
Всю землю окружая, словно лента,
Где золотом пылает наша слава,
Расскажет Пулковский меридиан!

6

НА МОГИЛЕ ГЕРОЯ

Лежит здесь Красношарка Николай,
Сын Украины милой, сын Донбасса.
Такой еще был юный он, такой
Хороший, чистый, светлый, коммунист!
Был глаз его по-снайперски остер,
Без промаха стрелял он по фашистам,
Но у него не только глаз был острый —
И сердце билось жаркое в груди!

Была минута, — и подумать страшно! —
Когда враги могли прорвать рубеж,
Где грозная десница начертала
Слова такие: *если перейдут*
Враги рубеж — падет наш Ленинград.
Наш Ленинград! Мой друг, ты это слышишь?
В земле сырой? Ты слышишь? Ленинград —
Всегда был наш, всегда он будет нашим!

Под Ленинградом, юноша, ты бился
За Украину, за село родное,

Где твой отец, усталый, поседелый,
Друзьям показывает твой портрет
И в гордости и в скорби несказанной!
Ты бился за Москву, за Минск, за нас,
За то, чтоб по земле ходила песня,
Чтоб юноши одних с тобою лет
Своих подружек в губы целовали,
Чтоб дело правды нашей победило!
Гранатою, винтовкою разил
Ты тех врагов, что спешно назначали
В гостинице «Астория» банкет,
Чтобы свою отпраздновать победу,
И уж о том печатали афиши!
Тебе пробила правое плечо
Лихая пуля — что ж? Рукою левой
Схватив гранату, ты ее метнул
В фашистов. . . В ту же самую минуту
Тебе, земляк мой, рана обожгла
Смертельной болью грудь. . . Но ты стоял
И, стиснув зубы, стиснув сердца боль,
Успел сказать товарищам своим,
Смертельно побледнев: «Назад ни шагу! . . .»

И ни на шаг друзья не отступили,
И Ленинград, как счастье, защитили —
Как радость, отстояли Ленинград!
Теперь ты здесь, на кладбище гвардейском,
Лежишь, мой друг, среди друзей отважных,
Что смертью смерть попрали, как и ты!
И небо синее свои цветы
Кладет тебе, земляк мой, в изголовье. . .
Невесть откуда чайка, залетая,
Как мать горя, плачет над тобою, —
А Ленинград, а Киев, а Одесса
Уже цветут в сиянии весны
И руки благодарно простирают
Тем, кто за счастье их погиб в бою!

*Июль 1945
Ленинград — Москва — Киев*

272—280. ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА
ДЕВЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

1

Всю душу бы тучке отдать белокрылой
За то, что ты тенью обласкан немного,
Всю душу отдать бы земле этой милой —
Ведь ходят по ней твои легкие ноги.

Всю душу за взгляд, пусть улыбки — химеры,
За голос, который лукавинку скроет,
За счастье без меры, за горечь без меры,
За то, что ты, может быть, создана мною.

2

Вот она — весна прощанья,
Горек мед очарованья,
    Будто яд — в вино!
Чьи-то вновь слова проснулись,
Вновь рука плеча коснулась,
    Как тогда, давно.

Ты молчишь? Ты молчалива?
Ты не знаешь — эти дива
    Создавала ты?
Что ж глаза твои закрыло?
Радость? Боль? Надежды сила?
    Слова не найти.

Тополиный пух летает,
Землю мягко осыпает!
    Сон и тишина.
Ах, опять отрава эта!
На дворе июнь! И лето.
    Осень? Иль весна?

3

Приношу я тебе наболевшего сердца дары,
Я кладу свое сердце в крови и горячке: бери!
Я печаль и усталость тебе оставляю у ног,
    Это — всё, что одной лишь тебе я сберег.

Я не знаю, правдивы ли милые эти уста,
Я не знаю тебя, не пойму, может, ты и не та,
Ты приснилась мне в странном и путаном сне,
    Может быть, ты роднее других, может — нет.

Седины ты коснулась моей, и вдруг голос поплыл:
«Ах, подумать лишь только, не знаю, каким же ты был?»
    Был шатеном я, милая, был молодым,
Глупым был — и, боюсь, до сих пор я остался таким.

4

Я изменял тебе или искал отраду,
Ты знаешь это. В каждом карем взгляде,
И в черном, в синем я всегда ловлю
Сокрытое: «Ты любишь ли?» — «Люблю».

В моей измене всё звенит тобою,
Всё полнится, как паводок весною,
В улыбках губ чужих — сияла ты,
И каждый грех — мученье чистоты.

Ты в ревности и в зависти такой,
Лишь брошу взгляд я женщине другой,
Что через улицу легко скользнет одна,
Как мотылек, — я думаю: она!

Ведь это ты! Подумай, в самом деле,
Не две души в моем гнезятся теле,
А сотня целая, они всегда в борьбе,
И для тебя одной, и все они — в тебе.

Ты, милая, не только друг желанный,
    Ты жизнь и смерть!
    Когда у Дон-Жуана
Гость Каменный заставил стыннуть кровь,
Он обессмертил смертью любовь.

5

Любить двоих — одна душа не властна.
А всех любить — возможно ль, не дивясь?
Быть может, станет статуей прекрасной
В моих руках бесформенная грязь?

А может быть, лишь оправдать хочу я
Изысканным хитросплетеньем слов
Того, кто в женских снах твоих кочует
И в черный гнев день впеленать готов?

Всё это, может быть, литература,
И призрак мук лишь в вымысле простом,
И без причины чьей-то тенью хмурой
Грусть промелькнула на лице твоём?

Поэт пьянеет от простого звука,
Из несурязиц жизнь плетет, шутя. . .
Ну, приложи мне к сердцу тихо руку,
Вот так. Спокойно. Я — твоё дитя.

6

Я пришел усталый, обессилев,
Молчаливый, мертвеца страшной,
Не молил, не плакал, не просил я . . .
Я сказал лишь: обогрей.

Стены хаты молчаливы стали,
Только сердце — чье же? — билось здесь.
А над крышей ласточки летали,
Щебетали, пели: счастье есть!

Голову склонил я на колени,
Как во сне, и уверяю вас, —
Я не знаю: будут ли мгновенья
У меня такие, как сейчас.

7

Ласточки и дети за окном,
Жизнь повита синим-синим сном,
Гром далекий, тучки легкий дым,
Салютует он глазам твоим.

Я тебя не знаю — ну а ты?
Ты мои порывы и мечты,
О которых в письмах я писал,
Понимала? Я не понимал.

Забелели руки — два крыла,
Мгла грозою синею пришла,
Только жарких уст немой привет —
Мне на первое письмо ответ.

8

Я обидел тебя. Я сказал
Те слова, что скрывают от всех, затаившись,¹
И прожгла вдруг рукав мне слеза,
Со щеки твоей тихо скатившись.

Ох, слеза не одна! Много их —
Не сочту этих слез я у милой.
Я сказал те слова — и раскаялся вмиг. . .
Только их не сказать я не в силах.

9

Нет, ничто не умрет во Вселенной,
В ней малейший останется звук,
Через тысячу лет непременно
К нам вернется пожатие рук.

Горечь та, что меня отравила,
Счастьем станет во внуке моем,
И слова отзовутся стокрыло
Тишиной, обернувшейся в гром.

Все влюбленные вечно бесстрашны:
Только больше им болей да мук. . .
«Так вонзай же, мой ангел вчерашний,
В сердце острый французский каблук». ¹

Лето 1945

---

¹ Блок.

281. ДОМ ПРЕШЕРНА ¹

Село Врба. Вдали встает, безмерна,
Поэма гор. А здесь, в саду густом,
Простой белеет, добродушный дом,
Где в детстве мать баюкала Прешерна.

Любить, дружить бесхитростно и верно
Он заповедал нам своим стихом,
Но в жизни шел безрадостным путем,
Где лишь одно забвение — таверна.

Как чужестранец по родной земле
Бродил он, даже умереть в петле
Мечтал, не видя лучшего на свете, —

И смерть страдальца увела во тьму.
Теперь — ты слышишь? — здесь, в твоём доме,
Твои сонеты повторяют дети!

*17 октября 1945
Белград*

282—284. ТРИ ПИСЬМА

1

ПИСЬМО В РОДНОЙ КРАЙ

(Из заграничного путешествия)

...Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил. . .

Пушкин

О край родной! Вечернею порою,
Когда поля сплошная кроет мгла,
Я, как дитя, стремлюсь к тебе душою,
И руки слабые, как два крыла,
К долинам простираются незримым,
К просторам юности неисходным.

---

¹ Прешерна — великий словенский поэт (1800—1849).

Там, где седой полыни над межей,
Густой медовой кашки колыханье,
Блуждали мы, бывало, день-деньской,
Забывши про еду и послушанье,
Ребята озорные. . . До седин
Из них лишь только дожил я один!

Береза там ветвями мне махала,
Привет в оконце перед сном послав,
И та звезда, что мир мой озаряла,
Цвела цветком среди небесных трав
И стерегла ребенка от напастей. . .
Настанет скоро уж пора упасть ей!

Там соловьи среди родных дубрав
На каждой ветке заводили пенье,
Там белый меж деревьями рукав
Мелькнул когда-то мне лишь на мгновенье
И сразу скрылся в чаще без следа,
Чтобы остаться в сердце навсегда.

Впервые там я радость и страданье
Доверчиво учился принимать,
Там слушал песню затаив дыханье,
И сам тихонько начал напевать,
Там звонкий ключ меня спасал от жажды. . .
О, хоть бы вновь припасть к нему однажды!

Там я поплыл по лону вешних вод
В водоворот страстей, желаний, боли,
Там видел я горячий труд и пот,
Там слушал я слова голодной голи, —
Я их навек в душе своей сберег. . .
О край родной! Ты всё мне дал, что мог!

Прости меня: небрежно, неумело
Я расточал дары твои не раз!
Ошибка много, слишком мало дела
Оставляю я, когда пробьет мой час,
И только тем не стою я укора,
Что сам казнюсь суровым приговором.

О край родной! Недавно побывал
Я в хатах с обомшелыми стрехами,
Где столько давних повестей слышал,
Что тихими струились ручейками,
Где я с друзьями песню запевал. . .
Ах, мало их в живых я увидал!

Но как приветны были их объятия
И как родны и радостно теплы!
Благодарю вас, дорогие братья,
Что вновь со мной вы сели за столы,
Мне протянули дружеские руки,
Как будто бы и не было разлуки!

Да кто бы мог нас, право, разлучить?
Возможно ли с младенцем несмышленным
Поссорить мать? Да разве отделить
Летучий ветер от вершин зеленых?
Каким же плугом запахать тот след,
Что остается в сердце с юных лет?

О край родной! Топтал тебя ногою
Кровавый хищник, да не растоптал, —
И ты стоишь теперь передо мною
Стократ сильней, чем ранее стоял. . .
И племени встающему, младому
Несу привет я из родного дома.

О край родной! Как не любить размах
Твоих просторов, ивы у дороги,
И новые строения в степях,
И новый след на дедовском пороге,
И старину нетленно белых стен,
И малыша у маминых колен!

Какой проложишь ты, о край чудесный,
В грядущее великое маршрут,
В каких садах польются звонко песни
Тех поколений, что потом придут,
Какую миру истину откроешь,
Какой народу праздник ты устроишь?

О край родной, та жизнь, что ты мне дал,
Крепка, как ветви на столетних кедрах,
И хоть не раз без меры расточал
Я ценности даров твоих прещедрых,
Но то, чем я тебе обязан был,
Я даже и в безумствах не забыл.

Ты знаешь это. Мощную десницу
Кладешь, родной, ты на мое чело,
И дел чужих чудесные страницы,
Небес чужих сиянье и тепло
Благословляя дружеской рукою, —
О край родной, всем сердцем я с тобою!

17 октября 1945
Белград

. 2
ЖЕНЕ

Наш Киев сбросил животворный сон
С плечей своих, окутанных туманом.
Ты вышла одиноко на балкон —
И воробьи приветом постоянным
Тебя встречают. Дворник взял метлу,
И солнце быстро прогоняет мглу.

И что в нем, в этом Киеве? Какою
Он красотой пленил навеки нас?
К знакомым чудесам вдвоем с тобою
Приглядывались мы вот тут не раз:
К садам, к нарядным платьям киевлянок,
Что утро открывают спозаранок.

Каштанов лаполистных янтари
На Ленинской горят осенней вестью;
Умылося росой до зари
Соломенское славное предместье,
А там, за ним, лежит аэродром,
Где Киеву махнул я рукавом.

Как повелось, ты вышла, провожая,
И миг прощальный молчаливым был.
А пес, с забавной кличкой Амуртая,
В квартире нашей так наивно выл,
Что мы стояли, сами чуть не плача, —
Хоть преходящи горести собачьи.

Наш сын умчался в школу в ранний час,
Со мною распрощавшись благосклонно,
Как старший с младшим. Дал он мне наказ,
Чтоб я берег себя. И неуклонно
Сыновний выполняю я приказ,
Его нарушив, может быть, лишь раз.

И вот стоишь ты на балконе. Гложет
Тебя тоска: «Уж месяц нет письма!»
И телефонные звонки тревожат,
И подступает, крадучись, зима,
На ум приходят всякие заботы, —
А руки вечно в поисках работы. . .

Такой тебя мечты рисуют, но. . .
А если дверь балкона на запоре?
И выходить тебе запрещено?
И ты в постели? И тоску во взоре
Родит безделье? Мучит тишина?
И ты больна? И ты как перст одна?

Возню затеял Тигрик с Амуртаем:
Он хвост собачий ловит, точномышь. . .
Вдвоем, бывало, это наблюдаем, —
Теперь же ты со скукою глядишь,
И на цветы, что расцвели чудесно,
Смотреть одной тебе неинтересно!

А может, честной прозой сказать,
В распределитель собралась ты рано? . .
Ах, как хочу услышать я опять
Слова, какие слышим постоянно,
С далеких возвращаясь берегов,
И постоянно жаждем этих слов!

Мне кажется — ты вздрогнула с испуга:
Почудился так ясно голос мой! . .
Нет, голос не почудился, подруга, —
Что значат расстоянья, край чужой,
Что горы, море, что там километры,
Когда Наталка тужит: «Петре, Петре!»

Благословенна будь, мой друг единый,
И чистый Киев наш благослови!
Узор рубашки вышивая сыну,
И мужа имя тихо назови.
Рука с рукой пройдем мы — до могилы, —
И светит мне всегда твой образ милый!

18—20 октября 1945
Белград

8

СЫНУ

Ты был еще совсем катигорошек,
Одна из многих человечьих мошек,
Что выползли на солнышко: весна
Тепло струила из ковша без дна.
Блаженно лепеча, они кружили,
И вдруг тебя премудрые спросили
(Таким я сам бы оказаться мог):
«Кем в жизни ты желаешь быть, дружок?»

Серьезный, как и все катигорошки,
Ты на вопрос, подумавши немножко,
Ответил: *человеком*.

О дитя!

Тебя благословляя и растя
И снаряжая в дальнюю дорогу,
Какой совет, наказ морали строгой
Я б лучший дал, чем дал себе ты сам?

Будь верен слову! Никаким словам
С ним не сравниться красотой и властью!
Познай в любви, познай в работе счастье,

Пусть дружбы человеческой крыло
Навеки от тебя отгонит зло,
И пусть спокойно при своей кончине
«Он — человек» — подумаю о сыне!

21 октября 1945
Белград

285

Я никогда не знал, что так люблю —
В моем чудесном и родном краю —
Над берегом серебряные лозы,
Березу, что росы прозрачной слезы
В притихшую роняет мураву,
Бурьян колючий в придорожном рву,
Где вальдшнеп, поэтическая птица,
В листве засохшей от стрелка таится.

Я никогда не знал, не ведал я,
Как тяжело мне жить без соловья,
Когда, пронизанный горячим светом,
Трепещет в песне он. . . (Кто видел это,
Как видел я над тихой водой,
Под розовой, приветливой зарей, —
Тот не предаст холодному забвенью
Очарованье этого мгновенья!)

Я никогда не знал, что светлый взгляд,
Ручонок взмах и голоса ребят,
Когда наш поезд мчится меж полями,
Нас одаряют дивными дарами,
И мы должны ревниво их беречь.
Летя вперед, не нашу слыша речь,
Любуясь городом, где, что ни площадь,
Под солнцем стяги алые полощут,
Людских голов кипит поток живой, —
Я отогнать не в силах голос твой,
Что днем зовет меня и кличет ночью,
И ты в мои заглядываешь очи,
И я руками тень твою ловлю.

Я никогда не знал, что так люблю.

21 октября 1945

286. ЛЕСЯ УКРАИНКА

Сквозь метели идти отважно,
Быть одной — словно смелых рать,
Жить надеждой в несчастье страшном,
Муку творчеством побеждать, —

Злым недугом плененная Леся!
Где ж больные встречались нам,
Что взлетали бы в поднебесье,
Недоступное и орлам!

Ты была лишь девушкой хворой,
Но душа твоя — океан,
Где суровая тень Командора
И пленительный Дон-Жуан,

Где дорога в века летела,
Где Украина — Эллада и Рим,
Где Кассандры печаль звенела,
Предрекая сражений дым,

Где в металл превращалось слово,
В кровь живую — печатный знак,
Где свой меч подымал сурово
Вождь рабов — бесстрашный Спартак.

Вся ты — трепет, огонь, идея,
Как струна, вся ликуешь, скорбя,
И кто знает певца Антея,
Тот узнает в певце тебя!

Украинкой себя называла, —
Имя краше найду ли я
Той, что радостью в муках сияла,
Как Отчизна — твоя и моя!

10 февраля 1946

287. ВЕРБА

В кувшине верба зацвела,
Склонившись над столом,
Как символ солнца и тепла,
Еще объятых сном,

Как знак весны, что в тишине
Свой ясный тклет наряд,
Как знак того, что снова мне
Дарован счастья сад.

В кувшине верба на столе
Сегодня расцвела. . .
К нам журавли летят во мгле, —
На каждом реющем крыле
Дар солнца и тепла.

13 февраля 1946

288. ВЕСНА

Пришла, подкралась к перекрестку
И засмеялась, как дитя,
Деревьев строгую прическу
Она взлохматила шутя.

И забросала жемчугами
Мир, пробудившийся едва,
И уверяет, будто с нами
Все позабытые слова:

И дружба есть, любовь святая,
И счастье здесь, в руке моей,
И пусть всё это — ложь простая,
Но как же не поверить ей?

5 апреля 1946

289. ПРАГА

На берегу веселой Влтавы,
Одетой дымкой золотой,
Застыл крылатый гений славы
Столетий каменной мечтой.

Красавица, чьи косы русы,
Чья в пышных лентах голова;
Ты — смелый голос Яна Гуса
И Яна Жижки булава.

Пускай былого злые раны
С вчерашней мукою слились, —
Впервые звуки «Дон-Жуана»¹
Под этим сводом разнеслись!

Шевченко! Былям стародавним
Ты путь в сердца людей открыл,
Когда с Шафариком преславленным,
Как с братом брат, заговорил!

Недаром издавна отваге
Хвалу слагает целый свет,
Недаром Киев светлой Праге
Свой дружеский несет привет,

Недаром солнце светит зрячим
И слышащих скликает гром —
В напеве Сметаны горячем,
В Неруды слове огнем.

Ведь против вражеского вала,
Против фашистского ярма
Стеною Чехия стояла,
И правда с нею шла сама.

Кипя в боренье неустанном,
Стремилась чешская земля
К далеким минским партизанам,
К вершинам звездного Кремля.

---

¹ «Дон-Жуан» Моцарта был поставлен в Праге.

И, наконец, одной волною
На вражеский нахлынув строй,
Сомкнулись чешские герои
С Советской Армией родной.

Из всех окон, со всех балконов
Поток приветствий рос и рос,
Когда свободу Праге Конев,
Как лучший, светлый дар, принес!

В твоих руках, народ, отныне
Твоя судьба, твой светлый стяг,
Свободы вечная святыня,
Как светоч, вновь в твоих руках.

Иди ж дорогою прямою,
Своею совестью ведом,
Трудолюбивою рукою
Свой созидай высокий дом, —

Пусть над полями древней славы
Восходит новой жизни цвет,
И зорям Влтавы и Моравы
Москва и Киев шлют привет!

*12 апреля 1946
Прага*

290. КОМНАТА ЛЕНИНА В ПРАГЕ

Здесь всё бессмертия достойно,
И нам дано его постичь:
Ведь в этой комнате спокойной
Вел конференцию Ильич.

Да, в Праге, в дни больших свершений,
Предвидя явь других времен,
Горел, как светоч, вещий гений,
И тьму веков развеял он.

Здесь, в этой комнате рабочей,
Друзья встречались той порой,

Чтоб смело правде глянуть в очи
И кривде дать смертельный бой.

И люди, что тихонько ныне
Переступают здесь порог,
Пришли отдать поклон святыне —
Отсюда в вечность путь пролег.

1946

291. ПОСЛЕ ДОЖДЯ

..И жизнь, и слезы, и любовь!

Пушкин

Хороший дождик в пору сна
Для нас был даром благодатным,
И в ранней птичьей песне внятно
Поет счастливая весна.

Как пили влагу струй летучих
Луга и молодая рожь!
И сам я на траву похож,
Что радость пьет из темной тучи.

Звени, веснянка, оживай!
Стань, дума, словом, людям нужным!
Осыпанный дождем жемчужным,
Встает на нивах урожай.

Идет к колодцу молодница,
Мальчонка семенит за ней. . .
О край родной! Всего родней
Твоих детей и женщин лица!

О, свежий шелест леса! Вновь
Кукушки голос, крик удода. . .
О, нерастраченные годы,
И жизнь, и слезы, и любовь!

19 мая 1947
Ирпень

292. ЯБЛОНЬКА-МАТЬ

«Полей-ка эту яблоню — она
Ведь с яблочками!» — Так моя жена,
Сказав, открыла душу мне однажды.
Да, эта яблонька, как мать, полна
Бессмертной силы, ненасытной жажды!

Та яблоня, как наша жизнь, светла,
И веру в жизнь мы воплотили в сыне...
Где на руинах слезы мать лила,
Пускай шумит зеленый сад отныне!

26 мая 1947

293. ДВЕ СИЛЫ

Две силы на земле: одна глядит в былое,
Ей рабство — пьедестал, и ложь — опора ей.
Перед другой — сады, и небо голубое,
И творчества прибой в потоке новых дней.

Одна — и смерть, и тлен. Обман — ее оружие,
Продажа, купля, кровь, неволи тяжкий гнет.
Другая — честный труд и ясноликой дружбы
Горенье светлое, сияющий восход.

Одна — вчера еще мир кровью обагрела,
Предательской войной на правду ополчалась.
За счастье и за мир другая сила встала,
И в нас она растет и крепнет что ни час.

Живая мысль ее огнем своим крылатым
Бессмертья звездный путь указывает нам.
А та — вся дышит тьмой и, расщепля атом,
Готовит людям смерть и гибель городам.

Зачинщики войны! Вовеки нашей силы
И правды не сломить. Пора бы это знать.

Не сами ли себе вы роете могилу,
Свирепо ополчась на трудовую рать?

Бессильна клевета! Не страшен свист змеиный!
Хотите грома вы? Что ж! В вас ударит гром!
Всемирной Правды мы огонь неугасимый,
Одна у нас душа, и стяг у нас единый,
И слово *Коммунизм* начертано на нем!

1947

294. МОСТЫ

Я видел мост в стране чехословацкой:
Он поднимался над рекой, недавно
В своем спокойном лоне отражавшей
Пожар войны, невиданной в веках.
Советского Союза сыновья,
А вместе с ними чехи и словаки
Боролись здесь с тупою вражьей силой,
Хотевшей золотую Прагу в ночь
Кровавую и черную низвергнуть
И заключить в оковы Братиславу.
Тот стройный мост переезжал я тихо
С товарищами. Вдруг один из них
Мне указал рукою на доску
И надпись: *«Мост советские бойцы
Построили по Конева приказу»*,
А ниже — месяц, и число, и год.

Мы продолжали путь, но эта надпись
Стояла пред глазами у меня,
Стоит и до сих пор — волной горячей
Мое поныне сердце наполняет.

Меня вела дорога к вольной Висле,
Что омывает тягостные раны
Варшавы. Вновь я встретил мост широкий,
Построенный советскими руками,
Руками тех, кто в боевом дыму
Во имя новых светлых дней грядущих,

Во имя братства всех земных народов
Свой вечнопамятный вершили подвиг
И стяг освобожденья вознесли
Над польской исстрадавшейся землею.

Автомобили мчались по мосту.
Смеялись люди, цокали подковы,
В сиянье тучки круглые висели,
Шли девушки и юноши навстречу,
Гостей советских узнавали сразу,
Глазами ярко-синими сверкали
И улыбались на приветный знак.

Да! Костромич, туляк и киевлянин,
Кузнец уральский и рязанский плотник,
Азербайджанец, белорус, таджик,
Оружие держа на изготовку,
Мост проложили — чтоб не короли,
Не пышные князья, не кардиналы,
В каретах золоченых полулежа,
Его переезжали, люд простой
Топча конями, — нет! Мост этот создан
Для тех, кто на руинах самовластья
Построит счастья светлые дворцы!

Я вспоминаю о мостах далеких,
Что строили мой брат, мой сын, мой друг,
Я думаю о каменных мостах
Родной Москвы — ее красе и славе, —
Где граждане страны великой нашей
Проходят, озаренные Кремлем;
Я вспоминаю киевский наш мост,
Который мы недавно наводили
Сквозь бурю, там, где подлые фашисты
Взорвали наш прекрасный мост Цепной, —
И гордой мысли не могу я скрыть:
Ды, мы мосты возводим в целом мире, —
Мы, плотники советские, бойцы
И каменщики будущей Коммуны, —
Затем, чтобы мосты друзьям служили,
Чтоб не искали брода-перехода

Друг к другу братья в пене бурных рек,
Чтоб наша сила крепла в единенье!

Но горе тем, кто, злобу затаив,
Оружье под полой преступно пряча,
Священные мосты попрасть посмеет!
И если поджигатели войны,
За океаном шайкою собравшись,
Подняв как знамя клевету и ложь
И долларом звеня окровавленным,
В поход на нас пойдут ордою хищной,
И слуги их, исчадия измены,
На мировую правду замахнутся,
На дружбу нашу, — горе, горе им!

Все плотники советские опять
Бойцами станут, и нога, что ступит
На мост свободный, — ступит на огонь,
И в бездну, вырытую им самим,
Низвергнется наш враг — уже навеки.
Готовя смерть, свою он встретит смерть!

Хвала бойцам и плотникам! И слава
Народу, труженику и герою,
Что в Завтра мост возводит золотой!
Навеки слава Партии великой,
Содружеству народов наших — слава!

14 января 1948

295. ЛЕС

П. Погребняку

Этот лес — или по-сербски шума —
Ведь не просто сосны и дубки:
Не одна в нем зародилась дума,
Полная и счастья и тоски.

Он поет то нежно, то сурово,
Как поет морская глубина, —
Не одно в нем расцветало слово,
Запылала песня не одна.

С вечера шумит он до рассвета,
Как людская жизнь, непостижим.
Не одно ведь сердце им согрето,
Не одно мужало вместе с ним.

В дни войны, когда крылом багряным
Золотые нивы мрак затмил,
Он давал здесь отдых партизанам,
Он бойцов израненных лечил.

Тучи в небе, как друзей, встречая,
Дружит он и с ливнем голубым, —
И в пшеничном пышном урожае
Притаился леса сизый дым.

Тот, кто садит клен в просторе диком
И побеги молодых дубков,
Тот достоин сам любви великой:
Ведь живет в труде он — для веков!

*11 июля 1948
Ирпень*

296. ГОЛУБИ НАД МОСКВОЙ

Москва, ты хороша на диво!
Гляжу я, рассвело едва.
На утренней заре шумливо
Ты пробуждаешься, Москва.

И сразу жизнь ключом забила,
Поют гудки, растут дома,
Труда ликующая сила
Руководит людьми сама.

Вот солнце поднялось, блистая,
И над асфальтом площадей
Взвилась высоко птичья стая —
Платочки белых голубей.

Купаются в весеннем свете,
Как снег мелькают на лету;
Глазами провожают дети
Своих любимцев в высоту,

А голубям она желанна, —
Догнать стремятся в высоте
Хотя бы тень аэроплана.
Увы! Не сбывтся их мечте.

29 июля 1948

297. ПРЕЕМНИК

Может быть, последние страницы
Я вношу в тетрадку — всё равно
Где-то близко, в тишине, таится
Белобрысое дитя. Оно,
Только-только научившись слову,
Подбирает нежно и сурово
Рифм упрямых первое звено.

Мир вокруг, как волны океана,
Бьет о берег, новый и большой.
Ненасытно сердце мальчугана,
Весь он к цели устремлен одной —
Всё понять, проникнуть до основы. . .
Не четыре лишь стены отцовы:
В поле вьется след ноги босой.

Мальчик видит: даль зазеленела,
Люди славным заняты трудом.
Речь и песню слушает несмело,
Но с сосредоточенным лицом,
Да и сам поет всё громче, выше. . .
Он моей тетрадки не допишет —
Он свою начнет своим пером!

4 сентября 1948

298. СЛОВО ПИСАТЕЛЯ

Мне памятен весны приход:
Всё побеждая властно,
Пришла, ковер для сада ткёт
Зеленый, пестро-красный.
Мы говорили: да живет
Союз племен из года в год,
Как этот сад прекрасный!

И наши песни потекли,
Мужая год от года,
Чтоб села, города росли,
Как дней весенних всходы,
Чтоб к светлой цели мы пришли, —
Ведь в ней грядущее земли,
Святая мощь народа!

Но миновала та весна
И рой годов летучий. . .
Как гром, нагрянула война,
Но жив народ могучий,
И песня новая слышна —
И новой радостью полна
И силою кипучей.

Труд все дела животворит
Своими чудесами, —
Им уголь из земли добыт,
Он степь покрыл садами,
И водам он служить велит, —
И вековечней, чем гранит,
Всё созданное нами.

Что мерой быть вчера могло —
Полмеры ныне стало,
Нам время крылья принесло,
Вперед сквозь годы мчало.
Пришедшее уже прошло,
И то, что прежде врозь росло,
В труде единым стало.

Я б о тебе, народ мой, пел
И славил бы героя,
Что столько совершить успел
На мирном поле боя, —
Но чуда большего не зрел,
Чем выпало тебе в удел
Свершить с самим собою!

Какие выковал сердца
Ты для святого дела!
С какою гордостью лица
Вперед глядишь ты смело!
Ты стоишь имени творца,
Твоим дорогам ни конца,
Ни края, ни предела!

Коль песню запеваешь ты —
Всё внемлет ей, немея;
За правду в бой вступаешь ты —
Всё никнет перед нею;
Ты ступишь — и растут мосты,
Ты прогремишь — и клеветы
Вмиг исчезают змеи.

Вовек не будет под врагом
Мой край вольнолюбивый.
Твое — всё, что лежит кругом, —
Поля, заводы, нивы,
И счастье сам привел в свой дом,
Навеки став большевиком,
Ты — мой народ счастливый!

Простор — в сиянье золотом,
Вдали светло и ясно,
Заря сердца живит лучом,
Усталость гонит властно.
Мы с Партией вперед идем,
Она проверенным путем
Ведет корабль прекрасный.

Так в сталь слова мы превратим,
Готовые к походу!

Наш труд наградой нам самим
Да будет год от года,
С народом к цели поспешим
Прийти с оружием боевым —
Достойными народа!

12 ноября 1948

299. ЗА МИР!

За мир на всей планете —
А значит: за народ,
За луг и сад в расцвете,
За шум весенних вод!

За мир на всей планете —
За жизнь в лучах весны,
Чтоб матери и дети
Не знали бед войны!

За мир над целым миром —
Но против тех идей,
Что барыши банкирам
Дают за кровь людей.

За мир на всей планете —
За смелый к дружбе зов,
Чтоб каждый день был светел,
Тьму ночи поборов.

За мир земли счастливой —
За песни, за поля,
За голос справедливый,
Звучащий из Кремля!

25 августа 1949
Москва

300. НЕУГАСИМАЯ ЗАРЯ

Заря моя вечерняя роняет
Лучи над потемневшею водой.
Всё стихло — только голос молодой
В морской дали, как парус, вырастает.

По небу стая чаек проплывает.
Как теги их над быстрою волной —
Мои слова, что смолкнут ночью той,
Которая перо мое ломает.

Ликуй же, сердце! Без остатка пей
Хмельной напиток радости своей,
Пылай со всеми жаждою одною —

И знай: неугасимая заря
Всё ярче пламенеет над землею,
Над всей моей Отчизною горя.

Сентябрь 1949
Хиракс

301

Не бойся грусти, что живет,
Таясь, в любви великой,
Не бойся, если в сердце рвет
Все струны ветер дикий,

Не бойся слез, коль слезы те,
Как молодость, кипучи,
И криков ворона во тьме,
Среди листвы падучей, —

Из грусти той к весне взрастут
Побеги молодые,
На струнах сердца расцветут
Мелодии иные,

И обернутся слез ручьи
Цветущим урожаем,
И вóрону блеснут лучи
Над тополиным краем.

1949

302. ВЕСНА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Опять весна, и жаворонки в поле.
С весною каждой, с каждым вешним днем
Всё ближе то, что будущим зовем, —
Наш праздник сердца, разума и воли.

Деревья зеленеют на раздолье,
И озими в просторе полевом
Вдоль рельсов расстилаются ковром,
И счастлив сеятель не оттого ли?

В нарядах легких девушки поют,
Смеются и работе отдают —
Как песню — мастерство и вдохновенье.

Сегодня груша расцвела, пышна,
И говорит веселое цветенье:
Всё ближе человечества весна!

1950

303. ДРУЗЬЯМ ВО ВСЕМ МИРЕ

Я руку подаю через моря и горы
Тем, кто зеленые возделывал просторы,
Кто уголь добывал и заседал поля,
Чьим ревностным трудом овеена земля.

В пространствах Африки, и Кубы, и Цейлона,
И в тундрах ягельных, и на гранитных склонах,
Среди степных песков, где жесткий саксаул, —
Мне братских голосов могучий слышен гул.

Я слышу звон сердец, по всей земле единый,
Я вижу светлый взгляд людей непобедимых,
Всё громче, всё сильнее их голоса слышны:
«Да будет славен мир! Исчезни, тень войны!»

Я руку подаю всем братьям и всем сестрам,
Я знаю, что для них не буду только гостем,
Что каждой матери там стал родным, как сын,
Советской родины боец и гражданин.

Я руку подаю земной семье единой. . .
На тех же, кто еще вздымает вой звериный,
Кто кровью обагрён и новой крови ждёт, —
Свинцом расплавленным проклятье пусть падет!

1950

304—307. ИЗ ЦИКЛА «В МОЛОДОЙ ПОЛЬШЕ»

1

В ВАРШАВЕ

Тебе я вновь принес, Варшава,
От брата Киева привет.
В семье народов величаво
Ты расцвела, как вешний цвет.

Я помню — ты была в руинах,
Но не узнать тебя с тех пор:
Так щебет весен соловьиных
Вступает с зимней стужей в спор.

Тебя спасал советский воин,
Шел польский воин рядом с ним.
Твой стяг — бессмертия достоин,
Твой гордый дух — неукротим.

Вовек земля твоя нетленна,
И раздаётся голос твой —
Как светлый полонез Шопена,
Как клич Костюшки боевой!

ПАМЯТНИК КОПЕРНИКУ В КРАКОВЕ

У стен старинных университета
Мы видим этот памятник простой,
Воздвигнутый ученому-поэту,
Провидцу правды вечно молодой.

Им краковцы горды необычайно,
И разве можно не гордиться им, —
Ведь у завистливого неба тайну
Он вырвал разумом своим земным.

Детей приводят к университету,
Чтоб дочь узнала и чтоб сын узнал:
«Смотрите все: простой каноник этот
Престол господний смело колебал!»

Для всех народов над планетой всею
Теперь иным созвездиям сиять,
И вместе с нами жить и побеждать
Копернику, Джордано,¹ Галилею!

ДЕВУШКА В ЗАКОПА́НЕ

Ненадолго мне приснилась
Ты в гуральском буйном танце,
В золотой своей одежде,
Там, где высится снегами
Губаловская гора.

Вдалеке синели Татры,
Под горой огни блистали,
Словно кто-то слезы счастья
Нанизал на провода,
Месяц плыл немой и круглый
За окном в узорах белых,
Заливался скрипок хор.

---

¹ Джордано Бруно.

Все вы были — блеск и танец,
Все вы были — смех и гордость,
Все вы были — мир и жизнь,
Но одна лишь ты светила
Веселее ранней зорьки,
Лишь одна ты прикасалась
Теплой узкою ладонью
К нашим трепетным сердцам.

Целовать хотелось руки
Старой матери-горянки,
Что тебя здесь породила,
Что тебя такой взрастила
В тишине среди лесов.
И мгновенье нашей встречи,
Взор твой, нежный, мимолетный,
Я до смерти сберегу.

4

МУЗЕЙ ЛЕНИНА В ПОРÓНИНЕ

Там, где на склонах Татр гулял Яносик,
Брат Довбуша и брат Кармелюка,
С товарищами верными своими,
Там, у подножья Татр, где сосен шум
Сливается с потоков горных шумом,
Лежит местечко польское. Там речка
Крутые подмывает берега, —
А возле речки домик деревянный,
И на его фронтоне мы читаем
По-польски: «Дело Ленина бессмертно».

Он здесь бывал. Встречался здесь с друзьями,
Беседовал с рабочими. Слова,
Согретые гореньем дум высоких,
Звучали здесь, чтоб прогреметь потом
На целый свет и потрясти весь мир!

Он здесь бывал.

Стоит макет при входе, —
Тот самый дом Ульяновых в Симбирске,

Где он родился, и чья жизнь была
Такой, как жизнь рабочих миллионов,
Чье любящее сердце в лад стучало
С правдивыми сердцами на земле.
Свидетель гибели родного брата,
Казненного за смелый подвиг свой,
Он рано понял, что иным путем,
Чем брата путь, он поведет народы —
Дорогою, как сам сказал, крутою,
В единстве, в негибаемом упорстве,
К вершинам не орлиным — а людским,
В дорогу взяв богатства всех веков,
Все достижения гения народа,
Но в достижениях новых повседневных. . .

Друзья! Слова великой правды вы
Сказали: «Дело Ленина бессмертно!»
Оно цветет у Партии в руках.

1950

308. МАЯКОВСКИЙ

Его шагам размахисто-широким
И слова соответствовал размах;
Весенним был подобен он потокам,
Безумству вешних, буйных трав в степях.

Высокому сопутствовали росту
Высокого значения дела,
И в злободневных с виду «Окнах РОСТА»
Безмерность дней грядущих расцвела.

Он ненавидел, ибо безгранично
Любил, — как мало кто из нас любил!
Клеймил всё то, что сыто и безлично, —
Ведь сам он сердцем ненасытен был.

Его бичами хлещущие строки
Разли, чтоб навеки побороть.
Он с вражьей тучей в бой вступал жестокий,
Ведь знал, что он — от плоти класса плоть.

Когда теперь несут радиogramмы
Чрез океан хулу и клевету,
Мы знаем — Маяковский рядом с нами
В борьбе за нашу мирную мечту.

Не зря поэты в странах зарубежных,
Где наши братья и друзья живут,
Без лишних слов и комплиментов нежных
Его своим учителем зовут.

Он был и есть, он есть и вечно будет,
Он славит с нами правды торжество,
И, точно ветер, входят в наши груди
Его любовь и ненависть его!

1950

309—314. «ПОЗДНИЕ СОЛОВЬИ»

1

ПОЗДНИЕ СОЛОВЬИ

Уже весна отпировала
Немало свадебных пиров,
И вот уж к летнему причалу
Плывет земля и ждет плодов.

Ячмень уж начал колоситься,
И время трезвое велит
С безумной песней распротиться,
Как мудрость старая гласит.

Уже и дети подрастают,
И новой, будущей весной
Справлять им свадьбы, распевая
В цветущей зелени густой, —

И всё же в серебристых лозах,
Друзья пернатые мои,
Не отступая перед прозой,
Поют, как прежде, соловьи.

(1951)

ТОВАРИЩУ ПО ПЕРУ

Коль ты событий не участник,
А лишь свидетель — ясно мне:
Не стоит подвигов прекрасных
Ждать от тебя твоей стране.

Твоим словам, сухим и пресным,
Не знающим ночей труда,
Дано промчаться бесполезным
Путем, без всякого следа.

Не выручит гремушка-рифма,
Пустых метафор дребедень:
Поэзия — труд непрерывный,
Могучей мысли вешний день.

Чтоб заслужить почет всемерный,
Поставь любовь и гнев в строю,
Не то лишь сноб высокомерный
Поймет поэзию твою.

А если новью стих не дышит,
Ведет словам бездумный счет,
Тебя народ, судья наш высший,
Лишь борзописцем назовет!

(1951)

НОЧЬЮ

Припомнилось счастье былое
И юность, как сон золотой,
Под кваканье это ночное
Над звонкой, над лунной водой!

Еще соловейка хлопочет —
Попробует петь. . . замолчит.
Но маленький сердца комочек
Стучит, и стучит, и стучит!

Тому, кто лишь прошлым гордится, —
В грядущем не видеть огня. . .
Нет! Жить, и любить, и трудиться,
Пылать — до последнего дня!

(1951)

4

КИЕВ

Киев дымкою овеяв,
День синее — благодать!
Сколько ж нужно чародеев,
Чтоб подобное создать!

Что за сила воздвигала
Эти зданья и мосты,
Если столько здесь предстало
Величавой красоты!

Держишь, древняя столица,
Ты багряный мак в руках.
Стали давней небылицей
И купец твой и монах.

Всюду стройка, новоселье,
Расцветает город вновь,
И в жемчужном ожерелье
Наши братство и любовь.

Реет ветер над горою,
Греет солнце сад густой. . .
Белый голубь над тобою,
Над Москвою, над землей!

(1951)

ТИХО

Давно не слышал я, как перепел вдали
 Кричит прерывисто и как коростели
 Охрипшим голосом трещат в лугах уснувших...
 Впервые слышишь их ты, маленький мой внучек,
 И не уснешь никак — так мир тебя пленил.

Люби его, дитя, как я его любил
 И до сих пор люблю душою неумемной.
 Перед тобою мир — раскрытый том огромный,
 Лишь первых букв пока ты понял смысл, мой свет...
 Что ж! Ты узнаешь то, чего не знал твой дед!

(1951)

ПЕСНИ

Когда напев родного края
 Плывет в знакомых голосах,
 Всё мнится, будто собираю
 Траву целебную в лугах.

Есть в песне труд, и даль похода,
 И скорбь, и радость, и любовь,
 В ней гнев великого народа,
 Народу отданная кровь.

Есть в песне девичья улыбка,
 И взмах широкий косаря,
 И облик друга — давний, зыбкий,
 И незакатная заря.

Родной напев в душе колышу,
 Но и другие любви мне,
 И радуюсь, когда заслышу
 Я песню в братской стороне.

Нет в мире племени такого,
 Народа не было и нет,

Какой бы из глубин былого
Без языка пришел на свет.

Да, в мире голосов немало,
Как много красок в мире есть,
И всё одна мечта спаяла:
В грядущем радостно расцвеств!

То — слово братского привета,
То — перестук сердец в бою. . .
Ты песен жар, трудом согретый,
Люби, как брат сестру свою.

Ведь в каждом языке и слове
Тот незакатный день живет,
Когда сверкающей любовью
Всё мирозданье расцветет.

(1951)

315. ОСТАПУ ВИШНЕ

(Охотничья усмешка)

Привет мой Вам, Остап мой милый,
В миру зовущийся Павлом!
Жму руку Вам со всею силой,
А также низко бью челом.

Вы на вечернем перелете —
Гроза для крякв и для чирков,
И всем Вы нам — пример в работе,
И старый друг всех нас, юнцов.

С своей улыбкой мирной, кроткой,
Фуражку сдвинув набекрень,
Берете Вы на мушку четко
Головотяпство, скуку, лень.

И мертвые скупые души,
Оставшиеся там и сям,
Подобно зайцам, прячут уши:
Остап с ружьем явился к нам!

Да, есть в пороховницах порох,
И не ослабить сталь руки, —
И бракоделы в темных норах
Попрятались, как барсуки.

Прервавши словоизвержение
И прикусив язык свой тут,
От Вас быстрее, чем олени,
Очковтиратели бегут.

Вы с Вашей сметкой соколиной
Вмиг можете сообразить,
Где дробью бахнуть бекасиной,
А где картечь употребить.

Когда же мистер озлобленный
Плюется через океан —
Вы рассуждаете резонно,
Что пригодится и жакан.¹

Не торопясь, без лишней фразы,
Вы глянули из-под руки, —
И в «дырке самостийной» сразу
Трясутся мерзкие хорьки.

Зато как нежно, горделиво
Глядите дружески вокруг
На наши Вы сады и нивы,
На дело человеческих рук,

На бесконечные просторы,
На наш правдивый вольный строй;
Как радуются Ваши взоры
Советской яви золотой!

Распугивая вражью стаю,
Живите дольше для добра!
А я Вам от души желаю
Всегда — ни пуха ни пера!

1951

---

¹ Жакан — пуля для гладкоствольного охотничьего ружья.

316. ЧУВАШСКИМ ВЫШИВАЛЬЩИЦАМ

Рукам, которые так подобрали краски,
И ласковым сердцам, согревшим весь узор,
И песням, радостно звучащим по-чувашски,
Вступая сестрами в наш всенародный хор, —

Спасибо пусть летит туда, где Волги воды
Бегут среди тучных нив и молодых лесов.
Друг друга мы пойдем, свободные народы,
Хоть непривычен звук иноязычных слов!

Чувашки, рабскою одеждою давно ли
Вы были спутаны от самых юных лет?
Но, путы разорвав, воспрянув из неволи,
Вы, дочери рабынь, в широкий вышли свет.

Там, где невольницы при огоньке лучины
Привыкли, бедные, глаза слепить себе,
Где смолоду уже у них сгибало спины
Трудом до одури в продымленной избе, —

Вы, женщины, нашли и вольный труд и счастье,
В просторы светлые вас новый путь повел.
Свободные теперь, вы, у кормила власти,
Забыли, что звались когда-то «слабый пол».

Спасибо же рукам, окрепшим в доле лучшей,
За дар их, присланный сюда издалека! . .
Пусть песня, что сложил я на днепровской круче,
В ответ протянется, как братская рука!

18 июня 1952

317—321. ИЗ ЦИКЛА «ПОЕЗДКА В ЗАКАРПАТЬЕ»

1

ИЗ ЛЬОВОА В УЖГОРОД

Карпаты. . . Мглистая видна
При этом слове старина.
Она лежит лесным туманом,

А новый день встает румяным,
И никнет перед ним она.

Карпаты... Темными лесами
Вы опоясаны. Над вами
Орлы взмывают и парят.
Здесь шел веков железный ряд
Бесповоротными путями.

Карпаты... Здесь, в глуши лесной,
Порой мелькнут в тени сквозной
Рога оленя меж ветвями —
Трофей, ценившийся панами, —
Токуют глухари весной.

Роняет иглы ель, садится
К ней на вершину голубица,
И, кладов золотых ценней,
Звенит легенда давних дней
О Довбуше и Кобылыце.

Поток сбегает по гряде,
С высот свергается. В воде
Форели стайками резвятся,
И рыбаки тут веселятся,
Забыв на время о труде.

Благословен ты, край зеленый,
Твой воздух, светом напоенный,
Фляры и трембиты звук...
Но сколько вынес тяжких мук
Твой люд, в столетьях угнетенный!

Чтобы народа гордый пыл
В труде на пашнях поостыл,
Чтоб знал он горе и утраты, —
Секли немецкие магнаты,
Мадьярский феодал давил.

Но в тех, кем шляхта помыкала,
Надменно «быдлом» называла,

В них — сердце горного орла...
Хоть пуля Довбуша взяла,
Но месть и Дзвинку¹ отыскала!

Народ страдал, не уступал,
Права людские добывал
Он с польским тружеником вместе;
Недаром письма — дружбы вести —
Хмельницкий Костке² посылал!

Была история кровава,
Горька земли окрестной слава...
Но воли ждали, как зари,
И в Коломые плугари,
И люд рабочий Борислава.

Носилась в воздухе гроза,
Клонились пихты, как лоза...
Но снова ужас усмирений,
И смех кровавого Бадени,
И Франца-палача слеза!³

Паны — а что же там с папами? —
Паны с чужими именами
«Своих» не лучше с давних пор...
Кулак, встав на меже, топор
Сжимал свирепыми руками...

Шло время... Грянул бойни срок.
Как окровавленный поток,
Война ревела. В полдень хмурый
Пята кровавая Петлюры
Ступила тяжело на порог.

---

¹ Дзвинка — любовница Довбуша; по народной легенде, предательски выдала его.

² Богдан Хмельницкий договаривался с вожакom восставших польских крестьян Косткой Наперским о совместных действиях.

³ Бадени — имперский наместник в Галиции, при котором состоялись так называемые «кровавые выборы». Австрийские монархистские круги распускали слух, будто бы Франц-Иосиф, подписывая смертные приговоры украинцам, плакал.

Забыть ли сиротам и вдовам,
Как землю именем Христовым
Шептицкий, злобствуя, душил,
Как прав остатки заменил
Усач Пилсудский гнетом новым!

Но на восток глядел народ,
Где друг родной, где братский род,
Где свет идет с кремлевских башен. . .
Пора пришла, и был отважен
Освободительный поход!

Заржали кони по-над Збручем,
Мечом возмездья неминучим
Блеснул рабочий человек, —
И слились воды горных рек
С потоком Родины могучим.

Но снова жребий стал суров
Франка, Стефаника сынов,
И горе воротилось снова,
Когда след Гитлера тупого
Тебя сквернил, земля отцов.

Вновь на восток смотрели люди
И твердо знали: солнце будет!
И знали: брат надежный там!
Не даст погибнуть он сынам,
Он в трудный час их не забудет!

Народ? Народ стоял, как дуб.
Нефтяник, пахарь, лесоруб,
Пастух с нагорной луговины —
Все знали, в помыслах едины,
Кто ненавистен им, кто люб!

И людям, непокорным сроду,
В час добрый принесли свободу
Стальная мощь большевика,
Народа братского рука,
Отвага русского народа!

Карпаты... Светлая видна
При этом слове новизна.
Заря весны лучом багровым
Зажглась над Ужгородом, Львовом,
И мы навек — семья одна!

2

ЛЕСОРУБЫ

Кто слышал, как с высот текла
Река, бурлива и светла,
Забыть не сможет звук паденья
Навек, и птиц запомнит пеньс,
И гордый, вольный крик орла.

Рассвет в серебряные трубы
Трубит. Проснулись лесорубы.
Они *своим* Донбасс зовут.
О новых днях они поют —
О днях, когда трудиться любо.

Трудиться любо оттого,
Что для народа своего
Они по речкам лес сплавляют,
В потоки быстрые бросают,
Сперва в плоты связав его.

«Отчизне — больше леса! — ныне
Несется клич по Верховине. —
На новостройки он пойдет!»
И Котова рекорды бьет
Наш Михайлюк ¹ на Раховщине.

То спор друзей! И не поймет
Заокеанский жадный сброд,
Что нас зовет на труд упорный,
Какою силой животворной
Весна советская цветет!

---

¹ Тракторист Михайлюк (лесоразработки на Раховщине) соревновался с лучшим трактористом Карелни Котовым и перекрыл его выработку.

С головорезами в эскорте
Бандит в автомобиле, Хорти,
Сюда не сможет заглянуть,
Не осквернит он светлый путь —
Тоскует ад об этом черте!

Поверье шло из тьмы веков:
Брат снимет с брата гнет оков.
Поверье это явью стало —
Страна Советская собрала
Единой матери сынов.

Ушли венгерские магнаты,
И улыбаются Карпаты
Тем венграм, что росли в труде,
Тонули в общей злой беде:
Друзья трудиться вместе рады.

Права обрел, идет вперед
Чехословакии народ;
И катится, теплом согрета,
Волна: то нам слова привета
Шлет Прага, Братислава шлет.

Пришло на лоно Украины,
В Союз, как сердца кровь, единый,
Ты, Закарпатье, и ясней,
Чем эти, ты не знало дней,
Не знало ты светлей години.

Родные запахи травы,
Плывите и струитесь вы
Вплоть до веселых улиц Львова,
До склонов Киева родного,
До звезд сияющих Москвы!

Там, где шуметь листве и травам,
Под буком темным и кудрявым
Собрались люди разных лет —
Внук стройный и плечистый дед, —
Наделены высоким правом.

Пусть звон электропил сильней
Звучит! Во имя мирных дней,
Дней дружбы и соревнования
Подписывается Воззвание
Стокгольмское в тени ветвей.

Народы, дружной став семьею,
Растут, цветут, как сад весною. . .
Привет краям, где родились
Шопен, и Смётана, и Лист, —
Всем, кто за мир стоит стеною!

Народ — земли хозяин всей —
Посадит новый сад на ней
На месте срубленного леса.
Светла грядущего завеса,
Так открывай ее смелей!

Взгляни на горы и долины,
Чью даль взгляд Партии орлиный
По-матерински охватил. . .
Все, кому дорог труд и мил,
Вставайте дружно в строй единый!

Взгляд зоркий устремлен вперед:
Как буйно вся земля цветет!
Какис суждены нам взлеты!
Рука, что знает пыл работы,
Нам благодатный мир несет!

8

ДРУГ

Мы вместе к Тиссе шли. Вначале,
В дороге встретившись, молчали.
Потом он начал разговор:
«Родная речь с недавних пор
Свободной стала. Что мы знали?

Мы помним, как стоял вокруг школ
Для селянина частокол.

Чужое слово залетало
В речь нашу, сором оседало;
Мужик и темен был и гол.

А сын мой — в украинской школе,
И венгры здесь не в худшей доле —
У нас есть школа и для них.
Все разум черпают из книг
В соседстве дружеском, на воле!

Нам всем речь русская мила,
Она чужой и не слыла,
Нам с нею краше жить на свете,
Она, как солнце, людям светит,
Им слово правды принесла.

И это всё — от вас пошло.
Теперь и город и село
Жить стали радостью одною.
А кто пугает нас войною —
Сломает черное крыло!

Я стар, но много замечаю
Того, что в Закарпатском крае
Во сне мы видеть не могли. . .
Смотри, вон девушки прошли —
Сбирать идут лист свежий чая!

Комбайнер наш — племянник мой —
Вернулся из Москвы самой
С наградой высшей, при медали.
Да разве люди ожидали,
Кем станет наш Матвей? Герой!»

Мы закурили. По-над лугом,
Блестя крылами, полукругом
Прошел и скрылся самолет.
Сердечно, словно дружим год,
Мы с новым распрощались другом.

ХЛЕБ И СОЛЬ

Сверкают залы, да какие —
 Серебряные, голубые,
 Из розового хрусталя. . .
 «То не чертоги ль короля?» —
 Ты спросишь, в них войдя впервые.

«Вот тоже! Вспомнил короля! —
 Смеется над тобой земля. —
 Ведь залы — не заметил, что ли? —
 Ты погляди — они из соли,
 А вовсе не из хрусталя!

Здесь всё своим давно считают
 Те люди, что в трудах дерзают.
 Дано им многое свершить.
 Их цель — природу покорить,
 Что не всегда щедра бывает.

Звенит железо. Шум машин
 Не молкнет, как поток с вершин.
 Могуч, дробящий скалы ныне
 И сад сажающий в пустыне,
 Земли родной, советской, сын!

Предела силе он не знает:
 В горах он реки укрощает,
 Как табуны лихих коней,
 И видишь — заводских огней
 Всё больше возле рек сияет!»

Мы едем дальше. А кругом,
 Как бы в безбрежии морском,
 Волнами катится пшеница
 И зеленеет кендерица,¹
 Веселая под ветерком.

Хмель вьется. Яблони с плодами
 Стоят нестройными рядами

---

¹ Кендерица — кукуруза.

Вокруг домов и улиц вдоль...
Воистину и хлеб и соль
Ты, Закарпатье, делишь с нами!

5

В КОЛХОЗНОЙ СЕМЬЕ

В том доме, где мы побывали,
Куда любезно приглашали,
Где встретили как братьев нас,
Был радостный, счастливый час:
Рождение сына отмечали.

Еще утомлена, бледна,
Сидела мать. Но и она
Всё ж улыбалася порою.
Узнали мы: труда Герои —
И сам хозяин, и жена.

За сына чарку поднимает
Отец. На колыбель кивает,
Где крепко спит его дитя,
И говорит гостям шутя:
«Герой воп третий подрастает!»

А дед свой голос подает
И медленно рассказ ведет,
О днях миновавших вспоминая...
И жизнь былая, жизнь иная
В рассказе явственно встает!

«Что вспомнил, дед! Уж эти деды!
Былые дни, былые беды!»
— «Куда ж от памяти уйдешь!
Ее и в новый путь берешь,
Оставить негде, хоть и седы.

Да ведь и к лучшему: она
Бывает каждому нужна, —
Чтобы в пути мы не плутали,
Чтобы всегда дорогу знали —
На то нам память и дана.

Вот взять, к примеру, коллективы.
Сперва я думал: что за диво?
Как позабыть: мое, твое...
Знал горькое житье-бытье,
А нынче вижу день счастливый.

Стар, бородат. А вот — воскрес!
Не золотым дождем с небес,
Нет, а руками золотыми
Красна земля — одними ими...
Простое слово — эмтээс!

Вот граф, скажу...» Тут за столами
Свои запели в лад с гостями,
И, не обидевшийся, дед
Сам подпевать пустился вслед
За молодыми голосами.

И думалось: стена Карпат
Сильнее крепостных преград
Всками нас разъединяла,
А песням всё ж не помешала
Перелетать туда, где брат.

Я эти песни с детства знаю!
Так, видно, край родному краю
В столетьях голос подает.
И то, что здесь народ поет,
И я душой припоминаю.

На склоны гор ночная мгла
Покровом ласковым легла:
Природа-мать их укрывала,
От бурь холодных защищала
И от грозы их берегла.

Зажглись огни поры вечерней,
Мелькая в темноте безмерной
На склонах дремлющих высот...
Друзья, пусть счастье к вам идет —
В заботах мирных, в дружбе верной!

Июль 1952

322. УТРО НАШЕЙ РОДИНЫ

Облачко в небе — пушинкой и легкой и нежной,
Росы вещают погожего утра приход.
Птица вспорхнула, взмывает в простор безмятежный:
Может быть, лебедь взлетел, а не то — самолет.

Бьются над трубами дымы гурьбою кудрявой —
Сизый, лиловый, багряный плывут над селом.
Встала работа, умылась чуть свет — и со славой
Землю обходит, согретую летним теплом.

Сад потянулся спросонок, пшеница волнами,
Зыблясь под ветром, в горячую катится синь.
Рельсы искрятся на солнце, сверкают огнями,
Мчатся вагоны — живить горизонты пустынь.

Девушка песню запела. За нею другая
В лад, — и у каждой восторгом наполнена грудь.
Песню запели одну, но у каждой своя, дорогая,
Общей дорогой идут, но у каждой — особенный путь.

Жарко пылают слова: «Прочь, кто бредит войною!
Миру — дорогу! Да сгинут вражда и раздор!»
Башни Кремля поднялись над Москвою-рекою,
Синие тени ложатся от Ленинских гор.

1 августа 1952

323

Когда житейской неудачи
Тебя подхватит ветер злой,
Ты сердце, удержав от плача,
Наполни силой трудовой.

Пускай усталость и разлука
Не воют псами за дверьми.
«Я человек», — скажи сквозь муку,
Воспрянь сквозь горе: «Я с людьми».

20 сентября 1952

324. ПЕРЕД ОТЛЕТОМ

И снова осень перед нами,
И ласточки в который раз
На проводах сидят рядами,
Готовые покинуть нас.

Из дальней дали с тихой дрожью
Слова бегут по проводам. . .
Дух беспокойства, видно, тот же
У ласточек и телеграмм.

1952

325. НОВЫЕ ЛЮДИ

Я знаю летчика, и не один он, верно,
В картинах знает толк и любит их безмерно.
Едва коснется он родной земли своей —
Торопится к дверям любимых галерей.
Он в Третьяковке бы и ночевал охотно —
В просторном зале том, где Репина полотна.

Слышал я, машинист есть под Москвой и он
Селекцией давно и страстно увлечен:
В свободные часы любовно, терпеливо
Выращивает он сирень. И всем на диво
Цветут в его саду столь дивные сорта,
Что глаз не отвести — такая красота!

А под Житомиром есть женская бригада:
Как выйдет сеять лен — и соловьев не надо!
Такие песенки порою заведет,
Что жаворонок сам дивится им с высот.
Недавно киевлян, в огне залитом зале,
Льноводы-девушки совсем очаровали.

Когда борцы за мир в Москву со всей земли
Единый трудовой порыв свой принесли,
Рабочий одного московского завода
Такую речь сказал от имени народа,
Что мертвый от нее, казалось бы, воскрес.
И, поднявшись, ему рукоплескал конгресс.

Есть женщина... Ее зовем мы нежно. Паша.
Хозяюшка полей, по праву гордость наша,
Такою книжкою отозвалась она,
Что всколыхнула все сердца людей до дна.
И много писем к ней идет простых и нежных,
И учит книжка та подружек зарубежных.

Единство братское крепит наш общий труд.
Под солнцем Родины вершит советский люд
Такие подвиги на нивах и заводах,
Что утро светлое на наших дышит всходах,
Что виден всё ясней, за гранью близких лет,
Коммунистической зари прекрасный свет.

1952

326—329. ИЗ ЦИКЛА «НАД ДНЕПРОМ»

1

ЗАПЕВ

Как вестника любви народной,
Как дружбы искренней завет,
Я славлю Днепр наш полноводный —
Свидетеля далеких лет.

Кто мог еще запомнить лучше
Те дни, пылавшие в огне,
Когда носился князь могучий
На вихрегривом скакуне,

Когда на бурном перекате
Челн за челном вперед летел
И хищных печенегов рати
От русских разбегались стрел!

Кто рассказал бы, как когда-то
Казак ладьи смолил, упряж,
И «чайки» стаею крылатой
Летели к вражьим берегам!

Сюда, во глубь бескрайных плавней,
Бежали толпы голытьбы —
Бежал убогий и бесправный
От крепостной своей судьбы.

Когда кровоточила рана,
Жгла грудь народную огнем, —
Здесь поднялись на зов Богдана
Полки в порыве боевом.

В том памятном векам восстанье
Против неистовых панов
Росло народов двух братанье —
Единой матери сынов.

В Шевченка слове, страсти полным,
Под грозным Гоголя пером
Днепровские мы видим волны,
Поля и рощи над Днепром.

Века в тех волнах отразились. . .
Народы, поколения все
И поклонялись и дивились
Его величию и красе.

Но лишь теперь, когда в пучину
Ушли пороги без следа,
К ногам Советской Украины
Легла днепровская вода.

И, светлые сплотивши силы,
Одною дружною семьей
Здесь наши люди воскресили
В священной битве Киев свой.

Купель народов трех счастливых,
Под солнцем древнего Кремля,
Днепр новые трудолюбиво
Поит сады, поит поля.

В КИЕВЕ

Там, где белеют Лавры стены,
Где время колокольный звон
Отсчитывает неизменно, —
Стоял в задумчивости он.

В низине Днепр катился быстрый —
Любовь народа с давних лет. . .
Могилу Кочубея, Искры
Нашел задумчивый поэт.

Бесчестья отзвук, отзвук славы
Он слышал, внемля кобзарям. . .
. . . Быть может, первый стих «Полтавы»
Его души коснулся там.

Вот дом: о воле, о возмездье
Мечтали декабристы тут.
О лучезарном их созвездье
Легенды в памяти встают.

Хоть были далеки народу
Их речи, мысли их в те дни,
Но вслед Радищеву свободу,
Как светоч, понесли они.

Пусть было дело их разбито,
Но вновь огонь их оживал,
Когда поэму «Неофиты»
Шевченко Щепкину читал.

Когда мы слушаем на сцене
«Тараса Бульбу», каждый раз
Встают две благородных тени,
Сливаясь в тень одну для нас.

Еще звенели звуки, рея,
И Киев всё еще молчал,

Когда Чайковский, молодея,
Сердечно Лысенка обнял.¹

Прекрасный символ единенья —
Их встреча! . . . Светлый день весны,
Души высокие стремленья
В объятье этом нам видны.

Когда ж мы Лысенка к могиле
Несли сквозь строй городских,
О, как тогда мы ощутили,
Какой творец навек затих!

А тот, кто в Коцюбинском брата
И друга сердцем отыскал, —
В дни скорбной, тягостной утраты
Про верность и любовь писал.

Писал он: счастливы такие
Певцы родимой стороны,
Что песней жгут сердца людские,
Народу до конца верны. . .

Вот улица, что раньше скромно
Звалась Лабораторной. Здесь
Промчавшиеся дни припомни
И низкий ей поклон отвесь!

Рассвет едва боролся с тьмью,
Но «Искры» блеск мерцал, светил. . .
Здесь сестры Ленина в то время
И брат, Ульянов Дмитрий, жил.

Они несли слова восстанья,
Слова борьбы, единства клич. . .
Тут, Киев, свет звезды той ранней,
Которую зажег Ильич!

---

¹ Как пишет в своих воспоминаниях М. Старицкий, Чайковский, прослушав оперу Лысенка «Тарас Бульба», обнял его, поздравляя с талантливым произведением.

Не летописцем я холодным
Холодный счет веду векам:
Поклон земной сердцам народным,
Привет мозолистым рукам!

Как нам забыть, что средь пожарниц,
Под дикий вражеский разгул,
Нам руку помощи товарищ
И брат наш русский протянул?

Как нам забыть, что в этих зданьях,
В просторах наших мирных нив,
Во всех делах, речах, сказаньях
Завет бессмертной дружбы жив?

К вершинам коммунизма ясным
Советская восходит рать,
И нашей правде не угаснуть,
И наших уз не разорвать!

8

НОВАЯ КАХОВКА

Не смесью и одежд и лиц —
Единства силою живою
В огнях прирученных зарниц
Она встает передо мною.

Сюда стеклись, кто бодр и смел,
Как в Днепр стекаются притоки,
Для общих замыслов и дел,
Меняющих и дни и сроки.

Где средь песков еще вчера
Зайчата бегали на воле, —
Шумит сегодня детвора
В своей чудесной новой школе.

Людской мечте где ставить грань,
Когда она границ не знает?

Наш самый юный город — глянь! —
В степи старинной вырастает.

Чтоб дети счастливо росли,
Взимаем мы с природы подать,
И там, где лишь пески текли,
Бульдозер как хозяин ходит.

А сколько, вправду, там ребят —
Белоголовых, смуглых, звонких!
Какой у всех пытливый взгляд!
Какая прыть в босых ножонках!

Привет кипучим берегам!
Привет вам, юности дороги!
Как встретить радостно глазам
Тут экскаватор длинноногий!

Стихов вот этих теплота
В кудрявом родилась Херсоне...
Людей высокая мечта
В днепровском отразилась лоне!

4

ДРУГУ, ЧЕЛОВЕКУ

Друг, человек! С одним тобой,
Идущим бодро в мир счастливый,
Поток вот этот голубой,
И эти нивы, и разливы.

Сердечной дружбе, братству рук,
Что даль без края открывают,
Из сердца трепетного звук
Хвалою вечной вылетает.

Сады, с огнем плодов в листве,
Советские взрастили люди, —
И наш Днипро реке Москве
Был брат, есть брат — и вечно будет.

Май 1953

330. В ЛЕСУ

І що снилось, говорилося...¹

Т. Г. Шевченко

Где цветут в лесу гвоздики,
Все в росинках, огневые,
Где на листьях солнца блики, —
Руки их сплелись впервые.

В жизнь она и он вступали,
Выйдя из аудиторий,
И сердца их утопали
В счастье, как в бездонном море.

Флейта иволги на буке,
В кленах — горлиц воркованье,
Зелень, птичьих песен звуки,
Синих, карих глаз мерцанье...

«Так навеки?» — «Да, родная!
Милая!» — «Любимый, близкий!»
И гвоздики, им внимая,
Наклонялись низко-низко.

Всё сейчас преодолимо,
Перед ними дѣла — горы!
И грядущее так зримо,
Как заречные просторы.

Всё, что снилось-говорилося,
Не забудется с годами...
Сердце сердцу приоткрылось,
Губы встретились с губами.

1953

---

¹ И что снилось, говорилося... — *Ред.*

1

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЭЗИИ

(Вместо пролога)

Она — весенних роз расцвет
И поцелуя слаще. . .

А в дни войны, в годину бед
Она — клинок разящий.

Она — сродни журчанью вод,
Шелковых трав нежнее. . .

И раб, восставший на господ,
Вооружится ею.

Она — искристая руда,
Что золотом богата. . .

А в дни великого труда
Она кузнец и ратай.

Она — гармонии душа,
Согласия и мира. . .

А может, хищников круша,
Быть острою секирой.

И верю я: когда придет
День Коммунизма юный, —

Она всю силу обретет,
Все голоса, все струны!

2

ГВОЗДИКИ КОЦЮБИНСКОГО

В Чернигове — опять из пепелница
Он восстает, и строг и вдохновен, —
Ты набредешь на скромное жилище,
И дух займет при виде этих стен.

И легкий смех ты оборвешь неожиданно,
И голову невольно склонишь ты:
Ведь некогда текла «Fata morgana»
Здесь из-под тонких пальцев на листы...

У домика, в траве, цветы остались,
Еще, должно быть, с тех былых времен:
Здесь *одиночество* или *усталость*,¹
Копаясь в грядках, гнал из сердца он.

Вот пепельные, серые агавы —
Они лишь перед смертью и цветут.
Он в этой смерти видел жизни славу,
Он их любил, он посадил их тут.

Вот мальвы... Как с родней своею близкой,
Он с ними встретился в краю чужом
И, шляпу сняв, им поклонился низко,
И даже «здравствуйте» сказал притом.

Вот — гордость садика, за полстолетья
Разросшегося в холе и тепле, —
Горят гвоздик душистые соцветья,
Как звезды, выросшие на земле.

От Горького когда-то Коцюбинский,
Как дружбы дар, их с Капри получил.
В гостеприимной почве украинской
Они росли и набирались сил.

И принялись они на Украине,
Но расцвели совсем на новый лад, —
И вот для всех людей советских ныне
Они благоухание струят!..

---

¹ «Усталость», «Одиночество» — названия «стихотворений в прозе» М. Коцюбинского (цикл «Из глубины»).

ПОЭТ

Заметишь — барометр, погоде покорный,
 Вниз стрелку склоняет под говор лесов,
 И с полки стаканчик хватаешь проворно:
 «За дождик, Якуб! Будь, приятель, здоров!»

Якуб Колас, «Из моей летописи»

Как выдумка чудесна у поэта!
 Под самым домиком своим на грядках
 Сажает злаки он из года в год
 И летом смотрит с радостью спокойной,
 Как рожь и зеленеет и желтеет,
 Как голубыми звездочками лен
 Сияет под лазурью огневой,
 Как бело-розово цветет гречиха,
 Где пчелы несмолкаемо гудят —
 Оркестр миниатюрных музыкантов,
 В пахучих затаившийся цветах, —
 Как тучей конопля зеленоватой
 Густеет. . .

В памяти его встает
 Село родное, села Беларуси,
 Полощущие тонкий холст дивчата,
 Их песни о любви и скорбной иве.
 Года припоминает он былые,
 И раны те, которых не забыть,
 И радости, не погасить которых,
 И стон бедняцкий, тот, что так терзал
 Поэта сердце, вызывая к жизни
 Кровоточащие стихи. Потом
 Он думает о нынешнем: о доме,
 Где не лучина дедовская тлеет,
 Не каганец засаленный чадит,
 А электричество сияет ровно,
 Где школьники при этом ясном свете
 Читают Гете, Пушкина, Шевченка,
 Ну, и его, народного поэта,
 Или старательно в тетрадках пишут
 На языке родном, который встарь,
 В дни горестные, под бичом царей,
 Считался годным только для степаний. . .

Он думает о тракторе в полях,
Где прежде жалкая соха блуждала,
О наступленье на глухую топь,
Предпринятом упорной молодежью,
О фабриках на месте зыбунов,
Об институтах вместо пустырей,
О молодых приятелях своих,
Которые теперь толпой веселой
Проходят там, где он когда-то с другом
И горсточкой товарищей отважных
Шел против бури и проклятой тьмы.
Идут, перекликаясь то и дело
С друзьями — всей советскою родней, —
Перекликаясь с честными людьми
На всей земле, в святой борьбе за мир,
За дружбу всех народов и племен,
За счастье и за труд раскрепощенный.

Когда же, в дни неистового зноя,
Сжигающего и хлеба и травы,
Заметит он на небосклоне тучу,
Несущую земле дождь благодатный,
Он улыбается ржаным колосьям,
Льну и гречихе, наливает чарку
Вина, прозрачного, как светлый день,
И молвит сам себе: «Итак, за дождь,
За наше счастье! Ну, Якуб, во здравье!»

4

ДЕВУШКА

Свою головку русую она
Пунцовой косынкой повязала,
Лишь прядка шаловливая видна —
Как будто под платком ей места мало.

Глаза искрятся из-под стрел-бровей —
Читают жизни дивные страницы.
Торопись порой, а перед ней
Никак не сможешь не остановиться.

Заговорит — как песню запоем,
А запоем — забудешь вмиг про всё ты...
Рукав — как белый парус, чуть взмахнет
Рукою, загорелой от работы.

Посмотрит — и осветит сердца дно,
Откроет всё, сокрытое дотолё, —
И сердцу странно: разве же оно
Ещё способно ныть от сладкой боли?

5

ОБЕД НА ТРАВЕ

Наш «экипаж» — я, сын мой и шофер,
Товарищ Глебов Николай Петрович, —
Торжественное обещанье дал,
В край белорусский ехать собираясь:
Обедать не в столовых или чайных,
А в тишине лесной, в полях, под ивой,
В соседстве с вереском и лопухом,
Как говорят французы — «на траве».

Мы шефом-кулинарум, или коком,
Единодушно Глебова избрали,
И с честью Глебов выполнял свои
Обязанности: жарил шашлыки,
Яичницу с томатами готовил
(«По-гречески»), порою подавал
Суп рыбный, а не то варил кулеш,
Или «гулеш», как с пензенским акцентом
Твердил упрямо Николай Петрович.

Он, пензенец, попал на Украину
Во дни войны, да так здесь и остался.
Знаток цветов и певчих птиц любитель,
Он любит путешествия, в которых
Не требуется суматохи, спешки,
В которых и маршрута даже нет,
А можно действовать по вдохновенно
Иль прихоти...

Поныне этот день
Перед глазами. На лесной поляне,
Где колокольчик и гвоздика рядом
Под летним солнцем греются невинно,
Расселись мы. «Гулеш» наш закипает
И запахами ноздри нам щекочет,
По сторонам шумят большие сосны,
В бездонном небе ястреб реет плавно,
И тихо в сердце. . .

А издалека
Девичья песня из села несется,
Та песня белорусская родная,
Напева украинского сестра,
Как снег нагорный, чистая от века. . .

6

ЭПИЛОГ

Всем телом, всем сердцем, всем светлым умом
Жить в творческом, в гордом труде неизменно,
Всё то, что живет и теперь и в далеком былом,
Собрать, словно мед на лугу необъятной Вселенной!

Тебе, человек, всё обилье строптивой Земли,
Тебе, архитектору новых, невиданных зданий,
Тебе, кто сажает леса, самолеты ведет, корабли,
Основы для счастья кладет, неизвестного ране!

Будь щедрым, как море, как ветер, как солнечный свет.
В любви безграничный, и в гневе не ведай границы,
Дыханье лови поколений, грядущих вослед, —
Страшись одного: от родного народа отбиться.

Кто чувствует только себя и поет для себя,
Тот в будущих днях, как и ныне, не сыщет признанья.
Неси в дар Отчизне все мысли, все речи, любя, —
И сердце твое никогда не узнает молчанья.

1953—1954

На зелено-синем море
 Блики светлые гуляют,
 Дождь прошел. Роняет капли
 Влажный от дождя платан.

В старый-старый дуб ветвистый
 Застучал привычно дятел,
 И синица чаще стала
 Перепархивать в ветвях.

Рдеет роз осенних пламя,
 Канны встали у дороги,
 Возле кактуса с агавой
 В красном девушка одна.

А над морем реет чайка,
 Реет парус, будто чайка,
 В добрый путь зовет людей,
 И покой разумный, чистый
 Тут с тревогою обнялся,
 Как с сестрою старший брат.

1 сентября 1954

338. АРМЕНИИ

Сквозь темноту веков, как факел под ветрами,
 Стремленье к вольности ты гордо пронесла.
 В терновом шла венце, струилась кровь с чела,
 Но песня вечная не молкла над горами.

Ты видела зарю орлиными очами,
 Хоть грудь сжимал удав бесправия и зла, —
 И чаянья сбылись! На скалах расцвела
 Та роза, что пышней раскроется с годами.

Твой древний Ереван, твои сады, поля
 Теперь животворит сиянье звезд Кремля,
 Кипит счастливый труд в долине Арарата.

Цветешь ты, радуясь, в кругу большой семьи,
Возводишь здания чудесные свои;
Прими ж и мой поклон — от друга и от брата.

15 сентября 1954
Ереван

339. ХУДОЖНИК

Миколу Бажану

Густыми красками земными
Он оживляет полотно,
И поколениям над ними
Мечтать и спорить суждено.

Но ярких красок переливы
Он не по прихоти берет:
Не всё, что ты встречаешь, — живо,
Жизнь только в том, что не умрет!

Хотя порою и в крупице,
В мгновенном лучике сквозном
Пожара зарево таится,
Как в искре — молния и гром.

Багряной осени приметы,
Седого инея узор —
Залог весеннего расцвета,
По-новому решенный спор!

Но там пышнее возрожденье,
Там плодоноснее мечта,
Где взлет, где воля, где горенье,
Где чувств и мысли полнота.

Затем-то с жадностью такую
Он пишет бег морских валов,
Часы не сна, а непокоя
Великих Партии сынов.

Стоокий, стойкий, стерегущий,
Глядит он зорко в даль времен,
Минувший век и век грядущий
Готов поднять, как бремя, он.

Он — труд, он — гнев, он — страсти пламя,
Он — там, где люди, где борьба,
Он — вместе с юными бойцами,
Он — меч восставшего раба.

И видим мы в его созданье,
Какое это счастье — жить,
Быть человеком не по званью, —
Народу, всей земле служить!

12 октября 1954

340. ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Так верится: березы эти, ели
Его походку, соколиный взгляд
Из-под седых бровей запечатлели

Раз навсегда. И тени, что лежат
Вдоль вековой аллеи, как узоры,
И мглы лесной смолистый аромат,

И птица в чаще, скрытая от взора,
Струной звенящая (а в этот звон
Вливает голосок другая — второй),

И эта тишь, и строгий чистый тон, —
Всё им полно. . . Какую знал тут участь,
Как он творил и как терзался он!

В спокойствии — тревоги вечной жгучесть:
Она кровавым дергала крылом,
И зрела мысль, в противоречьях мучась.

С открытым он всегда ходил челом,
И хоть не раз блуждал он в чаще темной,
Юродствуя, клянясь своим Христом,

Хоть проклинал, как вредный и никчемный,
Свой труд «Война и мир» — прекрасный плод,
Рожденный в этой комнатушке скромной, —

Какая глубь, какая ширь зовет,
Как раскрываются народа силы
В искусстве том, что в свой водоворот

Сердца и поколенья захватило! . .
Молчат деревья, не дрожит трава
У изголовия простой могилы:

Там палочка зеленая жива! ¹

19 октября 1954

341. ХЕВСУР В ДОЛИНЕ

Хевсур спустился с прадедовских гор
В долину возле жаркого Тбилиси,
В свой новый дом, опрятный, непохожий
На ту насквозь продымленную саклю,
Где он родился, где потом женился,
Где появились дети у него —
Вот этот мальчик, девочка вот эта,
Которые, став у дверей, молчат,
Но с любопытством на гостей взирают.

Он турьи — горного козла — крутые
Рога прибил над входом, — для того ли,
Чтоб вспоминать о сумрачных охотах,
О скалах и зловещих пропастях,
О каменистых и опасных тропах,
А может статься, дань свою платя
Обычаям магическим каким-то,
Зооморфическим или другим. . .
Сняв с колышка, он гордо показал нам
Свое национальное убранство,

---

¹ Льва Толстого, по его завещанию, похоронили в том месте ясополянского парка, где в детстве закопал любимый брат великого писателя, Николенька, «зеленую палочку», которая якобы заключает в себе тайну человеческого счастья. Могилка великого писателя поражает необычайной простотой.

Всё в блестках, вышитое прихотливо,
Нежданно мне напомнившее чем-то
Неуловимым и гуцулов *ношу*,
И верховинцев польских одеянья,
А может быть, и сербскую одежду,
Какою щеголяли гайдуки,
Родня опришков наших. . . На стене
Висел трехструнный инструмент — *пандури*,
Хранящий память прадедовых рук. . .
Жалеет ли он о горах? Пожалуй,
Бывает. . . Вот жена его, к примеру,
И нынче выбралась к своей родне,
К родным местам. . . Как не жалеть, конечно!
А вот как вспомнишь, что в кровавых распрях
С соседями-кистинами за веру
(Кистины, знаете, магометане),
А более, по правде, за скотину,
А то из мести кровной, — в тьме сплошной
Прошли хевсура молодые годы,
Как вспомнишь тот обвал в родных горах,
Когда его засыпало камнями
(Действительно, хевсур был согнут вдвое),
Как вспомнишь, что жена его когда-то,
По древнему обычаю хевсуров,
В хлеву детей произвела на свет,
Затем, что дети — тот же скот домашний. . .
Эх, что тут скажешь! Не о чем жалеть!
Его когда-то там считали мудрым,
Твердили, что орлу он равен зреньем
(Он на охоте был и вправду зорок), —
Но вот теперь признаться должен он,
Что *там* глядел на мир одним лишь глазом,
И только *здесь* увидел жизнь *двумя*,
И так его соседи уважают,
Что в сельсовет на этих днях избрали. . .
Да! В сельсовет, чтоб помогал советом
Односельчанам. . . И в колхозе он
Не из последних (указал рукою
Он на мешки в соседнем помещенье —
С пшеницей, с кукурузой золотой) . . .
Остался он неграмотным, но дети,
Вон те, что были рождены в хлеву,

Учиться ходят в школу... (Покраснели
Ребята, да неловко убежать.)
Три школы здесь: грузин, азербайджанцев
И русских учат в них... Так три народа
Живут и трудятся миролюбиво
(«Не так, как мы с кистинами в былом») . . .
«Да что ж я, старый дурень, заболтался!
Эх, без жены гостей не встретишь толком!» —
И на столе явились: сыр овечий,
И темный хлеб, и светлое вино —
Уже из виноградников долины. . .
7 ноября 1954

342. ПРИГЛАШЕНИЕ

*Стихи эти посвящены Крыму,
но можно толковать их и шире.*

Войдите в мир, где грозы и лазурь,
Где кедры поднялись, как будто для полета,
Где моря запахи и зной песчаных бурь. . .
Войдите! Настежь вам распахнуты ворота.

Войдите в мир, где, как хрусталь, родник,
Где реют ласточки, не молкнет пчел жужжанье,
Где колос ни один на ниве не поник,
Где жизни дерево не знает увяданья!

Войдите в мир, где на седых камнях
Гранаты налились огнем густым и алым,
Где песня и любовь в девических глазах,
Где города встают в цветенье небывалом.

Войдите в мир, что отстояли мы
От ненасытных орд, от замыслов лукавых!
Мы твердо здесь стоим преградой против тьмы, —
Ведь это наша кровь во всех плодах и травах.

Войдите в мир, где только честный труд
Роднит сердца людей, где в солнечном просторе
Взмывает самолет, как лебедь, поутру,
А тень бежит за ним. . . Войдите в сад над морем!

1954

343. СКВОРЕЦ

Весною прибыл к нам опять в скворечник,
Должно быть, прошлогодний наш жилец,
И сразу песенку завел скворец —
Известный имитатор-пересмешник.

Оригинальностью не знаменит,
Он подражать готов кому придется:
Бывает, иволгой скворец звенит,
Бывает, как мальчишка засвистит,
То передразнит соловья — зальется,
То колесом намазанным скрипит.

Таков уж наш сосед. Хоть вишни спелой
И не пропустит. . . (Погляди — поспела!
А какова на вкус? И клюнул вмиг.)
Простим скворцу — грешок не так велик.
Зато садовых гусениц-воровок
Уничтожать скворец куда как ловок!
Давайте друга уважать! Ей-ей,
Без недостатков не найдешь друзей.

27 апреля 1955
Киев

344. ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Старайся наблюдать различные приметы.

А. С. Пушкин

Сто забот в апреле знали,
Майской отцвели порой,
Пышными деревья встали
Между летом и весной.

Цвет роняя безвозвратно,
Жадной завязью своей
Просят влаги благодатной
У последних вешних дней.

А роса не выпадала,
Над деревней вьется дым,

Землю ласточка достала
Нервным крылышком своим.

Воробьи в песке сыпучем,
Будто дети в озере...
Посмотри, какие тучи!
Понимают люди все,

Малому ребенку ясно —
Из-за гор идет гроза...
Черной птицею несчастье
Застилает небеса.

Прокатился гром с разгоном.
Сабля молнии вдали.
Пахнет морем и озоном
От притихшей вдруг земли.

3 июня 1955
Киев

345. ВИНОГРАДАРЬ

..Бог веселый винограда...

А. С. Пушкин.

Шумный, шустрый, загорелый,
На все руки молодец,
Взял секатор и за дело
Ловко принялся юнец.

Лишний там побег подрежет,
Веточку подвяжет тут.
Старость радостную тешит
Молодости ладный труд!

Ранним утром, на рассвете,
Пощадил злодей-мороз
Вырезные листья этих
Узловатых темных лоз,

Там, где будущие вина,
Хоть и бродит сок, — а спят...
Есть для радости причина:
Будет урожай богат!

И смеется среди сада,
Удивляя старых муз,
Бог веселый винограда,
Кончивший советский вуз!

7 июня 1955
Киев

346. ВОЙНА АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЫ

Был теплый дождь, в траве стоит вода.

И. А. Бунин

Был теплый дождь, в траве стоит вода,
И стрекоза на ветке обсыхает.
Запах острее донник. Из гнезда
Впервые в небо ласточка взмывает.

Подвязывая светлый виноград,
Смеется девушка сама с собою,
И ярко маки алые горят,
Омыты свежей влагой дождевою.

За речкой песня вдалеке слышна,
А у веранды, здесь, на клумбе малой,
Идет в тиши бескровная война,
Всё та же: белой розы с розой алой.

16 июля 1955
Киев

347. РОЗЫ И ВИНОГРАД

С работы девушка усталая пришла
И, хоть вечерять мать зовет ее из хаты,
За цапку — и в цветник, где роза расцвела,
Где раскудрявились кусты зори и мяты.

Вернулся из своей поездки машинист,
Покрытый пылью весь, насквозь пропахший
дымом,

И — к винограднику! Попорчен, может, лист
Мучнистою росой. ¹ Спасать необходимо!

---

¹ Мучнистая роса — болезнь винограда.

2. над річкою минає плоть золота, —
А тут, діля розстиглої вранди,
іде безкровна, лагідна втіша
Червоної та Білої троянди.

16 VII 1955.

7. Троянди і виноград

Із поля дітки ^{у мене} ~~на мене~~ прийшли
і, хор вересня гуділила квітка
мату,
За саагу - і в квітці, деревна
розділила,
де кукурбляса кукурі лопавку
і шеву.

З ^{пучки} ~~факти~~ ^{звучки} вернувся ладаніст,
Укритий пороком, згуб пропакний
Дилом, —
до виноградника! ^{і/а} ~~на~~ ^{міждо} ^{загом}
мст

Де не писаваний? Ку, Буроту вестилем!

: Мислетьо — хвороба виноградю. Ах

Цветения закон и раз, и два, и три,
И много раз юнец исследовал пытливым.
И в огороде мак поднялся — посмотри! —
Как будто пламени живого переливы.

Мы любим музыку, что за сердце взяла,
И творчество в труде, что стало повсеместным.
У счастья нашего есть равных два крыла:
Цвет роз и виноград, прекрасное с полезным.

6 сентября 1955
Киев

348. БРИГАДИР

Совхозный бригадир в ответ на наш привет
«А что за люди тут?» — спросил, сверкнув глазами.
А мы ему шутя: «Поверишь или нет,
Мы не приبلудные, хоть не сельчане сами».

Рекомендацию дополнил агроном,
Что меж узластыми нас провожал кустами
И лекцию читал нам, неофитам трем,
Приукрашая речь учеными словами.

Суровый бригадир немножечко обмяк
И руки нам пожал: не фертики, мол, эти. . .
Как видно, не любил он тех пустых гуляк,
Что только поглазеть в совхоз приехать метят.

Дивчата тут и там, как бусы, виноград
Срезали бережно: уборка подоспела.
Наш младший компаньон не без лукавства взгляд
Бросал на девушек нарядных то и дело.

А бригадир ступал степенно между лоз,
Показывая их неспешною рукою;
В зрачках его огонь необычайный рос,
Как будто подавал он здесь команду к бою.

Знакомя с новыми сортами, агроном
Чсть воздавал родным, не хаяли «француза»...
Сказал, как завтракать мы сели под кустом,
Что бригадир — Герой Советского Союза.

13 сентября 1955

319. ЛЕСНИК

Есть у меня лесник знакомый. Он
К прививкам страстью одержим великой,
Волнуется, хлопочет, увлечен
То яблонькой лесной, то грушей дикой.

Скорее к погребу, где черенки —
Кандиль-китайка, беры и ранеты...
В кармане нож, искусней нет руки, —
Придете в лес вы на другое лето

И видите, что он теперь иной:
Над старым пнем листва побегов новых,
И верите, что в гущине лесной
Семья деревьев не лесных — садовых!

Цветенье их — как розоватый снег,
Как теплый снег, что греет всех на свете,
И радуется каждый человек,
Что будут рвать плоды с них наши дети.

Вот так лесник шагает по лесам
И углубляется в лесные дали...
Товарищи по счастью и трудам!
Стихи мои не требуют морали.

25 сентября 1955
Пуца-Водица

850. СОВЕТ

Один садовник так меня учил:
«Когда ты пересаживаешь елку,
Заметь, где юг, где север прежде был,
Так и сажай, — не быть иначе толку.

Пусть той же стороной на юг стоит
Твоя воспитанница молодая,
Пусть те же ветки образуют щит,
К ней ветер северный не подпуская.

И не в единственном сажай числе,
А с елками-подругами другими. . . »
. . . Советов дельных много на земле,
И этот не последний между ними.

1955
Киев

851. ДРУЗЬЯ

Сходятся под вечер вместе друзья-садоводы.
Дым папиросный — как тучка в просторе небес.
Вьются столбы комаров — знак тепла и погоды,
Щебетом птичьим намокший наполнился лес.

Сбудутся, может, газетные всё же прогнозы,
Или их вовсе нельзя принимать нам в расчет?
Наперекор предсказаньям проносятся грозы,
Если ж грозу предвещают нам — солнце печет.

Первыми грушами сад нас порадует ныне, —
Вместе сажали и вместе отведать не грех,
Вместе сажаем и сквирские дивные дыни,
Вместе гордимся, как выгнался грецкий орех.

Солнце к закату идет, отпылав над округой, —
Тут про «вечернюю кромку» сказал бы Нечуй.
Славно иметь нам на свете хорошего друга,
Многих друзей — еще лучше. . . Работай, бушуй!

1955
Киев

352. ДИВЧАТА НА ВИНОГРАДНИКЕ

Поют дивчата о ветле густой —
Никак ветла не хочет в песне вянуть! —
И виноград янтарный да румяный
Заботливо срезают. Над землей
Летят высоко журавли над ними
И вторят им напевами своими.
И журавлям ветлы как будто жаль,
И щедрой осени близка печаль,
Печаль, что в сердце радостью встает.
Поют дивчата — то любовь поет!

А виноградник — гордость киевлян:
Здесь победил морозы и туман
Ум человека, ясный и упорный,
Что бросил вызов буре непокорной,
Что стал природе другом навсегда,
Хотя и с другом может он сразиться;
Здесь в каждой виноградине струится
Живое вдохновение труда.

Они поют — поет неудержимо
Всё, что вокруг, что зримо и незримо,
И даже старый бригадир седой,
Скупой на речь и на работе хмурый,
Как будто струнный перебор бандуры,
Подхватывает звуки песни той.
Они поют, чтоб труд согласней шел,
Чтоб слить его и песню воедино,
Чтоб золотому Октябрю на стол
Дать виноград и молодые вина.

1956

Киев

353. НА КОНЦЕРТЕ «МАЗОВШЕ»

Мазурка нас в объятия взяла
И по лесам туманным понесла
Далеко в горы, где темнеют буки,
И рассказали нежной дудки звуки
Про вечер-праздник польского ссла.

Дробь легкой польки дудка выбивала,
И вспомнил тотчас я стихи Купалы¹
Про польку белорусских деревень,
Где Стася с Зосей, юные как день,
Влюбленные, кружатся среди зала.

Цветистым морем разлились лады,
Как по весне цветущие сады,
Звучал напев то грустно, то игриво,
Народа сердце билось в песне живо —
То, что когда-то билось в час беды.

День новой Польши! Радостные клики!
Народов дружба в этот час великий
Сердца, труды и помыслы слила.
Подобием цветка она цвела —
Варшавской пышной пурпурной гвоздики.²

21 апреля 1956
Киев

354. ЯЗЫК

Нужно обрабатывать свой сад.
Вольтер.

Как поросль виноградных нежных лоз,
Язык храни. Упорно, неустанно
Бурьян пропалывай. Прозрачней слез
Пускай язык пребудет. Постоянно
Пускай тебе он будет подчинен,
Хоть сам живет своею жизнью он.

Прислушайся: как океан без краю —
Народа речь; и гнев и радость в ней,
В ее живых раскатах. Я не знаю
Мудрейших, чем народ, учителей.
Его слова — как жемчуг; их значенье —
И труд, и человек, и вдохновенье.

---

¹ «Вечарынка».

² Нигде я не видел таких роскошных крупных гвоздик, как в Варшаве.

Заглядывать не бойся в словарь:
Не мертвый сумрак там — живые дали;
Как садовод умелый, собери
Плоды созревшие Гринчэнко, Даля.
Не гневайся, когда совет дарят,
И не ленись возделывать свой сад.

Апрель 1956
Киев

855. ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ

Ее услышишь в голосе синицы,¹
Вещают крики воронов о ней,²
Она в метели уходящей мнится
И в том, что дни становятся длинней,

И в глянцевитых почках на каштане,
В сугробах ржавых, в ручейках живых,
Что чистым серебром блестят в тумане,
Как будто грязь и не касалась их.

Она — и в капле, звонкой, словно льдинка,
Что птица с ветки нехотя стяхнет,
Она — в подснежной зелени барвинка,
В сережках на березе у ворот.

Она — и в кузне, где нетерпеливо
Впергонки играют молотки,
И в тальнике, чьи ветви прихотливо
Переплелись, краснея, у реки.

Она и в песне, что молчать не в силах,
В дороге, что сейчас душе близка;
Она — в глазах, как вишни, влажных, милых,
Блеснувших из-под белого платка.

Апрель 1956
Киев

---

¹ Весной синица поет совсем не так, как зимой.

² Весенняя свадебная игра воронов в небе.

356. СИКСТИНСКАЯ МАДОННА

Хто смів сказати, що не богиня ти? ¹

И. Я. Франко, «Сикстинская мадонна»

Малый вже добре майстрував. . . ²

Т. Г. Шевченко, «Мария»

О, кто сказал, что не земная ты?
Ты ожила в шевченковской Марии,
И дольний мир смиренно клонит выю
Перед тобой, святыня чистоты!

Ты, в будущее устремив мечты,
Ему несешь дитя. Глаза родные
Такую скорбь явили нам впервые,
Что перед нею все слова пусты.

Он вырастет, младенец твой пригожий,
И, в плотничестве сведущ, сердцем чист,
Крест вытешет себе людской, не божий.

Затем и горек взор твой, хоть лучист:
Понять его простой лишь смертный может,
А не святые и не папа Сикст.

30 мая 1956

Киев

357. ВОЗДУШНАЯ ТРАССА

Над нашим домом пролегает трасса.
Здесь на Москву, на Бухарест, на Прагу
Шумливые летают самолеты
И днем и ночью.

«Это вам мешает,
Волнует вас, тревожит, беспокоит?»
— «Волнует? Нет. Тревожит? Да нисколько.
А беспокоит — что ж! Могу я смело
Назвать чудесным это беспокойство.

¹ Кто смел сказать, что не богиня ты? — *Ред.*

² Малыш уже отлично мастерил. — *Ред.*

Ведь беспокойна также и весна —
Она приходит с грозами, с дождями,
С ветрами и с причудами такими,
Что сердце земледельца и поэта
Волнуют, даже мучат. И, однако,
Весну мы все по праву называем
Порою счастья, юности, надежд,
Порой посевов, песен и любви.
И вот, когда мы в сумраке ночном,
Среди извечных звезд, в бездонном небе,
Вдруг видим звезды новые, что мчатся
С неслыханною быстротой, когда
К нам долетит глухой моторов рокот
На тех высотах, где совсем недавно
Еще трубили только журавли
Да, пролетая, гуси гоготали,
Мы думаем: ведь это пролетают
Сердца людские, чувства и умы
И, как мы говорим, людские судьбы,
Среди которых нет и двух похожих;
Ведь это значит — всё сильнее дружба
Держав, земель, народов, городов;
Ведь это мира голуби летят —
Стремительные эти самолеты, —
Те, что проносят на груди могучей
Не атомное страшное оружие,
Не водородное, а мирных, честных
Иванов, Янов, Гансов, Жанов, Джонов,
Марий и Мэри, Катерин, Катрин, —
И в грудь мою вливается тепло,
И жадно руки тянутся к работе!»

*31 мая 1956
Киев*

358. ОТЧИЗНЕ

Отчизна! Мы горды тобою,
Трудом и подвигом твоим,
Твоею чистой весною
И сил источником живым.

Мы и под звездами чужими,
В горах, где небо голубей,
Болели болями твоими
И жили радостью твоей.

Ты — сердце, полное любовью,
Ты — праведный и грозный гнев.
В стобратней речи, в каждом слове
Твой молодой звучит напев.

О! Тот достоин лишь презренья,
Тот не имеет права жить,
Кто мог предать тебя забвенью,
Тебе, Отчизна, изменить!

Трудом иль песней день встречаем, —
Мы к трепетной груди твоей,
К тебе, Отчизна, припадаем,
Как припадал к земле Антей.

1 июня 1956

Киев, по возвращении из Австрии

339. ЦВЕТИСТЫЙ ЛУГ

Квітчастий луг і дощик золотий.¹

П. Г. Тычина

Давно всё это было. Кисловодск
Лежал в низине. А на взгорье светлом
Мы отдыхали меж высоких трав,
Пестреющих узорными цветами
Таких оттенков, что ни описать,
Ни счесть их невозможно. А над нами
Кружились и мелькали мотыльки —
Большие, маленькие, голубые,
И красные, и желтые — ну, словом,

---

¹ Цветистый луг и дождик золотой. — *Ред.*

Для энтомолога богатый клад,
А для художника и для поэта —
На зрелость испытанье.

Мы с тобою
Беседовали просто и сердечно.
Рука в руке лежала, легкий трепет
Из сердца в сердце шел. Я в синеву
Бездонных глаз твоих смотрел. Казалось,
Что отразились в ней одновременно
Тревога и покой моей души,
И веял на меня с твоих ресниц
Любви чудесный ветер, свежий, терпкий.
Да! Смоль волос и синь прекрасных глаз —
Такое редкостное сочетанье —
Запечатлелись в памяти моей
Навеки. Губы влажные твои
Я чувствую как будто и поныне
И слышу голос, теплый и глубокий,
А смысл высокий самых малых слов
Вливался в грудь мне, как поток нагорный,
Что в озеро долинное стремится. . .

И ночь упала. И невесть куда
Во тьме над нами кроншнепы летели,
И трепетали трели их, как наши
Горячие и нежные сердца.

*2 июня 1956
Киев*

360. АФРОДИТА МИЛОССКАЯ

Родной сестрой мадонны ты была;
Земною, не заоблачной красою
Ты светишь нам. Падут перед тобою
Века, народы. Даль, что так светла,

В сердцах потомков снова ожила
И расцветает новою весною.
Ты сквозь века в труде и среди боя
Людей к высотам творчества вела.

Ты видела, как, в скорби изнывая,
На миг о жгучих ранах забывая,
Перед тобою Гейне был в слезах.

Успенского утешить ты сумела:
Он первый о «мужичьих завитках»¹
Твоих земных волос поведал смело.

1 июля 1956
Киев

361. СТАТУЯ САТУРНА В ЛЕТНЕМ САДУ

Быть может, эта статуя смешна,
Уродлива в ряду подобных статуй, —
Но ты подумай: видела она,
Как правды народился здесь глашатай.

Ее он рисовал. И подошел
К нему в крылатке кто-то незнакомый.
Заговорил. И мальчик поборол,
Смущаясь, недоверие к чужому.

Беседа дружеская потекла —
И вот они в кофейне, словно дома,
Как будто в хате своего села,
Как будто уж давно они знакомы.

Вновь развернула смятый лист рука
Сошенка — на рисунок со вниманьем
Он смотрит. Да, хоть доля не легка,
Но истинное видно дарованье.

Для крепостного жизни путь закрыт...
Слезам, кровью ты, земля, умыта!
Душа народа выше туч парит —
Народа воля в кандалы забита!

---

¹ Очерк Глеба Успенского «Выпрямила!»

Слева направо: М. Ф. Рыльский, Н. С. Тихонов, П. У. Бровка

Но дружбу, и любовь, и теплый кров
В тот светлый год наш юноша встречает.
Уже его приветствует Брюллов,
Его, как сына, Щепкин обнимает.

Он пьет устами жадными, горя,
Из родника, где творчество так бурно, —
И поглотить вовеки Кобзаря
Не сможет пасть жестокого Сатурна! ¹

*23 июля 1956
Ленинград*

362. ЛЕНИНГРАДУ

К тебе, души моей отрада,
Всё вновь и вновь меня влечет.
В судьбу живую Ленинграда
Река истории течет.

Слепорожденный только может,
Тебя узнав, не полюбить
Твою Неву в гранитном ложе,
Огней береговую нить.

Тебя всегда я помнить буду:
Адмиралтейский острый шпиль,
И корабли, что отовсюду
К тебе плывут за сотни миль,

И говор улиц многооких,
Как неумолчный плеск воды,
И ратных подвигов высоких
Неизгладимые следы,

Людей, сроднившихся с тобою
В огне войны, в пылу работ, —

---

¹ Сатурн — бог времени у древних, пожиривший собственных детей.

Всё это будет жить со мною,
И всё меня переживет!

До боли в сердце мне запало
Среди прозрачной мглы ночей
В ультрамариновых каналах
Мерцанье зыбких фонарей.

27 июля 1956
Рига

363. ЧЕРЕМУХА ПОСЛЕ ДОЖДЯ

То было... Было всё и откатилось,
Как колесо, в глухую глубину;
Хоть я того мгновенья не верну,
Оно — одно — с годами не забылось.

Дорога. Утро. Тишь. Меж голых круч —
Сплошной овраг, черемухой залитый.
Гроза минула, — белы, духовиты,
Цветы все в каплях. Льются из-за туч

Лучи в голубоватых теплых блестках.
Здесь напоить из родника коней
Мы стали. Ярче капель и влажней
Блестят глаза у девочки-подростка.

Невидимые в чаще соловьи
Всю жажду страсти в звуках изливают, —
Казалось, рощи песни все свои,
Встречая солнце, сами запевают.

Позванивая ведрами, прошла
По кладкам статная молодка мимо.
Казалось, счастье расцветает зримо
В то утро на околице села.

Черемуха, разросшаяся густо!
Кипит безумством юности она...

О, почему нам воля не дана
Продлить навеки собственные чувства?

Вот так бы в сердце смертном закрепить
Желанья, юность, жар бессмертной силы,
Чтоб в сокровенных чувствах до могилы
С метелицей цветов остались жить

Те соловьи, девчурка и молодка,
Весна, рассвет, и ржанье, и вода,
И всё, что снится лишь во сне коротком
И, точно сон, уходит навсегда!

28 июля 1956
Рига

364. ТРЕТЬЕ ЦВЕТЕНИЕ

Так время осени садовник наш зовет,
Когда в заморский край собираются в отлет
Ватаги ласточек и аистов ленивых,
Когда копна к копне стоят на сжатых нивах
И льется звон косы среди густых отав,
Кузнечик на крючке, в притихший пруд упав,
К себе манит плотву и резвых красноперок.
Вот в эту тихую, задумчивую пору
Короны роз горят на солнце некупом,
Нам сердце радуя живым своим огнем,
И наш насытый взгляд в их чистых красках
тонет.
Мы там еще вчера лишь видели бутоны —
На этой ветке семь, там девять, там лишь
пять, —
А нынче — посмотри! — цветы цветут опять:
Там красные, а там — пунцовый, белый, алый,
И аромат плывет над ними небывалый.

(В Москве садовника-«розиста» я встречал,
О многих чудесах я от него узнал:
Он вывел новый сорт в работе кропотливой —
Был запах ландыша у розы той счастливой!)

Оглянешься вокруг — и сердце вдруг замрет...
А так как уж оно весны своей не ждет,
Изношено уже... Держи, мой друг, в секрете,
За что мы так с тобой цветенье любим третье!

5 августа 1956
Киев

365. ПИСЬМО ВАСИЛЬКУ

Бедный цветок, почему среди поля,
А не на клумбе в саду ты растешь?
И почему ты никак не поймешь,
Что хлеборобы клянут поневоле
Цвет твой, которым ты ярко цветешь?

Значит, дика твоя, друг мой, натура —
С нею не справилась наша культура,
Не покорила и садовник тебя,
Что дивоцветы выводит любя
И что людей удивляет повсюду
Цветом гибридов, похожих на чудо!

Ты для ученых людей и крестьян
Только ненужный и вредный бурьян.
Не потому ль на тебя с каждым годом
Люди идут беспощадным походом?..

Но как хорош ты, простой василек!
Ты украшаешь девичий веночек,
В книге, засушенный чьей-то рукою,
Как ты нам сердце волнуешь порою
Или, поставленный в светлый хрусталь,
Будишь нам радость в душе и печаль!
Так почему же ты, нежный, прекрасный,
Хлеб засоряешь, цветок мой несчастный?

13 августа 1956
Киев

366. ИВАНУ ФРАНКО

... До мет, що мчать по небосклоні...¹

И. Я. Франко

Мы, родной наш поэт, увидали,
В битвах, в стройке, сквозь пламя и дым,
Как приблизились звездные дали,
Что пророчил ты сердцем своим.

Силой, мыслью с преградами спора,
Чтоб сквозь горы и доли пройти,
Зажигали призывные зори
Наши братья и сестры в пути.

Стала плотью большая идея,
Стала делом большая любовь,
И бессмертный творец «Моисея»
Вдаль шагает с народами вновь.

Не сомнения и не тревогу,
А великие духом дела
К негасимому солнцу в дорогу
У поэта Отчизна взяла.

В твоё светлое слово мы верим,
Повторяем вослед за тобой:
*«Это спор наш последний! Со зверем
Человечество вышло на бой...»*

*22 августа 1956
Киев*

367. КОГДА КОПАЮТ КАРТОШКУ...

Когда копают картошку — стелется дым над землей,
Листья летят восковые роем цветных мотыльков,
Пахнет грибами и медом, влажностью пахнет такою,
Что, кроме слова «осень», иных не сыщете слов.

---

¹ К целям, мчащимся по небосклону. — *Ред.*

Когда копают картошку — давней знакомою речью
В край незнакомый и новый кличут стада журавлей;
Светлой тогда печалью сердце полно человечье,
Старости первым дыханьем — дыхание ветра слышней.

Когда копают картошку — песню заводят дивчата,
Озимы яркие иглы встают в сиянье зари,
Добрых гостей сзывает на взгорке белая хата,
В школу ребята приносят, в платки завернув, буквари.

Когда копают картошку — стынет в ручьях водица,
Ровно, покойно дышит усталая за год земля,
Время девчонкам и парням и ссориться и мириться,
Время свадебным скрипкам запеть, сердца веселя.

7 октября 1956
Краков

368. СОНЕТ

Суровый Дант не презирал сонета. . .

Александр Пушкин

Живі, грізні, огромні сонети. . .¹

Иван Франко

. . . сонети куці — нічому.²

Андрій Малышко

Мой дорогой Андрий, как просто в нашем деле
Единым росчерком смести на свалку лет
Петрарку, Пушкина, Мицкевича, — мол, свет
Забыл мечту, что в ритм стальной они одели!

Но, может быть, я вас не понял? Вы хотели
Сказать читателям: большого смысла нет
Нам возлагать свои надежды на сонет
Во дни, когда мы все стремимся к высшей цели.

---

¹ Живые, грозные, могучие сонеты. — *Ред.*

² Куцые сонеты — ни к чему. — *Ред.*

И с тем не соглашусь! Нагая простота,
Где пá вес золота слова в их строгой силе,
Гармония стиха и мысли чистота —

Взаправду классика, — и ей-то не должны ли
Мы благодарны быть? Бессмертна форма та,
Которую века в объятья заключили!

5 ноября 1956
Киев

869. БАБЬЕ ЛЕТО

Мечтам и годам нет возврата. . .

А. С. Пушкин

Во мгле осенней догорели,
Как будто свечи, дерева,
И с паутинками взлетели
Ткачи их, видные едва.

Погибнут многие в скитанье,
В дожде потонут ледяном, —
Летящие живые ткани
Застынут мертвым серебром.

Плывут безропотно, не зная,
Куда их и зачем влечет,
На всем безвольно повисая,
Что остановит их полет.

В днепровском холодке осеннем
Ни счета, ни конца нет им —
И вновь сердца мы сожаленьем
О всем несбывшемся томим.

Прозрачность осени начальной!
Напомнив о былой весне,
Такой охватишь ты печалью,
Что радости дороже мне.

Пускай сегодня уж не чаешь
Вернуть мечты минувших дней, —
Ты новые мечты рождаешь
Высокой горечью своей.

*Октябрь — ноябрь 1956
Киев*

370. АПОЛОГЕТАМ «НОВОГО ИСКУССТВА»

Достоин ли людского слова
Подонки, что с недавних пор
Хулит Матейку и Серова,
Готов их вымести, как сор?

Достоин ли упоминанья
Он, посягнувший без стыда
На те холсты, что словно знамя
Народной славы и труда?

Достоин ли — не уваженья,
Упоминания хотя б! —
Кто в дни всемирного движенья
Юлит пред долларом, как раб?

Достойны ли любви превратной
И даже места на стене
Все эти гнилостные пятна
На вашем мертвом полотне,

Весь этот хаос диких линий,
Который вы изобрели
И в суетной своей гордыне
«Искусством новым» нарекли?

Еще голубят вас гурманы,
Но вам самим — сомненья нет —
Придется, поздно или рано,
Суду народа дать ответ!

*12 декабря 1956
Киев*

371. ТРИ ДЕВУШКИ

Мороз и солнце — день чудесный.

А. С. Пушкин

Три девушки, студентки-агрономы,
Шли зимнею дорожкой лесной.
Как раз утих метели голос злой,
И лес внимал безветрию седому.

Одна сказала: «Ох, прелестно как!
Все веточки — серебряные стрелки!
Вон там, на ели, притаилась белка,
Вот легкий след: здесь пробежал русак!»

«И правда, весело, — другая продолжала, —
Хоть поздновато, а зима пришла!
На лыжи бы! Да держат нас дела,
А я бы класс высокий показала».

А третья шла, как в сон погружена,
Мечты ее куда-то уносили. . .
«Что видится тебе?» — ее спросили.
«Мороз и солнце!» — молвила она.

*13 декабря 1956
Киев*

372

Выхожу один я на дорогу. . .

М. Ю. Лермонтов

Не забуду вечер, серп двурогий,
Тоненький ледок и первый снег, —
Шел я в этот вечер по дороге
Будто в первый раз за весь мой век.

О, как звезды крупные сияли,
Синева хрусталилась везде!
Виделись неведомые дали
В каждой пролетающей звезде.

Так влекло меня бродить далече,
И сжималось сердце всё сильней,

Чуть от дома к дому в этот вечер
Брызнул свет задумчивых огней!

Радовался — а чему? — не знаю,
И грустил — о чем? — в тот самый час.
Различал по свисту уток стаю,
Ни для чьих не видимую глаз. -

Голоса девичьи доносились,
Хрупки, как ледок тот молодой.
Звезды в небе к полночи склонились,
Ну и я поворотил домой.

Встретила меня ты на пороге,
Чтоб слегка, известно, укорить...
Давнее — «Я занемог в дороге» —
Мне пришлось, понятно, повторить.

Весело дрова трещали в печке,
Пахло житным хлебом и теплом,
И свивались локоны в колечки
Над твоим разгладившимся лбом.

*6 февраля 1957
Москва*

373. СЕРСО

Немолоды, но так полны
Мы были счастьем прежним,
Как птицы снежной белизны
При половодье вешнем.

В плену родительских забот,
Серсо несли мы детям, —
Наш возраст был уже не тот,
Чтоб забавляться этим.

Мы в тишине хрустальной шли
По скверу пред закатом.
Каштаны белые цвели
С оттенком розоватым.

И потянуло нас с тобой
В детей вдруг превратиться:
Подброшен ловкою рукой,
Взмыл обруч в синь, как птица.

Ловя его, в пылу игры
Забыл я всё на свете. . .
Теперь и вовсе мы стары,
А всё еще как дети.

*8 февраля 1957
Москва*

**374—386. ИЗ ЦИКЛА
«КНИГА О ФРАНЦИИ»**

1

ФРАНЦУЗСКОМУ НАРОДУ

Из берегов ты часто выступал,
Как речка в дни весенней непогоды,
И жизнь до основанья потрясал,
И людям нес клокочущие воды.

И к знаменосцу вольности не раз
В борьбе стремилась всей душой Европа,
Твой ясный ум — блистательный алмаз —
Сверкал на гребне общего потопа.

Мы узнавали о тебе из книг,
Любой из нас себе мог выбрать брата
Среди сынов прославленных твоих,
Великих — от Гавроша до Марата.

Былое отступило навсегда!
Когда, казалось, не было спасенья,
Когда Петэн предал тебя, — тогда
Ты породил дитя: Сопротивленье.

Оно живет, и жить ему вовек
В Париже, и в Марселе, и в Лионе.
Твоя же совесть ходит не в короне,
И хартию ты держишь на ладони
С девизом: Труд, Свобода, Человек!

Май или июнь 1957
Киев

2

СЕРДЦЕ ШОПЕНА

Стоит в Варшаве церковь. Там стена
Скрывает человечества святыню —
Шопена сердце. Тишина полна
Бисньем сердца этого доньше.

Навеки нам остались, не на миг,
Узорные сплетенья нотных знаков...
Когда касался клавиш Фредерик,
То сам Мицкевич — сам Мицкевич плакал.

И если долг последний воздаем
Мы самым близким, милым, — неизменно
Нас осеняет траурным крылом,
Летя сквозь медь оркестра, марш Шопена.

В Париже, на Майорке голубой
Он жил одной великою мечтою,
И ветер Польши — пленной, но живой —
Взмывал над каждою его строкою.

Мазурки, полонезы... В них звучит
Народа голос, властный над творцами...
И из стены церковной говорит
Шопена сердце с нашими сердцами...

28 мая 1957
Париж

СОЛОВЬЯМ УКРАИНЫ

В разлуке с соловьями Украины
 Смешно, да сердце старое болит:
 С ним говорит, его зовет, манит,
 Как будто юность, край мой соловьиный.

Версаль и Лувр не могут не пленять!
 Как хороша французская столица!
 Оно, конечно, гостю не годится
 О Лохвице в Париже вспоминать,

Забудь о Миргороде и о Сквире,
 Лесной свой Голосеев позабудь, —
 В лесу Булонском сладко дышит грудь,
 Как рай и омут он известен в мире!

Здесь множество приветливых людей,
 Сады здесь удивительно густые,
 Но вербы не могу забыть родные —
 Их голоса в чужой стране слышной.

Мой край родимый, край мой соловьиный,
 Как взгляд ребенка, ты меня томишь,
 Как ни одно вино, меня пьянишь!
 По соловьям тоскую Украины!

*29 мая 1957
 Париж*

СНОВА О СОЛОВЬЯХ

Лаванду возле Арля видел я,
 Я высушенные видел там маслины, —
 Мороз и эти посетил края.
 И вдруг раздался голос соловьиный,

И сердце востепенулось! И кругом
 Всё засияло — близко и знакомо!
 Садовника передо мною дом,
 И черноривцы-бархатцы у дома.

Париж раскрыли верно, без обмана
Тома Гюго, Бальзака, Мопассана,
За это им смиренно быю челом, —
Ведь с давних дней мне город их знаком.

Да... Не в тумане мысленного зора
Я видел стены древнего собора,
На башни глядя, окна и портал,
Средневековья ночь я наблюдал.

О чем молчат в тених иссиня-сизых
Химеры эти на крутых карнизах,
Зачем, потупив свой угрюмый взгляд,
Они на площадь Гревскую глядят?

Собор! Сквозь волны грохота и пыли
Перед тобой снуют автомобили,
А ты стоишь, — но революций гром
Лежит, как отблеск, на челе твоём... ♪

14 июня 1957
Киев

7

АРЛЕЗИАНКИ

Венки, лампадки, пахнет тленьем... ♪
И только этот милый взор
Глядит с веселым изумленьем
На этот погребальный вздор.

И. А. Бунин

Арлезианки — в фарандоле¹
За монастырскою стеной,
Где саркофаги поневоле
Забывтой стынут стариной.

Молчат под солнцем, под ветрами,
Как не подумать тут, что им

---

¹ В Арле (Провансе), в монастырском дворе, где стоят саркофаги еще времен римского владычества, я видел девушек-арлезианок, они исполняли провансальский танец — фарандолу.

В пыли, оставленной веками,
Доныне снится пышный Рим!

Вдруг танца дивное плетенье
Под тамбури, в извивах лент...
Девичий стан — и погребенье,
Краса — и склеп, цветок — и тлен!

Плывут в чудесном колыханье,
Сзывают к пляске всех людей —
Невинно-белые созданья
С огнями черными очей.

Но вот свирели, тамбурины
Меняют свой глухой мотив:
С серпом девчонка в пляс старинный
Идет, венчая праздник нив.

Забутым пусть забвенье снится,
Пусть мертвецы лежат в гробах, —
Победной жизни колесница
Плывет, как солнце в небесах...

*23 июня 1957
Киев*

8

АВИНЬОНСКИЕ КОЛОКОЛА

Сплошным трезвоном богомольным
Ты, Авиньон, меня встречал...
Недаром градом колокольным
Еще Рабле тебя назвал.

Твой перезвон прославить бога
Зовет обманутых людей:
Колоколов старинных много
В особый ты собрал музей.

И живы в медном этом пенье
Преданья давние земли...

В былые годы в заточенье
Здесь пап держали короли.

Готов я слушать перезвоны,
Хоть божьей веры в сердце нет;
Я здесь, на побережье Роны,
Как старый юноша влюбленный,
Шлю Авиньону свой привет.

29 июля 1957
Москва

9

РОНЕ

Рона, зеленая Рона
Под Авиньоном седым!
Церковные перезвоны
Над побережьем твоим.
Утром, в тумане тая,
Звон проплывает, как сон,
Словно мечта изжитая
Давно минувших времен.

Рона, лазурная Рона,
Я как бы вновь расту,
Видя пары влюбленных
Там, на твоём мосту...
Что создали люди, в грудь
Руин обратила ты
С бурной завистью к чуду
Невиданной красоты.¹

Рона, серебристая Рона,
Глядя на поплавки,
Сидят у твоих затонов
Мечтатели рыбаки.

---

¹ От старого Авиньонского моста, построенного в 1188 году, осталась только часть: его разрушила Рона (1669).

Пусть люди вернуться эти
С уловом чудесным в дома,
Пускай проживут на свете
Счастливо, как ты сама!

26 июня 1957
Киев

10

АДРИАТИКА

Воспоминание

Давно знаком я с морем темным,
Что льнет к подножью крымских скал;
Хотя оно зовется Черным,
Но Синим я б его назвал.

Был день сырой — он будто таял
На мгlistом диком берегу,
Утиная летела стая
На грозный Каспий под Баку.

И, словно в зеркале, в просторе,
По глади ясно-золотой,
В Азовском отражаясь море,
Шли тучки легкою грядой.

Я видел вал тот сивогривый,
Что моет Латвии предел,
Я в воду Финского залива,
Как в сталь бурливую, глядел.

Бродил над Средиземным морем
Я в дальнем солнечном краю...
Они моим владели взором
И душу тешили мою.

Но вечный луч воспоминанья
Мне жизнь под вечер озарил:
Блеск Адриатики, сверканье
В лазури ласковой ветрил.

Чтоб шла простором дружбы трасса,
Неси сквозь голубой туман
Ты к берегам Торквато Тассо
Челны твоих гостей-славян!

Чаруй сердца, в глаза свети нам!
Когда мы их раскроем вновь,
Пусть горят соцветьем дивным
Народов дружба и любовь!

23 июня 1957
Киев

II

ГОРОД РЕВОЛЮЦІЙ

И подвиг, и грусть, и утрата,
И Сена, как вечность, нова.
Здесь будто поныне Марата
Звучат громовые слова.

И толпы свой шум раскатили,
Как шум Средиземной воды,
Чтоб не было в мире Бастилий,
Чтоб сгнули рабства следы.

Колышутся синие блузы,
И пуль учащается град,
Бессмертная жизнь к Делеклюзу
Приходит в огне баррикад.

Парижские дни огневые
Сверкают, как в горне металл:
Здесь Энгельса руку впервые
Карл Маркс гениальный пожал.

Париж! Ты вдохнул в поколения
Огонь титанических сил,
Знаменами Сопротивленья
Кварталы свои осенил!

7 июля 1957
Киев

МОНМАРТР

В харчевне, нарочито старомодной,
 Где ветхое оружие и рисунки
 На темных стенах нас перенести
 В прошедшее стараются упорно,
 Где в желтых кружках подают вино
 И на тарелках — рыбу и креветок,
 Сидели мы в компании французов,
 Что после первой чарки стали петь,
 Ну точно так, как наши украинцы.¹
 На край стола мне кто-то показал
 И произнес значительно и важно:
 «На этом самом месте в дни Коммуны
 Речь произнес известный Клемансо».

«Тигр Клемансо!» Тогда он был не тигром,
 Лисицей хитрой: примирить хотел
 Монмартр с Версалем — жар огня и льдину,
 Честь и бесчестье, жертв и палачей. . .
 Но бог с ним, с этим тигром Клемансо!
 Ведь это здесь, на взгорье невысоком,
 Поставили орудья коммунары,
 Которые за правду трудовую
 И за отчизну вышли в смертный бой. . .
 Да, в самом деле стерегла их смерть!

Сквозь горький дым и ресторанный шум
 Я вижу их — и ни козел над входом,²
 Ни выставка рисунков, где пред нами
 В причудливом соседстве балерина
 С мадонною, — ничто не затемнит
 Их образов в сиянии терновом.

22 июля 1957

Киев

---

¹ А. Довженко говорил, что один украинец — это соло, два — хор, а три — это уже капелла.

² Над входом в ресторан прибита голова козла.

П А Р И Ж У И З К И Е В А

Снова Киев за туманом
 Сиим — будто отчий дым...
 Я прошу Париж: платанам
 Передай поклон своим.

Санкюлоты их сажали
 В год неповторимый тот,
 Что записан на скрижали:
 Девяносто третий год.

Головь́ король лишился,¹
 А платан живет в веках,
 И садовник утвердился
 В человеческих сердцах.

Всё прекрасное не тлеет,
 Та великая пора
 Нашей памятью владеет,
 Как электроток с Днепра.

Те старинные платаны
 Навсегда в душе у нас,
 Как березы Левитана,
 Как твои дубы, Тарас.

*19 июля 1957
 Киев*

387. САДЫ БОЛГАРИИ

Сады Болгарии — не только цвет,
 Не только плод, а след бессмертных лет,
 След, тяжкою проложенный борьбою,
 В какой растут отважные герои.

---

¹ Король Людовик XVI гильотинирован в 1793 г.

Сады Болгарии — не только труд,
А вольный люд, что вырвался из пут,
То славный Плевен, Шипки высь святая,
Славянской дружбы память золотая.

Сады Болгарии — то гневный зов
Болгарских и советских удалцов,
То светлый день расплаты и отмщенья,
Сентябрьский светлый День Освобожденья.

Так пусть цветут Болгарии сады,
И пусть волнами солнечной воды
Жизнь наших братьев катится отныне
В горах Родопов, в Розовой Долине!

1957

388. ГРУЗИЯ

О долах голубо-тенистых,
О горных ледниках вдали,
О косах девичьих смолистых,
О винах — радости земли,

О храмах, что под облаками
Несут из древности привет,
Где камень, дышащий веками,
Глядит на юность наших лет,

О Руставели, о тягучем
Зазывном отзвуке зурны,
О винограднике на круче,
Как роспись замковой стены,

Товарищи мои писали —
Товарищ Лермонтов среди них —
И путь-дорогу протоптали
Для всех наследников своих.

Затем и не спешу заране
Сказать о чем-то новом я,
Но сердцем рад, что Чиковани
И Леонидзе мне друзья,

Что не в потемках тесной сакли —
В Крыму, немало лет назад,
В ту пору молодой Ираклий¹
Стихи читал мне наугад,

Что в дни, когда траву косили
В родной днепровской стороне,
Мой друг Сандро Шаншиашвили
Пожал по-братски руку мне,

Что, не пугаясь разворота
И трепета орлиных крыл,
Грузинской старины красоты
Мне Гамсахурдия открыл,

Что поздней ночью в ресторане,
Где о любви смычок мечтал,
Я с патриархом Дадиани
О Заньковецкой вспоминал.

*29 марта 1958
Москва*

389. ПАРТИИ

Родная Партия великого народа,
Ты — знамя всех свобод в его стальных руках!
Ты — яркая звезда в боях его, в трудах,
Ты — солнце, что несет нам ясную погоду.

Тот светоч, что зажжен нам ленинской рукой
В глухой, недвижной тьме империи Российской,
Нам освещает путь в походе к цели близкой,
Трудящихся людей сплотил в единый строй.

Когда захватчики грозою налетали,
Огонь и смерть неся, и гибель для страны, —
Твои лишь, Партия, бесстрашные сыны
Одушевляли нас, на подвиг подымали.

---

¹ Ираклий Абашидзе.

В дни мира строим мы каналы и мосты,
Растим хлеба в полях и создаем заводы.
И планы и размах твой шире год от года,
На новые дела нас вдохновляешь ты.

Ты — в каждом колосе на общих наших нивах,
Ты — в шахтах, что несут нам солнце на-гора,
Ты — в шелесте садов и в гомоне Днепра,
Ты — нежность радуги в глазах детей счастливых.

Ты — верный наш маяк! С пути нас не свернуть!
Ты — наш великий вождь на суше и на море,
Ты — вдохновенье книг, полей, лабораторий...
Веди нас, Партия! Твой путь —
победный путь!

8 июня 1958

390—391. НА БРАТСКОЙ ЗЕМЛЕ

1

БЕЛОРУССКИМ ДРУЗЬЯМ

Для вас — над плёсом, на откосе,
Любуясь блесками струи
И в воду удочки забросив,
Задумал я стихи свои.

Как хорошо, что плещет Нарочь,
Что Днепр звенит среди полей,
Что слово милое «товарищ»
Нам с каждым разом всё милей!

И солнца свет, и дождь, и грозы,
Народ приветливый вокруг,
И над ручьем густые лозы,
И в синей дымке дальний луг,

И перезвон высоких сосен,
И радость голубого дня,
И небо — словно сняли с кросен
Шелка тончайшего тканья,

Рыбачья снасть на побережье,
И стан звонкие скворцов,
И в сердце память Беловежи,
Как вековой напев лесов. . .

Так славься ж в слове украинском,
Край гнездованья журавлей,
Краса его столицы — Минска —
И дружба честная людей!

22 июня 1958
Берег озера Нарочь (Молодечненская область)

2

ЯКУБ КОЛАС

С ним мало встреч могу я привести,
Но отношу их к памятейшим датам.
Он другом был и верным и завзятым
Тычины, Чиковани, Лахути.

И добродушен, и суров почти
Скупым в словах, а в помыслах богатым
Он был. Меня назвал он как-то братом,
И это слово — как звезда в пути.

В последний раз к нему пришел я на́ дом,
Чтоб старика обнять. «В село, что рядом,
Он выбрался сегодня по грибы», —

Его невестка весело сказала. . .
А дома злая весть меня догнала:
Почил поэт народа и борьбы.¹

8 июля 1958
Киев

---

¹ Якуб Колас страстно любил собирать грибы и охотно угощал гостей грибами собственного сбора.

В последние годы жизни он тяжело болел, что особенно отразилось на его ногах, — он с трудом ходил. Когда мне во время последнего посещения его дома в Минске сказали, что поэт после продолжительного лечения в одном из известных санаториев почувствовал себя лучше и поехал даже по грибы, я очень этому обрадовался. Тем больнее было мне услышать, воротясь в Киев, о его смерти.

В конце июля — начале августа 1958 года автору довелось принять участие в 47-й сессии Межпарламентского союза в Рио-де-Жанейро. Как итог пребывания в столице Бразилии и появился этот цикл стихов.

1

Крик незнакомых желтых птиц,
Дыханье океана, —
Далёко от родных границ
Всё прозрачно и странно:

Немыслимые краски дня,
В извивах тротуары,
И грифы¹ вместо воронья —
На свалках санитары,

Ночные молнии реклам,
Скольжение лимузинов,
Улыбки темнокожих дам,
И дым, и дух бензина,

Зимы тропической тепло,
И пальмы, и лианы,
Гранит, песок, бетон, стекло,
Христос² и тень сутаны,

Лохмотья страшной нищеты,
Пропахшей терпким потом,
И красноречье немоты
В кафе за табльдотом. . .

Но молодежь везде одна,
Я это знаю твердо:
Значки «За мир» на грудь она
Прикалывает гордо!

23 июля 1958

¹ Южноамериканские грифы — урубубу.

² На горе, возвышающейся над Рио-де-Жанейро, стоит огромная статуя Христа.

Землисто-темный, одинокий,
 В лохмотьях, в пестроте заплат,
 Нам, прилетевшим издалека,
 Ты улыбаешься, мулат.

Приплелся в Рио-де-Жанейро
 Изголодавшийся батрак,
 Чтоб выстрадать свое крузейро¹
 И подкрепиться кое-как.

Усталый человек с лопатой,
 О чем ты думаешь, мулат?
 . . . Я знаю, из-под шляпы мятой
 Здесь на меня глядит мой брат.

23 июля 1958

1 дебрь-пустыня неполита.²

Т. Г. Шевченко

Я сам себе приснился в чаще,
 Где звук безмолвия немей,
 В глуши, таинственно звучащей,
 Я шел под лязг гремучих змей.

Как ни теснила сердце мука,
 Я шел, не отступая вспять,
 Чтоб сок молочный каучука
 У дерева немного взять.

Кофейные собирал я зерна,
 Леса сжигал, губил людей,
 Перехитрить судьбу упорно
 Хотел я твердостью своей,

¹ Крузейро — денежная единица в Бразилии.

² И дебрь-пустыня не политая. — *Ред.*

Изнемогал от ран в кочевьях,
Глотал воды болотной муть,
Зарубки делал на деревьях,
Бесстрашный отмечая путь,

Спал в шалашах и спозаранок
Меж буйных трав я там вставал,
Где острогрудых негритянок
Плантатор белый растлевал.

23 июля 1958

4

В густой и ровной темноте чужбинной
Проснулся я — что это? Вот опять. . .
Мой край? Мое село? Крик петушинный!
Нет, жизнь еще умеет удивлять!

Я вспомнил юность: в полумраке сонном
На огородах по пояс роса,
Я на охоту вместе с Родионом
Иду и слышу те же голоса. . .

Здесь всё иное: город, рынок, дети
И птицы «не из нашего села»,¹
А петуха — часы живые эти —
Какая сила в Рио занесла?

Про то ученым думалось немало:
Откуда куры здесь и сколько их. . .
Но так тепло-тепло на сердце стало
От этих звуков здесь, в краях чужих!

24 июля 1958

---

¹ Батрак Микола в «Наталке-Полтавке» говорит про Петра: «Это не из нашего села и вовсе мне не знакомый».

У нас на огородах всё укропом
 Сейчас пропахло; конопляный дух
 Туманит даже голову. Вокруг
 Сады зеленым разлились потоком.

Лимонка вызревает и налив,
 И радугой роса горит в отаве,
 И голоса девичьи, землю славя,
 Летят, как чайки, над волнами нив.

Там неумолчно тракторы стрекочут,
 Как мощные кузнечики; на ток
 Течет пшеницы праздничный поток;
 Закат алеет, ясный день пророча.

А в Рио всё — экзотика для нас.
 Мы в Ботаническом саду, где пальмы
 Стоят, качаясь в ритме музыкальном,
 В извечных чашах,¹ радующих глаз.

Гнездятся сапрофиты, эпифиты,²
 Как некие химеры, средь ветвей;
 Здесь пиршество хмельное орхидей,
 Азалии пышны и глянцевиты.

В саду полно тропических чудес,
 А гевея³ не блещет красотой,
 Но струйкой брызнет молоко густое,
 Лишь стоит сделать на коре надрез.

Потоки каучукового сока
 Влекли людей. Веками шла война.
 Ее вели народы, племена,
 Сжигаемые жаждою жестокой.

¹ Часть Ботанического сада в Рио-де-Жанейро представляет собою девственный лес.

² Растительные организмы, живущие на деревьях, но питающиеся не их соками, а соками среды, в которой эти деревья растут.

³ Гевея (*Hevea brasiliensis*) — основное каучуконосное дерево Бразилии.

Тут гевея была в большой цене,
Добыча золотым считалась кладом, —
И, топоры свои роняя рядом,
Легло людей немало в той войне.

Сок дерева. . . Людская кровь. . . Пути
Голодных, что искали Эльдорадо. . .
Понятно всё. Но для меня отрада —
К родным березам поскорей уйти!

25 июля 1958

6

О демократии своей немало
Болтают на трибуне мировой:
Мол, если человечество отстало,
Прийти к нему на помощь — долг святой,
Вложив умно частицу капитала, —
Есть риск и выгода в заботе той.
В речах и бог, и «призрак коммунизма», —
Во всем тончайший аромат цинизма.

По виду люди, в черных пиджаках
Иль смокингах — сошли с полос газеты,
Обыкновенные у них в зубах
Дымят всю сигары, сигареты. . .
Но что война! Страшнее кризис, крах,
Кошмар — паденье ценности монеты!
А впрочем, тут сомненья не нужны —
Все, все они за мир, против войны.

Все жаждут миру послужить,
Все так добры, гуманны —
Ну впору к ране приложить
(Будь панцирь сверху раны!).

Свобода слова здесь кругом,
Как розы вокруг веранды!
(Коммунистической притом
Боятся пропаганды.)

И малой нации любой
Пускай цветут соцветья!
(Но как без нефти даровой
«Великим» жить на свете?!)

Всех прав, статутов знатоки,
Эстеты этикета. . .
Ах, смокинги и пиджаки,
Темна от вас планета!

28 июля 1958

7

Кому повем печаль мою
В чужом, неведомом краю,
В чужом аду, в чужом раю,
В шальной и жаркой суете,
В заокеанской тесноте,
На незнакомой широте?

Кому повем мою печаль
Средь небоскребов, хижин, пальм,
Где, как ирония сама,
Речей напыщенных тома,
Слова бесстыжие газет:
«Дискриминации здесь нет!»¹

Печаль мою повем кому?
Кому? Прикованным к ярму,
Кого и в полдень и в ночь
Терзают голода бичи,
Кто через топи стелет гать,
Чтоб там от оспы помирать,

---

¹ О равноправии наций говорили на 47-й конференции Межпарламентского союза люди, которым лучше было бы об этом не говорить. В Бразилии, где основу населения составляют португальцы, индейцы и негры в разных сочетаниях, нет расовой дискриминации. Однако у нас сложилось впечатление, что и тут «черную работу делают черные, а белую — белые». Что касается социальных контрастов, то в Бразилии — они разительны.

Чтоб в малярном том чаду
Увидеть счастье лишь в бреду,
Кому кофейный аромат
Напоминает знойный ад,
Кто тянет невод, месит ил —
И наземь падает без сил. . .
Лишь им повем в чужом краю
Мой жгучий гнев, печаль мою!

28 июля 1958

8

Как груша дикая среди жита
Близ украинского села,
Тут пальма — от лучей защита —
Над полем крону подняла.

Шумят деревья вдоль канала,
Как наши вербы над прудом.
Рука иная их сажала
В иной земле, в краю ином!

Вот рыболовы над рекою —
Затеешь с ними разговор,
И щукой удивят такую,
Какой не знал до этих пор!

Но речь не та, не те пейзажи,
Не та вода и рыба в ней. . .
Но к рыбной ловле страсть всё та же,
Улыбка та же у людей!

28 июля 1958

9

Смуглянка мать с детшками двумя:
Младенец черный и младенец белый.
Живет, за жизнь цепляется семья.
Существованье — хитрое ли дело?

М. Ф. Рыльский с внуком Андреем на охоте

У женщины в глазах ночная мгла —
Печальны очи бархатные эти! . .
Мария одного лишь родила,
И то как тяжко ей жилось на свете!¹

28 июля 1958

10

Вчера я видел в небе Южный Крест —
У нас не видно этого созвездья —
И, странно, ничего не ощутил.
Пошли астрономические споры
С участием моим весьма пассивным
(Хоть про Галактику пробормотал
Я что-то глухо) — только сердце сжалось
При мысли об огромном расстоянии,
Что мы так запросто перемахнули. . .
Припомнилось, что мой отец, когда
К Юркевичу в Кривое в гости ездил
Всего-то лишь за двадцать километров,
Иль верст, — обычно делал передышку
В деревне Белки, в хате корчмаря.
Передохнуть ведь надобно коням,
А путникам по доброй чарке выпить
И шукой закусить. Как мастерски
Готовила хозяйюшка там шуку!

А вдруг молоденькая стюардесса,
Что в самолете угощала нас
Любезно сандвичами и портвейном
(Входило это в плату за билет,
Как всякое обслуживанье в целом,
Как даже и улыбка стюардессы),
А вдруг девчурка — правнучка, ну, скажем,
Того седого Юдки-корчмаря?
Не так оно, ей-богу, невозможно!²
Над океаном передышки нет,

---

¹ Беру мотив из евангельской легенды.

² На пути в Бразилию и в самой Бразилии я еще раз убедился, что люди из наших краев раскиданы по всему свету.

И океана самого не видно
С огромной высоты, лишь горы туч,
То снеговых, то голубых, то серых,
И вообще — лети себе, лети,
Пока не вспыхнут огненные буквы:
«Курить запрещено» и «Привяжись», —
Предупреждая нас о приземленье.

Отец мой даже слов таких не знал,
Как «стюардесса», а дорога наша
Ему вовек во сне бы не приснилась,
Хоть Жюля Верна, знаю, он читал.
Но не об этом речь моя идет.
На тот далекий Южный Крест смотрел я,
На воду, на поток ночных авто,
Летящий бурею вдоль побережья,
И думал я: хотя далёко, правда,
Мой край родной, родные сердцу люди,
И дети, и привычная работа,
И сад, который я с женой сажал,
А всё же это на одной планете!
Иметь бы только голос — долетел бы
Он до Романовки, Кривого, Белок. . .
Да! Все живем мы на одной земле!

31 июля 1958

II

Благословен придумавший маяк —
Луч, вспыхивающий для тех, кто в море,
Мерцание надежды, веры знак,
Бессмертный вызов бурям на просторе!

От ласкового света маяка
В час шторма, в угрожающем тумане,
Упрямо крепнет кормчего рука,
Становится короче расстоянье.

Огонь пророчит, что невдалеке
Единство всех людей, хоть ночью скрыто,
И подвиг сторожа на маяке
Достоин песни, кисти и гранита.

Герои не смогли бы никогда
Даль сократить, моря смирить сурово,
Когда б не эта светлая звезда —
Подобие рассвета мирового!

3 августа 1958

403. РОДНАЯ РЕЧЬ

Как отзвук прожитых веков,
Как бурь дыханье — речь родная,
Вишневых нежность лепестков,
Труба походов заревая,
Песнь воли, стон в тисках оков,
Основа мышленья живая.

Орава царских палачей,
Холопов, ищущих удачи,
Пыталась с помощью бичей
Надеть ярмо на дух горячий
И ослепить ее, чтоб ей
Стоять на торжище незрячей.

Хотели вырвать твой язык!
Тебя калеча и пытая,
Топтали под злорадный крик
И, в тюрьмы, точно хлам, кидая,
Твой изувечить светлый лик
Враги пытались, мать родная.

Ты вся изрублена была,
Как Федор, тот казак безродный,¹
И еле крылья волокла
Под грохот маршей, но народный
Свой дух — и гордый и свободный, —
Как семя правды, берегла.

И злак — ценнее всех сокровищ —
На ниве жизни созревал,

---

¹ Казачья дума «Про Федора безродного, бездольного».

И Пушкина наш Максимович
Родными песнями ссужал,
И где шутил Иван Петрович —
Тарас Григорьич обличал.

И рядом с барской жизнью вздорной
Мужицкий гнев волна несла,
И Добролюбов непокорный
Боролся словом против зла.
Не в зале сумрачной игорной
Душа крылатая жила,

А там, где людям пот священный
В работе орошал чело,
Где ветви мысли дерзновенной
Цвели шальным ветрам назло, —
Язык огня рвался из плена,
И песен пламя там росло.

И вот, в том месяце великом,
Который землю обновил
И, мир потрясши львиным рыком,
Путь к счастью людям осветил, —
Свободу всем земным языкам
Бессмертный Ленин возвестил.

И мы живем не по старинке,
Теперь мы все — одна река,
И слово Леси Украинки,
И слово вещего Франка
Нам предрекли не поединки,
А дружбу наций на вска.

Мужай и ширься, речь родная,
В семье всех братских языков,
Звучи, свободная, живая,
Народной музыкою слов,
Как мир, как счастье, расцветая
Над прахом сброшенных оков!

1 декабря 1958

404. ПОЛЬШЕ

Песнь живет, забвенье поборовши.
Вспоминаю пение «Мазовше» —
Чистый голос польского села,
Где заря в полнеба свет зажгла,
Где весной сияют, как на плёсе,
Образы Тадеуша и Зоси,
Где мазурки страстной гордый звук
Сердце напрягает, точно лук.

Тучки плыли медленно, как павы,
Над камнями древними Варшавы,
Что, преодолев и прах и тлен,
Славится величьем новых стен,
Где высокой чести удостоен
С польским воином советский воин,
Где уверенно на новый труд
Новые стронтели идут.

Там, всегда горящего как рана,
Тувима узнал я Юлиана,
Там стихи, в волнении привстав,
Мне читал Броневский Владислав,
Там бродил я, погруженный в думы,
Вслушиваясь в уличные шумы,
Там, как гимн старинный, полный сил,
Я «Kochałmu się» провозгласил.¹

В Кракове, властительном доселе,
Я смотрел Выспанского «Wesele»,
И Вернигоры² певучий рог
Я навеки в памяти сберег,
А при входе в копи соляные
Слышал я любви слова родные,

---

¹ «Kochałmu się» — «Возлюбим друг друга» — возглас на старопольских пирах. Он стал заглавием последней книги «Пана Тадеуша» Мицкевича.

² «Wesele» — «Свадьба» — драма Станислава Выспанского. Вернигора — один из персонажей драмы, легендарный бессмертный дед-лирик, «пророк». Его золотой рог — символ восстания за независимость Польши.

Здесь портретом Ленина всех нас
Взволновал рабочий и потряс.

Светел день. У нас пути едины.
Слушай этот голос с Украины,
Друг наш Польша! Будешь в счастье жить:
Строить, сеять, новое творить,
Будет дом твой, чистый и богатый,
В изобилие песен, книг и статуй. . .
Пусть твой новый день тебе несет
Радость бытия, любовь, почт!

1958

405. ОГНИ

Андрею Малышко

Как хорошо, когда горит огонь,
Маня теплом и ласкою привета, —
Там друга ждет горячая ладонь,
Там потечет спокойная беседа!

Он греет сердце радостным теплом
И мысли будит красотой извечной.
За стих, за огонек в окне моем
Я Вас, Андрий, благодарю сердечно.

Вы вспомнили о тех, кого уж нет,
Кто, к горести большой, давно не с нами,
И песня Ваша, словно маков цвет,
Их увенчала добрыми словами.

Пускай живет всегда в сердцах людских
Амвросий Бучма, наш орел в полете,
Что был живее всех среди живых —
На сцене, в дружбе, в поле на охоте!

Пусть в памяти останутся людской
Певучий Шпорта с добрыми глазами,

Яновский — будто буря молодой
И Копыленко, чья душа — как пламя.

Не избежать тяжелых нам утрат,
Порою сердце горестно стеснится, —
Но мы живем семьей, как с братом брат,
Водой нас не разлить, как говорится!

Когда вечерний наплывет туман,
Как хорошо у берега речного
С Нагнибедой налаживать таган
Для юшки жирной, своего улова;

Когда костер уже начнет пылать
И звезды засияют с небосклона,
Платона Майбороду вдруг обнять,
Обнять сердечно Воронька Платона!

Как молодо шумит, всю искрясь,
Под берестом иль дубом вековечным,
Снянем ярким озаряя нас,
Огонь рыбачий и огонь сердечный!

И не одно нам светится окно!
И в этом радость и моя и Ваша. . .
Вот, скажем, свет, что засветил давно
Нам в Ленинграде друг — Прокофьев Саша!

Не раз мы слушали при свете том
Те ладожские песни-переборы,
Что серебристым чистым говорком
Плясать заставили б леса и горы.

Нас голос дружбы звал издалека
К родному Бровке с песней соколиной,
И огонек в окошке Маршака,
И Тихонова свет гостеприимный.

Зовут огни нас сквозь дороги пыль,
О, сколько их в чудесном нашем мире —

И там, где наш спокойный Янка Брыль,
И там, где пылкий наш Зарьян Наири.

В простые голубые вечера,
Когда сады в торжественном тумане,
Сияет нам мингрельская заря,
Воспетая стихами Чиковани.

Но всё ж не только света, что в окне
У этого или того поэта!
Огни сияют в каждой стороне,
Такая нам досталась планета!

Близ Вишицы бродили как-то мы —
Вы помните? — далекими путями.
С какими там встречались мы людьми,
Со свекловодами и лесниками!

Вы помните глухое озерцо
В Сосёнках, где чудесная долина?
Там коропа при нас поймал хлопчина, —
Его навек запомнил я лицо!

Шагал он, улыбаясь всю дорогу,
А мать его встречала у окна.
От гордости вся вспыхнула она:
«Яке малé! Погляньте лиш на нього!»¹

Ему, я помню, подарили Вы
«Сатурн»² зеленый с «верными» крючками.
А коропа поймал он рядом с нами
При помощи такой, как он, «братвы». . .

Он в памяти сберег, должно быть, свято
Тот чудный день, хотя прошли года!
Пусть счастлив будет он везде, всегда
(Простите мне, что рифма небогата!).

---

¹ Какой маленький! Посмотрите только на него! — *Ред.*

² «Сатурн» — название рыбачьей, особого изготовления лески.

Меня рассказ Ваш часто волновал
И согревал теплом сердечным душу, —
Как вы запели с неграми «Катюшу»,
Что друг наш Исаковский написал.

Я Вам вот эти строки посвящаю,
В честь славной дружбы вылились они!
Жму руку Вам, сердечно обнимаю. . .
Как славно, что на свете есть огни!

*9 мая 1959 года — в тот день,
когда я слушал в лесу кукушку,
и — впервые этой весной — горлицу
и соловья.*

406. ЖУРАВЛИНАЯ СТАЯ

(Из дневника рыболова)

Мы у воды поставили шатер
Округлый, островерхий, желтобокий, —
Такие половецкая орда
В степи бескрайной ставила когда-то
И наши предки — с чубами, с усами
Лихие запорожцы-молодцы,
Воспетые Шевченком (он писал,
Что море синее славян любило,
Вершить походы помогало им
На Крым и на Царьград — таких походов
Не много сможешь в прошлом отыскать. . .),
Раскинули бивак мы у Днепра
Не по-казацки ежели, то всё же
Хоть по-рыбачьи. Правда, незаконно
Расположились рядом таганец
И примус. И корабль у нас — не чайка
И не байдак, а нечто поновее —
Моторка. . . в арханческом, однако,
Расстройстве, до какого довели
Ее парняги наши, мотористы,
Философы, почти что Куприяны.
Ведь не уступит русскому «авось»

Присловье «над соломою цехмистра»,
Внушительное: «Якость то будё!»

«Авось» был Пушкиным еще осмеян,¹
И Куприяны тоже с давних пор
Живут лишь в песне (положил ее
На ноты Лысенко). А в песне той
Поется, как однажды собрались
Компанией веселой мастера —
Давно то было! Мастера тогда
В цеха объединялись — мы теперь
И назвали б их, пожалуй, профсоюзом.
(Сравнение условно, конечно,
Прошу историков меня простить!)
Там были — песня молвит — кузнецы,
Сапожники, портные, музыканты
И виновары, да и пивовары.
Компания (так песня говорит)
Была хоть небольшая, да честная.
Командовал пирушкой мастеров
Премудрый Куприян — его прозвали
«Цехмистер над соломою». Пировали,
Хмельное попивали, веселились,
И вдруг кричат: «Беда! Жена идет!» —
Тут драматизм событий нарастает:
Один зовет спастись, тот — признаться,
Тот шепчет: «Братцы, тихо, не шумите!»,
А тот: «Ой, братцы, худо будет, худо!»
И лишь философ Куприян изрек

---

¹ В отрывках из X главы «Евгения Онегина», дошедших до нас, есть такие строки:

Авось, о Шиболет народный,
Тебе б я оду посвятил,
Но стихоплет великородный
Меня уже предупредил.

Шиболет — по-древнееврейски — колос. По этому слову, — гласит библейское предание, — воины еврейских племен во время сражений узнавали друг друга.

«Стихоплет великородный» — автор стихотворения «Авось», князь И. М. Долгорукий.

Спокойное, торжественное слово,
Всех успокоив: «Якось то будé!»

Сей афоризм цехмистра Куприяна,
Казалось бы, давно пора в архив
Отправить нам — и нá тебе! Порою
Он снова вдруг прорежется у нас
Во вред хорошему, бесспорно, делу.
Ну, словом, нечего греха таить:
Вот эти наши хлопцы-молодцы,
На каравелле нашей капитаны,
И лоцманы, и боцманы, и прочий
В двух лицах воплощенный экипаж —
Шоферы, что вдруг стали речниками,
Частицу Куприяна сохраняя,
Всё ж на «авось» привыкли полагаться...
Но помолчим! Пусть «винт» у них «летел»,
И рвался трос, и прочее такое
Досадное случалось по дороге,
Но мы доехали, — и у воды
Стоит шатер, каким рассказ я начал.
Мы окуней ловили на живца
В Протоке Волчьей — так рукав зовется,
Где щука хищная и шереспёры
Вдоль отмели мальков искристых гонят,
Могучими ударами своими
Сердца рыбацьи теша и страха.
Проворные стрижи вились над нами,
Из норок вылетая земляных,
Обильно испещривших надбережье —
Крутой, высокий глинистый обрыв.
Крикливые шарахались «мартыны»,
И кулики посвистывали звонко,
Гуляя по прибрежному песку.
А по Днепру скользили пароходы —
И пассажирские, с веселой песней,
С чужими, но родными нам людьми,
И грузовые — право, работяги:
Они нередко поражали нас
Упрямой, крепкой силою своею, —
То уголь и дрова они несли
По желтой, взбаламученной воде,

То длинное перёвесло плотов
Тащили, будто исполинский хвост,
Как очередь тащили за собою.
Моторки рыскали неумоимо —
То с нашим братом, до лещей охочим
И уточек, то с молодежью шумной,
Что подставляла бронзу крепких тел
Под солнце, и под ветер, и под дождь.
А рядом Пятницы и Робинзоны
Хозяинничали у своих палаток,
Как чибисы волнуясь и крича. . .
Вся эта грохотня, свистки и крики,
Движенья всё — казались нам покоем
И тишиной безмерною, как небо,
Как даль Днепра, и поймы, и леса,
Сплывавшие волнами к горизонту.

Мы удочки закинули, рядком
С Андрием сели тут же, закурили,
Задумались. . . И — еле слышный звук. . .
Ага! То — журавли. «Так рано нынче?»
— «Да где ж они?» Мы всматривались долго,
И вдруг взглянув назад, оборотясь,
Кричу через плечо: «Андрей! Смотрите! . . .»

Мы оба разом на ноги вскочили
Пред несказанной этой красотой:
Большая стая журавлей кружила
Невысоко и плавно над землей,
Как бы над самой нашею палаткой
Ведя воздушный, легкий хоровод. . .
И не был то хрестоматийный клин,
Привычный нам по всяческим картинкам,
Стихам и прозе разного калибра,
По песням, по забавам детских лет. . .
Нет! Там велась веселая игра!
И вспомнил я, что иногда в народе
«Весёлыками» кличут журавлей,
Чтобы веселье, не печаль несли нам
(Смотри словарь Гринчénка, первый том).
Всё выше, выше стая поднималась
В чудесной и таинственной игре,

Той, что была, возможно, подготовкой
К отлету в теплые края, — и сразу
Растаяла — счастливое виденье!
В моей душе та стая разбудила
Воспоминаний горечь и усладу —
Об отошедших навсегда друзьях,
О задушевных и простых беседах,
О веснах, что навеки отзвенели,
О днях осенних — безвозвратных днях.

Припомнилось, как некогда с женой,
Подругой верной в разную погоду,
Я жил на Черноморском побережье.
И вот однажды — как из рукава
Какого-то волшебного, над морем
Вдруг чередой помчались журавли
На юг, одной привычною дорогой,
Жемчужно-серебристым светлым клином
Сверкая в воздухе и погасая. . .
Их пенье, их курлыканье звучало
Так несказанно-радостно и грустно. . .
Как эти звуки в сердце отражались! . .

И показалось нам — мы ощутили
Безмерность мира и любви величье,
И жили мы тогда одним желаньем:
Заслышать вновь под синим небосводом
Блистательные трубы журавлей,
Вещающие радость без предела. . .
И знали мы, и верили мы твердо,
И твердо сохранил я эту веру:
Пусть осень мертвой шелестит листвою,
Седины старость чешет пусть лукаво,
Но человеку, если только он,
Как человек, живет с открытым сердцем, —
Страданье даже вырастает в радость,
И над землей, подернутой туманом,
Кружат веселой стаей журавли. . .

15 августа 1959

У Гайдамацкого острова на Днепре

22 августа 1959

Киев

1

Можете не верить — как угодно, —
Я пример вам всё же приведу:
Вальдшнепы бывают ежегодно
В нашем Ботаническом саду.

Вдумайтесь: шумит, гремит столица
(Помнится, сказал и Гоголь так),
А под осень прилетает птица,
Кинув хмурый северный дубняк,

Темный, грустный взгляд, скользящий мимо,
Длинный клюв, как будто про запас, —
Сердцу равнодушному незрима,
Непостижна, как закатный час.

Так сидит, что наступить нетрудно,
А взовьется — и душа замрет. . .
О, какая радость, мир мой чудный,
Этот шумный, быстрый птичий взлет!

28 сентября 1959

2

Ночь, и ветер вербы нагибает,
Мечется земля в тревожных снах. . .
Ой, тому не сладко, кто блуждает
В эту ночь один в глухих полях!

Знаю я: ему блеснет из мрака
Огонек приветливый в окне. . .
Но не собираюсь я, однако,
Лгать, что весело сегодня мне!

Я друзей утрату вспоминаю,
Луч зари, что навсегда погас. . .
Потому и дверь я открываю
Для печали в этот поздний час.

Что ж, подруга робкая, давайте
Мы закурим с вами, посидим. . .
Но наутро я скажу: прощайте —
И надолго! . . Сядьте, помолчим.

29 сентября 1959

8

25 июля 1909 года Блерио на аппарате, который сконструировал он сам, перелетел за сорок минут через Ламанш.

Из старой газеты

Полстолетья — как мгновенье, скоро —
С той поры успело пролететь!
Раскаленный слепок метеора
Не успел еще в пути сгореть.

Ну, хотя б об этом всё поэты
Спели современникам своим,
Чтоб полет космической ракеты
Предварить эпитафией таким,

Чтобы вспомнить, как крутые дуги
Устремленных в звездный мир путей
На песке вычерчивал в Калуге
Циолковский в вещей глухоте! . .

Бэ-эС-Э моей смиренной музе
Версии иной соткала нить:
Блерио, там сказано, в Союзе
Дней своих закат хотел прожить.¹

12 октября 1959

---

¹ Большая Советская Энциклопедия, 2-е издание, т. V, стр. 294.

Сердце верит иногда приметам
 Вопреки рассудку и теперь,
 И не надо, может быть, запрета. . .
 Если веришь, на здоровье — верь!

Вперед дорога расстелилась.
 Сколько пробежало здесь машин!
 Сколько в них сердец горячих билось
 Из-за тех или иных причин!

Кто бы ни был — со своей судьбою,
 Цветом глаз и голосом своим,
 Словом, интонацией любовью
 Здесь потоком двигались живым.

Велика людей семья большая,
 Хорошо у них идут дела:
 Им с ведром, наполненным до края,
 Девушка дорогу перешла.¹

14 октября 1959

Выше небо синее.
 Синее, та не те. . .²

Я. Щеголев

Почернели заводы в озерах,
 И покой их сразу стал глубок.
 Падающих листьев нежный шорох
 В утренний вплетается дымок.

В окна вставлены вторые рамы,
 Вата и калина между рам,
 Дети снова стали школярами,
 И звонит синица школярам.

---

¹ Если с полными ведрами перейдут дорогу — это хорошая примета для путников, охотников и рыболовов.

² Выше небо синее, синее, да не такое. — *Ред.*

Словно на гравюре Хокусан,
Каждый граб в одежде золотой,
Синевою небо нависает
Щеголевской — «синей, да не той».

Мы цветы в букет последний свяжем,
«Снежинками» их мы назовем. . .
То, что можно рассказать пейзажем,
Слов тому порою не найдем.

20 октября 1959
Киев

6

Есть такие строки у Верлена,
Где поэт, беседуя с собой,
С горечью клянет себя: «Презренный!
Что ты сделал со своей судьбой?»

Только бы не с горьким тем вопросом
Сумерки вечерние пришли
В час, когда светлеет тучка косо
Островком у берега земли,

В час, когда вода холодновата,
Стекла в окнах синевою сквозят,
В час, когда потемки возле хаты
Что-то тихо шепчут с грустью в лад!

Городская жизнь шумит бесменно,
Полыхает клен над головой. . .
Нет! Строкою горькою Верлена
Не хочу я встретить вечер свой!

21 октября 1959

7

КАК ЗАБЫТЬ. . .

Как забыть мне снег пахучий, талый,
Годы молодые, дни утех,
Городские светлые кварталы,
Воркованье, щелбанье, смех!

И какой-то щепочки круженье,
Брошенной ребенком в ручеек,
Сердца замиранье и томленье,
И любимой легкий каблучок!

Неужель с недоброю душою
Я теперь бывшее вспомяну?
С завистью взгляну на молодое,
Что несет нам юность и весну?

Нам всегда бывает жаль былого,
Но и настоящее пройдет. . .
Пусть же совесть упрекнет любого,
Кто весну зимою проклянет!

29 октября 1959
Москва

8

Осенью мы с Вишнею бродили
По полям, искали зайцев с ним,
Утренники травы серебрили,
Был бурьян от инея седым.

Друг дарил людей сердечным взглядом —
Сколько мудрости в глазах цвело!
Чистый сердцем, жил он с нами рядом,
Милый наш Михайлович Павло!

Но бывал суровым и упорным,
И порой безжалостным бывал,
И навстречу пересудам черным
Праведный свой бич он поднимал.

Прожил он без декламаций пышных —
А в душе поэзия цвела!
Друг людей, труда, природы, Вишня —
Враг жестокий нечисти и зла.

9 ноября 1959

Я люблю, когда в доме есть дети
И когда по ночам они плачут...

Ин. Анненский

Комната во мраке утопает,
Спать пора уже давно ребенку...
Но отца лукаво окликает
Он, смеясь залиvisto и звонко.

«Разгулялся! Что ж это такое!» —
Мать ворчит и сердится немного.
А отец, заботясь о покое,
Им заснуть приказывает строго.

Но малыш проказы продолжает,
Не дает покоя и сестрице,
И она смеяться начинает,
Хоть пора уже угомониться!

Перевитый тенью, месяц светит,
Тучи за окном по небу выются...
Я люблю, когда есть в доме дети
И когда в ночи они смеются.

13 ноября 1959

В РЕСТОРАНЕ В ГДАНЬСКЕ...

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьямах...

Ф. Тютчев

В ресторане в Гданьске мы сидели
У широкого, как мир, окна,
Мы сердца беседой жаркой грели
Об искусстве — и глотком вина.

А окно на море выходило,
А над морем — слышите, над ним! —
Стадо уток в синеве кружило,
Пролетало колесом живым.

Я хотел сказать соседу слово,
Взял за локоть — не взглянул сосед! . .
. . . На концерт не надо звать глухого,
До картин слепому дела нет.

Может, это вздор, как говорится,
Атавизм, дикарство, примитив,
Но сегодня голосок синицы
Прозвучал мне, душу обновив!

*24 ноября 1959
Варшава*

И

ДИАЛОГ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ДИСКУССИИ ОБ ИСКУССТВЕ
В «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЕ»

Первый голос

В эти дни космической ракеты
И автоматических станков
Позабудьте, выбросьте, поэты,
Допотопных ваших соловьев!

Всё искусство, вместе с жалким сором,
Вынесите, выкиньте за тын:
Тот, кто разбирается в моторах,
Выше толкователей картин.

Второй голос

Этот спор, что не затих поныне,
Начат был еще в далекий век. . .
Быть лишь добавлением к машине —
Для тебя не много, человек!

Как же ты живешь, — ответь на это, —
С беспокойством спрашиваю я. —
Если в дни космической ракеты
Ты не слышишь пенья соловья?

*26 ноября 1959
Варшава*

ДЕНЬ ОКОНЧИЛСЯ...

День окончился, не начинаясь,
Он угас, как тихий огонек.
Просто, на календаре меняясь,
Место уступил листку листок.

За окном машины снова, снова,
И любая путь проходит свой,
Как волна пространства мирового
От одной звезды к звезде другой.

А душа могла б угомониться,
Успокоиться могла б она. . .
Сразу не поймешь, что с ней творится, —
Весела душа или грустна?

Лишь себе скажу я откровенно:
Мне волнением всколыхнуло грудь
От улыбки в лифте, несомненно
Предназначенной кому-нибудь.

*27 ноября 1959
Варшава*

ЛЕС, ПОВИТЫЙ СЕРЕБРИСТОЙ ДЫМКОЙ...

Лес, повитый серебристой дымкой,
В сини, в золоте и пятнах ржи —
Словно осень кистью-невидимкой
Расписала в небе витражи.

Как обнова, что пришла позднее
В сад, где стынть пороши хороша,
Укусное дерево¹ краснеет,
Как смешной рисунок малыша.

---

¹ Укусное дерево — декоративное растение.

Я жене привез его когда-то,
Посадил, росточком, за крыльцом, —
И люблюсь, грустью дум объятый,
Той листвы наивным багрецом.

Не услышу в тишине глубокой
Голос твой из дали прошлых дней. . .
Память сердца болью жжет жестокой,
Только без нее — еще больней!

1 декабря 1959
Краков

14

ЕСЛИ ТЫ. . .

Если ты, идя лесной тропой,
Встретишь солнце зимнею порой,
И над яркой ширью снеговой
Заблестят алмазы пред тобой,

Если ненароком в разговоре
Затрепещет сердце, как в огне,
Если вдруг в твоём возникнет взоре
Юный образ, — вспомни обо мне!

Вспомни, друг мой. Время учит строго
Видеть жизни светлые черты.
Думаешь: еще их будет много! —
Ох, гляди, не просчитайся ты!

Всё запомни: радость и печали,
Будет всё находкою, когда,
Словно в гавань тихую, причалишь
В старости спокойные года! . .

1 декабря 1959
Краков

421. В ТЕНИ ЖАВОРОНКА

Н. Ушакову

Мы ехали по степям Украины,
и один из наших привалов был
назван Вами «В тени жаворо-
ронка».

*(Из письма Н. Н. Ушакова
к автору этого стихотворения)*

Мы степью ехали. Немилосердно
Нас солнце жгло, кузнечики трещали
В сухой полыни; нам казался треск
Зелено-серых этих прыгунов
(Стрскозами Крылов их называл)
Сухим, как и полынь. В такую пору
Обычно о воде мечтает путник,
О синих реках, об озерах светлых
(Простите за эпитеты меня!),
И о прохладе влажной, и о тени,
Об отдыхе под ветками ракиты
Иль в зелени березового леса,
О сне спокойном на душном сене
Под вечный и немолчный шум осин
И осокорей. . . И к мечтам, обычным
В пути, прибавилась еще одна
Мечта — о том, что время пообедать
Чем бог послал и что он положил
В автомобиль, всё это нам доставив
Заботливо из лавочки одесской.
Тарань была хотя и не чумацкой,
Но так желта, прозрачна, солона,
Что с удовольствием ее стянул бы
У торгоша Халява-богослов.¹
Была кефаль, и брынза, и маслины,
И жареные были там бычки,
И пиво — всё, что так необходимо
Для путников, шоферов и поэтов. . .
Ну, словом, нам и пить и есть хотелось,
Но только где? Под этим голым небом,
Под беспощадными лучами солнца,

---

¹ В «Вне» Гоголя.

На выжженной, затоптанной траве,
Где вдоль дороги только пыль желтеет?
Ни кустика, ни деревца нигде,
Всё степь да степь, да пыль, да зной палящий...
А в небе, несмотря на знойный полдень,
Вились и пели жаворонки дивно
И так светло, как будто родники
С холодной и душистою водой
Там, в высоте, журчали беспечально!
И я сказал: «Что, если пообедать
Под тенью птичьих крыльев?»

И тогда
Мы скатерть-самобранку расстелили
«Под тенью жаворонка» на траве,
И влажным холодком на нас подуло
Вдруг с поднебесья, и покой блаженный
Нас окружил...

Спасибо, друг мой, Вам,
Что Вы об этом эпизоде давнем
В своем письме напомнили мне снова!
Да здравствует поэзия, мой друг!

27 июня 1960

422. ДВЕ ЛАСТОЧКИ

Две ласточки в гараж к нам залетели
И ловко так гнездо слепить сумели
Под потолком, в бензиновом чаду.
Других таких чудачек не найду!
Ну неужели не нашлось бы рядом,
Где дом стоит, увитый виноградом,
Хорошего местечка для гнезда?
Там свежий воздух, вольный, как вода
В Дунае синем, что струей играет,
Там над цветами ветер повеваает,
С грозой в согласье солнце там живет...
Они ж себе наделали хлопот,
Устраясь по неведомым причинам
Здесь, где легко дышать одним машинам.
Мы вынули стекло, чтоб им помочь —
Пусть прилетают, улетают прочь,

Потомкам ненасытным носят мошек...
Но вот и подросла ватага крошек —
И вслед за взрослыми в лазурь, в зенит
С безумным щебетом она летит
Воздушными тропинками крутыми.
И скажет каждый, проследив за ними:
«Чудесна стайка братьев и сестер,
Детей свободы, — им сродни простор,
И, как своих, стихия их лелеет!»

Кто может разуметь — уразумет.

5 августа 1960

С. Малое Усолье на Черниговщине

423. КРАСОТА

В зеленых лаврах, в синей светотени,
В сиянье солнца, в вишенном цвете,
В пожаре роз, в игре морских течений —
Увидеть каждый может красоту.

Но вот мне слово *провесень* приснилось
Перед рассветом будничного дня —
Весны предтеча! И весна вселилась
Картиной дивной в спящего меня.

Снег побурел, дороги почернели,
По ним струятся ручейки, меж тем
У края луж грачи и галки сели
Разжиться, я сказал бы, черт-те чем.

Блестит солома. Воробьям раздолье, —
Разбрызганный кружок их тут как тут.
Счастливую благословляя долю,
Навозец конский воробьи клюют.

Дым стелется над самою землюю,
Здесь запах хлеба, дома и тепла;
В раскисшей смеси снега с перегноем
Витая тропка на гору пошла.

Звон молотков над наковальней тает,
Шум голосов и крики на ветру;
Деревьев почки стынут, выжидают;
Заводит ворон с вороном игру.

Заглохли, в тишине стоят машины;
Еще светла заката полоса;
В затишье темном гогот смолк гусиный. . .
Всё это — первых вешних дней краса.

14 сентября 1960
Гагра

424. ИСКУССТВО ПОЭЗИИ

Лишь только жизнь пройдя большую,
Я смысл поэзии постиг,
Как ясность вышнюю такую,
Такую точность слов простых,

Когда ни вычурным подделкам,
Ни громким звонам пустоты
Нет места, как страстишкам мелким
В сердцах, которые чисты,

Когда эпитет бьет стрелю,
Пронзая цель, а не дробя,
Когда дорогою прямою
Ведут метафоры тебя,

Когда нежданное сравненье
Вдруг выплывает, как дельфин:
Ведь он не ведает сомненья,
Где появиться из глубин!

Слова — их краски и звучанье —
Подвластны мыслям быть должны,
А рифмы, как однополчане,
На бой идущие, верны.

Не смей свой парусник крылатый
Вести без компаса, поэт! . .
Ты мореход, не соглядатай,
Так открывай весь белый свет.

17 сентября 1960
Гагра

425. КОВЫЛЬ И СТРЕПЕТ

*Посвящаю заповеднику «Михайлов-
ская целина» на Сумщине.*

Тирса не росте, а хохітва (стрепет)
не виводиться на зораній землі.¹

Упрямы — эта птица и трава,
Трава и птица — обе так упрямы!
Где плуг прошел — там не растет ковыль,
Где вспахано — там не гнездится стрепет.
Чего б, казалось? Взрыхлена земля,
Распушена, удобрена умело —
Ну, чем не грунт, чтобы ковыль привольно
Мог вскинуть перья всех своих султанов
И разливаться ласковой волной
Под благодатным небом? А пшеница,
Отзеленев, желтеет здесь в июле, —
Ну, разве плохо место для гнезда,
Для беспокойных выводков летучих?

Казалось бы. . . А стрепет без оглядки
Летит подальше от таких полей,
Где пахарь или сеятель прошли
Хозяйскою походкой хоть однажды.
Казалось бы. . . А вот ковыль никак
В сад ботанический ты не заманишь,
Ну разве что с землею, с дерном вместе,
С пластом, в котором тоненькие корни
Искусно кружевами заплелись. . .

---

¹ На вспаханной земле ковыль не растет и стрепет не гнездится.

Не собираюсь выводов я делать,
Но убежден, что надо на земле
Отдельные участки сберечь,
Где мог бы стрепет вить свое гнездо,
Ковыль бы мог привольно серебриться.
И не одним ботаникам такие
Углы, и не зоологам нужны —
Но и поэтам. . . Ну, не всем, конечно,
А скажем, например таким, как я.

18 сентября 1960
Гагра

426. СТРОИТЕЛЬНЫЕ КРАНЫ

В любую сторону взгляни —
По всей стране стоят, стальные,
На зорях утренних они
Как журавли сторожевые.

Их много — крепких и больших,
Встречающих лучи восхода, —
Сама установила их
Рука советского народа.

Прилежным заняты трудом,
Они усталости не знают,
И всюду — созиданья гром,
И всюду в строй дома вступают,

Дома для этих вот людей,
Свои права завоевавших,
Дома для ласковых детей,
Неволи никогда не знавших.

И в самом деле, стерегут
Строительные краны эти
Наш мирный день и наш маршрут —
Дорогу нашу в даль столетий.

Пусть, упиваясь клеветой,
Враги неистовствуют снова, —
Наш каждый кран — как часовой
На страже века молодого!

28 октября 1960
Киев

**427—429. ДВЕ ЭЛЕГИИ
И ЛЕГКАЯ САТИРА**

1

Прощально кували зозулі в далеких плавнях.¹

Олесь Гончар

Кукушки, грустя, куковали —
Щемящие душу слова!
В них весен минувших печали,
В них вялая шепчет трава.

Те лозы, что гнулись над нами
В те наши весенние дни,
Те робкие руки с цветами, —
Где ныне, где ныне они?

Где песни, что мы запевали?
Где счастье до слез, где оно? ..
...Кукушки, грустя, куковали
Там — в плавнях далеких — давно. . .

2

Сипле, сипле, сипле сніг. . .²

Іван Франко

Морозный, легкий искрится снежок,
Как будто прямо падает на сердце,
И как свое ты сердце б ни берег —
Оно остынет. Никуда не деться!

---

¹ Кукушки, грустя, куковали в далеких плавнях. — *Ред.*

² Сыплет, сыплет, сыплет снег. . . — *Ред.*

Теперь едва-едва могу понять,
Зачем я в юности покоя жаждал:
Реветь бы бурей, молнией блистать
Заставил бы я нынче миг мой каждый.

А снег идет. А голова в снегу.
И в грудь проник мороз. Всё стынет разом.
...За юный, безрассудный жар — могу
Швырнуть я прочь свой стариковский разум!

3

Думи мої, думи мої,
Лихо мені з вами...¹

Тарас Шевченко

Как хорошо такому жить,
Кто не знавал печальной думы,
Чье сердце может не грустить
Весной от радостного шума!

Всё ясно на земле, всё так,
Как видят люди, не иначе;
Большая буква, малый знак —
Ему одно и то же значат.

Благоразумный человек,
Он даже не увидит, сонный,
Загадочного взмаха век
И взгляда синева бездонной,

Заката с розовой пылью
И взлета неизвестной птицы,
И четкий стук в окно зимой
Ему средь ночи не приснится,

И на снегу чуть видный след,
Что за ночь вьюгой заметало,
И образ той, которой нет
И, может, вовсе не бывало...

---

¹ Думы мои, думы мои, горе мне с вами! — *Ред.*

Прошу вас, критики, простить,
Коль выглядит поэт угрюмым. . .
. . . Как горестно такому жить,
Кто не знавал печальной думы!

*20 января — 5 февраля 1961
Пуца-Водица — Киев*

430. СТИХОТВОРЕНИЕ В АЛЬБОМ

Ш. К.

Поэт высмеивал альбомы,
Хотя писал охотно в них,
Так светлой памяти его мы
И посвятим «небрежный стих».

Праправнукам иного века
Он завещал в строке своей:
«Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей».

А я добавлю: люди жаждут
Поэзии и в век ракет,
Ведь удивительно, но каждый
Какой-то мерою поэт.

Поэзия в далекой зыбке
И в слове матери родной,
В любви, и гнев, и в улыбке,
В красе обычной и простой.

Она — не легкий путь к вершинам,
Поэзия — и труд, и боль,
Она нужна, как всем нужны нам
Вода и воздух, хлеб и соль.

*3 апреля 1961
Киев*

431. ДРУЖБА

Есть цветы. . . Слышал я, будто
Называют их — морозки,
А цветут и впрямь как раз
Вплоть до самой стужи лютой,
Неказисты и неброски,
И чуждаются прикрас.

Будто сизого отлива,
Будто жестки, непокорны
И не стелются в ногах,
Но выносливы на диво,
Но зато цветут упорно,
Умирая лишь в снегах.

Такова мужская дружба,
Что прошла сквозь испытанья
И в сраженьях, и в труде.
Ей красоты не нужно,
Чуждо ей очарованье
Звезд, рассыпанных в воде,

Пылких слов она не знает. . .
Не сравнить ее с любовью —
И любовь с ней не сравнить!
Потому, что обрывает
Только смерть у изголовья
Той суровой дружбы нить.

24 сентября 1961

432. РАДУГА НАД МИРОМ

Лежат века в глухих просторах
От давних лет, пещерных лет,
От первых кирпичей, с которых
Он начинался, этот свет!

Лежат века. В поту кровавом,
В неправде черной, в черном зле,

В труде унылом и неправом
Без награжденья на земле,

С поповским обещаьем рая
Там где-то — в синих небесах...
Лежат века... Их волчья стая
Обращена сегодня в прах.

И светлый век — он на пороге,
Во всеоружии ума,
И строит лишь себе чертоги
Рука рабочая сама.

Растут невиданные зданья,
И добрым громом — гимн труда,
Чтобы вздохнуло мирозданье
Всей полной грудью, навсегда!

Над твердой сушей и морями
Эпоха новая встает —
В коммунистической программе
Над миром радуга цветет!

Октябрь 1961

433. НАПУТСТВЕННОЕ

*Оресту Корсовецкому, который прислал
мне книгу И. И. Пузанова «По нехоже-
ному Крыму», а сам собирается пешком
в крымское путешествие.*

За нехоженный Крым, за неведомый свет
Вам спасибо, мой друг, и привет!
Сто дорог посчастливится пусть Вам пройти,
Собирая цветы на пути,
Пусть Вас люди встречают, бывайте у них,
Незнакомых, но всё же родных!

Пусть причудливо высятся скалы кругом —
Та скала с человечьим лицом,
Та как зверь, та как всадник, несущий дозор,
Салютует пусть Вам метеор,
Лебединых озер открывается даль,
Пусть Вам ловится рыба кефаль.

Ой, широк этот мир, беспределен простор!
На Чукотке морозный убор,
А в Провансе горячем оливы цветут,
Там друзья мои где-то живут,
И за «Мельницу» юное племя везде
Благодарно Альфонсу Доле.

Что-то трудно мне стало бродить по горам,
Но теперь путешествовать Вам
Сизой степью, в горах, спать у голой скалы,
Там, где борются с бурей орлы,
Или слушать на взморье, вдали от дорог,
Как в полыни поет ветерок.

Тот не будет в степях одиноким таким,
Если песнь Леонтовича с ним,
Тот не будет в тоске проводить вечера,
С кем Франко говорит до утра,
Тот с пути не собьется, кто в чаще ночей
Видит звезды рыбацких огней.

1961
Крым, Коктебель

484—486. ИЗ ЦИКЛА «ЗИМНИЕ ЗАПИСИ»

1

Бывает больно иногда
Под жизненную ношей,
Как роще осенью, когда
То морось, то пороша.

Дрожат надежды, как листок,
Увядавший и ненужный,
И, как листок, ты одинок —
И дом, и город чужды.
Вот-вот надежды, как листок,
Подхватит ветер вьюжный.

Вдруг детский лепет, вдруг одно
Незначащее слово —

И луч сквозь мерзлое окно
Души коснется снова,

И развернется мир опять
Желанно, незнакомо,
И будет иней вновь сверкать,
Повиснув невесомо,
И ощутишь, что ты опять
В бескрайнем мире — дома,

Что жив, что ты не одинок,
Что ты — миров пылинка,
Что белый в небе голубок
Порхает, как снежинка.

21 декабря 1961

2

Снегом, сеном, пóтом лошадиным
Пахли зимы юности моей.
Вновь седин прибавил год к сединам,
Запах тех далеких зим слабей.

Изменились города и села,
Изменился облик всей земли,
И курлычут в небе новоселы —
Самолеты, а не журавли.

Всё же «сбросить ветхого Адама»
Не легко, как кажется иным!
Впрочем, можно мне без мелодрамы
Вновь побыть минутой молодым?

Я слышал, как Кошиц на гастроли
Прибыл в Рим, покинув Новый Свет,
И внезапно ощутил до боли,
Что скитальцу счастья в жизни нет.

Вспомнил он родную Украину,
Неразумно брошенную так,
Тополя, цветущую калину...
Что же с горя выдумал чудак?

Прочь постылый гул автомобилей,
С берегов сползающий в Гудзон!
В старческой наивности премилой
Нанял Кошиц в Риме фаэтон,

Ездил в нем по древним переулкам,
Там, где камни повествуют вслух,
И душой внимал копытам гулким,
Обоняя острый конский дух. . .

Эмигрантом не был никогда я,
Может, Кошиц тут и ни к чему.
Мне зима приснилась молодая,
Та, что ближе сердцу моему.

Оттого и вырвалось признание, —
Что корысти мне его скрывать?
Пусть в последний раз воспоминанья
Мне подарят молодость опять!

Только в этом, верьте, вся причина,
Да и лгать не любит мой язык. . .
Внуку запах нравится бензина,
Ну а я — поныне не привык.

21 декабря 1961

8

Следы ребенка на снегу. . . И сразу мне —
И в сердце, и вокруг — теплее как-то стало!
Как будто тени туч внезапно разогнало
Дитя, что здесь прошло. . . Как будто сил вдвойне
Прибавило оно и в сердце пробудило!
Куда ты шло, куда? К друзьям или домой?
Смеялось? Плакало? Иль следом за собой
Ты, может, песенку вело? Иль говорило
Деревьям что-то здесь, синицам, снегилям,
Веселой белочке с душистой веткой в лапах?
А может, просто шло, вдыхая свежий запах
И жизни радуясь, и счастьем, и снегам?
Кто близкие твои? Кто братья и сестрицы?
По вечерам тебе кто сказки говорит?

Кто ласку щедрую свою тебе дарит?
В веселых играх кто с тобою веселится?
Я мог бы задавать вопросы без конца,
Но вижу всю тебя, дитя, я очень ясно!
Свой простенький платок надела ты напрасно —
Цвет красной шапочки милее для лица!
Нет, волк тебя не съест! И нет здесь волчьей стаи!
Живи среди людей и радуйся с людьми,
А все мои слова на память ты возьми,
Пусть старшая сестра тебе их прочитает!
Мне всех твоих друзей назвать не хватит сил!
Различен цвет их лиц, язык и образ жизни,
Но все они живут в одной с тобой Отчизне,
И труд единый их в одну семью сдружил.
Молчит сосновый бор. Гудит далекий Киев.
А где-то там и ты? Живи же в добрый час.
Будь Красной Шапочкой! Знай: нет волков у нас.
Но чародей есть, да ведь еще какие!

Навеки в сердце я, как память, сберегу
Ребенка легкий след на голубом снегу!

*4 января 1962
Киев*

437

В чужом городе сумерки часто бывают
Грустью синей повиты, окутаны длинной тенью,
Голоса незнакомые возникают —
Птицы странно кричат во мгле осенней.

В одиночестве сердце притихшее бьется
Выразительно, полно и так глубоко,
Тщетно, тщетно из бархатной ночи рвется
Утруженное далями, за день уставшее око.

Сердце к сердцу стремится в неясной тревоге,
Слово отклика жаждет, ладони — ладоней...
За печали такие — спасибо дороге,
За короткие сны на неведомом лоне!

*15 января 1962
Македония, Скопје*

438. ЛЮДЯМ И НАРОДАМ

Народы мира, люди всех племен,
Любых цветов, любых оттенков кожи,
Пусть шар земной сегодня разобщен —
Восторжествует Истина над Ложью.

Как Ложь ни лги и как ни суесловь,
Ни искажай прямых и четких линий,
На всей земле войдет в дома Любовь,
Как входит солнце из небесной сини.

Войдет, войдет! Ведь цель у нас одна,
Ведь мы хотим, мы жаждем мира вместе,
Свободной жизни, светлой, как весна,
Неомраченной материнской песни.

Роднит нас труд, творящий чудеса,
Биенье мысли, острой, дерзновенной,
Торящей путь ракетам в небеса,
Пронзающей молчание вселенной.

Роднит земля, ее сады, луга,
Костры зарн, полутона заката,
И летний зной, и зимние снега,
И прелесть рифм, и строгость древних
статуй.

Я простираю к вам свою ладонь,
Благословляя честное пожатье.
Пусть вечный прометеевский огонь
Горит у вас в душе и сердце, братья!

*7 февраля 1962
Москва*

439. УЖ

Уж не опасен
и совсем не страшен,
Полезен даже, — поучают нас
С ребячьих лет. Конечно, это так,

Да не люблю я что-то симпатяги
Ужа — боюсь! Хоть и смешно, боюсь...

Ловил сегодня рыбу я в затоне
На озере. Палящий день стоял,
А тут нигде ни деревца, и даже
Ни кустика — одна трава седая,
Да пыльные и тощие цветы,
Да рыжая рассохшаяся глина,
Да горы полуголые вдали.
За поплавками я следил прилежно,
Перекликаясь с внуком иногда —
Он там, на берегу другом затона,
Самостоятельно рыбачил тоже, —
И вообще всё было хорошо.

И вдруг в воде откуда-то возник
Огромный уж... Он поперек затона
Плыл быстро, высунулся из воды
Наполовину — и метнулся с шумом
Холодной, серой молнией в камыш...
И тут же, в самой чаще, камышевка
Отчаянно, безумно запищала,
Как будто заслоня своих птенцов
От неминуемой беды... И сердце
Мое застыло. Да, застыло сердце!

Не видел я, что в камышах творилось,
Какое дело совершалось там,
Но ясно понимал: худое дело,
Жестокое...

И тут припомнил я:
Под Киевом мы шли домой с охоты
Тропинкою лесною — и внезапно
Меня приятель отстранил рукою
И под ноги мне выстрелил в упор.

Развеялся дымок, и перед нами
Змеи какой-то тело закрубились
В агонии. Мы обошли ее, —
А после брату рассказал мой друг
О происшествии случайном этом

И заключил с сомнением и грустью:
«Кто знает, вправду ль я убил гадюку
Или невинного ужа? . . .» Но брат
В ответ ему промолвил, улыбаясь:
«Всё, что ползет, без колебанья бей!»

23 июня 1962
Коктебель

440. ТОСКА ПО МОЛОДОСТИ

Не жизни жаль с томительным дыханьем.
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем
И в ночь идет, и плачет, уходя.

А. Фет

Каким бы стал глупцом я нестерпимым,
Когда б завидовать я начал юным,
Румянощеким и лучистооким,
Когда бы впал в немыслимую зависть
К здоровым, сильным, стройным, молодым,
К тем, что считают не без основанья
Себя хозяевами нашей жизни,
К той смене, что пришла тебе и мне,
Мой добрый друг, неведомый, далекий!
Нет, нет! То был бы стариковский бред!
Мне жаль рассветов тех, что раз лишь так пылали,
Неповторимых гроз, что в вечность отсверкали,
И сердца трепета, и губ, и той
Весны, что, птицей взмыв, рассветною порой
Исчезла без следа в белеющем тумане.
Жаль благодатных слез, несбывшихся мечтаний
И горечи немой, что сердце в тишине,
Как сок березовый, оздоравлила мне,
Что белая кора сочит, слезой роняя. . .
Мне жаль предчувствий тех, что вянут, остывая
От ветра первого, едва он тронет их. . .
Жаль проблесков меж туч легчайших голубых,
Полета ласточки, что над землею мчится
Предвестницей грозы, как синяя зарница,
И леса мглистого, где затихает шум
От счастья, от росы, от соловьев и дум,
Мне жаль девичьих рук, очей бездонных, темных,

Жаль утреннего сна и тех ночей бессонных,
Что были мне как сон, как света с тьмой игра...
Жаль горя первого и первого добра,
Великой дружбы жаль, что в миг один сгорала,
Улыбки золотой, что мне всегда сияла,
Снегов и снегирей, и дней, зовущих вдаль...
Жаль света целого — земли и неба жаль!

7 октября 1962
Пуща-Водица

441. ШИПОВНИК

Кругом соловьи, заливаясь, поют,
Шиповник алеет пахучий. . .

А. Толстой

Цветет шиповник под моим окном
Своим бледно-пунцовым скромным цветом
И переносит в молодость меня,
На перекрестки полевой дороги,
К рассветам синим, к вечерам янтарным,
К тем, что всегда сулили сердцу счастье.
Друзья мне говорят: «Зачем тебе
Куст этот дикий? Выкорчуй его
И посади взамен него на клумбу
Культурной розы сорт!»

А я в ответ:

«Но все кусты тех самых роз культурных,
Французских, полиантовых и чайных,
Гибридно-чайных и других названий,
Всё больше иностранных, все они
Праматерью своею называют
Как раз простую, полевую, ту,
Что так ученые неблагодарно
Собачьей именуют по-латыни.¹
Все эти знаменитые сорта
К шиповнику, к нему лишь прививали,
Своими он корнями их питает!
Нет, не поднимется моя рука

---

¹ Rosa canina — собачья роза, название одного из видов дикой розы — шиповника.

На этот куст, откажется под корень
Рубить топор!

Ведь он — моя весна,
И молодость, и песня та в полях,
Что девушкой невидимой поется,
И несказанно трепетная речь.
Из песни — из нее росли Бетховен,
Чайковский, Лысенко и Леонтович,
Из песни вырос чародей Шопен,
И Римский-Корсаков, сказитель дивный,
Как роза из шиповника — из песни!
Шевченко с Лесей выросли из песни,
К ней Пушкин жадно сердцем припадал,
Питался Гейне песнею народа.
И разве кто срубить ее посмеет,
Бессмертную под корень подсечет?

Что мне, друзья мои, ни говорите,
А я стою упрямо на своем,
Пусть клятвою звучат мои слова:
«Не дам в обиду песню и шиповник!»

(1963)

442—448. ТАЙНА ОСЕННЕЙ ЛИСТВЫ

Ботаники кажуть: барвисті весняні квіти приваблюють бджіл та інших комах, які їй сприяють опилению... Ну, а багряні осики, золоті клени, ясно-жовті берези, бронзові дуби, всі розкішні фарби осіннього лісу — кого й для чого вони приваблюють? Чи це мистецтво для мистецтва? ¹

Пусть разбираются ботаники в вопросе
О том, зачем листву раскрашивает осень,
Зачем творит она ту пышную красу, —
Я в сердце до конца, до смерти пронесу

---

¹ Ботаники утверждают: яркие весенние цветы привлекают пчел и других насекомых, содействующих опылению... Ну, а золотые осины, багряные клены, светло-желтые березы, бронзовые дубы, все роскошные краски осеннего леса, — кого и для чего они манят? Или это искусство для искусства? — *Ред.*

Трепещущий огонь на блекло-синем фоне,
Немеркнущий багрец на раскаленном клене,
Червленую резьбу на бронзовых дубах
И золото осин, низверженное в прах,
Студеный жар лесов и царственную алость,
Величественную, прекрасную усталость,
Когда еще седа лишь по утрам трава, —
Ту смерть, в которой жизнь полна и так жива!

1

ПОСЛЕДНИЕ РОЗЫ

Последние розы,
Белые розы,
Сентябрьские розы.
Они облачились
В ризы невинности,
В одеяния девичьей чистоты,
Они сквозь осенний туман
Смутно припоминают лето,
Солнце и грозы,
Капли дождя и веселые радуги,
Душные ночи, прохладу рассвета,
Они как во сне
Видят весны зеленое марево,
Слышат бессмертную речь соловьиною,
Прикосновения ветра счастливого ловят...
А всё это, всё в них живет:
Весна душистая,
Страстное лето,
И ветер, и грозы, и радуги —
Всё это, всё в них живет,
Покуда бичом смертоносным
Их мороз не ударит,
Пока не уронят на землю
Последних своих лепестков
Белые розы,
Сентябрьские розы,
Последние розы.

ДОЖДИК

Il pleut doucement sur la ville. . .

*Arthur Rimbaud*¹Дощик, дощик
Капає дрібненько. . .²*Пісня*

Тихий и сладкий дождик
 Сеется щедро на улице,
 Сеется щедро, светло,
 И плещет по листьям,
 И веет в окно,
 Как надежда.

Дождик-дружок!
 Спасибо тебе
 За милую музыку эту,
 За то, что напомнил мне дни,
 Когда босоногим мальчишкой
 Я шлепал по лужам
 И представлял себя в образах разных:
 То загорелым морским капитаном,
 То ловцом неведомой рыбы,
 То охотником на причудливых птиц,
 То благородным пиратом,
 То творцом хитрых водных построек —
 Гидросооружений,
 Как мы бы сказали теперь. . .

Дождик-дружок,
 В лепетанье твоём
 Слышу тысячи голосов:
 Детских, девичьих, старческих, юных,
 Слитых в песню одну,
 Точно море, бездонную.
 В серебристом мерцанье твоём
 Вижу лица прекрасные,
 Те, что сняты лишь раз —

¹ Над городом тихий дождь. . . Артур Рембо. — *Рсд.*

² Дождик, дождик, мелкий, морозящий. . . — *Ред.*

Только ранней весной —
И обливают горячею кровью
Жадное сердце.

Боль моя, дождик родной,
Несказанная радость,
В малой лужице
Мир отраженный!

Неугомонное сердце мое!

8

НЕУГОМОННОЕ СЕРДЦЕ

Ты когда ж успокоишься, сердце?
Ровно биться когда ты начнешь,
Как часы,
Механизм,
Как расчетливый разум?

Впрочем, нужно ли это?

4

ЧТО Я НЕНАВИЖУ, ЧТО ЛЮБЛЮ

Еміль Золя написав колись палку статтю «Що я ненавиджу», яка кінчається так: «А тепер ви знаєте, що я люблю, до чого відчуваю пристрасну любов ще з юних літ».

За наших часів Юліан Тувім у «Квітах Польщі» присвятив чималій вступ — досить химерний і подекуди парадоксальний — темі, що він ненавидить і що він любить. На цю тему, власне, говорять у тій чи іншій формі всі письменники світу, всі на світі люди.¹

Я ненавижу ложь
В любом одеянии,
А больше всего — в роскошном и пышном,
Самодовольную тупость,

---

¹ Эміль Золя написал когда-то пламенную статью «Что я ненавижу», заканчивающуюся так: «А теперь вы знаете, что я люблю, к чему питаю страстную любовь еще с юных лет».

В наше время Юлиан Тувим в «Цветах Польши» посвятил большой отрывок — весьма причудливый и кое в чем парадоксальный — тому, что он ненавидит и что он любит. Впрочем, на эту тему в той или иной форме высказываются все писатели мира, все люди на свете. — *Ред.*

Даже если носит она
В золотой оправе очки,
Суматошливость, вздорность, крикливость,
Себялюбие, зависть,
Прикрытые громкою фразой,
Щелки-глаза,
Отвратительным жиром заплывшие,
Где таится презренье,
Уши с пробками ваты
От ветра и мук человеческих,
Предательство, подлость
С глазами блудливыми,
Фарисейство и лицемерье
В обличье моральности строгой —
Я ненавижу!
Вещи люблю я простые и чистые:
Сердце, открытое дружбе,
Ум, уважительный к людям,
Труд, радость миру несущий,
Пожатые мозолистых рук,
Синий рассвет над зеркальными водами,
Шум дубравы зеленый и шум золотой,
Соловьиные песни и песни людей,
Скромный шиповник и гордую розу,
Мужество, верность,
Народ и народы —
Я люблю!

б

ОГНИ МОЕГО ГОРОДА

Гаснут огни в городе,
Точно падают в бездну морскую
Звезды янтарные.
Лишь под звездами настоящими,
Как сестра их тревожная,
Словно мыслящий метеор,
Мчится ночной самолет.
Лишь бессонных заводов
Пылают глаза горячие,
Лишь ученые и поэты

Не спят за высокими окнами,
Только мысль человека
Зажигает огни над мирами.
Гаснут огни в городе,
Задыхавшемся в тяжких мученьях
Так недавно как будто
И так бесконечно давно.

Тьма спускалась тогда каждый вечер
На город мой,
Тьма неволи.
Черная вражья рука
Гасила огни и сердца —
Нет! Сердец погасить не могла!

— Сердец погасить не могла.

Киев мой!
Киев наш новый,
На пожарище выросший!
Киев мой милый!
Никому уж теперь погасить не под силу
Величавых твоих,
Как песня,
Дружбой омытых,
В завтра открытых
Творческих
Неугасимых огней!

6

КЛЕНОВЫЕ ЛИСТЬЯ

Кленовые листья — это скорбные думы Стефаника,
Это дождь, грустный дождь в прикарпатских полях,
Это солнце холодное в тучах,
Это матери горькой улыбка,
Обращенная к бедному сыну,
Это голос разлуки и муки
В час последней любви,
Это тихая песня без слов,
Одинокая песня...

Кленовые листья —
Это утро румяно-морозное,
Это посвист синиц, посвист поползней
В дышащем бодростью воздухе,
Это девушки на тропинке в лесу,
Гуси в небе высокоом,
Это шорох, и шелест, и звон
Пурпурной осени,
Это Пушкин в гостях у меня
И Пушкин в сердце моем,
Это дым над родною обителью
И дымок папиросы друга,
Это чувство — вот скоро зима,
Это вера — будет весна вслед за нею,
И подснежники синие расцветут
Там, где листья лежат золотые,
Кленовые листья. . .

Сентябрь — октябрь 1963
Киев

449. ЛУЧ

Бывает так: еще не встали зори,
Колышет сон земные города,
И небеса безмолвны, как всегда,
Не видно звезд в космическом просторе.

И вдруг проснешься. И в открытом взоре
Проснется мысль, что ты искал года.
Проснутся руки, требуя труда.
Проснется первый лист на осокоре.

Что случилось с сердцем в этот ранний час?
И почему ты веришь, что сейчас
Случится чудо, мир преображая?

То постучался луч в твое окно,
И свет пролился, весело играя,
Как юности живительной вино. . .

1963

450. БАГРЯНЫЙ ВЕЧЕР ДОГОРЕЛ...

Багряный вечер догорел,
На город пепел оседает,
Переливается, сверкает
Днепр в ожерельях фонарей.
Умолкли голоса людей,
И сердце с грустью отдыхает.

Ночь, лампа, думы, тишина,
Белеет лист бумаги строго —
Затихла творчества тревога,
В молчанье — мыслей глубина,
Цель в контурах чуть-чуть видна,
А сердце рвется в путь-дорогу.

Январь 1964

451. АНДРИЮ МАЛЫШКО, ПРОЧИТАВ ТРЕТИЙ ЦИКЛ «ДОРОГИ ПОД ЯВОРАМИ»

Мой побратим! Мы иногда пейзажем
Всего точней о человеке скажем,
И отзвук песни в далях росяных
Порою глубже нам глубоких книг
До дна всю душу раскрывает мудро.
Вы запахи романовского утра
Прислали мне, как дар сердечный свой,
Как солнца луч сквозь тучу золотой.
И вот затрепетали надо мною
Цимбалы пчел незримою струною,
Над пыльным полем ветер закружил,
И в плеске рыбы, в перезвоне крыл
Воскресло всё, что было мной забыто.
Со мною друг — и вновь душа открыта
Всему тому, в чем свет любви живет,
И надо мной голубизна плывет,
Где девушка под вербой соловьиной
Ваш «Рушничок» развесила незримый.

Со мною люди — те, с какими рос,
Которым сердце я свое принес,

Со мною Вишня, нежностью богатый,
Взгляд Вашей мудрой матери, и хата,
И в хате той оркестрик духовой,
Нас угощавший песенкой ночной,
Когда я плакал, а Козак смеялся,
И смех и плач в одну любовь сливался,
И всё любовью в эту ночь цвело! ¹
Спасибо Вам — за ласку, за тепло!

9 июня 1964

---

¹ Сергея Козака, — он тоже был с нами в Романовке, — рассмешила своеобразная гармония, в которую сельские музыканты-самоучки облекли «Рушничок» Майбороды — Малышко, — но и он, несомненно, был растроган этой импровизацией.

ПОЭМЫ

452. ЧУМАКИ

ОКТАВЫ

Памяти отца моего, Фаддея Рыльского

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Автор рассуждает об искусстве

1

Дождь — в воздухе, с полей — теплынь живая,
Медовый дух гречиха разлила;
Косарь хлопочет, косу отбивая,
Во ржах, дуряя, бьют перепела, —
И, словно в сказке птица огневая,
Я возрождаюсь, отгорев дотла,
Поэт, чья доля — птицей жить на свете,
Как утверждает олимпиец Гете.

2

Пригреет солнце, заблестит вода,
Румяный день поднимется с востока,
Сребрится верба, словно борода
Иль шевелюра древнего пророка,
И — от дремоты вялой ни следа!
Поэт, вздохнув свободно и глубоко,
Творит *как хочет*, что бы ни твердил
Ему в сердцах придиричивый зоил.

Конечно, про Довейка и Домейка¹
 Теперь писать — дурной, пожалуй, тон
 На смену соловью и почке клейкой
 Пришли теперь железо и бетон.
 Согласен я, что Галя и Зюлейка —
 Давным-давно приевшийся шаблон. . .
 Но, чувствую, неладно и с бетоном, —
 Он станет, если уж не стал, шаблоном.

Иные розы над Днепром цветут,
 Иные чайки носятся, ликуя;
 С мест обжитых мечтателей сметут
 Певцы, в броню одетые литую,
 И плуги новой бороздой пройдут
 Там, где отцы лишь маялись впустую.
 Так пусть огонь, что в буре не потух,
 Благословит тебя, бунтарский плуг!

О впрягшиеся в лямку исполины,
 Чей труд — для гнета смертоносный меч!
 Натужились не втуне ваши спины,
 Не попусту усилия ваших плеч:
 И Сахалин и Пармские долины
 Готовы солнце новое зажечь, —
 И это мы, малы и незаметны,
 Сердца ведем в край голубой, заветный.

Оконце школы в вихре снежных грив,
 Льяных головок детских вереницы,
 Колесный шум, визгливых пил мотив
 И пар над лугом в пору косовицы, —

---

¹ «Пан Тадеуш» Мицкевича.

Содружных воле алмазный коллектив,
Что, как заря, пред нами золотится, —
Всё это звук, для сердца не пустой. . .
Но как же быть с искусством, с красотой?

7

Людское море две сестры родные
Браздят издревле — мысль и красота.
Когда наш предок на ноги впервые
Пытался встать — их спорила чета,
Как нас вести сквозь дебри вековые,
Как распахнуть нам к свету ворота, —
И Рим железный потрясли плебеи
Огнем отваги, молотом идеи.

8

Да, много терний в прошлом, — но видны
В нем и венцы терновые порою:
Цари в броне коварства и войны,
В броне любви бунтарские герои.
Так пусть запомнят накрепко сыны,
Что мы, для них фундамент новый строя,
Не только рвенье вкладываем в труд,
Но также — мысли, что в веках живут.

9

А красота — божок непостоянный,
Как Янус. Ржавую столетий даль
Она улавливает в стих чеканный,
В созвучий музыку и форм хрусталь, —
Или ведет наш дух в иные страны,
К вратам грядущего, литым, как сталь,
Но связанным с минувшими годами
Нерасторжимыми вовек цепями.

Их так же невозможно разорвать,
 Как в теле вены иль узлы артерий.
 Ужели Маркс гнушался бы пожать
 Спартаку руку? Так в былые двери
 Нам красота умеет раскрывать
 И в будущее. Средь роскошных прерий
 И в тундре, где седеет скудный мох,
 Нам светят Гейне, Тютчев, Архилох.

Гомункул не заменит человека,
 Хоть верю я в творящий дух реторт.
 Да сгинут, растворясь в реторте некой,
 И древний бог, и старосветский черт, —
 Людскую мысль, бессмертную от века,
 Ничто не сможет выкинуть за борт,
 Покуда, словно марципан цыганам,
 Не попадем мы на зуб марсианам.

Мой краток вывод, хоть я и речист:
 Люблю твердить о том, что воспеваю;
 Пусть буду классик, а не футурист,
 Пускай пою про мед и Навзикаю,
 Но пред искусством я останусь чист,
 Свой дар не расточу, не разменяю. . .
 Итак, позвольте, хоть сюжет не нов,
 Припомнить допотопных чумаков.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

О трубке моего приятеля и о корчме Деревухе

Читатель, если будете вы в Сквире
 (Я города грязнее не нашел),
 То знайте: как-то месяца четыре
 И я там жил, хоть «жил» — не тот глагол:

Я рвался вдаль, мечтал о шумном мире —
И локти протирал о пыльный стол. . .
Там, в Сквире, где глухая тишь безмерней,
Живет мой друг, мой сказочник вечерний.

2

Люблю тебя, Сократ степных равнин!
Попыхивая трубкою большою,
Ты, как владыка целей и причин,
Вещаешь со спокойною душою
О том, что обратилось в пыль руин.
«Минувшее проходит предо мною. . .
Волнуясь, как море-окиян», —
Былые тени всходят на экран.

8

Над крышей филин голосит ребенком,
А в небе — золотой Чумацкий Воз. . .
О, сколько вас по звездным тропам тонким
Ходило в Крым! А где хоть след колес
От ваших арб? Нам, мыслящим подёнкам,
Мир становленья бурное принес:
Где шли обозов черепашьи гонки,
Возводят башни к небесам — подёнки!

4

О трубка дорогая, внучка той,
Что из-под уса сивого мерцала,
Когда кипел котел в траве степной,
Волы хрустели жвачкою устало,
А дед, благообразный и седой,
Степенно резал розовое сало,
К беседе поучительной готов, —
Ты мне и подсказала чумаков!

5

Чумак ходил к лазоревому Дону,
 Где давний предок омочил шелом,
 Стога тарани, желтой и соленой,
 Возил, помахивая батошкой,
 И, верно, не сменял бы на корону
 Он воздух тот, что был хмельным вином,
 И скрип телег, и степи мощный запах,
 Где вьется ястреб с перепелкой в лапах.

6

Ходил чумак и в синеглазый Крым,
 Блуждал в сухом безбрежном океане ¹
 И голосом растроганно-хмельным
 Пел песни той, которой нет желанней,
 И песни расплывались, словно дым,
 И колыхались в радужном тумане,
 Чтоб в озере далеком утонуть
 И лебедей непуганых спугнуть.

7

Едва весны животворящий дух
 Сугробов серебро отполирует
 И с монотонною капелью вдруг
 Вино мечтаний в сердце забушует —
 Чумак встает. Огонь, что не потух,
 Но на лежанке сумрачно зимует,
 В нем вспыхивает. Верьте или нет, —
 Но даже в трубке блещет новый свет.

8

Пусть счастье — мотылек денного века,
 Пускай чума приходит иногда, —
 Запахла, опьяняя человека,
 Звеня под снегом, вешняя вода,

---

¹ Сухой океан — степь. Заимствовано у Мицкевича.

И смотрит черноглазая Ревекка:
Давно пора гостям в корчму, сюда, —
И в старой Деренухе не впервые
Поэты собираются седые.

9

О, сколько неподслуханных бесед
Вы знаете, корчемные руины!
. . . Вон тот чумак вошедший, средних лет
И с детским взглядом, милым и невинным,
Нашел гнезда разбойничьего след
И, уничтожив этот рой осиный,
В Чернигов атамана их привез
И насмешил товарищей до слез.

10

А этот, что за дымом наблюдает,
Кивает головою и молчит, —
Великий мастер: ярма украшает
Или такую дудку смастерит,
Что мертвый не утерпит, загуляет,
Когда гопак веселый загудит. . .
Он мог бы сделаться еще и ныне
Да Винчи новым или же Челлини.

11

А тот седой лукавец — весь базар
В нем грозного запомнил вурдалака.
Бывало, вспыхнет месяца пожар,
И он крадется по кустам из мрака. . .
Но удалось разрушить цепи чар:
Он снова — просто Сидор Верецака,
Его в пути застукал снег-снежок,
И пропил он волов и всё, что мог.

Конечно, вурдалаки — дань химере,
 И ведьмы — ложь! Не верю я в чертей, —
 О вы, Колумбы будничных Америк,
 Апостолы потрепанных идей!
 Но ложь — еще одна ступень в преддверье
 Науки; и в тумане прошлых дней
 Она рождала целые системы:
 «Мифологема — мать философемы!»

Гомер — вранье, и Лейкин — вот уж врет,
 Но если так, мне ложь мила такая:
 Слагал свои творения рапсод
 Не ясным днем — была пора ночная.
 И сердце музу вымысла зовет,
 И я коня крылатого седлаю,
 Хотя готов тенетами наук
 Меня опутать критик — как паук.

Друзья, наркотиками не торгую
 (Слова Франка) и верю в микроскоп,
 Но разлюбить, конечно, не смогу я
 Твои повествования, Эзоп,
 Когда, лукавой басенкой балуя,
 Свой иронический наморщив лоб,
 Ты говоришь — как прадедам жилося, —
 В виду имею шутника Тодося.

Гусь прокричал, и жаворонок спел,
 В болоте цапли подняли тревогу,
 И теплый ветерок зашелестел, —
 Идет весна, с самой победой в ногу...
 Благослови чумацкий, мать, удел,
 Их тяжкую, неверную дорогу:
 Уже волы, почуяв долгий труд,
 Воды не пьют и горестно ревут.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Автор несколько не считается с законами архитекторских

1

Чумацкой вы не ждите Одиссеи:
Пора старинных эпосов прошла.
Сумею ль впрячь, сноровки не имея,
Лирическую песню, как вола,
В скрипучий воз громоздкой эпопеи?
Нам так не жить раздольно, как жила
Добротных прадедов семья. . . Кургузы,
Легки мы стали, что твои французы.

2

Ой, ходит гомон-гул в лесном краю:
Пришел чумака от синего лимана
И, разложив на рынке соль свою,
Увидел там негаданно-нежданно
Улыбку милую, — он помнит, чью! —
Той, что былую растравила рану,
Той девушки, что, покупая соль,
Вселила в сердце сладостную боль.

3

Теперь она в очипке. . . Эх, Настуся,
Теперь я с горя даже кнут пропью
В твоём шинке! В последний раз напьюся,
А мысли всё ж глубоко затаю. . .
Уйду далёко и не ворочуся, —
Развею в далях скорбь-тоску свою,
Чтоб ей вовеки с глухоманью знаться:
Зеленой руте дважды не подняться.

4

Ее сапожек след еще не стер
Прохожий люд; впечатан в пыль глубоко,
Он колет сердце, словно шип, остер;
Керсетка оксамитом издалёка

Горит, — и песня новая в простор
Плывет волною, плачет одиноко
На ноте заунывной, как подчас
О братьях и калине грустный сказ.

5

А вон другой: кушак, что мак, искрится,
Едва наброшен на плечо кафтан. . .
Бывало, где придется, там ютится,
С убогим днем, что долей злою дан,
Как Диоген, умеет примириться:
Седло пропил, не жалко и стремян!
О нем я песнь храню, что сбереглася
Мне памятью о поваре Уласе.

6

Малиновый, бывало, сварит мусс
И, часть украв, поставит, не жалея,
Друзьям. (Прошу прощения у муз.
А впрочем, мой рассказ не про Энея,
И не страшусь, что, дескать, я загруз
В болоте прозы с песнею своею.)
Так вот, изрядно выпивши, Улас
Про чумака мне песню пел не раз.

7

Так и отец мой с молодым Кузьмою,
Забывши про тревогу и печаль,
То песней утешался золотою,
То мыслями летал из дали в даль,
Костер под вербой разложив густою.
Так пастуха расспрашивал Мистраль
О звездах, об их смысле потаенном
В краю, что дышит ветром благовонным.

Чужих волов не на своих лугах
 Пасет чумаки. Эх, кто беды не знает,
 Кто не служил сызмальства в батраках,
 Пускай его про горе поспрашивает! . .
 Но вечер сходит; галки на дубках
 Гурьбой расселись; мгла плывет и тает, —
 Кто ж там в лесу, за дремлющим прудом,
 Махнул, как птица, белым рукавом?

Шалфей взошел, не вянут руты милой
 Зеленые листочки ни на миг, —
 И белый цвет надежда распустила,
 И в сердце — ясный журавлиный крик. . .
 Понять всё это — молодым под силу,
 Но, хоть уже я от любви отвык,
 Сдается, шепот слышу я призывный,
 И луч по сердцу пробегает дивный.

Седеет в джунглях сумрачный факир,
 Под солнцем розовеет Гонолулу,
 И дальняя струна безвестных лир
 Сердца поэтов снова всколыхнула. . .
 А сколько там, среди звезд, пьянящих мир,
 Есть дивных снов, каких душа минула! . .
 И всё же ось у космоса одна —
 Любовь! Куда ни кишь — везде она.

Тут наконец пускай Фламарионы
 В мои слова «внесут свой корректив»;
 Ведь я придумать космосу законы
 Едва бы смог, как я и ни ретив,
 Мой голос, как сильнейших миллионы,
 В безвестном тонет. Но, покуда жив,
 Надеюсь я, что в будущем поэты,
 Как Пушкин — Крым, объездят все планеты.

Нанизывая стройный ряд октав,
 Как на шнурок точеные кораллы,
 Я бы сострил, примерно так сказав:
 Миры — из теста одного, пожалуй,
 Да нам-то незнаком его состав,
 Хоть «теоретиков» найдешь немало,
 Каким и Аристотель и Платон
 Дают взаймы свой древний камертон.

Вернусь назад — к сюжету основному.
 Дружили встарь на хуторе одном
 Два чумака. Шли поутру из дому
 Рядком и так же возвращались в дом;
 Когда зимой на мягкую солому
 Ложились их воле, они вдвоем
 На шумных посиделках отличались
 Да, сказывают, вместе и венчались.

Прошли года, лег на усы мороз,
 Но к дружбе их сердца не охладели.
 Семен Подпалок и Марко Наджос,
 Под скрип сверчков, под звонкие их трели,
 По вечерам, когда среди берез
 Проходит кто-то, зримый еле-еле, —
 У хаты, на завалинке косою,
 Гудели глухо, как пчелиный рой.

О, сколько побывальщин там чудных
 Услышали их маленькие внуки:
 Про сивый ужас завирух степных,
 Про солнце Крыма, про чумные муки!
 Но вот в один из вечеров затих
 Старик Семен; жестокий меч разлуки,
 Упав, рассек примерной дружбы нить:
 Ушел Семен в сырую землю гнить.

Был вечер. Озаренный светом резким,
 Сидел Марко́, задумчив и суров. . .
 С кем говорить? Ведь и молчать-то не с кем. . .
 Внезапно тень из-за густых кустов
 Встает и голосом выводит веским:
 «Брат, дай огня!» — И много вечеров
 Беседу вел он с дружескою тенью,
 Покуда не угас в ночи осенней.

Та сказка, может быть, и не для вас,
 Творцы бетона: слишком уж наивна.
 А я люблю, в вечерний тихий час,
 Простой свирели голос переливный.
 Конечно, то не скрябинский экстаз,
 Всего лишь звуки дудки примитивной. . .
 Но вспомните, как старый Иохим¹
 Тягался с фортепьяно дорогим!

Июль 1923

---

¹ «Слепой музыкант» Короленка.

453. САШКО

1

Он подрастал в грязи предместья,
Где козы, мусор да репей,
Где люди, словно мухи в тесте,
Увязли в тине тусклых дней,
Где липко всё, где нудно длится
Чреда безрадостных картин.
Он видел мир как из темницы,
На жизнь смотрел — как через тын.

Сашко в семье был пятый сын,
Ведь беднякам везет на деток.
Счастливей час хотя б один
Найдется в жизни так иль этак, —
И наш Сашко в ручей весной
Пускал свой флот бумажный смело
Иль атаманил с детворой,
Что тоже досыта не ела.

А то иное делал дело —
Дома из глины строил он,
Работа ладная кипела,
Глаза горят, — так увлечен.
Еще, как «нищий-принц» у Твена,
Любил читать, любил мечтать,
Хоть жизнь была груба отменно,
Той книжной жизни не под стать.

Случалось, что ухватом мать
В сердцах сыночка угощала,
Но и сухой калач кусать
Порою счастье выпадало
В семье на долю двух меньших,
Как Петуху — есть расстегаи.
Вот так он рос. Мильоны их
Растила так пора былая.

Бывало, ветер, завывая,
Закружит листья, зол и лих,
Вода, канавы заполняя,
Захлопает, а сад притих, —
Вид у Сашкá тогда унылый,
Задумчивый не по годам.
Тоска его с жестокой силой
Схватила — стал не свой он сам.

«Мальца недолго видеть нам!» —
Порой соседки толковали,
Как шел он, молчалив и прям,
Казалось, чем-то опечален.
Куда-то ото всех затей
Тоска парнишку уводила.
А то — вновь смотрит веселей,
В проделках — первый заводила.

Читатель! Мысль меня смутила:
Вдруг проза повести моей
Им, «массам», вновь не угодила,
Как автор ни возился с ней.
Но, право, «массы» есть и Массы —
С заглавной я пишу одних, —
И вредные одним прикрасы
Всего приятней для других.

Я знал и критиков таких,
Что и в гробу учить нас станут:
От тонких замечаний их
Не только сердце — уши вянут.
Зачем, мол, «он», а не «она»
С поэтом в поле выезжает?

Другой: «Причина нам ясна,
Зачем он пчелок воспевает!»

Тот классицизмом укоряет,
Тот — рыбной ловлей. Ну а тот
Опять к Плеханову вызывает,
На помощь тень его зовет!
И все нашли, лишь я ищу всё, —
Где ж знать им, скольких стоит мук
И взят ценой какого чувства
Из сердца выхваченный звук!

2

Пусть повесть наша без сюжета,
Но всё ж за рифмой мы следим.
Не вышло из Сашка поэта,
Хотя и мог бы стать он им.
Но вновь скажу: поэтов масса,
Да проку нет от их письма,
И сердце долго ждет напрасно,
Хотя бы... малого Дюма.

Пришла хозяйкою зима
И пестрый свет весь побелила,
И, матерьял взяв задарма,
Гурьба учеников слепила
Из снега бабу. Тут как раз
Припомнить детство сердце радо —
Нам нравилось в веселый час
Из снега строить баррикады.

Разбившись на две бригады —
Я был, как помню, Курфейрак¹ —
Мы бой вели, и ретирады
Не признавали мы никак.
(Я тут с размера сбился малость,
Да что за важность! Ерунда,
Сказать по совести.)
Смеркалось,
Блеснула первая звезда.

---

¹ «Отверженные» («Les misérables») — роман Виктора Гюго.

Дорога ждет саней следа,
Бубенчика ждет гостевого,
И льются тени, как вода,
Как пряжа полога ночного.
Сашко еще не спит. С друзьями
Он бегал целый день. И вот
Перед окном с узором в раме
Он дань мечтаньям отдает.

Пишу — и страх меня берет:
О чем он думает, сердечный?
Иль в «голубой эфир» плывет?
Мала душа его, конечно,
Но чуть потоньше вкус у ней,
Чем. . . Вот бы не соврать некстати!
О разном думает плебей
В нетопленной и темной хате.

С чахоткой мать лежит в кровати,
Младенец плачет. Вот запел
Сверчок — за печкой иль с полатей —
Развлечь младенца захотел.
В мечтаньях перед взором Саши
(А ну-ка, лира, выше тон!)
Встают гиганты — стройки наши,
Жизнь в новом мире без препон. . .

Ну, вот и сбился на шаблон. . .
Беда и только с этой меркой!
Такой уже для нас закон,
Что каждый, как преступник мелкий,
Знай озирается вокруг,
Ни в друга веры нет, ни в брата:
Ни брат родной, ни верный друг
Нам не прощают плагиата.

Да и зачем далась нам хата
Сашка-мальчишки? Нам пора
Труда бессменного лопату
Заместо легкого пера

Взять в руки. Может, слишком скоро
Главу закончить я хочу?
Что ж, перед праведным укором
Молчать умею — и молчу.

8

Где повстречались? За дровами.
Шел март. Вода среди двора
Поблескивала ручейками. . .
О, вешних дней моих пора,
О, пыл сердечный — и на тыне
Концерт голодных воробьев!
Средь шумных улиц и в пустыне
Не раз я вспомнить вас готов.

Клен сбросил снежный свой покров,
И капли на ветвях сверкают,
И тишь вечернюю садов,
Стуча, колеса нарушают,
И голуби, как лепестки,
В дали мелькают нежно-синей,
Так трепетны и так легки —
Пучок неуследимых линий.

Как опустел я сердцем ныне
(Хоть и толстею)! Как живу
Однообразно! Если синий
Порою цвет и назову,
Так это просто лишь для стилия,
И то пора б и перестать. . .
Беда, коль плесенью и пылью
Позволишь сердцу обрастать!

А ведь мечтал я написать
Велеречивый гимн любви. . .
Но начинает жизнь тесать
И для меня уж дом сосновый
И, может, мерку уж сняла.
Хладеет кровь. Не те и песни. . .
Да речь-то не об этом шла.
Была весна. Был день чудесный.

Она сказала: «Льстишь, бесчестный. . .»
'(Ему семнадцать было лет. . .
Припомню — и в душе воскреснет
Мой юный цвет, хоть пустоцвет.)
«Как ни хитри, но непременно
Поймает батько, как кота. . .»
И тут, сказал бы я, *мгновенно*
Соединились их уста.

Есть в книге чувств страница та,
Чей смысл тяжел для толкованья,
Хоть поцелуя речь проста
И не трудна для пониманья.
Когда созрел уж виноград —
До долу ветви гнуться стали. . .
Ведь эту тему век назад
Зазорной вовсе не считали.

Он полюбил. Могло едва ли
Иначе быть. К чему же нам
Идти туда, куда не звали,
Где всё он сделает и сам?
Люби, целуй, безумствуй, хлопче,
Люби и в час, когда любовь
Тугими ножками растопчет
Твой мозг и нервы, плоть и кровь.

4

Еще мальчонкою с друзьями
В манящий город он ходил
И любопытными глазами
За жизнью города следил.
Толпы бурливое движенье,
Изгибы улиц, блеск витрин
И даже мостовой каменья
Любил и клял предместья сын.

Еще (нет для того причин,
Чтобы скрывать) был не похож он
На автора, что шум машин
Без страха выносить не может,

Нет: разные ремни, винты
(Вот радость юным урбанистам!)
Считал он чудом красоты
В свободном поклоненье чистом.

Пить забывал и есть, искристым
Уставясь взглядом в маховик. . .
Стоп! Шумом оглушен и свистом,
Еще, друзья, я не привык
Писать о трубах, о турбине,
Еще лениво стих идет!
Но мир былого гибнет ныне,
Приходит нового черед.

Стихийных сил извечный ход
Взяв в клещи действенной науки,
Людской идет к победам род,
Как зверь разумный и сторукий¹, —
И сквозь слепящий, едкий дым,
Сквозь море мўки и горенья,
Сияет взорам молодым
Рассвет великий единенья.

В труде сноровку и уменье
Герой наш рано получил,
Труд дал к большим делам стремленье
И сердце парня закалил.
И рос он, черный, прокопченный,
Упрямый, жесткий, как пила, —
А в сердце, словно луг зеленый,
Мечта сияла и цвела.

С друзьями жизнь его свела —
На то и молодость дана нам.
А с ними мир, где жизнь текла,
Казался иногда румяным
И теплым, словно майский сад. . .
Бывало, вешнюю порою
Май под знамена баррикад
Звал сердце Саши боевое.

---

¹ Для законченности образа следовало бы — столапый, но этого не позволяют ни рифма, ни приличия.

Был грозный срок. Уже ступала
 Вдали война, как Командор —
 Стопой тяжелой. Как шакалы,
 В один сбирались дикий хор
 Царевы слуги — «патриоты»,
 Уж запах тлена долетал.
 Но не один отважный кто-то
 Уже точил на них кинжал.

А те, что чуяли провал,
 Те плети толстые сплетали —
 И в плесень камер и в централ
 Голодных узников кидали.
 Еще каратели, шпики
 В дыму роились той порою,
 Еще безгласны и тихи
 Во мгле таилися герои.

Смешалось всё в снарядов вое —
 Хрипенье, стои, вращье, грызня. . .
 Здесь море ночи мировое
 И берег мирового дня. . .
 О, сколько их, чернявых Сашек,
 В окопах мерзлых полегло,
 И сколько в их мечтах погасших
 Красы и нежности цело!

Так что же Сашу привело
 На службу к воронам проклятым?
 А он мечтал ведь, как назло,
 Стать Робеспьером иль Маратом,
 А он немало ведь прочел
 Книг пламенных — призывов к воле!
 (Науку эту он прошел
 В тюрьме — в то время высшей школе

Политики: для бедных боле
 И не было — мечтать не смей!)
 Что ж: на чужом, на мокром поле
 Настиг его стоглавый змей
 В вонючей и сырой траншее,

И к пулемету приковал,
И трудовой рукой смелее
За сытых биться приказал.

Сашко частенько вспоминал,¹
Как целовался за дровами,
Как у соседа груши крал
И как гулять ходил с друзьями,
Корабликов бумажных флот
И вожаков фабричных слово,
Что за собой вело народ,
Пылая факелом багровым.

Он вспоминал, как светом новым
Весь озарился жизни путь,
Как ветром вольным и суровым
Дышать глубоко стала грудь,
Как юность присягала честно
Не на иконе, не в словах,
Как стрелы гнева и протеста
Калились в молодых сердцах.

6

«Вы всё еще поэмы ждете,
Сюжета, фабулы, интриг?»
— «Нет, мы берем то, что даете...»
— «И ладно. Я ведь не постиг,
Как это ходят на котурнах,
Героя водят, как за ус,
В тонах и в темных и в лазурных
На строгий потрафляют вкус.

Я сразу страху предаюсь,
Едва лишь вспомню о поэтах,
Что без дорог, попав в конфуз,
Плутают в хаосе сюжетов,
Главу верстают на главу,
То ссорят, то мирят героев,

---

¹ В таких случаях всегда вспоминают.

Живую душу наяву
Морят анализом порою.

Нет! Не создать мне (я не скрою)
Эпического полотна.
Другие же сюжет построят,
И племена на племена
Ведут упрямыми руками,
И мир весь видят из окна,
И чудо — посудите сами, —
Все даже помнят имена!

Лавина, хищна и грозна,
Катилась и докатилась.
И всколыхнулась до дна
Жизнь, что давно уж замутилась,
Травой болотной заросла.
Взвились птицы с вестим криком,
Сверкнули в воздухе крыла,
Воскрес безгласный — стоязыким.

Хвала морям, пустыням диким,
Дорогам, что в страде боев
Вперед, навстречу дням великим
Несли отважных муравьев.
И честь ветрам, что их живили,
И водам, что поили их,
И снам, что освежали силы
Волшебной властью чар своих.

И тем набатам, что живых
На вече судное скликали,
И солнцу, в чьих лучах косых
Снегов расплавились дали.
Пускай в крови, пускай в слезах
Растет посев, в грозу омытый,
Пусть днем темно, и ночью страх,
И пламенем земля повита, —

Любовь и вера — вот орбита
Земных сердец, но лишь борьбой
Даль неоглядная раскрыта

Для всех таких, как мой герой,
И пусть былое воет волком,
Змеей шипит на красный цвет, —
Мы ярким вышиваем шелком
Ткань светлую грядущих лет.

7

Однообразный и скрипящий
Состав в заснеженных полях.
Дремота. Холод леденящий.
И крови сонный стук в ушах.
Дров больше нет. . .

«Все за дровами!

Катися с крыш!»

— «Да к черту!»

— «Ну!»

И в топке вновь пылает пламя,
И рвут колеса тишину.

«Бывало, братцы, нам в плену
Жить — не хитрить — беда бедою. . .»
— «Не лезь, а то как толкану! . .»
— «Ну вот! Не пошуту с тобою!»
— «Что там ни говори, браток,
А не пожрешь — нет жизни сладкой. . .»
— «И дал мне он совет не впрок
К мешочнице пристать украдкой. . .»

— «А ты, видать, до женщин падкий.
Уйди!»

— «Беда с такой шлейей. . .»

— «А ну-ка веселей, ребятки,
Не то помрем с тоски такой!»

— «Свечу? Вот, барин!»

— «Ой, тулуп мой

Спер кто-то! Даже спички нет! . .»
. . .И снова вьюга снежной крупкой
Состава замечает след.

Часы прошли иль много лет?
А солнце словно не всходило,

Как будто стать решил весь свет
Холодным, темным, как могила.
Пойми попробуй, где и чья
Нога лежит и чья рука там,
Не верится, что тут семья,
Где каждый стал другому братом.

И не постичь, что за проклятым
Благословенное встает,
Что обернется день крылатым,
Что в *наше* вырастет *мое*.
Тьма. Не видны ни лес, ни избы.
Холодных рельсов хищный блеск.
Вот так себя и бросить вниз бы,
Сложить бы голову на рельс! . .

Замерзший полустанок. . . Лес. . .
И вновь поля. . . Маршрут неведом.
. . .Зря гибнуть что за интерес
Тому, кто на пути к победам?
Нет, сердце! Ты до той поры
Борись, гори, покуда в силе!
И в темноте, как две сестры,
Цигарки две заговорили.

Коль никогда вы не курили,
Читатель вероятный мой,
Зря взял я штрих из этой были,
Час отнимаю дорогой.
Но все-таки скажу: цигарка
Что «трубка мира» (к черту смех!) —
Не раз ведь те, кто спорил жарко,
За ней мирились без помех.

Была первейшей из утех
Она и в горе и в заботе,
Спасала от волнений всех,
Подмогою была в работе;
Пусть хмурится в гробу Толстой —
Ему табак был не по нраву, —
Ты все-таки, поэт, воспой
Живительнейшую отраву!

В дни, что несли железу славу,
Сжимали холодом сердца,
Мы все — различно, но по праву —
Искали светлого конца,
Межи, где б нам остановиться,
И выпрямиться, и ожить,
Водой целительной умыться,
Живым огнем весь тлен спалить.

Он и не ведал, может быть,
Тот поезд голый и голодный, —
Где горе нам дано избыть,
Где будет праздник всенародный?
Святые, милые поля
В дыму, под черными снегами!
Пусть будет радостна земля,
Как поцелуй тот за дровами!

8

Как с исполинского плаката —
Рабочий, цепи, шар земной —
Фигурой пролетариата
Сашко встает передо мной.
Он подрастал в грязи предместья,
Где козы, мусор да бурьян,
Таких, как он, не сто, не двести —
Непобедимый океан.

Когда в лесной чащобе Пан,
Напившись зелья, отдыхает.
Не песня шумных поезжан
За синей далью возникает,
Нет, — то прозревший строй слепых
К плечу плечо встает мгновенно,
И ящерицей страх от них
Бежит и прячется, презренный.

Где ослик пьяного Силена
Наивными ушами прят,
Там труд, избавившись от плена,
Коня железного взнуздал.

Эй, открывайтесь, просторы,
Все семь замков! Сон кончен ваш!
Осилить никому не в пору
Униженных когда-то Саш!

Коль для иных наш пафос — блажь,
Для скептиков — иной и тон мой.
Кто свет не презирает наш,
От будней скрывшись в нише темной,
Имеет уши слышать клич,
Глаза имеет и не прячет,
Тот должен взвесить и постичь,
Что наши сны и думы значат.

И ливни льют, и люди плачут,
И хнычут дети, как всегда,
И вóроны, как в песне, кричат
На поле ратного труда,
И зыбких берегов утопий
Еще не различает взгляд,
Не виден спасшимся в потопе
Зеленоверхий Арарат.

Пускай мой бледнолицый брат
С иронией помедлит едкой:
Нет, не на праздничный парад
К нам прилетит голубка с веткой,
И точки той нам не найти,
Достигнув коей, мы б сказали:
«Свершилось. Здесь конец пути!
Перед стеной последней встали!»

Девиз народов: дальше — в дали!
Девиз отважных: крепость — взять!
«. . . Поэт, об этом мы читали,
Когда учили нас читать».
— Читал и я.

«А мы не верим
В обетованные края!»
— Мы к торжеству идем над зверем,
Мои почтенные друзья!

«Ну, что ж! Пусть вроде соловья
Весну ты нам пророчишь песней,
Мол, будет мир одна семья,
Которой не было чудесней, —
Кого ты со своим Сашком
Морочить хочешь?»

— В чем морока?

«Твердишь, что видишь далеко,
Влез в тогу древнего пророка!»

— Нет! Одного хотел я проку
(«Пиши, художник!» — Гете звал) —
Хоть часть пути в ночи до срока
Вам осветить. . . —

День миновал,

Растаял леденцом, что сыну
Сашко несет. Узор теней
На площадь, как на луговину,
Каштан бросает всё сильней.

Дают покой спине своей
Хозяйки.

«Что же папы нету?» —

Спросил Ивасик (мастер сей —
Столяр на целую планету).

«Ты что — соскучился?»

— «Еще б!»

(Со странностями всё же мама!)

«Смети-ка стружки, вытри лоб».

— «А угадай — зачем мне рама?»

Идет домой Сашко с друзьями,
Как некогда чумаки Марко,
И сила их пьянит медами,
А не вино вдовы Клико.
Как пена, вспыхнув, гаснут споры,
Каштанов запах льется в грудь,
И ночь, все охватив просторы,
Им шелком устилает путь.

Читатель хочет отдохнуть,

А я — закончить повесть эту.

Чертям себя позволю вздуть,
Коли не вырвемся мы к свету,
Коль не поборем силы тьмы,
Мужая вопреки злословью! . .
«Кто ж ваш Сашко?»

— И я, и мы!

«Кто ж эти «мы»?»

— Да Труд с Любовью.

1927—1928

454. МАРИНА

Повесть в стихах

ПРОЛОГ - ПОСВЯЩЕНИЕ

Неначе цвяшок, в сердце вбитый,
Оцю Марину я ношу...¹

Т. Шевченко

Работа стихла. Сумерки клубятся.
Как слезы, задрожали фонари, —
Но дети наши ночи не боятся.

Звезда пятиконечная, гори,
Гори для них! Уже чудны слова им:
«Пан», «крепостной», «помещики», «цари».

Мы в памяти всю горечь сохраняем
Тех дней, когда нас убеждали в том,
Что мрак обязаны считать мы раем.

И в шуме ряс, и в ладане густом,
Под сапогом жандарма стопудовым,
И под карет блестящих колесом,

Откликнуться не смея громким словом,
Люд трудовой жил долгие века,
И тлела мысль под сумрачным покровом.

---

¹ Словно гвоздь, в сердце вбитый, Марину эту я ношу. — *Ред.*

Но женщинам вдвойне была тяжка
Вся череда страданий неизбежных:
В дни свадьбы терн плели им для венка.

Они нередко в песнях безнадежных
Надежду изливали и тоску,
Отраву злую пили в звуках нежных.

И песнь я с детства в памяти влеку,
Она одна звучит мне как живая,
Хоть много их я слышал на веку.

И вся-то жизнь, отжившая, былая,
«Отрадная» — будь проклята она! —
В той песне. О сестра моя, родная!

Сестра моя, подруга и жена!
Ту песнь я повторил тебе с любовью,¹
И не для слез она повторена,

Не для утех и не для пустословья, —
Но чтоб сказать: взгляни в последний раз
На тяжкий сон, сметенный нашей новью,

И вдаль иди, будь тверже, чем алмаз,
Иди вперед, усталости не зная,
Из той беды, которой пробил час, —

Куда ведет Отчизна трудовая!

---

¹ К сожалению, песню эту я позабыл. В ней рассказывается о бегстве юноши и девушки — крепостного и крепостной. Их настигает панская погоня, и девушка говорит своему возлюбленному:

Мене, Марку, візьмуть,
А тебе покинуть,
А тебе покинуть,
З пліч голівку здіймуть.

Это все, что сохранилось в моей памяти.

Идут, идут панове.

А. Мицкевич¹

1

Пан Людвиг нынче в добром настроенье:
Подагра стихла; за окном — весенний
Поющий полдень; зайчик на стене
Трепещет солнечный. Как на коне,
Сидит пан Людвиг, утопая в кресле.
Такое кресло у него, что если
Искать — и двух подобных не найдем:
Сиденье в нем заменено седлом
Турецким — прадеда трофеем победный.
Потомок Пшемисловского последний,
Закатный он недаром встретит час:
Ведь кровь неугомонная не раз
Его на дерзкие дела бросала
И встречных за собою увлекала.
Как гость из громких, из былых времен,
Жизнь оросил вином венгерским он
И радостями. Знал он поединки,
Повесничая лихо, по старинке, —
И нынче из-под уса брызжет смех,
Чуть только вспомнит рой былых утех.
Проделки те (бывало. . . ненароком. . .) —
Заметим грубо — вылезали боком,
Ну, там. . . его крестьянам крепостным,
Но, как известно, кнут полезен им, —
Он им нужнее хлеба и ученья!
(Пан Людвиг в этом не имел сомненья,
И в жизни так привык он поступать.)
Неужто каждую слезу считать,
Коль панский кнут пройдет по хамским шкурам?
Пустое дело! Умным балагурам
Да шутникам, что нам живят сердца,
Слагать хвалу должны мы без конца!
А все демократические штуки,
Что от излишней родились науки,

---

¹ Едут, едут паны. А. Мицкевич. — *Ред.*

Студентшкам оборванным отдать. . .
Эх, юность! Не теперешним догнать!
Охота пышная в лесном тумане. . .
А приключенья! Ни в одном романе
Их не найдет читатель молодой.
Теперь сиди вот, старый да больной,
По юности скучая быстролетной,
Сиди за трубкой. . . (Трубок до полсотни
Развешано у пана на стене:
Одна другой дороже и чудней,
Кривые, и прямые, и витые;
С благоговеньем люди молодые
Глядят на них.) Но больше трубок тех,
И грома музыки, и больше всех
Шипучих вин, и острых слов на пире
Две вещи полюбил он в этом мире:
Коней и женщин. Женская краса —
Что слаще в мире? Темная коса,
Движенья рук и шеи горделивой,
И быстрый взгляд, греховный и стыдливый. . .
А голос их! Ничто не манит так,
Как женский лепет. Чуть заметный знак
Победы близкой — это трепетанье
В спокойной речи. (Нужно лишь вниманье —
Миг неожиданный не упустить.
Любить? Уменье нужно, чтоб любить!
На всё есть средство. Это знал Овидий,
Как рыб, ловивший Левконой и Лидий.)
У этой — голос чистый, как хрусталь
Звенит, а в грудь вонзается как сталь.
Собой владеть постигшая искусство,
Другая утаить умеет чувства,
Как шелк стеля незначащую речь. . .
Какими поцелуями обжечь
Она могла б тебя порой ночью!
У третьей голос тихую рекою
Журчит и льется. . . Так бы в ту реку
И кинулся! Немало на веку
Красоток юных, расцветавших в холе,
Ласкал пан Людвиг, а встречал поболе:
Ведь всех на свете не обнял никто.

Припомнить пани докторшу — и то
По жилам хлынет огненное море!
Хоть молвить правду: после свадьбы вскоре
(Супруг злосчастный, лекарь полковой,
Был хоть ученый — вовсе не смешной
И далеко до шуток не охочий)
Она внезапно утопилась ночью
Там, где над речкой осокорь стоял.
Ах, осокорь так вкрадчиво вздыхал
В сиянье месяца туманно-синем!
Тогда болтали люди о Янине
(Так звали докторшу), что жребий пал
Ей трудный и что муж про всё узнал,
А был ревнив. . . К истории причастный,
Пан Людвиг чуть не заболел опасно.
Другая — панна Зося. Та сама
Не мучилась, зато свела с ума
Его, победы знавшего доселе,
А не преграды на дороге к цели!
Такой беды хлебнул он через край,
Что хоть стреляйся иль ее стреляй! . .
Исчезло всё, подобно легкой пене!
Пан Людвиг нынче в добром настроенье,
И память жжет не очень горячо.
Он стар. Ну что ж? Ведь и теперь еще
Белянку может выбрать он любую.
Порой, собравшись на боковую,
Он Кутерноге только знак подаст,
А тот уже в покой девичий — шась,
Как волк, приказ господский выполняя. . .

2

Невдалеке от замка есть большая
Конюшня пана. Что за кони там!
Во сне лишь видятся другим панам
Подобные! Скакун, что Магомета
Еще носил (вот тема для поэта,
И пан Тибурций, странник и чудак,
Ее в стихах мусолил так и сяк),
Был пращур этой конской родословной.
За эту породой чистокровной

Пан Людвиг трудный совершил вояж
В Аравию. Вокруг него тогда ж
Легенды родились — в одном романе
Рисуются пески в ночном тумане,
И месяц золотой, и бедуин,
Вслед каравану скачущий один,
Ныряя меж холмов, луной облитых.
Роман тот полон был намеков скрытых,
Кровавых стычек, дьявольских интриг,
Случайных взглядов, быстрых и немых,
Горячих полудённых наслаждений.
А над романом колоритной тенью
Вознесся тот, кто с трубкой у стола
Теперь сидит на бархате седла,
Покуривая. В полдни огневые
Он изучил обычаи чужие,
Эмиром звал себя без дальних слов,
А вывез лишь кобыл да жеребцов,
Но крови благородной и старинной,
Да память про седого бедуина,
С женой, похожей более на дочь.
Завесу тонкую откинув прочь,
Она его тайком в шатре встречала,
И ночь глубокая их чаровала,
И в полуночной знойной тишине
Мерцали звезды где-то в вышине. . .
Не всё, быть может, истинно в романе, —
На то роман. . . ¹

Тем временем в рыдване
Подъехал кто-то ко двору. Ну вот,
Пора встречать гостей! Еще живет
У Пшемисловского обычай деда:
Хоть раз в году сзывает он соседей,
Всю знать округи и родных своих —
Развлечься скачками. Для молодых
И праздник, и отрада, и наука.
Летят, как стрелы из тугого лука,
Они на быстрых, верных скакунах, —

---

¹ Для изображения Людвиг Пшемисловского автор взял отдельные черты характера Вацлава Ржевуского (1785—1831), которому Мицкевич посвятил своего «Фариса».

И юность оживает в стариках,
И лица дам бледнеют и пылают,
И веер пальцы нежные сжимают...
Тем, что обычай дедов сохранил,
Пан Людвиг знаменит в уезде был.
Да что уезд! Пожалуй, в целом крае
Любой природный шляхтич пана знает.
Тибурций всё в поэме описал
И к олимпийским играм приравнял
Тот праздник. Жаль, что рифмы, с мыслью споря
(Ему порой бывает с ними горе!),
Мчат не всегда его поэму вскачь,
А ковыляют вереницей кляч,
Каких в топчак¹ заводят для упряжки!
Спешат, а с места не сойдут, бедняжки!

Как гуси многошумным табуном
Весною ранней иль октябрьским днем
Слетаются на водяное лоно
И разбивают синеву затона,
Бьют по воде крылами и кричат, —
Вот так кареты во дворе гремят,
На торжество съезжаясь, как бывало.
Здесь панночек на выданье немало, —
Приданое отцы им запасли.
А вот постарше — пани, что выросли
В привольной, шумной и веселой жизни...
Вот, пышно разодет, безукоризнен,
Пан Леонард — жених во цвете лет.
Его за остроумье ценит свет, —
Как он учтив и как он шутит мило!
Хоть, правда... Он сегодня... Что есть силы...
Седого Карпа... Так пускай же хам
Остережется, коль виновен сам:
Ведь он вчера и нынче утром снова
Не подтянул подпругу у гнедого!..
Знаток философических систем,
Приехал пан Карпович между тем.
Он метафизику зовет — химера
И почитает выше всех Вольтера;

---

¹ Топчак — примитивный конный привод.

Так, например, кто из его крестьян
В приметы верит — вольтерьянец-пан
Велит вожжами поучить невежду.
И, говорят, у пана есть надежда
Холопов в вольнодумцев обратить.
Пан Людвиг иногда любил смешить
Своих друзей в приятельском застолье
Рассказом, как Карпович, верный роли
Оригинала, некогда решил,
Чтоб аист у него в поместье жил.
Тотчас же столб высокий в землю врыли,
Большое колесо к столбу прибили,
Чтобы гнездо держаться там могло.
Назавтра аист прилетел в село,
Не зная ничего о панской воле,
И опустился за овном в поле!
Разгневался Карпович: «Как, опять?
Поймать его! Поймать и привязать
Хорошими веревками нахала!»
А гайдукам достаточно, бывало,
Движенья пальца, чтоб понять приказ, —
Большую лужу окружили враз,
Где, никакой не чувствуя тревоги,
Разгуливал мятежник красноногий
И лягушат старательно искал.
Уже забыли, кто его поймал
Из гайдуков, что применил за способ, —
Одно известно: долго довелось б
Побегать им, когда б не тот ловкач.
Сперва гонец примчался к пану вскачь,
За ним, смертельным ужасом объятый,
Был вскоре пленник привезен носатый
И крепкою веревкою к столбу
Привязан тут же. Про его судьбу,
Чем завершилась панская затея,
Никто не помнит — я о том жалю:
Какой нам сделать вывод надлежит?

Вот веки опускает и молчит
Карповича почтенная супруга.
Но эта грудь, затянутая туго,

Была полна в давнишние года
Не только благочестием: тогда
Карпович чуть было не отравился,
А позже с философией сдружился,
В ней почерпнув покой и тишину,
Оставил он в покое и жену.
А та приблизила к себе лакея,
И кучер также был обласкан ею.
Вот дочка их — девица хоть куда. . .
Чуть поведет глазами иногда —
И сам Густав, красавец всем известный,
Готов бежать вприпрыжку за прелестной. . .

Медынская, старуха, прибыла
Позднее всех. То — давние дела,
Когда она с ума сводить умела.
Но золотистым вихрем пролетела,
Умчалась молодость; богатство вслед
Уплыло. Лишь одно на склоне лет
Осталось ей — Марьян, сынок единый:
Надменная осанка, взгляд орлиный,
И смелый — из-за правого плеча —
Широкий взмах свистящего бича.
Влюбленный в лошадей и в приключенья,
Он умер бы за гордое движенье,
За смелый подвиг, чтоб на много лет
Его запомнил восхищенный свет.
Обманутый коварною судьбиной,
В мечтах лелея вольный век старинный,
Что тысячью ночных зарниц пылал,
Былую Сечь он возродить мечтал
И посвящал досуг таким заботам
(Хотя и был он польским патриотом).
Гость ярмарок, пиров, игорных мест —
Он пьет помногу, но немного ест:
Есть — дело хамов, пьянство — дело чести
Дворянской. . . Вот, прославленный в уезде,
Пан Замитальский с громом прискакал.
Он славу шумную себе снискал
(О чем соседи шепчутся в испуге),
Чудачествами всех затмив в округе:

Он древнему магнатству подражал.
Но чтоб всего читатель не узнал
Из первой песни — здесь рассказ прерву я.
На лошадях сверкает, блещет сбруя.
Бичи стреляют. Кучка молодцов
Оглядывает буйных жеребцов,
И жажда первенства владеет всеми.
А из окна на них глядит в то время
Толпа дворовых девушек. Одна
Меж них тиха, красива и грустна,
Вздыхает, робко прячется за спины, —
Недавно здесь она. Зовут — Марина.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Коло броду беру воду,
По тім боці — мої карі очі!
Там козаченько коня напуває
Та на цей бік поглядає.¹

Песня

1

Однажды как-то, за недолгий час
До скачек, — а они на днях как раз
Должны начаться, — на пекарне челядь
Сошлась. Был час, в который тени стелют
Постель для ночи в голубых шелках.
Вишневый сад — он был еще в цветах, —
Дань первую отдав гудящим пчелам,
Дремал и грезил. Где-то там, над долом,
Чуть слышно было песню: в поводу
Вели коней в ночное. На пруду
Сбиралось на беседу жабье племя.
Эх, братцы! Иль забыли вы то время,
Когда нам юность до зари уснуть
Не позволяла? Как светился путь
Меж черными безмолвными дубами!

---

¹ Возле брода беру воду, на той стороне — мои карие очи! Там казак коня поит, да на эту сторону поглядывает. — *Ред.*

Бог с ними, с теми давними годами:
Они прошли — и отшумел их шум!

Рассказчик неустанный, дед Наум,
Знаток вина и кухонных изделий,
Быль с небылью сплетал (мели, Емеля!),
Недаром старый с ведьмами знаком,
Что в кошку превращаются, клубком
Под ноги скачут, людям козни строят,
Коров в подойник черной ночью дбят.
Днем женщины они, их не узнать,
Хотя горазды языком трепать, —
Да весь их род в том деле одинаков. . .
А вспомните злосчастных вурдалаков!
Ведь одного Наумов брат, Матвей
(Не верите? Вот бог меня убей!
Герасима-покойника вы сами
Спросили бы!), застукал под сеньми
И топором с размаху порубал.
Потом Петро искал и перестал
Искать сынишку: словно канул в воду!
И сам Наум ту бесову породу
Разок видал. Уже который год
Об этом помнит: в церковь шел народ,
Спеша на свадьбу поглядеть. Микита
(Он всё, бывало, ходит деловито
И крутит черные усы) к венцу
Маланку вел! Уже и пан-отцу
Сказали, напекли и наварили,
Бочонок с оковытою купили
В корчме яхнянской, все уже сошлись, —
И на тебе! Откуда ни возьмись,
Явился дед, махнул вот так рукою,
Сверкнул глазами, топнул раз ногою —
И весь народ в смятении примолк:
Глядят — Микиты нет, лишь серый волк
Завыл возле Маланки, приласкался,
Потерся о колени и убрался,
Через дорогу прыгая. А дед
Растаял, словно снег, — пропал и след!
Развеялся, что дым. Вот как бывало!

Да и теперь у нас чудес немало
По свету ходит. . .

Дальше перешло

На то, о чем, и спать ложась, село,
И подымаясь, думало: такие
Ловили жадно слухи крѣпостные —
Казалось им, что скоро день придет,
Когда. . . Об этом уж поет народ,
Да потихоньку — и у стен есть уши, —
Когда уже их больше не задушит
Насилье панское. Мол, написал
Бумагу царь про волю, да украл
Бумагу эту кто-то. . . Только скоро
Придет она. . . Любили разговоры
О том, как бился храбро гайдамак.
Вставал перед глазами буерак,
Степная ночь, стреноженные кони
И острый, освященный нож в ладони.
«Эх, кабы нам! . .»

— «Цыц! Надо помолчать!

Теперь уже совсем недолго ждать
Поры желанной. Только б Кутернога,
Подлиза, панский пес. . .»

— «За ним, ей-богу, —

В речь старших молодой словцо ввязал, —
Пан спозаранку нынче посылал,
Чтоб из села к нему живой рукою
Привел Марину. . .»

— «Как? Дитя такое?»

— «Ну да. Годок шестнадцатый уж ей
На днях пойдет. . .»

Костра лесного злей,

Наум вдруг вспыхнул. Как стрела из лука,
Была та новость. Внучка! Что за мука!
Мариночку! В усадьбу! Негодяй!
Уж он ее приметил! Да пускай
Он с теми забавлялся бы, кто знает,
Зачем их пан в покои призывает,
Те немощную греть умеют плоть. . .
Ах, если б лысый череп расколоть,
Добраться до очей его проклятых!

Молчит Наум — затем что ночь у хаты
И кто-то под окном уж шелестит. . .
Здесь каждый горе про себя таит,
Нужда от всех скрываться приучила,
Мариночка моя! Ребенок милый!

Бывало, подарит ему судьба
Свободный час (порой и у раба
Свободная минутка выпадает) —
Наум скорее свитку надевает,
В платок гостинец завернет едва,
Идет в село: там дочь его, вдова,
Встречает тотчас старика поклоном,
И он подарок достает смущенно
Из-под полы. И резво, словно мышь,
Что вдруг, дневную нарушая тишь,
По хате пробежит и в норку снова, —
Так девочка мелькнет — то у слепого
Окошка, то у двери, у печи. . .
«Ну, угадай, Маринка, калачи
Или другое в узелочке этом?»
Его лицо морщинками согрето,
Как будто сетью солнечных лучей
В осенней синеве. . .

И сыновей

Сумел своих он вырастить когда-то,
Да где они? . .

Пирожное, цукаты,
Украденные с панского стола, —
Украденные! — лакомка брала
Ручонкой и проворно разгрызала. . .
Ах, для того ль росла и вырастала
У ней коса, пушиста и густа,
Чтоб мышка для пузатого кота
Добычей стала? Нет, не знать пощады! . .
Наум молчит. Еще молчать нам надо:
Но он не за горами, грозный час!

Наивный люд в Шампани светлой пас
 Наивные стада. Дрожали росы,
 Пел колокольчик. Что же стоголосый
 Стон от веселой восходил земли?
 Зачем они — дофины, короли
 И рыцари под шлемом, в латах тесных —
 Не шли искать на землях неизвестных
 Жен и добычу? Что ж, озлоблены,
 Копытами грабительской войны
 Они здесь виноградники топтали
 И подданным несчастным не давали
 В убожестве поля свои пахать?
 Зачем же Каина легла печать
 На Франции спокойный лик?

Пожары

Сметали села. Словно голос кары,
 Звучали трубы грозные в боях,
 А там, средь трав, средь свежих трав, в цветах,
 Казалось, созданных лишь для влюбленных,
 Добычу сладостную — дев плененных —
 Терзал солдат бесстыдный произвол,
 И цвет, что для любимого расцвел,
 Рука насильника порой срывала.
 Напрасно горькая тоска звучала,
 Летя стократным эхом в синь небес,
 Напрасно весь народ молил чудес
 И возвещающего мир виденья, —
 Никто не знал: придет ли избавленье?
 Но девушка с пастушеским жезлом
 Для родины отцовский бросит дом:
 Нет, не пасти ей коз по косогорам!
 На вороном коне, блистая взором,
 В одежде белой выедет она. . .
 И перед нею склонится война,
 И свой ковер победа ей расстелет.
 А ты, моя пастушка, неужели
 Тебе, Марина, больше нет пути
 И из родных лугов должна идти
 Ты в роскошь золоченого покоя?
 Не для борьбы, не для восторгов боя
 Пастушью долю бросишь ты свою!

Хотя бы в сладком изнемочь бою!
Хотя б сгореть тебе, как *та* сгорела!
Нет: мед хмельной нетронутого тела
Здесь жадно выпьют дряхлые уста,
И песенка умолкнет, так проста,
Что в свежей утренней росе родилась. . .
Марина! Сердце! Ты не утопилась?
Знай — уж растет и шлет тебе привет
Не дева Орлеанская, о нет!
Та, что ее прекраснее. Та дева
Народом зачата в годину гнева,
Средь молний, грома, плещущих зыбей. . .
Она растет и уж не королей
И не дофинов от беды спасает —
Невольников на вольный пир скликает!
Эй, бедняки из сел и городов!
Уж блещет день, и плещет стяг, багров,
И он несет, подобную пожару,
Мечь угнетателям и сытым кару,
И радость нам, свободным на века!
И потекут народы, как река —
Одна река в родное всем нам море, —
И стон ваш, ваши муки, ваше горе,
И слезы, что веками сердце жгут,
По всей земле как розы расцветут.

8

Один Маркó лишь пану угождает.
Чуть только пан капризный пожелает
(Подагра, старость — всё его гнетет)
Поехать прокатиться — запряжет
В рыдван любимых скакунов-арабов,
И — но, любимые!

Маркá Небабы

Никто б не мог на свете превзойти!
Шумят леса, стучат мосты в пути,
Змеею извиваются дороги,
И солнце лошадям ложится в ноги,
А он сидит, красивый, молодой,
Тугих вожжей уверенной игрой
Он пана-конелюба утешает.

«Тот кучер — кто коней натуру знает!» —
Пан Пшемысловский говорить любил.
А в лошадях на волю рвется пыл:
Летят как вихрь, послушные, как дети, —
Ведь им Марко понятней всех на свете,
Хоть большей частью он привык молчать.
Быть кучером — не песенки писать!
Лишь для того, чтоб разойтись с шаблоном,
Его я не зову Автомедоном.¹

А дед Марка — тот виды сам видал,
Когда народ, как буря, бушевал,
Собравшись освящать ножи в дубраве,
Когда Зализняку в великой славе
Десницу подал Гонта. Среди бойцов,
Кого пророк пел пламенем стихов,
Детьми и сыновьями называя
И славою нетленною венчая, —
Кондрат Небаба самым первым был.
Себе Марко в наследство получил
Движенья гордые, и зор, что светел,
И смелость — самый лучший дар на свете.
Уж не одна, грустя наедине, —
Лишь едет он иль бродит в стороне, —
Посмотрит, покраснеет, улыбнется,
Да так, что сердце пламенем займется.
Эх, друг Марко! От девичьих бровей
Добра не жди!

Раз возле тополей
Марину встретил он. Она шла в поле
Копать картофель. . .

Сердце! В сладкой боли
Что вспомнило ты о беде былой?
И почему весеннюю травой
На стоптанной дороге у березы
Растут забытые мечты и слезы
На месте том, где всё уже прошло?
Что говорить! . . Раз наш Марко в село
Приехал с паном. Глянула Марина,

---

¹ Автомедон — в «Илиаде» Гомера — правил лошадьми на колеснице Ахилла. Идеальный кучер.

Он поглядел — и в этот миг единый
Для них обоих сотни лет прошли. . .
Поехал, оглянулся — и в пыли
Исчез. А солнце, грея по-иному,
В сверканье шло по небу голубому.

Тибурций как-то сравнивал гарем
У пана Людвиг (пора нам всем
О многом говорить уже открыто)
С букетом пышным: роза Феокрита,
Вербена, лилия, фиалка — там
Среди цветов. И пан Тибурций сам
Сорвать цветочек согласился б тоже,
Хоть постарел, с голодной мышью схожий
Истлевшим, дряхлым кожушкой своим,
Который чуть ли не родился с ним
И пригнан, как его вторая кожа. . .
Но нет! На пана вовсе не похоже,
Чтоб поступался собственным добром.
И так уж панычи юлят кругом,
Стремясь хоть каплей меда поживиться, —
Напрасно! Ничего им не добиться!
Вот и теперь (мечтал старик поэт,
Облизываясь) свеженький в букет
Попал цветок — и милый и невинный!
А что цветочек тот зовут Мариной,
Узнал он — и разок ей подмигнул. . .
Ишь старикан! На что он посягнул!
И пан Тибурций, завистью сгорая,
Стал молчалив, гостей не замечая,
Не слыша, что толкуют сгоряча,
Поглядывая лишь из-за плеча
Туда, куда настойчиво и странно
Пытливый взор Густава и Марьяна
Не раз уж с любопытством забегал. . .
«Ай, Людвиг! Вот конфеточку достал!»
А что ж Марко? Не торопись, читатель!
Я обо всем сказать успею к стати
И каждого дорогой наделю;
А так как более всего люблю
Я строй эпический, широкий, вольный,
То взор внимательный стремлю невольно

Туда, где гулко шелкают бичи,
Где бьются об заклады панычи,
Где Замитальского трясется пузо. . .
Благослови ж меня, родная муза!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Од коршомки та до могили
Сімсот верстов ще й чотири.
Ой, там козак та напивався,
А кінь з орлом закладався.¹

Песня

Пан Людвиг знак рукою подает,
Нетерпеливый конь копытом бьет,
И вся усадьба в праздничном круженье.
Обширны Пшемысловского владенья,
Они подходят к дебрям вековым.
Там, на столбе, невольником немым
Живет орел в железной ржавой клетке
И страстно жаждет, чтобы выстрел мсткий
От долгих мук его избавил вмиг, —
Ведь до сих пор он к плену не привык,
Ведь до сих пор (хоть пленник, а крылатый)
Он устремляет клюв свой крючковатый
В ладонь, что корм бросает для него.
Вблизи столба орлиного того
Уходит вспять дорожка скаковая:
Поляна там отведена большая
Для состязаний. И беседка там,
А перед ней привязана к столбам
И ленточка, — ее, летя стрелою,
Тот конь сорвет, который пред толпою
Счастливого хозяина промчит.
Уже собранье панское шумит,
Тут важно друга ободрить глазами
И стройной панне, и дородной даме
Вот-вот ударит в сердце конский скок!
Но не приспел еще начала срок,
И все второго знака ожидают.

---

¹ От корчмы до кургана семьсот верст да еще четыре. Ой, там козак напивался, а конь с орлом об заклад бился. — *Ред.*

У панны Стаси взор так и сверкает, .
И Стася, красный веер распустив,
Им заслонилась и, глаза скосив,
Как будто ненароком поглядела,
Как молодой Медынский скачет смело,
Смирная конский яростный галоп.
Кудрями, буйно свисшими на лоб,
Глаза его горячие закрыло. . .
Как, в самом деле, выглядит он мило!
Всех, кажется, хотел бы победить!
Помедли, муза! Что это за прыть?
Ты о дешевых лаврах всё вздыхаешь?
Ты всё Марьяна хвалишь, прославляешь,
А Генриха читательским глазам
Не показала? Пшемысловский сам
Дивится: вот уж сын, каких немного!
Своих соседей Генрих судит строго:
Бесчеловечность, говорит, низка,
Ни разу, вот ей-ей, его рука
«Меньшого брата» в гневе не касалась.
Когда ж студентов кучка собиралась
Хлебнуть пивка и шумно поболтать,
Он выводил таких претензий рать,
Кровавые слагая гороскопы
Для края отчего и всей Европы,
Так пиво дул и глотку разевал,
Что якобинцем Генриха прозвал
Студент до гроба — Аполлон Кресало.
Да и другие, не смеясь нимало,
Подметив резвость Генриховых уст,
Поддакивали: это наш Сен-Жюст!
Вот молодец — его мельчайший атом
Назвать уместно крайним демократом!
Был, правда, грех, — а у кого их нет? —
Сам Генрих, не стыдясь, на целый свет
Твердил, что он до юбок больно лаком.
Но ловелас найдется в чине всяком,
Другой и позначительнее будь,
А женская его волнует грудь!
Но, прыть в делах любовных проявляя,
Иные подвигами мир пленяют,
И пораженный мир твердит: ну-ну! . .

Так поступал и Генрих: не одну
Навел на грех, хоть подвига тем часом
Ни одного не предъявил он массам
(Простите мне подобный прозаизм!),
Следил, как в мире зреет катаклизм,
Пророчил крах прогнившему укладу,
Бутылок грозно ставил баррикаду
В пивной старинной «Черного осла»,
А позже вся компания брела
Туда, к девицам пригородным в «зало».

Гам их «мамаша» радостно встречала,
Гудела скрипка «добрый вечер» им,
Герасим-вышибало, как своим,
«Гостям хорошим» сладко улыбался:
Он в господах дотошно разбирался,
Как Людвиг в берберийских жеребцах
Или поэты в звездах и цветах. . .
Случались и серьезные романы.
Одна вдова. . . Бывало, глянет пряно
На Генриха — и жаром опалит.
Походка! Взоры! Величавый вид!
Прическа! Сапожки! Мутится разум. . .
Но он бесстрастен, не моргнет и глазом:
Есть Зося в переулке Королей, —
Три дня назад знакомство свел он с ней;
Сказала, что сегодня будет в парке. . .
И вот костюм, по новой моде — яркий,
Цвет молока с малиной (есть такой),
Мелькает меж деревьями. . . Рукой
Махнула робко. . . Раз, два, три! Готово!
Чрез месяц на приветливое слово
Ее — пан Генрих дергает плечом. . .
Как? Взором, вздохом или слез ручьем
Связать того, кто путь миров изменит?
Комедия!

И снова пиво пенит
Компания у «Черного осла».

А летом, удалившись в глушь села,
Не сетует, что угнетен тоскою

Пан Генрих — нет! Он скорбью мировую
Теперь охвачен с головы до ног:
Здесь человек и гражданин не смог
Признанья вечных прав добиться! Всюду
Царит неволя! Чахнущему люду
Удел — пролить для сытых кровь и пот!
Народ убог и слеп, как жалкий крот!
Паны — что скот, без мыслей, без стремлений! . .
Отцу он не вверял своих воззрений,
Они ему, конечно, далеки!
А если вдруг тяжелый груз тоски
Ему на плечи опускался хмуро,
Он способ знал (великие натуры
Всегда умеют, захворав тоской,
Ее вводить умело в должный строй):
В вечерний час тихонько у порога
Сверкал лукавым глазом Кутернога,
Седого пана неизменный раб. . .
Ночь летняя порассказать могла б,
Когда бы вдруг заговорить сумела,
Что, мол, служить отцу — благое дело,
Но и сына не вредно развлекать.
Но всё еще гаремную печать
Не трогали. . . (В семье царил обычай
Считать, что шутки Людвига в девичьей —
Большая тайна. . . а тем паче сын
И дочь. . . ни-ни. . .) Пожалуй, я один
Могу назвать наяд и нимф крестьянских,
Допущенных в уют покоев панских
Скучающего пана развлекать. . .
Но это ни к чему. . . Одна, иль пять,
Иль десять. . . Без учебника понятно,
Что в личной спальне. . . действуют приватно.
До этих дел нам дела нет никак!

Пан Людвиг тут вторично подал знак —
И всадники помчались, поспешили
И золотой волной вечерней пыли
Большую площадь вдруг заволокли.
И грянул туш. «Пошли! Пошли! Пошли! . .» →
Волнуясь, шепчет панство. Кони скачут,
А знатоки глядят вовсю, судачат:

Какая статья, какая резвость, ход,
Кому беду фортуна принесет,
Кому отдаст торжественные лавры.
Не молодые люди, а кентавры
Стремятся мимо пленного орла. . .
Когда бы воля сизому была —
Взлетел бы он, под небеса поднялся,
Как тот, что над корчмою состязался
С казацким добрым вороным конем. . .
Но не тоской — презрения огнем
Помянем эту славу дня былого. . .
О «добрый» старый мир, будь проклят снова,
Где Кутерноги *подают* дивчат,
Когда отец — старик, в солдатах — брат.
В последний раз помянем с омерзеньем
Тот мир, покончим с «сладостным виденьем» —
И дальше в путь. . .

Уж не один забег
Прошел в поместье. Тот, другой, рассек
Победы ленту. Зрители в ладони
С восторгом плещут. Отдыхают кони
Вспотевшие, чтобы сорваться вновь
В безумный бег. В глазах у них любовь
К хозяину (хозяин так считает)
Час от часу всё пламенней сверкает. . .

Последний круг — опять гудит земля,
И всадники несутся вскачь, пыля,
Под возгласы и марша грохот дикий. . .
Минута — и приветственные крики
Взлетят под небо. . .

Пшемысловский-пан
Побагровел: ну и шельмец Марьян!
Прискачет первым, бестия лихая!
А панна Стася веер, замирая,
Опять прижала к сердцу докрепка,
И безотчетно выдает рука
Секрет ее волнений и желаний. . .
Без пятен славный род Медынской-пани,
Супруг ее слыл малым неплохим,
Да уплыло имение, как дым,
И не одно! Напрасно и стремиться,

Чтоб за Марьяна дочку мог решиться
Отдать пан Пшемисловский. . . Но притом
Известно всем: блистательным цветом
Растет любовь и зреет под запретом. . .
Вот гости к победителю с приветом
Направились. . . Для обозренья им
Конюший старый, сгорбленный Максим,
Шпака, коня счастливого выводит.
Конь утомился, ребра так и ходят,
Но биться об заклад готов Марьян,
Что птицей легкокрылой, дик и рыан,
Он снова может мчаться без предела. . .
А Стася — Стася даже побледнела:
Конек чудесный! Милый! Дорогой!

Лишь Пшемисловский тут кривит душой,
И злость ему под горло подступает:
Опять коней арабских побивает
Негодный Шпак. . . бездельник. . . сто чертей!
А Генрих! Генрих. . . На коне, ей-ей,
Как мокрая ворона на заборе!
Но средство разогнать досаду вскоре
Надежное нашел ехидный ум.
Под рассказней и поздравлений шум
Велел тихонько Людвиг Кутерноге,
Чтоб *поучили* в стойле, на пороге,
Как гости удалятся на обед,
Максима-конюха. . . Проклятый дед,
Совсем коней забросил!

И, украдкой
Распорядясь, вошел с улыбкой сладкой
В круг пышных дам и молодых господ.
А день на запад наклонил с высот
Свое чело. Курилась над именем
Сухая пыль.

С подчеркнутым уменьем
Попотчевать гостей и обласкать,
Велит столы пан Людвиг накрывать,
Лакеев твердо направляет дело.
Кипит токай, шампанское вскипело,
Наполнив кубки. Началась пора
Бесед и шуток. Старики «вчера»,
Как легкий мяч, друг в друга запускают,

А молодые «завтра» защищают,
И за «сегодня» бой почти готов.
Хозяин строй обеденных столов,
Как маршал перед боем, озирает
И с паном Замитальским поминает
Год тысяча. . .

Блистательный Густав
Доволен, трем девицам разостлав
Силки любви. Для славного Марьяна
Несут большую кружку, славу грянув
В честь победителя. Карпович сам,
Хоть в аскетизме и клялся друзьям.
Урчит блаженно, словно кот ленивый.
Тибурций жметя с краю, торопливо
Наливку допивая.

«Ну, вперед! —
Шепнул себе — и начал: — Не умрет,
Не сгинет ввек дух рыцарский высокий!»
Кто посмотрел, кто мимо — и потоки
Стихов, высокопарная хвала
(Род дифирамба) густо потекла.
Стремясь прибавить живости банкету,
Мигнул пан Замитальский, чтоб поэту
Тибурцию смешали в чарке всех
Напитков со стола. . . Беззвучный смех
Между гостями тихо пробегает:
Потеха! Замитальский дело знает!
Ох, выдумщик!

Да, тертый он калач.
Во всем находит шутку, а не плач.
Раз, помнится, в разгар аукциона,
Когда его именье, плод законный
Труда (. . . чьего?), пускали с молотка,
Он, беззаботно взявшись за бока,
Отменный фокус показал беспечно:
Чиновника (неважного, конечно,
С большим бы, может, канитель была)
Он приказал, подняв из-за стола,
Где тешил тот вином свою натуру,
Зашить без жалости в медвежью шкуру,
Да и спустил со своры всех собак.
Тут страху вдоволь повидал бедняк!

Передают, медвежья получилась
Болезнь (простят мне дамы, не годилось
Рассказывать об этом)... Злые псы, —
Клянусь вам, чудо силы и красоты,
Из прежних волкодавов... Близок к смерти
Был дурень... Подходил ему капут...
Пан псов прогнал, а кое-что *в конверте*
Предотвратило и позор и суд.
И приказной убрался, сытый, пьяный,
Закрыв глаза на все свои изъяны,
Хоть маялся недель, должно быть, с пять...
Смеются гости, каждый рассказать
Спешит: тот — был, а этот — небылицу...
А тихий вечер не спеша струится,
Как пенный мед.

Сидит среди гостей
Лишь Генрих сам не свой. Кто скажет: «Пей!» ---
Покорно пьет, а мыслью улетает
Куда-то вдаль. Тоска ему сжимает
Бунтующее сердце... Потому,
Быть может, что победа не ему
Досталась, а другому? Нет! Пустое!
Для автора нет тайны у героя,
И я, читатель, сообщаю вам:
Марининым обязан лишь очам
Пан Генрих всем унынием жестоким;
Сегодня у девичьей, ненароком,
Впервые увидав ее, в один
Короткий миг отца достойный сын
Вдруг завистью ревнивой распалился...

Ночь подошла. Обед не прекратился
До ужина. Тибурций спит давно.
(И настрого будить запрещено
Прислуге: Замитальского затеи
Последуют — и шустрые лакеи
Приказов ждут дальнейших.)
Всё дружной

Шумит беседа. Будто на коне,
Сидит пан Людвиг на хозяйском стуле.
А в гуще сада вишни не уснули,
Как море — соловьиная весна.

И шепчут там два голоса: *она*
И рядом *он*...

И, не переставая
И не спеша, струится ночь густая.
И только ветер разобрать бы смог,
О чем девичий шепчет голосок
В отчаянье и сладостной истоме.

О н а

Марко, послушай... Гости в панском доме
До завтра будут... Некогда ему
Меня схватить... Любимый, одному
Тебе верна я... Завтра ж что?.. Пропали...
Не раз уже соседи намекали:
«Та самая...» Я на беду выросла,
Сердечный друг мой!

О н

Что ж... Пора пришла...
Я знал — придет... Нельзя так оставаться...
Под вечер... Гости будут разъезжаться...
И в суете... Всё подготовлю я,
Улажу... Полно, звездочка моя...
Пируют, слышишь? Наливают чаши...
Ну, что им труд наш, горе, слезы наши?..
Максима бить велел, не скакунов,
Плетьми... За что? Неужто у панов
Пропала память... И придется снова
Напомнить Гонту им?..

О н а

Молчи, ни слова...
Там ходят...

О н

Знаю, им устроят пир,
Пир будет! О, хотел бы я весь мир
Перевернуть!

О н а

Родной, молчи!.. услышат...
А ночь узор свой темно-синий пишет,
А гости веселятся, а бокал

Вновь полон, и Густав не перестал
Остротой новой подбодрять веселье.
Одни танцуют, те за карты сели,
Храпит Тибурций, Стасина рука
Багряный веер сжала докрепка,
И, дремою объят, в веселом гуле
Сидит пан Людвиг на хозяйском стуле.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Та й сон же, сон напрочуд дивний,
Мені приснився...¹

Т. Шевченко

1

Тибурций спал и странный видел сон:
Он девушкам играл, как Аполлон
В собранье муз, на лире благородной,
Серебряной, с большой бутылкой сходной.
Напоминал ее мелодий звук
И звон ножей, и вилок перестук.
Все возлежали на пурпурных ложах,
В венках из роз, на рюмки чуть похожих...
И вдруг — иная греза низошла:
Громады гор. Клубящаяся мгла
В расщелинах. Тропинкой каменистой
К пещере, обветшалой и нечистой,
Его ведут. И голоса вдали
В какой-то хищный шепот перешли
И смолкли. Мрак. Молчанье. Злое место...
Он спит! Проснуться нужно! — Наконец-то!
Он делает неосторожный шаг
И падает. Каменья, желтый прах
Посыпались. О боже, правый боже!
Как твердо это каменное ложе!
Как холодно! Забили зубы дробь...
Ужели здесь лежать? Лежать по гроб?
От музыки и от жизни отрешиться?..
Но вдруг открылась новая страница —
И на губах улыбка вновь дрожит,

---

¹ И сон же, сон на диво дивный, приснился мне. — *Ред.*

И лунный свет серебряный царит
В опочивальне, где он как бы спящим
Прикинулся. Сейчас ведь в шелестящем
Наряде девушка войдет — она,
Чей взор пьянее крепкого вина,
Пьянит сильней, чем все на свете вина.
Он вспомнил: да, ее зовут Марина,
Ее он видел, где же и когда?
Он вновь силен, как раньше, как всегда,
Объятием он встретит, жарче бури,
Как мусульманин мусульманских гурий,
Ее, ее, — она как снег бела,
Вот легкой ножкой на порог взошла,
Приблизила соблазны нежной груди
И . . . свят, свят, свят! . . . А это что за люди?
Не люди, твари с псиной головой
К нему идут. . . Старик, как неживой,
Под одеялом спрятавшись, не дышит,
А вражья сила всё сильней колышет
Матрац, — когтями рвет его она,
И мнет, и крутит. А в стекле окна
Всё новые мерещатся кошмары,
Сквозь стены лезут. Это, видно, кара —
Тот час неумолимого суда,
Его же не избегнуть никогда!
Тибурций, корчась, за матрац схватился
И колесом в постели закружился
От потолка до пола. Голова
Не знает уж, жива иль не жива,
А тело всё то жаром осыпает,
То льдинками. . .

И снова выплывает
Из мглы Марина, но черты лица
Вдруг расплылись без меры, без конца,
Нос — у шарманки ручка, и шарманщик
Вращает ручку, и поет органчик
Мотив свой ядовитый что есть сил. . .
Какой мотив? . . . Да тот, что он испил
Сегодня с неразбавленным токаем!

Мы со времен Шекспира твердо знаем:
Кто красочно рассказывает сны,

Тот просто врет. Бездонной глубины
Тех хаосов, что называют снами,
Обычными не выразить словами.
Для этого быть надо Львом Толстым.
Поэтому мы просто умолчим
О всех деталях. Было их немало:
Тибурций пообедал до отвала,
Изрядно выпил, и конца тем снам
Доискиваться вряд ли стоит нам.

Шарманки удивительное пенье
Предвосхищало чудо пробужденья.
Тибурций потянулся и зевнул,
Курильщик закоснелый, протянул
За трубкой руку — закурить скорес —
Открыл глаза и замер:

«Боже, где я?»

Да где же я? Ох, снова сон плохой!
Да нет, не сон».

Подвал полусырой.

Лежит поэт не в спальне — на соломе!
Зловеще тихо. Ни предмета, кроме
Теней застывших по углам. Сюда
Полоской проникает, как вода,
В оконце, сквозь решетку, лучик сырый.
Должно быть, утро. Вот концовка пира!
Да что ж это такое всё же? Как
Сюда попал? К разбойникам в овраг
Заехал? Или сам стал лиходеем?
Ох, люди! Никогда мы не умеем
Предвидеть пропасть, где беда нас ждет.
Мы рвем цветы, пьем ароматный мед,
Когда в цветах — змея, в меду — отравла!
Не смог Тибурций разобраться здраво,
Какого черта он лежит, как брус, —
Он к философии утратил вкус
И слабость к златоустому рассказу.
В истории поэзии ни разу
Подобных не отмечено вещей.
Ночь волшебства. Кого спросить о ней?
Что с ним стряслось?

Но стены всё молчали...

Теперь он вспомнил: в оживленном зале
С гостями оживленными он был,
Ну, гости пили, и Тибурций пил,
Читал стихи им, упивался славой. . .
А дальше. . . Что же дальше? Боже правый!
Забыл! Ну да! Не помню — и конец.
Так вот запомни, старый удалец,
Как напиваться даровым венгерским!
Перед гостями показаться дерзким
И молодым ты вздумал? Что ж потом?
Ну, выпил. Ну, заснул. Каким путем
В подвал ты всё же угодил безвинно,
В потемки? Белолицую Марину
Ведь он не называл. Держать язык
Он за зубами смолоду привык,
Интрижки с малых лет вел осторожно.
Двусмысленное что-нибудь, возможно,
Болтнул вчера, — но повод слишком мал,
Чтобы тащить и запирать в подвал,
В таких делах отнюдь мы не виновны,
Какие суд карает уголовный.
А с той поры, как увидал поэт
Сей суетный и лицемерный свет,
Дурным примером не прельщался малый,
Не убивал, да и украл, пожалуй,
У Кохановского лишь пару строк. . .
А вот глядите — взяли под замок,
И заперли снаружи (что есть силы
Он дверь толкал). . . И темнота могилы,
И сырость. И решетка на окне.
«О горе грешнику, о горе мне!
За что такие суждены мне муки?» —
Воздел старик трепещущие руки
И, как ребенок малый, зарыдал.
Кто в сходных положеньях не бывал,
Того б, конечно, это удивило.
Меж тем светало. Утро наступило.
Людская речь вливалась в птичий хор,
Рождая неотчетливый аккорд,
И в темноте подвала всё тонуло.
Но за окошком что-то промелькнуло —
Послышались шаги — к окну пришик

Усатый кто-то. . . Бедный наш старик
Весь встрепенулся: значит, скоро тайна
Раскроется. Всё сделалось случайно. . .
Прислуга промах сделала небось. . .
Где ночевать? Как в улей натолклось
Гостей, как на пожар все набежали.
Его пока приткнули тут, в подвале. . .
Да, да. Конечно. . . «А замок дверной?
Да и решетка?» Снова мыслей рой,
Как молнии, догадки промелькнули.
Увы, надежды, вспыхнув, обманули,
И еще горше тьма подобралась.
И усача узнал он: боже! Ясь!
Да, Пшемысловского лакей любимый!
Он непорядка не пропустит мимо!
Что ж он молчит, так призрачно возник?
Всё это продолжалось только миг,
Но миг тот целой вечностью казался.
Поэт дрожащий с мыслями собрался,
Упавшим голосом заговорил:
«Что ж это я. . .»

Тот палец приложил
К губам: молчи, старик, пойдешь на плаху!
Тут зашатался наш поэт от страху.
Безмолвный дух в окно, наискосок,
Просунул хлеба черствого кусок,
Потом и кружку медную с водою.
«Да наконец скажи мне, что со мною?» —
В отчаянье Тибурций престонал.

Я сь

Тсс! Тише! Пан наказ строжайший дал
Отнюдь с убийцей не вступать в беседу.

Т и б у р ц и й

С убийцей? . .

Я сь

Да. Губернский суд к обеду
Приедет — вот тогда и разберут
Там, что к чему. . . Ох, горюшко! Идут! . .
Лакей исчез, как будто канул в воду.

Нет сил терпеть напрасную невзгону,
Когда не знаешь, как она струсась
И чем окончится. Усатый Ясь
Не разогнал, усугубил волнение.
В отчаянии крайнем и в смятенье
Поэт лицо ладонями закрыл
И зарыдал, и горько слезы лил.
Минулы шли, свой счет унылый множа,
И было слышно: день плывет погожий,
Ведет корабль победоносный свой. . .
А что ему до радости земной,
До солнца красного, до нив зеленых?

О сборище кандалников клеймных,
Убийцы, чей удел — гнилой острог!
Несчастливы вы — но каждый узник мог
Назвать бы день, и место, и причину,
Приведшие в зловонную пучину.
Но странствующий, уж в годах, поэт. . .
И гости — пышного дворянства цвет. . .
Обилье яств и пенные бокалы. . .
А дальше — мрак. . . Кошмаров, видно, мало —
Действительность ужаснее: подвал. . .
Он — душегуб. Усач ему сказал
В оконце. . . День цветущий за стеною,
А он в темнице, с хлебом и с водою.
Он — душегуб! Но всё же, что и как
Случилось с ним?

И в этот миг чудак
Вновь слышит голос за стеной:
«Мой пане,
Здесь я, Петро́!»

Петро, Петро, желанный!
Милейший ключник! Не однажды он,
Когда поэт, читателей лишен,
Служил жрецом владыки Аполлона,
Внимал словам, случалось, и соленым
(Ясней сказать: отчасти не для дам. . .).
«Мой пане. . . Я помочь хотел бы вам. . .
Бежать не поздно. . . Вот лопата, нате. . .
Под вечер. . .»

— «Но скажи, голубчик, кстати. . .»

— «Мне некогда... И могут подследить...
Вам тут совсем немножко и пробить:
Копайте только справа, под стеною,
И к вечеру расстанетесь с тюрьмою,
А я вас спрятать место присмотрю...»
— «Петро, мой милый!»

— «Ладно... говорю:

Живей копайте!»

2

Вечер. Посвежело.

Звенят в колодце ведра то и дело,
Собаки лают. На востоке тьма,
На западе кровавая тесьма
Закатная. Нам песня рассказала,
Как Бондаривна о беде узнала.
Шепнули люди: «Убегай скорей!
Ты не найдешь защиты у людей, —
Канёвский-пан не шутит, судит скоро...»
Оврагом, лесом да в ночную пору
Бежала Бондаривна от врага, —
Но где ступала девичья нога,
Где черевички легкие ступали,
Там алой крови струйки побежали...
Так черный всадник, солнышко догнав,
Схватил его за золотой рукав,
С размаху круто полоснул булатом,
И кровь зарделась в небе бледноватом
И огненной струей ушла в зенит.

Веселья столько, что в ушах звенит,
У пана Пшемьсловского в покоях!
Где пять панов уселись — словно сто их!
Сегодня Людвиг — сын «поры златой»¹ —
Велел накрыть столы, где меньше зной,
Под липами — там светотень живая,
Узоры ювелирные сплетая,
Стелила легкий силуэт ветвей.

---

¹ Речь идет о так называемой «золотой вольности» шляхетско-панской Польши.

'А дальше, несколько шагов левей,
Под вишней — старый погреб, память деда.
Вдруг деловито подтолкнул соседа
Пан Замитальский: мол, гляди, гляди!
И прошептал: «Немножко подожди,
Немножечко...»

С о с е д

Ну, выдумал потеху!

В т о р о й

Уж это да, не оберешься смеху!

П е р в ы й

Покойный дед мой... это было в год,
Когда он с вашим дедом шел в поход
На...

В т о р о й

Как же, как же! Их обоих вместе
Вписали в книгу доблести и чести.

П е р в ы й

Да, да! Да, да! Так дед еще, скажу,
Умел шутить... А я не нахожу
Теперь веселья прежнего!

В т о р о й

Еще бы,

Теперь живем, как волки в тьме чащобы!

П е р в ы й

Да, шалость в духе старых добрый дней
Под силу только старшим. Тем ценней!
Тепло на сердце, словно праздник божий!
Так, значит, дед. Отец-покойник тоже...

Главу я вскоре приведу к концу
И без задержки подарю чтецу
(Читателю, конечно: извините!)
Все основные тайны нашей нити.
Был в погребке Тибурций заключен,
Как будто дерзко преступил закон,
Хоть не обидел мухи бедный малый.

Но Замитальский шуткой разудалой
Дворянское вниманье подогрел.
Когда поэт, как говорят, дозрел, —
Токайское в своем считая стиле, —
Его лакеи в погреб оттащили,
Смеясь глумливо, но исподтишка.
Теперь схватилось панство за бока
Под громкий смех: ведь случай без примера!
Тибурций вылез, словно из пещеры,
Косматый и комичный, как медведь.
Притом, читатель дорогой, заметь —
Седых волос немудрые остатки
Тибурций в живописном беспорядке
Всегда держал, как музы верный сын.
Еще замётъ: не в краткий миг один
Он проложил счастливый путь к спасенью,
Хотя и по прямому направлению,
Хотя и весельчак Петро помог.
Хмельной синклит ну просто изнемог
От хохота: «Вот чучело-то, боже!
Глаза! Глаза-то на багровой роже!
Ишь выпучил — точь-в-точь вареный рак!»

Умело подшутить еще не так
Дворянство старое, на радость сердцу,
Умело подсыпáть в тарелку перцу, —
Конечно, чужакам, своих не бьют.
Ружье, нагайка, розга, сабля, кнут —
Для развлеченья знати всё годилось.
Попался нищий — ну-ка, сделай милость,
На вербу лезь! И будешь куковать!
Потом в «кукушку» невзначай послать
Заряд из шомполки: давно набита!
Считалось это шуткой знаменитой,
Находчивой! . . Я случаев таких
Вам мог бы почерпнуть из старых книг
Не два, не три, а может быть, поболее.
Из слез кровавых, из предсмертной боли,
Из синяков на молодых плечах,
Из воплей девичьих в глухих ночах,
Из седины, потоптанной бесчинно
Сафьяновою туфлей господина,

Из диких оргий, где, под пьяный шум,
Над всем святым глумился барский ум,
Неистовый, и в алчном своеволье
Детей травил борзыми в чистом поле, —
Шляхетский смех «великородный» рос...

Всем представленью по душе пришлось,
Что Замитальский дал у Пшемьсловских.
На Украине штукарей таковских
Немало попадалось в те года!
Тибурций! Плачь, раз просят господу,
Рви волосы: смеяться панство хочет!
Всё это брюха сытые щекочет,
В пищеваренье помогает им...
Свой стыд стишком запечатлей смешным.
Раз шут, получишь — должность, брат, такая —
Кусок жаркого и бокал токая.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Було, мати, не вважати,
Що я в тебе одиниця,
Було мене утопити,
Де глибока криниця.
Було, мати, не вважати,
Що високого зросту,
Було мене утопити
Із найвищого мосту.
Було, мати, не вважати,
Що я тонкого стану,
Було мене утопити,
Де я й дна не достану.¹

Песня

1

Как тех гусей шумливых табуны,
Что осенью иль в юный день весны
Спускаются на голубое лоно,
Что баламутят тихие затоны,
И плещут крыльями, и гомонят, —
Так и повозки на дворе шумят,

---

¹ Не считалась бы ты, мать, с тем, что я у тебя единственная, да и утопила бы меня в глубоком колодце. Не считалась бы ты, мать, с тем, что я высокого роста, сбросила бы меня в воду с высокого моста. Не считалась бы ты, мать, с тем, что у меня тонкий стан, и утопила бы меня там, где бы я не достала дна. — *Ред.*

К родным домам везя гостей веселых.
Уже огни давно погасли в селах,
Уж старшие уснули, и детей
Спать уложили: песней — соловей,
Лягушки — глухо квакая из тины.
Смеется, плачет сердце у Марины:
Сегодня — иль умрет, иль убежит!
Спят господа, и челядь также спит;
И на дорогу белый месяц светит. . .
А где Марко́? А если кто приметит,
Как выбралась из горницы она,
Как поплыла, что светлая луна,
Что облачко, тропинкой пробежала?
Старик Наум советов дал немало
И указал дорогу беглецам.
Ах, горе! Убежал бы он и сам,
Когда б года не налегли на плечи
И не сгибались, будто от увечий,
Бессильно ноги! Вот бы на простор,
Которому лишь звезд золотой узор
Обозначает ясные границы!
Сплошной стеной там зыблется пшеница,
Стада овец мелькают на холмах,
И ястребы сверкают в облаках,
Высматривая жирные поживы.
И там народ — свободный и счастливый —
Живет на сытой, ласковой земле,
И всем она — и зверю, и пчеле,
И птицам — яств раскинула немало.
Не знаешь, где конец, а где начало
Простору этих буйствующих трав.
Лишь кое-где, в степных лощинах встав,
Бслеют хатки, слеплены из глины.
Отыщется там, верно, для Марины
С Марком любимым тихий уголок.
Там, где овражек зелен и отлог,
Поднимется, как будто мак на грядке,
Жилье, — и в этой новой, светлой хатке
Забудутся, окончив труд, они. . .

Хоть дед Наум не видел искони
Подобных мест. . . Хоть никакой порою

Ни на земле, ни даже под землею
Неведом путь к благим таким краям,
Которые себе он создал сам, —
Про них в те дни из уст в уста ходила
Молва, и все сердца она пьянила,
Как теплый ветер сладостной весны. . .
Марина, сердце! Что к тебе за сны
Из дали понахлынули шелкóвой?
Своих детей лелеешь в хатке новой
Среди степей — и гонишь сумрак прочь,
И радостью переполняешь ночь,
Неутомимо колыбель качая. . .

Стоит близ дома панского большая
Конюшня. Что за кони в стойлах там!
Соседним только снятся господам
Подобные. . .

В наибо́льшей паре —
Гнедой Султан там с Гандзей темно-карсей.
Пускай у них и разнородна масть,
Пан Людвиг — у него такая страсть! —
Всё отдал бы за них, за них единых:
Их легкость — легкость крыльев лебединых;
Ваятель пред их статностью замрет;
Они «закат и утренний восход», —
Читаем у Тибурция-пииты.
Когда они, как медь, друг с дружкой слиты,
Везти готовы легкий шарабан,
Ждут у крыльца, — то Пшемысловский-пан
Не наглядится на коней, любуясь.
Он их облек в серебряную сбрую,
Так их убрал бубенчиками он,
Что далеко несется дружный звон,
К тому же — в гамме выстроен мажорной.
Почти что говорят они проворно.
(Но каждому, конечно, надо знать,
Что бубенцами сбрую украшать
Годится только в дальнюю дорогу.)
Бесспорно, и возниц таких немного,
Как наш Марко; он статен и силен.
Рисуй его, когда на козлах он

Сидит, как образ римских изваяний,
И тонкий бич в его подъятой длани
Порой сверкнет над конскою спиной.
Нет, никакою не купить казной
У Пшемысловского коней летучих
И кучера, который так могуче
Смиряет их, как хищников Орфей.
Карпович, правда, этот лиходей,
За пару псов, известных между псами,
Да трех красоток с черными бровями
Купил себе на славу ездока.
Потешен был весь облик старика —
Сей мазур, Парипсович по прозванию,
Нередко побеждал в соревнованье:
Куртину он три раза объезжал
(Он гнал вовсю, он вихри поднимал)
Шестеркою — по колее всё той же.
Но и Марко затем, схвативши вожжи,
Сумел свое искусство доказать:
Не трижды он, а раз примерно пять
Промчался вокруг столетнего газона —
И спала с Парипсовича корона.
А конюху Максиму, в свой черед,
Несли «закат и утренний восход» —
Султан и Гандзя — ругань да удары.
«Тебе б, слюнтяй, овец да коз отары
Пасти в степях или свиней стеречь!» —
Так Пшемысловский начинает речь,
Когда старик за чем-то недоглянет.
И слов не трать: «Да я ж... хотел я...
пане...» —

От розог не отвертишься тут, нет!
Но не знавал Марко подобных бед,
Хоть в кучерах довольно был он долго.
Уж челядь говорила втихомолку:
«Он знает слово, что отводит зло».
Жилось Марку, однако, тяжело:
Из гайдамаков родом молодчина!
И вот теперь пригожая Марина
Ему стрелою путь пересекла...
Приманкою господского стола
Подать ее мечтает Кутернога.

А! Всё равно — хоть дьяволу, хоть богу
Молиться, лишь бы милой не отдать!

Султан и Гандзя тучки обгонять
Задумали, летят в глухом молчанье...
Кто ж это мчится в легком шарабане
Во тьме полночной? Кто их бьет бичом
Безжалостно?

Голос первый

А если не уйдем?

Марко... а если... если?.. Что нам будет?

Голос второй

Марина, сердце!.. Ведь бежали ж люди...
Нам только бы добраться до... .

Голос первый

Постой,

Прислушайся...

Голос второй

Касаточка! Густой

То шепчет лес... иль мельница, быть может...

А соловьи всё трели сыплют, множат,
Не замолкая в сумраке ночном,
Твердят о чем-то — не понять, о чем...

И кони мчатся, кони рвутся,
И тени брошены луной,
И мимо них леса несутся
Ветвистой черною стеной.

Марко с Мариной! И мечтами
Наполнена без меры грудь,
А сосны мощными руками
Благословляют юных путь.

Но там за лесом, за дубровой
Копыт неистовый полет:
Паныч уже спешит на ловы,
Уже чепрак коня шелковый
Горячий проедает пот.

Хрипит уж голос Кутерноги:
«Они, они! Лови! . . .» И страх
Как будто рыщет вдоль дороги
И в черных прячется кустах.

Марко сечет бичом свистящим
И эту мглу, и этот клич, —
Но перед ужасом грозящим
Бессильно опустил бич.

Гогочет, гикает погоня,
Взрастает отголосков гуд,
И слышно: бешеные кони
Храпят и удила грызут.

Куда бежать, какой тропею,
Когда, как бы боец от ран,
Покрытый пеною густою,
Свалился загнанный Султан?

Или Марине только снится:
И лес во тьме теней ночных,
И сам паныч, как злая птица,
В ночи напавшая на них?

И как во сне: «Паныч! Пустите!»
— «Сопротивляться? Быдло! Хам!
Вяжи его!»

— «Я не грабитель!
Паныч, уж время вышло вам!»

— «А! вышло? Не грабитель, скажешь?
Добился прав таких давно?
Эй, Кутернога! Что не вяжешь?
Иль хочешь порки заодно?»

И точно сон Марине снится:
Над панычом, взлетев огнем,
Взметнул Марко свою десницу
С широким дедовским ножом.

И вот в ответ на этот быстрый,
На смелый, на прекрасный взмах

Огнем ударил громкий выстрел —
И целый мир потух в глазах.

Марина! Что не утопилась,
Когда ты маленькой была?
Зачем, зачем ты уродилась
Приманкой панского стола?

Воспоминанье ты, как муку,
Храни о том, кто был готов
Поднять бестрепетную руку
На панычей и на панов!

2

Близка заря. Поплыли на долины
Туманы. Звонкий рокот соловьиный
Звучит повсюду. Смутно замерцал
Широкий пруд. . .

Нередко я встречал
И юношу, и старика седого,
Которые, после труда дневного,
Здесь, на пруду, на плесе, в камышах,
Как цапли, чье житье на берегах,
Мечтали над премудрою удою.
И с ними тихим шепотом порою
Я говорил, ища уместных слов,
И полюбил разумных чудаков,
Воспринимая хитрую науку:
Как на живца брать яростную щуку,
Как из глубин в блеск солнечного дня
Вытаскивать зеленого линя,
Закидывать стрекоз плотве серебристой.
Денису я, как дивному артисту,
Завидовал: не ловля, а игра!
(На всё у нас найдутся мастера,
Денис — тот уродился рыболовом.)
Не раз, дождем застигнутый, под кровом
Себе приют желая отыскать,
Я в хату шел, где обступали мать
Босые дети, лакомясь ухою,
Голодные: «Сегодня мы с едою —

Отец недаром рыбки наловил. . .»
Как много я былого не забыл!
И юность, и товарищи. . . Да, много
Того, чем будет помниться дорога
Суровая, а не бездумный путь.
Пора, душа! Идиллии забудь
В кипучем гневe творчества живого. . .

Старик Мусий — образчик рыболова,
Как все, сейчас описанные мной.
Уж до зари торчал он над водой,
Согнувшись в три погибели, бедняга!
Шуршал камыш, едва журчала влага,
Но в гору солнце юное плыло. . .
Уже и муха не спеша на лоб
Мусию села. Мотылечек белый
Внимательно взирал на порыжелый
Его рукав — сукну немало дней, —
А он всё ждал наивных окуней,
Лещей ленивых, лиходеюку-щуку. . .
Но что за мяч (к глазам он поднял руку)
По лугу покатился? . . И старик
Обрадовался: это внук возник
На холмике, его Павлусь! . . Но что же
Стряслось с мальчонкой, так его встревожа?
В глазах испуг: «Ой, дед! . .

В овраге. . . ой!

Не знаю сам. . .»

— «Да что с тобой, постой!

Кто напугать осмелился Павлуся?»

— «Ой, дедушка! Там — мертвый! Ой, боюсь!»

И дед Мусий за внуком поспешил
К оврагу. . .

Там, в избытке свежих сил,
Сплелись дубы одеждой многолистой,
Цветы вздымают аромат струистый,
Сосновый недалеко шепчет бор, —
И неподвижно руки распростер
Красивый кучер. Он забрызган кровью. . .
И тихий взор под неподвижной бровью
Не загорится более огнем.

Всё просто, дед! Раздумывать о чем?
Ведь сын твой тоже был забит плетями.
Не удивляйся! Кровью и слезами
Твое житье, житье детей твоих
Всегда залито. . .

И старик притих.
Он смотрит — и разгадана загадка:
Что для него яснее отпечатка
Вдоль этой смятой, скомканной травы?
Вот, близко от прекрасной головы,
Той головы, что порождала муки
Любви, тоски и горя от разлуки, —
Широкий нож, как золото, горит.
А там, подальше — панский конь лежит,
И след колес, и сбитая подкова —
Всё рассказали старику без слова.
Склонился он, и вот, упав из глаз,
Под солнцем чистый засверкал алмаз.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Ой, у полі сосна,
Під сосною корчма,
А у тій корчмі
П'ють два чужоземці.
Один чужоземець
Мед-вино кружляє,
Другий чужоземець
Дівку підмовляє:
«Ходім, дівко, з нами,
З нами, козаками,
Буде тобі лучче,
Як в рідної мамі. . .»¹

Песня

Примите, сосны, низкий мой поклон!
Хотя в полях Украины я рожден,
Хоть больше я к дубам привык — не скрою —
Да к рошицам, где летнею порою
Осине светлой нежится дано;

---

¹ Ой, в поле сосна, под сосною корчма, а в той корчме пьют два чужеземца. Один чужеземец мед-вино пьет, второй чужеземец девицу уговаривает: «Идем, девица, с нами, с нами, казаками, будет тебе лучше, чем у родной матери». — *Ред.*

Хоть я к березкам, в детское окно
Заглядывавшим, нежность не нарушу, —
Пристрастье к вам в мою проникло душу, —
Роскошные, зеленые всегда!
Ваш пышный шум в далекие года
Возник впервые. Дни и поколенья
Текли; церковей заброшенных каменя
Сыпучим порассыпались песком.
Хмельничину и коднинский разгром¹,
Как будто мхом, окутали преданья,
А песня, с ветром слившая звучанье,
Из рода в род по-прежнему текла.
Ей всё равно: кровавые дела,
Которыми полна Украина наша,
И чумака в котле убогом каша,
Охотников затейливый рассказ,
И нежный шепот, сладкий всякий раз
Для тех, кто чтит любовные обеты. . .
Июльских звезд плывут над вами светлы
Иль осень застывает в тишине, —
Шумите вы, как море, в вышине,
Как морю, вам людские чужды цели.
Густеют смол прозрачные капли,
Под солнцем, греясь, дремлет смолокур,
Птиц косокрылых тонкий тает шнур
Меж облаков с чуть розовым отливом, —
А вы, в приволье сладком и ленивом,
Качаетесь, как мачты кораблей,
И лишь порой сквозь мерный шум ветвей
Ударит дятел и замолкнет снова. . .
Когда же молния сверкнет сурово
И грома разнесется ярый гнев —
Вершин сосновых тот же всё напев,
Лишь более звучит он громогласно.
Земное всё знакомо вам, всё — ясно,
О сосны! Я несу вам свой поклон.

На холмике, видна со всех сторон,
Где два леска смыкаются краями,

---

¹ Кодня — городок, где страшными казнями казнили гайдамаков (XVIII ст.).

Корчма стоит.

С далекими годами
Сроднилось слово это. . . Скрип колес,
Таранью легкой нагруженный воз,
Волов идут, покачиваясь, пары,
И, как оазис в глубине Сахары,
Домишко, покосившийся давно. . .
Вот и хозяйка глянула в окно,
Волы, с водой почуявшие ведра,
И тень, и корм, — без понуканья, бодро
Сворачивают на широкий двор. . .
Нисходит вечер. Знездный светит взор,
Чумацкий Шлях раскинулся, широкий,
Спокойно месяц клонится двурогий,
А чумаки ложатся на ночь в ряд,
О том о сем чуть слышно говорят,
Сменяя *lento, maestoso, grave*. . .¹
Но промолчать нельзя о скверной славе
Вот этой поэтической корчмы:
Ведь здесь дела, исполненные тьмы,
Вершил кулак — «свой брат». Он речью бойкой,
Табачной ядовитую настойкой
Здесь бедняков несчастных покупал;
Здесь экономя с услугой мед вкушал,
Нагайкой поработав торовастой;
Здесь, мстостью клокоча, конфедераты
Злосчастливого терзали шинкаря. . .
(Вот пламенные строки «Кобзаря»
В моих убогих вспыхнули палатах.)
И здесь бедняк, обтрепанный, в заплатках,
Последнюю корову пропивал. . .
Как хорошо, что навсегда пропал
Уют корчмы лирический, укромный,
Что больше нет стены тяжелой, темной,
Что канул строй «гармонии благой»! . . .
Но далее рассказ продолжу свой,
Беря в пример старинные поэмы. . .

Итак, в корчме находимся мы, где мы
Пробудем эту новую главу.

---

¹ Музыкальные термины: «медленно, величаво, важно».

Войдем во двор. Жуя свою траву,
Степенно кони встряхивают гривы.
Заглянем в окна — красные отливы
Блестят на них от сумрачной печи.
Кому, с такой поспешностью, в ночи
Яичницу состряпала Настуся,
Шинкарка молодая?

Поклянусь я,
Что у нее молодчики в гостях!
Не на волах явились, на конях
Они в корчму примчались Боровую.
Один сидит, насупился, тоскуя,
Задумался. Пузатый с медом жбан
Ему поставлен. Это наш Марьян
Медынский, уж читателю знакомый.
От мыслей, утомления, истомы
На лбу его морщина залегла.
Другой, который сел в конце стола,
Кому вино, как видно, угодило, —
Ольшевский Кароль; «казаком Кирилом»
Себя он больше любит называть.
Вот — побратимы! Этих не разнять
Ничем! Скажу старинными словами:
Они — дубы, сплетенные ветвями,
Они — две чайки в выгибах волны...
Ну, словом, дружба в духе старины:
Ни в пьянстве удальцам не расставаться,
Ни в приключеньях. Драться — так уж драться,
Смеяться — так чтоб звякало стекло,
А на коня вскочить — так чтоб крыло
Орла за ними в лёте не поспело!

Еще лицо сегодня к ним подсело —
Лесничий, престарелый Никодим:
Марьян любил вести беседы с ним.
Живя в лесу как в стужи, так и в вёсны,
Сам Никодим разросся, словно сосны;
Как ветвь, была жестка его рука,
А нос торчал подобием сучка
Среди волос, как бы поросший мохом.
Медок глотая не спеша, со вздохом
(Медынский Никодима угощал),

Он так же не спеша повествовал
О новости, которая ходила
Среди людей и всякие будила
Волнения — добыча для бесед.
Как в зимний день взрастает снежный дед:
Сперва лишь ком, рукой ребенка сжатый, —
Так имена Марины смугловатой
И конюха Марка — уж неспроста! —
Из уст переходившие в уста,
В диковинную сказку вырастали.
Уж столько люди былей наболтали,
Что не поверишь собственным ушам!
Лесничий же Марину видел сам,
Когда ходил в усадьбу за приказом, —
Людским бы не поверил он рассказам,
Да истина теперь ему ясна!
Заплакана, сурова и бледна, —
Он видел, — у окна она стояла.
Хотел он покалякать с ней сначала,
Да передумал: гайдуки кругом.
К тому же, как трепали языком,
Должно быть, так и есть на самом деле, —
Глаза потухли и остекленели,
Молчит она, как будто бы уста
Навеки ей сомкнула немота. . .
Да что сказать бедняжке? Что ответить?
Чего ей ждать? Марка уж нет на свете,
Нет милого; она же, вместе с ним,
Простилась и со счастьем молодым! ..
Сказать о пане просите? Ну, чудо!
Пришлось ему сегодня тоже худо.
Как был дороден, крепок и здоров!
Ого! А как узнал про беглецов. . .
Когда случилась эта вся тревога
И Генрих, сын, явился у порога
И в кабинет вошел — так что-то там
Недоброе случилось. . . Только вам
Признаюсь я, другим бы не открылся:
Сынок в отца, как видно, уродился,
И до девчонок так же он охоч. . .
Старик проведал что-то; словно ночь,
Весь потемнел от злости и с размаха

Как рухнет на пол. . . Дом весь полон страха. . .
А впрочем, воля божия над ним. . .
Да говорил мне конюх. . . ну, Максим —
Приятель мой, с ним в юности гуляли —
Уже три раза в город посылали
За лекарем, и ксендз был раза два. . .
Одна у нас, конечно, голова,
Одна, как ни носи ее высоко. . .
Да, пожил пан! Смерть, видно, недалеко.
Наш пан откуролесил. . .

«Ну, а что

Про Генриха слышать?»

— «Ну, с ним не то!

Он молод, по-иному рассуждает,
Ведь не старик!»

— «Да разве не пугает

Его. . . с Марком . . . тот случай? . . .»

— «Как не так!

Ну, если бы пан Генрих был бедняк,
Тогда, конечно. . . Тут — дела другие.
Вы знаете: червонцы золотые
На грязь любую бросьте — новый вид
Всё примет, всё укрыто, всё блестит. . .
Еще сказать: написано в законе,
Что коли кто убил при обороне,
Сие в вину не ставится ему. . .
Да мне ль учить вас надобно уму?
А ежели рассказ вас не обидит,
Еще прибавлю. . . (Обождите. . . выйдет
Настуся.) Гм. . . К Марине господин
Так воспылал (хоть множество Марин
Таких имел), что хочет, для приличья,
Ее пока отправить он в «Девичье»
(Сельцо господское. Вдали оно. . .):
Ей наказанье мол, присуждено.
Опасен пан, паныч опасней вдвое. . .
Не зря он ездит в те края порою
Охотиться. Ушла от старика,
Да не уйти ей, видно, от сына,
Все так твердят. . . Ну, хватит! Вестью новой
Потешил вас. . . По роще по дубовой
Пройдусь еще. . . Попал бы я в беду,

С другими так болтая... Ну, пойду...
Уж очень тут язык мой распустился...
Спасибо вам... Не то я притомился,
Не то уж больно крепок ваш медок...
Спасибо вам... Что выпил я? Глоток!
А ноги... Н-да... Нейдут, как будто спьяна...»
Лесничий вышел.

А кулак Марьяна
Бац по столу! «Погибну я → ну что ж!
Ведь за нее! Увидят все! Я в дрожь
Повергну землю! Вот они, Мараты,
Прсклятые вельможи!»

— «Брат, куда ты
Заносишься! К чему такая речь!»
— «Эх, Кароль мой! Где доблестная Сечь?
Где рыцарство? Скажу я без притворства:
Бушует сердце. Лишь единоборство
Мне по плечу!»

— «Ну, погоди... Итак...
Иль не Кирило я и не казак!
Раз у тебя душа к безумству падка,
Тебе в утеху скоро будет схватка.
Не спустит Генрих».

— «Увалень такой?
С девчонками лишь смел он — не со мной.
Не будь Медынский я! С него ведь станет —
Скорее он меня к суду притянет!»
— «Ну, а в суде... Ведь скверно там... Да,
да...»

— «Пусть за бедой берет меня беда!
Пусть душу в пекло забирают черти,
Лишь был бы верен побратим до смерти!»
— «Уверен будь!»

— «...Ни молния, ни гром
Мне не страшны в решении моем!»

Такой-то заговор вершился новый
В глухой корчме. Лишь бор гудел сосновый,
Шумела даль, чуть слышный зыбля звон...

Примите, сосны, низкий мой поклон!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

І широкую долину,
І високою могилу,
І вечірнюю годину,
І що снилось, говорилося —
Не забуду я.¹

Т. Шевченко

1

Эх, облетает яблонеый цвет!
Как жаль, Марина, улетевших лет!
Приснились, привиделись... и скрылись...
И черный страх, клыки оскалив, вылез,
Накинув панский на спину жупан...
Еще не умер Пшемысловский-пан,
Как уголь — глаз сверкает ястребиный,
Да вот осанка нежная Марины
Его сыночку сердце обожгла...
Хоть, правда, тенью перед ним легла
Глухая ночь... и выстрел среди поля...
Да пустяки! Марку такая доля,
Как видно, суждена... И то сказать:
Холоп не только вздумал убежать —
Еще грозился, бунтовщик проклятый!
Забыты и Дантоны и Мараты,
Речей в пивнушке звонкая струна
(Добавить надо: всякий раз спьяна),
И мировая скорбь уснула что-то, —
И Генрих настезь растворил ворота
Волне багровой яростных страстей...
Марина! Помнить прошлое не смей,
Грядущий день тем паче занавешен.
Совсем недавно лепестки черешен
Марку с тобою устилали путь, —
Теперь они... истлели где-нибудь,
А твой Марко... Да как забыть мгновенья
Любви, слова — что ветра дуновенье,
И взгляд, и звуки песни молодой,
Весь милый образ, смелый и живой,
Все дни, от первой до последней встречи?..

---

¹ И широкую долину, и высокий холм могильный, и вечерний час, и что снилось, говорилося — не забуду я. — *Ред.*

А тут, как панне поклонившись, речи
Заводит Кутернога без стыда:
«Что за беда? Ведь ты же молода.
Сумей пред панычем лишь отличиться —
И сможешь райской жизнью насладиться...
О ком грустишь? О кучере! Ха-ха!
А может быть, боишься ты греха?
Какой тут грех? .. Запомни, дорогая,
Ты из того же теста, что любая,
Привычку церемониться откинь,
Не ерепенься. Сказано — аминь!
Смирись, не прекословь господской воле,
Уж раз поймали перепелку в поле —
В мешок, и точка! Ясно? И не хнычь.
Пойми: тебя заметил сам паныч!
Он в городе уже, наверно, с двести
Красавиц перебрал, скажу по чести,
Да и в селе из рук не упускал,
Чуть девка побелее и поглаже...
А ты ведь — мышь... Да что! Мышонок даже!
Возьмись за ум! Послушайся меня!
Вот так похнычешь три-четыре дня
И согласишься... Эх! Пустое дело
И говорить с ней... Кукла! Покраснела!
Царевна! Королевна! Не пойму,
Зачем, господь, ты создал и к чему
Капризных баб да комаров сердитых!»

Ушел, — а рассуждений ядовитых
Тупое жало в грудь ее вошло.

Один лишь раз повеяло тепло
Марине в сердце, полное печали.
Хоть гайдуки следили, не дремали,
Казалось — нет просвета на пути,
А все-таки сумел тайком пройти,
Поговорить, хоть и за ним глядели,
Знаток вина и кухонных изделий,
Рассказчик неустанный — дед Наум.
Хоть полон сам тяжелых, жгучих дум,
Хоть все забыл он присказки смешные,
Нашел слова сердечные такие,

Каких, казалось, никогда не знал.
Не слышала Марина, что шептал
Ей старый повар, — только вспоминала...
Пред нею снова детство возникало,
И дом, и мать, и низенький порог,
Подруг на перекрестке говорок,
И всё, что снилось, было и забылось...
Всплакнула — и улыбкой озарилась.

Так позднею осеннею порой
В степи, когда холодный и косой
Струится дождь, колючий, мелкий, жуткий, —
Босая и промокшая малютка
Лицом прижмется к матери своей
И плачет, сердце разрывает ей:
Всю жизнь бродить им с нищенской сумою!
И мать обнимет ласковой рукою,
Прижмет дитя к измученной груди
И шепчет, шепчет ей, — и впереди
Как будто солнце вдруг блеснет из тучи...
А что в словах? Ну, чем они могучи?
Бессвязный, жалкий лепет невпопад.
Что в голосе, где горести дрожат?
Что в нежной ласке рук ее таится?
Так ветерок над травами промчится,
Остудит, обласкает, колыхнет —
И зелень поднимается, растет
И видит: в высоте испепеленной
Движенье тучи темной, окрыленной,
Она всё ближе — гостем дорогим
С собою жизнь приносит всем живым.

2

Счастлив тот мастер, кто из глыбы белой
Прекрасное творит рукой умелой
На радость людям. За окном зима
Спокойно спит, безгрешна и нема,
В лазури стыннут розовые дымы, —
А мастер, светлый и неутомимый,
Чарует камень трепетом весны.
Счастливец! Человечества сыны

И дочери сквозь этот мрамор строгий
Увидят бесконечные дороги,
Ведущие к стране заветной той,
Где отгремел величественный бой,
Сады покрыли землю. Тихо воды
Объяли города и огороды,
И славный труд уверенной руки
Поля животворит и цветники. . .
Счастлив тот мастер, — он искусством ясным
Внушил стремленье к битве — безучастным,
Он хладнокровных стариков зажег.
Счастлив тот мастер!

О, когда б я мог,
Свои рисуя грустные картины —
Лицо убитой, плачущей Марины,
Позорные часы прошедших лет, —
Услышать голос юности в ответ,
Как светлую награду и признание!

Марина, пережив то испытанье,
Где ночи свет сменился черным днем,
Где милый с окровавленным лицом
Упал — и навсегда — на луговину, —
Преобразилась в новую Марину.

Был детский мир, — как василек он цвел,
Несмело заглянув за частокол
Своими светло-синими глазами.
А дальше что? Холодными слезами
Блеснуло горько золото ресниц.
Пустыня без надежд и без границ,
Где замолкает даже речь живая.
Не раз, печальная, перебирая
Раздумий нить, припомнила она:
Был теплый день, счастливая весна,
Ягнята разбежались по долине,
Пастух играл на дудке. . .

Что ж Марине
Приснилось, померещилось тогда?
Ее душа, как чистая вода,
Вдруг отразила толпы незнакомых
Людей. В наивно убранных хорах

Под звуки бубнов, скрипок и цимбал
Досужий люд беспечно танцевал.
В тех людях было что-то от старинных
Рассказов деда — в них, таких картинных,
Наряженных в парчу и красный шелк. . .

Но тучи вдруг нашли. Пастух замолк.
Из лога с ветром сырость потянулась,
И волшебство развеялось, проснулась
Марина, песню тихо завела —
Завез проезжий в тишину села
Ту песню, чтоб росла, не сиротела.
Не думала Марина, что запела
И как, — но *не могла* она молчать.

О песня! Где слова мне отыскать,
Достойные высот твоих, святая?
Ты — плеск реки, ты — боя медь густая,
Ты — сумеречный шорох камыша. . .
Народа ты великого душа!
Сердца глубокой грустью наполняешь,
Манишь, зовешь и дали открываешь.

Прими, прими и от меня поклон!
Пускай, лукавством, ленью отягчен,
Я шел порой неверными тропами,
Но у тебя холодными ночами
И помощи и отдыха искал
И голову больную приклонял
К твоей знакомой ласковой ладони.
Спасибо, мать! Хотел бы я на лоне
Твоем родном навеки опочить!

Оборвалась мгновений светлых нить. . .
Марина, пой! За песенкой чуть слышной
Забудется мираж палаты пышной,
Свободный танец радостных людей
Замрет в душе израненной твоей.
Был страшен сон — страшнее пробужденье,
Когда к свободным людям на мгновенье
Невольница Марина попадет. . .

Полями ночь, полями тень идет,
 Полями бродят шорохи и звуки;
 Деревья скорбно простирают руки,
 Их речь бессвязной жалобой полна. . .
 Кому? Никто не скажет. Тишина.
 Молчит покамест туча грозовая,
 Но притаилась, спину выгибая,
 За черным бором. Молния — и тьма.
 Далекый гром — и снова тишь нема.
 Сорвался вихрь, ошеломляя шумом,
 Промчался мимо всадником угрюмым,
 Который стремя потерял в бою,
 А с ним и славу потерял свою,
 И конь несет его, почуяв волю,
 По жуткому испуганному полю,
 Спасая от негаданной беды.
 Деревьев мощных дрогнули ряды,
 Затрепетали вдруг, загомонили,
 И травы стебли долгие склонили,
 И зов недобрый в дали понесло.
 И смолкло всё. . . Таинственное зло
 Накрыло небо и к земле прижалось.
 Казалось, в мире вовсе не осталось
 Ни радости, ни солнца, ни тепла.

В такую ночь к окрестностям села
 Девичьего Марина подъезжала.
 От страха ничего не ощущала,
 Как будто вся окаменев, она;
 Сегодня только словно бы от сна
 Очнулась, но безрадостно встречает
 И пробужденье. Как гроза, пугает
 Ее грядущее; как злая ночь,
 Паныч проклятый не отходит прочь, —
 Ни убежать, ни вырваться, ни крикнуть!
 Растаять бы, как облако, поникнуть,
 Растаять, словно в небе синий дым. . .

Внезапно голос подает Максим,
 Убогий старичок, — его послали

Доставить девушку:

«Эге! Болтали,
Болтали люди, будто бы... того...
Пройдет беда... конечно... ничего...
Пустое дело... Вот хоть бы с тобою,
Хоть, говорю, с тобою...»

— «Что — со мною? —

Откликнулась Марина, вздрогнув: ей
Чужим казался голос свой. — Моей
Никто на свете не оплачет доли,
Она пропала, словно ветер в поле...
Ты скажешь — я красива, молода?
Нет, старый! От красоты моей беда
И случилась со мной. По злему следу
В проклятое Девичье нынче еду.
Заплакать бы, да слез-то больше нет.
Погибну? Сгину? Всё равно мне, дед,
Придется ли еще пожить на свете...
Я видела вчера: малютки-дети
На выгоне играли... Ну, сказать,
И от земли-то вовсе не видать, —
Гляжу, и больно стало: грязны, голы,
А каждый ведь задорный да веселый,
Точь-в-точь ягнята...»

Глаз не оторвешь.

И думаю: а вдруг всё это ложь,
О чем нам люди тайно говорили,
И наши внуки скроются в могиле,
Не повидав счастливых, вольных дней?
Зачем тогда и кто учил детей
Надеяться, смеяться, любоваться
На ясный мир и миром наслаждаться?
Затем, чтобы опять... в глазенках их,
Зеленых, карих, серых, голубых,
Несчастье, ночь, неволя отразилась?
Чтоб радость их в проклятье превратилась?
Насмешка, дед!..»

Ее волненье вдруг
Остановил тревожный дальний звук,
Не дождь, не гром... Неясное движенье...

Так, колыхая наше отраженье,
Пугает нас вечерняя вода. . .
Стучат копыта. . . Как тогда, тогда!
Стучат копыта. Замерла Марина,
Оцепенев. . . Дрожит, гудит долина,
Дрожит дорога. . . Дрогнул и Максим —
И видит: конь горячий перед ним
Храпит, оскалась пеною мордой,
И силуэт, отчаянный и гордый
(Добавлю в целях точности: хмельной),
Ворвавшийся из темноты ночной,
К Марине перепуганной склонился,
Схватил — в седло — и, словно сокол,
скрылся,
Пропал в ночи, лишь закурился дым. . .
И даже крикнуть не успел Максим.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Ой, стала хмара та наступати,
Став дощ накрапати,
Ой, там збиралась бідна голота
До корчми гулять.¹

Песня

1

В лесах весенний раздаётся шум.
Рассказчик неустанный, дед Наум,
Знаток вина и кухонных изделий,
Один шагает. Птицы не сумели
Беседу завязать со стариком
И трелью рассыпаются кругом,
Блестя глазами, пролетают мимо;
Как дети дикарей на пилигрима
Глядят, густые ветви шевеля.
И кажется ему: молчит земля,
Остановилось солнце, без дыханья
Простор воды. Кровавое сиянье
Легло на всё, прорезало чертой

---

¹ Ой, стала туча наступать, стал дождь накрапывать, ой, там собиралась нищая голь в корчме пировать. — *Ред.*

Наума лоб, обветренный, крутой,
Где столько рытвин вычерчено горем.

Зверь, от ловца спасаясь, мчится к норам,
Взлетает к небу птица от стрелка,
Минуя близость страшного крючка,
Мчит рыба вглубь серебряной стрелой,
Когда виденьем, что грозит бедою,
По зеркалу воды мелькнет рыбац.
Но спрятаться от мысли. . . где и как?
От мысли жгучей, что зажала в клещи?

Смеется день, но это смех зловещий,
Запела ночь, но страшен песни звук. . .
Что ж дед Наум? Изнывшему от мук
Одна утеха, где ж искать иную:
В корчму пойти скорее, в Боровую,
Напиться, погрузив себя во тьму. . .
Да вон уж стало видно и корчму,
Сквозь лапы елок огонек мерцает. . .
Вошел:

«Здоровы будьте!» — привечает.
«Дай бог и вам!»

Вокруг стола как раз
Компания друзей подобралась
Из тех, видать, что днюют и ночуют.
То не паны безудержно пируют
И сыплют щедро в море тьмы густой
Эстетику, омытую слезой
(Конечно, не своей, а подневольной);
То не поэты ищут рифмы вольной
При помощи обманчивой вина;
Не молодежь, шумлива и сильна,
Находит здесь горячее похмелье;
Не пахаря певучее веселье —
Что убран хлеб и скошена трава. . .
Нет, нет! Вон проступает голова
Сквозь пряди застоявшегося дыма:
То наш Гаврило. Никогда он Рима
Не видел, и никто в его родне, —
А ведь прозвали часом, в болтовне
(Кто ж, как не пан? От них же всё берется!),

Гаврилой Папаримским ¹ и зовется
По книгам даже, а не то что так.
Скрипач отличный, выпить не дурак,
На свадьбах человек необходимый, —
Копейку зашибет за час единый,
И сразу же. . . да ну, известно всем,
Где будут эти денежки затем.
На свадьбе не бывали мы подобной,
Читатель, где цимбалы, бубен дробный
Для скрипки звучный создавали фон,
Где танца гул волной бывал взнесен,
Где бушевала сила молодая,
А музыка гремела, не смолкая,
Где свет свободы видели рабы,
Чтоб завтра вновь, под бременем судьбы,
Склоняться до земли изнеможенным. . .
Гостям — вино, постель — молодоженам,
Отсюда возникают и растут
И песни, что смущенья краской жгут
Лицо смуглянки, молодой княгини;
Про вишенку, что расцвела в долине,
Черешенку ², что пышно принялась,
Про девушку, что честной сбереглась,
Как ягодка-калина наливная,
И в травах, в алых бархатах играя,
Поймала драгоценного бобра ³,
Когда пришла заветная пора. . .
Такие песни некогда звучали
В дни черной лжи, насилья и печали, —
В те дни, увы, мой детский век протек.
Но дерзкий Папаримского смычок,
В изгибах, взлетах и фиоритурах,
Будя уснувших, ободряя хмурых,
Врывался вдруг в старинных песен шквал. . .
А позже день суровый наставал, —

---

¹ В моем родном селе действительно был крестьянин, предкам которого кто-то дал фамилию — Папа Римский, что писалось вместе: Папаримский. Видимо, это была некая, как говорил Иван Франко, «панская шутка».

² Княгиня — титул невесты. Вишня, черешня — символ девичества.

³ «Поймала бобра» — образ из свадебной песни.

Жена больная, с ней нагие дети
(Хоть рифма тяжела: «куда вас дети»,
Но ничего я не нашел точней), —
Не диво, что от участи своей
Гаврило, голову неся хмельную,
Спасался торопливо в Боровую,
Согнувшись, как разбойник, что бежит,
Хоть и не ловят. . . Был нередко бит:
Подвязанные щеки у Гаврилы —
Вот доказательство казацкой силы;
Она, согрета свадебным вином,
Крушила всё, что видела кругом,
Да и артиста в гневе не жалела.

Случалось, и убогая «капелла»
Впадала в ярость, жаркий бой вскипал:
Звенели струны и колки цимбал,
Бойцам служивших средствами сраженья,
Выл глухо бубен, и в его гуденье
Врывался скрипки нестерпимый вой. . .
Ну, ясно, вслед баталии такой
Сходились музыканты утром рано
У деда Проня. Туфли из сафьяна
Иль ларчик сделать, внутренность замка
Исправить — всё могла его рука
Умелая. Дед Пронь, талантом истым
Отмеченный, слыл энциклопедистом, —
Во всех ремеслах сельских был знаток.
(Читатель! Не споткнись среди этих строк.)
Итак, он брал разбитые цимбалы
И скрипицу — и чудо делал он. . .
И вновь оркестр садился, как бывало,
И скрипка запевала вновь под звон
Цимбал и грохот бубна громового. . .
Вот после происшествия такого
Гаврило днем сегодня отдышал.
С ним трубку верную Кондрат сосал, —
Пан Абрамович уважал Кондрата,
В нем видя настоящего собрата —
Охотника: Кондратка, сукин сын
(Пан говорил), такой у нас один,
Другого нет в заморских палестинах!

Запутанный узор следов звериных
По чернотропу и зимой читал
Отлично, а когда он *подвывал*¹
Семье волков, представиться могло вам,
Что волк он сам, — такого к хищным ловам
Природа-мать готовила сама.
Знать, Абрамович-пан не без ума,
И хоть Кондрата звал прозваньем мерзким,
Зато поил шампанским да венгерским,
А чтоб не смог сноровку потерять
(Пусть вольнодумцы судят, наплевать
На крики!) — запретил ему жениться.
Поплакала Катруся-молодица,
Четыре дня Кондрат ходил в корчму,
Ну, и довольно. Нежность ни к чему
Перед охоты благородной страстью.

Теперь Кондрат и в вёдро и в ненастье
Легавыми, борзыми окружен,
Звериный след разглядывает он
И по болотам дупелей, как прежде,
Стреляет с паном. . . В золотой одежде
Ложится солнце в светлую постель, —
Какую же Кондрат наметил цель,
Куда стремится он? Вопрос тяжелый!
Для всех свое: одним пить мед веселый,
Другим — сивуху, а конец один.
Ищите романтических причин
Или других, прошу, коль есть охота! . .

Вернувшись с бекасиного болота,
Пристроился Кондрат в конце стола,
Спросил стакан, другой, — и тут пошла
Охотничьих рассказов вереница.
От них невольно по уши у Гриця
Пилипчука раскрылся пухлый рот.

Пан Мáriaн, украинский «патриот»
И польский (этот сорт и нам известен),

---

¹ Выл по-волчьи, чтобы волки отозвались и этим выдали, где они находятся.

Любил внимать, как Гриць старинных песен
Выводит чистый переливный шелк.
Случилось, впрочем, как-то — Гриць умолк,
Не хочет петь, а в тот момент Медынский
Вошел в экстаз свой архиукраинский:
«Давай! — кричит. — Казачью запевай!
Ведро поставлю! Два ведра! Пускай
Старинной Сечи слава встрепенётся!»
А Гриць безмолвен и не шелохнется,
Нахмурился, и руки на груди. . .
«Капризен, зверь!» Читатель, посуди:
Не диво, если пан Марьян, как порох,
Как молния в нахмуренных просторах,
Как жаркий факел смоляной, вспылит.
Ну, раза два ударил. . . ну, схватил
За плечи парня. . . свитка затрещала. . .
Что ж? Абрамович, тот с двух слов, бывало,
За пистолет. . . Иной на этот счет
Медынский. . . День-другой прошел — идет,
Встречает Гриця. . . Улыбнулся даже!

Итак, Кондратка сочиняет в раже
(Кондраткой он, похоже, и умрет)
Про «медведёй», что пуля не берет,
Про сто волков, что сани окружили,
Про куропаток, что в степи водили
Охотника до смерти меж снегов,
Про знахарей, что заклинали кровь,
И слабодушным трусость «выливали»,
И бесов из оружия выгоняли,
Во всех житейских трудностях ловки.
Гаврило, опершись на кулаки,
Мечтает. . . Гриць, как мальчик изумленный,
Залезший на колени к бабке сонной
Послушать сказку уж не в первый раз,
С охотника не сводит синих глаз
(Ведь сказка-то чудесная какая!)
И слушает, от страха замирая.
Ну, кум Кондратка! Ну, бывалый кум!

А по лесу бредет весенний шум,
Березам белым косы расплетает,

Ласкает небо, тучи подгоняет
И веет освежающим крылом
Над нищим, безысходным бытием
Людей, чья доля — горе да тревоги,
Кого к корчме приводят все дороги...
Смеется шум, да горек этот смех.
Приход Наума радостен для всех:
Раз новый гость — еще предлог для пива.
Однако же старик немолчаливый
Лишь пьет, сопит, чадит махоркой злой...
Тут разглядел бы даже и слепой,
Глухой подслушал: тайное волненье
В уме кружится одинокой тенью,
Как черный коршун в дремлющих степях...
Недавний страшный случай на устах,
Но все молчат, без слова понимая,
Что за причина, что, как ночь глухая,
Сидит старик, подавленный тоской:
Чужое горе разгадать легко
Без слова — крепостным беда знакома...
И слез не надо, слезы — прах, солома:
В груди — страданий твердое зерно.
Друзья мои! Прошло давным-давно
Всё то, что на бумаге не поблёлкло,
Видением сквозь матовые стекла
Неясно проступая... И дотла
Сгорел Наума гнев, и умерла
Любовь Марины; землю озаряя,
Бушуют грозы с края и до края,
И новиною прорастает даль...
Печаль!.. Забыты слезы и печаль
В дни разрушения и созиданья,
И горечь этой песни о страданье —
Наследье горьких песен прежних. Нет!
Не размягчай сердца, зови, поэт,
В мир творчества и радости бурливой,
Где реют флаги алые. Зови!
Вот цель живая повести тоскливой,
Цветок, что вырастает на крови.

· Пой безотрадной, горше, Гриць кудрявый!
...Упали стены... Распростерлись травы

Кругом. . . Вот чайка плачет в вышине. . .
Вот скачет всадник на лихом коне. . .
Вон чье-то там, в окне, лицо мелькнуло. . .
Шинкарка Настя к косяку прильнула
И странно улыбается. Кондрат,
Как узник за решеткою, объят
Тоской по воле, что видна так близко, —
Кипит огнем. Шинкаркин сын Дениска,
Лобастый, шаловливый, озорной,
Украшенный пшеничною волной
Кудрей, стоит недвижно возле дома
И слушает, и слушает: знакома
И незнакома песня. . . А скрипач
Гаврило то безмерный горький плач,
То радость слышит, хлынувшую морем.
Пой, Гриць! Дай силы истомленным горем,
Надежды — скорбным, жизни — хилым влей!
Сокровищами души их засеи!
Пусть у хмельного старика Наума
Зловещая на черных крыльях дума
(Ведь от нее поник он головой)
Взрастет, взовьется тучей грозовой,
Ударит. . . эх! Молчи, и так постыло, —
Умолкни, сердце!

Скрылся легкокрылый
Последний звук. Опять корчма, стена,
И мокрый стол, и синяя волна
Махорочного дыма. Вновь сивуха,
И образов безумных завируха,
И крик, и шутки: подневольный рай. . .
«Гаврилко! Что ж ты там? А ну, сыграй
Веселую!» — «Я, братцы. . . право слово,
Я, брат. . .»

И вдруг из-под смычка живого
Частушки дробью сыплются в углы. . .

И вот сквозь дым:

расставлены столы
Для свадьбы. Слышен говор, крики, стукки,
Запели дружки и сомкнули руки,
Нарядным закружились кольцом.
Огонь свечей на юное лицо

Бросает блики, образ изменя.
Твоя, Марина, это мать родная,
Так молода, красива и стройна? ..
Идет в волнение радостном она,
А голос — полон соловьиной дрожи. . .
Да подождите. . . Нет! Да это кто же?
Сама Марина! Нет сомнений. . . Взгляд,
Огнем глаза глубокие горят,
Нежна ее улыбка и стыдлива. . .
А рядом? Кто он? «Диво иль не диво. . .»¹ —
Запели дружки. . . Радость велика:
Вон проступает голова Марка
Сквозь синие трепещущие сети,
Сияет лик, как солнце на рассвете,
Бояре — точно звезды в небесах,
Что угасают в солнечных лучах. . .
Вдруг всё зловеще скрылось перед нею:
Марина затуманилась, бледнея,
Умолкли скрипки, речь оборвалась. . .
Ох, не Марко любимый! Щуря глаз,
Там тянется паныч окровавленный
К невесте юной, ужасом сраженной,
И жжет руки поганой белизна! . .

. . . . .
Шинкарка наливает. У окна
Шумит сосна. Гриць медленным движеньем
Поправил длинный ус, с большим презреньем
Всех оглядел, и вот скрипач кладет
На подоконник скрипку (в ней живет
Еще последний отзвук легкокрылый), —
И Гриць запел о том, как проучила
Голь в кабаке вельможу-богача. . .
Поет он гордо, словно бьет сплеча.
Гаврило подхватил. Наум в похмелье
Подтягивает. . . Окна зазвенели
От песни той — высоких гневных слов
Против вельмож, подпанков и панов,
С надеждою, с величием победным.
Где ж время то, что богачам последним
Последней карой грянет? И когда

---

¹ «Диво чи не диво, пішли дівки на війну» — из песни.

Взметнет восстанья буйная вода
Вас, Грици, и Гаврилы, и Наумы?
Иль это лицемерье пьяной думы,
Тень дыма трубки, чарок звон в ушах?
Нет-нет! Железного Шевченка шаг
Вот-вот из недр пустыни донесется;
Уж там и тут огонь рассветный вьется,
Чуть видный бледный луч разлил восход.
И скоро. . . нет, не скоро, но придет
На землю правда в пурпуре восстанья,
И палачи с мольбой о состраданье
Возденут рук поганых белизну.

2

День многошумный отошел ко сну.
Вдали чуть слышен крик перепелиный,
Туманом тонким полнятся долины,
Привычный звук стал чуждым для ушей.
Спи, Генрих! Колотушки сторожей
Бьют в громкие железные клепала;
Тишь мудрая спокойно разостлала
Ковер широкий на твоих полях,
Садах, хлевах. . . Сомнения и страх
Откинь. К чему? . . . Отец твой умирает,
Так что ж тебе? Бессмертных не бывает
На свете. Перед совестью своей
Ты чист, ты и ксендза звал, и врачей. . .
Теперь лишь ксендз над ним хозяин властный. . .
Спи, Генрих! Догорает месяц ясный,
И звезды — словно слезы из-под век.
Твоя Марина у тебя навек
Останется. В Девичьем схоронится,
Покамест сплетен шум угомонится.
А там. . . Нет! Прочь бесовскую гурьбу
Соблазнов. . . Твой отец почти в гробу! . .
И память вновь узоры ткет без счета;
Вот наконец спускается дремота
На грудь. . .

«Кто там? Кто там перебежал
Во мраке! Эй! Кто голову прижал
К наличнику?»

Всё тишиною скрыто.

Даль шелковая звездами расшита.
Стучат трещотки бодрых сторожей...
Спи, Генрих!..

Засветилась на меже
Роса. Летит к озерам цепью длинной
Звнящий в высях выводок утиный;
Охрипший, без ума кричит дергач;
Как будто серый удлиненный мяч,
Перекатился заяц. Счастье воли
В тумане этом, в радужном раздолье,
Во вздохах нив и в тихой речи трав!
А сколько зла, болезней, мук, отрав
Запрыталось под ясностью звящей!..
В усадьбу пана с новостью томящей
Максим приехал, — только невпопад.
Заполнен двор толпою: стар и млад.
Не нужен им рассказ о похищеньи
Марины; про ночное злоключенье
Несется весть, внезапна и страшна:
В постели белой, виден из окна,
Недвижимый, холодный и бесстрастный
Лежит паныч. Живой водой напрасно
Целебную рассвет его поит:
Глаза погасли, голова висит,
И там, где солнце пламень свой простерло,
Алеет перерезанное горло.
Нет, новость не одна на двор пришла:
В ту ночь из клетки мощного орла,
Что прозябал в усадьбе на поляне,
Освободили. Но куда в тумане
Рассветном полетел он, вновь могуч,
Укрылся ли меж неприступных круч, —
Никто не знает. Лишь Кондрат, бывало,
Хвативши кружку добрую сначала,
Твердил, что в Красном Куте этим днем
Ужасный птицы подняли содом,
Когда пришелец черною стрелою
Внезапно взмыл над ближнею горою
И скрылся в блеске выси голубой,
Как будто всех скликая за собой.

Любив мене, матінко,
Запорожець,
Вивів мене босую
На морозець.
Вивів мене босую
Та й питає:
Чиє мороз, дівчино,
Чи немає? ¹

Песня

1

Дрозды в лесах еще не поклевали
Всю ягоду с густых рябин; пылали
Осинники, не обронив листву, —
А ранний снег уж засыпал траву,
Детьми потоптанную по левадам.
Повеял ветер, и свирепым взглядом
Мороз оледенил пруды в садах.

«Пороша, братцы! Зайцев на полях —
Что блох в корчме! Вставайте же, лентяи!
Хлебнем-ка на дорогу (да не чаю, —
Его оставить можно москалям!)
И тронемся!» —

Так говорил Адам,
Марьяна дядя, лысый, как колено.
Немало лет весь округ неизменно
Плешивости причину обсуждал,
Но всем одно бедняга отвечал:
Что, мол, остаться без волос не диво
Тому, кто, как и он, женат счастливо!
Читатсли! По силе прав своих
Я вставляю, примечаний враг любых
(Помимо дельных), слово про Адама:
Жена его, достойнейшая дама. . .
Но, рифмы плоские прогнав за дверь,
Попробуем вообразить теперь
Ксантиппу как Фальстафову подругу.
Про их любовь и жизнь (не жизнь, а муку)
Короткой фразой ограничусь я:
Цветет и благоденствует семья!

¹ Любил меня, маменька, запорожец, вывел меня босую на морозец. Выгел меня босую для ответа: есть ли мороз, дивчина, или нету? — *Ред.*

И спор и драка иногда бывают,
Но трех детей Ксантиппа забавляет.
Пусть моралист толкует вновь и вновь, —
Возможна ли подобная любовь?
Но вот однажды поутру Адама
Цецилия терзала так упрямо,
Как купоросный, въедливый раствор,
Что отдышаться вышел он во двор,
Едва живой. . . Покинутая пани
Одна обедала, за ужин ранний
Одна уселась. А в конце села
В тот вечер странная произошла
История: Адам сам-друг с Марьяном-
Племянником, с Каролом полупьяным
И с Нысем-почтарем (Нысь был еврей,
Но понимал отлично лошадей
И потому нередко пил с панами)
Прошли украдкой, прячась за тынами
От взоров любопытного села,
В корчму с названьем гордым «Три орла».

Как водится, был тот утес орлиный
Лишь мазанкой с облупленною глиной
(Романтик, видя чудеса во всем,
Лягушку называет соловьем).
Сюда не раз ходил Адам с Марьяном,
Но — шумно, с буйной песней, с криком пьяным,
Гудевшими до дальнего села.
А нынче — даже оторопь взяла
Седого корчмаря — дверь отворили
Друзья без шума, молча поманили
Его к себе и говорят: «Поди
Медов стоялых в жбаны нацеди,
Влей водки, отвари в шафране щуку!
Да ни гу-гу! Чтоб никому ни звука,
Где мы, куда пошли, и что, и как!
Да всё снеси в конюшню на чердак!
Да лестницу туда поставь скорее, —
Да шевелись, собачий сын, живее!
На чердаке решили мы гулять,
Чтоб ничего никто не мог узнать,
Не то, смотри! Переломаем кости,

Пройдоха старый!..»

И со смехом гости
По шаткой лестнице полезли ввысь,
Под крышу... А когда стемнело, Нысь
Послал с каким-то мальчиком толковым
Письмо; стояло в нем всего «два слова»:
«Цецилия любезная моя!
Сегодня в Вышгород поехал я
По делу. Там с неделю буду, может.
Пускай тебе во всем господь поможет.
Целую крепко. Верный твой *Адам*».

Теперь троим проказникам панам
Никто б не помешал начать попойку.
Под крышей покосившейся постройки,
Где редко нынче конный ночевал,
Они с неделю жили. Доставлял
Хозяин им припасы в изобилии.
Кобыла Галка с жеребенком были
Соседями внизу. А с высоты,
Лишь свечерет, крупных три звезды
С иронией смотрели сквозь солому
На беглецов... Проказнику седому
Порой сквозь сон казалось, что жена
По лестнице взбирается, страшна,
И, обругав его «свишьей вонючей»,
Пинками гонит с лестницы скрипучей...
И верно! Хоть своих героев нам
Не надо бы приравнивать к свиньям,
Но доля правды в этом есть сравненье.
Вот так пируя всем на удивленье,
«Казацкий» свой разгуливая пыл,
Марьян не только парней с ног валил,
Но и сестер их, родичам на горе,
И оставлял обычно, опозоря,
Как подобало рыцарям всегда.
«Ну и лихой у нас паныч! Беда!» —
Порой отцы с мужьями сокрушались,
Хотя у многих кулаки чесались
Весельчаку все ребра поломать.

«Казак Кирило» — этот, так сказать,
Гуляка был немудрого покроя.

Любил он нищих дегтем иль смолою,
Поймавши, вымазать — друзьям на смех
(Добряк потеху не считал за грех;
Скучать — вот грех! Он умер бы скорее);
Любил запретным накормить еврея:
«Ешь, сукин сын! Свиная колбаса!
Не хочешь? А спусти-ка, хлопче, пса!»
Любил между детьми затеять драку,
Зато в вопросах чести съел собаку
И свято верил в титул «казака»...
И вот теперь четыре чудака
В Чернявскую отправились рошу,
Чтоб хорошо отпраздновать порошу, —
И голубая снеговая муть
За четырьмя запоорила путь.

2

Медынская — трудненько угодить ей!
Что ж? Человек чем старше, тем сердитей.
Под старость вспоминается сильсй,
Как сам NN говаривал о ней:
«Вы — королева в золотой короне!»
Как на балах ей хлопали в ладони,
Когда она легко в мазурке шла...
Откуда тех воспоминаний мгла?
Причудница такая ж, перед нами
Вновь оживая, мертвыми глазами
Из пушкинского томика глядит,
И облик старческий ее облит
Чайковского туманом музыкальным!..
Хотя порой чуть-чуть бывает жаль нам
«Московскую Венеру», ну так что ж!
Счастлив тот дом и край, где не найдешь
Таких Венер, где молодость и силу
Столетнее старье не задушило,
Где ширина просторов голубых
Цветет для поколений молодых!

«Поддай воды! — Постой! — Ну, что ты стала? —
Куда бежишь? — Ведь я тебе сказала:
Поддай мне чаю! — Фи! холодный чай! —

Какой горячий! — Мне платок подай,
Да живо! — Что вы, к полу все пристыли? . . .»
И так вот час за часом проходили
И день за днем. Но светлый луч один
Есть у старухи. То — Марьянек, сын
Возлюбленный, как бог красивый, стройный,
Быть королеве женихом достойный.
Нет! Королевны годной не найти!
Хотя порой Медынская грустит
О том, что *дитяtku* пора б жениться. . .
Хоть можно от людей пока таиться,
Но ведь в душе тревога не молчит,
Что над убогим хуторком висит
И нищета, быть может, — час не ровен! —
Что род Медынских, хоть и чистой крови,
Почти угас, что в кошельке легко,
Что грозный день уже недалеко,
Когда. . . и думать страшно! А Марьянек
Охотится на зайцев да крестьянок,
Да ловок лишь на острые слова.
Что ж делать! Молодая голова!
А сердце благородное упрямо,
И, как Везувия иль Этны пламя,
Страсть молодецкая кипит ключом.
Какая мощь и мужественность в нем!
Где есть еще сокровище такое?
Так забавлялись древние герои,
Когда стихала бранная игра. . .
А все-таки. . . Пора бы уж, пора
(У старой шепотом прорвется слово)
Всё в жизни взвесить, и решить толково,
И из веселого повесы вдруг
Мужчиной стать серьезным. Ведь вокруг
По нем вздыхают лучшие девицы!
Но кто из них со Стасею сравнится?
К чему слова! . . . Понятно, что пока
(Скончался сам пан Людвиг, а рука
Предательская Генриха убила)
О свадьбе я бы и не говорила, —
Еще к тому же траура вуаль
От Стаси ясную скрывает даль. . .

И эта девка! Лишняя забота —
Маринка эта! А ведь правда, что-то
Дал Кутерноге за нее он сам. . .
А тот свободу льстивым дал словам
И Стасю смог уговорить вначале,
Когда на ту упали все печали,
Чтобы Медынским девушку продать:
«Ведь всё равно — добра уже не ждать!
Такое зелье и в земле не спрячешь! . . .»
А Стася — что ж? Безумье, не иначе,
В то время помутило ум у ней,
И золотистую головку ей
В покорном безразличии склонило,
И ревность в темном горе потопило!
А горя не измерить, не обнять. . .
Опять-таки: к кому же ревновать?
К служанке, хамке? Всем на удивленье?

С Медынскими однажды, на моление
В костеле, Стася встретилась — бледна,
Печальна. . . Знать, конечно, я должна
Всю правду. Что в глазах ее сверкнуло?
Кого-нибудь она бы обманула,
Да не Медынскую. Ведь то была
Причудливая смесь любви, тепла,
Укоров, скорби, жалоб, гнева, боли. . .
Развеет время всё, как ветер в поле.
Во имя цели золотой, сынок,
Пора, пора переступить порог!
Адама бросить и гульбу тем боле,
Откинуть прочь прилипшего Кароля, —
Они, как демоны, черны. . . как ночь.
Порвать все связи! Всех их выгнать прочь!
Сжечь корабли! Вот это будет мудро!

Так думала от утра и до утра
Медынская. Те мысли всё сильнеей
Вливали в сердце да и в руку ей
(В морщинистую руку с желтизною)
Злость, про которую могли покои
Домишки старого порассказать. . .

Хоть правда: нынче горничных не пять,
Как прошлый год, а только три осталось,
На них все дни старуха изливалась
Безудержным потоком брани злой.

Ужасно видеть, как паныч порой
Или паненка, тоже расцветая,
Проходят, по живым телам ступая,
И жизнь чужую душат, и гнетут,
И душу топчут, и отраву льют. . .
Но если полутруп, гнилой, вонючий,
Чужую жизнь, чужую юность мучит —
Тогда не страшно?! Сло́ва не найти,
Чтобы проклясть, и сжечь, и растрясти
По ветру пепел. . .

Всех как бурей сдуло, —
Пора идиллий крепостных минула,
Исчез мираж проклятый навсегда!
Не закричит старуха никогда
И не толкнет, но пилит. Муку эту
И день и ночь, с рассвета до рассвета
(Не спит старуха — молодым не спать!),
На гром угроз хотели б променять
Запуганные девушки. За словом
Невинным, в каждом жесте пустяковом
Старуха видит тысячи грехов.
А смех! Как только молодых зубов
Блеснут снежинки, заискрятся очи, —
Она: «Вот! вот! Смеяться вы охочи!
Над чем смеетесь?» И пошла, пошла. . .

Марину лишь не трогала пила.
Со дня того, как ввел ее Марьянек,
Взволнованный, счастливый, полупьяный,
Усталую, с заплаканным лицом,
В почтенный свой, гостеприимный дом,
Ей, матери, на стыд и на обиду, —
Медынская не подала и виду,
Что материнский жребий ей тяжел.
Пускай живет! Пусть даже и за стол
Господский эту девку сын сажает!

Мать, бедная, и глаз не поднимает,
Сидит, молчит. . .

Но лучше б — гнев слепых
Проклятий черных и укоров злых,
Чем яд глухого, страшного молчанья,
На смерть похожий разговор без слов!
Марины милой первая любовь,
Израненная Генрихом, стонала
От страшной боли, но не умирала,
Слезами выливалась и жгла.
Так пролетело лето. Так прошла
И осень смутная. Декабрь косматый
Осыпал снегом ветви, поле, хаты,
Сердца засыпал, память усыпил.

Вот у окна, где звезды прилепил
К стеклу мороз, как верный страж традиций,
Сидит Марина. . . Что ж, девичьи лица
Видны в оконцах с улиц снеговых
Во множестве поэм друзей моих,
Поэтов! Но, однако, нет причины
Умалчивать в рассказе, что Марина,
Задумавшись, сидела у окна,
Что о Марьяне думала она,
С неясной нежностью по нем тоскуя. . .
Нет! При желанье даже докажу я,
Что эта строчка истине верна:
Обижена, на всей земле одна,
К себе участия девушка не знала.
Она лишь от Марьяна услышала,
Глубоко затаив тоску свою,
Хоть пьяное, но все-таки: «люблю»,
Без смеха, без глумленья, без насилья. . .
Он, пусть невольно, волю подарил ей,
Всегда был с ней беседовать готов. . .
К тому ж, мы знаем: ведает любовь
Запутанные, темные дороги,
В которых не мерзавцы Кутерноги
Да и не Людвиг, женолюбец-пап, —

В которых сам великий Дон-Жуан
Не разобрался б, если скажем строго.

Любовь. . . Пожалуй, это слишком много, —
Нет, некое неясное тепло
В Марине вздрагивало и росло,
Когда звучал Марьяна шаг далекий
И голос хриповатый и широкий
Раскатывался утром по двору.
. . . А сквозь окно ей виден тихий пруд
Под тихим, синим, снеговым покровом,
А там поля легли платком пуховым,
А там и лес синеет сквозь туман. . .
Там где-то буйно носится Марьян, —
Единый, кто остался. . . ох, единый!

И день садится в снежные седины,
Снега к закату, словно кровь, цветут.
Неясно думы в голове снуют
Печальные, подобно сонным чарам. . .
А за стеною (стены в доме старом
Тонки) весь день Медынская бубнит. . .
И словно вечность, каждый миг бежит —
И всё ж обманчивой надеждой веет.

И словно в песне — вечер вечереет,
И словно в песне — ржет в тумане конь. . .

Сквозь сумрак лет, как голубой огонь,
Мерцает мне морозный вечер в поле,
Когда, бывало, поохотясь вволю
(Пусть неудачно, ну, да это — прочь!),
Идешь домой. И наплывает ночь
Украдкой, осторожно, чуть заметно.
Еще закат играет многоцветно,
Горит и рдеет. А уже ковром
Ложится густо тень. . . И вот кругом
Уже совсем померкло. . .

. . . «Едут! Боже!» —
Запыхавшись, с багровой, пьяной рожей
Ползет Адам. Вот Кароль вслед за ним,

Обрадованный случаем смешным
С Адамом, — упустил он так неловко
Лису живую (хитрая плутовка:
Закрыв глаза, как мертвая, легла), —
И прыскает, склонившись у стола.
А сам Марьян, — ох, сердце предвещало!
Недаром же так долго толковала
Вчера тайком Медынская с сынком! —
Поглядывает кисло он кругом,
Марину будто бы не замечает,
Из уст его впервые вылетает
Обиды слово, ядом налито. . .

Терпи, Марина! Дальше и не то,
Ссстра моя, тебе узнать придется!
Терпи! Пока терпенье не порвется!

Да, накануне вечером вела
Беседу про плохие их дела
Медынская с сынком своим единым.
«Скажи *прощай*, сыночек, всем Маринам! —
Впервые прямо молвила она. —
Я понимаю — молодость буйна,
Кровь горяча — и то не в укоризну! . .
Но ведь всему свой час приходит в жизни,
А зла тебе не пожелает мать.
Ах! Как бы мне хотелось обнять
Невестку добрую, внучаток милых!
Тогда не страшно было б и в могилу,
Уйти навек за гробовую дверь. . .
Потом учти: не мальчик ты теперь,
А ведь у нас большие недостатки! . .»
Марьян, конечно, гаркнул. «Пани матко!»
Дверями хлопнул, слушать не хотел . .
Однако сам — не то он постарел,
Не то ему попойки надоели,
Не то наскучила на самом деле
Марина — хоть не признавался он, —
Не то он был свободой утомлен, —
Но в цель слова старухины попали . . .
А тут и гончие! Сегодня гнали
Так, что и вспомнить стыдно! . . Пан Адам

Его дразнил. . . Но шуткам и словам
 Границы есть. Зачем же удивляться,
 Что раздражение могло прорваться
 Перед своей Мариной. . . Как? Своей?
 Довольно! К черту! «Пей же, Кароль, пей!
 Конец наступит скоро развлеченьям!»
 Ольшевский онемел от удивленья,
 Но всё ж большую чарку проглотил
 И, хрипло крякнув, снова забасил:
 «Что ж, побратим, веселье с горем — рядом! . . .»
 А девушка меж тем горячим взглядом
 Всё смотрит в посиневшее окно,
 Но никого не ждет. Всё, всё давно
 Прошло. И снег ей сердце укрывает.
 «Тень счастья. . . и она сейчас растает».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Як нема в кишені злота, —
 Не соромиться наш зух!
 Бере наборг у Беллота¹. . .
 Но, конята! Далі в рух!

Польська балагульська² пісня. *

Пискливый чертик в ротике ребенка —
 Вещь нудная. Мой сын еще в пеленках
 Его боялся — то-то сын-мудрец!
 Он с ним не свяжет, как его отец,
 Контрактов³ в Киеве, с базаром конным,
 Со снегом мокрым, с кленом удивленным,
 Со старым домом, с криком торгашей

* Пусть в кармане нет и злота — проживем мы как-нибудь!
 В долг добудем у Белльота. . . Эй, лошадки! Дальше в путь! *Польская балагульская песня. — Ред.*

¹ Ресторатор Белльот переезжал на время контрактов из Бельдичева в Киев. (Контракты — см. ниже.)

² Балагула — возчик. В переносном смысле «балагулами» называли себя разгульная польско-панская молодежь, нередко с известным налетом шляхетской, а то и украинфильской романтики, любители веселых приключений, пьянства, ярмарок, лошадей. Эпиграф переведен Б. Тургановым.

³ Контракты — в прошлом ежегодный ярмарка в Киеве, куда съезжалось множество помещиков.

И с пряником, который для детей
Всего вкуснее, — лакомством убогим.
Сын встанет на окрепнувшие ноги,
Потом науку мудрую пройдет;
Меж вороха отцовских книг найдет
Он всеми позабытую книжонку
И, в изумлении раскрыв глазенки,
«Контракты» слово прочитает там.
Меж тем, читатель, довелось и нам
«Контрактов» запоздалые затеи
Увидеть в детстве. Искренне жалею,
Что на уэллсовой машине ¹ вас
К тем дням я не могу умчаться сейчас,
К тем дням, когда гудел весь Киев пьяно,
Когда кареты, брички и рыдваны —
Всё, как река, по улицам текло.
Как хорошо, что время то прошло
И никогда не возвратится боле!
Ведь это ж крепостной — презренный, голый,
Слезами, кровью замесивши пот,
Дворцы построил для своих господ,
Где панство, в бархате, в шелках расшитых,
Встречало виртуозов знаменитых,
Играло в карты, где вино текло
Рекой, хоть заморенное село
И за год денег тех не собирало,
Что здесь за сутки дама рассыпала,
Швыряли «контрактóвичи»-паны!
Теперь скажи, любитель старины,
Ты не хотел бы «коррективов» этих?

Окутанный туманом, на рассвете
Старинный тихо движется рыдван;
Его на сани Замитальский-пан
Поставил мудро, едучи в дорогу, —
За жизнь свою поездив очень много,
Весне не доверял он с давних лет.
С ним здесь лакей и старенький поэт
Тибурций, носом в полусне клюющий;
Он улыбается на всякий случай,

---

¹ Уэллсова машина — см. его роман «Машина времени».

Чтоб даже и во сне не пропустить,
Коль Замитальский вздумает сострить.
Однако пан (что можно счесть за диво)
Ни ядовитой шуткой, ни игривой
Обмолвиться не хочет: всё молчит,
Попыхивая трубкой, да свистит
Лихой мотив, поглядывая хмуро.
Кто человека изучил натуру,
Тому уж это был бы верный знак,
Что выдумщик, гуляка и чудак,
Не уступавший славному «Коханку»,¹
Не с той ноги поднялся спозаранку, —
Тибурций даже знает, почему:
Печальный вид мерещится тому —
Продажа родового их имения.
Но нет! Он на «контрактах», без сомненья
(А где и как? Черт знает — где и как!),
Наверняка обманет тех собак,
Что кличут кредиторами! (Отмечу —
Так Замитальский говорил. . .) Навстречу
Любой дурак не крикнет во весь рот
Противного и гадкого: «Банкрот!»
А дальше что? . . . Но как всё это случилось?
Жилось так хорошо! Пилось! Гулялось!
Мужик пахал. А дочки мужика
Увеселяли пана-добрняка,
И низко кланялись ему соседи
При встрече на пирушке иль обеде!
И сразу — на! В веселье и гульбе
Аукционом мерзостным тебе
Какой-то запаршивевший чиновник
В нос тычет! Кстати: надо безусловно
Игру с медвсдем нынче ж воскресить.
Да нет. . . не время! Нечем заплатить! . . .

Запас дорожный на санях тяжелых
Привязан сзади. Всё ж к разряду «голых»
Пан Замитальский не принадлежит:
Там целый погреб ценных вин лежит,

---

¹ «Пане Коханку» — так прозвали, за излюбленную его поговорку, польского магната Карла-Станислава Радзивилла — кутилу, шутника, любителя пиров и празднеств.

Огорока — на удивлень свету,
И золото! Ох. . . золота и нету!
Так! Разве малость. . . кучка векселей
Неверных. А! Проклятье! Сто чертей!
Когда-то у него гремели звонко
Червонцев жарких полные бочонки,
Поставленные рядышком в санях!
А тронувшись в поход, он на торгах
Купцам швырял червонцы — не иначе, —
Ни разу в жизни не забравши сдачу,
Что подобает только торгашам.
Фи! Сдачу брать!

Теперь зачем-то сам
Он в Киев тащится, себе на диво,
В соседстве с обезьяною плешивой
(Так звал он Аполлонова слугу —
Тибурция), что, выгнувшись в дугу,
Храпит иль треплет языком досужим!
И — вообще: зачем? Кому он нужен —
Весь этот мир? И небо? И поля?
Вся эта снегом скрытая земля?
Вороны эти на столбах дорожных?
И все повозки всех панов вельможных,
Что по дороге тянутся гуськом?

Бывало раньше: с радостным лицом
Знакомых Замитальский обгоняет,
С одними шутит, прочим — лишь кивает,
Поглядывая гордо на чужих;
А сколько панн, бывало, молодых
Съезжалось в Киев с мыслью о супруге,
Оружием имея стан упругий
Да очи-стрелы! . . . Только глянет он —
И снег лица румянцем обагрет,
И глазки вниз потуплены. . . Эх! Где ты,
Пора, когда, по-старому одетый,
Он в шумных залах полонез водил!
У первых женихов он уводил
Партнерш на танец — так, для смеха, сдуру. . .

Липинскому¹ его фиоритуру
Он шапкую червонцев оплатит

---

¹ Кароль Липинский (1790—1861) — известный скрипач.

Не постеснялся. . . Снова сердце нить
Как будто начинаст (ненароком
Толкнул Тибурция, а тот под боком
Храпел вовсю). . . Эге! Да он прилип —
Не отдерешь! Прирос ведь, как полип!
Поэт, подумашь!

Но в ту минуту,
Долину миновавши, сани круто
Рванулись в гору. И навстречу им
Вдали блеснул узором золотым
Высокий, стройный и лучистый Киев.
Про Гедиминов тут и про Батыев
Невнятно вдруг забормотал поэт,
Очухавшись. А Замитальский: «Нет!
Довольно киснуть! Ну-ка, хлопче,
z bicza!»¹

И вот вспорхнула с быстротою птичьей
Надежда, по-былому молода:
«Как! Покориться? Сдаться? Мне? Ну, да!
Не из таких!»

Валит валом, бушует
Приезжий люд. В блестящих, пышных сбруях
Вдоль улиц кони быстрые летят,
У лавочек приказчики кричат.
Блестя гербами, катятся кареты
(Теперь, читатель мой, уже нигде ты
Сооружений не найдешь таких),
Они невест привозят молодых
Под взглядами мамаш благочестивых,
И шарабаны паньчей гулливых,
И брички Бросмана² гремят кругом
Весь день, без усталости. . . А вечером
Поет какая-нибудь Каталани.
А патриоты тихо про повстанье
Речь тайную по уголкам ведут.
Днем снова — покупают, продают,
Плутуют, женихаются, условия

---

¹ «Pal z bicza!» — «щелкни кнутом, бичом!» Это считалось у старого польского панства особым шиком.

² Брички Бросмана — изделие знаменитого мастера Бросмана из Галиции.

Подписывают. Вечерами вновь их
В театре мы встречаем, где «Бандит
Венецианский» воем и гремит,
«Свет» отражая, никогда не бывший.
А те спешат по улочке утихшей
Туда, где можно и водчонку пить,
Да и любовь недорого купить
(Тайком — второе, первое — открыто),
Тех по́ит ресторатор знаменитый
Венгерским крепким и клико со льдом...
Вот и Марьян с «Кирилом-казакон», —
Хотя, бедняги, денег не швыряют,
Зато везде, конечно, поспевают,
И каждый (то-то рыцарская кровь!)
Ввязаться в умный разговор готов.
Лишь только бы компания нашлася...

Еще носить не кончив траур, Стася,
Однако, тоже с теткой прибыла
На ярмарку. Серьезные дела
У ней здесь были. Правда, танцевать ей,
Пожалуй, рановато, — но крылатый
За нею мчался кавалеров рой
С изящной лестью, с шуткой записной
Повсюду. И однажды, в миг счастливый,
Гуляя как-то с тетушкой болтливой,
Весенним ясным днем ослеплена,
С Марьяном повстречалась она.
Марьян ей молча, низко поклонился.
Но разговор немой в глазах родился
Меж ними. Правда стала им ясна:
Он вновь любил. Любила и она, —
Ведь горячѐй еще любовь пылает,
Когда размолвка милых разлучает,
А ревность только дразнит, как вино
Наш аппетит (твердят о том давно
Писатели, всё доказав умело).
«Пить — дело панства, есть — холопье дело!» —
Вскричал Марьян, подняв бокал вина. —
А правда — в кубке, значит, пей до дна!
И «балагулы» — по бутылке братья —
Пьют (кто — в кредит, а кое-кто и платит).

«Еще вина!» — кричат наперебой.
Но вечереет. Двинулись гурьбой .
И очутились все в концертном зале.

И вот он сел, волшебник, у рояля ¹
И, волосы откинувши рукой,
По клавишам ударил — и волной
Вихрь пролетает по клавиатуре.
Еще не буря — вздох далекой бури,
Но замерли сердца! . . . Уже болят
От радости и страсти. . . Вот — гремят
Вдали громá и громоздятся тучи! . . .
Как нестерпимо знойно! . . . Вновь могучий
Бьет клавиши властительной рукой.
. . . И налетает звуков дивный рой,
И ширится. . . И по стене высокой
Бегут миры. . . О чародей жестокий,
Мучь сердце, мучь! И проклят будь покой! . . .
И всё погасло.

Кто ж, такой смешной,
Здесь кланялся и кланяется снова?
Кому? . . . Еще среди скопища людского
В хлопках холеных бархатистых рук
Не догорел последний, черный звук,
А уж кругом стрекочут: «Знаменито!
Чудесно! Сколько силы!» И разбито
Очарованье.

Вновь он сел. Журчит
Лесной поток. Далекий лес шумит.
Бежит по листьям ветер легкой трелью.
В ручье на солнце плещутся форели.
К воде склонилась девочка, пред ней
Сверкает чистым зеркалом ручей,
Чтоб юный образ мог в нем отразиться. . .
Неужто эти томные девицы
И барыни, что здесь сидят вокруг
И дружным хлопаньем лилейных рук
Встречают иностранца-чародея,

---

¹ Здесь представлены некоторые черты знаменитого композитора и пианиста Ф. Листа, который бывал и выступал в Киеве во время контрактов.

За пустяковую вину умеют
Служанок дома по щекам хлестать?
Кто мог бы здесь уверенно сказать,
Куда он сам отправится с концерта?

«Я карты брошу только после смерти!» —
Так музыкант прославленный сказал.
Что ж удивляться, коль его застал
Пан Замитальский в клубном кабинете,
Где счастья легкого искали эти,
А те — ну, просто проводили ночь.
Но, конкурентов оттеснив прочь,
Артиста, усадив за стол зеленый,
Доклевывал какой-то князь. Крапленой
Колодой (за спиной ходил слушок)
Орудовал удачливый князек,
Но что с того...

Средь сизого тумана
Пан Замитальский отыскал Марьяна,
Который с неизменным «казаком»,
С каким-то спившимся вконец панком
Играл азартно, ставя по копейке...
И тут у Замитальского идея
Сама собой родилась: «Сделать свой
Театр!» Счастливый замысел такой
Был порожден отменным аппетитом.
Теперь-то он заткнет уж всем несытым
Заимодавцам глотки! Весь народ
К нему повалит! Панство понесет
Червонцев груды, кипы ассигнаций!
Смелей за это дело надо браться,
Побольше лишь «наяд» и «нимф» собрать,
Таких, чтоб... руки начали дрожать,
Когда посмотришь! Есть среди крестьянок
Такие... свежие!..

.....

Встает туманный
Рассвет. Табачный синий дым висит
Пластами в комнатах. Марьян сидит,
Вдруг протрезвев, всё проиграв к тому же.
А Замитальский, улыбаясь: «Друже!

Тебе готов я проигрыш простить,
Но... лишь одно хочу я получить...
Я думаю — тебе не всё ль едино?
Отдай мне эту... как ее? .. Марину! ..
И всё назад получишь, так и быть».
Марьян привстал:

«Прошу вас не шутить!»

Но через час — сменилася картина...
И вскоре к Замитальскому Марина
В навечное владенье перешла.
...Осклизлая, сырая ночь была,
Когда Марьян осклизлыми словами
Марине всё, потупясь, рассказал.
Но только он да мрак сырой узнал,
Какая кара ждет его отныне:
Кровь вольных предков вспыхнула в рабыне,
Встал за спиною тенью мститель-дед, —
И пану бросила она в ответ
В лицо горящей жаркой головою
Проклятье, ненавистью налитое...

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ

Чи буде суд? Чи буде кара? ¹

Т. Шевченко

1

По лужицам на постоялый двор
Въезжает бричка. Кто б ни кинул взор
На эту бричку, если даже кони
Ему — ничто, постигнет, что персоне
Среди персон сей служит экипаж,
Что путник наш — приличный верный страж,
Что им всегда научен будет кучер,
Как выезд холить (надо лишь покруче
С ним поступать, спусти ему лишь раз —
Колеса перестанет мыть тотчас).
Итак, приезжий — вывод несомненный —
Был человек бывалый и степенный.
Конечно, так. Еще не старый пан,

---

¹ Когда же суд? Когда же кара? — *Ред.*

Чей приобрел уже округлость стан,
Из брички вылез, надавив рукою
Плечо лакея. Перед ним дугою
Седой мишурес гнулся на крыльце.
Пан, с милою улыбкой на лице,
Как малую пушинку, снял с сиденья
Красавицу — супругу, без сомненья.
«Покой, да лучший!»

— «Пане, мы для вас
И не такой найдем во всякий час!
Вельможный пан! Вот радость-то какая!
Забыли нас! . . .»

— «Голубка! Дорогая!
Устала?» — будто слов и не слышал
Почтительных, жене своей сказал
Приезжий.

«Да, немного, друг. . . дорога. . .»
.. Вошли в покой. Заботливость, тревога,
Звучавшие в приезжего словах,
Понятны нам: и за жену был страх,
И страх другой — за существо второе.
«По правде, не с охотою — не скрою —
Иду я в город. . . Дело так велит!
Ты отдохни. Головка не болит?»
— «Нет, милый. . . только. . . нет, не знаю даже,
Сказать ли. . . так хотела б я. . .»

— «Куда же?
Я для тебя. . .»

— «В театр. . .»
— «Ну, вот куда!

Смотри, не получилась бы беда!»
— «Беречься буду. Прямо нет терпенья,
Так хочется увидеть представленье:
„Днепровская русалка и злодей“».
— «Твоей головке только до затей! . .
Приехала, и полежать бы надо,
А ты — в театр. . .»

— «В глазах твоих досада.
Ну, не сердись. . . к спектаклю отдохну».
— «На жизнь свою сердиться, на весну?
Ты хочешь — значит, будем на спектакле.
А странная история — не так ли? . .

Вновь с Замитальским... всё мне дико тут.
С театра он — венец его причуд! —
Добыть собрался прибыли большие». —
«Но, друг... его певицы крепостные
Не плохи... много свежих голосов...
Какой-то там артист из поваров
Так одарен... О нем — я так слыхала —
По всей стране молва уж пробежала...
Не знаю только...»

— «Верь-ка всем словам!
Твердил, бывало, дядя мой Адам:
«Из пастухов цари тогда бывали,
Когда по-человечьи рассуждали
Ослицы...» Но теперь другие дни.
Где тонкость чувств? Где чувства? Где они,
Извилины души высокой, горней,
У свинопаса, повара, у дворни?»
— «Марьян, ведь ты любил простой народ,
Любил ты песни, что народ поет,
И даже сам ты напевал, бывало,
Как войско запорожцев выступало».
— «Забыл и думать! Сплыло всё давно!
Так иль не так, а всё же не должно
Шляхетской и взыскательной натуре
Подобной предаваться аванюре,
Как Замитальский... Не хватает лишь,
Чтоб он, стремясь умножить свой барыш,
Сам пред людьми помчался в пляске дикой!
Ну, я пойду... обед нам закажи-ка...
Я, Стасенька, сейчас же возвращусь.
С одним купцом никак не соберусь
Покончить дельце... очень он упрямый!»
И он пошел, уверенно и прямо,
Походкой гордой.

А она лежит
И отдыхает. Маревом скользит
Неясных помышлений вереница.
Красавица! Тебе ведь и не снится,
Что именно сюда твой муж Марьян,
Тогда паныч-повеса, а не пан,
Девчонок приводить велел, бывало...

Но этому не он ведь дал начало,
И этому не он положит край.
А ты лежи, лежи и отдыхай!
Ты хороша, как роза на рассвете!
Всё к лучшему идет на этом свете.

2

И вот чуть слышный голос, прозвучав,
Умолк. И умерла она меж трав
И меж цветов, качающихся в балке.
Навек усни, днепровская русалка!
Марину в ней — узнать и не узнать!
... Она! Конечно! Полно же молчать!
Визжите, скрипки! Фонари, светлее!
Ха-ха! Артистка! Чаровница! Фея,
Проигранная в карты! Хлев свиной
Для театральной своры крепостной
Подходит. Гениально! Свинопасы,
Одетые в сусальные прикрасы,
Чаруют простоватых горожан! ..
Глянь — Замитальский! Сам вельможный пан!
Авантюрист... «Мы так всегда вам рады!
А в мире лучшей нету ведь отрады,
Чем с милыми друзьями... Ну, живей
Ко мне! Мой новый повар — чародей!
Что голодать! Вожу его с собою...
Итак, прошу отужинать со мною, —
Ей-богу, королевский майонез...
Я мигом...»

И, как мячик, он исчез.

Уж он в конце сырого коридора:
Там нужно проучить ему актера,
Который спал пред рампою... Да! Спал!
И вот «рецепт» мгновенно прописал
Антрепренер: сонливую ворону
Пощекотать немного... для разгона.
Подумайте! А роль ведь так легка!
Ведь мельника играл он! Старика!
И бестия проучен был умело.
Уладив неотложнейшее дело,
Антрепренер — вернее, меценат —

Балетных пощипал слегка дивчат
И вышел; ох, возня всегда с балетом!
Недавно (только это под секретом)
В Бердичеве был случай: пущен в свет
Впервые был пленительный балет
Такой: «Амур, Сатиры и Дриады».
Для панства лучшей не найти улады!
Как раз в то время ярмарка была, —
Пан Замитальский делал там дела:
Ни труппы не щадил, ни декораций.
Под потолок одна из легких граций
Должна взлететь. . . Актеров заглуша,
Весь зал ревел. Как девка хороша!
И ножки — боже! Всѣ отдай, да мало!
И вот внезапно — черт! — она упала
С ужасным криком. . . Речь моя вольна,
Простите, но скажу. . . была она. . .
Беременна, и было то известно
И Замитальскому. Но неуместно
Нам возмущаться. Нужно ж было ей —
Дриаде! Фу! — упасть среди огней
И дико выть, ей — нимфе тьмы дремучей!
Испортил всё досадный этот случай.
Убыток вновь. Да как ему не быть!
Дриаду ведь пришлось похоронить. . .
А впрочем — это мелочь!

Одиноко,
Потупя взор, задумавшись глубоко,
Сидит Марина. Ей пора давно
Идти туда, где жить отведено
Всей панской труппе. В грязную хибарку. . .
Задумалась. Опять вскипая жарко,
В ее душе вдруг разгорелась вновь
Вся ненависть, что глубже, чем любовь,
Что уж давно. . . с той ночи поднималась.
Да! Это он! Она не обозналась:
Ведь это он сидел сегодня там,
В кругу дородных, разодетых дам,
Панов сонливых, панычей шумливых
И панночек в уборах прихотливых.
Его уста, коварные уста,
След от которых на ее лета

Печатью лег, навек неизгладимой, —
В ночи позорной, в памяти хранимой,
Они шепнули лживые слова.
Его уста презрительно, едва
Кривились, пресыщённо и лениво.
Марьянчик! А! Живешь ли ты счастливо?
Поместье, и хозяйство, и жена?
Твоим вином навеки я пьяна,
Марьянчик! Пусть проклятие ложится. . .
Нет! Нет! Что проклинать! Чему дивиться?
Довольно слов, Марина! За дела!
Ему подобных свора не мала!

8

Кровь черную на землю пролила
Ночь сентября. Не видно уж села.
Исчезли в мраке низенькие хаты.
Лишь в панском доме, мраком не объаты,
Сверкают окна — тени за стеклом:
То профиль там покажется, потом
Руки движенье. Нежных муз и граций
Любитель щедрый (столько ассигнаций,
Да и труда в спектакли он вложил!) —
Пан Замитальский нынче пригласил
На ужин и соседей и знакомых.
Конечно, не в таких сейчас хоромах
Он проживает — да, проходит всё! —
Однако тут найдется то да се, —
Карповичей, Медынских мы уважим.
Долг хлебосольства — просто, пане, скажем!
Поужинав, прополоскавши рот
Венгерским, он изрядный анекдот
Им рассказал; кому какое дело,
Что дамы раскраснелись! Правда, смело
Немного. . . смеха всё ж не превозмочь.
Вот кровью черной сумрачная ночь
И панский дом теперь уж затопила.
Уснули все. . . Вин многолетних сила
Дремоте чар немало придала.
Кого же тут окутывает мгла,
Как будто материнскою полою?

Кто крадется к застывшему покою,
Где свет угас и смолкли голоса?
Как видно, свой: не слышно лая пса.
Играет пес да ластится вертяиво. . .

Уснули! Спят! На сон спокойный право
Дала им сытость и скрепила власть.
Спит пан Медынский — лишь недавно всласть
Он целовал спасенную Марину. . .
Спит Замитальский, — погрузясь в перины,
Он лысину в подушках утопил. . .
Спит пан Карпович, — в грезах совершил
Он многие чудесные поступки. . .
Младенцем спит, слегка надувши губки,
Его толстуха, тощего ксендза
Поклонница. . . Сомкнув свои глаза,
Так соблазнительно вдоль одеяла
В постели Стася руки разметала. . .
И каждый в мир мечтаний унесен. . .

С тобою явь сравнится ли, о сон, —
Где, всё забыв, не внемлем укоризне,
Где всё живет, но всё не то, что в жизни,
Где ни сомнений, ни раздумий нет. . .
Уснули! Спят! Дневных поступков след
Их в запоздалый трепет уж не бросит!
Вот пан Карпович — раз на сенокосе
Он как-то был. И в этот самый день
«Безбожного Вольтера дребедень»
(Супруги набожной определенье)
Иль «дивное народам вразумленье»
(Вольтера так сам пан определял) —
Ну, словом, на него тогда напал
Дух вольтерьянский — может быть, в квадрате!
А дурни-хлопы — этот сброд завзятый! —
Тот день считали праздником большим.
Смешно сказать! Да, нелегко жить с ним,
С таким народом! Словно с дикарями!
Коварный дождик брызжет над полями —
Им всё равно! Им — праздник! Сто чертей!
«Накажет бог!» — Ну, с помощью плетей
Он всех их выгнал в поле в тот денечек.

(Замечу я... так... только между строчек,
Что сам Вольтер, по правде вам сказать,
Умело мог хозяйством управлять,
И прибыли считал он досконально.)
И все-таки тоска брала буквально,
Что мозг мужицкий сумраком одет.
А впрочем, не на благо было б — нет! —
Когда б они, тупые поселяне,
В церковном не барахтались тумане, —
В бунтарскую они бы впали тьму.
(Приходский ксендз — хвала его уму! —
Всё понимал: ведь сам творец «Кандида»
По воскресеньям ездил — пусть для вида —
На мессу, как последний из дворян,
Пример давая добрый для крестьян.)
А в общем — ну народец! Боже правый!
Что за приметы, песни! Что за нравы!
Какая бездна дикости глухой!
Почтительности даже нет простой
Пред институтом собственности, право!

А в горечь дум к тому же влил отраву
Мальчишка — он на панском поле пас
Рябую телку... «Разве я припас
Такое пастбище для мужичонки?»
И не успел опомниться мальчонка,
Как уж нагайка в воздухе свистит...
Пусть в памяти он дольше сохранит,
Как скот свой загонять в чужое поле!
«Что? Я губу рассек тебе? не боле?..
Пускай отец увидит твой иль дед
Моей учебы незаживший след.
Пусть розгами еще проучит внука
Иль сына. Да! Наука — так наука!
Учить их по-иному? Никогда!
Ни совести не знают, ни стыда!..»
Спит вольтерьянец. Образ мальчугана,
На чьей губе еще сочится рана,
Не встанет ночью. Глупость! Легкий шрам!
А ты, ты всех изысканней меж дам,
Медынская! Взгляни: в воде зеркальной,
Блестящая белизною идеальной,

Нагая грудь твоя отражена
И плечи — их Тибурций, вполпьяна,
Лилейными назвал. А брови эти! . .
Но скрыты в обольстительном портрете
Черты жестокосердия и зла:
Когда у туалетного стола
На горничных ты гневаться изволишь,
Ты шпильками их прямо в груди колешь —
За Клеопатрой царственной вослед.
Да! Спishь и ты, в тебе тревоги нет,
Под одеялом легким опочила.
Твой муж — к нему богатство привалило —
О юных позабыл своих годах,
Твои желанья ловит он в глазах,
Заботится, глядит, как на картину. . .
Хотя, в театре увидав Марину —
Мужичку и «актерку»: «Фу! Нашел!»,
Он побледнел немного. . . Злой укол
Почувствовала Стася. . . Но и только!
Мир не нарушен в доме был нисколько,
И даже спора не произошло
О том, чтоб к Замитальскому в село
Поехать погостить по приглашенью.
Спит и Марьян. Не спать? Смущаться тенью
Былого? Проиграл? Кого? Пустяк!
Ведь за коня готов был он и так
Отдать ее. Мужичку — вон из списка!
Ну а теперь, теперь она «артистка»!
Сыта, в довольстве, в славе, черт возьми!
Притом — ведь всё известно меж людьми —
Сам граф Ловягин, кавалер столичный
И к женской красоте не безразличный
(Он ей вниманья много уделял
И не одну красотку описал
В брошюрке «К малороссам из столицы»,
Где лошади, собаки, молодницы
В букет прелестный объединены), —
Так этот граф — конечно, рождены
Его мечты стремленьем эстетичным —
Не поспежит «кушиком приличным»
(Его слова) на то, чтобы скорей
Купить Венеру эту. . . У дверей

Была Марина, слышала, незрима,
Как Замитальский в ухо «пилигрима
Земных красот» и «эллина» такой
«Куш» прошептал, что тот, став сам не свой,
Лишь рот раскрыл. Однако тут уменьье
И время роль играют. Украшенье
Всей труппы не отдать же за пятак!
Слуга покорный! Нет! Он не простак!
А ведь дела такого стали сорта,
Что нужен «куш». С деревни ни черта
Не вытянешь, а труппа. . . в свой черед
С ней разоришься. . . Месяц — и банкрот. . .
Затем-то Замитальский, кинув сети,
Их затянул на страннике-эстете,
Во сне червонцы ловит вновь и вновь. . .

Ночь сумрачна. Как бы густая кровь
Застыла, обогрив земные раны. . .
. . . Вскочила Стася: «Что за отсвет страшный?
Огонь! Огонь!» Иль это всё во сне?
Нет — огненные змеи по стене
Ползут и ноги жалят тонким жалом! . .
А за окошком, в очертанье алом,
Мелькают люди, косы, вилы. . . А! . .
«Вы пляшете? Терпели мы года!
Пляшите же! Ведь наши вам когда-то
Плясали обнаженные дивчата!
Теперь, паны, пришел, как видно, час —
Вы в пламени попляшете для нас!
Бежать? Куда? Иль хочешь, чтоб поддела
Я вилами твое нагое тело,
Медынская?»

— «А, вот и ты, Марьян!

Эх, на словах когда-то был ты рьян!
Про братство, про любовь болтал, про волю!
Последняя любовница на долю
Тебе, дружок, оставила пожар —
Цветок румяный, новобрачным дар».
— «А! Вы свершали договор торговый,
Пан Замитальский, торговать готовый
Всем светом, лишь бы отыскался спрос!»
С Ловягиным из рдяной мглы вознес

Хозяин руки белые. «Что? Ярко
Горят огни? И души жег нам жарко
Твоих утех, твоей забавы яд!
Стоишь в окне? Твой жалкий молит взгляд:
„Ведь я вам друг! Я человек душевный!“»
Но вот топор сверкнул зарею гневной
Из темноты. . .

«Руби!»

— «Да нет, постой!»

— «Пусть греются!»

— «Паныч наш дорогой!

Мое дитя испортил ты, Оксану,
Припомни-ка!»

— «Пусть доблестному пану

Припомнится тот радостный денек,
Когда под звуки песни на пенек
Он, пьяный, сел и криком наслаждался,
А крик тот из конюшни раздавался.
Стегать велел. . . разок. . . еще разок,
Счет перепутав. . .»

— «Вспомни-ка, панок,

Припомни наши муки, наше горе,
Наш горький пот и слез горючих море,
Забавы, шутки! Жадный до похвал,
Ты ради них, панок, учетверял
Дни барщины!»

— «Мы все тут, лицедеи!

Твои, наш пан, корыстные затеи
Нас оторвали от родных полей —
Изображать вельмож да королей,
Всё ж оставаясь жалкими рабами.
Безвестный мир открыл ты перед нами,
Нам показал приманку лучших дней,
Чтоб нам казались вдвое тяжелей
Те гири, что к ногам нам привязали!»

— «Да, это мы сквозь тонкие вуали
Невинною сияли наготой

Перед распутной, пьяною толпой,
Покрытые мучительным позором. . .
Да, это мы предстали вашим взорам —
Плясуньи, феи, нимфы и певцы. . .»

— «Калеки дочери, нищие отцы,

Да малолетки сироты, да вдовы.
Слуга, стелиться под ноги готовый,
Покорный пахарь, дикий волопас —
Мы все пришли! Встречай, хозяин, нас!
Неси меды! Разлей хмельные вина!»
— «Да, это я, красавица Марина,
Твой выигрыш, игрушечка твоя!
Тут было скучно, сумрачно, а я
Сто сотен свеч для пана засветила!»
— «Бей! Режь! Пали!»

И вот ширококрылый

По всей усадьбе носится огонь.
Уж не один хрипит предсмертно конь,
Грызет поводья, дико бьет ногами
Горячий прах. Пурпурными цветами,
Кровавыми снежинками летят
И падают, как снежные узоры,
Те голуби, вздымал к которым взоры
Пан Замитальский там, у флигелька. . .
Возмездья час! Как нож Зализняка,
Как сабли Гонты быстрые удары —
Сверкает гнев. Конюшни и амбары,
Скирды, овины жадный пламень жрет.
Пусть всех, пусть всех назавтра повлечет
В Сибирь свирепая, тупая сила.
Пускай тюрьма! Пускай Сибирь! Могила! —
Всё лучше, чем издевка, немощь, гнет! . .
Наум, согбенный, в зареве встает,
Встает Марко с виском окровавленным,
С ножом в руках — блестящим, освященным,
Клейменные восстали в кандалах,
Сгустились тучи, громы в небесах,
И песнь Кармалюка гремит грозою.
И надо всем, багряною звездой,
Стоит она, сомкнув свои уста,
Стройна, прекрасна, но уже не та, —
Не та, кого бросала в плач кручина, —
А — гром! А — гнев! А — мщение! — Марина!

1927—1932

455. ЖАЖДА

Поэма-видение

*XXV годовщине Советской власти
на нашей славной Украине — посвящая*

Тебя — от дней начальных круга
И по скончанье смертных лет,
Не как дитя, не как подругу
И даже не как мать, — о нет! —

Тебя, как ветер в злой неволе,
Как солнце в ледяном гробу,
Как радости свои и боли,
Как юность, как свою судьбу,

Как стоны сердца в час прощанья,
Как усталъ наболевших ног,
Что после долгого изгнанья
На отчий клонятся порог,

Как голосок больного сына,
Как проблеск в глубине пути,
Как тень, которой не отринуть
И от которой не уйти,

Как огоньки в ночи живые,
Как трепет счастья по весне,
Как слезы женские святые
В благоговейной тишине, —

Тебя ношу в груди сыновней,
В мозгу недремлющем таю,
Тебя, которой нету кровней, —
Любовь мою и страсть мою!

Большое небо, море света,
Была ты, будешь ты и есть!
Тебе, тебе, Отчизна, эта
Из сердца рвущаяся песнь.

Первый голос

Великой и чистой воде,
Что нас освежает и пóбит,
Что студит в горячем труде,
Что после сраженья покоит,

Что отдых усталым дает,
Что юных на подвиги будит, —
Пусть слово простое мое
Посильною жертвою будет.

Кто жажду без меры знавал,
Тот меру словам моим знает.
Когда, словно огненный вал,
Всю землю жара заливает,

Когда всё, что в зное слегло,
О ливне спасительном просит, —
О, темное тучи крыло
Блаженное счастье приносит!

«Хоть капельку влаги!» — В огне,
В агонии дол бездыханный, —
И катится гром в вышине,
Такой долгожданно-нежданный.

«Хоть каплю! Спеклось... запеклось!» —
В сухом ковыле замирает...
И вдруг взорвалось, понеслось...
Бежит, ворожит, распевает.

И снова весна! И опять
Топочут над пажитью кони,
И миру отрадно сиять
На влажно-дымящемся лоне.

Кто знает походных дорог
И пыль, и ухабы, и камень,
Усталость натруженных ног,
Неистовый солнечный пламень;

Огонь запорошенных ран,
Иссякнувший голос в гортани,
И небо, как высохший жбан,
И землю, сухую до грани;

Кто шел, выполняя приказ,
Вперед — под тяжелой поклажей,
Кто знает, как сладок для глаз
Лазоревый отсвет миражей, —

Тот знает, что значит река,
Прильнувшая к травам зеленым,
Бегущая издалека,
Манящая лоном студеным.

О воды! Земная краса!
Прохладные, страсть утолите!
Разверзшиеся небеса,
Стремите, струите, поите!

О реки! Любимых милей!
Кружась с землею со всею,
Несите вы счастье ей —
И песнею станьте моею!

Второй голос
«Хлеб не швыряйте, он святой!» —
В суровости притворной,
Бывало, скажет дед седой
Нам, детворе проворной.

«Вы не играйте хлебом — грех,
За это бог накажет», —
Счастливый сдерживая смех,
Бывало, мать нам скажет.

И время шло. . . И подросли
И возмужали дети,
В сердцах забвеньем поросли
Простые речи эти.

И слово «грех», как пыльный хлам,
В архив навеки сдали.
Иным, несслыханным словам
Учить детей мы стали.

Но всё же стойким было в нас
Тех — старых — слов вторженье.
Испытываем и сейчас
Мы к хлебу уваженье.

Затем, что труд, и крепкий пот,
И жита дух медовый
Всему живому жизнь дает
И слов источник новый.

А тот, кто щедрою рукой
Зерно бросает в недра,
Тот сам на ниве вселюдской
Взойдет пшеницей щедро.

Т р е т и й г о л о с

Черемуховою вершиной
Играют вешние ветра,
И сердце с песней соловьиной
На поединке до утра.

И в каждом лепестке пахучем,
В любом ростке, ожившем вновь,
Пылает полымем кипучим
Вся жизнь моя и вся любовь.

И тропы сходятся медвежьи
К тебе, властительнице нег, —
На белые твои одежды
Летит черемуховый снег.

Ветрами ахнула, дохнула,
И прилетела, притекла,
И руки настезь распахнула,
И шелк откинула с чела.

Как будто бы дивясь, ресницы
Раскрыла широко — в простор,
И сон, что век не переснится,
С зеленых покатился гор.

И облака цветов душистых
Росою тают на устах,
И ночь в сверкающих монистах
До петухов стоит в дверях.

Раздвигается завеса минувшего. В тумане встают силуэты.

С и л у э т п е р в ы й
Мальчишка в потертом кафтане.
Котомка. В ней хлеба кусок.
И вечер. И город в тумане.
И боль перетруженных ног.

Когда б не упасть, не споткнуться.
Дойти, добрести и войти!
Когда б хоть не взять, так коснуться!
Нет, взять! Отобрать! Унести!

И падает вечеру в ноги
Усталость поблекшего дня.
И грязные брызги. «С дороги!» —
Барчук погоняет коня.

С и л у э т в т о р о й
Вышивает, распевает,
У окошечка присев.
И никто того не знает,
Где узор, а где напев.

Всё бы пела — без разбору,
Вышивала б — всей земле!
Хата. Мать стара и хвора.
Хлеб зацветший на столе.

«Ты б хоть хлебушка поела,
Огонька бы добыла! ..»
...Страшно вытянулось тело.
Ночь. И в сердце — ночь и мгла.

С и л у э т ы

Сотни, тысячи и миллионы.
Сколько выцветших глаз... а седин!
Сколько сгорбленных, изможденных,
И замучены все, как один.

Мир — что радуга! С речки до лесу
Высоко развернулась она,
Сквозь цветистую эту завесу
Виден легкий рисунок челна.

А для них — ни красот, ни приманок,
Что им радуга, небо, земля?
Только хрипы глухих перебранок,
Только рвущая горло петля.

Сотни, тысячи и миллионы...
Боль горба да глухая судьба...
Лишь проклятия, вопли и стоны...
И встает над землею борьба.

Г о л о с

Всё хлещет петербургский ветер
По каменному битюгу,
На коем Александр Третий,
Согнувший весь народ в дугу.

В России холодно и голо,
Россия греется вином,
И обнимается Никола
С тобольским пьяным мужиком.

И ты, и ты, народ мой бедный,
Среди задушенных лежал. . .
Ужель за этим Всадник Медный
Коня над бездной задержал?

Дыхание бури

Стоял Исакий темно-смутен,
И Медный Всадник не скакал,
Когда подвыпивший Распутин
Вразнос Россию продавал.

Нева стонала от печали,
Войну вершили тиф да вши,
В Таврическом высоком зале
Безумствовали торгаши.

Но дрогнули земля и море,
И ожили слова от дел, —
То на прославленной «Авроре»
Пожар бессмертный загудел.

Просторов талых ветер вольный
В лицо мятежно захлестал. . .
Дворянский, царский, сонный Смольный
Твердынею народа стал.

О, ни к чему терзать укором
Того, что требует меча!
Дворец Кшесинской, точно форум,
Взметен десницей Ильича.

Сказка

Пустила фея золотой клубок,
За ним вослед ушло дитя долиной.
Погожий день был ясен и глубок
И разливался далью лебединой.

Хворала мать уже давным-давно
И не пускала дочь свою в дубравы, —
Но вечером ушла она в окно,
Чтоб отыскать целительные травы.

Лесами шла, долинами брела,
А если путь вдруг надвое делился, ---
То золотая нить ее вела
Туда, где ток воды живой струился.

Сказала фея: «Серебром звенит
Единственный на свете ключ студёный,
Пред ним на страже мóлодец стоит —
Твой суженый, твой милый нареченный».

Как ясный месяц, светел гордый лик,
Лазоревые зори в ясном взоре.
Из-под камней он выбил тот родник,
Как искру высек. . . И стоит в дозоре».

Дитя идет. Неровно нить ведет,
Не раз навстречу — страсти да напасти:
То змей шипит, то лютой зверь ревет,
И вылетает дым из смрадной пасти.

Так шла и шла. . . И на глазах росла,
Превозмогая в сердце страх извечный,
И в некий час ей фея подала
Бесценный дар — булатный меч двусечный.

И шла не день, не два, не год в бору,
И красотой доспела, как пшеница,
Когда вступила в вешнюю пору
С мечом двуострым дéвица-девица!

И ею зверь повергнут не один,
И не одна рассечена гадюка,
Где, между сосен, елок да осин,
Прошла она — нежна и белорука.

И час настал. Из чаши голубой
Лился рассвет потоками рубина.
Так повстречались у воды живой
Октябрь и молодая Украина.

Сон — не сон

Ты вся была звенящей тетивой,
Натянутой до края, до предела.

Ты вся была рассветною зарей,
Что над полями тихими горела.

Рвался из песен вековечный плач —
Минувших лет единая услада.
И позади — так много неудач,
А впереди — цветущий полдень сада...

Днепр рокотал, светло валы подъяв,
В лугах шептали шелковые травы
Про Желты-Воды, славу среди слав,
Про чуб и про сережку Святослава,

Про серый камень с именем Сирка,
Бессмертием и славой опаленным,
Про день, когда рабочая рука
Рвала впервые рабские законы,

Про силу тех неистощимых сил,
Что возводили светлые палаты,
Про день, когда Шевченко возвестил
Науку гнева, страсти и расплаты,

Когда, как речка, рано по весне
Влилась ты в новое большое море,
Спалив на очистительном огне
Неправду всю, бесчестие и горе, —

Ты поднялась навстречу всем ветрам
И на вопрос: «Мы будем иль не будем?»
Мирам, планетам, братьям и врагам
Ответила крылатым Днипробудом.

Колышется и волнуется мгла. В ней проступают белизна и золото
Лаврской звонницы, зелень отлогих холмов, нивы, сады, строенья.
Ирпень. Молодой сад.

Ты помнишь ли, жена моя, подруга,
Тот вешний день, щемящий, точно боль
Свиданья первого? Я был в саду,
С Богданчиком возился: вдоль забора
Сажали ряд акаций молодых,

Чтоб тень была и чтоб уютней было
И зеленей. А ты на пухлых грядках
Высаживала луковки тюльпанов
И те смешные корни, из каких
Чудесные выходят георгины.
Перекликались голоса соседей,
Веселые и дружные. Шумел
Зеленый поезд, увозя людей,
Разнеженных весной, такой погожей,
И песенкой про Галю молодую, —
В вагоне пела молодость сама.
Вдруг ранний мотылек замельтешился,
Как лепесток сухой. Бездумно сел
На яблоньку, которую сажал
В порядке шефства бодрый Копыленко,
И вновь снялся, испуганный Богданом
Иль Булькою, что в радости собачьей
Задорно лаяла на целый мир.
Тек влажный воздух, напоенный солнцем,
Ветрила туч качались в небесах,
И сердце ожидало. . .

Вдруг вдали
Почудился, а может в самом деле
Раздался звук. Я встрепнулся первый
И крикнул: «Гуси!» Вот уже видны
Родные птицы, вестники весны!
И все следят таким любовным оком
За клином птиц — там, на небе высоком,
И мысль одна переполняет всех:
В их гоготанье — дружный говор, смех,
Как тут, у нас! . . О гуси, прилетите,
Спуститесь к нам и нас с собой возьмите,
Земных детей! . . Да нет! Что проку в том!
Мой сад — пустыня, разорен мой дом!

И обращаю я голос на запад, рдеющий за моим окном.

Пастушата босые
И девчонки в венках васильковых,
Матери, что детей на пороге встречали
С грушевой ложкой в доброй руке!
Кузнецы, хлеборобы,
Ученые и певцы,

Что из одной выходили хаты
На дороги, большие, как мир!
Испытатели и садоводы,
Что отважно и с толком
Перекраивали ризы земли
На свою и на нашу потребу!
Киев мой златолитный,
Смолистая тишь Ирпеня
И моей Романовки зори!
Реки, луга, поля и заводы,
Одушевленные смелым трудом!
Светлая келья моя
С многоголосьем излюбленных книг!
Портреты Шевченка и Руставели,
Пушкина бронзовый бюст,
Начинающих робкие письма!
И побег, что я посадил
Вместе с моими друзьями!
Народа моего великая жажда,
Что вела на крутые вершины,
Пурпуровым засеянные маком
И увитые нетленными лаврами!
Кто всё это перечертил
Черно-кровавой чертой?
Кто кинул в хрустальную чашу рассвета,
Когда мое дитя
И тысячи наших невинных детей
Видели в утреннем сне
Сказку открытия стадиона, —
Кто кинул в эту прозрачную чашу
Черной отравы зерно?
Кто небо наше изрезал
Лиходейства кровавым ножом,
Кто землю нашу потряс,
Окаянный, грабительским громом?
Ежеминутно и ежесекундно
Слышу я хруст ребячьих костей
Под тяжелою лапою зверя.
Слышу предсмертные хрипы
Друга моего и моей сестры,
Матери друга и всех матерей,
Что в муках святых породили

Поколения нового радость.
Я вижу кроваво-отверстые рты
Замученных и повешенных,
Иссеченных и калеченых,
Слезных, кровных моих!
Украина!
Боль и счастье мое, Украина!
Дым пожаров твоих
Небо мира всего застилает!
Украина!
Серебристые плуги,
Серпы золотые,
Загорелые сильные руки!
Украина!
Перезвоны твоих наковален
И рассветных гудков перекличка!
Украина!
Песня, сердце мое, Украина!
Кто выбил окна в заснеженной школе,
Где наши вихрастые ребятишки
Склонялись лукаво и прилежно
Над тетрадками в синих обложках?
Кто впустил туда ветер, и холод, и смерть?
Кто проехал, безумный, колесами,
Как по нежным горячим телам,
По горячим и трепетным книгам?
Как могли не слышать вы в тот миг,
Триумфаторы-звери,
Что до звезд и до самого солнца
Встало из-под колес тех проклятье
Сына кузнеца, и крестьянского сына,
И той, что смерть поборола
Слова своего бессмертною сталью?
Украина!
Проклятьем ты вся возгремела,
Гневом ты вся налилась,
Налилась до самого края, —
И твоя животворная жажда
Стала мщения жаждой святою!
Ты жива, Украина моя,
Ты жива в семье вольной, великой,
В светлом братстве народов навек

Октябрём воедино сплоченных,
Как сливает бушующий горный поток
Со спокойной степною рекой
Море в лоне своем неоглядном!
Ты жива в мускулистых руках трудовых,
Что руками солдатскими стали,
Ты жива, — ведь с тобою в бою,
Возглавляя всё братство народов,
Тот народ, что великого Ленина дал
Людям, планете!
Ты жива, Украина моя,
Ибо в говоре вод твоих чистых,
Ибо в шелесте нив твоих спелых
Недругу — смерть!
Ты жива, ибо в светлом Союзе,
Окрыленном Партии ветром,
Осиянном Партии солнцем,
Недругу — смерть!

Г сл о с п р о к л я т и я

От синего неба и синих цветов,
От доброго сердца, от искренних слов,
От вешнего поля и вешних садов,
Как дар, как удар наш, — примите проклятье!

От рук, что трудились на вспаханном лоне,
От наших рождений, от наших агоний,
От песен, от книг, от труда, от объятья —
Проклятье, проклятье!

Нет кары, которой бы вас покарать,
На свете пушинки такой не сыскать,
Что камнем на совести бы не легла,
Когда б эта совесть вдруг в вас ожила!

И нету судьи, что хотя бы на время
Смягчил приговор ваш, несытое племя,
И нету руки равнодушной такой,
Что вам не хотела б отомстить за разбой!

Ведь трупы polegших в карающей сече
Ворье-воронье облетает далече.

Где крик душегуба навеки замолк —
Там воет неистово бешеный волк.

Вода вас не примет, земля не прогреет,
Лишь ветер могучий по свету развеет,
По дикой пустыне, по шири безводной,
Играючи, прах раскидает холодный.

От поля, от моря, от горных высот,
От дыма пожаров, что тмит небосвод,
От вдов, от сирот, от больных, от калек —
Проклятье навек!

И я вижу ее, вижу ту, к чьим натруженным ногам приносили поэты
всего мира и всех веков самые дорогие свои дары. Вижу Мать.

Подняла худые руки,
Расчесала кудри русы,
Все пряди неразлучные, —
Или краса наскучила?
Или года не красные,
Иль оченьки не ясные?
Ой, не краса наскучила, —
Гремит-гудит за тучами,
Визжит пургою ярою
Над матерью, над старою.
Иди ж, дитя, кровиночка,
Кровиночка, травиночка,
Мать-мачехой умытое,
Яр-мятою укрытое,
Ухоженное, сытое!
Молчание — устам сулю,
Держать слезу — очам велю,
Возьму коня за поводы,
Сама пойду на проводы.

Ступай, дитя любимое,
Любимое, хранимое, —
Иди за побратимами.
Зовут они — в поход идти.
В поход идти, народ вести.
Кладу тебе зарок один —

Бей врага нещадно, сын,
Бей врага, не милуя,
Громи со всею силою,
В грудь поражай недоброго,
Ведь роду ж ты хороброго.
Молчание — устам сулю.
Слезу держать — очам велю,
Твоих, дитя, вестей молю.

И идут сыны, неся в сердцах материнское благословение, —
и гудит земля — и шумят воды — и труп вражий землю сырую
крет — и слово в сердце отзывается:

Ты вся — и жажда, и горенье,
Ты лук, стрела и тетива,
Столетний светлое виденье,
Полуденная синева!

Не раз, судьбу свою пытая,
Ты в сердце страх превозмогла,
Когда, паломница святая,
Ты к водам животворным шла.

Когда ж, струи найдя живые,
Ты в отчий возвращалась дом,
Качая ведра золотые
На коромысле расписном, —

Злодей, коварный, как Иуда,
В потемках на тебя напал,
Разбил священные сосуды
И, светлую, тебя распял.

И ты, раскинув скорбно руки,
Смотрела на детей своих,
На их неслыханные муки,
На слезы и на гибель их,

На то, как рушатся и гнутся
Стропила зданий, как, сквозь дым,
Пожары ящерами выются
По хатам бело-голубым,

Как вишни от огня чернеют,
Бегут бездомные стада,
И зло все пуще сатанеет,
И всё бесстыднее орда, —

И взгляд твой, и немой и властный,
Вдруг прогремел, как вещей зов,
Глуша всех пушек гул ужасный,
Объединяя всех сынов.

И всё восстало на злодея,
Настала грозная пора, —
И нет такого чародея,
Такого не найдешь пера

И нет еще такого свитка,
Чтобы багряно начертать,
Как на борьбу с ордой несытой
Народов наших вышла рать.

Одну у всех увидя рану
И общий увидав пожар,
Идет пастух Узбекистана,
Из Тулы — плотник и гончар,

Идет твой сын, о мать родная,
Со всей семьей одним путем,
И, вражьи громы заглушая,
Везде гремит наш правый гром.

И, хоть еще идти немало
До светозарного конца, —
Заря победы сочетала
Повсюду — честные сердца!

Еще тебя терзают, ранят,
Еще огни костров видны, —
Но знаю: правда не обманет,
Ей сроки вечности даны.

Я верю по свою кончину,
Что свет прольется на долину,

Что воссияет правота, —
И в заповедную годину,
На радость дочери и сыну,
Сойдешь ты, мать, со креста!

1942, 1956

456. ПУТЕШЕСТВИЕ В МОЛОДОСТЬ

Поэма

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия. . .

А. Пушкин

ПРОЛОГ

Родной народ передо мной сияет
Неугасимым огненным столпом
И сердце мне в ненастье согревает.

История, перед твоим судом
Предстану — «птица малого полета»¹ —
И напоследок оглянусь кругом.

И спросит суд: «Завершена ль работа?
Ты не напрасно ль прожил на земле?
По чести говори, суд ждет отчета!

Ты ощущал ли на своем челе
Прикосновенье трудовой ладони,
Грозящей всякой ржавчине и тле?»

В своем допросе — чуждый беззаконий —
Меня он спросит: «Волос твой седой,
Быть может, знак неистовой погони

---

¹ Слова Мицкевича.

За радостью, довольной лишь собой,
За песнею, тебе лишь только милой?
Гордиться можешь ли хотя б одной

Страницею, в какой бы чувство было,
В труде бессонном, в длительном бою
Нас наполняющее новой силой?»

Отвечу так: «Я прожил жизнь свою,
И ошибался я неоднократно,
За что страданий чашу ныне пью,

Но не оставил я дороги ратной,
Призванья своего не утопив
В потоках лжи, обманщикам приятной.

Клянусь, что не был я себялюбив.
Мне вымыслов казалось мертвым море
И неживым — мишурных грез разлив.

С народом радость я делил и горе,
По ровному пути и крутизне
С ним вместе шел, его напевам вторя.

Я предан был душой своей стране, —
Сказать о том, что душу согревало,
На склоне жизни захотелось мне.

Хотел я отразить хоть в капле малой
Прошедшее, о нравах давних злых
Сказав всё то, что тут сказать пристало.

О тех, кого давно уж нет в живых,
Но близких сердцу, мне так сладко пелось —
Я видел простоту их душ прямых.

Я знал: земля по-новому оделась
И прошлого весна не озарит,
Но я служил, чему служить хотелось».

Отвечу так. И суд меня простит.

7 июня 1942
Уфа

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Как много бабочек! Числа нет белым парам!
Мерцает их снежок на голубых цветах.
Недавно дождь прошел. Всѣ дышит теплым паром:
Травинки, лужицы в дорожных колеях.
Июнь уж недалек. Подобные отарам,
Светлеют облака на влажных небесах.
И сердцу верится, и нет в душе сомненья,
Что будут жить и жить надежды и стремленья.

2

Удилище, леса, крючок да поплавок —
Снаряд куда как прост! Дрожит вода, сверкая.
Барашки по небу блуждают без дорог,
По ветреным лугам, как тени, пробегая.
Мгновений слышится медлительный звонок.
Так капли падают в кувшин, одна, другая...
Отвязан наш челнок, раздался стук весла, —
Подвижная тропа за челноком легла.

3

В той лодке — брат и я. Земля пусть над тобой
Пушинкою лежит, Иван мой молчаливый!
Спасибо, братья, вам. Мечтатели душой,
Вы оба были так сердечны, незлобивы.
Покуда я живу, живете вы со мной,
Исчезнем вместе мы, как песни переливы,
Как песня грустная далеких чумаков,
Навек замолкшая меж заливных лугов.

4

Был не болтлив Иван. Молчальника такого
С жемчужицей сравню, которая свой дом
Привыкла открывать лишь изредка. Ни слова
Не скажет брат, когда он в обществе чужом.

Зато, сменив пиджак на куртку рыбакова,
В часы, когда вода мерцает серебром,
Он оживал, он пел, немало зная песен,
И анекдот его тогда был интересен.

5

Событий множество он помнил и имен,
Он в памяти хранил запас вещей огромный.
Когда он говорил, вставал из мглы времен
Отец горячий наш, с ним — Антонович скромный
(Был с юных лет еще союз друзей скреплен).
Их Юзефович гнал, бранил Пихно погромный,
А Лысенко любил, Старицкий уважал
И «Диоскурами» Иван Франко назвал.

6

Былое осуждать иной куда как шибок! —
Разумный надобен к истории подход.
Среди великих битв, среди ничтожных сшибок
Пусть понимать ее нас каждый учит год
И каждый новый день. Не избежал ошибок
По молодости лет и автор в свой черед.
(Я от критической не укрываюсь кары,
Но помните: пишу всего лишь мемуары.)

7

Мне перед критикой пришлось держать ответ
За эти вот мои «забытых предков» тени.
Я рисовал людей давно прошедших лет
Карандашом своих тогдашних впечатлений.
Иначе б я судил сейчас, а может, нет:
Не всякий критик ведь не знает заблуждений.
А впрочем, в старину не забираясь вспять,
Я Антоновича не стану защищать.

Еще студентами, едва наступит лето,
 Вдвоем — отец и он — на лошадях, пешком
 Отправятся в поход. Всё солнышком согрето,
 Хлеба колышутся в разливе золотом.
 Навстречу пешеход. Дедок Микита это. . .
 На палку опершись, рассказом о былом
 Неугомонный дед всегда готов делиться,
 В один плетя венок и быль и небылицу.

Он Колиивщину припомнит: «Бил панков. . .»
 И трубкою взмахнет, рассказ свой подтверждая. . .
 «Да лет-то сколько вам?» — «Мне, милые, годков
 Без счету, без конца, как синих волн в Дунае!
 Здесь, вижу, все свои и нету болтунов, —
 Так вот, послушайте. Уж я, Микита, знаю:
 Недаром кровь лилась. Скажу вам, хлопцы, так, —
 Еще среди людей гуляет Железняк!

Пока тaitся он и срока ждет, но люди
 Не раз встречались с ним, — и я, чтоб не солгать. . .
 Ужо настанет день — в субботу это будет, —
 И он объявится. . . Тогда-то воевать
 Голота примется! Панов-то поубудет,
 Их всех повырежут — вот будет благодать. . .
 Но обо всем молчок! Кто это разболтает,
 Того сам Железняк жестоко покарает».

А то бывало так: друзья среди полей
 Ватагу косарей встречают вечерами.
 Им ужинать пора. И всё темней, темней
 Горит костер. И вот уж угасает пламя.
 И вот уже кулеш готов для косарей,
 И ложки поднялись. «А не хотите ль с нами
 Отведать кулеша?» Умаялся народ. . .
 Кто косит *для себя*, лишь тот не устает!

Так или иначе, земля всему причина.
 Землице б вольной быть: «где хочешь, там и сей!»
 Какой-нибудь Мусий (рябой, а молодчина)
 В цель прямо угодит пословицей своей:
 «Пшеница — мужики, а господа — мякина.
 Бери лопату лишь да хорошенько вей!»
 И с ложками опять к еде стремятся руки,
 И бодрый смех по всей разносится округе. . .

Так путешествуя, отец покойный мой
 И песен всяческих наслышался немало. . .
 Кто песню не любил! Лишь пень глухонемой
 Не чувствует ее. Чье сердце не дрожало,
 Когда звучал вдали девичий хор живой,
 А солнце на воде под вербой угасало,
 Последний кинув луч? Скажите, в ком из нас
 Надежд не пробуждал такой вечерний час?

К девичьим голосам за речкой в час заката
 Прибавятся еще и хлопцев голоса,
 И ночь становится от пенья их крылата,
 И песнями полны и рощи, и леса.
 Как дышится легко! Как сладко пахнет мята!
 Вдыхать бы грусть лугов. . . О ты, моя краса,
 Песнь украинская, ты, в муках изнывая,
 Тараса родила, великая, родная!

Бродячих двух друзей встречали средь полян
 То писарь волостной, а то «чиновный» сотский,
 А иногда и сам розовощекий пан
 Заметит: «Ну и ну, — костюм-то не господский,
 А разговор не прост! Они мутят крестьян!»
 (Свидетелем того был эконоом Заблоцкий.)
 Хоть не было ножей у наших двух друзей,
 Их гайдамаками считали без ножей!

Подпанков и панов цветную галерею
 Студенты видели в экскурсиях своих.
 Тот, простаком прослав, спокойно, не краснея,
 Деревню обирал и грабил за троих,
 Другой гуманностью прославился своею
 (Шевченко нам в «Княжне» нарисовал таких) —
 За радости любви голландскою коровой
 Покрыток награждал хозяин образцовый.

Панка Иван мой знал, — большой оригинал
 Помещик этот был: он нравом норовистым
 Уездных барышень с младенчества пугал,
 А после, сам себя провозгласив буддистом,
 Стеной в три сажени (забор был прежний мал)
 Он вотчину обнес, считая мир нечистым.
 Ограда та была, признаться, не плоха:
 Воров боялся пан сильнее, чем греха.

Соседей угощал лучком да кислым квасом,
 Санскритом поглощен, чудак-забавник тот.
 Обжору он бранил, считая лоботрясом,
 А гости со двора — спешит набить живот:
 Барашка скушает и честь воздаст колбасам. . .
 Сидит в кальсонах он, ладонь о чрево трет,
 И сладкий стол обжор ему — обжоре — сладок,
 А грош даст мужику — и тут же с ним припадок.

Иван рассказывал, а меж болотных трав
 Дощаник наш скользил по ряске, мимо лилий,
 И капли с удочки стекали за рукав,
 Но первые лучи одежду нам сушили.
 Казалось, целый мир в воде среди купав!
 В травинках свет играл, и тени в них бродили.
 Ребенку малому, всё странно было мне:
 И тихий звук в воде, и отзвук в вышине.

Богдан был средний брат. Заходяя Одарка
 На брата моего лишь глазом поведет,
 Иль пустомели речь души коснется жаркой,
 Или в душе придет веселию черед,
 Иль — что таиться в том — его согреет чарка, —
 Мой средний брат Богдан ликует и поет.
 На всё он песнею, как эхо, откликался,
 На всё он отвечал, с чем бы другой не znalся.

Нет! Имя нимфы той — поэтам дорогой —
 Я мыслю, нам нельзя изъять из обихода,
 Хоть эхо и зовут украинцы *луной*.
 Здесь следует сказать, что множество народа
 На этом обожглось. У слов обычай свой,
 У слов, как у людей, свой нрав, своя природа
 И странность жребия. И сам языковед
 Дивится судьбам слов среди туманных лет.

Встречается знаток; он с видом Моисея
 Скрижали нам несет: «Того-то избегай!»
 Законник говорит: «Я властью своею
 На сем кладу запрет». Мне чужд его Синай.
 Цепей не признают ни слово, ни идея;
 Вдобавок, чтоб судить, законы твердо знай...
 (Узор «Беневского» и «Домика в Коломне»
 Октаволюбие в образчики дало мне.)

Наш славный Вересай, Гомер родных полей,
 Был должен выступать в столице на концерте.
 Со сцены к старику струилось, как ручей,
 Актрисы пение. Вот, верьте иль не верьте,
 Кобзарь затрепетал, он так сказал о ней
 И голосе ее (слова избегли смерти):
 «Эх, пани и поет! Немало бы я дал,
 Когда бы голоском таким вот обладал!»

Однако очередь и старика настала.
 С распорядителем на сцену вышел он
 И скрытому во тьме, невидимому залу
 Отвесил поясной, мужицкий свой поклон.
 Настроил инструмент — и тихо зазвучала
 Бандура славою казачьей. Перезвон
 Не слишком громок был, но вздрогнула певица:
 «Я всё бы отдала, чтоб в пенье с ним сравниться!»

Мне слышать довелось немало кобзарей,
 Которые, основ гармонии не зная,
 Своими песнями пленяли тем верней.
 Я, Гриця из Кошляк искусство вспоминая,
 С капризным завитком его седых кудрей
 Сравню его напев. Как Каська молодая
 Тужила-плакала! Тот скорбный говорок
 Микола Лысенко для новых дней сберег.

Однажды я слышал Микиту. Говорили,
 Что в молодости он был ловкий конокрад
 (И в старости его, сказать по правде, били,
 Чуть лошадь пропадет, — хоть сам он был бы рад
 Злой славы избежать). Он близок был к могиле,
 Не пел, почти хрипел, но этаких баллад
 Нигде и никогда я уж не слышал боле,
 Они давались лишь Садовскому Миколе.

На поле синее вечерний пал туман,
 Над речкою его завеса дымовая.
 Так кем же ты опять на новый праздник зван,
 Кому ты внемлешь, вновь от радости пылая,
 И кто зажег тебя? — В тиши запел Богдан.
 И звуки вдаль спешат, как птиц чудесных стая,
 Которая, летя над тихим лоном вод,
 Прощается с тобой, и стонет, и зовет.

Кто скажет, для кого те зовы стаи птичьей?
 Кто скажет, почему и слезы, и любовь,
 И колыбель, и гроб, и славных дел величье,
 И мелочь поминать не раз, а вновь и вновь
 Бессмертной песнею у смертных есть обычай?
 И сердце почему дрожит, теплеет кровь,
 Едва лишь в сумерках та песня заструится,
 Что навевала сон на детские ресницы?

Как песня, странен был характером Богдан:
 То весь в себя уйдет, то вспыхнет, словно порох,
 То в голову ему придет великий план:
 Скорее в Мексику! — На сцену! Лишь в актерах
 Спасенье! — Надо жить, беря пример с крестьян! —
 И загорится весь в неисчислимых спорах.
 Он в небе воздвигал свой замок золотой,
 Но хатки на земле не вылепил простой.

Студентом будучи, считался он эсдеком,
 Но, впрочем, в партии Богдан наш был навряд.
 Всё это далеко: однажды с другом-греком
 Он призывал народ на гребни баррикад,
 Ходил по городу с тем южным человеком
 И «Варшавянку» пел, и люди говорят,
 Что черносотенец Пахомов — парень ражий —
 С тяжелым кулаком его знакомил даже...

Однако мне пора на тихий пруд, назад
 К стрекозам, к бабочкам над тонкою былинкой.
 С них начал я рассказ на очень старый лад,
 Но кое в чем и я еще блесну новинкой. . .
 Качнулся поплавок, насторожился взгляд:
 Уклейки да плотва, что делать мне с мельчинкой!
 И вдруг уходит вглубь гусиный поплавок,
 И рыбицу подсесть приходит самый срок. . .

Удилище мое согнулося дугою,
 А леска светлая звенит, как бы струна,
 А по воде круги. Под ними — под водою —
 Уж трепетная тень мне — рыбаку — видна.
 Пурпурное перо блеснуло предо мною,
 Сверкнула чешуя: вот рыба! Вот она
 Вся извивается, лишенная опоры!
 Сегодня клев хорош! Отменны красноперы!

И снисходительно Иван смеется мне,
 Хоть папиросу взял, а всё не сводит ока
 Он с поплавка. А пруд весь в голубом огне
 Переливается. А берег недалеко
 Зеленою каймой дымится в глубине
 И тонет в зеркале застывшего потока.
 И ветерок задул, он, к нам слетая вниз,
 Доносит песенку, — то братьев кум Денис.

На каючке своем, сколоченном умело,
 Он, скромный браконьер, в час утренних прохлад
 Запретные дары¹ сетей собрал и смело
 Теперь взял удочку — законный свой снаряд.
 Над нами селезень! Тугое прозвенело
 Над речкою крыло. А вот стрижи летят.
 Раздался тонкий писк, — то выводок утиный:
 Тень ястреба скользит над камышом и тиной.

---

¹ Денис Каленюк вытряхивал *свои* сети, но тайно: владелец рочмановского пруда разрешал ловить рыбу только удочкой.

1

Яськó Ольшевский жил в сырой хатенке тесной,
 Где писк стоял ребят, страдавших животом.
 Но жизнь в лачуге той казалась мне чудесной:
 Лишь в свете розовом я видел всё кругом.
 И фикус чуть живой — страдалец всем известный,
 И Каквас — рыжий пес, не ладивший с котом,
 И кот полуглухой, и сырость — всё жилище
 Романтике моей служило доброй пищей.

2

Сосед Ольшевских Шуть субъектом странным был,
 Задрапированным в какие-то тряпицы.
 Две дочки жили с ним; увы, я позабыл,
 Как звали девочек, я позабыл их лица,
 Но принужден сказать: я сразу двух любил.
 Тогда передо мной раскрыл свои страницы
 Добрейший Вальтер Скотт. Он имя сестрам дал:
 О Минне я грустил, о Бренде я вздыхал.

8

В иные времена был где-то экономом
 Григор Игнатович, родной отец Яськá.
 Начнет рассказывать, и сказка снежным комом
 Растет себе, растет и тешит бедняка.
 Знакомым сообщит, расскажет незнакомым,
 Что карты он любил всем сердцем игрока
 И как-то выиграл две шубы и карету
 С четверкой вороных. . . А где они? — Их нету.

4

Ясько Ольшевский был товарищ мой второй,
 Но друга первого я не забыл — Андрея.
 Я только холодней с ним стал бывать порой. . .
 Ах, дружба детская! Что на земле милее!

Хоть взрослому она и кажется смешной,
Но в некий дивный миг, как слово чародея,
Нам объясняет мир и нас самих она,
И тем нам дорога, хоть, может быть, смешна.

5

Андрей мой обитал в жилище небогатом.
Нас разделял овраг. Бывало, в зимний день
Летим на саночках. Нам весело — ребятам.
Мороз нам нипочем, — все шапки набекрень!
Внизу, в яру, плетень: «Держите их!» Куда там, —
Мы прямо на него, и затрещал плетень.
Нас бабка старая Андреева бранила
И, Шкрябом прозванный, его отец Данило.

6

Данило был отцом двух добрых сыновей
И славной дочери, а звали дочку — Ганя.
Влюбленность детскую припомните скорей,
Наивную любовь — высокой подражанье —
И смуглое лицо, какого нет милей,
В венке из васильков, и зорьки догоранье —
Всё то, что узнаем в весенние года,
Что вместе с юностью умчится навсегда.

7

Случалось ревновать, бывали и упреки. . .
Писать я рано стал, и тысячи тревог,
И тысячи надежд в мои ложились строки.
Но тут же их презрев, уписывал творог,
Сметану уплетал поэт за обе щеки,
Хотя еще пылал от стихотворных строк.
Однажды, сознаюсь, повеса несчастливый,
Соперниками был отстеган я крапивой.

Андрей, Данилов сын, прославился лишь тем,
 Что сапоги тачал, что, выпив самогону,
 Над чаркой кончил жизнь. Но тысячи проблем
 Легко он разрешал мальцом во время оно.
 Бывает, из таких растут творцы поэм,
 Признанья своего таким дарит корону
 Народ. И прав! Но всё ж бывает, поглядишь, —
 Гора, как есть гора! — а родила-то мышь.

Признаться, в те года не так уж странно было,
 Что не расцвел талант Андрея молодой, —
 Он был крестьянский сын. Но помню — у Данила
 Был брат, и братом тем отец занялся мой.
 Неглупый мальчик был, смысленый, скромный,
милый!
 Отец мой говорил, что путь пред ним большой,
 В гимназию отдал, тот принялся учиться
 И стал чиновником — отъявленным тупицей.

В Удельном ведомстве, мне помнится, служил
 Андреев дядюшка. В Романовке бывая,
 Он сельский борщ хвалил и по селу ходил,
 На местных молодежи взгляд масляный кидая, —
 А в Киеве живя, отец и мать бранил,
 Родителей своих усердно избегая:
 Они-де мужики, простой народ они,
 Невесты из-за них не сыщешь в наши дни!

Покорно вас прошу понять меня как надо:
 И зоркий взгляд порой не сразу разберет,
 Что выйдет из мальчика. Ему семейство радо —
 Такой он шустренький, а смотришь — подрастет
 Отца и матери возлюбленное чадо, —
 Лишь кормится да спит. И всё ж наоборот
 Порою может быть. Здесь дело очень тонко.
 Вы помните рассказ про гадкого утенка?

Какое множество погибло лебедят
 В болотном мороке, во мгле бывлой России!
 Они рвались в простор из-за семи оград,
 Им снилось: вдалеке горят огни живые!
 Таким вот был Степан, двоюродный мой брат.
 Отцу он подавал надежды неплохие, —
 На сына своего надеялся весьма
 Брат матери моей, мой дядюшка Кузьма.

Мой брат двоюродный не мог работать в поле, —
 На ногу правую он с детства припадал.
 Учился ж как никто в церковной нашей школе
 И в Александровском¹ (Кузьма его отдал
 Учиться ремеслу). И жил он на Подоле.
 Знакомства тайные, как видно, завязал.
 Вернулся он домой *партийным*. . . (По секрету
 С восторгом сообщил Ясько мне новость эту.)

Японская война передо мной встает
 В туманной пелене, и пятый год в тумане.
 Тогда словам иным мы начинали счет:
 «Собрание», «стачка», «шпик», «штрейкбрехеры»,
 «восстанье».
 Забросив ремесло, Степан исчез в тот год,
 И слухи лишь одни ходили о Степане,
 Что, дескать, наш Степан под стражу заключен
 И вечный двигатель в тюрьме придумал он.

Я помню, про него вся волость говорила,
 Что был бы инженер прекрасный из него,
 И мудрецы, твердя: «Не тратьте, куме, силы»,
 Качали головой: «Что значит баловство!»

¹ Александровское ремесленное училище в Кнезе на Подоле.

Беда с такими вот!» — «Мне лучше б лечь
в могилу, —
Кузьма говаривал, хватив того-сего, —
Чем сына потерять, разумника такого!»
И больше про него я не слышал ни слова.

16

Да где и услыхать! Скажу я про Яська.
Клин журавлей летит, осенние затоны
Синее с каждым днем, всё холодней река,
Береза в золоте, а дуб еще зеленый,
А паутины нить уж до чего тонка!
И осень русая глядит, как мы, гулёны,
Взяв Какваса с собой, я и Ясько — вдвоем,
Два гордых лучника, «охотиться» идем.

17

Свистят и клыкают — о, звук животворящий! —
В кустарнике дрозды; а вся земля в шелках;
Пестреют пятна рощ, а воздух — меда слаще.
О, как серьезно лук сжимали мы в руках,
И разговор какой вели мы настоящий.
Таинственную дичь вдруг высмотрев в кустах
(Дичь эту вальдшнепом германцы окрестили),
Пускали стрелы мы — они безвредны были!

18

И с куропатками встречался наш отряд,
И делал стойку пес, наш Каквас, вот ей-богу,
Да не было ружья! Ах, почему мой брат —
Иван — не верит нам! Он, впрочем, понемногу
Еще охотился на крыжней и чирят,
И, с ним идя в поход, как били мы тревогу,
Как в воздухе звенел рассказ проворный наш
О месте том, где дичь сама летит в ягдташ!

Давно я поседел, но с этим чувством сладу
 Теперь, как в детстве, нет, и славлю каждый раз
 Лесов глубокий шум и влажную прохладу,
 Росинки на сучке блистающий алмаз,
 Рассвета сизого разумную усладу,
 В сплетениях ветвей звериный древний лаз, —
 И сердце вновь и вновь, как в детстве, замирает,
 Лишь вальдшнеп из куста прямой свечой взлетает!

О друг мой, человек, весь преданный земле,
 Весь у земных забот в неодолимой власти!
 Для нас с тобой поля в осеннем хрустале,
 И паводок весны, и на алмазном насте
 Красавцы снегири, и книги на столе,
 И смелых мыслей взлет, и полный кубок страсти,
 И дружбы радостный и радужный стакан,
 И марта яркий блеск, и сентября туман!

Нет, разве не для нас всё, чем мы овладели,
 Что пот наш оросил и освятила кровь?
 Улыбку матери забыть ли, в самом деле,
 В сердцах угаснет ли когда-нибудь любовь?
 И разве стаи все над миром пролетели,
 Все муки отцвели и зорь не будет вновь?
 Весна отмоеет кровь, пройдет зимы угроза,
 И расцветет земля, как молодая роза!

Свое миновшее припомнивши не раз,
 Припоминая вновь младенческие годы,
 Я понял хорошо, — с Яськом сроднили нас
 Одни стремления и светлый мир природы.
 Взяв семечек и груш набравши про запас,
 Мы шли с приятелем в далекие походы,
 А третьим Каквас был, и всем казался трем
 Наш садик — пущею, скворец же — глухарем.

Всю жизнь свою играть куда как люди падки:
 Играют юноши, играют старики!
 Мы знали: не убить из лука куропатки,
 А всё ж охотились — отменные стрелки!
 Бывает кое с кем: между бровями складки,
 Морщины на лице, и в серебре виски,
 А детскую стрелу опять пускать готов он,
 Подобно нам с Яськом, искусством зачарован.

Действительности нам, случается, милей
 Иные вымыслы, любимые до боли,
 И мы спешим туда, откуда нет путей:
 Гекуба скорбная нас привлекает боле,
 Чем мир да тишина отнюдь не ярких дней,
 И гибнем мы, друзья, порой не оттого ли,
 Но иногда придет, в веках благословен,
 И Саксаганский наш или француз Коклен.

Как нас манил к себе весь мир многоголосый
 Смешеньем красок всех и запахов густых!
 Любили мы смотреть, как издалёка осы
 (Знакомые у нас бывали между них)
 Солидно, не спеша летят через покосы
 Иль совещаются о всех делах своих,
 А луч, жилища ос залив веселым светом,
 Первоприсутствует на совещанье этом.

И было всё полно невиданных чудес,
 Всё было создано, казалось, только ныне!
 Вот ястреб на птенца свергается с небес,
 Вот дождь мальков бежит по речке темно-синей,
 Овсом серебряным рассеялся, исчез, —
 И щука плавает одна в речной ледыни,
 Вот заяц — словно тень, во мгле вечерней он
 Крадется, клевером кудрявым привлечен.

Все звуки в тишине, весь трепет, все движенья,
 Весь мир — таинствен и загадочен, хоть прост.
 Мне только б слушать птиц, мне б наблюдать
 паренье

Их перелетное и трав весенних рост. . .
 «Охотиться» зовет Ясько. От нетерпенья
 Бежим мы по мосту, — дрожит под нами мост. . .
 Ясько в могиле спит, я поседел, лысею,
 Но как расстаться мне с романтикой моею!

Зима. Колодец. Стук обмерзлого ведра.
 И женщин голоса, и крики ребяташек,
 И галки поздней крик, — вечерняя пора.
 А снег валит, валит, — везде его излишек.
 Уже в снежки играть собралась детвора.
 Ясько — всем атаман. Горят сердца мальчишек.
 Я слышу. . . Господи! Невдалеке от хат
 К нам куропаточки проворные летят!

И миг забыто всё. . . Не говоря ребятам,
 Мы покидаем их, за клунею ползем.
 За нами чистый снег лежит ковром примятым
 (Уже немало выюг промчалось над селом!),
 Но Курта черт принес, он лает, и куда там —
 За хвост поймаетшь дичь с таким дурацким псом!
 Не удалось, увы, увидеть и того нам,
 Как стайка поднялась, наполнив сердце звоном.

И до сих пор тот звон в моих ушах стоит.
 Но как не рассказать, от счастья замирая,
 Что сердца колокол от птичьих крыл звенит,
 Когда на жар зари летит над снегом стая?
 Не может быть наш пыл охотничий забыт,
 И крыша ветхая соседского сарая,
 Где воробьев с Яськом ловили мы вдвоем. . .
 Чем память занята — несчастным воробьем!

Благодарю тебя. Ясько, я, как умею,
 За игры детские (их вижу и во сне!).
 Ты умер молодым — и смертью не своею, —
 Хоть от военных рук, но все ж не на войне.
 Товарищ твой, солдат, с винтовкою затеяв
 Перед тобой играть (так рассказали мне),
 Шутя, прицелился в Ольшевского Ивана —
 И пуля, как всегда, ударила — неожиданна.

Восьмой кончая класс, я почитал за честь
 Во всем небрежным быть. И, даже не заплакав,
 О гибели Яська спокойно принял весть.
 Земляк мой замолчал, о смерти покалякав...
 И вдруг мне вспомнились, а почему — бог весть! —
 Наш садик, деревцо. Под ним старик Аксаков
 Открылся нам с Яськом в простой душе своей...
 Был предосенний день — один из лучших дней.

В то лето самое Ясько у нас в именье
 Был пастушонком. С ним мы стерегли телят.
 Я — пастбищ неофит — пьянел от наслажденья.
 Сам Стенли в Африке, я думаю, навряд
 Так много пережил. И вот — грехопаденье.
 Арбузы ели мы, забыв, что это яд.
 Ведь был холерный год, нам запретила мама
 И помышлять о них! Припомните Адама.

У Гершки Медника приобретаю арбуз,
 Мы с ним бежали в сад, и нас листва скрывала.
 Казался овощ тот божественным на вкус.
 Мы чавкали вовсю, а эхо помогало!
 Был этой тайною наш закреплен союз.
 Как детство описать в одной странице малой?
 Как оживить струну, замолкшую давно?
 Зачем всё прошлое — мгновение одно?

С былым восторгом мне под грушею корявой
 Аксакова уже, наверно, не читать.
 А есть ли груша та? Уж мне не есть лукаво
 Запретного плода, чтобы не знала мать.
 Уже вечерний свет над зимнею дубравой,
 Но в сердце, черт возьми, всех весен благодать!
 Покамест греет кровь и жарки строки в песнях,
 Читатель молодой, — поэт тебе ровесник!

Ты ходишь по земле неопытной стопой.
 Позволь благословить твои пути-дороги!
 Дыши и радуйся, — ведь молодость с тобой,
 Не избегай борьбы и не беги тревоги.
 Лети всегда вперед, как ветер молодой,
 Твои пусть никогда не тяжелеют ноги.
 Запомни, юноша: движение и крик
 Бессмертны, хоть живут они короткий миг.

Об этом я пишу, а тучи над страную ¹.
 Не лучше ль в ясный день о прошлом рассказать?
 Не всю еще напасть железною метлою
 Мы вымели с земли, — еще рыдает мать
 И, стиснув зубы, брат кремнистою тропею
 Идет и падает, чтобы, упавши, встать,
 Еще нам смерть грозит, и угрожают беды,
 И камни ранят нас, но путь наш — путь победы!

Так! Правда будет жить! И это — наша цель!
 Вновь расцветет страна, и радость будет снова,
 Но боли не забыть нам в несколько недель,
 И может быть, мое сейчас некстати слово,

---

¹ Поэма начата в 1941 году, под осень.

Некстати, может быть, воспоминаний хмель
Пытаюсь я вплести в страны венков терновый,
Не оскорбительно ль мои стихи звучат,
Когда война и месть ударили в набат?

89

Пусть мать поверит мне, пусть мне поверят дети, —
Любя грядущее, которое для нас
Сверкает звездами сквозь ночи лихолетий,
О прошлых временах я свой веду рассказ.
Нет, не одни цветы срывал я в годы эти, —
Мне видеть довелось и страшное не раз,
И скажет мастер-внук и внучка-мастерица:
«Всё это было так, но это будто снится!»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Денис с Кузьмою раз (была зима тогда),
По чарке выпивши (частенько выпивали!),
Беседу завели. Стояли холода,
А добрые друзья о лете толковали,
О том, как может жить кукушка без гнезда
И как от черепашек рыбешки убегали, —
И утверждал Кузьма, что знает без наук,
В какое время дня обедает паук.

2

А молчаливый сад в уборе был нарядном.
Деревья в инее сияли за окном,
И поле белое таким казалось ладным,
Плыл розоватый дым над голубым селом.
Мир представлялся мне пособием наглядным,
Он был куда как прост, хоть тайны были в нем,
Хоть удивлялся я Денисовым системам
И формулам Кузьмы — беседе Фабра с Бремом.

Любил он запахи — и всяческой травы
 Натаскивал в курень, в шалашик свой
 прибрежный,
 Где отдыхал порой, где б отдыхали вы,
 С большой охотой отдавшись лени нежной;
 Там часто «Всадника» читал «без головы»
 Денис Исакович, но, рыболов прилежный,
 В моря далекие всем сердцем был влюблен:
 «Пиратами морей» зачитывался он.

Душа Денисова и книги признавала,
 О приключениях любил читать рыбак.
 Признаться, знаю я писателей немало, —
 Всё на устах у них Гомер, Шекспир, Бальзак,
 А под подушкою покоится, бывало,
 Рассказ о сыщиках, роман о сотнях драк:
 Вития без ума от Ната Пинкертон,
 А в лучшем случае — Дюма его икона.

Уже не говорю, что был Денис певцом,
 Что в пенье затмевал он самого Богдана.
 Позднее я узнал еще и о другом:
 Он сердцем обладал отнюдь не истукана.
 Везде ходил рассказ почтительный о нем,
 Что он у самого учился Дон-Жуана,
 Что пальцы не клади ему — Денису — в рот
 И что доставил он кое-кому хлопот.

Прошу прощения, блюстители морали:
 Признаться, я порой и сам нетверд был в ней,
 Но к пуританству всё ж склоняюсь в идеале,
 Хоть, может, седине обязан лишь своей
 Тем, что несущи теперь суровые скрижалы

Безумной юности, ослепшей от страстей. . .
А впрочем, я боюсь — друзья воскликнут хором:
«Ишь завернул куда! Нет, ты не *sensor togum!*»¹

11

Ну, словом, обладал наш добрый Каленюк,
Денис Исакович, горячим, пылким нравом.
Он — чести рыцарской подчас наивный друг —
Любил поговорить и спорщиком был бравым,
Любил, чего таить, и рюмок дружный звук
(По малой пропустить считал он делом правым),
И ложки вырезал, искусством тем хвалясь, —
Лентяем не был он, но жил не торопясь.

12

Зимою у окна, в убогой сидя хатке,
Фруктовым саженцем он похвалялся мне
В саду малюсеньком, чей вечно не в порядке
Был низенький плетень, а в хатке на окне
Грустили фуксии и кактус (он не в кадке,
В горшочке изнывал и смирен был вполне).
Он здесь присутствовал — всей роскоши замена, —
Как славный баобаб добряги Тартарена!

13

Любил дарить Денис, — всё раздарить он мог.
С уловом неплохим идет с пруда, бывало,
Зацепит встречного, найдя любой предлог,
Беседу заведет со старым или малым,
Придумает дела. Минут пройдет пяток,
Он о делах забыл. Улыбка заиграла.
«Примите, — говорит, — подарок рыбака;
Рыбешка мелкая!» А линь-то — с боровка!

---

¹ *Sensor togum* (лат.) — суровый судья, блюститель нравов.

Не составлял Денис меж прочих исключенья,
 Ведь щедрость — бедняков главнейшая черта.
 Никто не подвергал его рассказ сомненью.
 Рыбак рассказывал, как в юные года
 Он окунька поймал. Не рыба — загляденье!
 За годом год бежал, едва ли не в кита
 Та рыбка выросла, приняв размеры чуда, —
 К дням юности моей она достигла пуда.

Лихих охотников и ловких рыбаков,
 Прошу меня простить, зовут у нас врялями.
 Но я поэтами их называть готов,
 Воспламененными своими же словами,
 В которых дивный мир прекрасней всех миров.
 Ну, чем бы жил Денис, бедняк меж бедняками,
 Когда бы не седлал крылатого коня,
 Из ночи день творя и чудище из пня?

Но представляю вам мечтателя другого:
 Пред вами музыкант — сапожник Родион
 Васильевич Очкур. Печально, бестолково
 Свисает ус один, второй же, чтобы тон
 Геройский задавать, подкручен вверх сурово. . .
 Тихонько выгребешь на голубой затон —
 И вдруг из камышей на водяной дороге
 Редько покажется индейцем на пироге.

Каскетка с пуговкой (таких уж больше нет),
 Другого картуза на нем не помнят люди.
 Кивнул он, как велит рыбацкий этикет,
 И по-сибирски вдруг воскликнул: «Клёв на уды!»
 Откуда это всё? . . Бродяга и поэт,
 Он путешествовал, ни хорошо ни худо,
 Золотоносные объездив берега, —
 Четыре года с ним была дружна тайга.

Начнет рассказывать, рассказ течет богатый
 Про уток северных, гусей да лебедей,
 О том, что как-то раз подстреленный *сохатый*
 Его едва не смял, про рыб и про людей. . .
 Очкур хвалил Сибирь, а всё ж родная хата
 Влекла его в тот край, который всех милей.
 Вернулся он домой, соседям объясняя:
 «Сибирь-то хороша, да там мошкá лихая!»

Возможно, мошкара была тому виной,
 Что Родион с тайгой счастливой распрощался, —
 Но вскрыл его письмо наш писарь волостной
 И собутыльникам «под мухой» похвально,
 Что знает хорошо, чем дышит наш герой,
 Что будто бы в письме любить он вечно клялся:
 Влюблен был Родион Васильевич Очкур. . .
 И писарь волостной хихикал: «Ишь, амур!»

Я допустить могу подобную причину,
 Хоть шутки писаря не слишком уж смешны, —
 Что кошечкою звал дебелую Мокрину
 Охотник в том письме из дальней стороны. . .
 Но, думаю, его влекло на Украину:
 Она его звала всем звоном той струны,
 Какая замолчать лишь вместе с сердцем может
 И нежность к родине в разлуке с нею множит.

Ты там, на западе, страна моя, видна,
 Где пурпур и янтарь горят в огне заката.
 Душа летит туда, печалью полна,
 Туда, где гор кайма, как тени, синевата;
 Там свет мой, цвет мой, там всех юных лет весна.
 И с солнцем я иду к печальной двери брата:
 Прозрачный, ясный луч твоих коснулся ног,
 Иду, и предо мной в крови родной порог. . .

Вернувшись, Родион и ветхого порога
 От хаты не нашел, но не грустил, и вот —
 Из глины с камышом, тесна, темна, убога,
 Но хижина его на холмике встает.
 К знакомому пруду его влекла дорога,
 Пруд заменял ему поля и огород, —
 Удил легально он, сказать же между нами:
 Он также промышлял запретными сетями.

Хозяином пруда был господин Рудой —
 Начальник доблестный сыскного отделенья.
 Чтоб малость округлить доход служебный свой,
 Он кражи *сочинял* и сам в одно мгновенье
 (У нас в Романовке ходил слушок такой)
 Сейчас же раскрывал свои же преступления.
 За эти фокусы лишен он места был,
 Но место лучшее тотчас же подцепил. . .

Поросший камышом на радость нам, мальчишкам,
 Являя в добрый день всех изобилий рог,
 Хотя Рудого пруд был щедр, и даже слишком,
 Но прокормиться всё ж Васильевич не мог
 Одной удочкой, одним своим ружьишком,
 И приходилось жать у пана *за снопок*
 Пшеницу желтую и восковое жито, —
 А жал он мастерски, а жал он знаменито. . .

. . . . .

Работа тяжкая, мученье и отрада —
 Страда. Без тени день. И целый мир молчит.
 Одних кузнечиков сухая канонада
 В горячей тишине, в безмолвии трещит.
 Зерно уже течет, и жать проворней надо.
 Сгибайся без конца! Жара! Спина болит!
 Лишь самый малый миг передохнуть случится,
 Коль Ганка старая попотчует водицей.

Но и трудясь, шутил веселый Родион.
Идя с серпом вперед, работать продолжая,
Расскажет что-нибудь — диковинней, чем сон,
В искусстве вымысла соперников не зная.
А смотришь, к вечеру корона из корон
Уж на второй копе сверкает золотая,
А Родион поет, хоть голос хриплым стал.
Нажал он две копы, да заработок мал.¹

. . . . .

Но жито кончится, пшеница отойдет,
На просяных полях пиры начнутся уток.
Сегодня желтый лист то там, то здесь сверкнет, —
И всюду желтизна через десяток суток.
Девичьи голоса всё ласковей. Как мед —
Дни сытой осени. А там и первоуток
Расстелет рушники белее серебра,
А там и свадебки уже играть пора.

Скрипицу пыльную тогда с гвоздя снимает
Любитель музыки — усатый Родион,
И канифолью он смычок свой натирает,
И добрый слух его — ему же камертон.
Настраивает он, колки он закрепляет:
Его сердечный друг — разгневанный тромбон
Однажды в ярости разбил и гриф и деку,
Едва не превратив и скрипача в калеку.

А грянет Родион — все ноги ходуном:
Различных «казачков» (а «казачков» немало!)
Убогоньким своим, но мастерским смычком
Умел он извлекать из своего «играла».

---

¹ Работая на барском поле, получал он натурою — снопами.

Водилось одно за нашим скрипачом:
Сыграл — не повторит и не начнет сначала, —
Ударит новое. Готов поклясться я:
Он даже игрывал и «польку-соловья!»

80

«Троистой» музыки я не застал. Обычно
При мне уже гремел на свадьбах у крестьян
Оркестрик смешанный, но слаженный отлично:
Кларнетец да «труба», тромбон да барабан...
Под крики пьяные они гремели зычно,
И скрипка, так сказать, вела лишь задний план.
Но было в скрипочке задорное такое,
Что всей «капелии» считалось душою.

81

А этот Родион — последний мужичок,
Обруганный не раз, не раз жестоко битый,
Был первым в дни торжеств: рванет его смычок —
Танцуют Ганны все и пляшут все Улиты.
Усатой головой стрельнув куда-то вбок,
Он пустит перелив особо знаменитый,
И все сбегаются оттоле и отсель —
Послушать музыку и глянуть на *кадрель*.

82

Однажды в летний день (ну, разве не приятно
Осеннею порой иные вспомнить дни!)
От солнечных лучей в листве скользили пятна,
А за деревьями густыми, в их тени,
Был слышен тенорок, играла скрипка внятно.
«Ну, вот — два сатаны! Господь меня храни! —
Так с нами в разговор вступала деликатно
Ярина-тетенька. — Обедня, а они
Козу свою водить!» Подобное сужденье
Не строгим было, нет, но полным снисхожденья.

Припоминать теперь, ей-богу, не берусь —
 Куда, откуда шли Денис мой с Родионом,
 Но всё в ушах стоит: «Ой, лихо, не Петрусь!»
 А дальше завели такое — с перезвоном,
 Такое грянули на всю честную Русь,
 Что показалось вмиг соленым-пресоленым
 Ярине-тетеньке, а ухарский напев
 Перцовкой лился к ней, за лесом прозвенев.

Ах, чудачки мои, столь сердцу дорогие!
 Вы — как огни вдали, в тумане зажжены. . .
 А дальше слышу я стенания глухие,
 Рев императорской бессмысленной войны,
 Я вижу тех, кто пал за новую Россию
 При первых проблесках идущей к нам весны,
 И солнце вольности, что выплыло багрово. . .
 Хватило б только слов, — о нем скажу я слово.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Я помню — был сентябрь. Прозрачный, теплый —
 он

Казался мягким мне, созревшим виноградом.
 Окутывала ночь задумчивый балкон.
 Как будто женский хор, звеневший где-то рядом,
 Весь Киев предо мной сиял в огнях, и сон
 Бежал от глаз моих. Я ненасытным взглядом
 Глядел, окно раскрыв и свесясь из него,
 Какое деется на свете волшебство.

2

Он на балконе был, волшебник — сам Микола
 Витальевич. Сидел у мирного стола,
 И седина его, в сиянье ореола
 Прекрасной старости, всей свежестью цвела!

Рождалась музыка. Она не поборол
Покамест немоты и только в нем росла,
На потный белый лист свои значки роняя,
Чтоб вскоре зазвучать, сердцами потряся.

3

Он головою в такт мелодии кивал
(Что было у него типичною чертою).
Наверно, перед ним далекий сон вставал:
Хмель на жердях, село он видел пред собою,
В кругу кудрявых верб пруд перед ним сиял.
Дивчат и парубков он видел, — и рекою
Рябины терпкий дух, когда-то столь родной,
В согласье с песней тек вдоль улицы почной.

4

О композиторе ходили анекдоты,
И доводилось мне не раз о том слышать,
Как прибыл он в село однажды для работы —
Какой-то вариант занятный записать,
И, чемодан раскрыв (прочь мелкие заботы!),
Все вещи выкинул и начал наполнять
Подарками полей свой чемодан дорожный:
Цветами разными, травую всевозможной.

5

Я, класса третьего прилежный гимназист,
Жил у него тогда. Без памяти буквально
В него я был влюблен, на белый глядя лист,
Где музыка в тиши рождалась триумфально,
И лист, который был еще недавно чист,
Считал магическим. Как мальчик, беспечально
Потягиваясь, встал квартиродатель мой¹
И вышел в комнаты. Ловил я звук любой.

---

¹ Лысенко жил на Марининско-Благовещенской (ныне Саксаганского) улице, а мы с братом квартировали у него.

Квартира вся спала (мой брат Иван со мною
 Жил в Киеве тогда. В ту зиму он кончал
 Здесь университет). Над книгою большою,
 В которой Митюков студентам излагал
 Законы римские, брат спал. А за стеною
 Творенье новое свое артист играл
 Тихонько, для себя. А я, подобно вору,
 Тайком, на цыпочках скользил по коридору.

То были радости самой весны нежней,
 Благоуханнее, чем дух земли согретой,
 Оттаявшей в те дни, когда мильон путей
 Пред каждым есть, хотя одна дорога к свету.
 Ах, эти дни, когда душа травы пьяней
 От ветра легкого, когда с душою этой
 Весь мир готов расцвести! . . Я б, не жалея строк,
 Об этом рассказать и по-другому смог.

Я с приглашением на свадьбу мог бы ныне
 Ту музыку сравнить — с тем мигом золотым,
 Когда жених идет с возлюбленной княгиней
 Своей к венцу, и все дают дорогу им
 С хвалебным шепотом. . . Но по другой причине
 Дал волю музыкант способностям своим, —
 В честь клуба создал марш. . . Читатель,
 без сомненья,
 Потребуете вы тотчас же разъясненья!

Когда еще стоял трухлявый царский дуб
 И всюду старый строй лез со своим копытом, —
 Тогда не так легко открыть бывало клуб,
 Украинский к тому ж: был случай знаменитым,
 Достойным всяческих фанфар и прочих труб,
 Звенящих серебром над повседневным бытом, —
 И Лысенко сложил соклубникам привет,
 А первым слушал марш непризнанный поэт.

Я с самых ранних лет привык марать бумагу
 И всё не отучусь — пишу который год!
 И не одни стишки, — найдя в себе отвагу,
 Трактаты писывал и драмы стихоплет. . .
 Герой одной из них попался в передрагу —
 Он метился в свинью, что взрыла огород,
 А палкой наповал убил родного брата,
 Твердя, что темнота в том наша виновата.

Герб гимназический с фуражки сняв своей,
 Я тоже посещал тот клуб в былые годы.
 Не карты, не вино туда влекли гостей, —
 Сходились туда поэты, счетоводы,
 И спор они вели, всех споров горячей
 (Друзья, мы спорщики, как видно, от природы), —
 Есть слово ли у нас такое — *позаяк*?
 И аргумент звучал: никто не скажет так!

И просвितянства там встречалось немало,
 И дух «Гречаников»¹ цвел слишком пышно там.
 Иная голова, однако, понимала,
 Что можно день прожить без этой песни нам.
 Да вот репертуар (его всегда хватало!)
 Всё ж труден иногда и нашим мастакам. . .
 Там Лысенко бывал, и в том же самом зале
 Порой творения Бетховена звучали.

Бывало много там и желто-голубых,
 Покрывших свой народ впоследствии позором, —
 В земле далекой гнить уделом стало их,
 А слово доброе прошло оралом спорым

---

¹ «Гречаники» — песня, весьма популярная в описываемое автором время, но не лишённая пошловатости.

От края ближнего и до веков иных,
По всем родным полям, по всем родным просторам.
Вспахали почву нам Тарас, Скворода,
И светит нам, живым, — бессмертная звезда!

14

Гремел там грозный бас Цесевича Платона,
Сердца «Посланием» Садовский потрясал. . .
Когда ж закрыли клуб блюстители закона,
Микола Лысенко нежданно вдруг завял. . .¹
Но всё же удалось преодолеть препоны,
И клуб украинский опять работать стал
Под мудрой вывеской: «Семья» — «Родіна» (или
По-русски — «Родина»), — его и разрешили².

15

Я был мечтателем. «Мечты» — плохое слово!
Оно затрепано. Как жизнь в него вдохнуть?
А трудно без него. Едва вздремну — готово:
Вода передо мной течет в далекий путь;
В далеком далеке ни облачка седого;
Зеленоватый линь сквозь голубую муть
Чешуйкою блеснет. Удилище сжимаю
Рукой дрожащею. . . секунда — и поймаю!

16

Мечты! Мечты! О чем я только не мечтал,
Я в детстве о каком не думал только деле!
Решив стать столяром, тесал я и строгал
У дядюшки Кузьмы, а годы подоспели —
Летательный снаряд с Яськом изготовлял

---

¹ После смерти Лысенка высказывали мысль, что закрытие украинского клуба усилило его сердечную болезнь и в конце концов привело к тому, что нить его жизни оборвалась.

² В самом деле, назвав клуб «Родіна» (т. е. по-украински — семья, род), что на русском языке читалось как «Родина» (отечество, отчизна), украинская общественность в Киеве добилась нового открытия своего клуба. Царские чиновники бывали не очень сообразительны.

(О, добрых братьев Райт старинные модели!),
Качаясь на ветвях, я полагал — вот-вот
Взвьется в небеса мой гибкий самолет.

17

С такой фантазией, богатой бесконечно,
Бежать в Америку нам было ни к чему.
Сидим с Яськом. «А ну, брат Ягуар, конечно,
С тобою лассо! — так я говорю ему,
Яську. — Подай его!» И вот мустанг беспечно
Пасется меж саванн; к мустангу самому —
Совиное Крыло — лечу ветров быстрее,
И звонкое лассо уже на конской шее.

18

Я верен удочке, от доброго ружья
Вовек не отрекусь, хотя другие страсти
Не раз владели мной, любезные друзья! —
У ягод и цветов бывал я в милой власти.
Хоть окулировать ¹ не выучился я,
Зато копал, сажал и был силён по части
Подвязывания. На склоне лет ко мне
Вернулась эта страсть в поселке Ирпене.

19

Теперь там Фриц иль Ганс, а то и наш иуда —
Предатель староста, фашистский временщик,
И письма милые, как червь, грызет — паскуда,
И точит — негодяй — страницы милых книг.
Забрался в ягодник, пред ним клубника — чудо,
Такой не видел он, хоть к чудесам привык! . . .
Но скоро и костей мы не отыщем фрица ².
Прошу мне разрешить к клубнике возвратиться.

---

¹ Окулировать — делать прививку «глазком», т. е. посредством почки культурного растения.

² Писались эти строки в страшную пору фашистского владычества на Украине. Теперь, в дни освобождения нашей земли, выяснилось, что в ирпенском домике помещалась полиция.

Удачно разгадав селекции секрет,
 Клубнику вывел ту приятель мой из Сквиры.
 Большой оригинал, влюбленный, как поэт,
 В гибридизацию, — цветы готовит миру
 Он новые. Хотя зовется Магомет,
 Но он украинец, в хорошем смысле «щирый»,
 То есть доподлинный. У нас немало слов
 Спасать приходится от разных пачкунов.

Не мусульманин я, но чтил я Магомета.
 Рабочий стол его я описать бы смог,
 Не пропустив на нем ни одного предмета:
 Секатор здесь, а там сухих цветов пучок,
 Вот письма собраны Мичурина, а это
 Сам Дарвин между книг. Но яблочек пряный сок,
 Но розы красные, что как огонь пылают,
 Мне более всего о нем напоминают.

Так вот, я в Ирпене, дав повод для острот
 Миколу Бажану (он говорил: «Какая
 У вас фантазия! Боюсь, ваш огород,
 Максим Фаддеевич, — мечта, притом... пустая!»),
 Клубнику сквирскую (шел сорок первый год)
 На грядки высадил, болтая, напевая...
 И первый урожай моих ирпенских гряд
 (Уж началась война) был сказочно богат!

С проклятым недругом свой счет у нас особый —
 Будь прокляты его кормилица и мать!
 Всё, чем дышали мы, враги в порыве злобы
 Пытались осквернить и ядом напитать...
 Но веры в наш народ, я знаю, не смогло бы
 Ничто меня лишить, и сладко мне сказать,
 Хотя, признаюсь вам, и страшно мне открыться, —
 В великом подвиге есть и моя частица!

Средь увлечений всех, оставленных давно
 И не оставленных, и главных и не главных,
 О музыке забыть мне было бы грешно:
 Всегда я был в числе поклонников исправных
 Искусства музыки, и все права оно
 Имеет на меня, себе не зная равных!
 Я говор струн люблю, и был всегда мне люб
 Затрепетавший звук прозрачно-ясных труб.

Живя у Лысенка, новейшего Бояна
 (Из львовской взят «Зорі» подобный титул мной),
 Буквально я пьянел от звуков фортепьяно
 И на цимбалах сам наигрывал порой —
 Я в дар их получил от самого Ивана —
 Не лишь «Ой на горі» иль «Казачок» простой, —
 Свое играл и был счастливей всех на свете.
 (Он за двугривенный купил цимбалы эти.)

Убогий инструмент он как-то приглядел
 На чердаке одном, в жилище юрких мышек,
 И тотчас же купил... Спец музыкальных дел,
 Когда-то в Киеве известный Индржишек
 Цимбалы на чердак скорей вернуть велел, —
 В нем, видно, гордости чрезмерной был излишек.
 Так воин, слышавший «катыш» новейших звук,
 Глядит презрительно на самодельный лук.

Однако сторожем на киевском вокзале
 Работал цимбалист — наш музыкант, земляк,
 «По-благородному» его Базилем звали...
 Базиль цимбалы те наладил кое-как,
 И струны весело и громко зазвучали,
 И брат вызванивал кадрили иль краковяк, —
 Так ожил инструмент, и радостен и звонок,
 Троистой музыки, покойницы, ребенок.

Читатель, помните: в «Тадеуше» своем
 Мицкевич рассказал о цимбалисте старом?
 Из струн он извлекал и тихий плач и гром,
 Два молоточка в пляс пускаючи недаром.
 И замирали все в почтении немом, —
 Всех Янкель увлекал своим волшебным даром,
 И музыка его для всех времен гремит. . .
 Я тоже цимбалист, но я не знаменит.

Подслушал раз меня Витальевич Микола
 (Свой собственный я вальс однажды сочинял,
 И Лысенко вошел. . .). Он арфою Эола —
 Не знаю, в похвалу ль — мой инструмент назвал.
 Однако нечего бояться правды голой:
 Цимбалы меньше прав имеют, я б сказал,
 Там, где вздымаются органы и рояли, —
 Диковинное в том найдете вы едва ли. . .

Щадя читателей, поэт, им не давай
 Ресстра всех страстей, изведанных тобою.
 И песню я любил, и свист утиных стай,
 И стружек запашок, и зеркало речное. . .
 А бузина в цвету! А несравненный май!
 А как линии клюют той майскою порою!
 Денис по-своему звал «линьями» линей.
 И вот настал черед подумать и о ней.

О, Ганя милая! О, средство от влюбленья —
 Крапива! — я уже упоминал о вас.
 Зеленый гимназист, вздыхая по-тюленьи,
 Слова признания шептал я много раз, —
 Их слушали одни мои стихотворенья.
 Заветные листки от посторонних глаз
 Я всячески берег и вновь писал, пылая. . .
 Ну, словом, я познал тебя, любовь святая!

И каждый знал любовь, ее истолковав
 На собственный манер. Но что ж она такое?
 Мелькнувший птицею узорный ли рукав,
 Или мгновенный взгляд, объяввший вас тоскою,
 Иль вдохновение, иль глупость, — каждый прав,
 Когда он говорит и это и другое:
 Любовь — всех образов и всех понятий смесь,
 В коротком слове том словарь огромный весь.

Вечерний час. Теплынь. Журчит вода живая.
 И с лейкой девочка опять передо мной,
 Похожая на всех и вместе с тем другая,
 Такая милая. . . Как в дымке голубой,
 Она склоняется, левкой поливая.
 И это — дальше — мне кажется канвой,
 И вышиты по ней не сон, не сновиденье,
 А чувство первое — бессонница, томленья!

О гимназисточка! Как мне забыть твой дом!
 На Благовещенской жила ты рядом с нами.
 Благодарю тебя за всё, что мы зовем
 Беседами без слов, безмолвными речами.
 Благодарю тебя за каждый жест, в каком
 Вся отразилась ты. Как я хотел губами
 Прильнуть к твоим губам! Да только — вот беда:
 Мы не были с тобой знакомы никогда. . .

Умчалась тучка вдаль, но влажный след остался
 (Да это Лермонтов!). Твой образ сохраняя
 В воспоминаниях, я снова им предался.
 Родные кто мои и как зовут меня,
 Не узнавала ты. Я тоже не справлялся
 Об имени твоём и кто твоя родня. . .
 Влюбленным — заполнять подобную анкету
 Ни милой девочке не надо, ни поэту!

Старушка милая (увы, — мы старики!),
 Очки свои надев, вы, может быть, прочтете
 Писания мои до этой вот строки,
 И всё поймете вы в лирическом отчете,
 И сразу вспомните те дни, что далеки,
 И станет страшно вам, и грустно вы вздохнете,
 И вам покажется: вы — девочка и вас
 Левкой к себе зовет в вечерний теплый час.

И, может быть, мой сын, повитый дымом боя,
 Товарищ неплохой и доблестный боец,
 Вдруг с вашей дочерью, такую молодую,
 Случайно встретится, и трепет двух сердец
 Подслушает земля. (Она и нам с тобою
 Дала и свет и цвет, и в ней мы свой конец
 Когда-нибудь найдем.) Так будь благословенно
 Всё то, что молодо, всё, что, как жизнь, нетленно!

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Джон Припс из Лондона, иначе Припаяй,
 Учился там же, где и ваш слуга покорный —
 Создатель этих строф (фамилию читай
 На титуле мою). В пятнадцать лет беспорный
 Вполне законченный подлец и негодяй,
 На пакость всякую он хлопец был проворный, —
 Сказал бы так о нем полтавский наш Марон¹,
 То был шекспировский — в миниатюре — Джон².

¹ Марон — Вергилий; полтавский Марон — Котляревский, он говорит об Энесе: «удавсь на всее зле проворный».

² Сэр Джон Фальстаф — персонаж Шекспира, гуляка, распутник, обжора, гениальный враль.

Вот этот самый Джон однажды в бакалее,
 Где заправляла всем толстенная «мадам»,
 Минуты скоротать решил повеселее —
 Как сам он говорил, «устроил тарарам»:
 «Тупица»-гимназист с ним был, и, черта злее,
 Джон Припис схватил его, крича: «Пошел
 к чертям!» —
 И в бочку, мирный сон нарушивши селедок,
 Товарища всадил, и ржал весь околоток.

Так «золотая» та резвилась молодежь —
 Лишь по названию знакома вам такая.
 Гимназию мою простой не назовешь,
 И частная была она, и дорогая,
 И либеральностью прославленная всё ж!
 Бывало, буржуа сыночка-шалопая,
 Родное дитяtko, лишь время подойдет —
 Учиться прямо к нам в гимназию везет.

Паныч Флерковский был сродни дворянам, верно,
 Которые родню Тараса на щенка
 Меняли невзначай. Чуть-чуть, но всё ж манерно
 Себя держал паныч. Дворянского сынка
 К себе романтика влекла неимоверно.
 Он как-то застрелил корову лесника,
 Сначала за нее билет дав сторублевый:
 Назвал он зубром то, что было лишь коровой.

Ну, словом, целый ряд богатых панычей —
 Сынков купеческих, дворянских, фабрикантских,
 Как говорится, цвел в гимназии моей.
 Каких тут не было забав и шуток панских:
 Один топил котят, другой же дуралей
 В коляске разъезжал отцовской, тот крестьянских
 Дивчат обманывал, и знали все о том,
 Что дом терпимости ему — родимый дом.

Но справедливость мне сказать повелевает:
 Такой не вся была в то время молодежь.
 С иными я дружил. Привяжешься, бывает,
 Когда в товарище «изюминку» найдешь,
 Что дружбы, может быть, секрет и составляет,
 Чем мир, где мы живем, быть может, и хорош:
 Мы тайну ищем в том, в чем тайны нет, что ясно,
 Как, например, любовь, — но это и прекрасно.

Тот — житель города, а тот в деревне рос.
 Но все мы числились среди друзей природы.
 Весенний ветерок всем опьянение нес,
 Всех одинаково влекли поля, и воды,
 И птичьих крыльев шум, и шепот трав и лоз.
 Осеннею порой в дни золотой погоды
 Встречала нас река, и влажный лес, и луг,
 И милый мой Очкур, и добрый Каленюк.

В священном ужасе, исполнен нетерпенья,
 Там мне шептал Зинько: «Вон утки! Бейте! Ну! . . .»
 Багряный буерак в те сладкие мгновенья
 Нам тайну древнюю поведал не одну. . .
 Я попрошу у вас, читатель, извиненья, —
 Я с нежностью свою собаку помяну:
 Хотите, присягну, — мой друг четвероногий
 Со мною разделял печали и тревоги.

Печалили меня иль тешили дела,
 Но хоть мельчайшая была грустить причина —
 Уж Зельма тут как тут: мне лапу подала,
 Ласкается ко мне, в глаза мне смотрит — псина!
 И кажется, она сказала б, коль могла,
 Чтоб как-нибудь развлечь в печали господина:
 «Я знаю, нелегко, но всё ж напасть пройдет!»
 Как часто мне таких друзей недостает!

Меж деревенскими прошла и городскими
 Забавами пора моих весенних дней.
 Мой сын! Тыходишь в жизнь дорогами иными,
 Но об одном прошу, — себе найди друзей
 С прямыми душами, с сердцами молодыми,
 Природу любящих, и город, и людей.
 Ведь тот лишь человек, кто любит человека...
 Прости мне афоризм, известный всем от века!

Учителям привет от их ученика!
 Я с благодарностью о многих вспоминаю.
 Хотя гулял иной под кличкой чудака,
 Но передоновых¹ меж ними я не знаю.
 В один прекрасный день под перелив звонка
 Класс снова поглотил живую нашу стаю,
 И кто-то в этот миг вдруг крикнул: «Господа!
 Словесник новый к нам!» — «В пенсне?»
 — «И лысый?» — Да,

В пенсне и лысоват, наш Дмитрий Николаич,
 Словесник молодой, спокойно в класс вошел.
 «Курган» Толстого² он, к уроку приступая, —
 Чтец изумительный, — уверенно прочел,
 Чем и понравился он даже шалопаю,
 Чем уваженье всех мальчишек приобрел.
 Когда я взрослым стал, мы с ним дружили
 славно...
 Его уж нет в живых — скончался он недавно.

---

¹ Передонов — действующее лицо в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес», отвратительный тип обывателя.

² Стихотворение А. К. Толстого о неведомом витязе — некогда было у него «громоздкое имя», — погребенном в степи.

Тогда ж я юным был, словесник — молодым,
 И даже лысинка казалась молодою.
 Бывало, вокруг него всем классом мы стоим,
 А он поет, поет, одно поет, другое —
 Былины, думы нам. . . И тот, кто одержим
 В гимназии бывал и скукой и тоскою,
 И тот словесника мог слушать без конца:
 Приятно посмотреть бывало на юнца!

«Рябинин *сказывал* так про Вольгу когда-то,
 Так думы Шут певал, а этак Вересай. . .»
 И это в те года реакции проклятой,
 Когда у нас кругом был непочатый край
 Жандармов всяческих. Реакции вожатый,
 Причастен к этому сам царь был Николай.
 Коль украинского всего вы не чурались,
 Вы подрывателем основ уже считались.

Слова «Роняет лес багряный свой убор»
 Ты в сердце заронил, мой Дмитрий незабвенный,
 Как радость бытия. . . Артист, а не актер,
 Ты красок не жалел, и тишиной мгновенной
 Лентяев отвечал тебе бездумный хор,
 Едва ты начинал — оратор вдохновенный —
 О Тэне¹ лекцию, помимо всех программ,
 О тропах говорил и о фигурах нам.

И латиниста я любил, хотя не скрою,
 Что двоек за латынь немало нахватал. . .
 Эней², покинувший разрушенную Трою,
 Венера в облачке (глазами провожал

¹ Тэн — французский теоретик искусства.

² Эней — герой «Энеиды» Марона Публия Вергилия.

Богиню добрый сын) и многое другое,
Что на уроках я когда-то узнавал,
Всё это в памяти и ныне в полной силе, —
Ведь ясный небосклон открыл и мне Вергилий¹.

17

А вот историк наш — охотник на жуков
И разных бабочек — искусней Цицерона
Рассказывать всегда и всюду был готов,
Забыв историю, о ловле махаона².
Он всё же кое-чем снабдил учеников,
На чем в те времена лежал запрет закона:
О революции историк говорил.
Как жаль, что не всегда внимателен я был!

18

Педанты черствые и чудаки, таили
Какое-то в себе вы все-таки тепло.
Тому, что чужды мне порок и скверна были,
Что лодырем не стал и что мое чело
Морщины дряхлости и до сих пор не взрыли,
Тебе обязан я. . . Хоть много лет прошло,
Как Пушкин свой лицей, тебя не забывая,
Благодарю тебя, гимназия родная!

19

И Корсунь предо мной: вдали синее Рось,
И в дымке розовой сады зарозовели.
Здесь летом побывать мне как-то довелось
И довелось любить — уже на самом деле.
Дыханье скошенной травы вокруг лилось,
В истоме радостной вокруг деревья млели,
И сердце плакало, как видно, неспроста, —
Здесь открывалась мне последняя черта.

---

¹ Люблю с моим Мароном
Под ясным небосклоном
Близ озера сидеть.
А. Пушкин

² Махаон — вид бабочки.

Как поцелуями ты душу выпивала,
 Мучение мое, безумица моя!
 Как пух летел с дерев! Как сладостно дышала
 Взволнованной твоей косынки кисея!
 Какие, полные значенья, ты шептала
 Прекрасные слова, хотя не мог бы я
 Их в словарях найти, все словари листая!
 О, как любил тебя я, грешная! святая!

Четырнадцатый шел. Была война. И вот
 Опять мы встретились. Сестрою краснокрестной
 Она приехала. Мне шел двадцатый год.
 Не девочкой уже, а женщиной прелестной
 Была любовь моя. Я думал, дух займет,
 Едва мы встретимся... С чужой и неизвестной —
 Я с этой Лидочкой двух слов не произнес,
 И, равнодушные, расстались мы без слез.

Лишь много лет спустя, в гостинице, во Львове,
 Уже стареющий, я понял как-то вдруг,
 Какую борозду на благодатной нови —
 В моей душе — провел любви горячий плуг,
 И под событий шум, когда родных по крови
 Сбирали братьев мы в семьи единой круг,
 Я вспомнил молодость и Лиду — адресата ¹,
 Утраченного мной навеки, без возврата.

Иное умерло, иное родилось,
 И Корсунь стонет наш, и зарев полыханье, —
 Как змеи скользкие, они ползут на Рось ²,
 И вновь и вновь войны и гул и грохотанье.

¹ «Письмо по утерянному адресу» — стихотворение автора этих строк в книге «Сбор винограда».

² Писано в дни, когда Украина была оккупирована фашистами.

Гараська¹ игрывал, украсив не один
Любительский спектакль. Я заявить посмею:
Тем больше был успех, чем доктор был пьянее.

4

У вас болезнь найти Рушилов мог — добряк! —
Но, разумеется, за гонорар солидный,
Коль не хотелось вам солдатом быть никак.
А был он человек в уезде нашем видный,
И в преферанс и в винт он был играть мастак, —
И все-таки игрой увлекся незавидной.
Врача ей обучил сквириянин-демократ,
И врач в любой момент играть был в фильку рад.

5

Весьма почтенные мужья у нас бывали,
Которые от жен бежали, кто как мог,
Дворами задними, и демоны их гнали
Не за «горилкою зашкурной»², не в шинок, —
В сарай заброшенный, кирпич где обжигали
В былые времена. Подпольный их кружок
Там под шумок играл. Бывало, полнедели
За картами они и день и ночь сидели.

6

И в нашем домике зимой по вечерам,
Таким волнующим своею тишиною,
Сходились игроки; они спешили к нам
Для яростных боев морозною тропею,

---

¹ Гарасько, свидетель — персонаж знаменитого этюда Кропивницкого «По ревизии». Он, по замыслу автора, все время пьян. Для реализма Рушилов напивался перед спектаклем до бесчувствия, до потери дара речи. Впрочем, и не играя Гараська, господин доктор — кстати, считавшийся в округе весьма понимающим врачом, — редко бывал трезв.

² «Зашкурная горилка» — так называли казенную водку, перепродававшуюся по повышенной цене там, где не было поблизости «монопольки» или «винопольки», то есть казенного водочного магазина, или в те часы, когда «монополька» бывала закрыта.

И начиналось: «Крой! Давай! Да это — срам:
С козырной картою выскакивать одною!»
Иль торжествующий взрывался хохоток:
«Вновь тринка!» — «Бочка вновь!» — «Запишем
вам рожок!»¹

7

Хотя различные владели мной пороки,
Но заявить могу я искренне вполне,
Что карточный азарт, для многих столь жестокий,
Был совершенно чужд и непонятен мне.
Зато — как я любил в окно на мир далекий
Глядеть, туда, где снег сверкает в полусне,
Где лунный синий блеск расплескан по равнинам,
Где нет числа следам таинственным звериным.

8

Когда же разговор у братьев заходил
С Денисом, с Куркою (Остапенком Игнатом)
О празднике весны, который легкокрыл,
О месте нереста², особенно богатом,
И кто-нибудь о том беседу заводил,
Какой наживкою линиям тяжеловатым
Получше угодить, чтоб шли на ваш крючок, —
На пруд не улетать в мечтаньях я не мог.

9

Сейчас же он лежал под ледяной корою,
Но жизнь дремотная таилась всё же в нем.
Зимою окуней ловили мы порою:

---

¹ Тринка, бочка, рог, или рожок — термины карточной игры.

² Место, где рыба «трется» (нерестится, мечет икру), что бывает у нас в большинстве случаев весной. Некоторые породы рыб (красноперки, например), вопреки распространенному мнению, хорошо берутся (хватают наживку) во время нереста. Ловят их тогда в наших местах чаще на молодую, только что вылезшую из личинки стрекозу. К месту нереста сходятся также — есть икру — не только хищные породы рыб, вроде окуней, но и такие, как лещи, лини и т. п., так что иногда удается, глубже подпустив удочку (то есть опустив крючок с наживкой на дно) и насадив на крючок ту же стрекозу, червяка, раковую шейку и т. п., поймать несколько прекрасных окуней или линей.

Бывало, луночку в броне пруда пробьем
И ловим на блесну. Умелою рукою
Денис их отливал из цинка. Все кругом
Спиральную блесну¹ Дениса одобряли.
Он в этом деле знал соперников едва ли.

10

Упругая леса, с крючочками блесна —
Подобье некое какой-то рыбки малой, —
Пусть эту снасть твою встречает глубина.
Сам знаешь хорошо, коль ты рыбак бывалый,
Как действовать блесной, а если, старина,
Не знаешь — не берись! Но счастья нет, пожалуй,
Великолепнее — почувствовать рыбок:
То щука дернула иль славный окунек.

11

А синие снега блестят на вольной воле,
Сияют небеса, и свет их всё синей,
И — видишь — катится лиса в морозном поле:
Мышкует², хитрая; и там, где след саней,
Добычу увидав, терпеть не в силах доле,
Вдруг ястреб падает над жертвою своей.
А куропатки вдруг завидели Игната,
И стайка унеслась, смятением объята.

---

¹ Блесна — маленькая металлическая рыбка или попросту блестящая пластинка с крючком. Приведенная рыболовом в движение, блесна приманивает хищных рыб (окуней, щук, судаков и т. п.), которые и хватают ее, становясь добычей рыболова. «Денисовские» блесны были спиральной формы; такая блесна лучше вертелась и поблескивала в воде, и хищная рыба, считая ее какою-то живностью, жадно накидывалась на нее. У наших блесен чаще бывал не один крючок, а два.

² Мышкует — ловит мышей (да и других зверьков); занимаясь этим, лиса обнаруживает необычайную ловкость и дивную грацию. Во время мышкованья опытные охотники умеют подкрасться к зверю на выстрел.

И тишина... Лишь мысль: клюет иль не клюет?
 Рука настороже, рука — само вниманье.
 А только месяц март тихонько подойдет —
 В природе некая тревога, ожиданье.
 Рыбак шпаклюет челн, а засниет лед
 И первых вешних вод начнется проступанье —
 Упорный рыболов спешит с ружьем на луг
 И в вербах прячется, подстерегая щук...¹

Летят, и кажется — их что-то подгоняет,
 Спешат пернатые — *пролетные, свои* —
 И на проталинах весенних отдыхают,
 И даже Родион, сей патриарх семьи,
 Охоте преданной, порой не всех их знает.
 А дальше вод разлив, и селезней бой
 В прозрачном воздухе, и птицы парованье,
 И убывающих ночей очарованье.

Тревожных вешних дней все радости познав,
 Их позабыть не мог и в зимнем я покое,
 И предо мной опять был Унавы рукав,
 И в лодках — рыбаки (вот тут один, тут двое),
 И дальний клин гусей, и зелень первых трав,
 И легкий поплавок, чуть зыблемый водою,
 И над сырой землей едва приметный пар,
 И блеск серебряный на крыльях у гагар!

Рассказом я открыл шестой главы начало
 О зимнем вечере над карточным столом...
 Денисовы следы с тех пор легко, бывало,
 От прочих отличить: он в валенке одном

---

¹ Щуки нерестятся ранней весной, выходя на мелководье. Там их бьют острогой или из ружья. Теперь у нас и то и другое запрещено законом.

И в сапоге спешил на пруд, и там сверкала
Его блесна, иль в сад он уходил потом,
Иль, пользуясь иной свободною минутой,
В овраг на зайцев шел, причудливо обутый.

16

Усиливалась боль, и не хватало сил
Терпеть несчастному: с ногой всё хуже было.
Он мазь испробовал, столетник в ход пустил, —
Страдания его ничто не облегчило,
Не помогла ему и бабка. Убедил
Дениса наш Иван (уговорил насилу)
Пойти к Рушилову, и лекарь сквирский тот
Под наблюдение Каленюка берет.

17

«Ложитесь-ка на стол, под ножик. Ну, дела!» —
Прорезать некие хотел Рушилов *ходы*.
Палата номер три прескучная была:
Не шевелясь лежи, беря пример с колоды,
Как раз когда весна особенно мила
И нерест шук идет там, где помельче воды,
Как, впрочем, и всегда — у самых берегов...
И вот не выдержал: бежал мой рыболов.

18

Вот с остройгой¹ в руке на пруд идет, хромая,
Денис Исакович. Хоть больно — не беда!
Сияет верболос, и нежно-голубая —
«Добро пожаловать» — ему журчит вода,
И для него поет на небе птичья стая!
Вот место нереста. Да как попасть туда?²
Но не привык стоять он в размышленьи долгом,
В пруд ледяной войти своим считая долгом.

---

¹ Острога — рыболовное орудие, нечто вроде железных вил с несколькими зубцами, подобных Нептунову трезубцу.

² Шуки во время нереста ходят по самому мелководью, подымая волну и то и дело показывая свое перо (плавники); к ним тогда и подбирается рыболов с остройгой или ружьем.

Еще с Адамовых времен известно нам —
 Слепая страсть для нас любой беды замена.
 Денис Исакович во всем виновен сам:
 Болячку запустил, а результат — гангрена.
 И к киевским его теперь везут врачам.
 Две операции, и ногу до колена
 Врачи на третий раз отрезали ему.
 Калекой он спешит к хозяйству своему.

Раз к потребиловке с утра сошлись крестьяне.
 На деревяшке был Денис меж них. Купить
 Им надо было кос (кончался май) заране.
 И косы выбирать, о них судить-рядить
 Все важно принялись. Калеке сердце рая,
 Вдруг кто-то выпалил: «Тебе уж не косить,
 Денис Исакович!» Собрание смутилось:
 Слезинка по щеке Дениса покатила.

Красавец, ухажер, работник хоть куда,
 В руках которого коса сама косила, —
 Теперь считался он пропащим навсегда,
 Хотя и сбереглись душа его и сила.
 Бывает так порой, что горе да беда
 Калеку обозлят. Напасть не изменила
 Дениса доброго. Я помню даже — раз
 Он с прежней лихостью пустился было в пляс.

Там, смотришь, и косить он как-то наловчился
 И умудрялся жать, хоть и с одной ногой.
 Когда ж делец Рудой мудреную решил
 Построить мельницу с турбиной водяной —
 Денис Исакович к нему определился
 В ночные сторожа: он в тишине ночной
 Постройку сторожит, а лишь забрезжит — значит,
 Не спать Денис идет, он на пруде рыбачит.

Я помню девятьсот четырнадцатый год. . .
 Ох, и ловился же в то лето карп проклятый!
 С мешочком на боку среди спокойных вод,
 Как придорожный столб, дедок чудаковатый,
 Бывало, всё стоит и с места не сойдет,
 Одним желанием, одной мечтой объятый.
 И вовсе тот дедок рассудок потерял,
 Когда он рыбину так в фунтов шесть поймал.

С Денисом вместе мы приманку засыпали:
 Пшеницу (мы ее варили) и горох,
 Места на берегу мы рядом выбирали.
 Бывало, воду лишь или прибрежный мох
 Осветит первый луч, а мы из сизой дали
 Приходим с братьями: встречает двух иль трех
 Нас Каленюк Денис. Садимся. «Вот и ладно!»
 — «Ну что?» — «Да есть один». — «А как велик?» —
 «Изрядно!»

Лазурный, розовый среди зеленых трав,
 Мой пруд и молодость — далекое былое —
 И в грозные года (скажу и буду прав)
 Не только лишь *слова*, а нечто дорогое.
 За молодость свою, за вышитый рукав
 (Он только раз мелькнет) — за это, столь родное,
 Любую плату б дал, лишь было б чем платить. . .
 Но что за счастье — карп? — вы можете спросить.

Смеяться можете, — меня избави боже
 Читателей моих смешливых уверять,
 Что чувство рыбака с восторгом жгучим схоже
 И что восторг его в одном словце — поймать!
 Но помириться вам придется с фактом всё же:
 Великолепный карп! Так, фунтиков на пять!
 Подобных не найти, скитаясь по базарам,
 Свой дорогой досуг истратите вы даром.

Рассветы, лето, пруд, разлитый широко,
 Из Тулы мастера, с моими земляками
 Затеявшие бой отчаянный в «очко»
 В минуты отдыха на дамбе под кустами,
 В окошке «инженер», зашедший далеко
 В искусстве бранных слов, — вся эта перед вами
 Рудого вотчина, вся эта сторона
 Здесь «новой мельницей» звалась в те времена.

Да, у Рудого был сосед — сутяга рьяный,
 И тяжба между них велась: неясный план
 Какой-то «геометр» состряпал, видно, пьяный.
 Пан Янушкевич был прелюбопытный пан, —
 За версту перед ним седые стариканы
 Ломали картузы. Один лишь из крестьян
 Его держал в руках: свидетель этот лживый
 Не брезговал в судах присягою фальшивой.

У Янушкевича бывал обычай крут:
 В его владениях удить, стрелять — не пробуй,
 Поймают сторожа и перцу зададут,
 Иль Янушкевич сам пальнет с холодной злобой
 В воришку из ружья. Раз к барину на пруд
 Три паренька пришли с дырявым бреднем, чтобы
 Страсть сердца своего хоть малость утолить:
 Линей, да окуней, да карпов наловить.

Холодные деньки тогда уж начинались;
 зуб на зуб у ребят едва ли попадал,
 Когда они в воде, как тени, продвигались
 С сетями. . . Чей-то крик внезапно зазвучал:
 «Ага, голубчики! Ну вот вы и попались!»
 И Янушкевич их по шею в пруд загнал
 Часа поди на два, стреляя дробью злою. . .
 Хворали трое — все; в живых осталось двое.

И собственности страж, и честности оплот,
 Он стал помещиком не слишком будто честно.
 Именем управлял не месяц и не год
 Помещицы одной, и говорят, известно:
 Он госпожу свою от всех земных забот
 Избавил, отравив, — что в сказках лишь уместно
 Про королевичей да королевен. Так
 По-воровски он стал владельцем Кошляк.

А некий господин считался инженером
 И делом мельничным в деревне заправлял.
 Любитель пострелять, служа для нас примером,
 Охотничьей порой он уток поджидал
 На кровле мельницы и таким манером
 Вечерние свои досуги коротал.
 Воздвигнув башенку на мельничном строенье,
 Прославился навек он гордым тем твореньем.

Плотина, мельница, ракета — милый вид
 Для сердца моего навек незабываем.
 Хотя не молод я, но кто же запретит
 Стихам моим цвести апрелем или маем?
 От *эха дальних лет* (поэт так говорит)
 Не прахом веет лишь, — мы в юность вновь
вступаем
 В воспоминаниях. . . Подобная строка
 Лишь вечного брюзжать заставит старика.

Кто знал вечерние вот эти перелеты —
 И радость на земле большую видел тот.
 Блистают небеса от тонкой позолоты,
 За точкой точка по золоту плывет.
 И окрик: «Не зевай!» — «Не прозеваю, что ты!»

И впился взгляд в крыло, туда, вперед, вперед...
Скажу, хоть убеждать не стану маловера, —
Однажды *обстрелял*¹ я даже «инженера»!

85

Я память о тебе в душе моей таю,
Последний, может, год моей весны хорошей.
Как мне забыть ее! Ведь молодость мою
Не скроет от меня и старости пороша...
На перелете раз меж двух ракич стою,
На кровле ж «инженер», и слышу — письмоноша:
«Война с Германией!» — кричит ему и мне.
Так с «инженером» мы узнали о войне.

86

Тогда, в начавшейся не разбираясь драме,
Хотя в политике был «инженер» мастак,
Не замечали мы свинцовых туч над нами,
Не понимали мы, что это грозный знак,
Что буря близится, с громами и дождями...
Да что тут говорить! С людьми бывает так,
С крупнейшим знатоком былых веков бывает:
Он современности своей не понимает.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Однажды в летний день над Унавой-рекою
Неосторожного чирка я подстрелил.
Он на воду упал, где с травкой водяною
Переплелся камыш. Я без собаки был:
Разделся догола — и в воду. Под ногою
Сперва я ощущал коварный вязкий ил,
Стараясь к берегу держаться всё ж поближе,
Но дальше плыть пришлось по мутной зыбкой
жиже.

---

¹ Обстрелять — набить больше дичи. Не надо, друзья, скептически ухмыляться: я сообщаю подлинный факт.

За убегающим я и поплыл чирком:
 Он — раненный в крыло — нырял и появлялся
 Вновь предо мной, и я в сплетенье трав густом
 За ним сквозь сабельник высокий продирался;
 Кувшинки змеями скользили за пловцом.
 И — горестный пловец — я понял, что попался:
 И вырваться нельзя, и невозможно плыть,
 Ну, словом, довелось водицы мне испить.

Барахтаясь в воде и воду ту глотая,
 Я выбился из сил и к смерти был готов.
 Хоть зелень вокруг меня сияла молодая,
 Но уходил я в ночь... Скажу без лишних слов,
 Я образ Лидочки увидел, утопая, —
 И в темноте угас далекой жизни зов!
 Всё стало тишиной, замолкло, замолчало.
 «На помощь!» — из меня вдруг что-то закричало.

И, снова вынырнув, увидел я челнок,
 Среди купав и трав ко мне спешил он — валок
 (Еще мгновение — и я б спастись не смог!),
 И голос прохрипел (такие у русалок,
 Всегда простуженных: водица да лесок...).
 Я, услышав его, за борт схватился, жалок.
 Но кто же крикнул мне: «Держись за лодку,
 друг!»
 Но кто же спас меня? Конечно, Каленюк!

Ах, краше чувства нет в прекрасном этом мире:
 Держась за милый борт, за добрым челноком
 Плыть прямо к берегу у жизни на буксире,
 Которая цветет так радостно кругом.
 В ушах полно воды, но солнышко в эфире
 И согревает всё своим святым теплом.
 А Каленюк меня сетями прикрывает
 И вновь ловить плотниц на речку поспешает.

Когда же вечером Исакович сидел,
 Потягивая свой «дюбек» домашний лучший,
 И словно в область снов далеких отлетел
 Тот приключившийся со мной недавний случай, —
 Он (наш Исакович) всё вспомнить захотел.
 Хоть стал его рассказ старинкой неминучей,
 Но вызвать мысли в нас различные бы смог.
 «Вот... — приступил Денис, пускаючи дымок, —

На место выплыл я, где хороша плотица, —
 Подобной я с весны не лавливал. Плотва
 В таком количестве под Рудкою толпится,
 Что здорово клюет и после Петрова...
 Вот, значит, я ловлю и слышу — может, снится? —
 Как будто голосок доносится едва.
 «На помощь!» — он зовет. Так что же там стряслося?
 И показалось мне, что голосок Самрося.

Вы сами знаете, что за мужик Самрось, —
 С такими лучше бы и вовсе не встречаться...
 Не раз мне ссориться с Самросем довелось,
 И горя я хлебнул из-за него, признаться!
 «Тони, пожалуйста, коль уж тонуть пришлось,
 Иди к чертям на дно!» — подумал я с прохладцей,
 Но всё же человек, хотя и сатана:
 Я бросился спасать и вижу — вот те на! —

Максим, а не Самрось. Вот это — вижу — штука!
 Уж выкатил глаза бедняга наш Максим,
 Пускает пузыри, как будто в бредне щука...»
 И тут рассказчика густой окутал дым,
 Житейской мудрости засим пошла наука.
 «Ну, опрокинем, что лы!» — Богдан сказал засим,
 И опрокинули, и налили вторично,
 Спасение мое отпраздновав прилично.

С тех давних пор во мне то чувство всё росло,
 С каким хотел бы я быть взятым и могилой.
 Стократ я полюбил зеленый мир, тепло,
 Мурашек на траве, людей характер милый,
 Смиряющих в своих сердцах и душах зло...
 Но, впрочем, бог Зевес, спаси меня, помилуй,
 Вас всепрощению учить, читатель мой,
 Чему учил людей писатель Лев Толстой!

Да, кстати, тот Самрось (речь о Самросе снова)...
 В горячий пятый год едва ль не боевик,
 В четырнадцатом стал подручным у Рудого,
 В семнадцатом году узнали мы — он шпик.
 Разоблачили мы не одного такого.
 Оказывается, он делать так привык:
 Собрание проведя в подполье спозаранку,
 По вечерам о нем уведомлял охранку.

Дознались мы тогда, что сын Кузьмы, Степан,
 Был продан, и к тому ж предешево, Самросем,
 Что вел Самрось хитро беседы меж крестьян,
 Зовя простой народ голодным, голым, босым
 И развиваючи мудреных бунтов план,
 Чтобы идти потом с подробнейшим доносом
 Туда, где сам Азеф, предательства король,
 Как всем известно нам, играл большую роль.

Живые же сердца живым огнем горели,
 И, вспоминая глухие те года,
 Теперь-то вижу я, что подо льдом кипели
 Усилия тайные, чтоб выйти из-под льда,
 Чтоб разорвать его в каком-нибудь апреле
 И льдины унести, чтоб вешняя вода
 Могла везде залить болота и низины,
 Едва раздастся крик весенний лебединый.

Мой небольшой мирок (он капля лишь одна,
 Которая судьбу всей влаги разделяла),
 Все радости (они пьянили без вина),
 Отравы разные (я видел их немало)
 Нежданно потрясла всемирная война
 И обывателей, как камнем, ударяла
 По мирным головам. В ту именно войну
 Я жаркую свою оканчивал весну.

Солдаты... Голоса... Туч ржавые отары...
 Стегает женщина бессильного коня...
 Певички, лазарет, калеки, земгусары¹
 И черносотенцев мордастых суетня, —
 А в сердце молодость; сырые тротуары
 За эти вот леса зовут, ведут меня,
 За лесом вдалеке, за этой вот горою
 Вот-вот откроется мне утро золотое!

Зима. Невнятица вечерняя и мгла.
 Снежок на фонаре и огоньки в витрине.
 Застыла девушка у пестрого стекла
 И прямо в сердце мне свой взгляд роняет синий.
 Смешалась с толпой, с ней вместе поплыла,
 И вот душа моя — как некий глас в пустыне...
 Нетрезвый прапорщик за девушкой спешит,
 Догнал... раздался смех... И вновь душа скорбит.

Однажды в зимний день шагал я в море снежном,
 Играло, пенилось и двигалось оно.
 И сам я точкой плыл в движении безбрежном.
 И цели знать моей мне было не дано.

---

¹ Земгусары — служащие тыловых организаций так называемого Союза земств и городов, шеголявшие своей военной формой.

Вдруг голос — ветерок, и голосом тем нежным
Вновь сердце бедное мое обожжено.
А голосок звенит, как будто под сурдинку,
И вижу пред собой снегурочку — снежинку.

18

«Прошу вас проводить меня домой!» — И жаль
Мне эту женщину невыразимо стало.
Благоуханная дышала мне печаль
Цветов весны сквозь снег, и так легко дышала
Ее неясная, туманная вуаль.
Я подал руку ей — ее рука дрожала, —
И молча мы пошли сквозь сумасшедший снег.
Казалось нам — бежит за нами человек.

19

Весь мир, как бы оркестр нескладный, но огромный,
Звенел, и вспыхивал, и потухал кругом.
Мы долго молча шли... Но вот и флигель темный,
Он во дворе стоял, объятom смутным сном,
И только снег вокруг носился неумейный.
«Спасибо, мы пришли... Мой друг за тем окном...
Я мужа бросила... Меня убить он хочет...»
Исчезла. Только снег, сойдя с ума, хлопочет.

20

Рукопожатие — как долгие века!
Рукопожатие — короткое мгновенье!
И не видать ее — одна кипит пурга...
И всё растаяло, как будто сновиденье,
И, может, заслужил я имя чудака,
Банальное свое поведав приключенье
Друзьям-читателям. Пусть это будет сон —
Не обязательно он должен быть умен.

Не слишком преданный мельчинке-бытовщинке,
 Ту ночь метельную забыть я не могу:
 Я помню мгlistый снег и узкие ботинки,
 И отпечатки их я помню на снегу.
 Вот — с нею рядом я, и в два ручья снежинки
 Стремятся с двух сторон, и мы бежим в пургу.
 «Спасибо» милое я вспоминаю ныне,
 Как искорку в окне среди морозных линий.

Студенческой скамьи не вспоминаю я,
 Года студенчества истратил я впустую —
 Признаться, мне дала не много та скамья.
 Усвоив истину несложную такую,
 Что дело не уйдет, по полю бытия
 Катясь бессмысленно, я жил наудалую,
 Лишь слыша изредка гуденье непогод,
 Лишь видя иногда, как вихрь дерева гнет.

Но я не обладал способностью антенны
 Или сейсмографа, — и разве я один!
 Не трогали меня дождей и вихрей смены:
 Гул грохотал низин, гремел набат вершин,
 И шепот слушали дворцов и хижин стены, —
 Я ж, современности недальнозоркий сын,
 По жизни странствовал, как перекасти-поле,
 Своею собственной одною занят долей.

Мне очень жаль, что я прошел полуслепым
 Туманные года, чреватые великим!
 Но в день прозрения вдруг расступился дым
 Над современностью, над людом многоликим,
 И понял я тогда, чем был он одержим —
 Родимый мой народ, томимый гнетом диким,
 И все я понял сны, какие видел он
 Во мраке тягостном столыпинских времен.

Тот мрак еще давил, хотя рука Богрова
 «Петра последнего» к могиле привела.
 Меж молодых людей (о панычах здесь слово)
 Цветами гнусностей отрава расцвела,
 А на полях войны — здоровая основа —
 Простой народ страдал, и кровь его текла,
 Чтоб «джоны» разные не чересчур скучали,
 Чтоб прожигали жизнь, не ведая печали.

А Родионов сын — ровесник мой — Иван,
 С которым раков мы немало наловили,
 В окопах холодал, глотаючи туман,
 И по лицу его нередко вши скользили,
 Пока он не погиб от двух неожиданных ран
 (Историки о них нигде не говорили).
 В Таврическом дворце, кадет и друг основ,
 В те дни витийствовал профессор Милюков.

С распутным Гришкою, с бездушным Николаем,
 С учтивым Штюрмером, с Родзянкою тупым
 Плыла монархия. Те годы вспоминаем,
 И видим море слез, и видим снег и дым.
 И зарева зажглись над неоглядным краем, —
 Восстал народ. И там, где стало всё иным,
 Но где до этого дышало всё позором, —
 Десница Ильича труда открыла форум.

Листок, каких мильон на дереве земном, —
 Благодарю судьбу, что я не оторвался
 От ветки родственной, что слышал первый гром,
 Что был свидетелем того, как мир менялся,
 Как в испытаниях, в кипенье боевом
 Народ ликующий к вершинам поднимался...
 Но приходилось мне немалый сделать путь,
 Чтоб, молодость догнав, себе ее вернуть.

1

Как листьев караван, подхваченный теченьем,
 Дни юности моей уплыли чередой,
 Хотя отнюдь не весь я мог бы с одобреньем
 Их свиток развернуть, хотя за них порой
 Случалось мне платить и грустным размышленьем
 И тайно пролитой горячею слезой, —
 Но и печальных строк, хоть плачу, не смываю
 И, милая земля, тебя благословляю! ¹

2

Благословенна будь! Ты, юная всегда,
 Жизнь подарила мне — мир предо мной раскрыла,
 И в предрассветный час, когда не спит вода,
 Ты крыльями меня цветными наградила,
 Чтоб, из родимого я вылетев гнезда,
 Взмыл в небо свежее, где облака — ветрила.
 Ты, мне наставницу в искусстве заменя,
 Стихотворения писала за меня.

3

В томлень черномзем. Фиалка молодая
 Сквозь листья старые встает в весенний срок,
 Дубравы ждут грозы, к ней руки простирая.
 И свой наладил свист чирёнок-свистунок,
 И кони где-то ржут, и, ярче слез сверкая,
 Березовый течет, за каплей капля, сок,
 И юность на мосту кленовом смотрит в воды,
 И снится ей любовь и смелые походы.

---

¹ Строфа построена на реминисценциях из пушкинского стихотворения «Воспоминание».

4

Не сказанным еще я говорю словам:
«Вы стали для меня моей блаженной мукой!
Быть может, расточил я вас по пустякам
И не польетесь вы симфонией стозвучкой,
А впрочем, может быть, утрачен вкус к стихам
Самой поэзией — богиней сребролукой, —
Так прежде я б назвал ее на древний лад. . .»
Вот и по-новому мои стихи звучат!

5

Здесь обнажение я применил приема
Случайно, но себе поставил я на вид:
Когда строка твоя сто раз уже знакома,
Ни в чьей душе она огня не возбудит,
И если свистунки, томленье чернозема
И аромат цветов, любезный мой пиит,
Родят в читателе какое-нибудь чувство, —
Заслуга в этом всем не твоего искусства!

6

Конец был февраля. На крышах снег чернел.
Чирикал, как дитя, воробушек несътый.
Я спал над книгою, когда ко мне влетел
Приятель мой — студент, бездельник знаменитый.
В одно мгновение он выпалить успел:
«Отрекся Николай!.. Ей-богу! Посмотри ты, —
Свершилось! Настает эпоха из эпох. . .»
Так и посыпались слова, что твой горох.

7

И началось тогда. И грохот отдаленной
Доподлинной грозы, и грохоток речей
Весьма сомнительных одной объединенной
Текли симфонией, друг с другом споря в ней.
Министров чехарда над грязью беспардонной
Превесело велась. Крича: «Вези скорей!»,
Коня истории седлали те артисты,
Которых правильной назвать — авантюристы.

Различных гетманов видали мы тогда,
 Петлюр, Деникиных мы всяческих знавали...
 Чтoб рыбки наловить, пока мутна вода,
 Тренали языком они и убивали;
 «Ура» и «караул» сливались иногда,
 И шлюхи в бантиках пунцовых щеголяли,
 И «рыцарь вольности», «защитник вечных прав»,
 Страну распродавал, свой идеал поправ.

Я был полуслепым в те годы, но по мере
 Того как прозревал — я многое узнал:
 И ветер гнул людей, и кое-кто в партере
 При виде клоуна ладоши отбивал,
 И краснобай-делец, остря и лицемеря,
 Святыню опoшлял, и старый либерал
 Себе доказывал, наивностью богатый,
 Чтo, дескать, лошади отнюдь не виноваты

А тот, кто сеял, жал и уголь добывал,
 Отстраивал мосты через моря и бездны,
 Кто до сих пор одним лишь правом обладал —
 Смерть в плату получать за труд
многoполезный, —
 Тот голову тогда всё выше подымал,
 Хоть путь лежал пред ним холодный и железный,
 Хоть шел он, падая среди крутых громад,
 Но ленинский гудел в его ушах набат.

В тропинках путаных я жизни видел поле,
 Я видел множество путей-дорог кругом.
 Мой путь меня привел однажды к ветхой школе:
 Я, сидя за столом, а этот стол был хром,
 Смотрел, как Петрики, Маруси, Грици, Оли
 Глядят во все глаза на карту над столом,
 Все посетив моря и заодно приметя,
 Какие звери есть забавные на свете.

В года позднейшие учеников моих
 Случалось мне встречать — окрепших, загорелых:
 Одних на тракторах, за книгами других,
 Одних в родном селе, других в иных пределах.
 Я семена добра старался множить в них
 И счастлив потому. Теперь они меж смелых
 И славных воинов страны своей родной
 Собою жертвуют для матери святой.

Привет вам, Петрики, Маруси, Оли, Грици.
 По отчеству давно вас величать пора
 И полным именем, а детским не годится:
 У вас уж и самих, быть может, детвора,
 И воду знаний пьет из общей нам криницы,
 А очень может быть, сегодня иль вчера
 Солдатами уже ребята стали эти. . .
 Но как поверит мать, что дети — уж не дети!

Земля кругла, и нет ей потому конца,
 Но не по кругу мы ведем свое движенье.
 Похожи часто мы на бедного пловца:
 На берег выбраться одно его стремленье,
 Чтоб там. . . Но лучше я от своего лица
 Вас в клуню приглашу, в Денисовы владенья.
 Где яблоньки его (немного их) стоят
 И называются весьма солидно — сад.

Лет пять тому назад, еще перед войною,
 Свое родимое я посетил село.
 И наше общество не очень молодое
 В той клуне дружеской беседу завело.
 Там были — брат Богдан, согнувшийся дугою
 (Но взор его живой еще горел светло),
 Я — жизнью трепанный, еще Иван Клемацкий.
 Денис же возглавлял симпозион рыбацкий.

Иван Данилович Клемацкий был рожден
 Для мирных заводов, протоков и затонов.
 Стреляя кроншнепов и уток тех сторон,
 Владетельный их князь, хранитель их законов,
 Здесь в одиночестве спокойно плавал он,
 Служил же вообще проводником вагонов
 (Железные пути манили романчан),
 Но только на воде — как дома был Иван.

Воспоминаниям мы встречу посвятили,
 Явления ж и слова на свой обычный лад,
 Однако новою, не прежней, жизнью жили:
 Конюшни знатные, обширнее палат,
 В полуготическом колхоз построил стиле,
 До леса дальнего тянулся юный сад,
 А сын Денисов — Петр — ходил в костюме новом
 И бригадиром был колхозным образцовым.

Клемацкий — музыкант, удильщик и стрелок —
 Впал сразу в лирику: «Мы долго не протянем. . .
 Где Родион? Где Гриць? Уж он отпел свой срок.
 Где Рыльский наш Иван? . . И мы землю станем,
 И вырастет из нас — крапива-лопушок. . .»
 Денис не выдержал: «А ну, Фадеич, грянем!» —
 Мы песню грянули, и песня та была
 Такой, что смолкли все во ржи перепела.

Денисиха на нас смотрела и крепилась,
 И — ну подтягивать и сыну помогать!
 Запела детвора (вся бражка взгромоздилась
 На новенький плетень — он продолжал стоять,
 Ограда ж прежняя от ветерка валилась),
 Запели яблоньки, — в саду их было пять.
 Одно вступало в хор, другое лишь внимало. . .
 Но было песне той земли и неба мало.

Нет старости для нас, и смерть нам не страшна!
 Я Заньковецкую Марию вспоминаю.
 Раз «Черноморцы» шли. Легко вела она
 Лукавый танец свой. . . Как описать — не знаю —
 Всю грацию ее? Казалось, лишь одна
 В подлунном мире есть такая молодая;
 Казалось, ни один волшебник-чародей
 Вовеки не создаст таких вторых очей.

Я трепетал, во мне все чувства ликовали.
 Я в новый мир вступал, казался дивным он
 Мальцу наивному, но что творилось в зале
 Среди ценителей! Партер был весь влюблен!
 Но кончился спектакль, и чудеса увяли,
 Я к выходу спешу и вижу: с двух сторон
 Две девушки ведут старуху. . . «Кто такая?»
 — «Кто? Заньковецкая!» — ответ я получаю.

А Саксаганский наш! А наш Садовский! Вот
 Два славных колдуна, премудрых в самом деле,
 А обучали их лишь степи да народ.
 Как на глазах они пред всеми молодели,
 Как убедительно годов меняли счет
 Без Мефистофеля и прочей канители —
 Магических кругов и хитрых пентаграмм, —
 И позавидовать им мог бы Фауст сам!

Как погляжу с горы на мир перед собою, —
 Есть и цветы у нас, и много есть тепла!
 Но я хочу, чтоб жизнь была теплее вдвое,
 Хочу, чтобы цветам не знали мы числа.
 Пусть время трудное даровано судьбою
 И рана ни одна в душе не зажила,
 Пусть друг обманывал и стал немилым милый, —
 Для дружбы и борьбы во мне найдутся силы.

В годину тяжкую рассказ я начал свой
 Для самого себя (в том старость виновата:
 Состарясь, мы грустим о юности былой);
 Для сына мой рассказ, для нашего солдата...
 И вот опять земля святая предо мной,
 В которой мирно спят моих родных два брата
 И милый мой Денис... И в неба вышине
 Звезда победная сияет вам и мне.

Благословенна будь, родная, всеблагая!
 Благодарю тебя за жар в душе моей!
 Священные поля, где я бывал, блуждая,
 Которые топтать решался лиходея, —
 Я снова вижу вас, всем сердцем присягая,
 Всей силой рук моих, моей надеждой всей,
 Что молодость свою (я никому в угоду
 Ее не расточал) я передам народу!

Народ! Рожден тобой добра великий друг —
 Сковорода, и сам Шевченко неумный,
 И дядя мой Кузьма, и милый Каленюк,
 И смелый воин наш — прославленный, но
 скромный,
 И тот, кто воскресит поля, луга вокруг,
 И тот, кто жизнь вернет вам, рудники и домны...
 Так разрывай туман, сияй, как солнце, нам!
 Мой честный дар кладу к твоим святым стопам.

1941—1944—1956—1960
Уфа — Москва — Киев

ПРИМЕЧАНИЯ

Максиму Рыльскому принадлежит весьма обширное стихотворное наследие. На украинском языке, начиная с первого сборника стихотворений «На білих островах» (1910) и кончая десятитомным собранием сочинений («Твори», 1960—1962) и посмертным сборником «Іскри огню великого» (1965), издано около ста книг стихотворений, поэм и литературно-критических, публицистических трудов писателя. Среди них — свыше пятидесяти сборников лирики и поэм, составлявшихся исключительно из новых произведений. Трижды издавались трехтомные собрания стихов, статей и переводов Рыльского (1946—1949, 1955, 1956), а также большое количество других книг избранных сочинений. Внушительную часть литературного наследия поэта занимают переводы с французского, польского, русского и других языков.

Произведения поэта в переводах на русский язык издавались неоднократно. После книги «Избранные стихи», под редакцией И. Поступальского, с предисловием А. Белецкого (Москва, 1935), до настоящего времени вышло тридцать отдельных сборников, а также одно двухтомное («Избранные произведения в 2-х томах, под редакцией Н. Брауна и А. Прокофьева, М., 1957) и одно четырехтомное («Сочинения в 4-х томах, под общей редакцией Н. Тихонова и Б. Турганова, М., 1962—1963) собрания сочинений.

Настоящее — одно из наиболее полных собраний избранных стихотворений Рыльского на русском языке. Переводы для него выполнены по самым точным текстам, главным образом — по украинскому десятитомному собранию сочинений, выразившему последнюю волю автора. Все переводы для этой книги вновь просмотрены и исправлены. Ряд стихотворений Рыльского здесь впервые печатается на русском языке.

В итоговом собрании сочинений («Твори», тт. 1—10) поэт в хронологическом порядке расположил свои лирические произведения, сгруппировав их в трех разделах, соответствующих, как он полагал, трем периодам его литературной деятельности. Настоящее издание сохраняет авторскую композицию и в значительной мере повторяет состав разделов, сформированных самим Рыльским на основе ниже-следующих сборников его стихотворений.

Первый раздел (1910—1932) составили стихи из книг: «На білих островах» («На белых островах», 1910), «Під осінніми зорями» («Под

осенними звездами», 1918)¹, «Синя далечінь» («Синяя даль», 1922), «Тринадцата весна» («Тринадцатая весна», 1926), «Крізь бурю і сніг» («Сквозь бурю и снег», 1925), «Де сходяться дороги» («Где сходятся дороги», 1929), «Гомін і відгомін» («Звук и отзвук», 1929), «Знак Терезів» («Знак Весов», 1932), а также ранние стихи, не входившие в книги.

Материалом для второго раздела (1933—1947) послужили сборники: «Київ» («Киев», 1935), «Літо» («Лето», 1936), «Україна» («Украина», 1938), «Збір винограду» («Сбор винограда», 1940), «Велика година» («Великий час», 1943), «Неопалима купина» («Неопалимая купина», 1944), «Вірність» («Верность», 1946), «Чаша дружби» («Чаша дружбы», 1946), часть стихотворений из сборника «Мости» («Мосты», 1948), а также отдельные стихотворения, не входившие в сборники и частично опубликованные в посмертной книге «Іскри огню великого» («Искры огня великого», 1965).

В третий раздел (1948—1964) вошли стихи из сборников: «Мости» («Мосты», 1948), «Братерство» («Братство», 1950), «Весняна пісня» («Весенняя песня», 1952), «Наша сила» («Наша сила», 1952), «300 літ» («300 лет», 1954), «Сад над морем» («Сад над морем», 1955), «Троянди й виноград» («Розы и виноград», 1957), «Далекі небосклиди» («Далекие небосклоны», 1959), «Згряя веселиків» («Стая журавлей», 1961), «В затінку жайворонка» («В тени жаворонка», 1961), «Зимові записи» («Зимние записи», 1964), из посмертного сборника «Іскри огню великого» («Искры огня великого», 1965) и некоторые произведения, не входившие в отдельные издания.

Циклы, приведенные не полностью, в настоящем собрании имеют единообразные редакторские указания в заглавиях, например: «Из цикла „Золотые ворота“», «Из цикла „Щедрость“» и т. д. Исключением является цикл «Из охотничьей сюиты», опубликованный в данном составе и под данным заглавием самим Рыльским.

Даты большинства произведений указаны автором. В них в отдельных случаях внесены необходимые уточнения. Однако немалые трудности представляет датировка разных стихотворений поэта, в особенности тех, которые были напечатаны в сборниках 10—20-х годов. «Готюва к печати второе издание моего сборника «Под осенними звездами», который охватывал годы 1911—1918 и который в 1918 классически плохо напечатало издательство «Грунт», я, — писал Рыльский в предисловии к этому изданию, — взял оттуда лишь часть материала, да и то кое-где должен был дать поправки. Кроме того, ввел я в свою книжку определенное количество еще не представших вещей; написание их относится к 1918—1922 (а также одно стихотворенье еще 1924 г.). . . Деление материала на «циклы» я отбросил, размещая, однако, стихи в определенном психологическом порядке. Максим Рыльский. 29 марта 1924 г. Киев.»²

¹ Книга «Під осінніми зорями» была переиздана в 1926 г. под тем же заглавием, причем из 156 стихотворений в новое издание вошло меньше половины, но были включены новые стихи, написанные уже после Октябрьской революции.

² Заметим, что второе издание, помеченное 1926 г., фактически вышло в конце 1925 г. Тогда книги, выходившие в конце года, обычно помечались следующим годом. У автора примечаний имеется экземпляр книги с пометой владельца: «5. I. 1926».

Таким образом, группа новых стихотворений, введенных во второе издание сборника «Под осенними звездами», имеет суммарную дату: 1918—1922. Что же касается произведений первого издания этого сборника (1918), то о большей части их известно лишь то, что написаны они не позднее 1918 г. Почти та же неопределенность и в сборниках «Сквозь бурю и снег» (1925) и «Тринадцатая весна» (1926). Оба вышли почти одновременно, но, помеченная 1925 г., книга «Сквозь бурю и снег» должна стоять после «Тринадцатой весны», куда вошли более ранние произведения.¹ Отсутствие авторских дат во многих стихотворениях из этих сборников вынуждает датировать их условно — годом первой публикации (все подобные даты под текстом произведений заключены в угловые скобки). При этом необходимо учитывать, что в 20-е годы темпы типографского производства были весьма замедленными, поэтому между временем выхода книги в свет и датой поступления ее рукописи в издательство образовывались затяжные паузы.

В настоящем сборнике уточнение дат впервые произведено по первым публикациям в периодической печати. Однако работа эта не может считаться завершенной. Все эпитафии к произведениям Рыльского публикуются на том языке, на котором они приведены самим поэтом. Переводы этих эпитафий даются в подстрочных примечаниях, причем переводы с украинского особо не оговариваются.

Комментарии имеют однотипную структуру. После порядкового номера приводится название оригинала на украинском языке, затем — в нужных случаях — дается реальный комментарий. Некоторые данные для него почерпнуты из примечаний Б. А. Турганова к «Сочинениям» Рыльского (тт. 1—4, М., 1962—1963).

СТИХОТВОРЕНИЯ

1910 — 1932

1. Перевод стих. «Як вечір рожевий на землю злетить...».
2. Перевод стих. «Люблю похмурі дні, коли кризь сизі хмари...».
3. Перевод стих. «Журавлина пісня».
4. Перевод стих. «Пісня» («Вийся, жайворонку, вийся...»). *Лысенко* Николай Витальевич (1842—1912) — украинский композитор, друг отца поэта; в семье Лысенко юноша Рыльский жил во время учения в киевской гимназии.
5. Перевод стих. «Шлях».
6. Перевод стих. «Гей, удармо в струни, браття...».

---

¹ Само название книги отражает именно это обстоятельство: книга писалась в основном в 1923 году, тринадцатом с начала творческой деятельности поэта (первая книга вышла в 1910).

7. Перевод стих. «На білу гречку впали роси. . .».

8. Перевод стих. «Як Одисей, натомлений блуканням. . .». Стихотворение связано с мотивами «Одиссея» Гомера, в частности песен 6—8. *Навсикая* — дочь феакского царя Алкиноя, обнаружившая Одиссея на морском берегу, куда он был выброшен после кораблекрушения; добросердечие и таланты Навсикаи восхитили Одиссея, ставшего желанным гостем Алкиноя.

9. Перевод стих. «Яблука доспіли, яблука червоні. . .».

10. Перевод стих. «Проса покошено. Спустило тихе поле. . .».

11. Перевод стих. «Єсть ім'я жіноче, м'ягке та ясне. . .».

12. Перевод стих. «На дворі дощ, холодний вітер віє. . .».

13. Перевод стих. «Наша зустріч єдина була. . .».

14. Перевод стих. «Од голосу пащить і віє. . .». *Рыльский Богдан Фаддеевич* (1882—1939) — брат поэта, второй сын Ф. Р. Рыльского.

15. Перевод стих. «Червоне вино». *Проходять дні, проходить лето* — стих из поэмы Т. Г. Шевченко «Гайдамаки» (1840).

16. Перевод стих. «Коли усе в тумані життєвому. . .».

17. Перевод стих. «Вже червоніють помідори. . .».

18. Перевод стих. «Сніг падав безшелесно й рівно. . .».

19. Перевод стих. «Весною ми їздили в поле. . .». *Рыльский Иван Фаддеевич* (1880—1933) — старший брат поэта; известен как переводчик, главным образом с французского и польского.

20. Перевод стих. «Поле чорніє. Проходять хмари. . .».

21. Перевод стих. «Цвітуть бузки, садок біліє. . .».

22. Перевод стих. «Молюсь і вірю. Вітер грає. . .».

23. Перевод стих. «Спинилось літо на порозі. . .».

24. Перевод стих. «Дрімає дім старий. . . Кругом гаряче літо. . .».

25. Перевод стих. «Дощ одшумів. Блакить ясніє. . .».

26. Перевод стих. «Не ясноокий образ Беатриче. . .». *Беатриче* — возлюбленная Данте, воспетая им в книге стихов «Новая жизнь» (1291—1292), связанных прозаическим рассказом.

27. Перевод стих. «Мені снилось: я мельник в старому млині. . .».

28. Перевод стих. «Чи пам'ятаєш? Ми вертали з полювання. . .».

29. Перевод стих. «Коли в грудях моїх тривога. . .».

30. Перевод стих. «Джемма». Навеяно повестью И. С. Тургенева «Вешние воды» (1871). *Санин продает оршад*. Имеется в виду эпизод из повести, когда Санин по просьбе Джеммы заменил ее у прилавка кондитерской и стал продавать оршад (прохладительный напиток — миндальное молоко с сахаром).

31. Перевод стих. «Білі цуцики гуляють на солоні. . .». *Романовка* — родное село поэта в бывшем Сквирском уезде Киевской губернии (ныне — Попельнянского района Житомирской области).

32. Перевод стих. «Люби природу не як символ. . .».

33. Перевод стих. «Пером огненным вічність пише. . .».

34. Перевод стих. «На порозі гість веселий. . .».

35. Перевод стих. «Солодкий світ! Простор блакитно-білий. . .».

36. Перевод стих. «Плещуть на вогкому березі води. . .». Это и ряд других произведений Рыльского (см. №№ 8, 49) передают настроения современного человека сквозь призму гомеровского эпического стиля. *Лотофаги* (греч. миф.) — сказочный народ, питавшийся лотосом и будто бы обитавший в Ливии. В «Одиссее» Гомера рассказывается о том, что человек, вкусивший лотоса, забывает свое прошлое. *Циклопы* (греч. миф.) — одноглазые гиганты; один из них — персонаж «Одиссеи». *Зевсовы очи, глядящие в очи Европы*. Имеется в виду древнегреческий миф о похищении Зевсом полюбившейся ему дочери финикийского царя Европы, которой всемогущий бог явился в виде быка.

37. Перевод стих. «Я знов на драбничастім возі. . .».

38. Перевод стих. «Рибальське посланіє». *Брату Івану* — см. примеч. 19. *Феокрит* — древнегреческий поэт III в. до н. э. *Овидий Назон* (43 до н. э. — 18 н. э.) — римский поэт. *Елисейские поля* (греч. миф.) — загробный мир, та его часть, где пребывают души блаженных и праведников. *Аксаков С. Т.* (1791—1859) — писатель; значительную часть его литературного наследия составляют книги об охоте и ужении рыбы. *На озере, где Пушкин отдыхал* и т. д. Имеется в виду либо стихотворение Пушкина «Городок» (строки: «Люблю с моим Мароном Под ясным небосклоном Близ озера сидеть», где упоминается Царскосельское озеро), либо лирическое отступление в четвертой главе «Евгения Онегина», где Пушкин признавался: «Тоской и рифмами томим, Бродя над озером моим, Пугаю стадо диких уток». Здесь подразумевалось озеро Кучане (Петровское) в усадьбе Михайловское. *Вергилий Марон* (70—19 до н. э.) — римский поэт, автор «Энеиды». *Варенуха* — водка, сваренная на меду, с плодами и пряностями. *Денис Каленюк* — односельчанин поэта, неоднократно упо-

минаемый в его стихотворениях и в «Автобиографии» (см. с. 40—41). *Богдан* — брат поэта, см. примеч. 14. *Бодлер* Ш. (1821—1867) и *Маллармэ* С. (1842—1898) — французские поэты. *Черкасов*, *Плетенев*, *Сибилев* — авторы книг о рыбной ловле. *Корнин* — поселок городского типа Попельнянского района Житомирской области. *Костюковка* — село того же района.

39. Перевод стих. «Прийшла! Таки прийшла нарешті. . .».

40—42. Перевод цикла «Синя далечинь» (стих. «На світі є співучий Лангедок. . .», «Хай хоч вві сні венецькі води. . .», «Старі будинки ажурові. . .»). 1. *Лангедок* — одна из южных провинций Франции. *Гамен* — парижский мальчишка, беспризорник, сорванец. *Доде* А. (1840—1897) — французский писатель, автор юмористических романов («Тартарен из Тараскона», «Тартарен в Альпах», «Порт Тараскон», 1872—1890), главный герой которых охотник *Тартарен* — неутомимый искатель приключений, простодушный хвостун и враль. 2. *И голуби святого Марка*. Имеется в виду собор св. Марка в Венеции, памятник архитектуры X—XI вв. 3. *Рембо* Ж.-А. (1854—1891) — французский поэт. *Рабле* Ф. (1483 или 1484—1553) — французский писатель, автор сатирического романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». *Версаль* — дворец в предместье Парижа, бывшая резиденция французских королей.

43. Перевод стих. «Гейне». Традиционную трагикомическую маску Арлекина Рыльский здесь соотносит с обликом немецкого поэта, отмечая в нем сочетание внешней веселости, язвительной насмешливости и затаенной душевной скорби.

44. Перевод стих. «Шекспір».

45. Перевод стих. «На улицах вода синіє. . .». *Миша Алексеев* — Алексеев М. П. (р. 1896), литературовед, академик, друг Рыльского, соученик по гимназии; *Марлинский* — псевдоним А. А. Бестужева (1797—1837), писателя-декабриста, автора романтических повестей.

46. Перевод стих. «Катеринка на улиці грає. . .». *Катеринка* — шарманка.

47. Перевод стих. «Тристан коня сідлає. . .». *Тристан* и *Изольда* — персонажи средневекового французского «Романа о Тристане и Изольде». Стилизованный пересказ этого произведения — «Роман про Тристана и Изольду» Ж. Бедье — Рыльский перевел на украинский язык (изд. 1928 и 1957 гг.).

48. Перевод стих. «Нашу шлюбну постелю вквітчали троянди. . .». *Киприда* (греч. миф.) — одно из имен Афродиты.

49. Перевод стих. «Грім одgrimів, і солодкою млюстю спокою. . .». *Иванов Вячеслав* Иванович (1866—1949) — русский поэт, творчество которого в значительной мере было ориентировано на античное худо-

жественное наследие. *Пан* (греч. миф.) — бог лесов и рощ, нередко изображался покрытым волосами, с рогами, козлиными копытами, бородой и со свирелью в руках, в сопровождении пляшущих нимф. *Дионис* (греч. миф.) — бог растительности, вина и виноделия. Вяч. Иванов в своих стихах пытался воссоздать эллинский культ Диониса. *Зевсова дочь* — Елена, дочь Зевса и Леды, из-за которой возникла Троянская война, описанная в «Илиаде» Гомера. *Илион* — Троя.

50. Перевод стих. «Ключ у дверях задзвенів. Самота працьовита. . .».

51. Перевод стих. «Скільки літ не пройде — все на скелі сидітиме. . .». Вариация на мотив стихотворения Г. Гейне «Ich weiß nicht, was soll es bedeuten. . .», созданного на основе немецкой народной легенды; согласно ей, на одной из прибрежных скал Рейна появлялась русалка Лорелея, очаровывавшая рыбаков и заманивавшая их в водную пучину. *Гребнем златым нас прельщать*. В стихотворении Г. Гейне Лорелея изображена сидящей на скале и расчесывающей волосы золотым гребнем.

52. Перевод стих. «Мороз! Ти — душа парнасского митця. . .». *Мороз! Ты — как душа парнасского певца*. Выражение «парнасский певец», видимо, намекает на литературную позицию молодого Рыльского, разделявшего художественные искания украинских «неоклассиков», которые ориентировались на традиции так называемых «парнасцев» — группы французских поэтов второй половины XIX в. (Леконт де Лиль, Т. Готье, Ж.-М. Эредиа и др.). «Парнасцы» выдвигали на первый план самодовлеющую роль художественной формы, т. е. чисто структурных элементов; органом этой группы был альманах «Современный Парнас» (1866, 1871, 1876).

53. Перевод стих. «Дитинство». *Ниагара* — река в Сев. Америке, на границе США и Канады. *Ясько* — Ян Ольшевский, друг детства поэта, о котором Рыльский рассказывает в поэме «Путешествие в молодость» и в «Автобиографии» (см. с. 36). *Томагаук* (томагавк) — орудие североамериканских индейцев: топор с длинной ручкой. *Бровки* — село Попельнянского района Житомирской области, соседнее с Романовкой, родиной Рыльского.

54. Перевод стих. «Буває день, в запоні попелястій. . .». *Цуг* — упряжка в четыре или шесть лошадей попарно. *Ахилл* (греч. миф.) — герой Троянской войны, описанной в «Илиаде» Гомера; часто изображался на колеснице, влекущей тело убитого им троянца Гектора.

55. Перевод стих. «Я молодий і чистий. . .».

56. Перевод стих. «Осінь ходить, яблука золотить. . .».

57. Перевод стих. «Покину нудні сигнатурки в аптеці. . .».

58. Перевод стих. «Прочитавши Містралеві спогади». *Мистраль* Ф. (1830—1914) — французский поэт, писавший на провансальском

диалекте. В его «Воспоминаниях» прекрасно переданы быт, обычаи, народные предания Прованса — одной из южных провинций Франции. Слово «мистраль» означает также северо-западный ветер, дующий на юге Франции. В своем стихотворении Рыльский использует некоторые детали из книги Мистралья (см.: Фредерік Містраль, Спогади й оповідання. Переклала Ганна Чикаленко, Українська накладня, Київ — Ляйпціг, без года). *Трубадуры* — странствующие провансальские поэты-певцы XI—XIII вв., воспевавшие преимущественно любовь и рыцарские доблести. *Арль* — город, центр Прованса. *Фарандола* — провансальский народный танец. *Где ходит Небесный Пастух, Где светятся Три Короля* и т. д. Здесь пересказ разговора Мистралья (в его книге) с Мудрым Жаком, где упоминаются созвездия Арктур (Небесный Пастух), Орион (Три Короля) и др. *Фелибры* — участники литературного движения в Провансе, стремившиеся возродить древнюю национальную культуру этой провинции и писавшие на провансальском диалекте. Под «семью фелибрами» здесь, судя по книге Мистралья, подразумеваются семь провансальских поэтов: П. Жьера, Руманиль, Обанель, Матье, Бруне, Таван и сам Мистраль.

59. Перевод стих. «У теплі дні збирання винограду. . .». *Киприда* — см. примеч. 48.

60. Перевод стих. «Війнулася фіранка на вікні. . .». *Фауст и Мефистофель* — герои драматической поэмы И.-В. Гете «Фауст» (1773—1831).

61. Перевод стих. «Коріння дуб розкинув узлувате. . .». *Айвенго* — герой одноименного исторического романа Вальтера Скотта (1820), великодушный и отважный рыцарь.

62. Перевод стих. «Поете! Будь собі суддею. . .».

63. Перевод стих. «Умерли всі, а за одним найтяжче. . .».

64. Перевод стих. «У горах, серед каменю й снігів. . .». *Манфред* — герой одноименной поэмы Дж. Байрона (1817), могучая и мятежная личность, уединившаяся от людей среди неприступных горных вершин.

65. Перевод стих. «В суботу грає море, і дельфіни. . .». *Чумаки* — люди, занимавшиеся извозом, торговавшие солью, рыбой, зерном на Украине в XVII — начале XIX в.

66. Перевод стих. «Ні, ні, прийдешнє — не казарма. . .».

67. Перевод стих. «Вночі в нетопленій хатині. . .».

68. Перевод стих. «Я не можу тебе забуть. . .». *Фастовский вокзал*. Фастов — городок и узловая железнодорожная станция в 60-ти километрах от Киева. *Азалия* — дикорастущие и декоративные цветы семейства вересковых.

69—72. Перевод цикла «Папуга» (стих. «Де клюють голуби рожеві...», «Огнем рожевим і блакитним...», «Хамсин приносить море пилу...», «Розгойдався вітер синій...»). 3. *Хамсин* — сухой ветер в Африке. *Феллахи* — крестьяне-земледельцы в странах Аравийского полуострова и Северной Африки.

73. Перевод стих. «У пушах, де лише сліди звірині...». *Эриннии* (греч. миф.) — богини мщения.

74. Перевод стих. «Ганнуся». *Домовик* — домовой.

75. Перевод стих. «Лягла зима. Завіяло дороги...». *Пифагор* (ок. 580—500 до н. э.) — древнегреческий математик и философ. *Микула* — герой былин, пахарь-богатырь.

76. Перевод стих. «Збирають світлі, золоті меди...».

77. Перевод стих. «Слід копитів занесло сивим димом...».

78. Перевод стих. «Шумить, і шепче, і тривожить...».

79. Перевод стих. «Як мисливець обережний...». *Фемида* (греч. миф.) — богиня правосудия, вещая предсказательница; изображалась с весами в руках и с повязкой на глазах.

80. Перевод стих. «Ловці». *Кентавры* (греч. миф.) — полулюди-полулошади; мифы приписывали кентаврам пристрастие к вину и свирепые, разнузданные нравы. *Штуцер* — старинное нарезное охотничье ружье.

81. Перевод стих. «Дош».

82. Перевод стих. «Тріпоче сокір, сріблом потемнілим...».

83. Перевод стих. «В буденщині процвілій і прокислій...».

84. Перевод стих. «Запахла осінь в'ялим тютюном...».

85. Перевод стих. «Докурюйте сигари, допивайте...».

86. Перевод стих. «Вона ішла по місту в час облоги...». В основе стихотворения — древнегреческий миф о возникновении Троянской войны. Сын Приама, царя Трои, Парис похитил жену греческого царя Менелая прекрасную Елену, из-за которой и началась война.

87. Перевод стих. «Анхізів син, вклонившися богині...». *Анхизов сын* — Эней (греч. и римск. миф.), сын Анхиза и Афродиты, согласно мифу рожденной из морской пены. *Троянские качались корабли*. Речь идет о странствиях Энея после захвата и разрушения Трои.

88. Перевод стих. «Троє в одному човні (не рахуючи собаки)». Написано по мотивам повести английского писателя-юмориста Джерома К. Джерома (1859—1927) «Трое в одной лодке (не считая

собаки)». *Монморанси* — кличка фокстерьера, описанного в повести К. Джерома.

89. Перевод стих. «На мосту, над темною водою. . .».

90. Перевод стих. «Коли полинуть бригантини. . .». *Бригантина* — небольшое парусное судно, распространенное в Средиземноморье.

91. Перевод стих. «Китаїв». *Китаев* — Китаев монастырь под Киевом. *Сельный крин*. Крин — дикорастущая, полевая («сельная») лилия. *Евстафий Плакида* — христианский святой, великомученик. *Первозванный* — прозвище апостола Андрея, который будто бы проповедовал учение Христа в местах, где возникла Киевская Русь. В честь Андрея в Киеве был поставлен крест, а впоследствии воздвигнута церковь, названная Андреевской. *Сковорода Г. С.* (1722—1794) — украинский философ и поэт, бывавший в Китаеве монастыре; многие годы жизни Сковороды прошли в странствиях.

92. Перевод стих. «Я натовився од екзотики. . .».

93. Перевод стих. «Пам'яті дядька мого Кузьми Чуприни». *Кузьма Чуприна* (ум. 1925) — родной дядя поэта (со стороны матери), см. «Автобиографию», с. 33.

94. Перевод стих. «Фальстаф». *Фальстаф* — персонаж пьес Шекспира «Генрих IV» и «Виндзорские насмешницы», добродушный весельчак, пьяница и обжора. *Когда Уэльский принц взошел на отчий трон*. Имеется в виду драма «Генрих IV», во второй части которой изображается восшествие на престол сына Генриха IV — Уэльского принца Генриха. Став королем, он отрекся от Фальстафа, с которым общался в молодости.

95. Перевод стих. «Труди і дні».

96. Перевод стих. «Опівдні».

97. Перевод стих. «Свіжа зелень разгойдалася. . .».

98. Перевод стих. «Піднялися крила. . .».

99. Перевод стих. «По теплому дощі вгрузають босі ноги. . .».

100. Перевод стих. «Коли дзвенять черешні. . .».

101. Перевод стих. «Студений вітер б'є в холодні вікна. . .».

102—105. Перевод цикла «Адоніс і Афродіта» (стих. «Сажотрус за всіх найбрудніший. . .», «Хвала жонглерам і артистам. . .», «Штанами кльош підкреслюючи стиль. . .», «Число обчисливши звірине. . .»). Содержание цикла связано с популярным античным мифом, рассказывающим о прекрасном юноше Адонисе и любви к нему Венеры (Афродиты). Периодические возвращения Адониса на землю из подземного царства мертвых символизируют вечное увядание и вечное

возрождение творящих сил природы. *Романтики соломенские в клешах!* Соломенка — западное предместье Киева, теперь вошедшее в черту города; клеши — здесь: брюки с расширенными книзу штанинами.

106. Перевод стих. «Як ліс, як щогли сміливих флотилій. . .».

107. Перевод стих. «І знов «Тадеуша» я розгорнув. . .». «*Тадеуш*» — поэма А. Мицкевича «Пан Тадеуш» (1834), которую Рыльский переводил в 1925—1927 гг. Первое издание его перевода вышло в 1927 г. В стихотворении — отзвуки эпизодов и образов «Пана Тадеуша».

108. Перевод стих. «Осінній холодок над спраглою землею. . .». *Амальтея* (греч. миф.) — коза, вспоившая своим молоком Зевса и взятая им на небо. Рог Амальтеи имел чудодейственное свойство производить все то, чего желал его обладатель; отсюда выражение: «рог изобилия».

109. Перевод стих. «Ластівки літають, бо літається. . .». *Батыева гора* — возвышенность в Киеве, с которой монгольский хан Батый руководил осадой города в декабре 1240 г.

110. Перевод стих. «Більше перцю в слово, більше перцю! . .». *Гораций* (65—8 до н. э.) и *Проперций* (ок. 49 — ок. 15 до н. э.) — римские поэты.

111. Перевод стих. «Перед весною». *В клубе Английском*. Английский клуб — один из старейших и наиболее популярных клубов в России, членами которого, как правило, могли быть либо именитые, либо состоятельные граждане; традиционной чертой клубных нравов был культ острословия. *Реомюр* — градусник Р.-А. Реомюра (1683—1757), французского ученого, изобретателя термометра, применявшегося наряду с градусниками Цельсия и Фаренгейта.

112. Перевод стих. «Хвости в дорогу коням підв'язати. . .». *Бондаривна* — героиня украинской народной песни и драмы Карпенко-Карого (И. Тобилевича) «Бондаривна» (1884). *Пан Канёвский* — персонаж пьесы Карпенко-Карого, помещик, похитивший Бондаривну. *Казак Тарас* — другой персонаж этого произведения, запорожец, влюбленный в Бондаривну.

113—115. Перевод цикла «День» («Дощатий тин, болото рудува-те. . .», «Базар і голуби. Картина давня. . .», «Набігла хмарка, хмарка перебігла. . .»). *Лыбедь* — река в Киеве, названная, как гласит предание, именем Лыбеди — сестры Кия, Щека и Хорива, основателей древнерусской столицы. *Когда-то пел на радость Ярославне!* Имеется в виду эпизод из «Слова о полку Игореве» — мольба Ярославны, обращенная к ветру.

116. Перевод стих. «Вечір на провесні». *Маргарита* — героиня драматической поэмы И.-В. Гете «Фауст».

117. Перевод стих. «Сатирику». *Иеремия* — біблейський пророк, суворо обличавший своїх соотечественников за гріхи і порочні звички.

118. Перевод стих. «Щодня в повітря наше заліта. . .».

119. Перевод стих. «Коли, втікаючи від пильної роботи. . .». *Аспазія* — здесь: нарицательное имя распутной женщины; историческая Аспазія (р. ок. 470 до н. э.) — подруга афинского законодателя Перикла, покровительница искусств.

120. Перевод стих. «Суворох слів, холодних і шорстких. . .».

121. Перевод стих. «Літо і весна». *Родион* Очкур — крестянин села Романовка, друг старших братів поета; неоднократно упоминается в произведениях Рыльского, а также в «Автобиографии» (см. с. 41).

122. Перевод стих. «Я пам'ятник собі поставив нетривалий. . .». Своеобразный перифраз пушкинского стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный. . .» с заменой утвердительных суждений на отрицательные.

123. Перевод стих. «Не надивився, ні я на сади рожеві. . .».

124. Перевод стих. «Цілий день не втихала робота. . .».

125. Перевод стих. «Пробіг автомобіль, і синя хмарка диму. . .».

126. Перевод стих. «Епоху, де б душею відпочить. . .».

127. Перевод стих. «Біжать отари, коні ржуть, реве. . .».

128. Перевод стих. «Із абетки».

129. Перевод стих. «Не пробуй з ковалем у кузні розмовлять. . .». Посвящено отцу украинского поэта Ивана Франко (1856—1916); образ кузнеца Якова проходит через многие стихотворения и рассказы И. Франко.

130. Перевод стих. «Волохатий, фіолетовий. . .». *Деструктор* — разрушитель.

131. Перевод стих. «Всім пахощам Аравії не змити. . .».

132. Перевод стих. «Новий хліб».

133. Перевод стих. «Взбрід». *Еще малыш — с отцом по лесу*. Отец поэта — Фаддей Розеславович Рыльский (1841—1902), этнограф и фольклорист.

134. Перевод стих. «Подвійна лірика». *Олесь* — псевдоним украинского поэта А. И. Кандыбы (1878—1944).

135. Перевод стих. «Хто храми для богів, багатіям чертоги. . .».
136. Перевод стих. «Поет». *Агамемнон* (греч. миф.) — аргосский царь, предводитель греков в Троянской войне, герой «Илиады» Гомера. *Елена* — см. примеч. 49 и 86.
137. Перевод стих. «Коні».
138. Перевод стих. «То хмарка набіжить, і бризне дощ краплистий. . .».
139. Перевод стих. «Шумлять за вікном дерева. . .».
140. Перевод стих. «Вода й повітря, блискавка і грім. . .».
141. Перевод стих. «Знак Терезів — доби нової знак. . .». *Весы* — одно из созвездий Зодиака; *Зодиак* — двенадцать созвездий, в пределах которых проходит видимое годовичное движение Солнца. *Скрижали* — здесь: заповеди, священные правила.
142. Перевод стих. «Нагострили сокири дзвінки ми. . .».
143. Перевод стих. «Любов поранить і обманить. . .».
144. Перевод стих. «Над копицями струнками. . .».
145. Перевод стих. «Волосинкою золоченою. . .».
146. Перевод стих. «Серце, серце! Талий сніг! . .».
147. Перевод стих. «Прометей». *Прометей* (греч. миф.) — титан, похитивший для блага людей огонь с неба, за что был наказан Зевсом, приковавшим его к скале, где коршун терзал тело Прометея; в демократической и революционной поэзии образ Прометея — символ борца за человеческую свободу и справедливость.
148. Перевод стих. «Франко». См. примеч. 129. *Чайльд-Гарольда плащ*. Чайльд-Гарольд — герой поэмы Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» (1812—1818); в нарицательном смысле — разочарованный человек. Выражение «Гарольдов плащ» восходит к «Евгению Онегину», где оно содержит намек на то, что байроновский скепсис стал модой в общественном быту 1820-х гг. *Лорелея* — см. примеч. 51. *Мирона малого, великого Франка*. Здесь игра слов: Мирон — герой автобиографических рассказов И. Франко и его псевдоним, которым он иногда подписывал свои статьи.
149. Перевод стих. «Ленін» («З жестом суворим і простим. . .»).
150. Перевод стих. «Нове життя нового прагне слова. . .». *Заливчий Андрий* (1892—1918) — украинский писатель-беллетрист.
151. Перевод стих. «На сонці ясени горять. . .». *Часословець* — часослов, церковная книга, содержащая тексты молитв, сведения о времени богослужений, календарь религиозных праздников и пр.

152. Перевод стих. «На пристані».

153. Перевод стих. «Ластівки».

154. Перевод стих. «Серпнева синя ніч і залізничні свисти...».

155. Перевод стих. «Будова». *Лупанарий* — дом терпимости в Древнем Риме. «*Варшавянка*» — революционная песня, созданная в 1883 г. польским поэтом В. Свенциким. Переведенная на русский язык и переработанная в 1897 г. Г. М. Кржижановским, приобрела широкую популярность в период революции 1905—1907 гг.

156. Перевод стих. «Бетховен». *Балацкий* Дмитрий Семенович (р. 1901) — друг поэта, музыкант, дирижер.

1938 — 1947

157. Перевод стих. «Мемуарна сторінка». *Кожанка* — железнодорожная станция за г. Фастовым (по линии Киев — Винница). *Кузьма* — К. Чуприна, см. примеч. 93. *Лукашевич* — помещик, сосед Рильских по имению.

158—160. Перевод цикла «Мандрівка (стих. «О тиха пристане робочого стола...», «Ми довго плавали, ми бачили ув'ч...», «І в гомінливий, стоязиковий порт...»). Эпиграф — последняя строка из стихотворения Пушкина «Осень».

161. Перевод стих. «Поклади мені на серце руку...».

162—165. Перевод цикла «В косовицю» (стих. «Одспівала коса моя...», «Вплива на сині ріки...», «Ти цілий день в густі валки гребла...», «Ой, зелена земля моя...»).

166. Перевод стих. «Казка». *Был в стихах Мицкевич прав* и т. д. Имеются в виду строки из эпилога поэмы Мицкевича «Пан Тадеуш». *Шмидт* О. Ю. (1891—1956) — русский ученый в области геофизики и математики, исследователь Арктики. В 1933—1934 гг. Шмидт возглавлял арктическую экспедицию на пароходе «Челюскин».

167—169. Переводы из цикла «Золоті ворота» (стих. «Київ», «Я і Київ», «Золоті ворота»). 1. *Герольд* — вестник, глашатай. 2. *Харон* (греч. миф.) — перевозчик, переправлявший на челне души умерших через реки подземного царства. 3. *Кичась казацким чубом, дик, кровав.* Имеется в виду царский генерал П. П. Скоропадский (1873—1945), возведенный в 1918 г. в «гетманы» Украины, ставленник германских империалистов. *Другой спаситель — именитый пан.* Подразумевается Ю. Пилсудский (1867—1935), польский помещик, враг Советской России, организатор польской интервенции 1920 г., фашистский диктатор Польши. *Флаг трехцветный* — государственный флаг Российской империи. *Свирепый генерал* — А. И. Деникин (1872—1947), главнокомандующий контрреволюционными вооруженными силами на юге России в период гражданской войны. *Ярославов вал* — древняя граница г. Киева (ныне — Б. Подвальняя улица);

здесь — символ Киева. *Наш красный Арсенал стоял сурово.* Речь идет о январском восстании 1918 г. рабочих киевского завода «Арсенал» против контрреволюционной националистической Центральной Рады, захватившей власть в Киеве. *Открылись нам Ворота Золотые!* Золотые ворота — главный въезд в Киев во времена Киевской Руси; построены в 1037 г. Ярославом Мудрым.

170. Перевод стих. «Перед старою будовою». *Старинное здание* — Андреевская церковь в Киеве, воздвигнутая в 1747—1753 гг. по проекту русского архитектора В. В. Растрелли (1700—1771). *Илоты* — земледельцы Древней Спарты, лишённые гражданских прав; здесь — крепостные мастеровые.

171. Перевод стих. «Дім Городецького». *Городецький Владислав Владиславович* (1863—1930) — украинский архитектор; построил в 1902—1903 гг. дом в Киеве, украшенный лепными изображениями фантастических зверей и рыб.

172. Перевод стих. «Люди». «*Не выдибай, Перуне!*» Имеются в виду строки из «Киевского синопсиса» (1674), где рассказывается, как во время крещения киевлян был потоплен кумир Перуна.

173. Перевод стих. «На березі». *Подол* — нижняя часть Киева на правом берегу Днепра; ранее торгово-промышленный район города; здесь располагалась первая киевская электростанция.

174—177. Перевод цикла «Чотири вірші» (стих. «Серпень з вереснем схрестили. . .», «Як слово милої, упам'ятку. . .», «Було ще рано, спали пасажири. . .», «Серпень з вереснем стискають. . .»). 3. *Кулибин* И. П. (1735—1818) — изобретатель-самоучка, механик. *Эдисон* Т. А. (1847—1931) — американский изобретатель, главным образом в области электромеханики. 4. *Шмидт* — см. примеч. 166. *Саксаул* — кустарниковое дерево среднеазиатских пустынь с недоразвитыми листьями.

178. Перевод стих. «Дружині». Посвящено жене поэта, Екатерине Николаевне Рыльской (1886—1958).

179. Перевод стих. «Слава».

180—193. Перевод цикла «Дошова трилогія» (стих. «Голос синиці»). I. Любов (1. «Дитинство малюється всяко. . .» 2. «Крізь дощ прорізалися смуга. . .» 3. «Дощ, уквив бульками став. . .» 4. «То стрічались, то розминались. . .» 5. «Зустрілися в трамваї на площадці. . .» 6. «Тротуари, мокра ляпавиця. . .» 7. «Сину мій. . . Колись тобі повім я. . .»). II. Боротьба (1. «Був чотирнадцятий, був чорний рік. . .» 2. «Пригадую: з фронту приїхав. . .» 3. «Ми святкували Жовтневе свято. . .»). III. Творчість (1. «Дощ утихає. . .» 2. «Поете! Слухай заповіді. . .» 3. «Він хрипло лається, озлілий та спітнілий. . .»). II. 2. *Керенский* А. Ф. (р. 1881) — глава Временного правительства в 1917 г., эсер, белоэмигрант, злобный враг Советской власти. III. 3. *Глюк* Х.-В. (1714—1787) — немецкий композитор и дирижер.

194. Перевод стих. «Невчасна лірика». *Vasisdas* (нем.) — что это такое (*was ist das*); здесь: форточка или оконце в двери; см. в «Евгении Онегине» Пушкина (гл. 1): «И хлебник, немец аккуратный, В бумажном колпаке, не раз Уж отворял свой *vasisdas*».

195. Перевод стих. «Ми збирали з сином на землі каштани. . .».

196. Перевод стих. «Моя батьківщина».

197. Перевод стих. «Дружба». *Олдридж А.* (1805—1867) — английский трагический актер, негр, один из самых выдающихся исполнителей ролей в пьесах Шекспира, в частности роли короля Лира в одноименной трагедии. Во время гастролей в России Олдридж подружился с Шевченко, который написал его портрет.

198. Перевод стих. «Напис на українському двотомнику Пушкіна». Двухтомник сочинений Пушкина в украинских переводах вышел в юбилейный 1937 г.; Рыльский был одним из редакторов и участников этого издания.

199. Перевод стих. «Із віршів про Пушкіна». Эпиграф — из стихотворения Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный. . .».

200. Перевод стих. «Народам радянської землі. . .». *Чернышевскому, как брату, Шевченко руку подавал.* Н. Г. Чернышевский высоко оценивал творчество Шевченко; факты их личных встреч документально установлены советскими литературоведами. *Ирпень* — городок дачного типа под Киевом.

201. Перевод стих. «Тобі одній. . . Хоч фраза ця не раз. . .».

202. Перевод стих. «Ніч колихала так ласкаво. . .». *Герасименко Константин Михайлович* (1907—1942) — украинский поэт и драматург, погибший на фронте в годы Отечественной войны. Его памяти Рыльский посвятил также стих. «Береза». *Кофе черный, Что жадный не допил Бальзак.* После смерти французского романиста пошли слухи, будто его кончина была ускорена злоупотреблением кофе.

203. Перевод стих. «Скільки, скільки споминів гарячих. . .».

204. Перевод стих. «Димом котиться весна. . .».

205. Перевод стих. «Грибок». *Декарт Р.* (1596—1650) — французский философ, математик, физик и физиолог.

206. Перевод стих. «Цирк». *Беранже П.-Ж.* (1780—1857) — французский поэт-песенник.

207. Перевод стих. «У повітрі грають ворони. . .».

208—220. Перевод цикла «Море і солов'ї» («День п'ятнадцятий», «День двадцять другий», «День двадцять шостий», «День двадцять сьомий», «День двадцять восьмий», «День останній»). *Тычина Павел Григорьевич* (1891—1967) — украинский поэт. I. «День пят-

*надцятий». Этим и аналогичными заглавиями Рыльский отмечал дни своего отдыха в Крыму. III. Когда Мицкевич силою стихов. Мицкевич воспел Аю-Даг в одном из своих «Крымских сонетов» (1826). *Владимирская горка* — возвышенность в Киеве, где расположен парк и установлен памятник великому князю киевскому Владимиру Свято-славичу (ум. 1015). «*Чего хочешь, рыбак?*» — реминисценция из пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке». *Певец Москвы* — Пушкин. *Певец Литвы* — Мицкевич. IV. *Дориан Грей* — роман английского писателя Оскара Уайльда (1856—1900) «Портрет Дориана Грея» (1891). *Дюма А.* (1802—1870) — популярный французский писатель, автор историко-авантюрных и приключенческих романов.*

221. Перевод стих. «Лист до загубленої адресатки». *В зеленом Корсуне, над Росью*. Корсунь-Шевченковский — город, ныне районный центр Черкасской области; расположен на левом берегу реки Рось (приток Днепра). *Фастов* — см. примеч. 68. *Балагула* (польск.) — кучер-еврей.

222. Перевод стих. «Благословенні мир і праця. . .». В стихотворении говорится об освобождении Западной Украины и Львова в сентябре 1939 г.

223—224. Перевод цикла «В Азербайджані» (стих. «Бакинські терцини», «Нізамі»). 1. *Гигант с простертою рукою* — памятник С. М. Кирову в Баку. *Дорийский столп* — колонна дорийского стиля, одного из главных архитектурных стилей Древней Греции. *Так старость с юностью сплели Софокла хоры*. Софокл (ок. 495—406 или 405 до н. э.) — древнегреческий драматург; хор в древнегреческом театре — группа исполнителей, совместно ведущих одну из основных партий представления. 2. *Петрарка, строгий Дант* — латыни круг провали. Итальянские поэты эпохи Возрождения Ф. Петрарка (1304—1374) и Данте (1265—1321) писали на родном итальянском языке, а не на мертвом — латинском, считавшемся в те времена общепринятым языком поэзии.

225—226. Переводы из цикла «Із рибальських сонетів» (стих. «Зимові вечори», «Перейшла дорогу»). *Паустовский* Константин Георгиевич (1892—1968) — русский советский писатель, с которым Рыльский находился в дружеских отношениях. 1. *Кум Денис* — Денис Каленюк, крестьянин села Романовка, неоднократно упоминаемый в «Автобиографии» (см. с. 40—41), в поэме «Путешествие в молодость» (№ 456) и др. произведениях Рыльского.

227—228. Перевод цикла «Із мисливської сюїти». *Охременко Вадим* Иванович (1900—1940) — русский писатель, киевлянин, друг Рыльского. *С чумацкой споря* — т. е. такой, какая была во времена чумаков. Чумаки — см. примеч. 65.

229. Перевод стих. «Свиснув Овлур за рікою». Стихотворение, исполненное предчувствия близкой войны, построено на мотивах и реминисценциях из «Слова о полку Игореве»; *Овлур* и *Кончаковна* — исторические персонажи, упоминаемые в «Слове».

230. Перевод стих. «Мистецтво перекладу». *Ушаков* Николай Николаевич (р. 1899) — друг Рыльского, один из первых переводчиков стихотворений поэта на русский язык.

231. Перевод стих. «Шафа». *Яффа* — средиземноморский порт, ныне принадлежащий государству Израиль. *Густав Эмар* (1818—1883) — французский писатель, автор приключенческих романов. *Антонович* В. Б. (1834—1908) — украинский историк либерального направления. *Ясько* — см. примеч. 53.

232. Перевод стих. «Народам світу».

233. Перевод стих. «Володимир Короленко». *Здесь, в Киве, в профессорской квартире* — в квартире А. А. Русова (1847—1915), приятеля Короленко, украинского экономиста, этнографа, фольклориста, прогрессивного общественного деятеля, одно время преподававшего в Киевском университете. *И скромн был и прост его рассказ*. Имеется в виду публицистический очерк В. Г. Короленко «Сорочинская трагедия» (1907), посвященный событиям в селе Сорочинцы.

234. Перевод стих. «Федькович співає». *Федькович* Осип-Юрий (1834—1888) — украинский писатель, уроженец Буковины (старое название нынешней Черновицкой области). *Чтоб был жолнер не царской опорой*. Галицкие украинцы, земли которых некогда входили в состав Австро-Венгрии, называли австрийского императора цесарем; жолнер (польск.) — солдат. *А стал опришком Довбуша*. Опришки — участники народно-освободительных движений в Галиции и Буковине. Высшего накала эта борьба достигла в 1730—1740 гг. под руководством вожака антифеодального крестьянского движения О. В. Довбуша (1700—1745). *Буковинский соловей*. Так называли Ю. Федьковича.

235. Перевод стих. «Восени прилітають невідомі птаці...».

236. Перевод стих. «Хвала уяві». *Джига* — национальный английский танец. *Кубарь* — детская игрушка наподобие волчка. *Фарандола* — см. примеч. 58. *Гитана* — характерный танец испанских цыган. *Кобеляки* — город, центр Кобелякского района Полтавской области. *Кайра* — промысловая охотничья птица, гнездящаяся в скалах. *Д'Артаньян* — герой романа А. Дюма «Три мушкетера» (1844) и других произведений.

237. Перевод стих. «Хвала реальності».

238. Перевод стих. «Цвіте азалія». Эпиграф — из стихотворения Н. Н. Ушакова (см. о нем примеч. 230) «Цветут гортензии в Бату-ми...» (из сборника Ушакова «Мир для нас», М., 1935).

239. Перевод стих. «Золота шабля». *Павел Тычина* — см. примеч. 208. «*Кожмяка*» — стихотворение П. Тычины из его сборника «Вітер з України» (Харьков, 1924).

240. Перевод стих. «Одужання».

241. Перевод стих «Слово про рідну матір». Это и след. стихотворения написаны в связи с нападением фашистской Германии на Советский Союз. *Тарас* — Т. Шевченко. *Сковорода* Г. С. — см. примеч. 91. И «Энеиды» *колкий стих*. Подразумевается поэма украинского поэта И. П. Котляревского (1769—1838) «Энеида», одно из первых произведений новой украинской литературы, написанное на народном языке «Энеида» Котляревского — бурлескная поэма, «перелицовка» «Энеиды» Вергилия (см. примеч. 38). *Франко* — см. примеч. 129. *Лысенко* — см. примеч. 4. *Заньковецкая* (Адамовская) М. К. (1860—1934) — выдающаяся украинская актриса. В строфах 13—14 и 17-й — отзвуки «Слова о полку Игореве» *Канев* — город неподалеку от Киева (на правом берегу Днепра), возле которого находится могила Т. Шевченко. *Путивль* — древний город Киевской Руси, ныне относящийся к Сумской области; упоминается в «Слове о полку Игореве».

242. Перевод стих. «Лист до українців в Америці».

243. Перевод стих. «Великий перегук».

244. Перевод стих. «Україні».

245. Перевод стих. «Москва».

246. Перевод стих. «Світова зоря». *Над Днпром великая могила* — могила Т. Шевченко (см. примеч. 241). *Ясная Поляна* — родовое имение Толстых, ныне заповедник Л. Н. Толстого (Щекинский район Тульской области).

247. Перевод стих. «Я — сын країни Рад». *Каин* — братоубийца, погубивший, согласно библейской легенде, своего брата Авеля из зависти к нему.

248. Перевод стих. «Портрет Леніна».

249. Перевод стих. «Моє село».

250. Перевод стих. «Видіння».

251. Перевод стих. «Голосіівський ліс». *Голосеевский лес* — лес под Киевом (ныне в черте города парк им. Рыльского), на опушке которого расположена дача Рыльского, где он жил последние пятнадцать лет. В 1968 г. здесь открыт мемориальный музей поэта. *И другом молодым*. Речь идет о В. Н. Титаренко, соседе и друге Рыльского. *Охотник и певец* — Петрушевский Б. Д. (ум. 1937), приятель поэта, переводчик. «*Казаки*» — повесть Л. Н. Толстого.

252. Перевод стих. «Чаша дружби». Эпиграф — из стихотворения украинского писателя М. П. Старицкого (1840—1904) «До брони», написанного в связи с восстанием болгар против Турции (1876).

Вавель — замок-кремль в г. Кракове, в XVI в. служивший резиденцией польских королей.

253. Перевод стих. «Ти, як доля моя. . .».

254. Перевод стих. «Про осінь».

255. Перевод стих. «Янку Купалі». Отклик на смерть белорусского поэта Янки Купалы (Ивана Доминиковича Луцевича) (1882—1942). *Вновь Оресса вольно потечет, Вновь Олеся зацветет венками*. Имеется в виду поэма Янки Купалы «Над рекою Орессою» и его же стихотворение «Олеся».

256. Перевод стих. «Олександрові Довженку дружнє посланіє» *Довженко* Александр Петрович (1894—1956) — украинский советский кинорежиссер, писатель, друг поэта.

257. Перевод стих. «Останній день». *Кейфовал* — предавался приятному безделью.

258. Перевод стих. «На власний день народження».

259. Перевод стих. «Друзям по союзу». Эпиграфы — из стихотворения Пушкина «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор. . .») и поэмы Т. Шевченко «Еретик». В тексте Рыльского — реминисценции из «Слова о полку Игореве». *Как десницу медного Богдана*. Речь идет о памятнике Богдану Хмельницкому, воздвигнутом в Киеве в 1888 г. по проекту скульптора М. О. Микешина.

260. Перевод стих. «Ленінград». *Тихонов Николай* Семенович (р. 1896) — русский советский поэт, друг Рыльского. *Архитравы* — прямолинейные перекладины, перекрывающие промежуток между колоннами. *Батюшков* К. Н. (1787—1855) — русский поэт. *Песня Кобзаря*. Кобзарь — украинский певец-музыкант; здесь подразумевается Т. Шевченко, автор сборника «Кобзарь».

261. Перевод стих. «Переяславська Рада». *Переяславская Рада* — совет представителей украинского народа, созданный гетманом Богданом Хмельницким 8 января 1654 г. в г. Переяславе (ныне Переяслав-Хмельницкий Киевской области) для принятия исторического решения о воссоединении Украины с Россией. *Ясыр* — военная добыча, пленники из числа мирного населения, которых турки и татары угоняли в неволю во время многочисленных набегов на Украину. *Переделкино* — дачный поселок под Москвой.

262. Перевод стих. «Ленін» («В очах дітей, допитливо-розумних. . .»).

263. Перевод стих. «До пограбованого дому».

264. Перевод стих. «Напис». *Ирпень* — см. примеч. 200.

265. Перевод стих. «Медитація».

266—271. Перевод цикла «Із „Ленінградських нарисів“» («Жайворонки», «Мідний вершник», «Коні Анічкового мосту», «Смертна межа», «Пулковський меридіан», «На могилі героя»). 2. *Где Пушкин и Мицкевич в оны дни*. Как явствует из отрывков Мицкевича «Петербург» и «Медный всадник», он беседовал с Пушкинным о Петре I у знаменитой конной статуи царя работы французского скульптора М.-Э. Фальконе (1716—1791), отливка ее была окончена к 1775 г. *Где юный друг Жуковского, Брюллова. . . Тарас*. В. А. Жуковский и К. П. Брюллов помогли выкупить Шевченко из крепостного состояния. *Плотник саардамский* — Петр I, во время пребывания в Голландии работавший мастером на Саардамской верфи. 3. *Коні Анічкова моста* — скульптурная группа в Петербурге — Ленинграде работы П. К. Клодта (1805—1867). 5. *Пулковський меридіан*. Пулковский меридиан проходит через Пулковские высоты под Ленинградом, где расположена астрономическая обсерватория Академии наук СССР. Была уничтожена немецко-фашистскими захватчиками; в 1954 г. Пулковская обсерватория полностью восстановлена и расширена. 6. *Красношапка Николай* — герой обороны Ленинграда, родом из Донбасса.

272—280. Перевод цикла «Остання весна» («Всю душу відать за ці хмари мінливі. . .», «Ось вона — весна остання. . .», «Я приношу тобі наболілого серця дари. . .», «Я зраджую тебе на кожному кроці. . .», «Любити двоє — чи справді неможливо? . . .», «Я прийшов утомлений, разбитий. . .», «Ластівки і діти за вікном. . .», «Я образив тебе. Я сказав. . .», «Все на світі повік не вмирає. . .». 4. *Когда у Дон-Жуана* и т. д. Подразаумевается «Каменный гость» Пушкина. 9. «*Так вонзай же, мой ангел вчерашний*» и т. д. Цитата из стихотворения А. Блока «Унижение» (1911).

281. Перевод стих. «Дім Прешерна». *Прешерн* Франце Ксаверий (1800—1849) — словенский поэт. В предыдущих украинских и русских изданиях стихотворение ошибочно датировалось 17 сентября 1945 г., между тем как Рыльский отправился в Югославию в октябре 1945 г.

282—284. Перевод цикла «Три листи» («Лист до рідного краю», «Дружині», «Синові»). Эпиграф — из «Евгения Онегина» (гл. 1) Пушкина. 2. *Распределитель* — магазин. *Когда Наталка тужит: «Петре, Петре!»* — слова из пьесы И. П. Котляревского (см. примеч. 241) «Наталка Полтавка» (1819) (д. 1-е, явл. 1-е). 3. *Катигорошек* — персонаж украинских народных сказок.

285. Перевод стих. «Ніколи я не знав, що так люблю. . .».

286. Перевод стих. «Леся Українка». *Леся Українка* — литературный псевдоним украинской поэтессы Ларисы Петровны Косач (1871—1913). Ее безвременная кончина была ускорена тяжелой болезнью (туберкулезом). *Суровая тень Командора* и т. д. Подразаумевается драматическая поэма Л. Украинки «Каменный хозяин» (1912).

Где Украина — Эллада и Рим, Где Кассандры печаль звенела. Многие драматические поэмы и драмы Леси Украинки основаны на материале и темах, почерпнутых из античной истории и литературы. Кассандра (греч. миф.) — троянская царевна; согласно мифу, Аполлон наделил ее даром пророчества, но, отвергнутый ею, сделал так, что ее предсказаниям никто не верил; Кассандра — героиня одноименной стихотворной драмы Леси Украинки (1907). *Антей* — герой драмы Леси Украинки «Оргия» (1912).

287. Перевод стих. «Верба».

288. Перевод стих. «Весна».

289. Перевод стих. «Прага». *Гус Ян* (1369—1415) — чешский мыслитель, выдающийся деятель Реформации, идейный вождь антифеодалного народно-освободительного движения в Чехии. *Жижка Ян* (ок. 1360—1424) — деятель гуситского революционно-освободительного движения в Чехии, талантливый полководец. *Когда с Шафариком преславным* и т. д. Поэма Т. Шевченко «Еретик» открывается стихотворным посвящением П. И. Шафарiku (1795—1861), выдающемуся чешскому ученому-слависту, археологу, этнографу и языковеду, деятелю чешского и словацкого возрождения. *Сметана Б.* (1824—1884) — чешский композитор, основоположник чешской классической музыки. *Неруда Ян* (1834—1891) — чешский писатель, один из идейных вождей национально-освободительного движения 1860-х годов в Чехии. *Когда свободу Праге Конев* и т. д. Войска маршала Советского Союза И. С. Конева освободили Прагу от немецко-фашистских захватчиков в мае 1945 г.

290. Перевод стих. «Кімната Леніна у Празі».

291. Перевод стих. «По дощі». Эпиграф — из стихотворения Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье. . .»).

292. Перевод стих. «Яблунька-мати». Посвящено жене поэта. см. примеч. 178.

293. Перевод стих. «Дві сили».

1948 — 1964

294. Перевод стих. «Мости». *Конев* — см. примеч. 289. *Мост Цепной*. Цепной мост в Киеве через Днепр был взорван в 1920 г. белополяками.

295. Перевод стих. «Ліс». *Погребняк Петр Степанович* (р. 1900) — украинский ученый-лесовод, друг Рыльского.

296. Перевод стих. «Голуби над Москвою».

297. Перевод стих. «Нащадок».

298. Перевод стих. «Слово письменника».

299. Перевод стих. «За мир!».

300. Перевод стих. «Незгасна зоря».

301. Перевод стих. «Не бійся смутку, що пливе...».

302. Перевод стих. «Весна людськості».

303. Перевод стих. «Друзям у всьому світі». В тундрах ягельных. Ягель — олений мох, лишайник. *Саксаул* — см. примеч. 177.

304—307. Переводы из цикла «У молодій Польші» («У Варшаві», «Памятник Коперніку в Кракові», «Дівчина в Закопаному», «Музей Леніна в Пороніні»). 1. *Костюшко* Т. (1746—1817) — национальный герой Польши, руководитель восстания 1794 г. 2. *Коперник* Н. (1473—1543) — польский астроном, творец теории гелиоцентрической системы вселенной. *Джордано Бруно* (1548—1600) — итальянский ученый, философ, сожженный на костре по приговору суда инквизиции. *Галлей* Г. (1564—1642) — итальянский физик, механик и астроном. 3. *Закопане* — город в южной Польше, в предгорьях Высоких Татр, горноклиматический курорт. *Гуральский* (польск.) — горский. 4. *Пороніно* — местечко в 7 км. от г. Закопане, где в 1913—1914 гг. жил В. И. Ленин. Здесь организован музей и сооружен памятник Ленину. *Яносик* — полупоэтическая личность, предводитель крестьянских восстаний в Польше в XVIII в. *Довбуш* — см. примеч. 234. *Кармалюк* Н. Я. (1787—1835) — предводитель подольских крестьян, восставших против крепостной зависимости в первой трети XIX в.

308. Перевод стих. «Маяковський». *Окна РОСТА*. РОСТА — Российское телеграфное агентство, созданное Советской властью в 1918 г. (в 1935 г. волилось в ТАСС); в оформлении витрин РОСТА, где помещались плакаты, фотографии, политические карикатуры и др. материалы, имевшие большое пропагандистское значение, выдающаяся роль принадлежала Маяковскому, с увлечением отдававшегося этой работе в 20-е годы.

309—314. Перевод цикла «Пізні солов'ї» («Пізні солов'ї», «Товаришеві по перу», «Уночі», «Київ», «Тихо», «Пісні»).

315. Перевод стих. «Остапові Вишні». *Остан Вишня* — литературный псевдоним Павла Михайловича Губенко (1889—1956), украинского писателя, сатирика и юмориста.

316. Перевод стих. «Чувашським вишивальницям».

317—321. Переводы из цикла «Подорож на Закарпаття» («Із Львова до Ужгорода», «Лісоруби», «Друг», «Хліб і сіль», «У колгоспній родині»). 1. *Довбуш* — см. примеч. 234. *Кобылиця* Л. (1812—1851) — руководитель антифеодального крестьянского движения в Буковине в 1840-х годах, депутат Австрийского парламента от крестьян Буковины в 1848 г. *Флюяра* и *трембита* — западно-украинские (гуцульские) народные музыкальные инструменты. *Флюяра* — вид ба-

совой трубы; трембита — длинная труба без клапанов и вентиля, сигнальный инструмент, используемый для сообщений о каком-либо важном событии на селе (смерть, похороны, свадьба и проч.). Наперский *Костка* Александр-Лев (ок. 1620—1651) — руководитель крестьянского восстания в Польше в 1651 г. *Коломыя* — город на Украине, ныне входящий в Ивано-Франковскую область. *Борислав* — город Львовской области. *Бадени* К. (1846—1909) — австрийский политический деятель, в 1888—1895 гг. наместник Галиции, в 1895—1897 гг. — министр-президент Австро-Венгрии, кровавый усмиритель крестьянских волнений в Галиции во время выборов 1897 г. *Франц-палац* — Франц-Иосиф, австрийский император (1848—1916). *Петлюра* С. (1877—1926) — один из руководителей буржуазно-националистического контрреволюционного движения на Украине, именуемого «петлюровщиной»; в годы гражданской войны петлюровцы беспощадно расправлялись со сторонниками Советской власти. *Шептицкий* А. (1865—1944) — митрополит греко-католической (униатской) церкви, идеолог украинского буржуазного национализма, верный прислужник Ватикана. *Пилсудский* — см. примеч. 169. *Збруч* — левый приток Днестра; до 1939 г. по этой реке проходила граница между СССР и буржуазной Польшей. *И слились воды горных рек С потоком Родины могучим*. Речь идет о воссоединении западно-украинских территорий с Украинской ССР в 1939 г. *Франко* — см. примеч. 129. *Стефаник* В. С. (1871—1936) — украинский писатель демократического направления, уроженец Западной Украины. 2. *Верховина* — распространенное на Украине название высокогорных районов украинских Карпат, где берут начало реки Днестр, Стрый, Уж, Латорица. *Раховщина* — Раховский район Закарпатской области (г. Рахов находится на берегах реки Тиссы, на западном склоне Карпат). *Хорти* М. (1868—1957) — фашистский диктатор Венгрии в 1920—1944 гг. *Ушли венгерские магнаты*. С ноября 1938 г. по март 1939 г. Закарпатская Украина была оккупирована фашистской Венгрией, освобождена Советской Армией в 1944 г. *Воззванье Стокгольмское* — обращение Всемирного конгресса в защиту мира к народам земного шара, принятое 19 марта 1950 г. в Стокгольме; под этим воззванием подписалось около 500 миллионов человек. *Сметана* — см. примеч. 289. 4. *Ты погляди — они из соли*. Речь идет о залежах каменной соли в районе села Солотвина в Закарпатье.

322. Перевод стих. «Ранок нашої Вітчизни».

323. Перевод стих. «Коли тривоги життєвої...».

324. Перевод стих. «Перед відльотом».

325. Перевод стих. «Нові люди». *Есть женщина... Ее зовем мы нежно: Паша*. Имеется в виду П. Н. Ангелина (1913—1959) — трактористка, механизатор сельского хозяйства, Герой Социалистического Труда.

326—329. Переводы из цикла «Над Дніпром» («Заспів», «У Києві», «Нова Каховка», «Людині, людськості»). 1. *Чайки* — здесь: ладьи запорожских казаков. *Богдан* — Богдан Хмельницкий (см. примеч. 261). 2. *Лавры стени* — Киево-Печерский монастырь (основан в

1051 г.), с 1598 г. носящий название Лавры. *Могилу Кочубея, Искры*. Кочубей В. Л. (1640—1708) — генеральный судья; Искра И. (ум. 1708) — полтавский полковник; пытались раскрыть Петру I измену гетмана Мазепы, которому, однако, удалось оправдаться перед царем; оба были казнены Мазепой в 1708 г. Образы Кочубея и Искры увековечены Пушкиным в поэме «Полтава». *Вот дом: о воле, о возмездье Мечтали декабристы тут*. Контрактный дом в Киеве на Красной (бывшей ярмарочной) площади, где собирались члены Южного общества декабристов в 1823—1825 гг. *Но вслед Радищеву*. Слова из ранней редакции стихотворения Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» («Что вслед Радищеву восславил я свободу»). *Когда поэму «Неофиты» Шевченко Щепкину читал*. Поэма «Неофиты» посвящена выдающемуся русскому актеру М. С. Щепкину (1788—1863) «на память 24 декабря 1857 года». В этот день Шевченко прочел ее своему другу Щепкину, навестившему его в Нижнем Новгороде. *Когда ж мы Лысенка к могиле* и т. д. Похороны Н. В. Лысенко (см. примеч. 4) превратились в антиправительственную демонстрацию, свидетелем и участником которой был сам Рыльский. *А тот, кто в Коцюбинском брата И друга сердцем отыскал* и т. д. После смерти Лысенко М. Горький обратился к украинскому писателю М. М. Коцюбинскому с прочувственным письмом (см. «Украинская жизнь», 1913, кн. I, с. 109). «Искра» — первая русская марксистская газета, созданная в 1900 г. В. И. Лениным.

330. Перевод стих. «В лісі». Эпиграф — из стихотворения Т. Шевченко «І широкою долину...».

331—336. Переводы из цикла «Щедристь» («Визначення поезії», «Гвоздики Коцюбинського», «Поет», «Дівчина», «Обід на траві», «Епілог»). 2. *В Чернигове... Ты набредеш на скромное жилище* и т. д. Речь идет о домике М. М. Коцюбинского (см. примеч. 327), где в 1934 г. создан литературно-мемориальный музей. В этом домике Коцюбинский написал одно из лучших своих произведений — повесть «*Fata morgana*» (1903—1910). В саду при доме писатель вывел новый сорт гвоздики, о которой говорит Рыльский. *Вот мальвы*. Эпизод с мальвой описан М. Горьким в воспоминаниях (см.: М. Горький, Собр. соч., т. 14, М., 1951, с. 103—104). 3. *Якуб Колас* — литературный псевдоним белорусского поэта К. М. Мицкевича (1882—1956).

337. Перевод стих. «По зелено-синім морю...».

338. Перевод стих. «Вірменії».

339. Перевод стих. «Художник». Посвящено украинскому поэту Николаю Платоновичу *Бажану* (р. 1904).

340. Перевод стих. «Ясна Поляна». *Ясна Поляна* — см. примеч. 246.

341. Перевод стих. «Хевсур в долині». *Хевсуры* — этнографическая группа грузин, живущих в восточной Грузии по склонам Главного Кавказского хребта. *Гуцулов нбшу*. Ноша — западноукраинское

(гуцульское) слово, означающее название одежды. *Гайдуки* — южно-славянские партизаны, боровшиеся с иноземными угнетателями, а также вооруженная стража в помещичьих (панских) имениях на Украине и в Польше. *Опришки* — см. примеч. 234. *Пандури* — грузинский струнный музыкальный инструмент.

342. Перевод стих. «Запросини».

343. Перевод стих. «Шпаки».

344. Перевод стих. «Перед грозою». Эпиграф — из стихотворения Пушкина «Приметы».

345. Перевод стих. «Виноградар». Эпиграф — из стихотворения Пушкина, начинающегося этой строкой.

346. Перевод стих. «Війна червоної і білої троянди». Эпиграф — из стихотворения И. А. Бунина «Гроза прошла над лесом стороною...». В стихотворении Рыльского используется название междоусобной войны крупнейших английских феодалов в 1455—1485 гг., боровшихся за верховную власть в стране, — войны Алой и Белой розы.

347. Перевод стих. «Троянди й виноград». *Зоря* — любисток, многолетнее травянистое растение семейства зонтичных.

348. Перевод стих. «Бригадир». *Неофит* — новообращенный в какую-либо веру, здесь: человек, впервые приобретающий к какой-либо области знаний.

349. Перевод стих. «Дівчата на винограднику».

350. Перевод стих. «Лісник». *Пуца-Водица* — дачная местность в окрестностях Киева.

351. Перевод стих. «Порада».

352. Перевод стих. «Друзі». *Тут про «вечернюю кромку» сказав Нечуй*. В оригинале: «на вечірньому друзі» (т. е.: «солнце — к закату») — излюбленное выражение украинского писателя И. С. Нечуя-Левицкого (1838—1918).

353. Перевод стих. «На концерті „Мазовше“». *«Мазовше»* — польский ансамбль песни и танца им. Т. Сигетинского, организованный этим композитором в 1948 г. из народных певцов и танцоров Мазовии (одной из исторических областей Польши).

354. Перевод стих. «Мова». Эпиграф — из заключительных строк повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1759). *Гринченко* Б. Д. (1863—1910) — украинский писатель, этнограф, лексиколог, составитель и редактор четырехтомного «Словаря украинского языка» (1907—1909). *Даль* В. И. (1801—1872) — русский писатель, ученый-

диалектолог, лексикограф, автор четырехтомного «Толкового словаря живого великорусского языка» (1863—1867).

355. Перевод стих. «Ознаки весни».

356. Перевод стих. «Сікстинська мадона». *Сикстинская мадона* — прославленная картина Рафаэля Санти (1483—1520), хранящаяся в Дрезденской картинной галерее. *Ты ожила в шевченковской Марии*. Мария — героиня одноименной поэмы Т. Шевченко (1859). *Папа Сикст* (1414—1484) — римский папа, при котором была возведена знаменитая Сикстинская капелла.

357. Перевод стих. «Повітряна траса».

358. Перевод стих. «Вітчизні». *Антей* (греч. миф.) — сын богини земли Геи, могучий атлет; был непобедим, пока соприкасался с матерью-землею; тайну Антея разгадал Геракл, который победил его, оторвав от земли.

359. Перевод стих. «Квітчастий луг». Эпиграф — из стихотворения П. Г. Тычины (см. примеч. 208), начинающегося этими словами и вошедшего в его сборник «Солнечные кларнеты» (1918). *Кроншнеп* — птица из семейства ржанок.

360. Перевод стих. «Афродіта Мілоська». Древнегреческая статуя Венеры (Афродиты) Милосской хранится в Луврском музее (в Париже). *Перед тобою Гейне был в слезах*. Имеется в виду посещение больным Гейне Лувра — эпизод, неоднократно описывавшийся в биографиях немецкого поэта. *Успенского утешить ты сумела* и т. д. В очерке «Выпрямила» (1885) писатель-демократ Г. П. Успенский попытался раскрыть глубокий гуманистический смысл, заложенный в этом шедевре античной скульптуры, противопоставив свою точку зрения эстетским оценкам.

361. Перевод стих. «Статуя Сатурна в Літньому саду». В основе стихотворения — эпизод из биографии Т. Шевченко, связанный с его увлечением живописью. *Сошенко* И. М. (1807—1876) — украинский художник и педагог. В 1835 г. в Петербурге состоялось знакомство Шевченко с Сошенко, имевшее огромное значение для всей дальнейшей судьбы поэта. *Брюллов* К. П. был учителем Шевченко в Академии художеств. *Щепкин* — см. примеч. 327. *Кобзарь* — Т. Шевченко, автор сборника стихотворений «Кобзарь» (1840).

362. Перевод стих. «Ленінградові».

363. Перевод стих. «Черемшина після дощу».

364. Перевод стих. «Третє цвітіння».

365. Перевод стих. «Лист до волошки».

366. Перевод стих. «Івану Франкові». Эпиграф — из поэмы И. Франко «Лісова ідилія». *Творець «Моисея»* — И. Франко; эта поэма (1905) — одно из крупнейших достижений украинской литературы. «*Это спор наш последний!*» и т. д. Цитата из стихотворения И. Франко «На зорі соціалістичної пропаганди». Выделенные строки переведены самим Рыльским.

367. Перевод стих. «Коли копають картоплю».

368. Перевод стих. «Сонет». Первый эпиграф — из стихотворения Пушкина «Сонет» («Суровый Дант не презирал сонета...»); второй — из цикла И. Франко «Вольні сонети» (сонет 1); третий — из стихотворения украинского поэта А. С. Малышко (р. 1912) «Не грім гармат...». Малышко позднее изменил эту строку, подавшую Рыльскому повод к дружественной полемике, следующим образом: «й куцьєнькі вірші — нікому» («и кущие стишата — ни к чему»).

369. Перевод стих. «Бабине літо». Эпиграф — из «Евгения Онегина» (гл. 4) Пушкина.

370. Перевод стих. «Представникам „Нового мистецтва“». *Матейко* Я. (1838—1893) — польский живописец. *Серов* В. А. (1865—1911) — русский художник.

371. Перевод стих. «Три дівчини». Эпиграф — из стихотворения Пушкина «Зимнее утро».

372. Перевод стих. «Не забуду вечора хрусткого...». Эпиграф — из стихотворения Лермонтова, начинающегося этими словами. «*Я занемог в дороге*» — начало дуэта Караса и Одарки из оперы С. С. Гулака-Артемовского «Запорожец за Дунаем» (1862).

373. Перевод стих. «Серсо».

374—386. Переводы из цикла «Із книги про Францію» («Французькому народові», «Серце Шопена», «Солов'ям України», «Знову про солов'їв», «Фламінго», «Нотр-Дам», «Арлезіанки», «Авіньонські дзвони», «До Рони», «Адріатика», «Місто революції», «Монмартр», «Парижеві із Києва»). 1. *Гаврош* — герой романа В. Гюго «Отверженные» (1862), беспризорный мальчик. *Марат* Ж.-П. (1743—1793) — вождь якобинцев во время французской революции конца XVIII в., публицист и ученый. *Петэн* А.-Ф. (1856—1951) — глава французского правительства в 1940—1944 гг., вступивший в союз на условиях, крайне тяжелых и унижительных для Франции. *Ты породил дитя — Сопровителле*, т. е. освободительное движение французского народа против немецко-фашистской оккупации Франции в 1939—1945 гг. 2. *Майорка* — остров в западном Средиземноморье (из группы Балеарских островов), где в 1838—1839 гг. отдыхал Ф. Шопен. 3. *Сквира* — город, районный центр Киевской области. *Голосеев* — см. примеч. 251. *В лесу Булонском* — в парижском парке. 4. *Лаванда* — пахучее растение,

используемое в парфюмерии. *Арль* — город в Провансе, французский речной порт в низовьях Роны. *Наш Коцюбинский, как свою, на «ты» На Капри мальву звал*. М. Горький рассказывает в воспоминаниях, как Коцюбинский, лечившийся на о. Капри, был растроган увиденными им здесь цветами мальвы, которые живо напомнили ему родную природу (см. также примеч. 332). 5. *Камарга* — островок в дельте Роны. 6. *Нотр-Дам* — собор Парижской богородицы, выдающийся памятник средневековой архитектуры (1163—1250). *Площадь Гревская* — в Париже. 7. Эпиграф — из стихотворения И. А. Бунина «Портрет». 8. *Авиньон* — старинный французский город, раскинувшийся на берегах Роны (в провинции Прованс), с 1309 по 1377 г. был папской резиденцией. Папы находились здесь на положении узников французских королей, могущество которых очень усилилось с XIV в. *Рабле* — см. примеч. 42. 10. *Торквато Тассо* (1544—1595) — итальянский поэт, автор монументальной эпической поэмы «Освобожденный Иерусалим». 11. *Марат* — см. выше. *Делеклюз Л.-Ш.* (1809—1871) — французский революционер и публицист, погиб на баррикадах Парижской коммуны (1871). 12. *Монмартр* — район французской столицы, где началась Парижская коммуна. *Клемансо Ж.-Б.* (1841—1929) — французский политический деятель сначала радикального, затем реакционного направления, получивший прозвище «Тигр»; в 1917 г., будучи главой французского правительства, стал одним из основных организаторов интервенции Антанты в Советскую Россию. *Версаль* (см. примеч. 42) в дни Парижской коммуны был оплотом контрреволюции. 13. *Санюлотами* пренебрежительно называли во время французской буржуазной революции конца XVIII в. граждан из народа — бедных, плохо одетых людей. *Скрижаль* — здесь: негленная страница истории. *Левитан И. И.* (1860 или 1861—1900) — русский живописец-пейзажист. *Твои дубы, Тарас*. В живописных работах Т. Шевченко, в частности на картинах «Катерина» (1842), «Нищий на кладбище» (1859), дуб — один из существенных элементов украинского пейзажа.

387. Перевод стих. «Сади Болгарії». *Плевен* (Плевна) и *Шипка* — места боев во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., в результате которой Болгария освободилась от турецкого ига. *Сентябрьский светлый День Освобождения* — 9 сентября 1944 г., когда с помощью Советской Армии болгарский народ покончил с фашистским гнетом. *Родопы* — горы в южной Болгарии.

388. Перевод стих. «Грузія». *Зурна* — восточный духовой музыкальный инструмент. *Чиковани С. И.* (1903—1963), *Леонидзе Г. Н.* (1899—1966), *Абашидзе И. В.* (р. 1909), *Шаншиашвили С.* (р. 1888), *Гамсахурдия К. С.* (р. 1891), *Дадзиани Ш. Н.* (1874—1959) — грузинские советские писатели. *Заньковецкая* — см. примеч. 241.

389. Перевод стих. «Партії».

390—391. Перевод цикла «На братній землі». («Присвята білоруським друзям», «Якуб Колас»). 1. *И в сердце память Беловежи*. Беловежская пуца — государственный заповедник и охотничье хо-

з'яйство в Белоруссии на водоразделе рек Буга, Немана и Припяти. 2. *Якуб Колас* — см. примеч. 333. *Тычина* — см. примеч. 208. *Чиковани* — см. примеч. 388. *Лахути* А. (1887—1957) — таджикский советский поэт.

392—402. Перевод цикла «Ріо-де-Жанейро» («Крик жовтих догоносих птиць...», «Одягнений у діри й лати...», «Приснився я собі самому...», «У темряві густій, тяжкій і рівній...», «У нас там на городах пахне кропом...», «Про справжню демократію чимало...», «Кому повім печаль мою...», «Як дика грушка серед жита...», «Смуглява мати з дітками двома...», «Учора я Південний бачив Хрест...», «Благословен, хто вигадав маяк...»). 1. *Лимузин* — марка легкового автомобіля. *Сутана* — довгополая одежа католицького духовенства. *Табльдот* — общий обеденный стол в ресторанах, пансіонах, курортных гостиницах. 3. Эпиграф — из стихотворения Т. Шевченко «Ісайя. Глава 35». 4. *На охоту вместе с Родіоном*. См. примеч. 121. «*Наталка Полтавка*» — см. примеч. 283. 5. *Отава* — трава, виростающая вторично на месте скошенной. *Эльдорадо* — сказочная страна золота и драгоценных камней, которую разыскивали в Америке первые испанские завоеватели. 7. *Кому повею* — кому расскажу. 10. *Юркевич* И. В. (1855—1910) — врач, друг отца Рылского. Фаддея Розеславовича; после его смерти — опекун будущего поэта. *Кривое* и *Белки* — села Попельнянского района Житомирской области. *Романовка* — см. примеч. 31.

403. Перевод стих. «Рідна мова». *Максимович* М. А. (1804—1873) — украинский и русский историк, фольклорист, издавший в 1827 г. сборник «Малороссийские песни», высоко оцененный Пушкиным, а также «Украинские народные песни» (1834) и «Сборник украинских песен» (1844). *И где шутил Иван Петрович* — *Тарас Григорьевич обличал*. Речь идет об И. П. Котляревском (см. примеч. 241) и Т. Шевченко. В отличие от бичующей, гневной сатиры Шевченко сатира Котляревского была довольно беззлобной, более походившей на юмор. *Леся Украинка* — см. примеч. 286. *Франко* — см. примеч. 129.

404. Перевод стих. «Польщі». «*Мазовше*» — см. примеч. 353. *Образы Тадеуша и Зоси*. Имеются в виду главные герои поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш» (1834). *Тувим* Ю. (1894—1953) и *Броневский* В. (1897—1962) — польские поэты. *Высянский* С. (1869—1907) — польский писатель и художник.

405. Перевод стих. «Огні». А. *Мальшко* — см. примеч. 368. В стихотворении упоминаются деятели литературы и искусства Советской Украины: артист *Бучма* А. М. (1891—1957), поэт *Шпорта* Я. И. (1922—1956), писатели *Яновский* Ю. И. (1902—1954), *Копыленко* А. И. (1900—1958), поэт *Нагнибеда* Н. Л. (р. 1911), композитор *Майборода* П. И. (р. 1918), поэт *Воронько* П. Н. (р. 1913); русские поэты: *Прокофьев* А. А. (р. 1900), *Маршак* С. Я. (1887—1964), *Тихонов* Н. С. (р. 1896), *Исаковский* М. В. (р. 1900); белорусские писатели: *Бровка* П. У. (р. 1905), *Брыль* Я. (р. 1917); армянский писатель *Зарьян* Н. (р. 1901), грузинский поэт *Чиковани* С. И. (см. примеч. 388). *Корон* — карп.

406. Перевод стих. «Згряя веселиків». *Чайка* — см. примеч. 326. *Байдак* — род судна типа баркаса; на байдаках запорожские казаки совершали свои морские походы. *Философы, почти что Куприяны*. Купреян — герой одноименного стихотворения И. Франко и народной песни; в отличие от образа Франко цехмейстер (цеховой мастер) Купреян в народной песне стоически взирает на все происходящее вокруг и отделяется поговоркой «*Якось то буде!*» (т. е. «Будь, что будет!»). *Лысенко* — см. примеч. 4. «*Мартыны*» — водоплавающие птицы. *Пятниця и Робинзон* — герои романа английского писателя Д. Дефо «Робинзон Крузо» (1719). *Андрій* — Андрей Малышко (см. примеч. 368). *Словарь Гринченка* — см. примеч. 354.

407—420. Перевод цикла «Голосіївська осінь» («Ви багато знаєте, нівроку...», «Ніч і вітер віти гне вербові...», «Ще ж для людства — навіть ще не вчора...», «Трошки вірить серце в забобони...», «Почорніли заводі в озерах...», «Є така поезія Верлена...», «Як забути...», «По полях ми з Вишнею бродили...», «Огорнула темрява кімнату...», «Ми сиділи в Гданську...», «Діалог», «День скінчився...», «Ліс, повитий срібноперим димом...», «Як ідеш ти...»). 1. *В нашем Ботаническом саду* — в Центральном республиканском ботаническом саду Академии наук УССР в Киеве. *Сказал и Гоголь так* — в повести «Невский проспект» (1834). 3. *Блерио Л.* (1872—1936) — французский воздухоплаватель, конструктор самолетов и планеров. *Циолковский К. Э.* (1857—1935) — ученый в области аэродинамики, основатель теории межпланетных сообщений. 5. Эпиграф — из стихотворения украинского поэта Я. И. Щеголева (1823—1898) «Осень». *Хокусаи К.* (1760—1849) — японский художник. 6. *Верлен П.* (1844—1896) — французский поэт, один из основоположников символизма. 8. *Осенью мы с Вишнею бродили* — с Остапом Вишнею (см. примеч. 315). 9. Эпиграф — из стихотворения И. Ф. Анненского (1856—1909) «Тоска припоминания» («Трилистник тоски»). 10. Эпиграф — из стихотворения Ф. И. Тютчева «Не то, что мните вы, природа...».

421. Перевод стих. «В затінку жайворонка...». *Хотя и не чумацкой*. Чумаки — см. примеч. 65. *Халява-богослов* — один из героев повести Гоголя «Вий».

422. Перевод стих. «Дві ластівки».

423. Перевод стих. «Краса».

424. Перевод стих. «Поетичне мистецтво».

425. Перевод стих. «Тирса і хохітва».

426. Перевод стих. «Підйомні крани».

427—429. Перевод цикла «Дві елегії і легенька сатира» («Прощально кували зозулі...», «Морозний сніг, блискучий та легкий...», «Як добре тій людині жить...»). 1. Эпиграф — из романа Олеса Гон-

чара «Таврія». 2. Эпіграф — из стихотворения И. Франко «Зів'яле листя». 3. Эпіграф — из стихотворения Т. Шевченко, починаючогося этими строками.

430. Перевод стих. «Вірш в альбом». Ш. К. — Шура (Александра Васильевна) Костенко, дочь приятеля Рыльского, В. С. Костенко. «*Быть можно дельным человеком И думать о красе ногтей*» — стихи: из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. 1).

431. Перевод стих. «Дружба».

432. Перевод стих. «Світова веселка».

433. Перевод стих. «Напутнє». «Мельница» — «Письма с мельницы» — произведение А. Доде (см. примеч. 40). Леонтович Н. Д. (1877—1921) — украинский композитор. Франко — см. примеч. 129.

434—436. Переводы из цикла «Зимові записи» («Буває часом боляче...», «Пахне снігом, сіном, кінським потом...», «Слід маленьких ніг на вогкому снігу...»). 2. Кошиц А. А. (1875—1944) — украинский композитор и дирижер, с 1920 г. проживавший эмигрантом в Канаде. Гудзон — залив и пролив в северной Канаде.

437. Перевод стих. «Завжди в місті чужому буває смеркання...».

438. Перевод стих. «Людям і народам». Прометеевский огонь. Прометей — см. примеч. 147.

439. Перевод стих. «Вуж».

440. Перевод стих. «Туга за молодістю». Эпіграф — из стихотворения А. А. Фета «А. А. Бржеской».

441. Перевод стих. «Шипшина». Эпіграф — из баллады А. К. Толстого «Канут». Леонтович — см. примеч. 433. Леся — Леся Украинка, см. примеч. 286.

442—448. Перевод цикла «Таємниця осіннього листя» («Нехай ботаніки розв'язують питання...», «Останні троянди», «Дощик», «Невгамовне серце», «Що я ненавиджу і що люблю», «Вогні в рідному місті», «Кленові листки»). 2. Первый эпіграф дублирует эпіграф к стихотворению французского поэта Поля Верлена «Так тихо сердце плачет...», переведенному на украинский язык Рыльским (см.: Поль Верлен, Лірика, Київ, 1968, с. 82). Как утверждает Ле Данте, комментатор сочинений французского поэта А. Рембо (1854—1891), «эпіграф был без сомнения заимствован из потерянного стихотворения, ибо этой строки в произведениях Рембо нет» (см.: Verlaine, Oeuvres poétiques complètes. Bibliothèque de la Pléiade, Paris, 1954, p. 927). Второй эпіграф — из украинской народной песни «Дощик». 4. Тувим — см. примеч. 404. 6. Стефаник — см. примеч. 317.

449. Перевод стих. «Промінь».

450. Перевод стих. «Багрянний вечір догорів...».

451. Перевод стих. «Андрієві Малишку». Это последнее стихотворение Рыльского, написанное им за полтора месяца до смерти. Сборник Андрея Малышко (см. примеч. 368) «Дорога під яворами» вышел на украинском языке в 1964 г. Третий цикл называется «Песня Максима Рыльского». *Вы запахи романовского утра*. Романовка — см. примеч. 31. *Ваш «Рушничок» развесила незримый*. «Песня про рушник» — популярная песня А. Малышко и композитора П. И. Майбороды, написана для кинофильма «Годы молодые» (1959). *Вишня* — см. примеч. 315. *Когда я плакал, а Козак смеялся*. Козак С. Д. (р. 1921) — украинский оперный певец и композитор, народный артист УССР.

ПОЭМЫ

452. Перевод поэмы «Чумаки». *Чумаки* — см. примеч. 65. Песнь первая. *Поэт, чья доля — птицей жить на свете* и т. д. Речь идет о стихотворении Гете «Певец», в котором декларируется свобода поэтического творчества, уподобляемого вольному пению птицы. *Довейка и Домейка* — персонажи поэмы Мицкевича «Пан Тадеуш», два шляхтича, враждовавшие из-за того, что фамилии их вечно путали. *Галья* — вероятно, героиня популярной оперы «Галья» польского композитора С. Монюшко (1819—1872). *Зюлейка* — героиня поэмы Байрона «Абидосская невеста» (1813). *Пармские долины* — в итальянской провинции Парма. *Янус* — древнеиталийское божество, воплощающее противоположные жизненные начала; изображался в виде человека с двумя лицами. *Архилох* — древнегреческий поэт 2-й половины VII в. до н. э. *Гомункул* — гомункулус, искусственный человек, которого пытались создать средневековые алхимики. О гомункулусе речь идет в «Фаусте» Гете. *Реторты* — колбы. *Навзикая* — см. примеч. 8. Песнь вторая. *Сквира* — см. примеч. 376. *Сократ* (469—399 до н. э.) — древнегреческий философ; здесь: шутовское прозвище, видимо, приятеля поэта из г. Сквира ученого-садовода И. Я. Магомета (р. 1880). «*Минувшее проходит предо мною*», «*Волнуясь, как море-окиян*» — стихи из «Бориса Годунова» Пушкина. *Чумацкий Воз* — украинское народное название созвездия Большой Медведицы. *Поденки* — насекомые-эфемеры, существование которых длится одни сутки. *Сухой океан*. Выражение взято из стихотворения «Аккерманские степи», входящего в цикл «Крымских сонетов» (1826) Адама Мицкевича. *Ярма* — деревянные хомуты для рабочего скота. *Да Винчи* — Леонардо да Винчи (1452—1519). *Челлини* Б. (1500—1574) — итальянский скульптор, ювелир и писатель, автор книги «Жизнь Бенвенуто Челлини». *Гомер — вранье*. Некоторыми учеными-эллинистами высказывались мнения, что Гомер — легендарное имя, а не подлинный автор «Илиады» и «Одиссеи». *Лейкин* Н. А. (1841—1906) — писатель и журналист, автор юмористических рассказов, издатель журнала «Осколки». *Коня крылатого седлаю* — Пегаса (греч. миф.); в поэзии Пегас — символ

поэтического вдохновения. *Друзья, наркотиками не торгую* и т. д. Заключительная фраза в предисловии И. Франко к сборнику «Поэмы» (1899). *Эзоп* (ок. VI в. до н. э.) — полулегендарный древнегреческий поэт-баснописец. *В виду имею шутника Тодося*. Тодось (Феодосий) — земляк поэта, ему посвящено стихотворение автобиографического характера (см.: М. Рыльский, Соч. в четырех томах, т. 1, с. 350—355). Песнь третья и последняя. *Очинок* — старинный головной убор замужней украинки, наподобие чепца. *Керсетка* — украинская женская одежда, вышитая безрукавка. *Оксамит* — сорт бархата. *Диоген* (ок. 404—323 до н. э.) — древнегреческий философ, проповедовавший отрешение от земных благ. *Эней* — герой Троянской войны, главный герой монументальной эпической поэмы Вергилия «Энеида». *Мистраль* — см. примеч. 58. *Гонолулу* — порт, административный центр Гавайских островов. *Фламарион К.* (1842—1925) — французский астроном. *Аристотель* (384—322 до н. э.) и *Платон* (427—347 до н. э.) — древнегреческие философы. *Скрябинский экстаз*. А. Н. Скрябин (1872—1915) — русский композитор; его «Поэма экстаза», на которую намекает поэт, написана в 1907 г.

453. Перевод поэмы «Сашкó». Гл. 1. *Еще, как «нищий-принц» у Твена*. Подразумевается роман американского писателя Марка Твена «Принц и нищий» (1882). *Как Петуху — есть расстегаи*. Петух — персонаж второго тома «Мертвых душ» Гоголя. обжора и гастроном. *Плеханов Г. В.* (1856—1918) — выдающийся деятель международного и русского социалистического движения, теоретик и пропагандист марксизма, автор ряда трудов по эстетике. Гл. 2. *Малого Дюма*. Имеется в виду А. Дюма (1824—1895), французский поэт, драматург и беллетрист, сын романиста А. Дюма, автора «Трех мушкетеров» и других авантюрно-приключенческих популярных романов. *Курфейрак* — персонаж романа В. Гюго «Отверженные», парижский повстанец, герой баррикад. Гл. 4. *Вот радость юным урбанистам!* Творчество писателей-урбанистов (от лат. «urbs» — город) отличает глубокий интерес к специфической жизни города в эпоху машинной техники и мощного научно-технического прогресса. Гл. 5. *Вдали война, как Командор*. Сравнение с образом Командора в «Каменном госте» Пушкина. *Робеспьер М.-И.* (1758—1794) — видный деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., вождь якобинцев. *Марат* — см. примеч. 374. Гл. 7. *Что в наше вырастет мое*. Реминисценция из стихотворения А. Блока «И вновь порывы юных лет...» («И всё уж не мое, а наше»). Гл. 6. *Котурны* — обувь древнегреческих актеров с очень высокими каблуками; одевалась для того, чтобы придать величественный вид артистам. Гл. 8. *Пан* — см. примеч. 49. *Силен* (греч. миф.) — воспитатель бога вина и виноделия Диониса, неизменный участник всех его затей, постоянно хмельной и веселый. *«Пиши, художник!»* — *Гете свал*. Слова из эпитафии к циклу стихотворений Гете «Kunst» («Искусство»). *А не вино вдовы Кликó*. Кликó — марка шампанского, воспетого Пушкиным в «Евгении Онегине»: «Вдовы Кликó или Мозта Благословенное вино».

454. Перевод поэмы «Марина». Пролог-посвящение. Эпитафия — из поэмы Шевченко «Марина». Перевод стихов из народной песни, процитированной Рыльским в примеч. к «Прологу-посвяще-

нию»: «Меня, Марку, возьмут, А тебя покинут, С плеч голову снимут». Гл. первая. Эпиграф — из баллады А. Мицкевича «Lilie» («Лилии»). 1. *Овидий* — автор книги «Искусство любви», см. примеч. 38. *Левкоя* и *Лидия* — имена женщин, воспетых Овидием. 2. *Магомет* (ок. 570—632) — арабский религиозный и политический деятель, основатель ислама. *За эту породу чистокровной* и т. д. Речь идет об арабской породе лошадей; арабский скакун считался самым быстродходным и выносливым. *Бедуин* — арабский кочевник. *Гайдуки* — здесь: панские холопы. Гл. вторая. 1. *Пан-отец* — здесь: священник. *Оковыта* — водка (от латинского: «aqua vita», т. е. «живая вода»). *В корчме яхнянской* — вероятно, в корчме, принадлежавшей владельцу винокуренных заводов К. М. Яхненко. *И острый, освященный нож в ладони*. Как гласит народное предание, участники крестьянского восстания 1768 г. против панского гнета на Правобережной Украине, названного Коливищиной, накануне выступления, собравшись в лесу, освятили ножи. Этот эпизод изображен в поэме Т. Шевченко «Гайдамаки» (1840). 2. *Дофин* — наследник короля во Франции. *Девушка с пастушеским жезлом* — Жанна д'Арк (ок. 1412—1431), героиня французского народа, прозванная Орлеанской девой; возглавила освободительную борьбу французов против английских захватчиков во время Столетней войны, сожжена англичанами в Руане по обвинению в колдовстве. 3. *Зализняк* (Железняк) М. (р. в нач. 1740-х годов) и *Гонта* И. (ум. 1768) — предводители крестьянских восстаний 1768 г., известных под названием Коливищины. После подавления этого движения Зализняк был осужден на вечную каторгу в Нерчинск; Гонта был выдан польско-шляхетским властям и казнен. *Кого пророк пел пламенем стихов*. Подразумевается Т. Шевченко, воспевший Зализняка и Гонта в поэме «Гайдамаки». *Феоокрит* — см. примеч. 38. *Вербена* — многолетнее травянистое растение с голубовато-лиловыми цветами. Гл. третья. Эпиграф — из украинской народной песни. *Гороскоп* — чертеж, схема расположения планет в какой-либо день, по которому средневековые астрологи пытались разгадать судьбу человека. *Сен-Жюст Л.-А.* (1767—1794) — деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., один из руководителей якобинцев, прославившийся своей безукоризненной честностью и принципиальностью. *Берберийский жеребец* — порода африканских лошадей. *Кентавры* — см. примеч. 80. Гл. четвертая. Эпиграф — из поэмы Т. Шевченко «Сон». 1. *Гурии* — в мусульманской мифологии вечно юные, райские девы. *Кохановский Я.* (1530—1584) — польский поэт. 2. *Бондаривна* и *Каневский-пан* — см. примеч. 112. Гл. пятая. Эпиграф — из украинской народной песни. 1. *Орфей* (греч. миф.) — певец-музыкант, искусство которого обладало чудодейственной силой: музыка Орфея заставляла растения склонять ветви и укрощала диких зверей. *Мазур* — поляк. *Из гайдамаков родом*, т. е. из крестьян, участвовавших в гайдамацких восстаниях (Коливищине). Гл. шестая. Эпиграф — из украинской народной песни. *Чумацкий Шлях* — Млечный Путь. *Тороватый* — щедрый. *Конфедераты* — участники объединений оппозиционно настроенных шляхтичей в Польше XVIII в. *Вот пламенные строки «Кобзаря»*. «Кобзарь» — сборник произведений Шевченко (1840); в данном случае имеется в виду эпизод из поэмы «Гайдамаки». *Гайдуки* — здесь: вооруженная стража в помещичьих (панских) име-

ниях в Польше и на Украине. Гл. седьмая. Эпиграф — из стихотворения Т. Шевченко «І широкую долину...». Гл. восьмая. Эпиграф — из украинской народной песни «Ой, стала хмара та наступати...». 1. *Запели дружки и сомкнули руки*. Дружка — девушка, участница свадебного обряда, приглашенная невестой. *Бояре — точно звезды в небесах*. Боярин — здесь: шафер. Гл. девятая. Эпиграф — из украинской народной песни. 1. *Левада* — участок земли в конце огорода, поросший травой и кустарником. *Ксантинна* — супруга древнегреческого философа Сократа; в нарицательном значении — злая жена. *Фальстафову подругу*. Фальстаф — см. примеч. 94. *Вышгород* — селение неподалеку от Киева. 2. *Из пушкинского томака глядит*. Речь идет о «Пиковой даме» Пушкина и об одноименной опере П. И. Чайковского. Гл. десятая. *Про Гедиминов тут и про Батыев*. Гедимин (ум. 1341) — великий князь литовский; во время княжения Гедимины от него были зависимы киевские князья; в 1240 г. Киев был захвачен и разрушен войском монгольского хана Батая. *Каталани А.* (1780—1849) — итальянская певица. «*Бандит Венецианский*» — переводная пьеса из репертуара первой половины XIX в. «Абелино, или Страшный разбойник венецианский». *Клико* — см. примеч. 453. *Крпленой колодой*, т. е. меченой колодой, употреблявшейся шулерами. Гл. одиннадцатая. Эпиграф — из стихотворения Т. Шевченко «О люди! люди небораки!...». 1. *Мишурес — служка-еврей в корчме или на постоялом дворе*. «*Днепровская русалка и злодей*» — популярная опера начала XIX в. «*Леста, днепроовская русалка*» (1803—1807), либретто Н. С. Краснопольского, музыка Кауэра, С. И. Давыдова и К. А. Кавоса. *Из пастухов цари тогда бывали, Когда по-человечьи рассуждали Ослицы*. Имеется в виду библейская легенда о царе Давиде, происходившем из пастухов; ослица — Валаамова ослица, которая, как гласит Ветхий завет, однажды заговорила человеческим языком. 2. «*Амур, Сатиры и Дриады*» — вероятно, название какого-то балетного спектакля. 3. *Творец «Кандида»* — Вольтер, автор этой повести. *Ездил — пусть вида — На мессу*. Отрицающая христианское вероучение и церковь, Вольтер тем не менее считал, что они необходимы для простого народа, нуждавшегося, по его мнению, в примерах религиозного благочестия; месса — церковное богослужение. *Клеопатра* (69—30 до н. э.) — последняя египетская царица из династии Птоломеев, прославившаяся своей красотой и многочисленными любовными связями.

455. Перевод поэмы «Жага». *Александр Третий* — конная статуя царя Александра III в Петербурге. *И обнимается Никола С тобольским пьяным мужиком*. Речь идет о последнем русском царе Николае II (1868—1918), сделавшем своим приближенным авантюриста Григория Распутина (1872—1916), происходившего из крестьян Тобольской губернии. *Всадник Медный* — памятник Петру I (см. примеч. 267). *Исакий* — Исаакиевский собор в Петербурге, выдающийся памятник архитектуры (1819—1858). *В Таврическом высоком зале*. В петербургском Таврическом дворце в 1906—1917 гг. происходили заседания Государственной думы. *Дворянский, царский, сонный Смольный*. В здании бывшего Смольного монастыря находился штаб вооруженного восстания в Петрограде в 1917 г. Здесь была провозглашена на II Всероссийском съезде Советов 25 октября 1917 г.

Советская власть. В Смольном находилось советское правительство и ВЦИК до переезда в Москву. *Дворец Кшесинской, точно Форум*. Во дворце Кшесинской находился в 1917 г. Центральный Комитет партии большевиков. *Про Желты-Воды, славу среди слав*. Первая крупная победа украинских казацких войск под руководством Богдана Хмельницкого над польско-шляхетскими войсками произошла 5—6 мая 1648 г. под селением Желтые Воды. *Про чуб и про сережку Святослава*. Святослав Игоревич — великий князь Киевский (964—972). *Сирко И. Д.* (ум. 1680) — кошевой атаман Запорожской Сечи. В с. Капуливке Никопольского района Днепропетровской области на могиле Сирка сохранился надгробный памятник из серого гранита. *Днипробуд* — Днепрострой, Днепровская гидроэлектростанция, первый электростанция на Украине. *Лаврская звонница* — см. примеч. 327. *Ирпень* — см. примеч. 200. *Жена моя* — см. примеч. 178. *С Богданчиком возилсь*. Имеется в виду сын Рыльских — Богдан Максимович (р. 1930). *Копыленко* — см. примеч. 405. *Сказку открытия стадиона*. На 22 июня 1941 г. в Киеве было назначено открытие стадиона (ныне — Центральный стадион). Этому событию посвящено стихотворение Рыльского «Последний день». *Сына кузнеца и крестьянского сына* — И. Франко и Т. Шевченко. *И той, что смерть поборола*. Речь идет о Лесе Украинке, см. примеч. 286.

456. Перевод поэмы «Мандрівка в молодість». Работа над произведением происходила в 1941—1944 гг. Впоследствии поэт дважды — в 1956 и 1960 гг. — возвращался к тексту поэмы, исправлял отдельные места. Печатаем перевод поэмы в новейшей редакции 1960 г. Пролог. Эпиграф — из стихотворения Пушкина «Демон». *«Птица малого полета»* — цитата из эпилога к поэме Мицкевича «Пан Тадеуш». Гл. первая я. *Спасибо, братья, вам*. См. примеч. 14 и 19. *Антонович В. Б.* (1834—1908) — историк и этнограф. *Юзефович М. В.* (1802—1889) — председатель киевской археографической комиссии, попечитель киевского учебного округа. *Пихно Д. И.* (1853—?) — профессор Киевского университета, издатель черносотенной газеты «Киевлянин», как и Юзефович — украинофоб. *Лысенко* — см. примеч. 4. *Старичий М. П.* (1840—1904) — украинский писатель. *И «Диоскурами» Иван Франко назвал*. Диоскуры (греч. миф.) — прозвище близнецов Полидевка (Поллукса) и Кастора; имена Диоскуров стали синонимами братской неразлучной дружбы. *«Забытых предков» тени*. Здесь перефразировано название повести М. Коцюбинского (см. примеч. 327) «Тени забытых предков». *Коливищина, Железняк* — см. примеч. 454, с. 657. *Голота И.* (ум. 1649) — один из руководителей украинцев и белорусов в их борьбе против польско-шляхетского ига, сподвижник Богдана Хмельницкого. *Гайдамаки* — см. примеч. 454, с. 657 *Другой гуманностью прославил своею*. В поэме Т. Шевченко «Княжна» (1847—1858) обрисован тип либерального помещика, зангрявавшего с мужиками. *Покрытка* — девушка, родившая внебрачного ребенка; в старину таким девушкам покрывали голову черным платком или очипком (чепцом). *Буддист* — приверженец буддийского вероисповедания, распространенного в Индии. *Санскрит* — старинный литературный язык. *Он с видом Моисея Скрижали нам несет*. Моисей — библейский патриарх, передавший евреям заповеди (скрижали), которые будто были изречены ему самим богом на горе

Синай. Узор «Беневского» и «Домика в Коломне» и т. д. Поэма польского поэта Ю. Словацкого (1809—1849) «Беневский» (1841), как и «Домик в Коломне» Пушкина (1830), написана октавами. Эти-ми же строфами написана и большая часть «Путешествия в молодость». *Вересай* О. Н. (1803—1890) — украинский кобзарь. *Я, Гриця из Кошляк искусство вспоминая... Как Каська молодая* и т. д. Записи и гармонизации Н. В. Лысенко сохранили имена народных певцов. *Микита* — имя неизвестного кобзаря. *Садовский* (Тобилевич) Н. К. (1856—1933) — видный украинский актер, брат И. Карпенка-Карого, П. Саксаганского, М. Садовской. *На поле синее вечерний пал туман* — перефразировка начала народной песни. *Считался он эсдеком*. Эсдек — социал-демократ. *Варшавянка* — см. примеч. 155. *Денис Каленюк* — см. примеч. 38. Гл. в т о р а я. *Ясько Ольшевский* — см. примеч. 53. *Минна и Бренда* — героини романа Вальтера Скотта «Пират». *Удельное ведомство* — управление царскими именьями. *Кузьма* — Кузьма Чуприна, см. примеч. 93. *Гекуба* (греч. миф.) — супруга троянского царя Приама, мать многих сыновей и дочерей, которых она потеряла в Троянской войне; символ материнского горя. *Саксаганский* П. К. (1859—1940) — украинский актер, народный артист СССР, младший из актерской семьи Тобилевичей. *Коклен* Б.-К. (1841—1909) — французский актер; подобно Саксаганскому, его амплуа составляли характерные роли, как комические, так и трагические. *За клуню ползем*. Клуня — овин. *Старик Аксаков* — см. примеч. 38. *Стенли* Г.-М. (Джон Роуллендс, 1841—1904) — американский путешественник и журналист, исследователь экваториальных районов Африки. *Припомните Адама*. Намек на грехопадение библейского Адама, вкусившего запретный плод. Гл. третья. *Фабр* Ж.-А. (1823—1915) — французский энтомолог, автор книги «Жизнь насекомых». *Брем* А.-Э. (1829—1884) — немецкий зоолог, автор многотомного труда «Жизнь животных» (1863—1869). *Эвклид* (начало III в. до н. э.) — древнегреческий математик, автор теоретического трактата по математике «Начала». *Мензбир* М. А. (1855—1935) — русский ученый зоолог. *Крапивку нюхаю*. Крапивка — водяное растение, роголистник. *«Всадника» читал «без головы»*. Популярный роман английского писателя Т.-М. Рида (1818—1883) «Всадник без головы» (1866). *«Пираты морей»* — приключенческий роман французского писателя Л. Жаколио (1837—1897). *Нат Пинкертон* — сыщик, герой детективных повестей — примитивных подражаний произведениям Конан-Дойля о Шерлоке Холмсе. *Пуритане* — сторонники кальвинизма в Англии, в переносном смысле — ревнители строгих нравов, обычаев. *Скрижали* — здесь: правила. *Гартарен* — см. примеч. 40. *Родион (Редько) Очкур* — см. примеч. 121. *Сохатый* — народное прозвище лося. *Уж на второй копе*. Копя — шестьдесят снопов, сложенных в одну копну. *«Казачок»* — украинский народный танец. *«Троистой» мувьки я не застал*. Имеется в виду народный оркестр из трех инструментов: скрипки, бубна и цимбал. *Ой, лихо, не Петрусь!* — припев к украинской шуточной песне «Була собі Маруся, полюбила Петрусья...». Гл. четвертая *Он на балконе был, волшебник — сам Микола Витальевич* — Н. В. Лысенко (см. примеч. 4). *Митюков* К. А. (1823—1885) — профессор римского права Киевского университета, автор «Курса римского права» (1884). *Просвितянство* — мелкое культурничество; термин образован от слова «Просвита» — названия куль-

турно-просветительных обществ, возникших во второй половине XIX в., сначала в Западной Украине, а после революции 1905 г. и в Восточной. Деятельность «Просвита» имела буржуазно-либеральный культурнический характер. *Бывало много там и желто-голубых.* Речь идет об украинских националистах, присвоивших своему флагу желто-голубые цвета. *Сковорода* — см. примеч. 91. *Цесевич Платон* — украинский оперный певец. *Сердца «Посланием Садовский потрясал.* Садовский (см. выше) читал стихотворение Т. Шевченко «И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим, на Украине и не на Украине сушим, мое дружеское послание». *Братья Райт* — Уилбер (1867—1912) и Орвилл (1871—1948) — американские авиаконструкторы и авиаторы. *Мустанг* — одичавшая лошадь в американских степях. *Совиное Крыло* — персонаж приключенческих романов. *Сквира* — см. примеч. 376. *Микола Бажан* — см. примеч. 339. *«Зоря»* — львовский литературно-общественный журнал-двухнедельник (1880—1897). *«Ой на горі»* — украинская народная историческая песня. *Индришишеч* — владелец нотного и музыкального магазина в Киеве, по национальности чех. В *«Гадеуше»* своем *Мицкевич*. См. примеч. 107. *Янкель* — один из героев поэмы *Мицкевича. Золова арфа* — струнный музыкальный инструмент, звучащий от дуновения ветра; Эол (греч. миф.) — бог ветров. *Умчалась тучка вдаль, но влажный след остался.* Парафраза строк из стихотворения Лермонтова «Утес». Гл. пятая. *Паньч Флерковский*. Речь идет о каком-то потомке помещика В. Э. Флиорковского, купившего в 1850 г. у В. В. Энгельгардта родное село Т. Шевченко Кирилловку. С Флиорковским Шевченко имел переписку по поводу выкупа из крепостного состояния своих родственников. *Дмитрий Николаевич Ревуцкий* (1881—1941) — украинский советский музыковед, фольклорист, литературовед, автор книги «Украинские думы и песни исторические» (1919). *Рябинин* сказывал так про *Вольгу когда-то.* Рябинины — семья сказителей русских былин. Речь идет, видимо, об Иване Трофимовиче Рябинине (р. 1884—?), путешествовавшем по Украине *Волга* — герой одной из былин. *Так думы Шут певал, а этак Вересай.* Шут А. (ум. 1873) — кобзарь, исполнитель дум. *Вересай* — см. выше, с. 660. *«Роняет лес багряный свой убор».* Начало стихотворения Пуштина «19 октября». *Тэн И.* (1828—1893) — французский теоретик литературы и искусства, философ, историк, представитель культурно-исторической школы. *Тропы* — образительные приемы художественной речи. *Цицерон М.-Т.* (106—43 до н. э.) — древнеримский политический деятель, блестящий оратор и писатель. *«Люблю с моим Мароном»* и т. д. Строки из лицейского стихотворения Пушкина «Городок». *И Корсунь предо мной: вдали синее Рось.* Корсунь — город Корсунь-Шевченковский, в Черкасской области УССР, расположен на берегу реки Рось. Гл. шестая. *Кропивницький М. Л.* (1840—1910) — украинский драматург, актер и режиссер. Гл. седьмая. *«Дюбек»* — сорт табака и марка папирос. *После Петрова.* Петров день — церковный праздник (29 июня ст. стиля), обычно начало сенокоса. *Азеф Е. Ф.* (1869—1918) — агент охранки и один из лидеров партии эсеров; в 1908 г. разоблачен как крупнейший провокатор, выдавший полиции многих революционеров. *Рука Богрова «Петра последнего» к могиле привела.* В 1911 г. в Киеве эсером и агентом охраны Д. Г. Богровым был убит председатель Совета министров П. А. Столыпин (1862—1911), пресловутый «умиротворитель»

России, усеявший страну виселицами после революции 1905 г. *Миллюков* П. Н. (1859—1943) — лидер конституционно-демократической (кадетской) партии, историк, депутат Государственной думы, один из вдохновителей русской контрреволюции, впоследствии — белоэмигрант. *С распутным Гришкою* — Григорием Распутиным — см. о нем примеч. 455. *Штюрмер* Б. В. (1848—1917) — один из последних председателей Совета министров царской России (1916); ставленник клики Распутина и царицы Александры Федоровны. *Родзянко* М. В. (1859—1924) — один из лидеров октябристов, контрреволюционной буржуазно-помещичьей партии России, председатель III и IV Государственных дум. Гл. восьмая и последняя. *Петлюра* — см. примеч. 317. *Деникин* — см. примеч. 169. *Лошади отнюдь не виноваты*. «Лошади не виноваты» — заглавие сатирического рассказа М. Коцюбинского (см. примеч. 327), разоблачающего несостоятельность помещичьего либерализма. *Клуня* — овин. *Симпосион* — собрание, конференция. «*Черноморцы*» — опера Н. В. Лысенко по либретто М. П. Старицкого, в основе которого — пьеса украинского писателя Я. Г. Кухаренко (1800—1862) «Черноморский быт». В этой опере Заньковецкая (см. примеч. 241) исполняла роль Цвирунки.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ¹

- Авиньонские колокола (Из цикла «Книга о Франции», 8) 336
Адонис и Афродита (1—4) 104
Адриатика (Из цикла «Книга о Франции», 10) 338
Александрю Довженко дружеское послание («Не раз, не два мы с Вами толковали...») 217
Андрию Малышко («Мой побратим! Мы иногда пейзажем...») 401
«Анемоном фиолетовым...» 120
Апологетам «нового искусства» («Достоин ли людского слова...») 328
Арлезнанки (Из цикла «Книга о Франции», 7) 335
«Арлезнанки — в фарандоле...» (Арлезнанки) 335
Армении («Сквозь темноту веков, как факел под ветрами...») 300
Афродита Милосская («Родной сестрой мадонны ты была...») 319
- Бабье лето («Во мгле осенней догорели...») 327
Багряный вечер догорел... («Багряный вечер догорел...») 401
«Базар и голуби. Сон сердца давний...» (День, 2) 112
Бакинские терцины (В Азербайджане, 1) 184
«Бедный цветок, почему среди поля...» (Письмо васильку) 324
«Беззвучно падал снег; туманно...» 57
Белорусским друзьям (На братской земле, 1) 344
«Белые щенята на соломе...» 63
«Беседой занимать не пробуй кузнеца...» 120
Бетховен («Когда до слуха гения глухого...») 134
«Благодатный, долгожданный...» (Дождь) 94
«Благословен придумавший маяк...» (Рио-де-Жанейро, 11) 354
«Благословен тот день и час...» (Слово о матери-родине) 198
«Больше перцу в слово, больше перцу!...» 109
Борьба (Трилогия дождя, II) 159
«Братья, в струны золотые...» 51
Бригадир («Совхозный бригадир в ответ на наш привет...») 310
Буфет («Приснился мне буфет старинный...») 189
«Бывает больно иногда...» (Из цикла «Зимние записи», I) 386
«Бывает день: в тумане перекресток...» 77
«Бывает так: еще не встали зори...» (Луч) 400
«Был ранний час, и пассажиры спали...» (Четыре стихотворения, 3) 151

---

¹ Названия циклов, напечатанных в данном издании неполностью, во всех случаях начинаются со слов: «Из цикла...».

- «Был теплый дождь, в траве стоит вода...» (Война алой и белой
розы) 308
- «Быть может, эта статуя смешна...» (Статуя Сатурна в Летнем
саду) 320
- В Азербайджане (1—2) 184
- «В неизвестный лес идет стрелок порой...» (Мастерство перевода) 188
- В Варшаве (Из цикла «В молодой Польше», 1) 264
- «В глазах детей, во взгляде их пытливом...» (Ленин) 225
- «В горах, среди камней и ледников...» 82
- «В густой и ровной темноте чужбинной...» (Рио-де-Жанейро, 4) 348
- «В долинах персики цветут...» (День двадцать второй) 175
- «В дремоте старый дом. Пылающее лето...» 60
- «В зеленой бухте солнце и дремота...» (День пятнадцатый, 1) 174
- «В зеленых лаврах, в синей светотени...» (Красота) 377
- В Киеве (Из цикла «Над Днепром», 2) 289
- В колхозной семье (Из цикла «Поездка в Закарпатье», 5) 283
- «В короне Киева смарагдом темногранным...» (Голосеевский лес)
209
- В косьбу (1—4) 139
- «В кувшине верба зацвела...» (Верба) 248
- «В лесной глуши, где только след звериный...» 87
- В лесу («Где цветут в лесу гвоздики...») 293
- «В любую сторону взгляни...» (Строительные краны) 380
- «В мое сердце спускается вечер, томительный...» (Размышление) 228
- В плавании (1—3) 137
- «В полях на гречу пали росы...» 52
- «В разлуке с соловьями Украины...» (Соловьям Украины) 333
- В ресторане в Гданьске... (Голосеевская осень, 10) 371
- «В субботу плещет море, и дельфины...» 83
- «В сумеречной песне колыбельной...» (Чаша дружбы) 212
- В тени жаворонка («Мы степью ехали. Немилосердно...») 375
- «В том доме, где мы побывали...» (В колхозной семье) 283
- «В тумане рос далекий Ленинград...» (Жаворонки) 229
- «В харчевне, нарочито старомодной...» (Монмартр) 340
- «В Чернигове — опять из пепелища...» (Гвоздики Коцюбинского)
294
- «В чужом городе сумерки часто бывают...» 389
- «В эпоху, милую душе своей...» 118
- «В эти дни космической ракеты...» (Диалог, посвященный дискуссии
об искусстве в «Комсомольской правде») 372
- «Вдруг тучка набежит, и брызги дождевые...» 124
- «Вейся, жаворонок, вейся...» (Песня) 50
- Великая переключка («Слышишь — сквозь ночь и кровавое пламя...»)
202
- «Великою отмечен благостыней...» 97
- Верба («В кувшине верба зацвела...») 248
- Весенний вечер («Весна за прялкою, скромна как Маргарита...») 112
- Весна («Пришла, подкралась к перекрестку...») 248
- «Весна за прялкою, скромна как Маргарита...» (Весенний вечер)
112
- «Весна с зимою на весах...» (Выздоровление) 197

- Весна человечества («Опять весна, и жавороки в поле...») 263
 «Весною мы ездили в поле...» 58
 «Весною прибыл к нам опять в скворечник...» (Скворец) 306
 «Ветвистый дуб, угрюмый и суровый...» 81
 «Вечер ясный, тихий-тихий...» (В косьбу, 2) 139
 «Взгляните: вот жилье рабочего простое...» (Из букваря) 119
 «Взлелеянный в тиши певучей...» (Я и Киев) 142
 Видение («На пароходе «Крупская» с охоты...») 208
 Виноградарь («Шумный, шустрый, загорелый...») 307
 Владимир Короленко («Его я видел в жизни только раз...») 192
 «Во мгле осенней догорели...» (Бабье лето) 327
 «Вода и воздух, молния и гром...» 125
 Воздушная трасса («Над нашим домом пролегает трасса...») 316
 «Войдите в мир, где грозы и лазурь...» (Приглашение) 305
 Война алой и белой розы («Был теплый дождь, в траве стоит вода...») 308
 «Волосинкой позолоченною...» 127
 «Вот она — весна прощанья...» (Последняя весна, 2) 236
 «Вот полночь августа, сигналы паровоза...» 132
 «Впервые видел их на воле я. Над садом...» (Фламинго) 334
 «Все весомей годы прожитые...» (На собственный день рождения) 220
 «Все умерли — а об одном скорблю я!...» 82
 «Всем телом, всем сердцем, всем светлым умом...» (Эпилог) 299
 «Всю душу бы тучке отдать белокрылой...» (Последняя весна, 1) 236
 «Вчера я видел в небе Южный Крест...» (Рио-де-Жанейро, 10) 353
 «Вы в затхлых буднях, чьи смешались даты...» 95
 Выздоровление («Весна с зимою на весах...») 197
 «Высокий взлет холмов, деревьев рост могучий...» (На берегу) 148
 «Вьются вороны встревоженно...» 174
- Ганнуся («Под небом гулким, словно под шатром...») 88
 «Гаснут огни в городе...» (Огни моего города) 398
 Гвоздики Коцюбинского (Из цикла «Щедрость», 2) 294
 «Где Пушкин и Мицкевич в оны дни...» (Медный всадник) 230
 «Где цветет в лесу гвоздики...» (В лесу) 233
 Гейне («С темно-красной розою в руке...») 72
 Голос синицы (Вступление к циклу «Трилогия дождя») 155
 Голосеевская осень (1—14) 366
 Голосеевский лес («В короне Киева смарагдом темногранным...») 209
 Голуби над Москвой («Москва, ты хороша на диво!...») 257
 «Голубым струистым дымом...» 127
 Город революций (Из цикла «Книга о Франции», 11) 339
 Грибок («Мой сын, грибок на двух тончайших ножках...») 172
 «Гром отгремел, и покоя истоною сладкой...» 74
 Грузия («О долах голубо-тенистых...») 342
 «Густыми красками земными...» (Художник) 301
- «Да, знак Весов — эпоки новой знак...» 125
 «Давно всё это было. Кисловодск...» (Цветистый луг) 318

- «Давно знаком я с морем темным...» (Адриатика) 338
 «Давно не слышал я, как перепел вдали...» (Тихо) 271
 Две ласточки («Две ласточки в гараж к нам залетели...») 376
 «Две ласточки в гараж к нам залетели...» (Две ласточки) 376
 Две силы («Две силы на земле: одна глядит в будущее...») 252
 «Две силы на земле: одна глядит в будущее...» (Две силы) 252
 Две элгии и легкая сатира (1—3) 381
 Девушка (Из цикла «Щедрость», 4) 297
 Девушка в Закопане (Из цикла «В молодой Польше», 3) 265
 День (1—3) 111
 День двадцать второй (Море и соловьи, II) 175
 День двадцать шестой (Море и соловьи, III) 176
 День двадцать седьмой (Море и соловьи, IV) 178
 День двадцать восьмой (Море и соловьи, V) 179
 День окончился... (Голосеевская осень, 12) 373
 «День Октября мы справляли алый...» (Борьба, 3) 161
 День последний (Море и соловьи, VI) 180
 День пятнадцатый (Море и соловьи, I) 174
 «Деревья шумят за окном...» 125
 Детство («Я на стуле еду по Сахаре...») 76
 Джемма («Июльский день. Гудят шмели и пчелы...») 63
 Диалог, посвященный дискуссии об искусстве в «Кл.сомольской правде» (Голосеевская осень, 11) 372
 Дивчата на винограднике («Поют дивчата о ветле густой...») 313
 «Для вас — над плёсом, на откосе...» (Белорусским друзьям) 344
 «Для ребенка мир кончается...» (Сказка) 140
 Дождик (Тайна осенней листвы, 2) 396
 Дождь («Благодатный, долгожданный...») 94
 «Дождь — в воздухе, с полей — теплынь живая...» (Чумаки) 405
 «Дождь на дворе, и ветер не смолкает...» 54
 «Дождь отшумел. О, сколько света!...» 61
 «Дождь, по пруду заплывав...» (Любовь, 3) 156
 «Дождь приносит нам веселье...» 65
 «Дождь теплый перестал — и увязают ноги...» 103
 «Дождь утихает...» (Творчество, 1) 161
 «Докуривайте, господа, кончайте...» 96
 Дом Городецкого («О странном здании не ратуя...») 147
 Дом Прешерна («Село Врба. Вдали встает, безмерна...») 240
 «Домов ажурные фасады...» (Синяя даль, 3) 71
 «Достойн ли людского слова...» (Апологетам «нового искусства») 328
 «Дошатаый тын, туман седой, лохматый...» (День, 1) 111
 Друг (Из цикла «Поездка в Закарпатье», 3) 280
 «Друг, человек! С одним тобой...» (Другу, человеку) 292
 «Другая жизнь другого ищет слова...» 130
 Другу, человеку (Из цикла «Над Днепром», 4) 292
 Дружба («Есть цветы... Слышал я, будто...») 384
 Дружба («Закончил сцену сумасшедший Лир...») 166
 Друзья («Сходятся под вечер вместе друзья-садоводы...») 312
 Друзьям во всем мире («Я руку подаю через моря и горы...») 263
 Друзьям по союзу («Кони ржали за степной Сулою...») 221
 «Дымом катится весна...» 172

«Его портрет — в колхозной хате скромной...» (Портрет Ленина)
206

«Его шагам размашисто-широким...» (Маяковский) 267

«Его я видел в жизни только раз...» (Владимир Короленко) 192

«Ее услышишь в голосе синицы...» (Приметы весны) 315

Если ты... (Голосевская осень, 14) 374

«Если ты, идя лесной тропею...» (Если ты...) 374

«Есть женское имя, как нежно оно...» 53

«Есть такие строки у Верлена...» (Голосевская осень, 6) 369

«Есть у меня лесник знакомый. Он...» (Лесник) 311

«Есть цветы... Слышал я, будто...» (Дружба) 384

«Еще есть люди: ветер и леса...» (Охотники) 93

«Еще малыш — с отцом по лесу, вдоль прогалин...» (Куда глаза гля-
дят) 121

«Еще с времен Гомера, Феокрита...» (Рыбацкое послание) 67

Жаворонки (Из цикла «Стихи о Ленинграде», 1) 229

Жажда («Тебя — от дней начальных круга...») 532

Жене («Тихий час передвечерний...») 154

Жене (Три письма, 2) 243

Журавлиная песня («Мы стаею летим в синеем просторе...») 50

Журавлиная стая («Мы у воды поставили шатер...») 361

«За лето наша речка обмелела...» (Лето и весна) 114

За мир! («За мир на всей планете...») 261

«За нехоженный Крым, за неведомый свет...» (Напутственное) 385

«За тем холмом они стояли. Если б...» (Смертный рубеж) 232

Завтрак (Из охотничьей сюиты, 2) 187

«Зангала шарманка. Монета...» 73

«Закончил сцену сумасшедший Лир...» (Дружба) 166

«Запахла осень вялым табаком...» 95

Запев (Из цикла «Над Днепром», 1) 287

«Запомнил я, как величавый...» (Ленинград) 222

Заря встает! («Меркнут звезды, белою стеною...») 204

«Заря моя вечерняя роняет...» (Неугасимая заря) 262

«Звук флейты слышен на лужке...» (День двадцать седьмой, 3) 178

«Звякнул повернутый ключ. Одиночество тихой рукою...» 75

«Здесь, в домике моем, в зеленом Ирпене...» (Надпись) 227

«Здесь всё бессмертия достойно...» (Комната Ленина в Праге) 250

«Здесь Пулковский пролег меридиан...» (Пулковский меридиан) 233

«Зелень свежая качнулась...» 102

«Землисто-темный, одинокий...» (Рио-де-Жанейро, 2) 347

«Земля волненье укротила...» (Сдвоенная лирика) 122

«Земное всё, что нашу жизнь поит...» (Похвала реальности) 194

Зимние вечера (Из цикла «Рыбацкие сонеты», 1) 186

Золотая сабля («Не помню, где — впервые на Кузнечной...») 196

Золотые ворота (Из цикла «Золотые ворота», 3) 145

«И в беспокойный, стоязкий порт...» (В плавании, 3) 138

«И мастера ж писатели, ей-богу!...» (Нотр-Дам) 334

«И подвиг, и грусть, и утрата...» (Город революций) 339

«И снова осень перед нами...» (Перед отлетом) 286

- Иван Франко («Сын кузнеца Иван, поэт рыжеволосый...») 129
 Ивану Франко («Мы, родной наш поэт, увидали...») 325
 «Из берегов ты часто выступал...» (Французскому народу) 331
 Из букваря («Взгляните: вот жилье рабочего простое...») 119
 Из Львова в Ужгород (Из цикла «Поездка в Закарпатье», 1) 274
 Из охотничьей сюиты (1—2) 187
 Из стихов о Пушкине («Хмурая усмешка Николая...») 168
 Из цикла «В молодой Польше» (1—4) 264
 Из цикла «Зимние записи» (1—3) 386
 Из цикла «Золотые ворота» (1—3) 141
 Из цикла «Книга о Франции» (1—13) 331
 Из цикла «Над Днепром» (1—4) 287
 Из цикла «Поездка в Закарпатье» (1—5) 274
 Из цикла «Рыбачьи сонеты» (1—2) 186
 Из цикла «Стихи о Ленинграде» (1—6) 229
 Из цикла «Щедрость» (1—6) 294
 «Искренние друзья лет ребячьих...» (Теням давнишних друзей) 187
 Искусство поэзии («Лишь только жизнь пройдя большую...») 378
 «Июльский день. Гудят шмели и пчелы...» (Джемма) 63
- «К нам прилетает каждый день во двор...» 113
 «К тебе, души моей отрада...» (Ленинграду) 321
 «Как вестника любви народной...» (Запев) 287
 «Как внимательный охотник...» 92
 «Как выдумка чудесна у поэта!...» (Поэт) 296
 «Как груша дикая среди жита...» (Рио-де-Жанейро, 8) 352
 Как забыть... (Голосевская осень, 7) 369
 «Как забыть мне снег пахучий, талый...» (Как забыть...) 369
 «Как лес, как мачты радостных флотилий...» 107
 «Как Одиссей, измученный блужданьем...» 52
 «Как отзвук прожитых веков...» (Родная речь) 355
 «Как поросль виноградных нежных лоз...» (Язык) 314
 «Как радуга, что два материка...» (Письмо украинцам в Америке)
 201
- «Как сизо-розовое пламя...» (Попугай, 2) 86
 «Как сладок свет! В лучах сияют дали...» 65
 «Как слово милой, в памяти моей...» (Четыре стихотворения, 2) 150
 «Как хорошо, когда горит огонь...» (Огни) 358
 «Как хорошо такому жить...» (Две элегии и легкая сатира, 3) 382
 «Каким бы стал глупцом я нестерпимым...» (Тоска по молодости)
 392
- «Каплей в гулкую криницу...» (День пятнадцатый, 2) 175
 «Карпаты... Мглистая видна...» (Из Львова в Ужгород) 274
 «Качнулась занавеска на окне...» 81
 Киев (Из цикла «Золотые ворота», 1) 141
 Киев (Поздние соловьи, 4) 270
 «Киев дымкою овсаяв...» (Киев) 270
 Китаев («Он рукавом развеял тучи...») 99
 Кленовые листья (Тайна осенней листвы, 6) 399
 «Князю не спится и спится...» (Свистнул Овлур за рекою) 188
 Ковыль и стрепет («Упрямы — эта птица и трава...») 379
 «Когда в груди моей тревога...» 62

- «Когда, в свободный час, склоняясь над тетрадкой...» 113
 «Когда до слуха гения глухого...» (Бетховен) 134
 «Когда житейской неудачи...» 285
 «Когда звенят черешни...» 103
 Когда копают картошку... («Когда копают картошку — стелется дым над землей...») 325
 «Когда напев родного края...» (Песни) 271
 «Когда, с зарею, бригантину...» 98
 «Когда срезают грозди винограда...» 80
 «Когда убьют всё лучшее заботы...» 56
 «Когда Уэльский принц взошел на отчий трон...» (Фальстаф) 100
 «Коль ты событий не участник...» (Товарищу по перу) 269
 «Комната во мраке утопает...» (Голосевская осень, 9) 371
 Комната Ленина в Праге («Здесь всё бессмертия достойно...») 250
 «Кому повем печаль мою...» (Рио-де-Жанейро, 7) 351
 Кони («Напившись из ручья прозрачнее стекла...») 124
 Кони Аничкова моста (Из цикла «Стихи о Ленинграде», 3) 231
 «Кони ржали за степной Сулою...» (Друзьям по союзу) 221
 Красное вино («Сверкает граб прозрачно-желтый...») 55
 Красота («В зеленых лаврах, в синей светотени...») 377
 «Крик незнакомых желтых птиц...» (Рио-де-Жанейро, 1) 346
 «Кружит ветер вешний...» 103
 «Кто города не любит, где родился...» (Кони Аничкова моста) 231
 «Кто слышал, как с высот текла...» (Лесорубы) 278
 «Кто храмы для богов, из мрамора чертоги...» 123
 Куда глаза глядят («Еще малыш — с отцом по лесу, вдоль прогалин...») 121
 «Кукушки, грустя, куковали...» (Две элегии и легкая сатира, 1) 381

 «Лаванду возле Арля видел я...» (Снова о соловьях) 333
 Ласточки («Ласточки на проволоку сели...») 132
 «Ласточки и дети за окном...» (Последняя весна, 7) 238
 «Ласточки летают — им летается...» 108
 «Ласточки на проволоку сели...» (Ласточки) 132
 «Лежат века в глухих просторах...» (Радуга над миром) 384
 «Лежит здесь Красношапка Николай...» (На могиле героя) 234
 Ленин («В глазах детей, во взгляде их пытливом...») 225
 Ленин («С жестом простым и суровым...») 130
 Ленинград («Запомнил я, как величавый...») 222
 Ленинграду («К тебе, души моей отрада...») 321
 Лес («Этот лес, или по-сербски шума...») 256
 «Лес, повитый серебристой дымкой...» (Голосевская осень, 13) 373
 Лесник («Есть у меня лесник знакомый. Он...») 311
 Лесорубы (Из цикла «Поездка в Закарпатье», 2) 278
 Леся Украинка («Сквозь метели идти отважно...») 247
 Лето и весна («За лето наша речка обмелела...») 114
 «Лишь только жизнь пройдя большую...» (Искусство поэзии) 378
 Луч («Бывает так: еще не встали зори...») 400
 «Люби природу не как символ...» 64
 «Любить двоих — одна душа не властна...» (Последняя весна, 5) 237
 Любовь (Трилогия дождя, I) 155

- «Любовь изранит и обманет. . .» 126
 «Людей различных веренища. . .» (Цирк) 173
 Люди («Я этим не хвалюсь, что мало я знаком. . .») 148
 Людям и народам («Народы мира, люди всех племен. . .») 390
- «Мазурка нас в объятия взяла. . .» (На концерте «Мазовше») 313
 Марина («Работа стихла. Сумерки клубятся. . .») 434
 Мастерство перевода («В безвестный лес идет стрелок порой. . .») 183
 «Машина пронеслась, полоску дымовую. . .» 118
 Маяковский («Его шагам размашисто-широким. . .») 267
 Медный всадник (Из цикла «Стихи о Ленинграде», 2) 230
 «Меркнут звезды, белую стеною. . .» (Заря встает!) 204
 «. . . Мне вспомнилась за прорезью окна. . .» (День двадцать восьмой, 2) 179
 «Мне Крыма берега милы. . .» (День двадцать шестой, 3) 177
 «Мне памятен весны приход. . .» (Слово писателя) 259
 «Мне приснилось: я мельник, на мельнице я. . .» 61
 Мое село («Там где-то, в снежной тьме, село и домик мой. . .») 206
 «Может быть, последние страницы. . .» (Преемник) 258
 «Можете не верить — как угодно. . .» (Голосеевская осень, 1) 366
 «Мой дорогой Андрий, как просто в нашем деле. . .» (Сонет) 326
 «Мой побратим! Мы иногда пейзажем. . .» (Анриу Малышко) 401
 «Мой сын, грибок на двух тончайших ножках. . .» (Грибок) 172
 «Молюсь и верю. Набегая. . .» 59
 Монмартр (Из цикла «Книга о Франции», 12) 340
 Море и соловьи (I—VI) 174
 «Мороз! Ты — как душа парнасского певца. . .» 76
 «Морозный, легкий искрится снежок. . .» (Две элегии и легкая сатира, 2) 381
 «Моря в солнечных искрах. . .» (День двадцать шестой, 2) 176
 Москва («Сердце народов, разум земли. . .») 204
 «Москва, ты хороша на диво! . .» (Голуби над Москвой) 257
 Мосты («Я видел мост в стране чехословацкой. . .») 254
 «Мохнатый шмель пьет мед из красных шапок. . .» (Полдень) 102
 Музей Ленина в Поронине (Из цикла «В молодой Польше», 4) 266
 «Мы в саду каштаны собирали с сыном. . .» 165
 «Мы вместе к Тисе шли. Вначале. . .» (Друг) 280
 «Мы встретились в трамвае на площадке. . .» (Любовь, 5) 157
 «Мы встречались с тобой только раз. . .» 54
 «Мы долго плавали, мы видели чредой. . .» (В плавании, 2) 137
 «Мы, родной наш поэт, увидали. . .» (Ивану Франко) 325
 «Мы стаею летим в синюющем просторе. . .» (Журавлиная песня) 50
 «Мы степью ехали. Немилосердно. . .» (В тени жаворонка) 375
 «Мы стучим, мы звеним топорами. . .» 126
 «Мы у воды поставили шатер. . .» (Журавлиная стая) 361
- На берегу («Высокий взлет холмов, деревьев рост могучий. . .») 148
 «На берегу веселой Влтавы. . .» (Прага) 249
 На братской земле (1—2) 344
 «На грани двух эпох в прошедшие века. . .» (Низами) 185
 «На зелено-синем море. . .» 300
 На концерте «Мазовше» («Мазурка нас в объятия взяла. . .») 313

- На могиле героя (Из цикла «Стихи о Ленинграде», 6) 234
 «На пароходе «Крупская» с охоты...» (Видение) 208
 На пристани («Подходит пароход. Зигзагами, кругами...») 131
 «На свете есть певучий Лангедок...» (Синяя даль, 1) 70
 «На синих кручах над Днепром...» (Киев) 141
 На собственный день рождения («Всё весомей годы прожитые...») 220
 «На солнце ясень в жар одет...» 131
 «На улицах вода синее...» 73
 «Над древним Каспием в голубизне — взгляни...» (Бакинские терцины) 184
 «Над землей сентябрь и август...» (Четыре стихотворения, 1) 149
 «Над землей сентябрь и август...» (Четыре стихотворения, 4) 152
 «Над нашим домом пролегал трасса...» (Воздушная трасса) 316
 Надпись («Здесь, в домике моем, в зеленом Ирпене...») 227
 Надпись на украинском двухтомнике Пушкина («Тебе, жена и друг мой милый...») 167
 «Напившись из ручья прозрачнее стекла...» (Кони) 124
 «Напрасно музыка далекая струится...» (Поэт) 123
 Напутственное («За нехоженный Крым, за неведомый свет...») 385
 Народам мира («Среди миров наш мир кружит...») 190
 Народам Советской земли («Народы! Море урожая...») 169
 «Народы! Море урожая...» (Народам Советской земли) 169
 «Народы мира, люди всех племен...» (Людьми и народам) 390
 «Наш Киев сбросил животворный сон...» (Жене) 243
 «Наш «экипаж» — я, сын мой и шофер...» (Обед на траве) 298
 «Наше брачное ложе душистые розы укрыли...» 74
 «Не Беатриче образ ясноокий...» 61
 «Не бойся грусти, что живет...» 262
 «Не видав, как джигу исполняют...» (Похвала воображению) 194
 «Не забуду вечер, серп двурогий...» 329
 «Не зная устали, по штукатурке дома...» (День последний) 180
 «Не молоды, но так полны...» (Серсо) 330
 «Не нагледелся я на розовые почки...» 117
 «Не помню, где — впервые на Кузнечной...» (Золотая сабля) 196
 «Не прихотью миллиардера...» (Постройка) 133
 «Не раз, не два мы с Вами толковали...» (Александру Довженко дружеское послание) 217
 «Не смесью и одежд и лиц...» (Новая Каховка) 291
 «Не смывать всем аравийским ароматам...» 121
 «Невозмутимый сын украинской долины...» (День двадцать шестой, 4) 177
 «Ненадолго мне приснилась...» (Девушка в Закопане) 265
 Несвоевременная лирика («Черт поberi порыв души к полету...») 163
 «Нет, без артистов и жонглеров...» (Адонис и Афродита, 2) 105
 «Нет воспоминаний горячее...» 171
 «Нет! Не казарма — день грядущий...» 84
 «Нет, ничто не умрет во Вселенной...» (Последняя весна, 9) 239
 Неугасимая заря («Заря моя вечерняя роняет...») 262
 Неугомонное сердце (Тайна осенней листвы, 3) 397
 Низами (В Азербайджане, 2) 185
 Новая Каховка (Из цикла «На Днепре», 3) 291

- Новые люди («Я знаю летчика, и не один он, верно...») 286
 Новый хлеб («Пахучей пылью всё полно кругом...») 121
 «Носил я браконьера лук тяжелый...» (Шекспир) 72
 Нотр-Дам (Из цикла «Книга о Франции», 6) 334
 «Ночь, и ветер вербы нагибает...» (Голосеевская осень, 2) 366
 Ночью (Поздние соловьи, 3) 269
- «О демократии своей немало...» (Рио-де-Жанейро, 6) 350
 «О детстве по-разному можно...» (Любовь, 1) 155
 «О долах голубо-тенистых...» (Грузия) 342
 «О кавалеры улочек глухих...» (Адонис и Афродита, 3) 106
 «О край родной! Вечернею порою...» (Письмо в родной край) 240
 «О, кто сказал, что не земная ты?...» (Сикстинская мадонна) 316
 «О, муза! Снова ты со мною!...» 69
 «О, пристань тихая рабочего стола...» (В плавании, 1) 137
 «О странном здании не ратуя...» (Дом Городецкого) 147
 Обед на траве (Из цикла «Щедрость», 5) 298
 «Облачко в небе — пушинкой и легкой и нежной...» (Утро нашей Родины) 285
- Огни («Как хорошо, когда горит огонь...») 358
 Огни моего города (Тайна осенней листвы, 5) 398
 «Одегый в свитку, строен и спокоен...» (Федькович поэт) 133
 «Один садовник так меня учил...» (Совет) 312
 «Ой, земля, вся нарядная...» (В косьбу, 4) 140
 «Он зло ругается, а пот течет по коже...» (Творчество, 3) 162
 «Он подрастал в грязи предместья...» (Сашко) 418
 «Он рукавом развеял тучи...» (Китаев) 99
 «Она — весенних роз расцвет...» (Определение поэзии) 294
 «Они большевики...» (Золотые ворота) 145
 Определение поэзии (Из цикла «Щедрость», 1) 294
 «Опять весна, и жаворонки в поле...» (Весна человечества) 263
 «Опять «Тадеуша» я развернул...» 107
 «Осенней порой появляются птицы...» 193
 «Осенний холодок, над пажитью синяя...» 108
 Осень («Осень, осень, осень... Шум осин...») 215
 «Осень, осень, осень... Шум осин...» (Осень) 215
 «Осень ходит в блеске позолоты...» 78
 «Осенью мы с Вишнею бродили...» (Голосеевская осень, 8) 370
 Остапу Вишне («Привет мой Вам, Остап мой милый...») 272
 «Отзеленела коса моя...» (В косьбу, 1) 139
 «Отцоклаи в походе кони...» (Труда и мира дни настали) 183
 Отчизна моя («Отчизна моя — не дворец золотой...») 165
 «Отчизна моя — не дворец золотой...» (Отчизна моя) 165
 «Отчизна! Мы горды тобою...» (Отчизне) 317
 Отчизне («Отчизна! Мы горды тобою...») 317
 Охотники («Еще есть люди: ветер и леса...») 93
- Памяти дядюшки моего Кузьмы Чуприны («Я помню: полкопны об-молотить, бывало...») 100
 Памятник Копернику в Кракове (Из цикла «В молодой Польше», 2) 265
 Парижу из Киева (Из цикла «Книга о Франции», 13) 341
 Партии («Родная Партия великого народа...») 343

- «Пахнуло голосом прекрасным...» 55
 «Пахучей пылью всё полно кругом...» (Новый хлеб) 121
 Перед весной («Слыхали? Жаворонки прилетели!...») 109
 Перед грозой («Сто забот в апреле знали...») 306
 Перед отлетом («И снова осень перед нами...») 286
 Перед старинным зданием («Сколько гения, как много...») 146
 Перешла дорогу (Из цикла «Рыбачьи сонеты», 2) 186
 Переяславская Рада («Ты стоишь передо мною...») 224
 «Пером багряным вечность пишет...» 64
 Песни (Поздние соловьи, 6) 271
 «Песнь живет, забвенье поборовши...» (Польше) 357
 Песня («Вейся, жаворонок, вейся...») 50
 Письмо в родной край (Три письма, 1) 240
 Письмо васильку («Бедный цветок, почему среди поля...») 324
 Письмо по утерянному адресу («Сутулый, в гимназической фуражке...») 180
 Письмо украинцам в Америке («Как радуга, что два материка...») 201
 «Плещут у влажного берега легкие, светлые воды...» 66
 «По городу, Парисовы чертоги...» 96
 «По мосту, над темною водою...» 98
 «Под небом гулким, словно под шатром...» (Ганнуся) 88
 «Подходит пароход. Зигзагами, кругами...» (На пристани) 131
 Поздние соловьи (1—6) 268
 Поздние соловьи («Уже весна отпировала...») 268
 «Покину аптеку, домашние беды...» 78
 Полдень («Мохнатый шмель пьет мед из красных шапок...») 102
 «Поле чернеет. Проходят тучи...» 58
 «Полей-ка эту яблоню — она...» (Яблонька-мать) 252
 «Положи ты мне на сердце руку...» 138
 «Полстолетия — как мгновенье, скоро...» (Голосеевская осень, 3) 367
 Польше («Песнь живет, забвенье поборовши...») 357
 «Помню день, когда я, гимназистом...» (Страничка мемуаров) 135
 Попугай (1—4) 85
 Портрет Ленина («Его портрет — в колхозной хате скромной...») 206
 После дождя («Хороший дождик в пору сна...») 251
 Последние розы (Тайна осенней листвы, 1) 395
 Последний день («Уже на грядке вспыхнула клубника...») 218
 Последняя весна (1—9) 236
 Постройка («Не прихотью миллиардера...») 133
 Похвала воображению («Не выдав, как джигу исполняют...») 194
 Похвала реальности («Земное всё, что нашу жизнь поит...») 194
 «Почернели заводы в озерах...» (Голосеевская осень, 5) 368
 Поэт (Из цикла «Щедрость», 3) 296
 Поэт («Напрасно музыка далекая струится...») 123
 «Поэт высмеивал альбомы...» (Стихотворение в альбом) 383
 «Поэт! Прими же от собрата...» (Творчество, 2) 162
 «Поэт! Ты будь своим судьбою...» 82
 «Поют дивчата о ветле густой...» (Дивчата на винограднике) 313
 Прага («На берегу веселой Влтавы...») 249
 Приемник («Может быть, последние страницы...») 258
 «Привет мой Вам, Остап мой милый...» (Остапу Вишне) 272

- «Привет молодым трубадурам...» (Прочитав воспоминания Мистрала) 79
- «Привязан утлый челн к чернеющей коряге...» (Трое в одной лодке (не считая собаки) 97
- Приглашение («Войдите в мир, где грозы и лазурь...») 305
- «Придя к ограбленному дому...» 226
- Приметы весны («Ее услышишь в голосе синицы...») 315
- «Примчалась тучка, тучка улетела...» (День, 3) 112
- «Приношу я тебе наболевшего сердца дары...» (Последняя весна, 3) 236
- «Припомнилось счастье былое...» (Ночь) 269
- «Приснился мне буфет старинный...» (Буфет) 189
- «Пришла зима, и замело дороги...» 90
- «Пришла, подкралась к перекрестку...» (Весна) 248
- Прометей («Прометей, титан мятежный!...») 128
- «Прометей, титан мятежный!...» (Прометей) 128
- «Простерлась зелень всходов полевая...» (Труды и дни) 101
- Прочитав воспоминания Мистрала («Привет молодым трубадурам...») 79
- Пулковский меридиан (Из цикла «Стихи о Ленинграде», 5) 233
- «Пусть разбираются ботаники в вопросе...» (Тайна осенней листвы) 394
- Путешествие в молодость («Родной народ передо мной сияет...») 549
- Путь («Путь без краю лежит... Всё сгущается мгла...») 51
- «Путь без краю лежит... Всё сгущается мгла...» (Путь) 51
- «Работа стихла. Сумерки клубятся...» (Марина) 434
- Радуга над миром («Лежат века в глухих просторах...») 384
- «Разгулялся ветер синий...» (Попугай, 4) 87
- Размышление («В мое сердце спускается вечер, томительный, длинный...») 228
- Рио-де-Жанейро (1—11) 346
- «Родная Партия великого народа...» (Партии) 343
- Родная речь («Как отзвук прожитых веков...») 355
- «Родной народ передо мной сияет...» (Путешествие в молодость) 549
- «Родной сестрой мадонны ты была...» (Афродита Милосская) 319
- Розы и виноград («С работы девушка усталая пришла...») 308
- «Рона, зеленая Рона...» (Роне) 337
- Роне (Из цикла «Книга о Франции», 9) 337
- «Рукам, которые так подобрали краски...» (Чувашским вышивальщицам) 274
- Рыбачье послание («Еще с времен Гомера, Феокрита...») 67
- «С жестом простым и суровым...» (Ленин) 130
- «С ним мало встреч могу я привести...» (Якуб Колас) 345
- «С работы девушка усталая пришла...» (Розы и виноград) 308
- «С темно-красной розою в руке...» (Гейне) 72
- Сады Болгарии («Сады Болгарии — не только цвет...») 341
- «Сады Болгарии — не только цвет...» (Сады Болгарии) 341
- Сатирику («Стихом бичуя ложь, распутство и пороки...») 113
- Сашко («Он подрастал в грязи предместья...») 418

- «Сбирают светлый, золотистый мед. . .» 91
 «Сверкает граб прозрачно-желтый. . .» (Красное вино) 55
 «Сверкают залы, да какие. . .» (Хлеб и соль) 282
 Свистнул Овлуз за рекою («Князю не спится и спится. . .») 188
 «Свою голову русую она. . .» (Девушка) 297
 Сдвоенная лирика («Земля волнение укротила. . .») 122
 «Село Врба. Вдали встает, безмерна. . .» (Дом Прешерна) 240
 «Сердце верит иногда приметам. . .» (Голосеевская осень, 4) 368
 «Сердце народов, разум земли. . .» (Москва) 204
 «Сердце! Тает снег! Дохнул. . .» 128
 Сердце Шопена (Из цикла «Книга о Франции», 2) 332
 Серсо («Не молоды, но так полны. . .») 330
 Синстинская мадонна («О, кто сказал, что не земная ты? . .») 316
 Синяя даль (1—3) 70
 «Сияет лето у порога. . .» 60
 Сказка («Для ребенка мир кончается. . .») 140
 «Сквозь дождь прорвется луч упруго. . .» (Любовь, 2) 156
 «Сквозь метели идти отважно. . .» (Лесья Украинка) 247
 «Сквозь прогнившую листву подснежник. . .» (День двадцать восьмой, 1) 179
 «Сквозь темноту веков, как факел под ветрами. . .» (Армении) 300
 «Сквозь тьму докучную дождей. . .» (Голос синицы) 155
 Скворец («Весною прибыл к нам опять в скворечник. . .») 306
 «Скользкий тротуар не просыхает. . .» (Любовь, 6) 158
 «Сколько гения, как много. . .» (Перед старинным зданием) 146
 «Сколько лет ни пройдет — будет, сидя над кручю. . .» 75
 Слава («Слава солнцу молодому. . .») 154
 «Слава солнцу молодому. . .» (Слава) 154
 «Следы копыт укрыло снежной дымкой. . .» 91
 «Следы ребенка на снегу. . . И сразу мне. . .» (Из цикла «Зимние записи», 3) 388
 Слово о матери-родине («Благословен тот день и час. . .») 198
 Слово писателя («Мне памятен весны приход. . .») 259
 «Слыхали? Жаворонки прилетели! . .» (Перед весной) 109
 «Слышишь — сквозь ночь и кровавое пламя. . .» (Великая переключ-ка) 202
 Смертный рубеж (Из цикла «Стихи о Ленинграде», 4) 232
 «Смуглянка мать с детишками двумя. . .» (Рио-де-Жанейро, 9) 352
 «Снегом, сеном, потом лошадиным. . .» (Из цикла «Зимние записи», 2) 387
 «Снова Киев за туманом. . .» (Парижу из Киева) 341
 Снова о соловьях (Из цикла «Книга о Франции», 4) 333
 Совет («Один садовник так меня учил. . .») 312
 «Совхозный бригадир в ответ на наш привет. . .» (Бригадир) 310
 Соловьям Украины (Из цикла «Книга о Франции», 3) 333
 Сонет («Мой дорогой Андрий, как просто в нашем деле. . .») 326
 Сплотным трезвоном богомольным. . .» (Авиньонские колокола) 336
 «Среди миров наш мир кружит. . .» (Народам мира) 190
 «Стал легкомыслен я: пишу хорей. . .» (День двадцать седьмой, 2) 178
 Статуя Сатурна в Летнем саду («Быть может, эта статуя смешна. . .») 320

- «Стихом бичуя ложь, распутство и пороки...» (Сатирику) 113
 Стихотворение в альбом («Поэт высмеивал альбомы...») 383
 «Сто забот в апреле знали...» (Перед грозой) 306
 «Стоит в Варшаве церковь. Там стена...» (Сердце Шопена) 332
 Страничка мемуаров («Помню день, когда я, гимназистом...») 135
 Строительные краны («В любую сторону взгляни...») 380
 «Стучась в окошко, ветер завывает...» 104
 «Стучат подо мною колеса...» 66
 «Суровых слов, что леденят и жгут...» 114
 «Сутулый, в гимназической фуражке...» (Письмо по утерянному адресу) 180
 «Сходятся под вечер вместе друзья-садоводы...» (Друзья) 312
 «Сын кузнеца Иван, поэт рыжеволосый...» (Иван Франко) 129
 «Сын, скажу тебе я, что сказала...» (Любовь, 7) 158
 Сыну (Три письма, 3) 245
- Тайна осенней листвы (1—6) 394**
 «Так верится: березы эти, ели...» (Ясная Поляна) 302
 «Так время осени садовник наш зовет...» (Третье цветение) 323
 «Там, в саду, листва густая...» (День двадцать седьмой, 1) 178
 «Там, где алые голуби воруют...» (Попугай, 1) 85
 «Там, где белеют Лавры стены...» (В Киеве) 289
 «Там, где на склонах Татр гулял Яносик...» (Музей Ленина в Поронине) 266
 «Там где-то, в снежной тьме, село и домик мой...» (Мое село) 206
 «Тарань сняет под лучами солнца...» (Завтрак) 187
 Творчество (Трилогия дождя, III) 161
 «Тебе, жена и друг мой милый...» (Надпись на украинском двухтомнике Пушкина) 167
 «Тебе одной... Хоть это уж не раз...» 170
 «Тебе я вновь принес, Варшава!...» (В Варшаве) 264
 «Тебя — от дней начальных круга...» (Жажда) 532
 Теня давнишних друзей (Из охотничьей сюиты, 1) 187
 «Тихий и сладкий дождик...» (Дождик) 396
 «Тихий час передвечерний...» (Жене) 154
 Тихо (Поздние соловьи, 5) 271
 «То было... Было всё и откатилось...» (Черемуха после дождя) 322
 «То встречались мы, то разлучались...» (Любовь, 4) 157
 Товарищу по перу (Поздние соловьи, 2) 269
 «Топочут овцы, кони ржут, ревет...» 119
 Тоска по молодости («Каким бы стал глупцом я нестерпимым...») 392
 «Трепещет осокорь, гигантом белым...» 94
 Третье цветение («Так время осени садовник наш зовет...») 323
 Три девушки («Три девушки, студентки-агрономы...») 329
 «Три девушки, студентки-агрономы...» (Три девушки) 329
 Три письма (1—3) 240
 Трилогия дождя (I—III, 1—13) 155
 «Тристан коня седлает...» 74
 Трое в одной лодке (не считая собаки) («Привязан утлый челн к чернеющей коряге...») 97
 «Трубочист всех грязней на свете...» (Адонис и Афродита, 1) 104

- Труда и мира дни настали («Отцокали в походе кони...») 183
 Труды и дни («Простерлась зелень всходов полевая...») 101
 «Ты бойцом был, пламенным певцом...» (Янке Купале скромные надгробные цветы) 216
 «Ты был еще совсем катигорошек...» (Сыну) 245
 Ты, как доля моя... («Ты, как доля моя, многотрудна!...») 214
 «Ты, как доля моя, многотрудна!...» (Ты, как доля моя...) 214
 «Ты когда ж успокоишься, сердце?...» (Неугомонное сердце) 397
 «Ты не дашь мне теперь заснуть...» 85
 «Ты помнишь ли? Мы ехали с охоты...» 62
 «Ты стоишь передо мною...» (Переяславская Рада) 224
 «Ты целый день копнила на лужок...» (В косьбу, 3) 139
- «У нас на огородах всё укропом...» (Рио-де-Жанейро, 5) 349
 «У стен старинных университета...» (Памятник Копернику в Кракове) 265
- Уж («Уж не опасен...») 390
 «Уж помидоры покраснели...» 57
 «Уж просо скошено, и в поле тихо стало...» 53
 «Уже весна отпирovala...» (Поздние соловьи, 1) 268
 «Уже на грядке вспыхнула клубника...» (Последний день) 218
- Украине («Украина родимая! Волны полей...») 203
 «Упрямы — эта птица и трава...» (Ковыль и стрепет) 379
- Утро нашей Родины («Облачко в небе — пушинкой и легкой и нежной...») 285
- Фальстаф («Когда Уэльский принц взошел на отчий трон...») 100
 Федькович поет («Одетый в свитку, строен и спокоен...») 193
 Фламинго (Из цикла «Книга о Франции», 5) 334
 Французскому народу (Из цикла «Книга о Франции», 1) 331
- «Хамсна пыль всю даль затмила...» (Попугай, 3) 86
 «Хвосты в дорогу коням подвязали...» 111
 Хевсур в долине («Хевсур спустился с прадедовских гор...») 303
 «Хевсур спустился с прадедовских гор...» (Хевсур в долине) 303
 Хлеб и соль (Из цикла «Поездка в Закарпатье», 4) 282
 «Хмурая усмешка Николая...» (Из стихов о Пушкине) 168
 «Хороший дождик в пору сна...» (После дождя) 251
 «Хоть ночь баюкала упорно...» 170
 «Хотя б во сне увидеть снова...» (Синяя даль, 2) 71
 Художник («Густыми красками земными...») 301
- Цветет азалия («Цветет азалия, мой добрый Ушаков...») 195
 «Цветет азалия, мой добрый Ушаков...» (Цветет азалия) 195
 «Цветет сирень, сады белеют...» 59
 «Цветет шиповник под моим окном...» (Шиповник) 393
 Цветистый луг («Давно всё это было. Кисловодск...») 318
 «Целый день не стихала работа...» 117
 Цирк («Людей различных вереница...») 173
- Чаша дружбы («В сумеречной песне колыбельной...») 212
 Черемуха после дождя («То было... Было всё и откатилось...») 322
 «Черт поберит порыв души к полету...» (Несвоевременная лирика) 163

Четыре стихотворения (1—4) 149

«Четырнадцатый черный год был зол...» (Борьба, 1) 159

«Число звериное исчислил...» (Адонис и Афродита, 4) 106

«Что сделаешь? В ходу еще немало...» (Перешла дорогу) 186

Что я ненавижу, что люблю (Тайна осенней листвы, 4) 397

Чувашским вышивальщицам («Рукам, которые так подобрали краски...») 274

Чумаки («Дождь — в воздухе, с полей теплынь живая...») 405

«Чуть розовый вечер на землю слетит...» 49

«Чуть светит дремлющая плошка...» 84

Шекспир («Носил я браконьера лук тяжелый...») 72

Шиповник («Цветет шиповник под моим окном...») 393

«Шумит, и шепчет, и тревожит...» 91

«Шумный, шустрый, загорелый...» (Виноградарь) 307

Эпилог (Из цикла «Щедрость», 6) 299

«Этот лес, или по-сербски шума...» (Лес) 256

«Я видел мост в стране чехословацкой...» (Мосты) 254

«Я вспоминаю вечера зимою...» (Зимние вечера) 186

«Я десять лет не видел Аю-Дага...» (День двадцать шестой, 1) 176

«Я знаю летчика, и не один он, верно...» (Новые люди) 286

Я и Киев (Из цикла «Золотые ворота», 2) 142

«Я изменял тебе или искал отраду...» (Последняя весна, 4) 237

«Я молодой и чистый...» 77

«Я на стуле еду по Сахаре...» (Детство) 76

«Я ненавижу ложь...» (Что я ненавижу, что люблю) 397

«Я никогда не знал, что так люблю...» 246

«Я обидел тебя. Я сказал...» (Последняя весна, 8) 239

«Я памятник себе воздвиг недолговечный...» 116

«Я помню, вернулся с позиций...» (Борьба, 2) 160

«Я помню: полкопны обмолотить, бывало...» (Памяти дядюшки моего Кузьмы Чуприны) 100

«Я пришел усталый, обессилев...» (Последняя весна, 6) 238

«Я руку подаю через моря и горы...» (Друзьям во всем мире) 263

«Я сам себе приснился в чаще...» (Рио-де-Жанейро, 3) 347

«Я — сын моей страны. Вы слышите, иуды...» (Я — сын Страны Советов) 205

Я — сын Страны Советов («Я — сын моей страны. Вы слышите, иуды...») 205

«Я утомился от раскрашенных...» 99

«Я хмурый день люблю, когда лучей сиянье...» 49

«Я этим не хвалюсь, что мало я знаком...» (Люди) 148

«Яблоки поспели, красные поспели!...» 53

Яблонька-мать («Полей-ка эту яблоню — она...») 252

Язык («Как поросль виноградных нежных лоз...») 314

Якуб Колас (На братской земле, 2) 345

Янке Купале скромные надгробные цветы («Ты бойцом был, пламенным певцом...») 216

Ясная Поляна («Так верится: березы эти, ели...») 302

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Фото 1961 г.
2. *Между с. 160 и 161*. Фото 1926 г.
3. *На обороте*: кадр из кинохроники 1942 г.
4. *С. 207*. Автограф стих. «Я — сын Страны Советов...» (первая страница).
5. *С. 309*. Автограф начала стих. «Розы и виноград».
6. *Между с. 320 и 321*. Фото 1945 г.
7. *На обороте*: М. Рыльский, Н. С. Тихонов и П. У. Бровка. Фото 1960 г. Москва.
8. *Между с. 352 и 353*. М. Рыльский с внуком Андреем на охоте.
9. *На обороте*: Фото 1962 г. Голосеев.

Оригиналы иллюстраций хранятся в Литературно-мемориальном музее М. Ф. Рыльского (Киев).

СОДЕРЖАНИЕ¹

Максим Рыльский. <i>Вступительная статья С. А. Крыжановского</i>	5
Автобиография	32

СТИХОТВОРЕНИЯ

1910—1932

1. «Чуть розовый вечер на землю слетит. . .» <i>Перевод Б. Турганова</i>	49
2. «Я хмурый день люблю, когда лучей сиянье. . .» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	49
3. Журавлиная песня. <i>Перевод В. Рождественского</i>	50
4. Песня («Вейся, жаворонок, вейся. . .»). <i>Перевод А. Прокофьева</i>	50
5. Путь. <i>Перевод В. Шефнера</i>	51
6. «Братья, в струны золотые. . .» <i>Перевод В. Шефнера</i>	51
7. «В полях на гречу пали росы. . .» <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	52
8. «Как Одиссей, измученный блужданьем. . .» <i>Перевод И. Поступальского</i>	52
9. «Яблоки поспели, красные поспели! . .» <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	53
10. «Уж просо скошено, и в поле тихо стало. . .» <i>Перевод В. Рождественского</i>	53
*11. «Есть женское имя, как нежно оно. . .» <i>Перевод А. Дейча</i>	53
12. «Дождь на дворе, и ветер не смолкает. . .» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	54
13. «Мы встречались с тобой только раз. . .» <i>Перевод Б. Турганова</i>	54
14. «Пахнуло голосом прекрасным. . .» <i>Перевод А. Прокофьева</i>	55
15. Красное вино. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	55
16. «Когда убьют всё лучшее заботы. . .» <i>Перевод Д. Бродского</i>	56
17. «Уж помидоры покраснели. . .» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	57
18. «Беззвучно падал снег; туманно. . .» <i>Перевод Е. Нежинцева</i>	57
19. «Везною мы ездили в поле. . .» <i>Перевод Е. Нежинцева</i>	58
20. «Поле чернеет. Проходят тучи. . .» <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	58
21. «Цветет сирень, сады белеют. . .» <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	59
22. «Молюсь и верю. Набегая. . .» <i>Перевод А. Бондаревского</i>	59
23. «Сияет лето у порога. . .» <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	60
24. «В дремоте старый дом. Пылающее лето. . .» <i>Перевод Е. Нежинцева</i>	60
25. «Дождь отшумел. О, сколько света! . .» <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	61
*26. «Не Беатриче образ ясноокий. . .» <i>Перевод Л. Вышеславского</i>	61
27. «Мне приснилось: я мельник, на мельнице я. . .» <i>Перевод А. Прокофьева</i>	61
28. «Ты помнишь ли? Мы ехали с охоты. . .» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	62
29. «Когда в груди моей тревога. . .» <i>Перевод А. Прокофьева</i>	62
30. Джемма. <i>Перевод В. Инбер</i>	63
31. «Белые щенята на соломе. . .» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	63
*32. «Люби природу не как символ. . .» <i>Перевод А. Дейча</i>	64

¹ Звездочкой обозначены новые переводы, помещаемые в книге впервые.

*33.	«Пером багряным вечность пишет...»	Перевод Б. Турганова	64
34.	«Дождь приносит нам веселье...»	Перевод М. Комиссаровой	65
*35.	«Как сладок свет! В лучах сияют дали!»	Перевод Н. Ушакова	65
36.	«Плещут у влажного берега легкие, светлые воды...»	Перевод Е. Нежинцева	66
37.	«Стучат подо мною колеса...»	Перевод А. Глобы	66
38.	Рыбацкое послание.	Перевод Б. Иренина	67
39.	«О муза! Снова ты со мною!»	Перевод Ю. Саенко	69
40—42.	Синья даль		
1.	«На свете есть певучий Лангедок...»	Перевод В. Инбер	70
2.	«Хотя б во сне увидеть снова...»	Перевод В. Инбер	71
* 3.	«Домов ажурные фасады...»	Перевод Л. Вышеславского	71
43.	Гейне.	Перевод Б. Турганова	72
44.	Шекспир.	Перевод В. Бугаевского	72
45.	«На улицах вода синее...»	Перевод Н. Ушакова	73
46.	«Заиграла шарманка. Монета...»	Перевод Н. Ушакова	73
47.	«Тристан коня седлает...»	Перевод В. Инбер	74
48.	«Наше брачное ложе душистые розы укрыли...»	Перевод Б. Турганова	74
49.	«Гром отгремел, и покоя истомою сладкой...»	Перевод В. Бугаевского	74
50.	«Звякнул повернутый ключ. Одиночество тихой рукою...»	Перевод Б. Турганова	75
51.	«Сколько лет ни пройдет — будет, сидя над кручею...»	Перевод Д. Бродского	75
52.	«Мороз! Ты — как душа парнасского певца...»	Перевод И. Поступальского	76
53.	Детство.	Перевод А. Андреева	76
54.	«Бывает день: в тумане перекресток...»	Перевод Б. Турганова	77
55.	«Я молодой и чистый...»	Перевод А. Прокофьева	77
56.	«Осень ходит в блеске позолоты...»	Перевод Б. Турганова	78
57.	«Покину аптеку, домашние беды...»	Перевод И. Поступальского	78
58.	Прочитав воспоминания Мистрала.	Перевод Т. Стрешневой	79
59.	«Когда срезают грозди винограда...»	Перевод Н. Ушакова	80
60.	«Качнулась занавеска на окне...»	Перевод Б. Турганова	81
61.	«Ветвистый дуб, угрюмый и суровый...»	Перевод В. Бугаевского	81
62.	«Поэт! Ты будь своим судьей...»	Перевод Б. Турганова	82
63.	«Все умерли — а об одном скорблю я!»	Перевод Ю. Саенко	82
64.	«В горах, среди камней и ледников...»	Перевод Н. Ушакова	82
65.	«В субботу плещет море, и дельфины...»	Перевод Б. Турганова	83
66.	«Нет, не казарма — день грядущий...»	Перевод Б. Турганова	84
67.	«Чуть светит дремлющая площадка...»	Перевод Ю. Саенко	84
68.	«Ты не дашь мне теперь заснуть...»	Перевод Ю. Саенко	85
69—72.	Попугай.	Перевод В. Бугаевского	
1.	«Там, где алые голуби воруют...»		85
2.	«Как сизо-розовое пламя...»		86

3.	«Хамсина пыль всю даль затмила...»	86
4.	«Разгулялся ветер синий...»	87
73.	«В лесной глуши, где только след звериный...» <i>Перевод Б. Турганова</i>	87
74.	Ганнуся. <i>Перевод Б. Турганова</i>	88
75.	«Пришла зима, и замело дороги...» <i>Перевод М. Зенкевича</i>	90
76.	«Собирают светлый золотистый мед...» <i>Перевод В. Цвелева</i>	91
77.	«Следы копыт укрыло снежной дымкой...» <i>Перевод Б. Турганова</i>	91
78.	«Шумит, и шепчет, и тревожит...» <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	91
79.	«Как внимательный охотник...» <i>Перевод Б. Турганова</i>	92
80.	Охотники. <i>Перевод И. Поступальского</i>	93
81.	Дождь («Благодатный, долгожданный...») <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	94
82.	«Трепещет осокорь, гигантом белым...» <i>Перевод Е. Нежинцева</i>	94
83.	«Вы в затхлых буднях, чьи смешались даты...» <i>Перевод Д. Бродского</i>	95
*84.	«Запахла осень вялым табаком...» <i>Перевод Г. Петникова</i>	95
85.	«Докуривайте, господа, кончайте...» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	96
86.	«По городу, Парисовы чертоги...» <i>Перевод Д. Бродского</i>	96
87.	«Великую отмечен благостыней...» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	97
88.	Трое в одной лодке (не считая собаки). <i>Перевод Д. Бродского</i>	97
89.	«По мосту, над темною водою...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	98
90.	«Когда, с зарею, бригантину...» <i>Перевод Б. Турганова</i>	98
91.	Китаев. <i>Перевод И. Поступальского</i>	99
92.	«Я утомился от раскрашенных...» <i>Перевод А. Бондаревского</i>	99
93.	Памяти дядюшки моего Кузьмы Чуприны. <i>Перевод Д. Бродского</i>	100
94.	Фальстаф. <i>Перевод В. Цвелева</i>	100
95.	Труды и дни. <i>Перевод С. Спасского</i>	101
96.	Полдень. <i>Перевод Б. Стерняка</i>	102
97.	«Зелень свежая качнулась...» <i>Перевод П. Карабана</i>	102
98.	«Кружит ветер вешний...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	103
99.	«Дождь теплый перестал — и увязают ноги...» <i>Перевод И. Поступальского</i>	103
100.	«Когда звенят чершни...» <i>Перевод А. Прокофьева</i>	103
101.	«Стучась в окошко, ветер завывает...» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	104
102—105.	Адонис и Афродита. <i>Перевод Ю. Саенко</i>	
1.	«Трубочист всех грязней на свете...»	104
2.	«Нет, без артистов и жонглеров...»	105
3.	«О кавалеры улочек глухих...»	106
4.	«Число звериное исчислил...»	106
106.	«Как лес, как мачты радостных флотилий...» <i>Перевод И. Поступальского</i>	107
107.	«Опять „Гадеуша“ я развернул...» <i>Перевод Н. Брауна</i>	107
108.	«Осенний холодок, над пажитью синяя...» <i>Перевод А. Глобы</i>	108
109.	«Ласточки летают — им летается...» <i>Перевод И. Поступальского</i>	108
110.	«Больше перцу в слово, больше перцу!» <i>Перевод Б. Турганова</i>	109
111.	Перед весной. <i>Перевод И. Поступальского</i>	109

112.	«Хвосты в дорогу ко́ням подвязали...»	Перевод В. Бу- гаевского	111
113—	115.	День.	Перевод Л. Вышеславского
	* 1.	«Дошатый тын, туман седой, лохматый...»	111
	* 2.	«Базар и голуби. Сон сердца давний...»	112
	* 3.	«Примчалась тучка, тучка улетела...»	112
116.	Весенний вечер.	Перевод В. Рождественского	112
117.	Сатирику.	Перевод Д. Бродского	113
118.	«К нам прилетает каждый день во двор...»	Перевод А. Андреева	113
119.	«Когда, в свободный час, склоняясь над тетрадкой...»	Пе- ревод Д. Бродского	113
120.	«Суровых слов, что леденят и жгут...»	Перевод И. Посту- пальского	114
121.	Лето и весна.	Перевод И. Поступальского	114
122.	«Я памятник себе воздвиг недолговечный...»	Перевод Д. Бродского	116
123.	«Не нагляделся я на розовые почки...»	Перевод Д. Бродского	117
124.	«Целый день не стихала работа...»	Перевод И. Поступаль- ского	117
125.	«Машина пронеслась, полоску дымовую...»	Перевод Д. Брод- ского	118
126.	«В эпоху, милую душе своей...»	Перевод Д. Бродского	118
127.	«Топочут овцы, кони ржут, ревет...»	Перевод Е. Нежинцева	119
128.	Из букваря.	Перевод Д. Бродского	119
129.	«Беседой занимать не пробуй кузнеца...»	Перевод Д. Брод- ского	120
130.	«Анемоном фиолетовым...»	Перевод Л. Хаустова	120
131.	«Не смыть всем аравийским ароматам...»	Перевод Н. Брауна	121
132.	Новый хлеб.	Перевод И. Поступальского	121
133.	Куда глаза глядят.	Перевод В. Звягинцевой	121
* 134.	Сдвоенная лирика.	Перевод Л. Вышеславского	122
135.	«Кто храмы для богов, из мрамора чертоги...»	Перевод Д. Бродского	123
136.	Поэт.	Перевод Н. Ушакова	123
137.	Кони.	Перевод В. Звягинцевой	124
138.	«Вдруг тучка набезит, и брызги дождевые...»	Перевод Б. Турганова	124
139.	«Деревья шумят за окном...»	Перевод Б. Кежуна	125
140.	«Вода и воздух, молния и гром...»	Перевод И. Поступаль- ского	125
141.	«Да, знак Весов — эпохи новой знак...»	Перевод Б. Тур- ганова	125
142.	«Мы стучим, мы звеним топорами...»	Перевод Н. Ушакова	126
143.	«Любовь изранит и обманет...»	Перевод Б. Турганова	126
144.	«Голубым струиным дымом...»	Перевод П. Карабана	127
145.	«Волосинкой позолоченною...»	Перевод Ю. Саенко	127
146.	«Сердце! Тает снег! Дохнул...»	Перевод А. Андреева	128
147.	Прометей.	Перевод Б. Турганова	128
148.	Иван Франко.	Перевод В. Цвелева	129

149. Ленин («С жестом простым и суровым...»). Перевод Б. Турганова	130
*150. «Другая жизнь другого ищет слова...» Перевод С. Крыжановского	130
151. «На солнце ясен в жар одет...» Перевод Н. Ушакова	131
152. На пристани. Сонетoid. Перевод В. Цвелева	131
153. Ласточки. Перевод В. Цвелева	132
154. «Вот полночь августа, сигналы паровоза...» Перевод И. Поступальского	132
155. Постройка. Перевод Б. Турганова	133
156. Бетховен. Перевод Б. Турганова	134

1933 — 1947

157. Страничка мемуаров. Перевод Л. Длигача	135
158—160. В плавании. Перевод И. Поступальского	
1. «О пристань тихая рабочего стола...»	137
2. «Мы долго плавали, мы видели чредой...»	137
3. «И в беспокойный, стоязкий порт...»	138
161. «Положи ты мне на сердце руку...» Перевод В. Звягинцевой	138
162—165. В косьбу. Перевод А. Прокофьева	
1. «Отзвенела коса моя...»	139
2. «Вечер ясный, тихий-тихий...»	139
3. «Ты целый день копнила на лужок...»	139
4. «Ой, земля, вся нарядная...»	140
166. Сказка. Перевод В. Азарова	140
167—169. Из цикла «Золотые ворота»	
* 1. Киев. Перевод А. Волковича	141
2. Я и Киев. Перевод В. Бузаевского	142
3. Золотые ворота. Перевод М. Зенкевича	145
170. Перед старинным зданием. Перевод В. Звягинцевой	146
171. Дом Городецкого. Перевод Н. Ушакова	147
172. Люди. Перевод М. Зенкевича	148
173. На берегу. Перевод М. Зенкевича	148
174—177. Четыре стихотворения. Перевод Н. Брауна	
1. «Над землей сентябрь и август...»	149
2. «Как слово милой, в памяти моей...»	150
3. «Был ранний час, и пассажиры спали...»	151
4. «Над землей сентябрь и август...»	152
178. Женé («Тихий час передвечерний...»). Перевод Л. Длигача	154
179. Слава. Перевод Б. Турганова	154
180—193. Трилогия дождя. Перевод К. Липскерова	
Голос синицы	155
I. Любовь:	
1. «О детстве по-разному можно...»	155
2. «Сквозь дождь прорвется луч упруго...»	156
3. «Дождь, по пруду заплывав...»	156
4. «То встречались мы, то разлучались...»	157
5. «Мы встретились в трамвае на площадке...»	157
6. «Скользкий тротуар не просыхает...»	158
7. «Сын, скажу тебе я, что сказала...»	158

II. Борьба:	
1. «Четырнадцатый черный год был зол...»	159
2. «Я помню, вернулся с позиций...»	160
3. «День Октября мы справляли алый...»	161
III. Творчество:	
1. «Дождь утихает...»	161
2. «Поэт! Прими же от собрата...»	162
3. «Он зло ругается, а пот течет по коже...»	162
194. Несвоевременная лирика. <i>Перевод Л. Длигача</i>	163
195. «Мы в саду каштаны собирали с сыном...» <i>Перевод Б. Ири- нина</i>	165
196. Отчизна моя. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	165
197. Дружба. <i>Перевод Б. Турганова</i>	166
198. Надпись на украинском двухтомнике Пушкина. <i>Перевод Ю. Саенко</i>	167
199. Из стихов о Пушкине. <i>Перевод Б. Турганова</i>	168
200. Народам Советской земли. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	169
201. «Тебе одной... Хоть это уж не раз...» <i>Перевод Е. Шумской</i>	170
202. «Хоть ночь баюкала упорно...» <i>Перевод Д. Бродского</i>	170
203. «Нет воспоминаний горячее!...» <i>Перевод Е. Шумской</i>	171
204. «Дымом катится весна...» <i>Перевод Е. Шумской</i>	172
205. Грибок. <i>Перевод Б. Турганова</i>	172
*206. Цирк. <i>Перевод Л. Вышеславского</i>	173
207. «Вьются вброды встревоженно...» <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	174
208—220. Море и соловьи. <i>Перевод А. Гатова</i>	
I. День пятнадцатый:	
1. «В зеленой бухте солнце и дремота...»	174
2. «Каплей в гулкую криницу...»	175
II. День двадцать второй	175
III. День двадцать шестой:	
1. «Я десять лет не видел Аю-Дага...»	176
2. «Моря в солнечных искрах...»	176
3. «Мне Крыма берега милы...»	177
4. «Невозмутимый сын украинской долины...»	177
IV. День двадцать седьмой:	
1. «Там, в саду, листва густая...»	178
2. «Стал легкомыслен я: пишу хорей...»	178
3. «Звук флейты слышен на лужке...»	178
V. День двадцать восьмой:	
1. «Сквозь прогнившую листву подснежник...»	179
2. «... Мне вспомнилась за прорезью окна...»	179
VI. День последний	180
221. Письмо по утерянному адресу. <i>Перевод А. Гатова</i>	180
222. Труда и мира дни настали. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	183
223—224. В Азербайджане. <i>Перевод С. Спасского</i>	
1. Бакинские терцины	184
2. Низами	185
225—226. Из цикла «Рыбацкие сонеты». <i>Перевод А. Чивилихина</i>	
1. Зимние вечера	186
2. Перешла дорогу	186

227—228. Из охотничьей сюиты	
1. Теням давнишних друзей. Перевод Ю. Саенко	187
2. Завтрак. Перевод И. Поступальского	187
229. Свистнул Овлур за рекою. Перевод Ел. Благиной	188
230. Мастерство перевода. Перевод Д. Бродского	188
231. Буфет. Перевод Ел. Благиной	189
232. Народам мира. Перевод А. Гатова	190
233. Владимир Короленко. Перевод П. Карабана	192
234. Федькович поет. Перевод В. Владимирова	193
235. «Осенней порой появляются птицы. . .» Перевод П. Жура	193
*236. Похвала воображению. Перевод Б. Турганова	194
*237. Похвала реальности. Перевод Ю. Саенко	194
*238. Цветет азания. Перевод Л. Вышеславского	195
239. Золотая сабля. Перевод Б. Иринина	196
240. Выздоровление. Перевод Я. Смелякова	197
241. Слово о матери-родине. Перевод Б. Турганова	198
242. Письмо украинцам в Америке. Перевод Я. Городского	201
243. Великая переключка. Перевод автора	202
244. Украине. Перевод автора	203
245. Москва. Перевод Д. Кедрина	204
246. Заря встает! Перевод А. Прокофьева	204
247. Я — сын Страны Советов. Перевод Б. Турганова	205
248. Портрет Ленина. Перевод автора	206
249. Мое село. Перевод А. Глобы	206
250. Видение. Перевод М. Зенкевича	208
251. Голосеевский лес. Перевод М. Зенкевича	209
252. Чаша дружбы. Перевод автора	212
253. Ты, как доля моя. . . Перевод Ел. Благиной	214
254. Осень. Перевод П. Жура	215
255. Янке Купале скромные надгробные цветы. Перевод А. Глобы	216
256. Александру Довженко дружеское послание (Из давней тетради). Перевод М. Комиссаровой	217
257. Последний день. Ответ на анкету журнала «Україна» о последнем дне перед войной. Перевод М. Шехтера	218
258. На собственный день рождения. Перевод Ел. Благиной	220
259. Другьям по союзу. Перевод Б. Турганова	221
260. Ленинград. Перевод автора	222
261. Переяславская Рада. Перевод Б. Турганова	224
262. Ленин («В глазах детей, во взгляде их пытливом. . .») Перевод А. Андреева	225
263. «Придя к ограбленному дому. . .» Перевод П. Карабана	226
264. Надпись. Перевод Е. Шумской	227
265. Размышление. Перевод Е. Шумской	228
266—271. Из цикла «Стихи о Ленинграде». Перевод М. Комиссаровой	
1. Жаворонки	229
2. Медный всадник	230
3. Кони Аничкова моста	231
4. Смертный рубеж	232
5. Пулковский меридиан	233
6. На могиле героя	234

272—280. Последняя весна. Девять стихотворений. <i>Перевод Ю. Саенко</i>	
1. «Всю душу бы тучке отдать белокрылой...»	236
2. «Вот она — весна прощанья...»	236
3. «Приношу я тебе наболевшего сердца дары...»	236
4. «Я изменял тебе или искал отраду...»	237
5. «Любить двоих — одна душа не властна...»	237
6. «Я пришел усталый, обессилен...»	238
7. «Ласточки и дети за окном...»	238
8. «Я обидел тебя. Я сказал...»	239
9. «Нет, ничто не умрет во Вселенной...»	239
281. Дом Прешерна. <i>Перевод Б. Турганова</i>	240
282—284. Три письма	
1. Письмо в родной край (<i>Из заграничного путешествия</i>). <i>Перевод П. Жура</i>	240
2. Женé («Наш Киев сбросил животворный сон...»). <i>Перевод П. Карабана</i>	243
3. Сыну. <i>Перевод П. Карабана</i>	245
285. «Я никогда не знал, что так люблю...» <i>Перевод Е. Шумской</i>	246
286. Леся Украинка. <i>Перевод Т. Волгиной</i>	247
287. Верба. <i>Перевод Т. Волиной</i>	248
*288. Весна. <i>Перевод А. Дейча</i>	248
289. Прага. <i>Перевод Б. Турганова</i>	249
290. Комната Ленина в Праге. <i>Перевод А. Прокофьева</i>	250
291. После дождя. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	251
292. Яблонька-мать. <i>Перевод В. Потаповой</i>	252
293. Две силы. <i>Перевод Е. Шумской</i>	252

1948 — 1964

294. Мосты. <i>Перевод И. Поступальского</i>	254
295. Лес. <i>Перевод Н. Брауна</i>	256
296. Голуби над Москвой. <i>Перевод С. Аксеновой</i>	257
297. Преемник. <i>Перевод В. Цвелева</i>	258
298. Слово писателя. <i>Перевод В. Бугаевского</i>	259
299. За мир! <i>Перевод Л. Белова</i>	261
300. Неугасимая заря. <i>Перевод Л. Вышеславского</i>	262
301. «Не бойся грусти, что живет...» <i>Перевод М. Павловой</i>	262
302. Весна человечества. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	263
303. Другьям во всем мире. <i>Перевод Н. Брауна</i>	263
304—307. Из цикла «В молодой Польше»	
1. В Варшаве. <i>Перевод Л. Вышеславского</i>	264
2. Памятник Копернику в Кракове. <i>Перевод Л. Вышеславского</i>	265
3. Девушка в Закопане. <i>Перевод Л. Вышеславского</i>	265
4. Музей Ленина в Порбине. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	266
308. Маяковский. <i>Перевод П. Карабана</i>	267
309—314. Поздние соловьи	
1. Поздние соловьи. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	268
2. Товарищу по перу. <i>Перевод М. Шехтера</i>	269

3. Ночью. Перевод Б. Турганова	269
4. Киев. Перевод В. Звягинцевой	270
5. Тихо. Перевод В. Звягинцевой	271
6. Песни. Перевод Б. Турганова	271
315. Остапу Вишне (Охотничья усмешка). Перевод П. Карабана	272
316. Чуваشمским вышивальщицам. Перевод В. Дынник	274
317—321. Из цикла «Поездка в Закарпатье». Перевод А. Чивилихина	
1. Из Львова в Ужгород	274
2. Лесорубы	278
3. Друг	280
4. Хлеб и соль	282
5. В колхозной семье	283
322. Утро нашей Родины. Перевод Б. Турганова	285
323. «Когда житейской неудачи. . .» Перевод П. Карабана	285
324. Перед отлетом. Перевод Н. Ушакова	286
325. Новые люди. Перевод В. Звягинцевой	286
326—329. Из цикла «Над Днепром». Перевод П. Карабана	
1. Запев	287
2. В Киеве	289
3. Новая Каховка	291
4. Другу, человеку	292
330. В лесу. Перевод В. Звягинцевой	293
331—336. Из цикла «Щедрость»	
1. Определение поэзии (Вместо пролога). Перевод В. Дынник	294
2. Гвоздыки Коцюбинского. Перевод В. Дынник	294
3. Поэт. Перевод И. Поступальского	296
4. Девушка. Перевод В. Звягинцевой	297
5. Обед на траве. Перевод И. Поступальского	298
6. Эпиграф. Перевод И. Поступальского	299
337. «На зелено-синем море. . .» Перевод А. Прокофьева	300
338. Армении. Перевод В. Звягинцевой	300
339. Художник. Перевод Б. Турганова	301
340. Ясная Поляна. Перевод П. Карабана	302
341. Хевсур в долине. Перевод И. Поступальского	303
342. Приглашение. Перевод Б. Турганова	305
343. Скворец. Перевод Н. Ушакова	306
344. Перед грозой. Перевод Н. Ушакова	306
345. Виноградарь. Перевод Н. Ушакова	307
346. Война алой и белой розы. Перевод Р. Минкус	308
347. Розы и виноград. Перевод М. Исаковского	308
348. Бригадир. Перевод П. Панченко	310
349. Лесник. Перевод В. Звягинцевой	311
350. Совет. Перевод Н. Ушакова	312
351. Друзья. Перевод П. Панченко	312
352. Дивчата на винограднике. Перевод М. Исаковского	313
353. На концерте «Мазовше». Перевод В. Звягинцевой	313
354. Язык. Перевод Р. Минкус	314
355. Приметы весны. Перевод В. Потаповой	315
356. Сикстинская мадонна. Перевод П. Вячеславова	316
357. Воздушная трасса. Перевод Н. Брауна	316

358.	Отчизне. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	317
359.	Цветистый луг. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	318
360.	Афродита Милосская. <i>Перевод Н. Брауна</i>	319
361.	Статуя Сатурна в Летнем саду. <i>Перевод Н. Брауна</i>	320
362.	Ленинграду. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	321
363.	Черемуха после дождя. <i>Перевод Б. Иркина</i>	322
364.	Третье цветение. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	323
365.	Письмо васильку. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	324
366.	Ивану Франко. <i>Перевод В. Щепотева</i>	325
367.	Когда копают картошку. . . <i>Перевод Б. Турганова</i>	325
368.	Сонет («Мой дорогой Андрий, как просто в нашем деле. . .») <i>Перевод Д. Бродского</i>	326
369.	Бабье лето <i>Перевод П. Вячеславова</i>	327
370.	Апологетам «нового искусства». <i>Перевод Я. Смелякова</i>	328
371.	Три девушки. <i>Перевод Ю. Саенко</i>	329
372.	«Не забуду вечер, серп двурогий. . .» <i>Перевод П. Карабана</i>	329
373.	Серсо. <i>Перевод П. Карабана</i>	330
374—386.	Из цикла «Книга о Франции»	
1.	Французскому народу. <i>Перевод Л. Вышеславского</i>	331
2.	Сердце Шопена. <i>Перевод П. Карабана</i>	332
3.	Соловьям Украины. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	333
4.	Снова о соловьях. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	333
5.	Фламинго. <i>Перевод Л. Вышеславского</i>	334
6.	Нотр-Дам. <i>Перевод Л. Вышеславского</i>	334
7.	Арлезианки. <i>Перевод П. Жура</i>	335
8.	Авиньонские колокола. <i>Перевод Л. Вышеславского</i>	336
9.	Роне. <i>Перевод П. Жура</i>	337
10.	Адриатика. <i>Воспоминание. Перевод П. Жура</i>	338
11.	Город революций. <i>Перевод Л. Вышеславского</i>	339
12.	Монмартр. <i>Перевод Л. Вышеславского</i>	340
13.	Парижу из Киева. <i>Перевод Н. Ушакова</i>	341
387.	Сады Болгарии. <i>Перевод Б. Турганова</i>	341
388.	Грузия. <i>Перевод Л. Озерова</i>	342
389.	Партии. <i>Перевод Ю. Саенко</i>	343
390—391.	На братской земле	
1.	Белорусским друзьям. <i>Перевод М. Исаковского</i>	344
2.	Якуб Колас. <i>Перевод Д. Бродского</i>	345
392—402.	Рио-де-Жанейро	
1.	«Крик незнакомых желтых птиц. . .» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	346
2.	«Землисто-темный, одинокий. . .» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	347
3.	«Я сам себе приснился в чаще. . .» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	347
4.	«В густой и ровной темноте чужбинной. . .» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	348
5.	«У нас на огородах всё укропом. . .» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	349
6.	«О демократии своей немало. . .» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	350
7.	«Кому повем печаль мою. . .» <i>Перевод Я. Хелемского</i>	351

8. «Как груша дикая средь жита...»	Перевод Я. Хелемского	352
9. «Смуглянка мать с детишками двумя...»	Перевод Я. Хелемского	352
10. «Вчера я видел в небе Южный Крест...»	Перевод В. Звягинцевой	353
11. «Благословен придумавший маяк...»	Перевод В. Звягинцевой	354
403. Родная речь.	Перевод Б. Иринина	355
404. Польше.	Перевод Л. Озерова	357
405. Огни.	Перевод Е. Кривенко	358
406. Журавлиная стая (Из дневника рыбакова).	Перевод Б. Турганова	361
407—420. Голосеевская осень		
1. «Можете не верить — как угодно...»	Перевод В. Щепотева	366
2. «Ночь, и ветер вербы нагибает...»	Перевод М. Комиссаровой	366
3. «Полстолетия — как мгновенье, скоро...»	Перевод А. Суркова	367
4. «Сердце верит иногда приметам...»	Перевод М. Комиссаровой	368
5. «Почернели заводи в озерах...»	Перевод М. Комиссаровой	368
6. «Есть такие строки у Верлена...»	Перевод А. Суркова	369
7. Как забыть...	Перевод М. Комиссаровой	369
8. «Осенью мы с Вишнею бродили...»	Перевод М. Комиссаровой	370
9. «Комната во мраке утопает...»	Перевод М. Комиссаровой	371
10. В ресторане в Гданьске...	Перевод М. Комиссаровой	371
* 11. Диалог, посвященный дискуссии об искусстве в «Комсомольской правде».	Перевод Я. Смелякова	372
12. День окончился...	Перевод Н. Ушакова	373
13. Лес, повитый серебристой дымкой...	Перевод А. Суркова	373
14. Если ты...	Перевод Л. Вышеславского	374
421. В тени жаворонка.	Перевод М. Комиссаровой	375
422. Две ласточки.	Перевод Н. Сидоренко	376
423. Красота.	Перевод Ю. Саенко	377
424. Искусство поэзии.	Перевод М. Максимова	378
425. Ковыль и стрепет.	Перевод Н. Сидоренко	379
426. Строительные краны.	Перевод Н. Ушакова	380
427—429. Две элегии и легкая сатира.	Перевод П. Хузангая	
1. «Кукушки, грустя, куковали...»		381
2. «Морозный, легкий искрится снежок...»		381
3. «Как хорошо такому жить...»		382
430. Стихотворение в альбом.	Перевод Ю. Саенко	383
431. Дружба.	Перевод Д. Седых	384
432. Радуга над миром.	Перевод Б. Турганова	384
433. Напутственное.	Перевод Ю. Саенко	385

434—436. Из цикла «Зимние записи»	
1. «Бывает больно иногда...»	Перевод Д. Седых . . . 386
2. «Снегом, сеном, потом лошадиным...»	Перевод Д. Седых . . . 387
* 3. «Следы ребенка на снегу... И сразу мне...»	Перевод М. Комиссаровой . . . 388
* 437. «В чужом городе сумерки часто бывают...»	Перевод Ю. Саенко . . . 389
438. Людям и народам.	Перевод Д. Седых . . . 390
* 439. Уж.	Перевод Б. Турганова . . . 390
* 440. Тоска по молодости.	Перевод М. Комиссаровой . . . 392
* 441. Шиповник.	Перевод М. Комиссаровой . . . 393
* 442—448. Тайна осенней листвы.	Перевод Д. Седых
«Пусть разбираются ботаники в вопросе...»	. . . 394
1. Последние розы	395
2. Дождик	396
3. Неугомонное сердце	397
4. Что я ненавижу, что люблю	397
5. Огни моего города	398
6. Кленовые листья	399
449. Луч.	Перевод Л. Смирнова . . . 400
* 450. Багряный вечер догорел... .	Перевод Ю. Саенко . . . 401
* 451. Андрию Малышко.	Перевод М. Комиссаровой . . . 401

ПОЭМЫ

452. Чумаки. <i>Октавы</i>	
Песнь первая. Автор рассуждает об искусстве.	Перевод Д. Бродского . . . 405
Песнь вторая. О трубке моего приятеля и о корчме Деренухе.	Перевод В. Цвелева . . . 408
Песнь третья и последняя. Автор несколько не считается с законами архитектоники.	Перевод Д. Бродского . . . 413
453. Сашко.	Перевод А. Чивилихина . . . 418
454. Марина. <i>Повесть в стихах</i>	
Пролог-посвящение.	Перевод К. Липскерова . . . 434
Глава первая.	Перевод В. Державина . . . 436
Глава вторая.	Перевод В. Рождественского . . . 443
Глава третья.	Перевод В. Цвелева . . . 451
Глава четвертая.	Перевод В. Цвелева . . . 460
Глава пятая.	Перевод К. Липскерова . . . 469
Глава шестая.	Перевод К. Липскерова . . . 477
Глава седьмая.	Перевод В. Цвелева . . . 484
Глава восьмая.	Перевод В. Цвелева . . . 491
Глава девятая.	Перевод В. Державина . . . 502
Глава десятая.	Перевод В. Державина . . . 512
Глава одиннадцатая.	Перевод К. Липскерова . . . 520
455. Жажда. <i>Поэма-видение.</i>	Перевод Ел. Благиной . . . 532
456. Путешествие в молодость.	Перевод Н. Ушакова . . . 549
Примечания	621
Алфавитный указатель произведений	663
К иллюстрациям	679

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
25	13 сн.	И, признаться	Жить, признаться
212	2 св.	блестнул	блеснул
221	19 св.	И, признаться	Жить, признаться
364	13 св.	всё	все
479	12 св.	Звездный	Звездный
517	5 сн.	дело!» —	дело! —
517	3 сн.	до дна!	до дна!»

Рыльский Максим Фаддеевич

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1969, 692 стр. Тем. план вып. 1967, № 390.

Редактор *В. С. Киселев*. Художник *И. С. Серов*.
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*. Техн. редактор *В. Г. Комм*.
Корректоры *Ф. Н. Аврунина* и *Э. И. Панова*

Сдано в набор 24/XII 1968 г. Подписано в печать 24/III 1969 г. Бумага 84×108¹/₃₂,
№ 1. Печ. л. 21¹/₂ + 4 вкл. (36,66). Уч.-изд. л. 34,19. Тираж 15 000 экз.
Зак. № 1989. Цена 3 р. 31 к.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение,
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР, Красная ул., 1/3

